СТОЛѢТІЕ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА

1802 — 1902

XII.

Часть III.

ВОЕННО-ТЮРЕМНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ

Составилъ
А. В.
ТАВАСТШЕРНА

52
572 12-3

СТОЛѢТІЕ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА

1802–1902

ВОЕННО-ТЮРЕМНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОРЪ ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ КАВАЛЕРІИ Д. А. СКАЛОНЪ
СОСТАВИЛЪ ПОЛКОВНИКЪ А. В. ТАВАСТШЕРНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПОСТАВЩИКОВЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
Васильевскій Островъ, 16 линія, д. 5—7
1911

ПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНІЮ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА
ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ 2200 ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ,
ИЗЪ КОИХЪ
200—ДЛЯ ВѢЧНАГО ХРАНЕНІЯ.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Настоящій историческій очеркъ, какъ первый опытъ систематизаціи и разработки до сихъ поръ еще никѣмъ несобраннаго историческаго матеріала о нашихъ военно-карательныхъ учрежденіяхъ, не можетъ претендовать на строго-научное значеніе. Въ большей своей части настоящій трудъ представляетъ еще только систематизированный сырой матеріалъ, требующій дальнѣйшей серьезной обработки. Принявъ на себя составленіе настоящаго очерка послѣ уже того, какъ онъ былъ начатъ капитаномъ Фалѣевымъ, который задался чрезвычайно широкой программой—составить историческій очеркъ не только военно-карательныхъ, но и общихъ тюремныхъ учрежденій, насколько послѣднія обслуживали интересы войска,—мнѣ, поневолѣ, пришлось придерживаться этой программы. Сравнительная краткость оставшагося для моей работы времени, въ связи съ широкой задачей труда, заставила меня отказаться отъ болѣе строгой разработки собираемаго мате-

ріала и ограничиться, главнымъ образомъ, его систематизаціей. Это-же самое обстоятельство обязало меня воспользоваться въ первомъ отдѣлѣ настоящаго историческаго очерка тою частью труда, которая была къ тому времени уже выполнена капитаномъ Фалѣевымъ, подвергнувъ ее редакціонному измѣненію, сообразно моему воззрѣнію на изслѣдуемый вопросъ. Считаю долгомъ оговориться, что по соображеніямъ смѣтнаго характера (расходы по изданію всѣхъ очерковъ, составившихъ исторію Военнаго Министерства) мнѣ пришлось значительно сократить настоящій очеркъ, когда уже $^2/_3$ его были отпечатаны, что разумѣется, отразилось на соотвѣтствіе въ частяхъ очерка и обусловило недостаточную полноту послѣдней, наиболѣе важной его части.

Н. Самокишъ..

ВВЕДЕНІЕ.

УЧРЕЖДЕНІЯ, созданныя для осуществленія карательныхъ мѣръ, принимаемыхъ компетентною властью, на основаніи закона, въ отношеніи военнослужащихъ, нарушающихъ требованія этого закона, могутъ быть названы военно-карательными. *ПРЕДМЕТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.*

Однако, далеко не всѣ карательныя мѣропріятія, примѣняемыя въ войскахъ, нуждаются для ихъ осуществленія въ особыхъ учрежденіяхъ; исключеніе составляютъ наказанія лишеніемъ свободы, которыя безусловно требуютъ существованія особыхъ органовъ, спеціально для того предназначенныхъ. Такія учрежденія, которыя созданы въ цѣляхъ лишенія свободы, въ установленномъ закономъ порядкѣ, военнослужащихъ, коимъ пользованіе свободой признается государствомъ опаснымъ или которые нуждаются въ особомъ нравственномъ воздѣйствіи въ интересахъ ихъ исправленія, могутъ быть

названы военно-тюремными учрежденіями въ широкомъ смыслѣ слова. Другими словами, военно-тюремными учрежденіями называются всякаго рода мѣста заключенія военнаго вѣдомства, независимо отъ того отбывается-ли въ нихъ наказаніе въ судебномъ или дисциплинарномъ (административномъ) порядкѣ.

Историческое изслѣдованіе развитія у насъ, въ Россіи, такихъ учрежденій и составляетъ предметъ настоящаго очерка.

ЗНАЧЕНІЕ ВОЕННО-ТЮРЕМНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ ВЪ ОБЩЕЙ СИСТЕМѢ ВОЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Вооруженныя силы государства—армія и флотъ,—хотя и составляютъ одинъ изъ государственныхъ институтовъ, тѣмъ не менѣе настолько обособлены, что могутъ быть разсматриваемы совершенно отдѣльно, независимо отъ прочихъ государственныхъ установленій. Управляемое верховною властью чрезъ посредство особыхъ органовъ военнаго управленія и на основаніи спеціальнаго военнаго законодательства, войско выполняетъ важнѣйшую задачу государственной дѣятельности—охраненіе внѣшней и внутренней безопасности государства. Этой функціей и опредѣляется отношеніе войска къ государству и къ гражданамъ, его составляющимъ, а также положеніе вооруженныхъ силъ въ ряду прочихъ государственныхъ установленій.

Юридически-же войско представляется институтомъ вполнѣ автономнымъ. Верховнымъ Вождемъ арміи и флота является монархъ, которому всецѣло принадлежитъ военно-законодательная, военно-судебная и административная или исполнительная власть въ отношеніи всѣхъ вооруженныхъ силъ государства. Эту свою власть монархъ осуществляетъ въ войскѣ при помощи спеціальныхъ органовъ военнаго управленія: законодательныхъ, судебныхъ и административныхъ.

Связанные общностью задачи—управленіемъ арміи, эти органы существенно различаются по своей функціональной роли. Мало того, нѣкоторымъ изъ нихъ принципіально отмежевано, по возможности, независимое положеніе, чтобы предоставить имъ самостоятельность и объективность въ ихъ спеціальной дѣятельности. Къ числу такихъ органовъ слѣдуетъ отнести военно-судебныя учрежденія, которыя, въ цѣляхъ гарантіи правосудія въ войскахъ, отнюдь не должны находиться въ подчиненной зависимости отъ прочихъ частей военнаго управленія.

Такое положеніе военной юстиціи обусловливается еще и тѣмъ, что военно-судебная организація въ своемъ историческомъ развитіи,

болѣе чѣмъ прочіе органы военнаго управленія, была всегда связана съ общегосударственными установленіями вообще, и съ общими судебными установленіями, въ частности, вслѣдствіе необходимости единообразія и согласованія отправленія правосудія на пространствѣ всего государства. Вслѣдствіе этого развитіе военно-судебной организаціи всегда шло параллельно общей, въ тѣсной зависимости отъ дѣйствовавшаго законодательства. Мѣнялись законы—мѣнялись и условія ихъ примѣненія, а, слѣдовательно, и судебная организація.

Въ тѣсной и прямой связи съ судебными установленіями всегда находились и карательныя учрежденія, которыя, строго говоря, представляются лишь органами служебнаго характера. Связь эта внутренняя; опредѣлялась она соотвѣтственными каждой законодательной эпохѣ воззрѣніями на преступника и цѣль его наказанія, а также тѣми практическими задачами, которыя возлагались законодательствомъ на судъ.

Съ внѣшней-же стороны карательныя учрежденія, въ особенности въ военномъ вѣдомствѣ, не имѣли непосредственной связи съ судебными учрежденіями, и не были даже, въ войскахъ, подчинены судебной власти; напротивъ того, они, какъ органы военнаго управленія исполнительнаго характера, находились въ подчиненіи администраціи, и даже, иногда, не были вовсе объединены въ лицѣ какого-либо центральнаго учрежденія, вѣдавшаго исключительно всѣми мѣстами заключенія военнаго вѣдомства.

Поэтому военно-тюремная часть военнаго управленія, взятая въ отдѣльности, имѣетъ свою собственную исторію, которую и можно разсматривать, какъ постепенное развитіе и совершенствованіе военно-карательной системы и самой организаціи военно-тюремныхъ учрежденій.

СПЕЦІАЛЬНАЯ ЗАДАЧА ВОЕННО - КАРАТЕЛЬНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Представляясь, въ сущности, вспомогательными, служебными органами военнаго суда, но поставленныя, въ порядкѣ управленія, въ подчиненное положеніе по отношенію военно-административной власти, карательныя учрежденія военнаго вѣдомства въ тоже время весьма близко соприкасаются съ соотвѣтствующими имъ общегосударственными учрежденіями; близость эта обусловливается и тѣмъ, что только въ сравнительно недавнее время законодатель сталъ предъявлять къ военно-тюремнымъ учрежденіямъ особыя, специфическія

требованія, дѣлающія эти учрежденія рѣзко отличными отъ общихъ. Такое измѣненіе характера тюремныхъ учрежденій военнаго вѣдомства произошло подъ вліяніемъ двухъ главнѣйшихъ факторовъ: измѣненія условій комплектованія и обученія арміи и введенія обще-обязательной воинской повинности. Болѣе короткій срокъ военной службы, съ одной стороны, и повышенныя требованія воспитанія и обученія солдата—съ другой, вызвали необходимость поставить военно-тюремныя учрежденія въ болѣе тѣсную связь съ арміей съ тѣмъ, чтобы отбывающіе въ нихъ срочное наказаніе воинскіе чины не только не отставали-бы въ спеціально воинскомъ обученіи и воспитаніи, но, напротивъ того, укрѣплялись-бы въ духѣ воинской дисциплины.

РАМКИ НАСТОЯЩАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОЧЕРКА.

Изложенными общими соображеніями достаточно ясно опредѣляются рамки настоящаго историческаго изслѣдованія, какъ небольшой части обширной исторіи нашихъ вооруженныхъ силъ. Въ виду отсутствія непосредственной связи военно-тюремныхъ учрежденій съ военно-судебными, съ одной стороны, а съ другой — въ виду того особаго положенія, которое военно-тюремная часть занимаетъ въ общемъ военномъ управленіи, представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ разсмотрѣть историческое развитіе военно-тюремной части въ отдѣльномъ очеркѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ограничивая задачу настоящаго историческаго очерка указаніемъ постепеннаго нарожденія и развитія у насъ военно-тюремныхъ учрежденій и системы ихъ организаціи, мы неизбѣжно вынуждены будемъ освѣтить также и предшествующій историческій періодъ, когда еще не существовало у насъ спеціально военно-тюремной части, а интересы вооруженныхъ силъ государства въ этомъ отношеніи обслуживались общими карательными учрежденіями. Это представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что дальнѣйшее развитіе уже спеціально военно-тюремныхъ учрежденій всегда находилось въ тѣсной зависимости отъ господствующихъ въ общемъ законодательствѣ воззрѣній на преступника и его наказаніе, отражавшихся на всей карательной системѣ въ государствѣ; спеціальная цѣль воинскаго наказанія, придавая военно-карательнымъ учрежденіямъ своеобразный характеръ, однако, не колебала общихъ принциповъ, положенныхъ въ основу всей карательной системы.

Считаемъ, однако, нужнымъ оговориться, что въ критическую оцѣнку существовавшихъ военно-карательныхъ организацій мы бу-

демъ входить лишь попутно, насколько это необходимо для уясненія изслѣдуемой исторической эпохи и тѣхъ измѣненій, которыя происходили въ разсматриваемой нами области. Что-же касается бытовой стороны вопроса, то, въ зависимости отъ имѣющагося у насъ матеріала, мы постараемся ее освѣтить возможно полнѣе, не упуская, при этомъ, изъ виду и юридическихъ особенностей арестантскаго быта.

ЛІТЕРАТУРА ВОПРОСА

Къ сожалѣнію, однако, трудъ нашъ въ значительной мѣрѣ осложняется крайней бѣдностью литературы по интересующему насъ вопросу. По исторіи общихъ тюремныхъ учрежденій еще можно указать нѣсколько спеціальныхъ сочиненій, нѣсколько научныхъ изслѣдованій объ этихъ учрежденіяхъ въ Россіи, что-же касается исторіи карательныхъ учрежденій военнаго вѣдомства, то въ этой области приходится констатировать полное отсутствіе какихъ-либо историческихъ и научныхъ трудовъ. Такимъ образомъ, намъ приходится разыскивать матеріалы для настоящаго очерка преимущественно въ оффиціальныхъ актахъ и документахъ, разбросанныхъ по различнымъ архивамъ, и брать этотъ матеріалъ въ совершенно сыромъ, не обработанномъ еще видѣ, что, безъ сомнѣнія, должно невыгодно отразиться на нашемъ трудѣ, какъ на первомъ опытѣ историческаго изслѣдованія въ этой области.

ПЛАНЪ НАСТОЯЩАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОЧЕРКА.

Въ исторіи нашихъ вооруженныхъ силъ отчетливо намѣчаются четыре главныхъ періода, разграниченныхъ коренными преобразованіями, происшедшими въ войскѣ подъ вліяніемъ широкихъ государственныхъ реформъ.

Такими межами въ исторіи нашихъ вооруженныхъ силъ представляются реформы Императоровъ Петра I, Александра I и Александра II-го. Преобразованія великаго Петра ознаменовались, какъ извѣстно, созданіемъ регулярной арміи. Собственно съ этого момента и начинается исторія нашихъ арміи и флота. Вотъ почему до-Петровскую эпоху въ развитіи вооруженныхъ силъ Россіи слѣдуетъ выдѣлить въ совершенно отдѣльный историческій періодъ. Создавъ постоянную регулярную армію, Великій Преобразователь, однако, не успѣлъ довершить своего дѣла правильной организаціей военнаго управленія, и въ послѣдующій затѣмъ историческій періодъ наши вооруженныя силы получаютъ мощное и широкое развитіе, но военное управленіе

продолжаетъ носить еще слѣды дореформеннаго строя, пока реформаторская дѣятельность Императора Александра I не завершилась созданіемъ министерствъ—стройной системы государственнаго управленія, а, въ частности, и соотвѣтствующей достоинству и мощи арміи и флота системы военнаго управленія. Только съ этого момента можно считать дѣло преобразованія нашихъ вооруженныхъ силъ, начатое Петромъ I, вполнѣ законченнымъ. Однако, новыя условія государственной и международной жизни и новыя условія веденія войны кореннымъ образомъ измѣняютъ вскорѣ самый взглядъ на войско и выдвигаютъ на смѣну устарѣлымъ формамъ вымуштрованныхъ, спаянныхъ желѣзной дисциплиной боевыхъ единицъ идею вооруженнаго народа. Въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ эта идея находитъ себѣ осуществленіе, благодаря введенію общеобязательной воинской повинности. Либеральныя, освободительныя реформы Императора Александра II-го привели къ переустройству и нашихъ вооруженныхъ силъ на началахъ общеобязательной воинской повинности, и съ этого момента начинается новый періодъ въ исторіи нашихъ вооруженныхъ силъ, періодъ намъ современный.

Такимъ образомъ намѣчаются сами собою слѣдующіе отдѣлы:

I отдѣлъ. До образованія регулярной арміи.
II » До учрежденія военнаго министерства.
III » До введенія общеобязательной воинской повинности.
IV » До нашихъ дней.

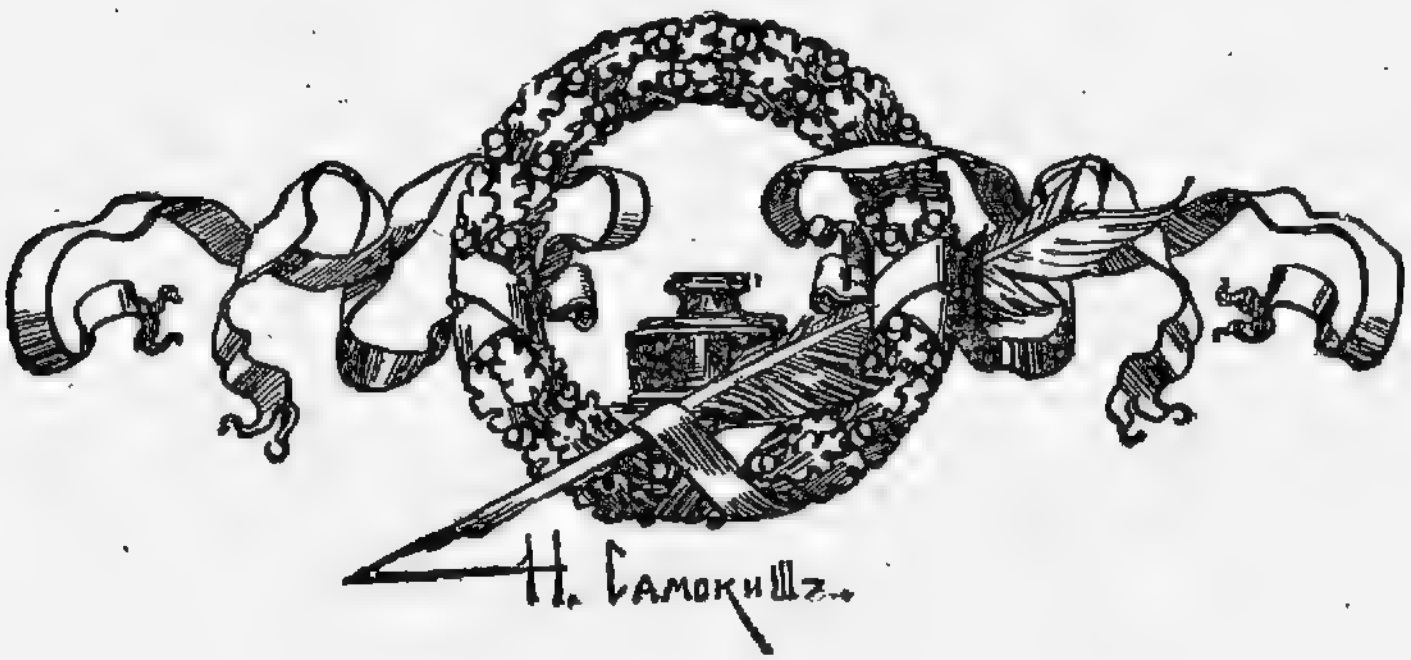
Принимая во вниманіе, что настоящій очеркъ является лишь незначительной частью обширной исторіи нашихъ вооруженныхъ силъ, составляемой по случаю столѣтія военнаго министерства, мы отнесемъ первые два періода къ вступительной части, цѣль которой дать правильное историческое освѣщеніе событіямъ, происшедшимъ въ дальнѣйшей жизни нашей арміи со времени ея окончательнаго созданія, т. е. съ момента образованія военнаго министерства, и, такимъ образомъ, остальные два періода и составятъ историческій очеркъ военно-карательныхъ учрежденій въ столѣтній періодъ существованія и дѣятельности военнаго министерства.

Безспорно, происходившія преобразованія нашихъ вооруженныхъ силъ, разбившія ихъ исторію на указанныя выше періоды, отразились и въ исторіи развитія военно-карательныхъ учрежденій,

но наиболѣе характерныя измѣненія въ организаціи этихъ послѣднихъ произошли также подъ вліяніемъ иныхъ, не менѣе важныхъ факторовъ: измѣненія общихъ правовыхъ воззрѣній и соотвѣтствующихъ имъ измѣненій въ законодательствѣ, а также значительныхъ государственныхъ и общественныхъ реформъ, напримѣръ, освобожденія крестьянъ, реорганизаціи судебныхъ и военно-судебныхъ установленій и т. п.

Однако, мы не внесемъ какой-либо сбивчивости въ разсмотрѣніе исторіи военно-тюремныхъ учрежденій, если въ основу настоящаго очерка положимъ указанное выше раздѣленіе на части и періоды, тѣмъ болѣе что наиболѣе характерные историческіе моменты общей исторіи вооруженныхъ силъ, почти совпадаютъ во времени съ моментами преобразованія военно-карательной системы.

Считаемъ нужнымъ при этомъ оговориться, что въ соотвѣтствіи съ установленнымъ для исторіи военнаго министерства планомъ, мы будемъ разсматривать историческое развитіе нашихъ военно-карательныхъ учрежденій (за исключеніемъ вступительной части) по отдѣльнымъ царствованіямъ.



ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ:

ДО УЧРЕЖДЕНІЯ ПОСТОЯННОЙ РЕГУЛЯРНОЙ АРМІИ.

ГЛАВА I.

ПЕРВЫЕ, сохранившіеся до нашихъ дней, историческіе памятники военно-уголовнаго законодательства относятся къ XVII вѣку; никакихъ источниковъ, могущихъ хоть до нѣкоторой степени освѣтить правовыя отношенія, существовавшія въ нашихъ вооруженныхъ силахъ предшествующей эпохи,—до насъ не дошло. Поэтому, если и можно строить предположенія о томъ, что существовало въ войскахъ удѣльно-вѣчевого періода, когда, въ случаѣ грозящей княжеству опасности, противъ врага ополчались (народное ополченіе) «конны, людны и оружны», и вмѣстѣ съ княжеской дружиной, служившей князю по договору, да съ иноземными наемниками, составляли всѣ вооруженныя силы государства, то эти догадки особенной исторической цѣнности имѣть не могутъ.

ПЕРВЫЕ ВОЕННО-УГОЛОВНЫЕ ПАМЯТНИКИ.

Первымъ-же юридическимъ памятникомъ, дающимъ уже нѣкоторую картину правовой жизни войска, представляется,—«Уставъ

ратныхъ, пушкарскихъ и другихъ дѣлъ, касающихся до военной науки», или иначе называемая—«Статейная роспись пушкарская», составленіе которой относится историками къ 1621 году.

Насколько этотъ законъ соотвѣтствовалъ существовавшимъ въ дѣйствительности въ русской рати того времени отношеніямъ, сказать съ положительностью невозможно, такъ какъ эта «Статейная роспись» не является оригинальнымъ произведеніемъ русскаго законодательнаго творчества и еще менѣе ее можно считать сборникомъ установившихся путемъ обычая правовыхъ нормъ. «Уставъ ратныхъ, пушкарскихъ и другихъ дѣлъ» носитъ несомнѣнно характеръ кодекса, заимствованнаго изъ современныхъ ему западно-европейскихъ законодательствъ и служитъ, главнымъ образомъ, показателемъ тѣхъ требованій и воззрѣній на вооруженную силу и ея организацію, которыя раздѣлялись въ то время передовыми людьми Московской Руси.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе этого перваго русскаго военно-уголовнаго памятника, отмѣтимъ только его общій характеръ. Въ немъ еще не наблюдается какого-либо разграниченія между общими и воинскими преступленіями; не встрѣчается въ немъ и какихъ-нибудь спеціальныхъ воинскихъ наказаній. Исключительная цѣль наказанія—устрашеніе, поэтому и самыя наказанія грубо-жестоки, но чрезвычайно просты. Преимущественно упоминаются «по заповѣди казни смертныя» и «наказаніе животное» (физическое, тѣлесное). Однако, той изощренной, утонченной жестокости наказаній, которая наблюдается въ позднѣйшихъ нашихъ уголовныхъ законахъ ближайшаго послѣдующаго періода, въ пушкарской росписи еще нѣтъ, какъ нѣтъ и широкаго примѣненія принципа матеріальнаго тальона.—Вообще, какой-либо системы наказаній въ этомъ уставѣ не имѣется; часто даже вовсе не указывается карательная санкція, и выборъ наказанія предоставляется усмотрѣнію наказывающаго, «смотря по дѣлу».

ПОСАЖЕНІЕ ВЪ ЖЕЛѢЗО.

Тѣмъ не менѣе, даже и въ этомъ военно-уголовномъ кодексѣ упоминаются наказанія лишеніемъ свободы въ видѣ такъ называемаго «посаженія въ желѣза».

По мнѣнію историковъ «посаженіе въ желѣза» было ничѣмъ инымъ, какъ заковываніемъ въ желѣзныя цѣпи, оковы, или колодки. Подобнаго рода наказаніе широко практиковалось на западѣ не только

какъ общее, но и какъ воинское наказаніе. Желѣза надѣвались на руки, или на ноги и даже на шею виновному.

«Уставъ ратныхъ дѣлъ», къ сожалѣнію, не регламентируетъ подробно этотъ видъ лишенія свободы. Въ ст. 9-ой только говорится: «Да только будетъ пушкарь въ иномъ стану или полку на площади запасномъ, и тому подобно съ инымъ съ кѣмъ посварится и того полку или приказу приставъ его изыметъ и посадитъ его въ желѣза, и пушкарю тотчасъ велѣти извѣстно учинити своему пушкарскому головѣ, чтобъ ему быти въ послушаніи и смиреніи своего пристава, для того чтобы онъ въ приточну пору у снаряда былъ, чтобъ безъ него пищаль или пушка даромъ не застоялась».

Изъ этихъ словъ закона можно заключить, что подобное «посаженіе въ желѣза» являлось даже мѣрой дисциплинарной—кратковременнымъ лишеніемъ свободы, на подобіе современнаго краткосрочнаго ареста.

Нечего говорить, что для осуществленія такого рода наказанія не требовалось никакихъ спеціальныхъ карательныхъ учрежденій; приводилось это наказаніе въ исполненіе распоряженіемъ пристава и содержался посаженный въ желѣза, надо полагать, при полку или приказѣ, съ вѣдома его ближайшаго начальства.

ЛИШЕНІЕ СВОБОДЫ ПО СОБОРНОМУ УЛОЖЕНІЮ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Слѣдующимъ въ хронологическомъ порядкѣ военно-уголовнымъ закономъ надо считать «Соборное Уложеніе» Царя Алексѣя Михайловича 1649 года, или, вѣрнѣе, главу VII этого уложенія, трактующую «О службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго Государства», а также нѣкоторые указы, разновременно изданные въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Соборное Уложеніе проникнуто тѣмъ-же взглядомъ на наказаніе, какъ и непосредственно ему предшествующіе законодательные памятники, но устрашающее значеніе, которое придавалось законодателемъ наказанію, подчеркнуто въ Уложеніи съ особой яркостью. Отсюда жестокость наказанія, изобиліе изувѣчивающихъ и мучительныхъ наказаній, вродѣ, напримѣръ отсѣченія лѣвой руки и обѣихъ ногъ за рѣзаніе «денежныхъ маточниковъ и дѣланье денегъ» [1]), отрѣзаніе языка, носа и т. п., отсюда и широкое примѣненіе смертной казни. Въ послѣдующій затѣмъ

[1]) П. С. З. т. I, № 310.

ближайшій періодъ, въ особенности въ послѣднюю четверть XVII вѣка, эта жестокость наказанія достигаетъ еще большаго развитія. Очевидно, слабость государственной власти, какъ это обыкновенно наблюдается въ исторіи, обусловила необходимость особыхъ репрессій для поддержанія ея авторитета, и законодатель ужасомъ мученій и казни предполагалъ остановить преступность.

Тотъ-же характеръ носятъ и наказанія, примѣнявшіяся къ ратнымъ людямъ, такъ какъ спеціальной военно-карательной системы не существовало. Въ отношеніи войска эти жестокія наказанія, какъ чрезвычайно скоро и легко приводимыя въ исполненіе, практиковались еще чаще, на ряду со всякаго рода тѣлесными наказаніями, какъ-то: нещаднымъ сѣченьемъ кнутомъ, батогами, кнутомъ на козлѣ (за самовольную отлучку, напримѣръ со службы [1]) и т. п. Такимъ широкимъ примѣненіемъ упомянутыхъ наказаній и объясняется сравнительно рѣдкое употребленіе наказанія лишеніемъ свободы.

Въ Соборномъ Уложеніи упоминается въ отношеніи военно-служащихъ тюремное заключеніе всего одинъ только разъ, а именно ст. 16 говоритъ: «А будетъ который сотенной голова отпуститъ куды изъ сотни своея кого-нибудь безъ Государева указу и безъ Воеводскаго вѣдома, и за то... бити батогами, да вскинути въ тюрьму, чтобы на то смотря другимъ сотеннымъ головамъ не повадно было такъ дѣлати» [2]).

Въ послѣдующихъ затѣмъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича указахъ, мы встрѣчаемъ тюремное заключеніе за разнаго рода преступленія: за отреченіе отъ должности по расчетамъ мѣстничества, за несправедливое мѣстничество, за непринятіе пожалованнаго чина Окольничаго, за невысылку бѣжавшихъ со службы дѣтей боярскихъ (наказывались воеводы и приказные люди), за самовольную отлучку домой со службы, за уклоненіе отъ службы и т. п. воинскія преступленія, при этомъ тюремное заключеніе назначалось безсрочное, либо «до Государева указа», либо «на указные дни» и, наконецъ, краткосрочное, всего на нѣсколько дней [3]).

---

[1]) П. С. З. т. I, № 260.
[2]) Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, т. I, гл. VII.
[3]) П. С. З. т. I, №№ 3, 28, 38, 75, 91, 61, 144, 154, 252, 297.

Тюремное заключеніе примѣнялось не только по судебнымъ приговорамъ, но и въ дисциплинарномъ порядкѣ военно-начальствующими лицами. Въ наказѣ стрѣлецкому головѣ Дмитрію Дернову, напр., предписывалось въ 1614 году: «а будетъ который стрѣлецъ доведется до какой пени и ему, Дмитрію, ихъ смирять, смотря по винѣ, въ тюрьму сажать или батогами бить, кто чего доведется» [1])... Тюрьма примѣнялась не только какъ наказаніе, но и какъ мѣра пресѣченія возможности уклониться, главнымъ образомъ, отъ обязанности службы, при чемъ тюремное заключеніе замѣнялось поручительствомъ [2]). Напримѣръ, въ указахъ Царя въ 1659 году [3]) о сыскѣ «служилыхъ людей, что съѣхали съ Государевы службы изъ полковъ и живутъ въ домѣхъ своихъ»,—значится: «и давать ихъ велѣно на крѣпкія поруки; а по которыхъ порукъ не будетъ, и тѣхъ держать въ тюрьмѣ до Государева указа» т. е. по современному — «впредь до особаго распоряженія».

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что тюремное заключеніе въ то время въ войскѣ употреблялось, преимущественно, для наказанія военно-начальствующихъ лицъ. Принимая во вниманіе характеръ преступныхъ дѣяній, наказуемыхъ тюремнымъ заключеніемъ (преимущественно, маловажные проступки и упущенія по службѣ), служебное положеніе лицъ, подвергавшихся этому наказанію, и двойственный порядокъ назначенія виновному тюремнаго заключенія, слѣдуетъ признать, что въ военномъ вѣдомствѣ это наказаніе практиковалось, преимущественно, какъ дисциплинарное взысканіе и какъ мѣра пресѣченія,—другими словами,—замѣняло кратковременный арестъ. Отсюда и понятна дробность этого наказанія, существовавшая въ то время. По указамъ Царя Алексѣя Михайловича тюрьма назначалась на срокъ, начиная даже отъ однѣхъ сутокъ: «А которые люди учнутъ отъ Нашея Государевы службы избѣгать и укрываться, и ты-бъ ихъ велѣлъ сыскивать, и сыскавъ сажалъ въ тюрьму дни на два и на три, а изъ

---

[1]) Акты Арх. экспедиціи, т. IV, № 34. — Розенгеймъ. Очеркъ исторіи в.-судн. учрежд. въ Россіи до кончины Петра В.,—стр. 47.

[2]) Уложеніе, гл. XXI ст. 35, № 441, ст. 30.—О содержаніи въ тюрьмахъ оговорныхъ, остающихся въ подозрѣніи, если не будетъ по нихъ поруки.

[3]) П. С. З. т. I, № 252.

тюрьмы выпустя, учиня имъ наказанье, бивъ батоги нещадно, выслалъ ихъ на нашу Государеву службу за крѣпкими поруками [1])».

Надо замѣтить, что тюремное заключеніе почти не употреблялось вовсе какъ самостоятельное наказаніе; обыкновенно къ нему присоединялось еще тѣлесное наказаніе (битье кнутомъ и батогами) до или послѣ отбытія срока заключенія въ тюрьмѣ; иногда тюрьма сопровождалась имущественными праволишеніями, отобраніемъ помѣстій и вотчинъ,—«разоренiемъ» и т. д., и, наконецъ, даже соединялась съ членовредительными наказаніями и ссылкою. Закономъ предписывалось: всѣхъ колодниковъ изъ мастеровыхъ и посадскихъ, неподлежащихъ за вины смертной казни, ссылать въ Азовъ на поселеніе, а воинскихъ людей, по наказаніи, ссылать въ Сибирь съ женами и дѣтьми [2]). Указомъ 1683 года (18 декабря) [3]) предписывалось даже ссылать въ разные города тѣхъ, коихъ велѣно выпустить изъ тюрьмы «на поруки или росписки», и за которыхъ никто не ручается, а также содержащихся за иски, которыхъ никто «въ заживъ» не беретъ.

Какъ уже было указано выше, тюремное заключеніе примѣнялось и какъ мѣра пресѣченія. Хотя подслѣдственные, такъ называемые — «оговорные люди», «спорные холопы», бѣглые и т. п. брались и отдавались «для бережонья» [4]) приставу, который содержалъ ихъ въ «желѣзахъ» за карауломъ у себя, либо въ приказѣ, либо въ тюрьмѣ, но впослѣдствіи неоднократно разъяснялось въ правительственныхъ распоряженіяхъ, чтобы въ приказахъ «за рѣшеткой и подъ приказомъ колодниковъ не держать, а держать ихъ на тюремномъ дворѣ» [5]), въ Уложеніи-же прямо указывалось, что оговорные люди, остающіеся въ подозрѣніи, если не будетъ по нихъ поруки, должны содержаться въ тюрьмѣ [6]), татей-же и разбойниковъ для содержанія подъ стражей приставамъ не давать, а держать до рѣшенія о нихъ дѣла въ тюрьмѣ, развѣ они снимутъ на себя «пожелѣзное», т. е. вознагражденіе, слѣдуемое приставу за ихъ содержаніе. Такимъ

---

[1]) П. С. З., т. I, № 297.
[2]) П. С. З., т. II, № 1055.
[3]) П. С. З., т. III, №№ 1690, 1716.
[4]) П. С. З., т. I, Улож. Гл. XXI, ст. ст. 35, 44, 47, № 441, ст. 26, 38, 41, 112, № 442.
[5]) П. С. З., т. III, № 1345.
[6]) П. С. З., т. I, Улож., гл. XXI, ст. 35, № 441, ст. 30.

образомъ, тюрьма также являлась мѣстомъ предварительнаго заключенія для подслѣдственныхъ, и въ ней сидѣли не только «колодники за приставы въ Его Великаго Государя дѣлахъ», но и «въ истцовыхъ искѣхъ», т. е. по гражданскимъ искамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ тюрьмѣ содержались и, такъ называемые, «вязни», т. е. плѣнные, взятые на войнѣ.

Населеніе московскихъ тюремъ, слѣдовательно, было крайне разнообразнымъ; на ряду съ завѣдомо порочными преступниками тамъ встрѣчались лица, не совершавшія никакихъ преступленій, попавшія въ тюремные сидѣльцы не только по частнымъ гражданскимъ искамъ, но даже безъ всякой вины, исключительно потому, что они были въ родственныхъ отношеніяхъ съ «оговорными людьми»; только уже послѣ изданія Соборнаго Уложенія послѣдовало распоряженіе, чтобы вмѣсто скрывающихся оговорныхъ людей, «матерей, женъ и дѣтей ихъ не имать и не держать» [1]). Вотъ, почему, надо полагать, тюрьма и не имѣла того позорящаго значенія, какъ въ настоящее время, и могла служить мѣстомъ кратковременнаго ареста для военнослужащихъ. «Отъ тюрьмы и отъ сумы не отрекайся»— говоритъ народная пословица, происхожденіе которой слѣдуетъ отнести, повидимому, къ тому времени, когда тюрьма и «разоренье» грозили за сравнительно ничтожныя провинности.

Военнослужащіе отбывали наказаніе въ тюрьмѣ наравнѣ и вмѣстѣ съ гражданскими лицами; объ устройствѣ особыхъ мѣстъ заключенія для военныхъ, при тогдашнихъ условіяхъ отбыванія этого наказанія и при отсутствіи у насъ постояннаго регулярнаго войска— не могло возникать и рѣчи. Безпрерывныя войны и внутреннія смуты требовали такого напряженія вооруженныхъ силъ государства, что въ царскихъ указахъ того времени чуть-ли не ежегодно объявлялось «объ отсрочкѣ военнымъ людямъ для службы въ судныхъ дѣлахъ до указу, кромѣ татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ». При такихъ условіяхъ, разумѣется, военно-тюремное дѣло и не могло вовсе получить развитія.

ССЫЛКА ВЪ XVII-ОМЪ ВѢКѢ.

Другимъ видомъ лишенія свободы въ Московскій періодъ предста-

---

[1]) П. С. З., т. I, № 221.
[2]) П. С. З., т. I, № 441, ст. 113.

влялась ссылка, которая впервые у насъ упоминается въ законодательныхъ актахъ конца XVI вѣка, какъ послѣдствіе торговой казни (наказанія кнутомъ). По крайней мѣрѣ такое значеніе ссылкѣ придано въ 1582 году въ дополнительномъ указѣ къ Судебнику Іоанна IV, которымъ предписывалось подвергать ссылкѣ всѣхъ преступниковъ наказанныхъ кнутомъ [1]) Такое-же значеніе ссылки сохранялось еще долго въ нашемъ правѣ и въ послѣдующее время, когда этотъ видъ наказанія, пріобрѣтая широкое развитіе, принимаетъ уже характеръ самостоятельнаго наказанія, преслѣдующаго уголовныя и вмѣстѣ съ тѣмъ практическія цѣли.

Однако, ссылка практиковалась въ Московскомъ Государствѣ и для поселенія плѣнныхъ литовцевъ, шведовъ и другихъ иноземцевъ, которыхъ, въ виду безпрерывныхъ войнъ съ сосѣдями, оспаривавшими у Руси право на преобладающее вліяніе въ Сѣверо-Восточной Европѣ, было слишкомъ много для того, чтобы бѣдное экономически Московское Государство могло-бы ихъ содержать въ тюрьмахъ. Удаляя ихъ на восточную границу, въ Сибирь и Астрахань, Москва была спокойна, что они не учинятъ внутренней смуты, не будутъ въ состояніи благопріятствовать военнымъ дѣйствіямъ своихъ соотечественниковъ и не такъ легко совершатъ «утечку» (побѣгъ) изъ мѣста ссылки. Съ другой стороны, Москва, не затрачивая ничего изъ государственныхъ средствъ на содержаніе плѣнныхъ, извлекала даже изъ нихъ значительную пользу, колонизируя свои восточныя окраины и создавая, такимъ образомъ, пограничную охрану государства отъ набѣговъ безпокойныхъ кочевниковъ-монголовъ.

Такой утилитарный взглядъ на ссылку вполнѣ соотвѣтствовалъ той практической прямолинейности, съ которой Московскіе великіе князья создавали и расширяли свою державу. Заселяя окраины преступниками и плѣнными, они старались закрѣпить ихъ на новыхъ мѣстахъ, создавая изъ нихъ особыя военныя общины, а именно: ихъ верстали въ казаки, и, по мѣрѣ того, какъ они осѣдали на границѣ и, переходомъ въ православіе, закрѣпляли духовную связь съ новымъ отечествомъ, предоставляли имъ различнаго рода имущественныя и служебныя льготы.

---

[1]) Акты Историческіе, т. I, № 54, п. XX и «Ученіе о наказаніи», пр. Фойницкаго.

ССЫЛКА ПО СОБОРНОМУ УЛОЖЕНІЮ И ВЪ ПОСЛѢДУЮЩИХЪ УКАЗАХЪ.

Соборное Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича идетъ еще дальше, учащая случаи примѣненія ссылки, какъ карательной мѣры. Хотя Соборное Уложеніе не отказывается еще отъ взгляда на ссылку, какъ на дополнительное наказаніе, но уже въ позднѣйшихъ указахъ Царя Алексѣя Михайловича замѣчается нѣкоторое измѣненіе во взглядѣ на ссылку: ей придается значеніе основного наказанія, а тѣлесное—постепенно отходитъ на второй планъ и присоединяется къ ссылкѣ, какъ придатокъ, отягчающій ее по мѣрѣ надобности, иногда-же ссылка назначается и какъ совершенно самостоятельное наказаніе.

Раньше указывалось ссылать «въ украйные города — Сѣвскъ, Курскъ и иные», или въ Астрахань и Сибирь, а со времени Соборнаго Уложенія мѣста ссылки значительно умножились; на равнѣ съ выраженіями: «бивъ кнутомъ, сослать въ Сибирь» [1]) или «въ Сибирь на Дену» [2]), встрѣчаются указанія: «велимъ взять въ пѣшую службу и сослать на житье въ новые и дальные города». Эта послѣдняя мѣра въ 1661 г. примѣнена была, между прочимъ, къ тѣмъ укрывателямъ военныхъ дезертировъ, которые сами оказывались годными къ военной службѣ [3]).

Расширяя районъ для ссылки, Московское правительство въ значительной степени расширяетъ и самое примѣненіе ссылки, при чемъ господствовавшій утилитарный взглядъ на это наказаніе подсказываетъ ему беречь преступника въ физическомъ отношеніи, чтобы извлечь изъ него наибольшую пользу; вотъ почему мы видимъ, что изувѣчивающія наказанія принимаютъ нѣсколько иной характеръ, такъ: за первый разбой, если онъ не сопровождался убійствомъ или поджогомъ, предписывалось наказывать кнутомъ и, «отрѣзавъ лѣвое ухо и у лѣвой руки два меньшіе пальцы (чтобы не лишить работоспособности), селить въ Сибирь на вѣчное житье съ женою и дѣтьми» [4]); дѣлателей фальшивой монеты, вмѣсто отсѣченія обѣихъ ногъ и лѣвой руки, какъ то было указано выше, предписывалось только ссылать въ Сибирь; воровъ, которымъ за преступленія полагалось «сѣчь руки и ноги» предписывалось ссылать лишь въ Сибирь

---

[1]) П. С. З., т. I, № 61.
[2]) П. С. З., т. I, № 156.
[3]) П. С. З., т. I, № 297.
[4]) П. С. З., т. II, № 870.

на пашню съ женами и дѣтьми [1]); наконецъ, даже предписывалось вмѣсто отсѣченія пальцевъ «рѣзать преступникамъ уши» и отправлять въ ссылку [2]). Ссылку начинаютъ назначать и за государственныя преступленія, за произношеніе возмутительныхъ словъ [3]) и даже взамѣнъ смертной казни [4]).

Одновременно замѣчается, что Московское правительство старается использовать преступный элементъ въ мѣстахъ ссылки сообразно способностямъ каждаго; отдаются указы, напримѣръ о распредѣленіи ссыльныхъ на Тюмени «на службу, на работу и промыслы» [5]); ссылая, напр., въ Азовъ посадскихъ людей, за взятки на вѣчное житье съ женами и дѣтьми, имъ предписывалось «быть на каторгахъ въ работѣ [6])»; вотъ почему также въ указахъ все чаще и чаще встрѣчаются точныя указанія, куда ссылать преступниковъ, въ зависимости отъ потребности въ рабочей силѣ [7]). Такъ государство пришло постепенно къ идеѣ принудительнаго, каторжнаго труда.

ПРИМѢНЕНІЕ ССЫЛКИ ВЪ ОТНОШЕНІИ ВОЕННО-СЛУЖАЩИХЪ.

Въ отношеніи всякаго рода ратныхъ людей примѣненіе ссылки за служебныя воинскія преступленія носитъ характеръ исключительной мѣры. Въ этомъ легко убѣдиться, сопоставивъ различные случаи примѣненія къ военнослужащимъ ссылки за воинскія и служебныя преступленія, такъ какъ, по словамъ Котошихина [8]), ссылка назначалась также «полковымъ воеводамъ за ихъ службы», т. е. за служебныя преступленія. Изъ такихъ случаевъ упомянемъ, на-

---

[1]) П. С. З., т. II, №№ 772—846.
[2]) П. С. З., т. II, № 1004, т. III, № 1693.
[3]) П. С. З. т. II, № 1002.
[4]) П. С. З. т. I, № 1413. Сообщникамъ бунтовщика Шакловитаго, напр., предписано было учинить вмѣсто смертной казни слѣдующее наказаніе: положить головы ихъ на плаху и, поднявъ, объявить имъ, что они отъ смертной казни освобождаются, потомъ ихъ жестоко бить кнутомъ и, отрѣзавъ языки, сослать въ Сибирскіе города на вѣчное житье. (П. С. З. т. III, № 1349); такому-же почти наказанію былъ подвергнутъ Ивашка Щербачевъ «за ворожбу и злой умыселъ противу Государя Царя Петра Алексѣевича и Матери его Царицы Натальи Кирилловны». (П. С. З., т. III, № 1362).
[5]) П. С. З., т. III, № 1670.
[6]) П, С. З., т. III, № 1732.
[7]) П. С. З., т. III, № 1552, 1690.
[8]) Котошихинъ, О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича стр. 43.

примѣръ, слѣдующіе: въ 1651 году Петръ Головинъ былъ приговоренъ боярами къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ за отказъ отъ пожалованнаго ему чина Окольничаго [1]); въ 1655 году воеводамъ и приказнымъ людямъ грозило «быть въ великой опалѣ и въ ссылкѣ» за невысылку служилыхъ ратныхъ людей на службу [2]); этотъ примѣръ подтверждаетъ кромѣ того, что ужъ вскорѣ послѣ Соборнаго Уложенія въ законодательствѣ начинаетъ наблюдаться стремленіе придать ссылкѣ значеніе вполнѣ самостоятельной карательной мѣры.

Въ томъ-же 1655 г. Голова Михайла Наумовъ былъ сосланъ «въ Сибирь на Лену и написанъ въ казачью сотню за непослушаніе и невѣжливыя слова» противъ царскаго указа [3]). Это наказаніе сопровождалось битьемъ кнутомъ и отнятіемъ помѣстій и вотчинъ. Затѣмъ извѣстны также случаи примѣненія ссылки въ 1679 году къ военнымъ дезертирамъ [4]), въ 1697 году — къ стрѣльцамъ за побѣгъ изъ—подъ Азова [5]), и къ рейтарамъ и солдатамъ за неявку на службу [6]), и наконецъ, въ 1699 году, ссылкѣ подлежали виновные въ стрѣльбѣ изъ ружей, не вызываемой необходимостью, во второй разъ въ городѣ Москвѣ [7]). Этотъ послѣдній случай опять таки указываетъ, что ссылкѣ придавалось значеніе вполнѣ самостоятельной карательной мѣры.

ЗНАЧЕНІЕ ССЫЛКИ КАКЪ ВОИНСКАГО НАКАЗАНІЯ.

Изъ упомянутыхъ примѣровъ съ наглядностью видно, что ссылка военнослужащихъ примѣнялась безъ опредѣленной системы, совершенно случайно. Объясняется это весьма просто. Московское государство того времени, бѣдное вооруженными силами и вынужденное постоянно напрягать ихъ до крайности въ борьбѣ съ сосѣдями, принимаетъ самыя рѣшительныя мѣры къ привлеченію въ ряды войскъ наибольшаго числа людей. Оно не стѣсняется въ этомъ отношеніи никакими средствами и жестоко казнитъ тѣхъ, кто уклоняется отъ военной службы. Вотъ почему, не желая терять даже преступный элементъ, годный еще къ военной службѣ, государство смотритъ съ

---

[1]) П. С. З., т. I, № 61.
[2]) П. С. З., т. I, № 121.
[3]) П. С. З., т. I, № 156.
[4]) Акты историч., т. V, стр. 56.
[5]) П. С. З., т. III, № 1552.
[6]) Доп. акты истор., т. XII, стр. 389.
[7]) П. С. З., т. III, № 1693.

одной стороны на ссылку, какъ на средство обязать военной службой на окраинахъ лицъ, почему либо вредныхъ внутри государства, а съ другой — заставить людей уже состоявшихъ на военной службѣ и впавшихъ въ преступленіе, продолжать свою службу, хотя-бы на окраинѣ. Указы, изданные въ послѣдніе годы XVII вѣка, категорически предписываютъ ссылать воинскихъ людей, по наказаніи, въ Сибирь [1]); въ указахъ-же царя Алексѣя Михайловича вслѣдъ за изданіемъ Соборнаго Уложенія, предписывалось военныхъ дезертировъ (бѣглыхъ солдать) ссылать на службу въ Смоленскъ [2]), т. е. туда, гдѣ по условіямъ военнаго времени чувствовалась особенная нужда въ воинахъ. Весьма характерно, что государственная власть, желая извлечь возможную пользу отъ преступнаго и даже опаснаго въ войскѣ элемента, сослало по различнымъ городамъ Сибири даже многихъ участниковъ стрѣлецкаго бунта, съ бояриномъ Матвѣемъ Пушкинымъ во главѣ, лишивъ послѣдняго лишь боярской чести [3]).

Царскіе указы того времени вполнѣ опредѣленно устанавливаютъ, что «ссыльныхъ людей посылаютъ съ Москвы въ ссылку въ Сибирь, въ которомъ городѣ и въ какомъ чину кому въ Сибири быть велѣно», а также, что «быти имъ» (ссыльнымъ) въ указанныхъ мѣстахъ и въ чинѣхъ, гдѣ кому въ которомъ городѣ и въ какой службѣ... быть указано» [4]).

Такимъ образомъ въ указахъ о ссылкѣ военно-служащихъ указывалось и то служебное положеніе («чинъ»), къ занятію котораго ссыласмый предназначался въ мѣстѣ ссылки, а также и родъ службы. По свидѣтельству Котошихина [5]), «ссылочныхъ людей въ тамошнихъ городахъ (въ мѣстахъ ссылки) верстаютъ въ службѣ, смотря по человѣку», т. е. въ дѣти боярскіе, въ дворяне, въ стрѣльцы, въ казаки и нижніе чины; это подтверждаютъ также иностранные писатели того времени, описывающіе современную имъ Россію [6]).

[1]) П. С. З., т. III, №№ 1690 и 1716.
[2]) П. С. З., т. I, № 193.
[3]) П. С. З., т. III, № 1577.
[4]) Доп. акты истор., т. VI, стр. 324 и Акты истор., т. IV, стр. 460.
[5]) Котошихинъ, «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», стр. 73.
[6]) Olearus, Ausführliche Beschreibung, 1663, Schleswig, стр. 223.

Приверстываніе ссыльныхъ въ другіе чины или оклады безусловно воспрещалось неоднократными царскими указами, хотя фактически, повидимому, практиковалось на дальнихъ окраинахъ [1]).

ПРАВОПОРАЖЕНІЯ ПРИ ССЫЛКѢ.

Однако, ссылка военнослужащихъ существенно отличалась отъ простого перевода по службѣ, такъ какъ обыкновенно сопровождалась дополнительнымъ наказаньемъ (преимущественно тѣлеснымъ) и нѣкоторымъ ограниченіемъ въ правахъ, служебнымъ пониженіемъ и даже «разжалованіемъ». Къ такому заключенію приходитъ и проф. Сергѣевскій, изслѣдовавшій «наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка» [2]) и указывающій, какъ примѣръ подобнаго разжалованья, на ссылку въ 1673 году Малороссійскаго гетмана Демки Многогрѣшнаго [3]) въ простые казаки.

Въ указахъ царя Алексѣя Михайловича имѣются и другіе примѣры подобнаго служебнаго пониженія при ссылкѣ военнослужащихъ, занимавшихъ болѣе высокое служебное положеніе, такъ въ 1655 г. голова Михайла Наумовъ былъ сосланъ въ «Сибирь на Лену и написанъ въ казачью службу» [4]), иныхъ при ссылкѣ, въ видѣ пониженія, записывали въ «пѣшую» службу (дворянъ и дѣтей боярскихъ) [5]), а иныхъ лишали «боярской чести» или просто объявлялась «великая опала».

Кромѣ того, разумѣется, ссыльные военнослужащіе подвергались и общимъ правопораженіямъ, которыми сопровождалась ссылка: лишеніемъ помѣстій (П. С. З., т. II, №№ 724, 702 п. 6) и вотчинъ (указъ 1677 года 20-го августа) т. е. лишеніемъ имущественныхъ правъ, права-же семейныя не нарушались, такъ какъ, обыкновенно, жена и дѣти ссылаемаго раздѣляли его-же участь.

Въ указахъ послѣдующаго времени встрѣчаются указанія о томъ, какъ поступать съ ссыльными военнослужащими въ случаѣ ихъ инвалидности, такъ какъ безъ именныхъ указовъ строго воспрещалось возвращать или переводить ихъ изъ мѣста ссылки [6]); такъ въ концѣ XVII вѣка дворянъ и дѣтей боярскихъ въ Сибири, отставленныхъ по

---

[1]) П. С. З., т. I, № 562.
[2]) Стр. 224.
[3]) П. С. З., т. I, № 562.
[4]) П. С. З., т. I, № 156.
[5]) П. С. З., т. I, № 121.
[6]) П. С. З., т. III, № 394.

старости и увѣчью, предписывалось опредѣлять въ сельскіе прикащики или опредѣлять при заставахъ, учрежденныхъ для предосторожности отъ морового повѣтрія [1]).

Изъ сказаннаго видно, что ссылка въ отношеніи военнослужащихъ носила характеръ перевода на службу на окраины, туда, гдѣ служба тяжелѣе и опаснѣе; нуждаясь въ ратныхъ людяхъ, Московское государство прибѣгало къ ссылкѣ военнослужащихъ только въ исключительныхъ случаяхъ; отсюда и отсутствіе какой-либо системы, а тѣмъ болѣе организаціи ссылки въ военномъ вѣдомствѣ.

[1]) П. С. З., т. III, № 1501, п. 12, т. IV, № 2310.

ГЛАВА II.

ТЯЖЕЛО было тюремное сидѣнье въ XVII вѣкѣ, въ особенности въ Московскомъ Государствѣ, не имѣвшемъ фактической возможности и средствъ удѣлить больше вниманія и заботливости объ устройствѣ своихъ тюремъ.

БЫТЪ МОСКОВСКИХЪ ТЮРЕМЪ XVII ВѢКА.

Много было и тюремныхъ сидѣльцевъ, такъ много, что въ царскомъ указѣ предлагалось, напримѣръ, бѣглыхъ, сидѣвшихъ въ городахъ у «сыщиковъ» въ тюрьмѣ, отдавать тѣмъ, у кого они жили до ихъ задержанія, но съ «роспискою, чтобъ съ тюремной нужи не померли» [1]).

«Для множества тюремныхъ сидѣльцевъ», въ особенности въ центральныхъ мѣстахъ заключенія, предписывалось всячески ограничить стеченіе въ нихъ колодниковъ изъ другихъ мѣстъ [2]), но тѣснота въ тюрьмахъ, тѣмъ не менѣе, была поразительная.

Велика была «тюремная нужа». Проф. Сергѣевскій, подробно изслѣдовавшій по историческимъ матеріаламъ устройство тюремъ того времени и порядокъ отбыванія въ нихъ наказанія, даетъ цѣлый рядъ описаній этихъ мѣстъ заключенія, устраиваемыхъ при московскихъ приказахъ или въ видѣ особыхъ тюремъ, возводимыхъ въ болѣе крупныхъ городахъ и въ мѣстностяхъ, служившихъ для ссылки [3]).

---

[1]) П. С. З., т. I, № 350.
[2]) П. С. З., т. I, № 527, Улож., гл. XXI, ст. 92.
[3]) Напр., въ Верхотурьѣ (П. С. З., т. III, № 1534) построенъ былъ острогъ для жительства ссыльныхъ.

ОПИСАНІЕ ТЮРЬМЫ.

Представьте себѣ небольшой, сравнительно, дворъ (отъ 20 до 100 кв. саж.), обнесенный высокимъ, въ нѣсколько саженъ, бревенчатымъ тыномъ, глубоко врытымъ въ землю. Въ тыну этомъ продѣланы двери для входа въ тюремный дворъ; тутъ-же «притюремокъ» — крытая, съ дверьми, сторожка (привратницкая). Во дворѣ, въ зависимости отъ значенія тюрьмы [1]), ставились одна или нѣсколько избъ, огражденныя одна отъ другой малымъ тыномъ или частоколомъ. Избы эти и служили мѣстомъ заключенія. Строились онѣ въ одинъ или два этажа; въ послѣднемъ случаѣ верхній этажъ носилъ названіе — верхней, а нижній — земляной или нижней тюрьмы. Тюремная изба, крытая «дранью и скалами» (березовая кора), была небольшихъ размѣровъ и по площади едва занимала 16 кв. саженъ. Въ ней пробиты были маленькія окна и двери въ два щита. Вдоль такъ называемой «губной» стѣны прирублены были бревенчатыя сѣни, съ односкатной крышей и съ дверьми «на ободверинахъ». Вблизи тюремнаго двора располагались караульныя избы для тюремныхъ сторожей и администраціи.

Такія тюрьмы въ городахъ строились не иждивеніемъ казны, а на счетъ городскихъ и уѣздныхъ обывателей [2]), а потому, при постройкѣ ихъ, надо полагать, экономія и расчетливость играла не послѣднюю роль.

СОДЕРЖАНІЕ КОЛОДНИКОВЪ.

Единственной цѣлью тюремнаго заключенія въ то время было личное наказаніе преступника и воздѣйствіе страхомъ наказанія на другихъ, чтобы никому впредь «не повадно было такъ дѣлати»; поэтому-то и тюрьма по своей обстановкѣ и режиму должна была вполнѣ соотвѣтствовать этой задачѣ. Никакими исправительными цѣлями она не задавалась; принудительный трудъ если и практиковался, то лишь въ отношеніи колодниковъ, заключенныхъ за небольшіе долги [3]). Преступникъ былъ въ тюрьмѣ предоставленъ самому себѣ и государство, изъявъ его изъ общества, отказывало ему въ дальнѣйшей заботѣ о его существованіи. Онъ не долженъ былъ обременять государство, а, напротивъ того, обязанъ былъ оплачивать расходы, сопряженные съ

---

[1]) Въ московскомъ тюремномъ дворѣ было восемь избъ: Опальная, Барышкина, Заводная, Холопья, Сибирка, Разбойная, Татарка и Женская.

[2]) П. С. З., т. I, Улож., гл. XX, ст. 97.

[3]) П. С. З., т. III, № 1670, ст. 5.

его заключеніемъ; по вершеніи дѣла съ виноватаго взыскивались въ пользу пристава «пожелѣзное» и прокормъ (проѣсти) [1]; иногда это взысканіе перекладывалось даже на истца [2]). Только въ 1658 году изданъ былъ царскій указъ о невзиманіи приставамъ съ колодниковъ пожелѣзнаго, такъ какъ тѣмъ же указомъ приставамъ установлено было «жалованье Великаго Государя изъ Суднаго Приказа» [3]).

Выдача-же «государева жалованья» самимъ тюремнымъ сидѣльцамъ установлена была только въ 1662 году; небольшое было это «жалованье»: по 2 алтына въ день на человѣка [4]); въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ колодники получали содержаніе натурой, но большей частью они существовали подаяніемъ или работой. Для этой цѣли ихъ выпускали изъ тюремъ поочередно, по нѣсколько человѣкъ (отъ 2 до 5-ти), скованныхъ вмѣстѣ, и они, подъ надзоромъ пристава, ходили и собирали по городу милостыню «для прокормленія». Сковывались они, обыкновенно, въ одну линію, длинною цѣпью, при помощи особыхъ приспособленій, надѣваемыхъ заключеннымъ на шею.

ВНУТРЕННІЙ БЫТЪ ТЮРЕМЪ XVII ВѢКА.

Профессоръ Сергѣевскій, описывая внутренній бытъ тюрьмы XVII вѣка, замѣчаетъ, что заключенные «сами должны были вести свое хозяйство, сами должны были охранять и поддерживать необходимый внутренній миръ своего невольнаго жилища. Воры, тати, разбойники, враги законнаго государственнаго порядка, собранные съ разныхъ мѣстъ толпами и насильно на долгіе годы соединенные подъ одной кровлей, создавали свой порядокъ и установляли свои законы. Ближайшія условія и черты этого порядка не отразились въ сохранившихся до насъ памятникахъ, но намъ извѣстно, что онъ выражался въ организаціи тюремной общины съ выборнымъ старостою во главѣ»[5]).

Въ распоряженіе этой общины и поступали всѣ подаянія, сборы съ самихъ арестантовъ (такъ называемая — «влазная деньга») и кормовыя деньги. Это хозяйничанье общины установилось настолько прочно, что правительству приходилось даже бороться противъ притязательныхъ требованій арестантской общины, не впускавшей, напр.,

---

[1]) П. С. З., т. I, Ул., гл. XX, ст. 94, 112, т. III, № 1737.
[2]) П. С. З., т. I, № 102.
[3]) П. С. З., т. I, № 221.
[4]) П. С. З., т. I, № 328.
[5]) Сергѣевскій, «Наказаніе въ рус. правѣ», стр. 205—206.

безъ «влазной деньги» никого въ свою среду; такъ 13 ноября 1680 г. вышелъ указъ, предписывающій «не брать влазнаго» съ колодниковъ, приводимыхъ на тюремный дворъ [1]). Таже община разрѣшала всѣ возникавшіе между колодниками споры и защищала интересы тюремныхъ сидѣльцевъ предъ администраціей. Установленный общиной внутренній порядокъ въ тюрьмѣ охранялся ею деспотически отъ всякаго нарушенія со стороны тюремнаго населенія.

Администрація во внутренній бытъ тюрьмы не вмѣшивалась, наблюдая только, чтобы не было «утечки» изъ тюрьмы и чтобы не нарушались запретительныя постановленія закона, касавшіяся, напр., употребленія спиртныхъ напитковъ, имѣнья орудій «чѣмъ изъ тюрьмы вырѣзаться» и оружія и т. п. «А въ тюрьмахъ имъ (колодникамъ) зернью и карты не играть и топоровъ, и ножей, и шилъ, и костей, и веревокъ держать не дати, и къ тюрьмѣ никого ни съ какимъ воровствомъ не припущать, и на кабакъ тюремныхъ сидѣльцевъ не водить и пить не давать» [2])... Работа въ тюрьмахъ не запрещалась, но обязательнаго труда для заключенныхъ установлено не было; весь заработокъ шелъ въ ихъ пользу; исключеніе, впрочемъ, составляли заключенные за небольшіе долги, которые употреблялись въ работы, при чемъ изъ ихъ заработковъ погашались какъ расходы по содержанію, такъ и долги, за которые они сидѣли [3]).

Гигіеническія и санитарныя условія тюрьмы были самыя отвратительныя; полное неустройство, голодъ, тѣснота, болѣзни, «духъ и цынга»—были той «тюремной нужей», отъ которой гибли и мерли арестанты; къ этому слѣдуетъ еще прибавить грубый произволъ тюремной администраціи, злоупотреблявшей почти безнаказанно своей властью, для извлеченія личныхъ выгодъ отъ колодниковъ; правительству приходилось особыми указами подтверждать и строго наказывать «за принятіе посуловъ», за самовольный выпускъ сидѣльцевъ тюремныхъ изъ-подъ стражи, отдачу ихъ въ крестьянство и холопство къ другимъ и забираніе къ себѣ [4]), и т. п.

---

[1]) П. С. З., т. II, № 845.

[2]) Сергѣевскій, «Наказ. въ рус. правѣ» и «Акты юридич. быта», т. I, № 4, стр. 5.

[3]) П. С. З., т. III, № 1670, стр. 5.

[4]) Улож., гл. XXI, ст. 83, ст. 104 и П. С. З., т. I, № 441 § 78 и ст. 87, Улож., гл. XXV, ст. 6.

Насколько мало заботилось государство о тюремныхъ сидѣльцахъ видно уже изъ того, что только въ 1663 году изданъ былъ указъ «о дачѣ изъ казны денегъ на погребеніе умершихъ въ тюрьмѣ колодниковъ, у которыхъ нѣтъ сродниковъ на лицо»; этимъ указомъ отмѣнялся прежній порядокъ, а именно царь «изъ тюрьмы на кресцы (перекрестки) и на улицы тѣхъ мертвыхъ тѣлъ возить не велѣлъ» [1]).

При такихъ условіяхъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи о какомъ-либо раздѣленіи преступниковъ по роду преступленій, по возрастамъ и даже по поламъ. Напротивъ того, бывали случаи, когда мужчину сковывали вмѣстѣ съ женщиной. О раздѣленіи въ тюрьмахъ воинскихъ чиновъ отъ гражданскихъ лицъ, тѣмъ болѣе, не могло быть и рѣчи. Можно себѣ представить, поэтому, какой ужасный развратъ, какая нравственная испорченность царили въ тюрьмахъ малокультурной Москвы того времени.

И въ такую-то обстановку попадали военнослужащіе за сравнительно маловажные служебные проступки и упущенія, люди непорочные, иногда даже имѣющіе высокое служебное положеніе! Пробыть сутки въ атмосферѣ такой тюрьмы представлялось, безспорно, жестокимъ наказаніемъ. А между тѣмъ тюрьма примѣнялась въ то время и какъ церковное наказаніе: въ нее попадали родители за дѣтоубійство, обязанные кромѣ того вслухъ передъ церковью объявлять свой грѣхъ [2]), тати и разбойники, присужденные къ смертной казни, сажались «для покаянія въ тюремную избу на шесть недѣль» [3]), и т. п.

ЗАКОВЫВАНІЕ

Лишеніе свободы усугублялось заковываніемъ «въ желѣза», т. е. цѣпи и колоды. Впрочемъ, не всѣ заключенные за тюремной стѣной заковывались въ цѣпи; обязательно надѣвались желѣза на арестантовъ только при выпускѣ для работъ или для собиранія милостыни; кромѣ того, особо важныхъ преступниковъ содержали все время закованными, въ особенности въ отдаленныхъ тюрьмахъ, напр., сосланныхъ въ Туринскъ малороссіянъ, изобличенныхъ въ измѣнѣ [4]). Мѣра эта принималась, повидимому, главнымъ образомъ, для устраненія

---

[1]) П. С. З., т. I, № 336. Объ отпускѣ изъ Разбойнаго приказа въ Московскія большія тюрьмы денегъ на погребеніе умершихъ въ оныхъ колодниковъ.

[2]) Улож., гл. XXI, ст. 34.

[3]) Тамъ-же, гл. XXII, п. 3, № 441, ст. 89.

[4]) П. С. З., т. I, № 562.

возможности побѣга изъ тюрьмы. Иногда цѣпи надѣвались на заключенныхъ также въ видѣ дисциплинарнаго взысканія.

Администрація московскихъ тюремъ.

Тюрьма въ Московскій періодъ исторіи русскаго государства не получила широкаго примѣненія изъ соображеній, надо полагать, государственной экономіи съ одной стороны, а съ другой — вслѣдствіе господствовавшаго въ то время воззрѣнія на цѣль наказанія. Какъ бы то ни было, но это обстоятельство было, въ сущности, большимъ счастьемъ для Россіи. Неустройство тюремъ, грубость тюремной администраціи и та извращенная, жестокая этика, которая выработалась въ тюремной общинѣ, отнюдь не могли благопріятствовать нравственному исправленію преступниковъ, а напротивъ того воспитывали изъ нихъ людей вредныхъ для общества и опасныхъ для государства. Чѣмъ меньше было такихъ разсадниковъ, такихъ тюремъ, тѣмъ лучше.

Центральные органы.

Вслѣдствіе тѣхъ-же условій и организація тюремной части въ Московской Руси находилась въ самомъ примитивномъ состояніи. Высшее управленіе тюрьмами сосредоточивалось первоначально въ Разбойномъ [1]) и Земскомъ [2]) приказахъ, при чемъ изъ Разбойнаго приказа посылались росписи о числѣ содержащихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заключенія (напр., въ Черной Палатѣ) колодниковъ въ приказъ Большого Дворца (въ Большой Приходъ) [3]). Что-же касается колодниковъ изъ военнослужащихъ, то дѣла о таковыхъ сосредоточивались, въ зависимости отъ рода службы, въ коей состоялъ колодникъ, либо въ Стрѣлецкомъ приказѣ (о стрѣльцахъ) [4]), либо въ Иноземномъ [5]) приказѣ (о всѣхъ полковъ генералахъ и прочихъ начальныхъ людяхъ по всѣмъ дѣламъ, кромѣ уголовныхъ), либо въ Преображенскомъ [6]) (о солдатахъ и ихъ семействахъ уличенныхъ въ корчемствѣ и о сказывающихъ «слово и дѣло») и т. д.; такимъ образомъ Разбойный и Земскій приказы далеко не представлялись единственными центральными органами тюремнаго управленія какъ не представлялись и тюрьмы единственнымъ мѣстомъ заключе-

---

[1]) П. С. З., т. I, № 527 и т. II, № 894.
[2]) П. С. З., т. I, Улож., гл. XXI, 2; т. II, №№ 894 и 1257.
[3]) П. С. З., т. I, № 328.
[4]) П. С. З., т. I, Улож., гл. XXIII.
[5]) П. С. З., т. III, № 1469.
[6]) П. С. З., т. III, № 1712, 1918, 2029; т. VI, №№ 3739, 3984.

нія; содержались колодники и при московскихъ приказахъ, въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ: «за рѣшеткой», «подъ палаткой», въ «приказной избѣ», въ «чорной избѣ», а иногда-же «подъ земскою избою въ подклѣтѣ»; содержались они и въ башняхъ, и даже при дворцѣ.

Въ концѣ XVII вѣка Земскій приказъ былъ уничтоженъ и всѣ дѣла изъ него переданы были въ Стрѣлецкій и частью въ Московскій Судный приказъ [1]), а Разбойный приказъ былъ переименованъ въ Сыскной, куда и перешло высшее завѣдываніе тюрьмами [2]).

МѢСТНЫЕ ОРГАНЫ.

Мѣстная административная власть въ отношеніи тюремъ принадлежала губнымъ старостамъ [3]), а гдѣ ихъ не было—воеводамъ [4]). На нихъ возлагался высшій надзоръ за благоустройствомъ тюремъ, т. е., главнымъ образомъ, за тѣмъ, «чтобы тюрьмы были крѣпки»; другими словами, чтобы арестанты не могли совершить изъ нихъ побѣговъ; хотя эти слова Соборнаго Уложенія толковались и въ буквальномъ смыслѣ, т. е. на губныхъ старостъ возлагалась обязанность ремонта тюремъ и постройка новыхъ тюремъ, взамѣнъ пришедшихъ въ полную негодность [5]). Болѣе подробно кругъ вѣдомства губныхъ старостъ въ отношеніи тюремъ не былъ регламентированъ закономъ.

Непосредственное-же завѣдываніе тюрьмами возлагалось на такъ называемыхъ цѣловальниковъ, т. е. должностныхъ лицъ, состоящихъ по присягѣ на государственной службѣ, и вольнонаемныхъ «тюремныхъ сторожей»; эти послѣдніе, повидимому, также присягали, по крайней мѣрѣ съ нихъ взимались такъ называемыя «крестоприводныя пошлины» [6]). Какъ тѣ, такъ и другіе выбирались изъ тяглыхъ людей [7]) и служебное ихъ положеніе мало различалось. Число сторожей и цѣловальниковъ зависѣло отъ величины тюрьмы: такъ, въ большихъ московскихъ тюрьмахъ нанималось по 8 сторожей (вмѣсто цѣловальниковъ), а въ прочихъ—по два; нанимались они каждый разъ

---

[1]) П. С. З., т. III, № 1713, 1515, 1695.
[2]) П. С. З., т. II, №№ 1052, 1271.
[3]) П. С. З., т. I, Ул. гл. XXI, ст. 101; XXI, ст. 3, 83, 84.
[4]) П. С. З., т. III, №№ 1394, § 50, 1670, § 5.
[5]) П. С. З., т. II, №№ 1271 и 1895.
[6]) П. С. З., т. III, № 1360; т. I, Ул. гл. XXI, п. 4 и ст. 441, п. 3—«Тюремнымъ сторожамъ быть по выборамъ сошныхъ людей за крестнымъ цѣлованіемъ».
[7]) П. С. З., т. I, Ул. XXI, п. 4, 95.

на годъ, за порукою [1]). Не безынтересно отмѣтить, что благодаря такому порядку назначенія сторожей и цѣловальниковъ, въ случаѣ нарушенія ими служебныхъ обязанностей (напр. упуска арестанта), подлежали отвѣтственности не только они, но и тѣ, которые ихъ выбрали [2]). Кромѣ цѣловальниковъ и сторожей, при тюрьмахъ имѣлся и караулъ изъ стрѣльцовъ, также за порукой.

На обязанности цѣловальниковъ и сторожей лежалъ ближайшій и непосредственный надзоръ за тюремными сидѣльцами, главнымъ образомъ въ цѣляхъ предупрежденія побѣга и нарушеній тѣхъ немногихъ правилъ внутренняго распорядка въ тюрьмахъ, которыя были установлены закономъ. Въ актахъ о выборѣ тюремныхъ цѣловальниковъ и въ поручныхъ по нимъ записяхъ значится, что имъ полагалось «жить у тюрьмы безотступно»... «во весь годъ днемъ и ночью [3])». Они обязаны были заключенныхъ «беречь накрѣпко», «изъ тюрьмы никакими мѣрами не выпущать и, въ міръ ходя, ихъ не отпустить и за городъ ихъ не выводить, и воровать имъ не давать», «пилъ и рѣзцовъ тюремнымъ сидѣльцамъ не подносить» и т. п.

На ряду съ этимъ къ сторожамъ и цѣловальникамъ предъявлялись извѣстнаго рода нравственныя требованія, упоминаніе которыхъ въ юридическихъ актахъ того времени весьма характерно, такъ какъ обрисовываетъ бытовую дѣйствительность. «Будучи въ сторожахъ—говорится въ этихъ актахъ—воровствомъ никакимъ не воровать, зернью и карты не играть и корчмы не держать»... самому «пьяно не напиватца»... «посуловъ и поминокъ не имать»... [4]) и т. д. Предъявленіе подобнаго рода требованій, очевидно, вызывалось низкимъ нравственнымъ уровнемъ тюремной администраціи того времени, а неуклонное выполненіе этихъ требованій гарантировалось уголовнымъ закономъ [5]); особенно строго наказывался упускъ арестантовъ.

РЕВИЗІОННЫЕ ОРГАНЫ.

Не довѣряя, естественно, такой администраціи, правительственная власть вынуждена была организовать особый надъ ними контроль, который осуществлялся путемъ періодическихъ ревизій. Изъ Москов-

---

[1]) П. С. З., т. I, № 384.
[2]) Тамъ-же, Ул., гл. XXI, п. 83 и 84.
[3]) Тамъ-же, № 441, п. 3.
[4]) Акты юридич. быта, т. I, № 3, т. II, № 262 и 280.
[5]) Т. I, Ул. гл. XXI, п. 83, 84, 101, 104, ст. 441, ст. 87, 444.

скихъ приказовъ съ этою цѣлью командировались подъячіе [1]) въ города къ воеводамъ; впрочемъ, насколько можно судить по нѣкоторымъ историческимъ памятникамъ [2]), компетенція такихъ ревизіонныхъ органовъ ограничивалась, преимущественно, вопросами экономическими: выясненіемъ состоянія тюремныхъ помѣщеній и расходовъ, потребныхъ для ихъ ремонта («осмотръ и починка тюремъ»).

ТЮРЬМЫ ДЛЯ ССЫЛЬНЫХЪ.

Въ мѣстахъ ссылки преступниковъ также устраивались тюрьмы для содержанія тѣхъ сосланныхъ, которыхъ, по царскому указу, надлежало содержать съ «береженьемъ» и «за крѣпкимъ карауломъ», какъ особо важныхъ преступниковъ; такъ напримѣръ, содержались изобличенные въ измѣнѣ Малороссіяне, сосланные въ Туринскъ [3]). Въ Верхотурьѣ даже построенъ былъ для жительства ссыльныхъ особый обширный дворъ (острогъ) [4]); но, какъ уже было выше указано, положеніе ссыльныхъ военно-служащихъ обусловливалось тою службою, которую они несли въ мѣстахъ ссылки; они получали свое обыкновенное содержаніе и жалованье и расположены были наравнѣ съ прочими военно-служащими. Бывали, впрочемъ, исключенія: такъ, сосланные въ 1675 году въ Великій Устюгъ самарскіе и саратовскіе стрѣльцы получали только хлѣбное довольствіе наравнѣ съ устюжскими стрѣльцами, а денежное на 1 рубль меньше послѣднихъ.

ПРЕПРОВОЖДЕНІЕ И СОДЕРЖАНІЕ ССЫЛЬНЫХЪ.

Порядокъ препровожденія ссыльныхъ, близкій къ этапному порядку, былъ установленъ цѣлымъ рядомъ законоположеній [5]). Сопровождали ихъ подъ конвоемъ—«съ служилыми людьми и провожатыми». Въ частности, при отправленіи въ Сибирь, они препровождались до Тобольска, откуда распредѣлялись по различнымъ Сибирскимъ острогамъ, куда и препровождались «съ приставы и съ провожатыми съ Тобольскими служилыми людьми». Такимъ образомъ, на мѣстѣ ссылки сосланные либо содержались въ тюрьмѣ, либо, если по указу содержанія въ тюрьмѣ не было имъ назначено, — отдавались на «крѣпкія поруки», а «буде по комъ порукъ не будетъ»,—за тѣми предписывалось «начальнымъ людямъ» имѣть особый надзоръ: «беречь и пересматривать понедѣльно, чтобъ они никуда не ушли и были всѣ въ

---

[1]) П. С. З., т. II, № 1271 и 1895.
[2]) Тамъ-же.
[3]) П. С. З., т. I, № 562.
[4]) П. С. З., т. III, № 1534.
[5]) П. С. З., т. III, №№ 1449, 1534, 1594 п. 28, 1595.

лицахъ» (на лицо). Вмѣстѣ съ тѣмъ принимались и другія мѣры для предупрежденія побѣговъ: описывали «въ рожѣ и примѣты» (въ Туринскомъ острогѣ), приказывали «биричамъ въ торгу кликать по многіе дни, чтобъ изъ Сибири ссыльныхъ людей бѣглецовъ къ Руси никто не провозилъ» [1]) и, наконецъ, удерживали ссыльныхъ также страхомъ наказанія за побѣгъ [2]).

Административное устройство ссыльныхъ.

Сосланные «въ указныя мѣста, гдѣ кому и въ какихъ чинѣхъ... быть указано», переписывались и водворялись тамъ, согласно указу и несли службу, безъ права выѣзда въ Москву. Въ порядкѣ административнаго управленія всѣ ссыльные подчинялись мѣстнымъ «воеводамъ съ товарищи» [3]). Независимо отъ того, сосланные, во время ихъ заключенія въ тюрьмѣ, были подвѣдомственны еще и мѣстной тюремной администраціи; высланные-же для житья «въ уѣзды»—мѣстному гражданскому начальству; наконецъ, военнослужащіе, сосланные въ казаки или, вообще, на службу въ окраинные и дальніе города, не исключая Сибири, подчинялись въ общемъ порядкѣ своему военному начальству. Никакой особой администраціи и учрежденій для ссыльныхъ въ Московскій періодъ не существовало, тѣмъ болѣе не было спеціальныхъ учрежденій для ссыльныхъ военнослужащихъ.

Общій выводъ.

Заканчивая обозрѣніе различнаго рода видовъ лишенія свободы, установленныхъ для военнослужащихъ въ тотъ періодъ исторіи нашихъ вооруженныхъ силъ, когда въ Россіи еще не существовало регулярной арміи, слѣдуетъ отмѣтить, что особыхъ военно-карательныхъ учрежденій въ то время и не могло быть. Съ одной стороны господствовавшій въ законодательствѣ той эпохи взглядъ на наказаніе преступника, какъ на мѣру устрашенія преступниковъ и предупрежденія, такимъ путемъ, преступленій на будущее время, а съ другой—слабость государственной власти и отсутствіе у нея средствъ для осуществленія болѣе сложной карательной системы, требующей спеціальной организаціи—обусловили необходимость придать карательнымъ мѣропріятіямъ, преимущественно, утилитарный характеръ.

---

[1]) П. С. З., т. I, № 562.
[2]) П. С. З., т. № 1430.
[3]) См. П. С. З., т. III, № 1670=Наказныя статьи въ Сибири Тюменскому Воеводѣ, Стольнику Тухачевскому, съ приложеніемъ наказовъ бывшимъ въ Сибири Воеводамъ на Тарѣ въ 7119, 7141 и 7201 г.г.

Этимъ утилитарнымъ характеромъ и отличается карательная система XVI и XVII вѣковъ въ Россіи; въ видахъ экономіи государственныхъ средствъ, — она дешева и примитивна; въ цѣляхъ карательныхъ—она цѣликомъ основана на принципѣ устрашенія, и, наконецъ, въ цѣляхъ экономизаціи силъ — она сохраняетъ для государственной службы даже порочныхъ людей, усиливая ими по возможности колонизацію и пограничную охрану государства отъ внѣшнихъ враговъ и заставляя ихъ, такимъ образомъ, служить тому-же обществу и государственному порядку, для которыхъ они, при другихъ условіяхъ, были бы безусловно вредными и опасными.

Тотъ-же явно утилитарный характеръ карательной системы, крайне неопредѣленной во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, задерживалъ развитіе у насъ тюремнаго дѣла, въ особенности въ войскахъ, и, напротивъ того, содѣйствовалъ широкому примѣненію ссылки. По отзывамъ иностранцевъ, посѣтившихъ въ то время Россію, въ Сибирь ссылалась весьма значительная часть преступниковъ, гдѣ они предназначались «или для военной службы... или для земледѣлія [1])».

Таково вліяніе общихъ условій государственной жизни того времени. Однако, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что отсутствіе регулярной арміи и правильной военной организаціи—представляется основной причиной, почему въ разсматриваемый историческій періодъ совершенно не получаетъ развитія спеціальная военно-карательная система. Военно-уголовное право того времени находилось въ самомъ зачаточномъ состояніи; воинскія преступленія не различались отъ общихъ; спеціальнаго военнаго кодекса не было; не существовало военно-судебной организаціи, а слѣдовательно не было надобности и въ спеціальной военной подсудности. Цѣль и значеніе воинскаго наказанія были однородны съ таковыми наказанія общеуголовнаго, а потому не представлялось никакой надобности создавать въ законодательствѣ особыя воинскія наказанія. При такихъ-же условіяхъ, разумѣется, не могло возникать и рѣчи объ особыхъ военно-тюремныхъ учрежденіяхъ.

ЗНАЧЕНІЕ РАЗСМАТРИВАЕМАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПЕРІОДА.

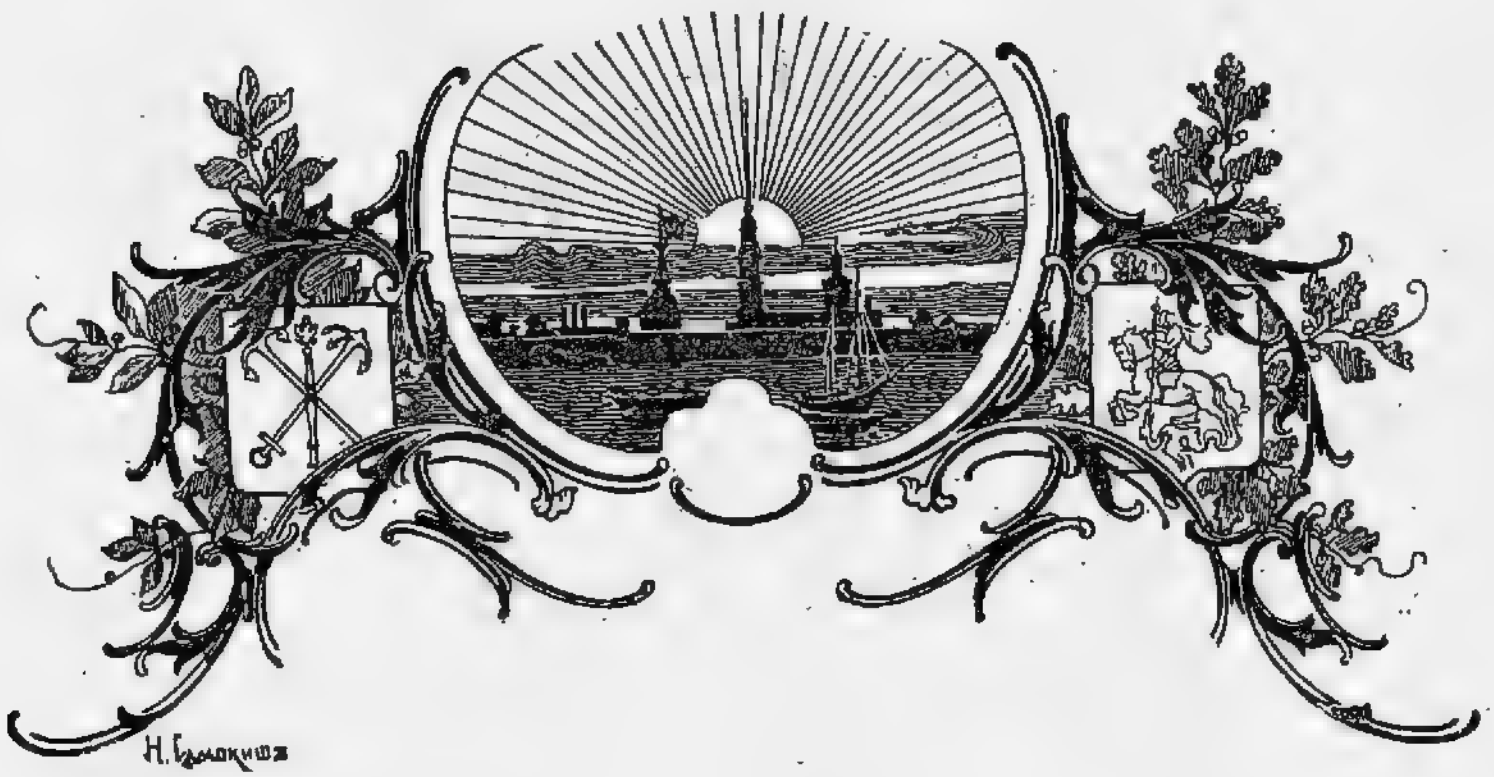
Разсматриваемая эпоха интересна, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что при всей неопредѣленности юридическаго быта тог-

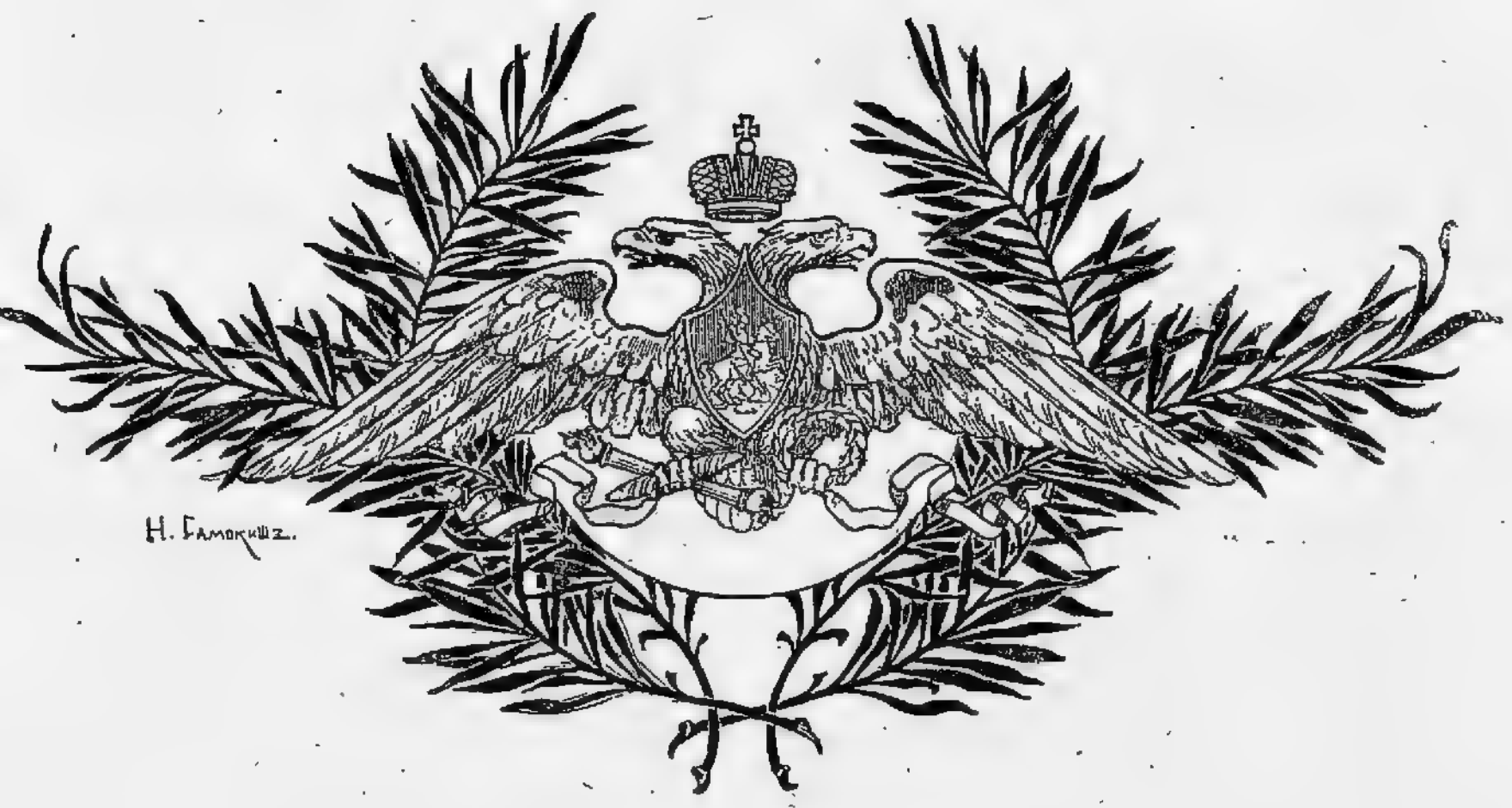
[1]) Reutenfels, De rebus Moscoviticis, стр. 147.

Гос. Публичная Библиотека Ленинград

дашняго войска, тѣмъ не менѣе въ законодательствѣ уже наблюдается тенденція поставить военно-служащихъ въ положеніе нѣсколько обособленное, выдѣлить ихъ въ особую корпорацію, устройство которой еще не ясно для самого законодателя. Это — требованіе жизни, требованіе времени, но еще не сознательный и продуманный актъ государственной власти. Невольно чувствуется близость момента, когда вооруженная государственная сила должна получить болѣе стройную организацію, обособиться въ постоянную, самоуправляющуюся корпорацію, въ регулярно функціонирующій государственный институтъ.

Законодатель еще не создалъ особой военно-карательной системы, но уже допускаетъ нѣкоторыя изъятія, нѣкоторыя особенности въ примѣненіи общихъ нормъ къ военнослужащимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ уже предъявляются къ военнослужащимъ особыя требованія дисциплины, для поддержанія которой въ войскахъ уже намѣчается особый видъ наказаній—дисциплинарныя взысканія, въ числѣ которыхъ уже встрѣчается и наказаніе лишеніемъ свободы, т. е. наказаніе, которое въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи неизбѣжно должно было привести къ созданію особыхъ военно-карательныхъ учрежденій.





ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ДО УЧРЕЖДЕНІЯ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА.

ГЛАВА III.

ВОЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПЕТРА I И НАКАЗАНІЯ ВЪ НЕМЪ ЛИШЕНІЕМЪ СВОБОДЫ.

Въ 1699 году Петръ Великій приступилъ къ трудному, но великому дѣлу — созданія регулярнаго, или, какъ онъ самъ выражался,—«настоящаго» войска [1]). Ближайшими сотрудниками Царя въ этомъ дѣлѣ были иноземцы: ген. Гордонъ, адмиралъ Лефортъ и генералъ Адамъ Адамовичъ Вейде — авторъ «Воинскаго Устава». Регулярное войско было организовано по иноземнымъ образцамъ, по типу, выработанному въ государствахъ Западной Европы въ XVII-омъ вѣкѣ, но непосредственнымъ матеріаломъ для новой арміи

[1]) Бобровскій, Военное право въ Россіи, ч. II, вып. 2, стр. 151.

послужили русскія вооруженныя силы предшествующей исторической эпохи. Для вновь созданнаго войска потребовались новыя учрежденія, уставы и законы. Такимъ образомъ на рубежѣ XVIII вѣка опредѣлилось и получило начало русское военное право.

«СТАТЬИ ВОИНСКІЯ» А. ВЕЙДЕ.

Первымъ въ этой области былъ трудъ Ад. Вейде, а именно, «Статьи Воинскія, какъ надлежитъ солдату въ житіи себя держать и въ строю и въ ученіи обходиться». Эти восемь статей касались, преимущественно, нижнихъ чиновъ и составлены были «для удержанія порядка и дисциплины при обученіи новоучрежденной пѣхоты». Обученіе-же новыхъ полковъ поручено было генералу Автоному Автономовичу Головину, который, какъ видно изъ его донесенія Царю отъ 23 марта 1700 г., широко примѣнялъ къ солдатамъ карательныя мѣры, установленныя этими статьями. Въ числѣ этихъ карательныхъ мѣръ мы встрѣчаемъ «взятіе подъ караулъ» на 1 или 2 сутокъ (за несвоевременную явку въ караулъ), ношеніе мушкетовъ по 3 и 5 штукъ по два часа, «спицъ-рутенъ», батоги и др.

Кромѣ того Вейде составилъ «Воинскій Уставъ», въ которомъ собраны были нѣкоторыя военно-административныя законоположенія и строевой уставъ; до нашихъ дней сохранилась только часть этого устава, напечатанная по повелѣнію императора Николая I въ 1841 г.

ШЕРЕМЕТЕВСКОЕ УЛОЖЕНІЕ.

Слѣдующимъ законодательнымъ памятникомъ того времени, по военному праву, представляется—«Уложеніе, или право воинскаго поведенія генераламъ, среднимъ и меньшимъ чинамъ и рядовымъ солдатамъ», изданное въ 1701 или 1702 г. съ разрѣшенія Петра Великаго фельдмаршаломъ, или, какъ онъ самъ себя назвалъ—«наименьшимъ регементаремъ надъ войски Его Величества»—Борисомъ Шереметевымъ; это Уложеніе, которое нынѣ принято называть «Шереметевскимъ», какъ свидѣтельствуютъ иностранные писатели [1]), имѣло также широкое примѣненіе въ молодой Петровской арміи. Въ этомъ Уложеніи, предусматривающемъ преимущественно воинскія преступленія, упоминаются, какъ наказанія, направленныя противъ свободы: 1) арестъ, т. е. содержаніе за карауломъ и посаженіе въ желѣза на

---

[1]) «Начертаніе о началѣ и успѣхахъ въ устроеніи регулярнаго войска и морского флота въ Россіи». Фр. Шмидтъ. Москва. 1798.

время не болѣе 7 сутокъ и 2) каторга, т. е. лишеніе свободы на болѣе продолжительное время (безъ означенія срока); впрочемъ, это послѣднее наказаніе упомянуто въ Уложеніи только одинъ разъ, а именно, за вторую кражу и за татьбу съ насиліемъ [1]). Изъ другихъ взысканій, установленныхъ Шереметевскимъ уложеніемъ, слѣдуетъ отмѣтить ношеніе ружей, отъ одного до шести на срокъ до одной недѣли, въ перемежку съ отдыхомъ, который давался на часъ черезъ каждые два часа. Дѣйствіе Шереметевскаго уложенія распространялось на всѣхъ военнослужащихъ, «отъ полкового воеводы и до нижняго начальнаго человѣка и солдата» и на всѣхъ тѣхъ, которые «при войскѣ на сухомъ пути каковымъ ни есть подобіемъ обрѣтаются».

КРАТКІЙ АРТИКУЛЪ.

Изъ послѣдующихъ военныхъ законоположеній укажемъ на такъ называемый «Артикулъ краткій», составленный путемъ выборки статей «изъ древнихъ христіанскихъ воинскихъ правъ, иже о богобоязни и о наказаніи различныхъ злостей... Также о командѣ, о осторожности, храбрости и како имѣютъ въ квартирахъ и обозѣхъ воинскіе генеральные и полковые суды и особливыя должности, по различію чиновъ». Этотъ «Краткій артикулъ», въ печатномъ видѣ болѣе извѣстный на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Moskowitisches Kriegs-Reglement», изданъ былъ впервые въ Петербургѣ, въ 1706 году и, какъ видно изъ сопоставленія научныхъ изслѣдованій г.г. Розенгейма, Пекарскаго, проф. Кистяковскаго и Шендзиковскаго [2]), долженъ былъ служить не только воинскимъ, но и общеуголовнымъ кодексомъ для иностранцевъ, служившихъ въ русскихъ войскахъ, и въ тоже время представляется, какъ-бы конспектомъ Воинскаго Артикула 1716 года.

Изъ 12-ти главъ Краткаго Артикула (114 статей), пять посвящены общимъ преступленіямъ и четыре—воинскимъ. Такимъ образомъ, въ Артикулѣ уже совершенно отчетливо выдѣлены эти послѣднія. Еще болѣе заслуживаетъ вниманіе этотъ законодательный актъ въ томъ отношеніи, что въ немъ впервые разграничены дисциплинар-

[1]) Розенгеймъ. «Очеркъ исторіи в.-суд. учрежденій», стр. 69—70 и 269—294.

[2]) Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ В.». Спб. 1862 г., Проф. Кистяковскій, Библіографич. замѣтка въ «Жур. Гр. и Уг. Пр.» 1879 г.

ныя взысканія, назначаемыя безъ суда властью офицера, который «вышнюю команду на мѣстѣ имѣетъ», отъ наказаній, налагаемыхъ исключительно по суду. По системѣ Артикула дисциплинарными взысканіями являются: батоги, арестъ въ желѣзахъ, прикованіе къ полу, ношеніе фузей (ружей) и посаженіе на деревянную «кобылу»; къ наказаніямъ же, налагаемымъ по суду, Артикулъ относитъ: лишеніе живота, чести и чина и «наказанія на тѣлѣ» (исключая легкихъ).

Интересно отмѣтить, что по Краткому Артикулу офицеры не подвергались тѣлесному наказанію, а штабъ-офицеры, сверхъ того, не подвергались аресту, кромѣ домашняго, т. е. не могли быть взяты «за карауль»; нѣкоторое различіе въ наказаніяхъ установлено было также для рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ.

Впрочемъ, на практикѣ это, повидимому, не соблюдалось. Въ одномъ изъ писемъ генерала Автонома Головина Петру Великому, сообщая объ исключеніи изъ Преображенскаго полка прапорщиковъ Хмѣлевскаго и Пухорта, Головинъ пишетъ, что они «дѣла своего не знаютъ и гуляки...» «многожды сидѣли за карауломъ и въ строю многожды тростями биты» [1]).

Какъ особенность Краткаго Артикула, укажемъ на крайнее ограниченіе въ немъ наказанія лишеніемъ свободы; не упоминается даже каторга, которую знало предшествующее по времени—Шереметевское Уложеніе; единственнымъ видомъ лишенія свободы по краткому Артикулу является кратковременный арестъ: 1) простой и 2) съ посаженіемъ въ желѣза или съ прикованіемъ къ полу.—Такая ограниченность въ примѣненіи наказаній, направленныхъ на лишеніе свободы, объясняется, повидимому, непродолжительностью въ то время военной службы иностранцевъ въ рядахъ русскихъ войскъ, такъ какъ поступали они на службу по найму, и правительство, вслѣдствіе того, стремилось наиболѣе продуктивно использовать ихъ въ интересахъ службы.

ВОИНСКІЙ УСТАВЪ 1715 ГОДА.

Наконецъ, наиболѣе законченнымъ законодательнымъ памятникомъ эпохи Петра Великаго представляется Воинскій Уставъ 1715 года [2]), состоящій изъ трехъ частей [3]): 1) «Уставъ Воинскій

---

[1]) (Исторія Преображенскаго полка, Азанчевскаго, 71 прил., стр. 29).
[2]) П. С. З., т. V, № 3060.
[3]) П. О. Бобровскій, — О происхожденіи Артикула Воинскаго. Спб. 1881 г.

о должности генераловъ, фельдмаршаловъ и всего генералитета и прочихъ чиновъ, которые при войскѣ надлежатъ быть, и оныхъ воинскихъ дѣлахъ и поведеніяхъ, что каждому чинить должно», 2) «Воинскій Артикулъ» и «Краткое изображеніе процессовъ» и 3) «Объ экзерциціи и пріуготовленіи къ маршу и должности полковыхъ чиновъ».

Собственно законы о преступленіяхъ и наказаніяхъ изложены въ «Воинскомъ Артикулѣ» и отчасти въ «патентѣ о поединкахъ», помѣщенномъ въ первой части устава. Разсматривая эти части Воинскаго Устава, мы должны отмѣтить, что онѣ составляютъ первый полный военно-уголовный кодексъ, изданный притомъ спеціально для русскаго войска и получившій самое широкое примѣненіе. Болѣе ста лѣтъ, впродолженіе всей разсматриваемой нами эпохи, т. е. отъ образованія регулярной арміи и до учрежденія военнаго министерства въ царствованіе Императора Александра I, на основаніи исключительно этого уголовнаго кодекса отправлялось правосудіе и расправлялось наше войско съ преступнымъ въ немъ элементомъ. Уставъ этотъ за указанный періодъ издается, безъ существенныхъ измѣненій, пятнадцать разъ [2]), считая и тѣ изданія, которыя онъ выдержалъ въ послѣдующее время до появленія военно-уголовнаго устава 1839 г.

Такимъ образомъ, хотя Воинскій Уставъ 1715 г. и представляется по существу кодексомъ иностраннаго происхожденія, но на немъ, собственно говоря, воспиталась русская армія, установился въ ней весь внутренній порядокъ, опредѣлились права, обязанности и власть каждаго воинскаго чина, спаявшая вооруженныя наши силы дисциплина и даже все воинское обученіе; такимъ образомъ значеніе Воинскаго Устава и, въ частности, Воинскаго Артикула—громадное. Значительную роль сыгралъ Воинскій Артикулъ и въ исторіи нашихъ военно-карательныхъ учрежденій, такъ какъ имъ опредѣляется цѣлая эпоха развитія этихъ учрежденій въ Россіи. Тѣмъ интереснѣе, слѣдовательно, остановиться на системѣ наказаній, установленныхъ этимъ кодексомъ.

СИСТЕМА НАКАЗАНІЙ ПО ВОИНСКОМУ УСТАВУ.

По этой системѣ намѣчается пять категорій наказаній: 1) обык-

---

[2]) Въ 1716, 1719, 1735, 1748, 1754, 1777, 1780, 1785, 1796, 1804, 1808, 1810, 1814, 1820 и 1826 г.г.; указомъ 10 апрѣля 1716 г. дѣйствіе Воинскаго Артикула было распространено и на гражданское вѣдомство, и получило такимъ образомъ значеніе общеуголовнаго кодекса.

новенныя тѣлесныя — ношеніе мушкетовъ или сѣделъ, заключеніе, закованіе рукъ и ногъ въ желѣза, содержаніе на хлѣбѣ и водѣ, сидѣнье на деревянныхъ кобылахъ, хожденіе по деревяннымъ кольямъ и битье батогами; 2) жестокія тѣлесныя наказанія—тяжелое заключеніе, прогнаніе сквозь строй (шпицрутены), наказаніе посредствомъ палача кнутомъ, клейменіе желѣзомъ, обрѣзаніе ушей, отсѣченіе руки или пальцевъ и ссылка на каторгу вѣчно или срочно, на нѣсколько лѣтъ; 3) смертныя наказанія—«застреленіемъ, мечомъ, висѣлицею, колесомъ, четвертованіемъ и огнемъ»; 4) Легкія чести рушенія—когда «начальный человѣкъ чину извержень или безъ заслуженнаго жалованья и безъ пасу отъ полка отосланъ или изъ государства высланъ», и, наконецъ, 5) тяжелое чести рушеніе («котораго имя на висѣлицѣ прибито или шпага его отъ палача преломлена и воромъ (шельмомъ) объявленъ будетъ») или шельмованіе.

Собственно говоря, приведенная выше система наказаній указана не въ Воинскомъ Артикулѣ, а въ краткомъ изображеніи процессовъ, въ статьяхъ-же Воинскаго Артикула нѣкоторые изъ этихъ видовъ наказаній вовсе не упоминаются, зато встрѣчаются и такія наказанія, о которыхъ не говорится въ краткомъ изображеніи процессовъ. Впрочемъ, эта разница не имѣетъ существеннаго значенія въ цѣляхъ настоящаго изслѣдованія.

Слѣдуетъ также отмѣтить, что въ отношеніи назначенія наказаній сообразно служебному положенію наказываемыхъ лицъ, Воинскій Артикулъ ближе къ принципу равенства наказанія для всѣхъ, но эта особенность отнюдь не принципіальная, а лишь случайная: отсутствіе въ Воинскомъ Уставѣ опредѣленности, которая въ этомъ отношеніи, напротивъ того, наблюдается въ краткомъ артикулѣ, не устраняетъ разницу въ наказаніи офицеровъ и нижнихъ чиновъ, хотя, напримѣръ, отъ тѣлеснаго наказанія офицеры по Воинскому Артикулу освобождены не были и только съ дарованіемъ Императрицей Екатериной II въ 1785 г. жалованной грамоты дворянству, офицеры вновь были освобождены отъ этого унизительнаго наказанія. Впрочемъ, надо отдать справедливость военнымъ судамъ—они примѣняли тѣлесное наказаніе къ офицерамъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

НАКАЗАНІЯ ЛИШЕНІЕМЪ СВОБОДЫ ПО ВОИНСКОМУ АРТИКУЛУ

Наконецъ, что касается наказаній лишеніемъ свободы, то, какъ видно изъ системы, принятой Воинскимъ Артикуломъ, имъ не прида-

валось значеніе самостоятельнаго рода наказанія, а они разсматривались лишь какъ видъ тѣлеснаго наказанія, что можетъ быть объяснено тѣмъ, что при тогдашнихъ условіяхъ отбыванія заключенія и каторги, наказанія эти, по справедливости, должны быть отнесены къ мучительнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ.

Раньше чѣмъ обратиться къ болѣе детальному разсмотрѣнію сущности и видовъ наказанія лишеніемъ свободы по Петровскому законодательству, сдѣлаемъ общую характеристику этого законодательства и принятой въ немъ системы наказаній.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОЕННЫХЪ КОДЕКСОВЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Съ учрежденіемъ по иноземному образцу арміи, Великій Преобразователь неизбѣжно вынужденъ былъ заимствовать у иностранцевъ и тѣ уставы, которые опредѣляли быть и дѣятельность арміи, такъ какъ Россія до тѣхъ поръ имѣла лишь самое ограниченное количество войскъ иноземнаго строя, для которыхъ, въ условіяхъ тогдашняго быта арміи (не имѣвшей правильной организаціи и не замкнутой еще въ спеціальную корпорацію), не встрѣчалось надобности въ особомъ военномъ правѣ. Очевидно также, что воинскіе уставы Петра I не могли явиться результатомъ національнаго законодательнаго творчества.

Правовое положеніе военнослужащихъ въ XVIII вѣкѣ въ Россіи сложилось, слѣдовательно, по образцу западно-европейскому. Спѣшность и рѣшительность, съ которой Петръ I преобразовалъ свои вооруженныя силы, чтобы возможно скорѣе создать боевой матеріалъ для борьбы со Швеціей временъ Карла XII, заставили его быстро, въ теченіе какихъ нибудь 10 — 15 лѣтъ, смѣнить нѣсколько наспѣхъ-же выработанныхъ военныхъ кодексовъ, пока, наконецъ, не опредѣлилась окончательно организація и составъ русскаго войска. Съ этого послѣдняго момента появляется уже устойчивое военное законодательство, опредѣлившее, повторяемъ, болѣе чѣмъ на столѣтіе, правовое положеніе военнослужащихъ въ Россіи.

Разумѣется, что это законодательство отразило въ себѣ господствовавшія въ то время въ западной Европѣ правовыя воззрѣнія, а въ частности взгляды на преступника и цѣль наказанія. Господство инквизиціонной формы процесса—съ одной стороны, теоріи устрашенія путемъ наказанія и борьбы такимъ способомъ съ преступностью—съ другой, обусловили и характеръ спеціально воинскаго наказанія. Отсюда

поразительная жестокость наказанія, изощренность въ изысканіи мучительныхъ физическихъ наказаній, широкое примѣненіе изувѣчивающихъ и членовредительныхъ мѣръ и примѣненіе принципа матеріальнаго тальона.

ПОСТЕПЕННОЕ РАЗВИТІЕ НАКАЗАНІЙ ЛИШЕНІЕМЪ СВОБОДЫ ПРИ ПЕТРѢ I.

На ряду съ тѣмъ карательная система Петра I отводитъ наказанію лишеніемъ свободы сравнительно незначительное мѣсто. Условія времени, рѣшительный и спѣшный характеръ военной реформы, финансовое положеніе Россіи, истощенной войнами, внутренними смутами и необходимостью огромныхъ матеріальныхъ затратъ на преобразованіе арміи и государственно-общественнаго строя, не позволяли законодателю и думать объ отмежеваніи особымъ военно-тюремнымъ учрежденіямъ болѣе широкаго значенія. Тѣмъ не менѣе, по сравненію съ предшествующей эпохой, мы въ правѣ отмѣтить, что лишеніе свободы, какъ воинское наказаніе, не только пріобрѣло въ законодательствѣ Петра I признаніе, но даже виды примѣненія этого наказанія постепенно умножались и развивались. Для подтвержденія нашего взгляда приведемъ слѣдующую сравнительную таблицу наказаній лишеніемъ свободы, составленную по различнымъ воинскимъ кодексамъ Петра I.

I. Воинскія статьи А. Вейде.

1. Ношеніе мушкетовъ.
2. Взятіе за караулъ.

II. Уложеніе Шереметева.

1. Посаженіе въ желѣза.
2. Содержаніе за карауломъ.
3. Каторга.

III. Краткій Артикулъ.

1. Ношеніе ружей (фузей).
2. Посаженіе въ желѣза.
3. Прикованіе къ полу.
4. Посаженіе на кобылу.
5. Взятіе за караулъ.

VI. Воинскій Уставъ 1716 г.

1. Ношеніе мушкетовъ и сѣделъ.
2. Закованіе въ желѣзо.
3. Сидѣнье на кобылѣ.
4. Арестъ у профоса.
5. Содержаніе на хлѣбѣ и водѣ.
6. Тюремное заключеніе.
7. Каторга или галеры.
8. Ссылка.

Такимъ образомъ позднѣйшій Петровскій кодексъ — Воинскій Артикулъ—устанавливаетъ уже вполнѣ опредѣленную и достаточно развитую систему наказаній лишеніемъ свободы. Воинскій Артикулъ

различаетъ «жестокое (тяжелое) заключеніе», всегда отягченное закованіемъ въ желѣза» [1]), отъ «сноснаго заключенія» [2]) и, наконецъ, простого» заключенія» [3]), при чемъ жестокое заключеніе стоитъ въ ряду наказаній передъ шпицрутенами и примѣняется иногда къ рядовымъ, какъ единственный за данное преступленіе родъ наказанія; въ нѣкоторыхъ артикулахъ, впрочемъ, находимъ различные сроки этого заключенія [4]).

ДИСЦИПЛИНАРНЫЯ ВЗЫСКАНІЯ.

Встрѣчаемыя въ артикулахъ также указанія на «тюрьму» [5]) и «арестъ у профоса» [6]) не даютъ, однако, основаній къ опредѣленію какой либо постепенности по точно установленной лѣстницѣ наказаній лишеніемъ свободы, но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя изъ этихъ наказаній могли быть назначаемы и какъ дисциплинарныя взысканія, а потому и должны быть отнесены къ низшимъ видамъ наказанія лишеніемъ свободы. По краткому Артикулу къ категоріи дѣлъ, разрѣшаемыхъ въ порядкѣ дисциплинарномъ, отнесены были «дѣла, которыя точію въ арестѣ, скованьи въ желѣза (къ) полу, посаженьи на кобылу (и) ношеніи фузей, такожде и рядовыхъ батогами, безъ разсужденія (безъ суда) вышнему офицеру надлежитъ, который вышнюю команду гдѣ на мѣстѣ имѣетъ»[7]).

Слѣдуетъ замѣтить, что разсмотрѣнная выше система наказаній лишеніемъ свободы по законамъ Петра I нѣсколько не совпадала съ практикой, выработавшей въ теченіе вѣка нѣкоторыя разновидности наказаній, въ законахъ не установленныхъ, но объ этомъ подробнѣе скажемъ, разсматривая каждый видъ наказанія лишеніемъ свободы въ отдѣльности.

---

[1]) Воинскій Артикулъ, арт. 1, 6, 10, 12, 38, 48, 76, 77, 151.
[2]) Тамъ-же, арт. 152.
[3]) Тамъ-же, арт. 21, 34, 85.
[4]) Тамъ-же, арт. 6, 10, 151.
[5]) Напр., атр. 203.
[6]) Тамъ-же, атр. 11.
[7]) Краткій Артик. Гл., X, ст. 2.

ГЛАВА IV.

ПОСАЖЕНІЕ НА КОБЫЛУ И НОШЕНІЕ ОРУЖІЯ; ХАРАКТЕРЪ ЭТИХЪ ВЗЫСКАНІЙ.

ЗЪ дисциплинарныхъ взысканій по законодательству Петра Великаго наиболѣе легкимъ представляется «посаженіе на деревянную кобылу» и «ношеніе мушкетовъ или фузей», а по «Краткому изображенію процессовъ»—также и «ношеніе сѣделъ». Наказанія эти, за исключеніемъ послѣдняго, о которомъ Воинскій Артикулъ даже не упоминаетъ, составляли въ ту эпоху наиболѣе часто примѣнявшіяся взысканія, какъ въ наше время аналогичное-же наказаніе—поставленье «подъ ружье и ранецъ». Распространенность этого вида взысканія объясняется, главнымъ образомъ, удобствомъ его отбыванія: его краткосрочностью, дѣлимостью, индивидуальностью и простотой.

«Посаженіе на кобылу», т. е. на укрѣпленное на козлахъ деревянное бревно для гимнастическихъ упражненій, носило скорѣе позорящій характеръ, потому что вызывало насмѣшки товарищей наказываемаго. Наказаніе это, очевидно, иностраннаго происхожденія, такъ какъ русское право, знающее самыя жестокія наказанія, всегда съ отвращеніемъ относилось къ наказанію, основанному на глумленіи надъ личностью наказываемаго; подобное наказаніе не въ духѣ русскаго народа, проникнутаго состраданіемъ къ наказываемому. Тѣмъ болѣе не могло привиться это наказаніе въ военномъ быту, основан-

номъ на духѣ товарищества и взаимной выручки. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ, очевидно, и Воинскій Артикулъ, дозволявшій начальнику къ своему приказанію «угроженія прибавить», но строго, однако, воспрещавшій употребленіе «всякихъ поносныхъ и чести касающихся словъ». Вотъ почему, надо полагать, не привилась въ русскомъ войскѣ и попытка придать посаженію на кобылу характеръ физическаго, тѣлеснаго наказанія, для чего придумано было даже сажать на кобылу съ заостреннымъ бревномъ. Воинскій Артикулъ о посаженіи на кобылу уже не упоминаетъ вовсе.

Другое дѣло «ношеніе мушкетовъ или фузей», поражавшее, главнымъ образомъ, свободу военнослужащаго во внѣслужебное время, въ часы отдыха. Этотъ характеръ наказанія, въ связи съ тѣмъ, что за нѣкоторыя преступленія ношеніе значительнаго числа ружей назначалось на довольно продолжительные сроки (напр. за пьянство и др. упущенія по службѣ), «за первую (провинность) двое сутки шести мушкетовъ держати по два часа и по три часа отдыхати, за другую—недѣлю» [1])—придавало ему значеніе, скорѣе, тѣлеснаго наказанія, чѣмъ наказанія, направленнаго на лишеніе свободы; вотъ почему, быть можетъ, оно и отнесено по системѣ Воинскаго Устава къ разряду легкихъ тѣлесныхъ наказаній.

Краткій Артикулъ въ такомъ именно смыслѣ и называетъ это взысканіе «отягченіе ружьемъ», а «Воинскій артикулъ», хотя и придавалъ ему элементъ позорящій, напримѣръ, ношеніе мушкетовъ, карабиновъ или пикъ въ присутствіи цѣлаго полка, но подобнаго рода наказаніе назначалось не за воинскіе, а за противные нравственности проступки, напр., за маловажныя преступленія противъ вѣры.

СОДЕРЖАНІЕ ВЪ КАРАУЛОМЪ ИЛИ АРЕСТЪ

Однако, на ряду съ такими взысканіями, которыя нельзя считать непосредственно направленными на лишеніе свободы, Петровское военное законодательство впервые создаетъ, въ числѣ карательныхъ мѣръ, наказаніе, объектомъ котораго уже непосредственно является личная свобода; наказаніе это—«взятіе за карауль» или, какъ

---

[1]) Ст. 4. Шереметевскаго Уложенія. По «Воинскимъ статьямъ» Вейде полагалось ношеніе мушкетовъ по 3 — 5 штукъ, по два часа, съ двухчасовыми промежутками.

его именуетъ Краткій Артикулъ, «а р е с т ъ» [1]). Правда, и это взысканіе относилось по системѣ Воинскаго Устава къ числу тѣлесныхъ, но это объясняется тѣмъ, что, поражая свободу военнослужащаго, законодатель отягчалъ такое наказаніе различнаго рода физическими мученіями и лишеніями, такъ какъ не задавался, да и не могъ задаваться въ то время, какими-либо цѣлями нравственнаго воздѣйствія, а тѣмъ болѣе исправленія провинившагося. Не таковъ былъ вѣкъ, не тѣ были нравы и правовыя воззрѣнія.

ПОСАЖЕНІЕ ВЪ ЖЕЛѢЗА.

Отягченной формой ареста представлялось взятіе за караулъ съ «п о с а ж е н і е м ъ в ъ ж е л ѣ з а», («закованіе въ желѣза») и «п р и к о в а н і е м ъ к ъ п о л у».

«Посаженіе въ желѣза», какъ наказаніе воинское, устанавливается впервые Шереметьевскимъ Уложеніемъ, которое относитъ это наказаніе къ числу легкихъ дисциплинарныхъ взысканій, напримѣръ, за пьянство во второй разъ («за вторую (провинность въ пьянствѣ)—въ желѣзо на недѣлю» [2]) и за оскорбленіе на словахъ, буде виновный «у оскорбленнаго христіанскаго прощенія... не получитъ» [3]). Слѣдуя за Уложеніемъ, и Краткій Артикулъ смотритъ на посаженіе въ желѣзо, какъ на дисциплинарное взысканіе и обла-

гаетъ имъ, напримѣръ, самовольную отлучку съ поста [4]). Правомъ наложенія этого рода наказанія пользовались высшіе военные начальники офицерскаго званія, которымъ была подчинена часть, въ коей состоялъ провинившійся или, выражаясь словами Артикула, которые «вышнюю команду на мѣстѣ имѣютъ». Однако, въ дисциплинарномъ порядкѣ это взысканіе могло быть наложено только на нижнихъ чиновъ, офицеры-же подвергались заключенію въ оковы исключительно по постановленію суда.

Надо еще отмѣтить, что закованіе въ желѣзо практиковалось по Кратко́му Артикулу и на походѣ къ тѣмъ, кто оказывался въ числѣ отсталыхъ или отлучившихся отъ команды: «Въ походѣхъ никто-бъ не оставался назади, накрѣпко при ротѣ своей держался, а ежели уѣдетъ или останется назади, то его, яко бѣглеца, въ желѣзо сковать»...[5]).

[1]) Гл. I, ст. 7.
[2]) Ст. 3.
[3]) Ст. 59.
[4]) Гл. IX, ст. 2.
[5]) Крат. арт., Гл. VIII, ст. 2.

Такимъ образомъ, посаженіе въ желѣза представлялось особымъ видомъ лишенія свободы и притомъ краткосрочнымъ: по Шереметевскому Уложенію содержаніе за карауломъ и посаженіе въ желѣза назначалось на время не болѣе 7-ми сутокъ [1]).

По условіямъ-же осуществленія этой карательной мѣры на практикѣ, она, дѣйствительно, могла быть съ полнымъ основаніемъ отнесена къ числу тѣлесныхъ наказаній.

Самымъ обыкновеннымъ способомъ посаженія въ желѣзо было сковываніе рукъ или ногъ, или, наконецъ, и тѣхъ и другихъ одновременно; въ такомъ видѣ наказаніе практиковалось, напримѣръ, на походѣ; но иногда наказываемый приковывался цѣпью за шею или за конечности къ стѣнѣ, полу или какому-нибудь громоздкому и тяжелому предмету въ самомъ мѣстѣ его заключенія. Наконецъ, вмѣсто цѣпи (оковъ) примѣнялось, по наслѣдству отъ старины, надѣваніе особыхъ деревянныхъ или желѣзныхъ колодъ, съ отверстіями въ нихъ для шеи, или для конечностей наказываемаго (по два отверстія). Эти тяжелыя, неуклюжія колоды надѣвались самымъ разнообразнымъ образомъ, при чемъ отъ способа ихъ надѣванія зависѣла и самая степень мучительности наказанія. Петровскіе застѣнки знали особо изощренныя мученія при помощи подобныхъ колодъ: наказываемаго на продолжительное время сковывали то съ вытянутыми на груди или за спиною, иногда даже скрещенными, руками, то съ вывернутыми на-крестъ ногами, то, наконецъ, сковывали колодами такимъ образомъ, что наказанный принужденъ былъ либо стоять все время на колѣнномъ изгибѣ ногъ, либо въ неестественно изогнутомъ положеніи опираться всей тяжестью тѣла только на ступни ногъ и кисти рукъ. Безъ сомнѣнія, подобныхъ истязаній законодатель не могъ имѣть въ виду, но они ничуть не противорѣчили общему духу наказаній того времени, имѣвшихъ единственной цѣлью воздѣйствовать устрашающе на преступниковъ и общество. Подтвержденіемъ такого взгляда можетъ служить свидѣтельство Гордона, по словамъ котораго фельдмаршалъ Огильви, заботившійся о водвореніи въ нашей распущенной и плохо еще съорганизованной арміи дисциплины, считалъ однако-же необходимымъ умѣрять излишнюю строгость воин-

[1]) Уложеніе Шереметева, ст. 3, 59 и 74.

скихъ наказаній и говорилъ: «Россія еще въ своемъ младенчествѣ и должна постепенно привыкать къ военной дисциплинѣ» [1]).

Посаженіе въ желѣза по изданному Петромъ Великимъ въ 1706 г. Морскому уставу [2]) (такъ называемому «Артикулу Корабельному») и по Морскимъ артикуламъ 1710 г., сопровождалось оставленіемъ на хлѣбѣ и водѣ и продолжалось до 8-ми дней.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что посаженіе въ желѣза примѣнялось и какъ мѣра пресѣченія способовъ уклониться отъ суда и наказанія. Приговореннаго, напримѣръ, къ смертной казни предписывалось, тотчасъ по подписаніи сентенціи, заключить въ оковы, кто бы онъ ни былъ, что бы не бѣжалъ. Въ такихъ случаяхъ срокъ «посаженія въ желѣза», разумѣется, опредѣлялся моментомъ сужденія обвиняемаго или приведенія приговора въ исполненіе.

АРЕСТЪ И ЕГО ВИДЫ.

Выше уже было указано значеніе ареста или содержанія за карауломъ въ общей системѣ воинскихъ наказаній, установленной законодательствомъ Петра I. Первоначально арестъ имѣлъ лишь одинъ видъ—взятіе за карауль, но съ развитіемъ въ царствованіе Петра Великаго военнаго права, постепенно начинаютъ выдѣляться и другіе виды лишенія свободы, путемъ содержанія подъ стражей, такъ что въ Воинскомъ Уставѣ 1716 года или, вѣрнѣе, въ Воинскомъ артикулѣ уже вполнѣ установлены были: 1) содержаніе за карауломъ, 2) содержаніе на хлѣбѣ и водѣ, 3) упомянутое уже выше содержаніе въ оковахъ и, наконецъ, 4) особый видъ ареста, установленный спеціально для офицерскихъ чиновъ—арестъ у профоса. Въ сущности всѣ эти разновидности отличались только условіями отбыванія наказанія, какъ и въ наши дни отличаются простой, строгій и усиленный арестъ для нижнихъ чиновъ и арестъ домашній или на гауптвахтѣ—для офицеровъ.

Первоначальная форма ареста—взятіе за карауль, установленная, какъ воинское наказаніе, въ Воинскихъ статьяхъ А. Вейде, — по Краткому Артикулу остается лишь наказаніемъ для низшихъ воинскихъ чиновъ, «полковники же и маіоры не могутъ быть

---

[1]) Записныя тетради Петра Великаго 1704, 1705 и 1706 г.г. Изд. 1794 г., стр. 8, выноска 1-я.

[2]) Румянцев. музей, отд. рукоп. Сбор. Кожевникова, № 13.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВОЕННАЯ ТЮРЬМА.

Внѣшній видъ.

Гимнастическій плацъ.

Входъ въ тюрьму.

Центръ тюрьмы.

Видъ на всѣ четыре этажа.

Видъ сбоку.

приговорены за карауль» [1]) даже по судебнымъ приговорамъ, и такимъ образомъ для штабъ-офицеровъ появляются особые виды ареста: домашній и у профоса.

Арестъ за карауломъ не влекъ никакихъ правопораженій и не сопровождался тѣлеснымъ наказаніемъ; онъ характеризовался лишь тѣмъ, что наказываемый содержался подъ наблюденіемъ караула (иногда съ приставленіемъ часового) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ караулы учреждались.

Арестъ за карауломъ отягчался иногда тѣмъ, что наказываемый содержался на хлѣбѣ и водѣ, и, такимъ образомъ, приближался къ современному строгому аресту. Этотъ видъ ареста примѣнялся исключительно къ нижнимъ чинамъ и сопровождался иногда посаженіемъ въ желѣза; такимъ образомъ, онъ былъ направленъ не только на лишеніе свободы, но и на причиненіе нѣкотораго рода тѣлесныхъ страданій; впрочемъ, и въ современномъ строгомъ арестѣ такое-же дѣйствіе достигается тѣмъ, что арестованные спятъ на голыхъ нарахъ, а при усиленномъ—лишаются еще и свѣта. Оставленіе на хлѣбѣ и водѣ, безъ горячей пищи, по Петровскимъ законамъ, назначалось на срокъ до 2 недѣль [2]).

АРЕСТЪ У ПРОФОСА И ИНСТИТУТЪ ПРОФОСОВЪ.

Наконецъ, особымъ видомъ унизительнаго, «нечестнаго» ареста, назначаемаго преимущественно лицамъ офицерскаго званія — былъ арестъ у профоса. Чтобы понять значеніе этого вида ареста, слѣдуетъ нѣсколько остановиться на самомъ институтѣ профосовъ, тѣмъ болѣе, что профосы были первыми спеціально военно-полицейскими органами въ нашей арміи.

Впервые профосы появляются въ нашихъ иноземныхъ полкахъ, сформированныхъ еще въ XVII столѣтіи, и, слѣдовательно, званіе и должность профоса заимствованы у насъ съ запада. Уложеніе Шереметева (подъ именемъ гевальдигеровъ) и Краткій артикулъ уже узакониваютъ у насъ этотъ институтъ, а въ Воинскомъ уставѣ 1716 г. онъ уже подробно регламентированъ въ XLIII-ей главѣ.

Первоначально на профосовъ или гевальдигеровъ возлагалась обязанность преслѣдованія нарушеній и поддержанія на судѣ обвиненія,

---

[1]) Крат. Арт., Гл. X, ст. 10.

[2]) По морскимъ уставамъ до 2-хъ недѣль это наказаніе полагалось лишь «начальнымъ людямъ», а рядовымъ до 1-ой недѣли.

но по воинскому уставу на нихъ преимущественно возложена была полицейская служба въ войскахъ: наблюденіе чистоты въ мѣстахъ расположенія войскъ, лагеряхъ, надзоръ за арестантами, исполненіе нѣкоторыхъ тѣлесныхъ наказаній, передача преступника палачу на мѣстѣ казни, нанесеніе удара по лицу присужденному къ такому наказанію (за личную обиду) и обозваніе публично клеветника лжецомъ, раздѣваніе блудницъ при изгнаніи ихъ изъ лагеря и т. п. обязанности, создавшія профосамъ такую нелестную славу, что самое названіе «профосъ» стало въ просторѣчіи ругательнымъ словомъ.

Въ главѣ 43-ей Воинскаго Устава «О Штабъ-генералѣ-профосѣ» говорится: «Генералъ-профосъ имѣетъ надзираніе надъ арестантами, и всѣ преступители у него за карауломъ держатся, которые по состоянію дѣлъ отъ его служителей въ желѣза посажены бываютъ. Всѣ полковые профосы суть подъ его командою. А егда кто изъ оныхъ долгъ свой во содержаніи чистой квартиры какъ въ полѣ, такъ и въ гарнизонѣ не соблюдетъ со тщаніемъ, и надъ арестантами тѣми, которые отдаются подъ караулъ, не поступитъ опасно и порядочно, о томъ въ полкъ даетъ знать, гдѣ по состоянію его вины штрафованъ быти надлежитъ».

По штату 1711 г. въ арміи полагалось два генералъ-профоса: одинъ изъ иноземцевъ, съ жалованьемъ въ 750 руб., и одинъ русскій, съ жалованьемъ въ 400 руб. Подъ начальствомъ генералъ-профоса находились полковые профосы, которыхъ полагалось по тому-же штату: изъ русскихъ—въ кавалеріи 33, въ пѣхотѣ—42, съ жалованьемъ по 84 руб. въ годъ; въ гарнизонныхъ полкахъ профосы получали всего 60 руб. Наконецъ, въ подчиненіи полковыхъ профосовъ состояли ротные профосы, которыхъ въ кавалеріи состояло по штату 330 чел., съ жалованьемъ по 18 руб. въ годъ, а въ пѣхотѣ 336 чел., съ жалованьемъ отъ 10 [1]) до 12 руб. въ годъ. Профосы положены были по штату 8 февраля 1712 г. и въ артиллеріи (по шести ротныхъ профосовъ) [2]).

Въ распоряженіи полковыхъ профосовъ состоялъ, такъ называемый, палочный караулъ для охраненія арестованныхъ и желѣза для

---

[1]) По 10 руб. 38 алт. и 4 деньги каждому, а въ драгунскихъ ротахъ по 12 руб.

[2]) П. С. З., т. IV, № 2480.

ихъ скованія; къ нимъ-же присылались и провинившіеся офицеры для содержанія подъ арестомъ, которые подъ наблюденіемъ профоса и содержались подъ «нечестнымъ карауломъ» [1]).

Нѣтъ сомнѣнья, что подобнаго рода арестъ для лицъ офицерскаго званія являлся мѣрой, направленной не только на лишеніе свободы, но и на честь, разумѣется исключительно въ нравственномъ, а не юридическомъ значеніи.

Такимъ образомъ, институтъ профосовъ представлялся одновременно и органомъ военно-карательнымъ, по скольку онъ осуществлялъ функцію надзора за арестованными военнослужащими въ мѣстахъ заключенія военнаго вѣдомства.

Законодатель въ Воинскомъ Артикулѣ устанавливаетъ даже спеціальную отвѣтственность профоса за упускъ арестованныхъ. Хотя въ порядкѣ подчиненности всѣ профосы, начиная съ ротныхъ, и были объединены подъ начальствомъ Штабъ-генералъ-профоса, но послѣдній лишенъ былъ дисциплинарной власти по отношенію къ подвѣдомственнымъ ему профосамъ, а долженъ былъ сообщать о ихъ служебныхъ упущеніяхъ войсковымъ ихъ начальникамъ на зависящее распоряженіе.

Чтобы поддержать въ арміи авторитетъ крайне непопулярныхъ профосовъ, хотя бы въ кругѣ ихъ спеціальныхъ обязанностей, законъ приравнивалъ сопротивленіе, оказанное профосу, къ нарушенію дисциплины.

Однако, такими мѣрами едва-ли можно было внушить хоть сколько-нибудь уваженія къ лицу, выполнявшему въ войскахъ функцію тюремнаго надзирателя и полицейскаго органа, часто по своимъ служебнымъ обязанностямъ отождествляемому съ палачемъ.

Хотя въ штатахъ нигдѣ не упоминается о военныхъ палачахъ, но по изслѣдованіямъ М. П. Розенгейма [2]), палачи, безъ всякаго сомнѣнья, существовали въ войскахъ Петровской эпохи. «Въ воинскомъ уставѣ 1716 г.,—говоритъ г. Розенгеймъ,—о палачѣ упоминается неоднократно, и между прочимъ въ гл. 23-й Воинскихъ артикуловъ, но и помимо того въ дѣлахъ приказа военныхъ дѣлъ имѣется пере-

ПАЛАЧИ.

[1]) Въ артикулахъ упоминается три случая ареста у профоса.
[2]) «Очеркъ исторіи воен.-суд. учреж. въ Россіи». Спб., 1873, стр. 110.

писка [1]), возникшая по прошенію, отъ 2-го іюля 1708 г., ученика заплечнаго мастера о назначеніи ему жалованья и денегъ «на плети и снасти», вслѣдствіе чего приказъ военныхъ дѣлъ запрашивалъ московскій судный приказъ о существующемъ въ немъ размѣрѣ жалованья палачамъ, и былъ увѣдомленъ, что заплечные мастера въ московскомъ судномъ приказѣ получаютъ: мастера 1-ой статьи 6 рублей, 2-ой статьи—3 руб., да на снасти по 3 алтына, 2 деньги въ годъ». На этомъ основаніи и приказъ военныхъ дѣлъ, указомъ 29-го Сентября 1708 г., опредѣлилъ жалованье палачу 3 руб. въ годъ, да на концы, какъ въ московскомъ судномъ приказѣ, 3 алтына, 2 деньги.

Такимъ образомъ, надо полагать, что въ войскахъ палачи не дѣлились на двѣ категоріи (статьи) т. е. на заплечныхъ мастеровъ и ихъ учениковъ, а всѣ состояли, такъ сказать, въ одномъ рангѣ. Подчинялись они, повидимому, профосамъ, которые и передавали имъ въ руки осужденнаго, для приведенія наказанія въ исполненіе. По воинскому артикулу, въ силу установленнаго порядка смертной казни, осужденный сначала предъ полкомъ рукою капрала лишался оружія и мундира, а потомъ профосомъ, подъ конвоемъ нѣсколькихъ солдатъ, передавался палачу для исполненія приговора. Такимъ-же образомъ, черезъ посредство профоса, исполнялось палачемъ и наказаніе осужденнаго кнутомъ.

Болѣе подробныхъ указаній, опредѣляющихъ положеніе военныхъ палачей, къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи не имѣется, но надо полагать, что военные палачи комплектовались тѣмъ-же порядкомъ, какъ и прочіе «заплечные мастера» того времени, но уже изъ изучившихъ предварительно свое искусство въ качествѣ учениковъ. Искусство-же это было не легкое. Вотъ, напримѣръ, описаніе наказанія розгами [2]): «Удары кнутомъ наносились вдоль всей спины преступника, притомъ такъ, что къ тѣлу прикасался только хвостъ кнута, а не плетеная часть. При каждомъ ударѣ палачъ отходилъ на нѣсколько шаговъ назадъ, взмахивалъ кнутъ обѣими руками надъ головою и, съ громкимъ крикомъ, быстро приближаясь къ преступ-

[1]) Москов. отдѣл. общаго архива Главнаго Штаба, связка 1, опись 3.
[2]) «Наказаніе въ русскомъ правѣ XVIII в.». Н. Д. Сергѣевскій. 1888, стр. 159.

нику, опускалъ кнутъ на его спину. Удары ложились вдоль спины параллельно; искусство палача заключалось въ томъ, чтобы линія одного удара не пересѣкалась съ линіей другого. Палачи,—разсказываютъ современники-очевидцы, — такъ хорошо знаютъ свое дѣло, что рѣдко ударяютъ два раза по одному мѣсту; они могутъ класть ударъ къ удару ровно, какъ-бы размѣряя ихъ циркулемъ или линейкою. Сила ударовъ такова, что каждый пробиваетъ кожу и кровь льется ручьями; кожа отставала кусками, вмѣстѣ съ мясомъ. «Какъ ударитъ по которому мѣсту,—говоритъ Котошихинъ,—и на спинѣ станетъ такъ слово въ слово будто большой ремень вырѣзанъ ножемъ, мало не до кости»... Послѣ каждаго удара палачъ рукою отиралъ съ ремня кровь и приставшую кожу, а послѣ нѣсколькихъ, обыкновенно не болѣе десяти, перемѣнялъ размягчившійся отъ крови ремень»... По свидѣтельству Якоба [1])—бывали примѣры, что палачъ съ первыхъ трехъ ударовъ перебивалъ позвоночный столбъ, и преступникъ умиралъ на мѣстѣ; наоборотъ, бывали примѣры, что сто и даже триста ударовъ не причиняли никакого замѣтнаго вреда здоровью преступника. Для достиженія такого искусства нуженъ былъ долгій опытъ, въ которомъ, впрочемъ, въ то время недостатка не могло чувствоваться.

ГЕНЕРАЛЪ ГЕВАЛЬДИГЕРЪ И РУМОРМЕЙСТЕРЪ.

Въ военное время, на походѣ, обязанности Генералъ-Профоса возлагались на Генералъ-Гевальдигера или Румормейстера, которые и представлялись такими-же военно-полицейскими и военно-карательными органами. По уставу Густава-Адольфа это были двѣ различныя должности, при чемъ вторая находилась въ подчиненной зависимости отъ первой. Однако, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ эти должности стали отождествляться, и къ полицейскимъ функціямъ Гевальдигера присоединена была въ извѣстныхъ случаяхъ судебная и карательная власть. Въ воинскомъ уставѣ Петра Великаго, въ главѣ XLI-ой, должность эта описана слѣдующимъ образомъ: «Понежѣ правосудіе всюду поддержано имѣетъ быть, того ради потребно есть, чтобъ сіе при войскѣ чинено было, для чего онъ, Гевальдигеръ, съ однимъ или двумя поручиками при большомъ войскѣ учрежденъ и обязанъ смотрѣть, чтобы солдаты и всѣ прочіе при войскѣ противъ приказа не чинили, о чемъ всякій вечеръ, чрезъ генеральсъ-адъютанта отъ гене-

[1]) Jakob, Entwurf eines Criminalgesetzbuches für das russische Reich. 1818.

ралъ-фельдмаршала указы получаетъ. На маршѣ ему дается отъ кавалеріи, которые спереди и сзади и по сторонамъ наблюдаютъ и пойманныхъ злодѣевъ берутъ за арестъ, или по состоянію дѣла, если что подъ смертною казнію заказано, оныхъ повѣсить велитъ, для чего при немъ священникъ и палачъ».

Изъ этого опредѣленія врядъ-ли можно еще заключить, что и въ Россіи Гевальдигеру предоставлялось право суда; скорѣе это былъ органъ исполнительный, полицейскій.

По «Инструкціи Генералъ-Гевальдигеру», изданной 12 іюня 1714 года для флота, обязанности Гевальдигера разъясняются нѣсколько опредѣленнѣе: ему принадлежала «власть и сила» брать преступниковъ за караулъ, но ни наказывать, ни освобождать ихъ безъ распоряженія высшаго начальства онъ не имѣлъ права [1]). По своему званію онъ пользовался правами полковника [2]). Въ его прямомъ подчиненіи были Румормейстеръ съ двумя сержантами и дежурные полковые профосы, по отношенію которыхъ онъ и пользовался своею дисциплинарной властью полковника [3]). Кромѣ того на походѣ въ его распоряженіе назначалась цѣлая команда, составлявшаяся изъ командируемыхъ отъ каждаго баталіона по 2 нижнихъ чина. Въ кругѣ прямыхъ своихъ обязанностей Гевальдигеръ могъ требовать «вспомоществованія» отъ «всякаго командира», которымъ въ свою очередь вмѣнялось въ обязанность «не чинить въ чину ихъ (названныхъ должностныхъ лицъ) помѣшательства» [4]).

Интересно отмѣтить въ какихъ случаяхъ Гевальдигеру предоставлялось право подвергать аресту т.-е. «брать за караулъ», а именно: 1) за отлучку солдатъ судовъ далѣе «фузейнаго» выстрѣла [5]), или послѣ пробитія вечерней зори [6]) и 2) за кражу.

Правомъ брать за караулъ въ упомянутыхъ случаяхъ пользовались, впрочемъ, и профосы, но послѣдніе могли арестовывать не долѣе

---

[1]) Арх. Мор. Мин., дѣла гр. Апраксина, № 252. Ст. 1 и 2-я «Инструкціи».
[2]) Тамъ-же, ст. 40.
[3]) Тамъ-же, ст. 9—12.
[4]) Тамъ-же, ст. 38.
[5]) Въ примѣненіи къ сухопут. войскамъ, надо полагать, также опредѣлялась отлучка отъ своей команды.
[6]) Ст. 3 и 28 «Инструкціи».

какъ на 30 часовъ; по истеченіи-же этого срока обязаны были препровождать задержаннаго къ генералъ-гевальдигеру, или, въ случаѣ его отсутствія—къ румормейстеру, состоящимъ при гевальдигерѣ поручикамъ, или дежурному при гевальдигерѣ профосу. Но и гевальдигеру не предоставлялось права отдавать какія либо распоряженія, направленныя къ освобожденію или взысканія съ задержаннаго, а, напротивъ того, онъ былъ обязанъ принять мѣры «благосохраненія» задержаннаго и тотчасъ при особой вѣдомости донести о задержанныхъ «дежуръ-генералъ-маіору отъ дивизіи», а этотъ послѣдній докладывалъ въ свою очередь старшему изъ военно-начальствующихъ лицъ, о послѣдовавшихъ распоряженіяхъ котораго и сообщалъ гевальдигеру для исполненія [1]).

Такимъ образомъ, профосамъ и гевальдигерамъ принадлежала лишь власть предварительнаго арестованія впредь до распоряженія.

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ исключительныхъ и притомъ чрезвычайныхъ случаяхъ, гевальдигеру предоставлялась и карательная власть, при чемъ неограниченная (до смертной казни) и безапелляціонная. Такъ, если въ сторонѣ отъ арміи будетъ пойманъ виновный въ разореніи, насиліи или грабежѣ, то гевальдигеръ имѣлъ право «въ тѣхъ-же мѣстахъ чинить наказанія безъ разсмотрѣнія персоны, не требуя иного свидѣтельства сверхъ того, что самъ то преступленіе усмотритъ» [2]).

Такимъ образомъ, наказаніе могло быть назначено гевальдигеромъ въ указанномъ случаѣ только при условіи, если онъ лично застигнетъ преступника на самомъ мѣстѣ преступленія, въ моментъ совершенія преступленія. Это, разумѣется, могло произойти лишь въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ.

Въ той-же инструкціи подробно указаны полицейскія обязанности гевальдигеровъ (и профосовъ), а также отвѣтственность за злоупотребленія и нарушенія ими самими порядка: за игру въ карты и кости, за торговлю виномъ, за «продажу и шинкованье» во время богослуженія, за лихоимство, безпорядокъ въ лагерѣ и пр.

Отмѣтимъ, затѣмъ, что гевальдигеры, по инструкціи, не только получали штатное содержаніе, но «за свои труды» имѣли право взи-

---

[1]) Тамъ-же, ст. 28—35.
[2]) Тамъ-же, ст. 4.

мать съ маркитантовъ по гарнцу пива отъ каждой бочки и по фунту мяса отъ каждой рогатой скотины.

МѢСТА ЗАКЛЮЧЕНІЯ АРЕСТОВАННЫХЪ.

Арестъ отбывался въ то время военнослужащими уже не такъ, какъ въ московскій періодъ — въ общихъ мѣстахъ заключенія, а въ спеціальныхъ арестныхъ помѣщеніяхъ. Эти послѣднія устраивались либо при караульныхъ помѣщеніяхъ, либо отдѣльно; какъ тѣ, такъ и другія назывались «гарнизонными мѣстами» заключенія. Въ первомъ случаѣ арестъ отбывался при полкахъ и частяхъ войскъ, если эти войсковыя части выставляли свои домашніе караулы, или при кордегардіяхъ. Краткій артикулъ впервые устанавливаетъ въ русской арміи правила объ окарауливаніи арестованныхъ: «Каждый долженъ есть— говорится въ ст. 1 главы VII, — когда ему стереженіе ареста такъ вручено, чтобъ чрезъ его лѣность оный (арестантъ) не ушелъ. Понеже оный по случаю того, за что арестантъ сидѣлъ, по жестокости наказанъ будетъ. А ежели караулъ упуститъ такого, который къ смерти приговоренъ, или такого, которому его преступленіе было извѣстно одержанъ будетъ, либо чрезъ тайное умствіе, или смотря на какую себѣ прибыль, нечаемо упуститъ, оный животъ свой потерялъ, особливо (если) къ свободѣ невольника руку приложилъ».

Такимъ образомъ либо караулъ спеціально назначался для «стереженія» арестантовъ, либо, наоборотъ, арестуемые препровождались для отбыванія наказанія къ карауламъ.

Въ опредѣленіи должности полкового профоса, въ 3-ей росписи той части Воинскаго Устава 1716 г., гдѣ говорится «о экзерціціи, о пріуготовленіи къ маршу, о званіяхъ и о должностяхъ полковыхъ чиновъ», между прочимъ значится: «Палочный караулъ всегда ставится у профоса и скованные у него содержатся; а такожде егда кого сажать подъ нечестный караулъ, то всегда къ оному посылати надлежитъ».

Во 2-ой росписи той-же части Воинскаго устава: «о маршѣ арестованнаго офицера» имѣется указаніе о мѣстѣ отбыванія, такъ сказать, домашняго ареста офицерами: «Когда который офицеръ за прегрѣшеніе свое отъ командира будетъ арестованъ и ежели въ квартирахъ, то оный будетъ у себя на квартирѣ, а ежели въ маршѣ, то ѣдетъ при полку на лошади безъ шпаги, а пѣшихъ офицеровъ, арестованныхъ безъ указа генералитета, не водить».

Спеціальными мѣстами заключенія арестованныхъ изъ военнослужащихъ представлялись гауптвахты, которыя устраивались для всего городского гарнизона, не при частяхъ войскъ, и находились въ непосредственномъ вѣдѣніи комендантовъ. Въ столичныхъ и большихъ городахъ бывало даже по нѣсколько гауптвахтъ, изъ которыхъ одна называлась главной. На гауптвахту въ караулъ назначался «знатнѣйшій офицеръ», т.-е. старшій, и караулъ по составу на гауптвахту назначался болѣе многочисленный [1]). Арестъ за карауломъ чаще всего отбывался въ крѣпостяхъ, гдѣ было особенно много карауловъ, а также было больше удобныхъ для содержанія арестованныхъ помѣщеній; сюда-же обыкновенно отправляли для отбытія наказанія болѣе важныхъ арестантовъ и тѣхъ, которымъ арестъ назначался на болѣе продолжительные сроки.

Кромѣ «гарнизонныхъ», спеціально военныхъ мѣстъ заключенія, существовали и различнаго рода общія мѣста заключенія при полиціи и при иныхъ учрежденіяхъ: коллегіяхъ, канцеляріяхъ и приказахъ [2]). Эти мѣста заключенія уже не находились въ вѣдѣніи военнаго начальства, и военнослужащіе хотя и содержались довольно часто подъ арестомъ въ этихъ мѣстахъ заключенія, но тѣмъ не менѣе даже въ Петровское время такой способъ арестованія военнослужащаго почитался исключительнымъ.

Арестъ за карауломъ назначался на срокъ до полугода и не влекъ за собою никакихъ правопораженій, хотя это наказаніе, по мысли законодателя, и считалось тѣлеснымъ, отъ котораго были освобождены штабъ-офицеры, но таковымъ онъ почитался по способу отбыванія наказанія, а не потому, чтобы арестъ сопряженъ былъ съ какимъ-либо придаточнымъ тѣлеснымъ (въ буквальномъ смыслѣ) наказаніемъ.

Что касается способа отбыванія ареста, то нѣкоторые виды этого наказанія, напримѣръ, арестъ съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ, сопровождавшійся къ тому-же, обыкновенно, посаженіемъ въ желѣза,

---

[1]) Уставъ воинскій 1716 г., Гл. 59-ая.

[2]) Къ этому времени относится законъ о томъ, чтобы морскихъ и адмиралтейскихъ служителей не держать подъ арестомъ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, а отсылать въ Адмиралтействъ-коллегію. П. С. З., т. IV, ст. 3556.

могъ дѣйствительно носить характеръ наказанія, направленнаго, главнымъ образомъ, не на лишеніе свободы, а на физическія (тѣлесныя) лишенія. Содержаніе на хлѣбѣ и водѣ продолжалось иногда значительное время; по «Артикулу корабельному» 1706 года, напримѣръ, «начальные люди» даже за пьянство подвергались этому наказанію на двѣ недѣли, и если кто рѣшался дать такому заключенному какую-нибудь пищу, кромѣ установленнаго количества хлѣба, то за это подвергался такому-же наказанію на 7 дней.

Въ виду именно такого характера ареста на хлѣбѣ и водѣ, этому наказанію, какъ тѣлесному, подвергались исключительно нижніе чины. Впрочемъ на практикѣ, какъ выше уже было указано, тѣлесныя наказанія примѣнялись и къ офицерамъ.

Тяжесть ареста усугублялась полнымъ неустройствомъ мѣстъ заключенія. Арестныя помѣщенія и карцера при частяхъ войскъ располагались обыкновенно тамъ, гдѣ ничего другого устроить не было возможности: въ подвалахъ, или въ непригодныхъ для жилья, сырыхъ и темныхъ помѣщеніяхъ, гдѣ-нибудь на задворкѣ подлѣ отхожихъ мѣстъ и т. п. Не лучше было и въ прочихъ гарнизонныхъ мѣстахъ заключенія: на гауптвахтахъ и въ крѣпостяхъ. Если Воинскій Уставъ Петра I-го вынужденъ былъ въ особой главѣ [1]) «О коръ-де гардіяхъ и караульныхъ домахъ, како оные въ береженіи и чистотѣ содержать», констатировать, что даже караульныя помѣщенія «бездѣльные и лѣнивые солдаты, портятъ и разоряютъ, или въ нечистотѣ содержатъ», то можно себѣ представить въ какомъ состояніи находились арестныя помѣщенія, относительно которыхъ всѣ заботы ограничивались лишь наблюденіемъ за прочностью запоровъ и рѣшетокъ, препятствующихъ побѣгу арестанта.

Что касается довольствія арестованныхъ, то нижніе чины продолжали довольствоваться съ котла и получать свой солдатскій паекъ; офицеры-же довольствовались на собственныя свои средства и подчинялись въ этомъ отношеніи лишь тѣмъ ограниченіямъ, которыя установлены были въ цѣляхъ устраненія въ мѣстахъ заключенія безпорядка и пьянства.

ЗНАЧЕНІЕ АРЕСТА.

Арестъ въ Петровскій періодъ представлялся наиболѣе употреби-

[1]) Гл. 58-ая.

тельнымъ наказаніемъ; онъ широко примѣнялся не только въ военномъ быту, но и по отношенію къ гражданскому населенію. Въ Воинскомъ уставѣ въ главѣ «Пріуготовленіи къ маршу» имѣлось, напр., слѣдующее правило, относящееся до карательной службы мирнаго времени: «А внутри лагеря или города которые караулы бываютъ, лозунга не спрашивать, но точію окликать, кто идетъ, и на тотъ вопросъ чѣмъ ни отзовется, болѣе не спрашивать; а ежели не отзовется, брать за арестъ. А буде кто идетъ не внутрь, но мимо, таковому кричать, чтобъ шелъ далѣе, а буде не послушаетъ, то по третьемъ словѣ брать за караулъ».

Такимъ образомъ достаточно было только не отозваться на окликъ часового, чтобы уже попасть подъ арестъ, разумѣется не въ видѣ наказанія.—Подобнаго рода задержанія слѣдуетъ отнести къ предупредительнымъ мѣрамъ, полицейскаго характера. Въ такомъ-же смыслѣ упоминается объ арестѣ въ Краткомъ Артикулѣ [1]): «Въ квартирахъ, въ обозѣхъ, въ походѣ каждый съ огнемъ и свѣчею опасно ходилъ (бы) а послѣ барабаннаго вечерняго бою изъ квартиръ не выходилъ, ежели онъ не хощетъ, яко злоумышленный въ какомъ дѣлѣ, за караулъ посаженъ быть»...

Выраженіе «злоумышленный въ какомъ дѣлѣ» безспорно указываетъ, что арестъ примѣнялся и къ этимъ послѣднимъ, т. е. къ лицамъ уже уличеннымъ въ опредѣленномъ злоумышленіи, какъ мѣра пресѣченія способовъ уклониться отъ слѣдствія и суда.—А. Филипповъ въ своемъ изслѣдованіи «О наказаніи по законодательству Петра Великаго» [2]), приводитъ нѣсколько историческихъ примѣровъ примѣненія ареста, въ видѣ мѣры пресѣченія. Изъ дѣлъ архива л.-гв. Преображенскаго полка видно, что предварительный арестъ примѣнялся къ пойманнымъ бѣглымъ гвардейскимъ солдатамъ и рекрутамъ [3]), и одна изъ вѣдомостей подрядной канцеляріи, представленная князю Долгорукому, была даже озаглавлена [4]): «Л.-гв. Преображенскаго и Семеновскаго полковъ солдаты и другіе чины, которые въ небытность его Сіятельства князя Василія Володимировича Долгорукаго въ

[1]) Гл. IX, ст. 6.
[2]) Стр. 361, прим. 8.
[3]) Арх. л.-гв. Преображенскаго полка, дѣло № 4, фергеры и кригсрехты 1710—1720 г. Прилож. VII.
[4]) Тамъ-же, прилож. VIII, л. 25.

Санктъ Петербурхѣ пойманы изъ бѣговъ и держатоя подъ карауломъ...» Относительно содержанія въ то время подсудимыхъ военнослужащихъ подъ карауломъ встрѣчаются и прямыя указанія въ Полномъ Собраніи Законовъ [1]) и въ Воинскомъ уставѣ, въ которомъ указывалось держать преступниковъ за карауломъ и сажать по состоянію дѣла въ желѣза [2]). Какъ мѣра пресѣченія арестъ въ гарнизонныхъ мѣстахъ заключенія примѣнялся не только къ военнослужащимъ; въ первой четверти XVIII столѣтія въ Петербургъ для содержанія въ гарнизонѣ посылались и всѣ колодники по важнымъ и секретнымъ дѣламъ, при чемъ изъ нихъ солдатамъ и урядникамъ отпускался во время заключенія провіантъ, а прочимъ кормовыя деньги [3]).

Арестъ примѣнялся также и какъ мѣра принудительная по гражданскимъ искамъ, т. е. какъ мѣра, обезпечивающая искъ. А. Филиппов [4]) указываетъ, что такой характеръ ареста установленъ былъ окончательно въ 1723 г. указомъ о формѣ суда, въ которомъ говорится: «Ежели усмотрѣно будетъ, что у того отвѣтчика на толикое число, сколько въ челобитьѣ истцовъ показано, движимаго и недвижимаго имѣнія не будетъ, то, собравъ по немъ поруки, которымъ въ томъ иску вѣрить можно, что ему до вершенія того дѣла не съѣхать, и въ соборѣ тѣхъ порукъ сроку болѣе недѣли не давать; а буде поруки по комъ не будетъ, то держать подъ арестомъ».

Не безынтересно отмѣтить, что въ это-же время установлена была закономъ выдача жалованья гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ, содержащимся подъ арестомъ по истцовымъ дѣламъ, лишь въ половинномъ размѣрѣ [5]); такому-же ограниченію подвергались и служащіе, которые содержались подъ арестомъ и не по истцовымъ дѣламъ [6]); очевидно такимъ образомъ законодатель имѣлъ въ виду хоть до нѣкоторой степени умалить вредъ, наносимый службѣ (казнѣ) (казнѣ) отвлеченіемъ отъ дѣла арестуемыхъ чиновниковъ [7]).

---

[1]) П. С. З., т. VI, № 3806.
[2]) П. С. З., т. V, № 3006, Воин. Уст., гл. XLIII.
[3]) П. С. З., т. VII, № 5194, т. II, № 3824.
[4]) «О наказаніи по законодат. П. В.» стр. 358 и П. С. З., т. VII, 4344, п. 5.
[5]) П. С. З., т. VII, №№ 4882,4897.
[6]) П. С. З., т. VII, № 4882.
[7]) По общему установившемуся въ то время правилу—истцы должны были содержать задержанныхъ подъ арестомъ отвѣтчиковъ на свой коштъ.

Что-же касается отправленія военнослужащихъ къ слѣдствіямъ, то по суднымъ и розыскнымъ дѣламъ расходы эти относились на счетъ истцовъ, а по дѣламъ казеннымъ—на счетъ штрафныхъ полковыхъ денегъ [1]) т. е. суммъ, образующихся въ полкахъ отъ взыскиваемыхъ съ виновныхъ денежныхъ штрафовъ.

Примѣнялся арестъ и какъ понудительная административная мѣра, направленная къ тому, чтобы правительственные указы и распоряженія неукоснительно и безъ промедленія приводились въ исполненіе правительственными органами [2]).

Однако, главнымъ образомъ, арестъ примѣнялся какъ карательная мѣра, притомъ примѣнялся онъ какъ въ судебномъ, такъ и въ дисциплинарномъ порядкѣ.

Тяжелъ былъ арестъ въ гарнизонныхъ мѣстахъ заключенія, но онъ все-таки не могъ быть сравниваемъ съ арестомъ при коллегіяхъ и разнаго рода канцеляріяхъ, этихъ прославленныхъ Петровскихъ застѣнкахъ, въ родѣ С.-Петербургской воеводской канцеляріи, гдѣ процвѣтала самая жестокая пытка [3]).

Правда, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи для военнослужащихъ установлено было изъятіе: офицеровъ и солдатъ полагалось пытать только «въ великихъ преступленіяхъ» и невѣрно пытанныхъ «не почитать за безчестныхъ и въ удостовѣреніе сопричтенія ихъ къ честнымъ возлагать на нихъ знамя (на моряковъ—флагъ) [4]).

Для характеристики тогдашняго положенія заключенныхъ, изъ категоріи, напр., явившихся и пойманныхъ изъ бѣговъ нижнихъ чиновъ, которые содержались при Московской Военной канцеляріи, въ ожиданіи суда и слѣдствія, г. Розенгеймъ [5]) приводитъ подлинныя слова стольника Головина, изъ донесенія его Военной Коллегіи 28-го ноября 1716 г.: «При Московской Военной коллегіи, пишетъ Головинъ,—подъ арестомъ содержатся колодники, которые съ немалою нуждою и отъ тѣсноты, духоты и голоду помираютъ».

---

[1]) П. С. З. т. IX, № 6525.
[2]) П. С. З., №№ 3341, 3934, 4247, 4546, 4580.
[3]) П. С. З., т. IX, № 6970.
[4]) П. С. З., т. V, № 3006, Воин. Арт. 209 толков. и № 3485 Мор. Уст. кн. V, гл. XX, 5142, § 142 № 3890 п. 18 толков.
[5]) Розенгеймъ, «Очеркъ истор. воен.-суд. учр. въ Россіи», стр. 254.

Между тѣмъ въ подобныхъ мѣстахъ заключенія въ ожиданіи приговоровъ по кригсрехтамъ содержалось такое множество военнослужащихъ, что Военная Коллегія вынуждена была вести имъ особый учетъ, требуя статейные имъ списки по прошествіи каждой трети года [1]), чтобы устранить медленность въ производствѣ о нихъ дѣлъ.

Медленность-же эта была поразительная; изъ военно-судныхъ дѣлъ Преображенскаго полка усматривается, что для покаранія солдата Михайлова за фальшивую подпись на хлѣбную дачу подъ руку маіора Юсупова-Княжева, для чего нужно было допросить лишь 3-хъ свидѣтелей, потребовалось времени съ 31 іюля 1716 г. до 22-го апрѣля 1719 г. [2]). Еще болѣе наглядный примѣръ: въ 1727 г. Императрица Екатерина I случайно обнаружила изъ статейныхъ списковъ, что маіоръ Воеводскій содержится подъ карауломъ десятый годъ [3]).

Для содержанія подобнаго рода колодниковъ или, какъ ихъ иначе называли, невольниковъ, отводили мѣста на полковыхъ дворахъ (для воеводскихъ канцелярій), гдѣ полки отсутствовали [4]), а при Сенатѣ, Синодѣ и при каждой коллегіи предписывалось въ «пристойныхъ мѣстахъ» строить казармы [5]); тѣмъ не менѣе общее состояніе петровскихъ застѣнковъ не даромъ вызывало къ себѣ ужасъ и отвращеніе.

Мѣста заключенія при административныхъ учрежденіяхъ, такимъ образомъ, рѣзко отличались отъ мѣстъ содержанія подъ арестомъ военнаго вѣдомства, а по условіямъ отбыванія въ нихъ наказанія, по режиму и самому устройству были болѣе близки къ тюрьмамъ того времени.

ТЮРЬМА ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

Петровскія тюрьмы, по справедливому опредѣленію г. Тарасова, представлялись полицейской мѣрой безопасности: «на эту именно мѣру законодательство возлагало, повидимому, особое упованіе, тѣмъ болѣе, что для широчайшаго примѣненія ея не было какихъ-либо принципіальныхъ затрудненій, въ виду малой цѣны, которую имѣла личная свобода, отнимавшаяся не только по поводу какого-либо преступленія или проступка и для цѣлей безопасности вообще, но и

---

[1]) П. С. З., т. VIII, № 5966.
[2]) Розенгеймъ, «Очеркъ ист. в.-суд. уч.», стр. 254.
[3]) П. С. З., № 5059.
[4]) П. С. З., т. VIII, № 5340.
[5]) П. С. З., т. VI, № 3824.

тогда и для такихъ цѣлей, когда къ ограниченію или лишенію личной свободы не осмѣлились бы прибѣгнуть, если-бъ сколько-нибудь ее цѣнили и уважали» [1]).

Вотъ почему личнымъ задержаніемъ въ то время, какъ уже нами указано выше, пользовались самымъ широкимъ образомъ, и преимущественно въ административномъ порядкѣ, какъ мѣрою предупрежденія и пресѣченія преступленій и какъ мѣрою пресѣченія способовъ уклониться отъ слѣдствія и суда. Въ противуположность тому, тюремное заключеніе весьма рѣдко примѣнялось какъ мѣра карательная. Воинскій Артикулъ Петра I упоминаетъ въ такомъ смыслѣ тюремное заключеніе лишь одинъ разъ, а именно: за неосторожное убійство.

Это обстоятельство несомнѣнно указываетъ, что тюремному заключенію, какъ карательной мѣрѣ, не придавалось въ то время значенія; вмѣстѣ съ тѣмъ съ господствовавшей въ законодательствѣ утилитарной точки зрѣнія, подобнаго рода наказаніе было для государства невыгодно и требовало, къ тому-же, значительныхъ затратъ. Вотъ почему, если мы и замѣчаемъ съ одной стороны, что государство, хотя и нерѣшительно, но все-таки принимаетъ на себя заботу о тюрьмахъ и даже само ихъ строитъ [2]), то съ другой — содержаніе самихъ тюремныхъ сидѣльцевъ оно стремится сложить съ себя даже на частныхъ лицъ: на должниковъ въ отношеніе задержанныхъ за долги, на истцовъ—по гражданскимъ искамъ, на челобитчиковъ, на виновниковъ въ медленности производства дѣлъ, по которымъ содержатся колодники и даже на тѣхъ, кто приводилъ людей, застигнутыхъ въ преступленіяхъ [3]). Если, съ одной стороны, законодатель и предписываетъ преступниковъ до рѣшенія дѣлъ содержать въ тюрьмахъ [4]), то съ другой—принимаются въ фискальныхъ интересахъ всевозможныя мѣры, чтобы облегчить государству эту тяготу: предписывалось содержащихся въ тюрьмахъ за казенные долги, а слѣдовательно на государственный счетъ, не держать долговременно безъ

---

[1]) Тарасовъ, «Личное задержаніе», стр. 21.
[2]) П. С. З., т. IV, № 1895 и т. VI, № 3982, т. X, № 7175.
[3]) П. С. З., т. VII, №№ 3685, 3940, 4094, 4989, 3709, т. VII, 4347, 4989, т. VI, № 4091.
[4]) П. С. З., т. IV, № 1836, п. 6.

рѣшенія [1]), а несостоятельныхъ изъ нихъ ссылать въ каторжную работу, пока они не отработаютъ казеннаго долга [2]); издавался нескончаемый рядъ указовъ противъ медленности рѣшеній дѣлъ о колодникахъ; такъ какъ «въ присутственныхъ мѣстахъ колодниковъ содержится весьма многое число и съ давнихъ временъ» и «отъ долговременнаго по дѣламъ ихъ нерѣшенія не только не убавляются колодники, но отъ времени до времени болѣе умножаются» [3]); по прежнему, издавались правила о посылкѣ колодниковъ, за неимѣніемъ работъ, которыми они могли заработать себѣ на содержаніе, на связкахъ для прошенія милостыни, и эти правила распространялись, главнымъ образомъ, на тѣхъ колодниковъ, содержаніе которыхъ падало на государство [4]).

Такимъ образомъ, тюремное заключеніе хотя и практиковалось довольно широко, какъ мѣра предварительнаго содержанія подъ стражей, но, какъ наказаніе, оно къ тому времени, и на цѣлое почти столѣтіе, утрачиваетъ свое значеніе. Петръ Великій, особенно нуждавшійся въ рабочихъ рукахъ для осуществленія своихъ широкихъ государственныхъ замысловъ, не могъ не обратить вниманіе на преступный элементъ, какъ на даровую рабочую силу; на это его наталкивалъ и унаслѣдованный имъ отъ временъ минувшихъ утилитарный взглядъ на преступника.

Тюремныхъ сидѣльцевъ всѣми средствами начинаютъ приспособлять къ производительному труду: колодниковъ, содержимыхъ въ «Государевыхъ дѣлахъ», предписывалось употреблять въ казенныя работы [5]), даже неспособныхъ «къ обращенію на каторгу» указывалось отсылать «въ работу въ Монастырскій приказъ» [6]); бабъ и дѣвокъ отсылали на «Прядильный дворъ» [7]) и на фабрики [8]), бѣглыхъ монаховъ держали «по смерть въ оковахъ въ трудахъ монастырскихъ»; въ монастыри-же отсылались и тѣ изъ преступниковъ, которые по

---

[1]) П. С. З., т. VI, № 3928.
[2]) П. С. З., т. VI, №№ 3717, 3928.
[3]) Филипповъ, стр. 363.
[4]) П. С. З., т. VI, № 4111, 4094.
[5]) Тамъ-же.
[6]) П. С. З., т. IV, № 2179.
[7]) П. С. З., т. V, №№ 3306, 3313, т. VI, № 4047, п. 39, № 4130, п. 38, т. XI, № 8224.
[8]) П. С. З., т. VI, № 3808.

старости, инвалидности и болѣзненности оказывались неспособными къ труду [1]); наконецъ, даже учреждаются въ городахъ смирительные рабочіе дома [2]).

Военнослужащіе, подвергавшіеся тюремному заключенію [3]) на общихъ, со всѣми прочими, основаніяхъ, подчинялись тѣмъ-же самымъ правиламъ и въ отношеніи принудительныхъ работъ; эти послѣдніе примѣнялись даже въ видѣ особаго наказанія въ отношеніе, напримѣръ, солдатъ, явившихся добровольно изъ бѣговъ: ихъ предписывалось одно время высылать на работу въ «новостроющійся городъ Петербургъ» [4]).

Долговременное предварительное содержаніе военнослужащаго подъ стражей могло, впрочемъ, служить къ уменьшенію ему наказанія; такъ, въ докладахъ и приговорахъ Сената имѣется документъ, изъ котораго видно, что поручикъ Рукинъ «за ложное челобитье» былъ разжалованъ въ рядовые, сенатъ-же въ приговорѣ пояснилъ: «довелся онъ жестокаго наказанія и того ему не учинено за то, что онъ сидитъ за арестомъ третій годъ» [5]).

ОБЩІЙ ВЫВОДЪ

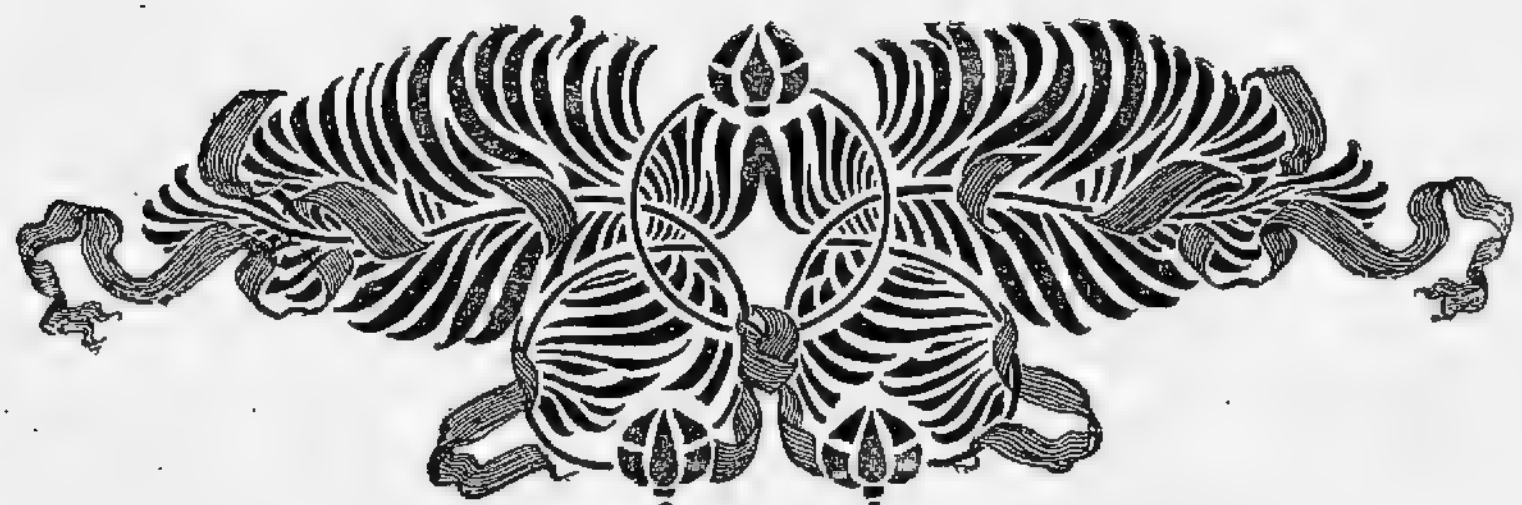
Итакъ, въ отношеніи военнослужащихъ тюремное заключеніе примѣнялось весьма рѣдко. Кромѣ общихъ основаній къ такому ограниченію примѣненія наказанія тюрьмою, сводящихся къ несоотвѣтствію этого наказанія господствовавшему въ законодательствѣ того времени утилитарному взгляду на наказаніе и къ несоотвѣтствію его требованіямъ времени и экономическому состоянію Петровскаго государства, можно указать и спеціальныя, особыя основанія, объясняющія ограниченіе примѣненія тюрьмы именно къ военнослужащимъ.

Раньше всего слѣдуетъ упомянуть, что большую роль сыграло въ этомъ отношеніе созданіе регулярной арміи, которую законодатель, видимо, стремится выдѣлить въ государственное учрежденіе, обособленное на началахъ корпоративнаго устройства его быта. Отсюда развитіе спеціально воинскихъ наказаній, изъ которыхъ особенно широкое примѣненіе получаетъ содержаніе подъ арестомъ, имѣющее въ

---

[1]) П. С. З., т. VII, № 5034, т. X, № 7793.
[2]) П. С. З., т. VI, № 3708, гл. XX, т. IV, № 2179.
[3]) Тому-же наказанію подвергались даже царедворцы, не говоря о служилыхъ дворянахъ. Филипповъ, стр. 360.
[4]) П. С. З., т. IV, № 2062.
[5]) Доклады и приговоры Сената, т. III, 2, № 608.

военномъ быту огромныя преимущества передъ наказаніемъ тюремнымъ заключеніемъ. Это послѣднее обыкновенно отрывало на долгіе годы изъ рядовъ войска осужденныхъ военнослужащихъ, а между тѣмъ государство принуждено было дорожить каждымъ воиномъ, привлекать въ ряды молодой арміи огромную часть населенія, чтобы вынести ту жестокую борьбу съ сосѣдними государствами, которую столь упорно велъ преобразователь Россіи.



Н. Самокишъ.

ГЛАВА V.

ТРУДОВАЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА I.

Менѣе, чѣмъ въ вооруженныхъ силахъ, нуждался Петръ I въ рабочихъ рукахъ. Флотъ—его дѣтище, былъ тогда исключительно парусным и весельнымъ; созданіе этого флота (работа на верфяхъ) — съ одной стороны, необходимость значительнаго числа рабочихъ для приведенія гребного флота въ движеніе (работа на судахъ), — съ другой, выдвинули на первый планъ вопросъ о рабочей силѣ. Не меньше заботъ въ этомъ отношеніи представляло осуществленіе широкихъ строительныхъ плановъ Великаго Преобразователя: государственная оборона (постройка крѣпостей), размѣщеніе молодой арміи (всякаго рода казарменныя постройки), пути сообщенія, благоустройство городовъ, сооруженіе новой столицы, развитіе мануфактурной и заводской промышленности для нуждъ государственныхъ и т. п. безъ конца,—все это требовало примѣненія физическаго труда, а на рабочіе руки Петровская крѣпостная Русь была далеко не богата.

Между тѣмъ прочно установившееся уже въ то время утилитарное воззрѣніе на наказаніе, естественно, подсказывало практическому уму Петра мысль эксплоатировать въ качествѣ даровой рабочей силы преступный элементъ. И мы, дѣйствительно, видимъ, что на этой, именно, идеѣ и обосновалъ Царь всю свою трудовую политику.

ПРЕОБРАЗОВАНІЕ ССЫЛКИ.

Раньше всего Петру I пришлось ограничить ссылку, которой, какъ мы указали въ предшествующихъ главахъ, слишкомъ широко пользовалась Московская Русь. По мнѣнію проф. Фойницкаго [1]), Петръ, созидая новое, разрушалъ старое, дезорганизовалъ прежнія учрежденія, замѣняя ихъ новыми. Къ числу такихъ мѣръ, безспорно, нужно отнести и попытку его измѣнить, чуть не уничтожить вовсе ссылку, которая, отвлекая, преимущественно, изъ центра, разбрасывала по окраинамъ значительное количество работоспособнаго населенія. По мнѣнію того же проф. Фойницкаго — Сибирь была слишкомъ далеко отъ центра государственной жизни и государственныхъ интересовъ; другіе важные вопросы заслонили отъ глазъ правительства ссылку. Но расшатавъ систему прежняго управленія, правительственная власть не успѣла поставить на его мѣсто новаго, болѣе соотвѣтствующаго, или указать вновь учрежденнымъ общимъ установленіямъ спеціальныя относительно Сибири задачи и способы дѣятельности.

Вотъ почему, съ одной стороны, при Петрѣ продолжается ссылка въ прежнемъ видѣ, т.-е. съ приверстываніемъ ссыльныхъ въ службу въ мѣстахъ ссылки, и сибирскимъ воеводамъ предписывалось «верстать въ службу... ссыльныхъ опальныхъ людей на выбылыя мѣста»... и наблюдать, чтобы «однолично всякой ссыльный у того дѣла былъ и въ этомъ мѣстѣ жилъ, гдѣ кому и какого дѣла быть велѣно и бѣжать бы на старину не мыслилъ» [2]); вотъ почему попрежнему отдаются царскіе указы «верстать на убылыя мѣста въ казачью Сибирскую службу... ссыльныхъ, которые присланы будутъ въ службу» [3]). А съ другой стороны — стремленіе преобразовать ссылку въ томъ смыслѣ, чтобы создать изъ нея родъ каторжной работы, т.-е. ввести подневольный, принудительный трудъ для ссыльныхъ.

Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ въ наказѣ Нерчинскому воеводѣ въ 1701 году, въ тѣхъ самыхъ «наказныхъ статьяхъ», въ которыхъ указывалось верстать ссыльныхъ на убылыя мѣста въ казачью службу:

«А которые ссыльные люди и нынѣ живутъ въ Нерчинскомъ и

---

[1]) Фойницкій, Управленіе ссылки, стр. 170.
[2]) Акты историч., IV, 240, 1694 г., стр. 437.
[3]) П. С. З., т. IV, № 1822, ст. 8—«Наказныя статьи Нерчинскому воеводѣ» 1701 г.

Великаго Государя денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ въ службу поверстаны, а за работу никакую не принялись, и тѣхъ ссыльныхъ беречь и объ нихъ провѣдывать накрѣпко, нѣтъ ли отъ нихъ какого вымысла и не чаятъ ли отъ нихъ какого зла... А буде которымъ ссыльнымъ людямъ можно пашни пахать, и тѣмъ людямъ вмѣсто хлѣбнаго жалованья понудить къ пашнѣ... А буде которымъ ссыльнымъ людямъ, по указу Великаго Государя, велѣно быть на пашнѣ, а они, живучи въ Нерчинскѣ, пашни не пашутъ, и тѣхъ потомужъ, по прежнимъ Великаго Государя грамотамъ, устроить на пашню, и велѣть надъ ними смотрѣть, чтобъ они на пашнѣ строились и пашню пахали съ радѣніемъ неоплошно; да и впредь ссыльныхъ людей, которые въ какой чинъ присланы будутъ, въ такой ихъ и писать и строить, а къ Москвѣ и ни въ которые города ихъ не отпускать ни которыми мѣрами» [1]).

Такимъ образомъ постепенно вводился принципъ обязательности труда на ссылкѣ для тѣхъ, кто пользуется денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ отъ казны, и въ 1731 г. Татищевъ донесъ уже въ кабинетъ [2]) о необходимости поселенія приговоренныхъ къ вѣчной ссылкѣ преступниковъ «для вспомоществованія въ работахъ» при Сибирскихъ казенныхъ заводахъ; интересно отмѣтить, что сюда-же поселяли и сверхкомплектныхъ рекрутъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ былъ озабоченъ управленіемъ ссыльными, такъ какъ въ далекой Сибири невозможно было фактически осуществить надзора за этимъ управленіемъ. Между тѣмъ, несмотря на грозныя указы, управленіе это велось такимъ образомъ, что ссылка, не принося государству никакой матеріальной выгоды, напротивъ того, не только требовала огромныхъ затратъ на содержаніе самой ссылки и ея администраціи, на организацію пересылки въ столь отдаленный край ссыльныхъ, но и требовала отвлеченія огромнаго числа людей для препровожденія и окарауливанія ссыльныхъ.

Такое положеніе совершенно противорѣчило видамъ Царя, нещадившаго силъ и средствъ для достиженія своихъ политическихъ цѣлей и вынужденнаго поэтому экономизировать всѣ прочія государственныя расходы, беречь государственныя силы и средства тамъ,

[1]) Тамъ-же, п. 45.
[2]) П. С. З., т. IX, № 6830, п. 3, № 6867, т. X, № 7186.

гдѣ только можно было это сдѣлать. Петра постоянно тревожила мысль: «какъ бы Великаго Государя казнѣ не въ большой расходъ, а людямъ не въ тягость» было.

Царь вынужденъ былъ частенько при своихъ сооруженіяхъ, напримѣръ, думать о томъ, какъ-бы «по малу собравъ къ тому потребному дѣлу запасовъ, надобныхъ не малое число, работными наемными или ссыльными и въ тюрьмѣ винными людьми, вмѣсто наказанія, изъ корму небольшого, чѣмъ можно сыту быть, заставить тотъ камень возить» [1]).

Такимъ образомъ нельзя не согласиться съ проф. Фойницкимъ, что главнѣйшей причиной разстройства старой системы ссылки послужило то обстоятельство, что «въ началѣ петербургскаго періода правительство для предпринимаемыхъ имъ грандіозныхъ сооруженій и иныхъ государственныхъ нуждъ начинаетъ испытывать огромную нужду въ людяхъ въ самой Россіи, такъ что потребность колонизаціонная сталкивается съ иными, которыя приводятъ къ созданію каторжныхъ работъ» [2]).

Мысль эта находитъ себѣ яркое подтвержденіе въ томъ, что при Петрѣ I раньше всего начинаютъ измѣняться пункты ссылки, причемъ съ постоянной тенденціей приблизить эти пункты къ центру или къ мѣсту, гдѣ ощущалась въ данное время потребность въ рабочихъ рукахъ. Такъ, въ 1703 г. было повелѣно указомъ [3]): «на Москвѣ изо всѣхъ приказовъ и изъ городовъ колодниковъ всякихъ чиновъ людей, которые по розыскнымъ дѣламъ довелось сослать на вѣчное житье, и тѣхъ ссылать въ Азовъ на вѣчное житіе, а въ Сибирскіе и Низовые ни въ которые города не ссылать». Укажемъ еще, напримѣръ, что установленная въ 1719 году ссылка раскольниковъ на Кавказъ, вмѣсто отдаленной Сибири, уже въ 1722 году вновь переносится еще ближе къ центру, а именно въ Рогервикъ, гдѣ ощущалась необходимость въ рабочихъ для сооруженія гавани [4]).

Цѣлый рядъ царскихъ указовъ постоянно мѣнялъ въ этомъ направленіи пункты ссылки, и Сибирь, хотя и осталась мѣстомъ ссылки,

---

[1]) Акты историч., № 287.
[2]) Фойницкій, «Ученіе о наказаніи», стр. 268.
[3]) П. С. З., т. IV, № 1933.
[4]) П. С. З., т. VI, № 4109.

но лишь для лицъ опасныхъ для государства, неспособныхъ къ возвращенію въ общество, или неспособныхъ къ труду.

Такъ, въ Сибирь были сосланы участвовавшіе въ бунтѣ стрѣльцы; туда-же ссылались отбывшіе каторжные работы невольники, «наказанные тѣлесно», клейменные, не удостоившіеся прощенія и не прикрытые флагомъ или знаменемъ; наконецъ, въ Сибирь-же предписывалось ссылать неспособныхъ къ службѣ членовредителей [1]).

ОРГАНИЗАЦІЯ ССЫЛКИ.

Что касается организаціи ссылки, то она сохранилась безъ существенныхъ измѣненій и при Петрѣ I. Хотя въ законодательствѣ того времени и упоминаются ссылки: 1) на поселеніе и 2) на житье, но нигдѣ мы не встрѣчаемъ регламентаціи той и другой, а потому и не представляется возможнымъ точно различить этихъ видовъ ссылки; напротивъ того, эти термины зачастую употребляются какъ однозначущія; вѣроятнѣе всего, подъ ссылкой на поселеніе, въ противоположность ссылкѣ на службу и на работу, слѣдуетъ разумѣть ссылку на пашню, и на «вольное пропитаніе». Такъ, «для поминанія блаженной памяти Императрицы Анны Іоанновны» повелѣно было освободить отъ каторжной работы сосланныхъ въ эту работу бѣглыхъ драгунъ, солдатъ, матросовъ и рекрутъ и отправить ихъ «въ дальніе Сибирскіе города на житье и вольное пропитаніе» [2]), или, какъ значилось въ указѣ 1740 года: «послать ихъ въ Сибирь и тамо Сибирскому Губернатору опредѣлить и разослать ихъ на житье въ тамошніе дальніе города, гдѣ имъ дать волю, кто чѣмъ можетъ пропитаніе имѣть».

Сроки ссылки еще не были сведены въ какую нибудь опредѣленную систему по типу лѣстницы наказаній. Упоминаемое въ законодательствѣ того времени «вѣчное житье» не соотвѣтствовало этому наименованію, такъ какъ въ дѣйствительности ссылаемые вѣчно получали по истеченіи нѣкотораго, болѣе или менѣе продолжительнаго времени, освобожденіе.

Ссылаемыхъ на поселеніе въ Сибирь во второй четверти XVIII вѣка, повелѣвалось записывать въ подушный окладъ [3]); такимъ обра-

---

[1]) П. С. З., т. VII, № 6632.
[2]) П. С. З., т. XI, № 8263, 8278 и 8292.
[3]) П. С. З., т. VIII, № 5555.

зомъ законодатель пытался извлечь матеріальную выгоду для государства даже съ ссылаемыхъ на житье.

Въ мѣстахъ ссылки еще въ 40-хъ годахъ XVIII вѣка ссыльныхъ (въ Охотскѣ) распредѣляли сообразно прежнимъ ихъ состояніямъ [1]) и слѣдовательно, ссылка попрежнему не сопровождалась правопораженіемъ, а лишь тѣлеснымъ наказаніемъ, причемъ военнослужащихъ, ссылаемыхъ на время, повелѣвалось [2]) наказывать шпицрутенами, а осужденныхъ къ вѣчной ссылкѣ — кнутомъ. Также еще долго сохраняется старая система распредѣленія ссыльныхъ, даже не въ Сибири, а въ болѣе близкихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Оренбургѣ, на различнаго рода служебныя должности, «къ приказнымъ дѣламъ» [3]) и пр.; сюда же повелѣвалось ссылать за вины купцовъ, ремесленниковъ и мастеровыхъ, въ которыхъ, очевидно, чувствовалась потребность въ этомъ мѣстѣ; инженерныхъ-же офицеровъ, сосланныхъ въ Оренбургъ, предписывалось опредѣлять къ строенію крѣпостей по Оренбургской линіи [4]).

Ссылка настолько еще крѣпко удерживала свои старыя типичныя черты, что даже въ серединѣ XVIII вѣка мы наталкиваемся на столь знакомые въ старину указы о томъ, чтобы «впредь Сибирскимъ начальствомъ, самимъ собою, не жаловать разночинцевъ въ дворяне и дѣти боярскіе; произведенныхъ-же ими писать въ подушный окладъ» [5]); очевидно, среди самовольно жалованныхъ разночинцевъ бывали и ссыльные.

По прежнему встрѣчаемъ мы на ссылкѣ въ Сибири и плѣнныхъ, которымъ представлялись всякаго рода льготы по мѣрѣ того, какъ они переходили въ русское подданство [6]).

Отмѣтимъ, что къ этому времени, уже наблюдается заботливость правительства о болѣе сносномъ бытовомъ положеніи сосланныхъ, въ особенности въ такихъ мѣстахъ, гдѣ случайно, вслѣдствіе потребности въ болѣе интилегентномъ трудѣ, сосредоточивались и ссыльные изъ болѣе образованныхъ общественныхъ слоевъ; такъ напр., въ Орен-

---

[1]) П. С. З., т. IX, № 6460.
[2]) П. С. З., т. VI, № 3760.
[3]) П. С. З., т. X, № 7885, п. 10.
[4]) П. С. З., т. X, № 7885, п. 15.
[5]) П. С. З., т. XII, № 9255.
[6]) П. С. З., т. VI, № 3798 и 3814.

бургѣ, куда къ ссыльнымъ допущены были и ихъ семейства [1]), въ половинѣ XVIII вѣка учреждается даже школа для обученія и содержанія дѣтей, прижитыхъ ссыльными, причемъ школа эта находилась, подъ вѣдѣніемъ Губернской канцеляріи [2]). Впрочемъ, это уже относится къ болѣе позднему времени, Петръ-же Великій былъ настолько занятъ спѣшнымъ строительствомъ своего государства, что вынужденъ былъ себѣ ставить лишь ближайшія практическія цѣли, къ осуществленію которыхъ и шелъ неуклонно и рѣшительно.

ЗНАЧЕНІЕ ССЫЛКИ ПРИ ПЕТРѢ I.

Особенно рельефно сказалась эта черта Петровскаго генія въ созданіи и организаціи каторги, открывшей ему неистощаемый источникъ даровой трудовой силы, столь необходимой въ осуществленіи его созидательныхъ плановъ.

Каторга въ эпоху Петра I получила такое широкое развитіе, настолько заслонила собой старую московскую ссылку, что нѣкоторые изслѣдователи [3]) даже утверждаютъ, что каторжныя работы явились взамѣнъ этой ссылки. Правда, въ 1703 году Петромъ сдѣлана была попытка совершенно отмѣнить ссылку, но попытка эта не привела къ результату, такъ какъ въ предшествующую эпоху ссылка настолько развилась, что отмѣнить ее оказалось практически невозможнымъ; тѣмъ не менѣе въ Петровскихъ военно-уголовныхъ кодексахъ мы не встрѣчаемъ вовсе упоминанія о ссылкѣ.

НАЧАЛО КАТОРЖНЫХЪ РАБОТЪ.

Перейдемъ-же къ разсмотрѣнію Петровской каторги, по сколько она нашла себѣ примѣненіе въ отношеніи военнослужащихъ.

Идея эксплуатированія въ государственныхъ цѣляхъ преступниковъ, въ качествѣ даровой рабочей силы, впервые высказана была у насъ въ Россіи во второй половинѣ XVII вѣка, а именно: въ 1668 году Андрей Виніусъ, представилъ проектъ организаціи принудительнаго труда во флотѣ для «каторгъ» т. е. такихъ гребныхъ судовъ, съ каторжными «мочно угрести во время бури легче, чѣмъ съ кораблемъ и во время противнаго вѣтра, или безвѣтрія спѣшно мочно впередъ плыти». Эти «каторги» Виніусъ проектировалъ, главнымъ образомъ, для Хвалынскаго моря.

---

[1]) Т. X, № 7895.
[2]) П. С. З., т. XII.
[3]) Духовской, «Юрид. В.», 1880 г., № 3., стр. 63.

Вотъ, что онъ писалъ [1]) въ своемъ проектѣ: «Всякихъ воровъ и басурманскихъ полоняниковъ мочно на каторги сажать для гребли на цѣпяхъ, чтобъ не разбѣжались и зла не учинили; и чѣмъ такимъ ворамъ и полоняникамъ, которыхъ по тюрьмамъ бываетъ много, хлѣбъ тунѣ давать, и они-бъ на каторгахъ хлѣбъ зарабатывали, а иныхъ воровъ, по дѣлу смотря, мочно посадити на 5 и 6 лѣтъ и болѣше, а иныхъ, которые достоили смерти, и на вѣкъ по обычаю иныхъ государствъ».

Такимъ образомъ, первая мысль о «каторжномъ» трудѣ у насъ была связана съ идеей усиленія нашихъ вооруженныхъ силъ. Примѣненіе подневольнаго труда во флотѣ было отмѣчено и самимъ Петромъ Великимъ въ журналѣ, который онъ велъ во время путешествія за границей; по обыкновенію, онъ обращалъ главное вниманіе на практическую сторону дѣла, не предрѣшая вопроса о томъ чей трудъ долженъ быть эксплоатированъ для этой цѣли: даровой-ли трудъ самихъ военнослужащихъ или, какъ предлагалъ Виніусъ, трудъ «всякихъ воровъ и басурманскихъ полоняниковъ».

«Въ Венеціи — пишетъ Царь [2]) — которые бываютъ солдаты на корабляхъ, тѣ въ городѣ не живутъ, сдѣланъ великій домъ на острову, каменная ограда великая, и какъ придетъ корабль или каторга, тотчасъ всѣхъ соберутъ на тотъ дворъ и запрутъ, и караулъ крѣпкій всегда стоитъ; а какъ на корабляхъ и каторгахъ идти въ море, съ того двора отпускаютъ; а больше того свѣта не знаютъ какъ на службѣ живутъ»...

Интересно отмѣтить, что Великій Преобразователь прекрасно понималъ всю тягость подобной «службы», и по этому поводу замѣтилъ: «и много то живетъ» (бываетъ), что волею своею отдадутся (такіе солдаты) туркамъ отъ безмѣрнаго «мученія».

ОПИСАНІЕ РАБОТЪ НА ГАЛЕРАХЪ.

Чтобы представить себѣ это «безмѣрное мученіе» приведемъ описаніе галерной (каторжной) работы, сдѣланное г. Елагинымъ [3]) по различнымъ источникамъ; хотя источники эти иностраннаго происхожденія, но по справедливому объясненію г. Елагина, каторжный

---

[1]) Филипповъ, стр. 320.
[2]) Филипповъ, стр. 320.
[3]) «Исторія русскаго флота». Періодъ азовскій, Спб. 1864, т. 1, стр. 260.

трудъ на русскихъ галерахъ былъ организованъ именно по тому-же иностранному образцу.

«Каторжнымъ невольникамъ», какъ принято было въ различнаго рода нашихъ актахъ того времени называть сосланныхъ на такую работу, обыкновенно поручали работу веслами на гребныхъ и парусныхъ судахъ, называемыхъ «галерами» или «каторгами» [1]). Вдоль бортовъ галеръ придѣлывались особыя «банки» (скамьи), по 25 штукъ на каждой сторонѣ; къ каждой банкѣ было приковано на цѣпяхъ по пяти или шести невольниковъ, управлявшихъ одновременно однимъ длиннымъ и тяжелымъ весломъ. Каторжники оставались прикованными къ банкамъ днемъ и ночью; не освобождались они и тогда, когда при благопріятномъ вѣтрѣ судно шло подъ поставленными ими-же парусами; это время служило для нихъ отдыхомъ, при томъ отдыхомъ довольно рѣдкимъ, потому что большая часть маневровъ галеры производили, идя на веслахъ. Клейменные горячимъ желѣзомъ каторжные невольники выполняли свой тяжелый трудъ подъ свистъ плетей, подчиняясь жестокому режиму и въ свободное отъ труда время. Такимъ образомъ, каторга того времени не только являлась однимъ изъ видовъ лишенія свободы, но и тяжелымъ тѣлеснымъ наказаніемъ.

ВЗГЛЯДЪ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА КАТОРГУ.

Иностранные кодексы того времени не знали подневольнаго, каторжнаго труда, а потому въ военно-уголовномъ законодательствѣ Западной Европы описываемой эпохи, совсѣмъ не упоминается о ссылкѣ на галеры и каторги; исключеніе составляетъ развѣ «Code militaire de Louis XIV», но и въ немъ ссылка на галеры отнесена къ тѣлесному наказанію; лишеніе же свободы въ Западной Европѣ, за отсутствіемъ утилитарнаго воззрѣнія на наказаніе, преслѣдовало не практическія цѣли экономическаго характера, а стремилось къ полнѣйшей изоляціи преступника изъ общества, къ его обезвреженію.

У насъ, напротивъ того, ссылкѣ съ давнихъ поръ, въ Московскій еще періодъ, придавалось значеніе утилитарное, и вся разница

---

[1]) По изслѣдованіямъ Елагина, (Доп. Акт. Ист., т. V, № 70, а также П. С. З., № 3140 и 3928 и «матеріалы для исторіи россійскаго флота», указы адмиралтейской коллегіи) понятія «каторжный» и «галерный» отождествлялись.

во взглядѣ на ссылку въ эпоху Петра I выразилась лишь въ томъ, что подневольную службу московскаго періода замѣнили принудительнымъ трудомъ; вмѣсто верстанія на службу въ дальніе города стали ссылать на галеры, на каторжную работу. Какъ уже было выше отмѣчено, Петръ Великій, описывая каторжную работу солдатъ въ Венеціи, называлъ ее «службой»; это не случайное совпаденіе, и выраженіе Петра имѣетъ глубокій смыслъ; оно объясняетъ не только значеніе каторжной работы, какъ служебнаго труда, обязательно для каждаго состоящаго на государственной службѣ и принудительнаго, въ видѣ наказанія, но и опредѣляетъ юридическое положеніе сосланныхъ на каторгу. Вотъ почему, какъ увидимъ далѣе, ссылка не влекла правопораженій, и на каторжной работѣ, на равнѣ съ преступниками, можно было встрѣтить и цѣлыя войсковыя части и собранныхъ со всѣхъ концовъ Россіи рабочихъ: плотниковъ, каменьщиковъ, землекоповъ и пр.

КАТОРГА, КАКЪ ВОИНСКОЕ НАКАЗАНІЕ, ПО ВОЕННО-УГОЛОВНЫМЪ ЗАКОНАМЪ ПЕТРА I.

Такимъ взглядомъ на ссылку въ каторжныя работы объясняется и то обстоятельство, что въ первыхъ-же военно-уголовныхъ нашихъ кодексахъ того времени — въ Уложеніи Шереметева, мы уже встрѣчаемъ каторгу, въ видѣ наказанія для военнослужащихъ.

«А буде кто вломленіемъ или силою съ какимъ орудіемъ оное татьбу учинитъ безъ поврежденія для людей,—значится въ ст. 58,—тотъ за первую вину всѣмъ полкомъ шпицрутенъ наказанъ быть имѣетъ, а за другую паки вяще тоже наказаніе учинить быти имѣетъ и на каторгу; равенственно же наказаны быть имѣютъ и тѣ, которые въ прииманіи, таеніи и продажѣ обрящутся, а которые вышеписаннымъ оружіемъ какой вредъ учинятъ, тѣмъ за первую (вину), учиня наказаніе, послать на каторгу».

Хотя Краткій Артикулъ и умалчиваетъ объ каторгѣ, но это вполнѣ объяснимо тѣмъ, что онъ имѣлъ примѣненіе, преимущественно, къ иностранцамъ, служившимъ въ русскихъ войскахъ, а въ иностранныхъ кодексахъ того времени, какъ нами уже было указано, каторги, какъ воинскаго наказанія, не существовало. Вотъ почему въ Воинскомъ Уставѣ, напротивъ того, мы опять встрѣчаемъ каторгу, какъ наказаніе воинское, и, мало того, встрѣчаемъ это наказаніе даже въ такихъ несомнѣнно заимствованныхъ изъ иностранныхъ кодексовъ

(напр., шведскаго) статьяхъ, въ которыхъ въ ихъ первоисточникѣ каторга, въ числѣ наказаній, не упоминается [1]).

Такимъ образомъ возникла у насъ каторга. Остановимся подробнѣе на ея организаціи, такъ какъ въ такомъ видѣ каторга продержалась у насъ весь XVIII-ый вѣкъ и дала основаніе для развитія впослѣдствіе особыхъ военно-рабочихъ учрежденій карательнаго характера.

ССЫЛКА НА ГАЛЕРЫ, КАКЪ ВИДЪ КАТОРЖНЫХЪ РАБОТЪ.

Г. Розенгеймъ [2]) различалъ въ Воинскомъ Уставѣ два вида ссылки на работы: на берегу и на галерахъ. Первая (каторга въ собственномъ смыслѣ) упоминается въ Воинскомъ Уставѣ 8 разъ, а ссылка на галеры—въ 4-хъ случаяхъ. Срокъ этихъ наказаній нигдѣ въ артикулахъ неопредѣленъ, исключая двухъ случаевъ ссылки на галеры (за изнасилованіе всякой женщины и насильственное мужеложство), когда она является вѣчною; изъ ст. 2 оглавленія видно, однако, что наказаніе это могло быть какъ вѣчное, такъ и временное. Ссылка на галеры составляетъ постоянно самостоятельную кару; между тѣмъ какъ ссылка на каторгу является таковою только два раза; въ пяти-же случаяхъ ей предшествуютъ разнаго рода изувѣчиванія: рваніе ноздрей, отсѣченіе носа, ушей, пальцевъ или жестокое наказаніе, безъ опредѣленія какое именно. Осужденные на каторжныя работы далеко не-всегда были отправляемы въ Сибирь. Туда ссылали, повидимому, болѣе знатныхъ и болѣе важныхъ преступниковъ. Менѣе знатныхъ и важныхъ преступниковъ употребляли на работы въ Петербургѣ, въ Рогервикѣ, на островѣ Котлинѣ (въ Кронштадтѣ), въ Азовѣ и др. п. м.

Однако, мнѣніе г. Розенгейма [3]) не безъ основанія оспаривается другими изслѣдователями [4]), доказывающими, что первоначально опредѣленія «каторжный» и «галерный» употреблялись, какъ синонимы. Дѣйствительно, такъ, повидимому, понимались эти слова и въ описаніяхъ стольника Чемоданова, бывшаго въ Венеціи, а также Лихачевымъ и Потемкинымъ въ письмахъ изъ Испаніи. Въ такомъ смыслѣ

---

[1]) Напр., въ артикулахъ 63 (членовредительство и порча лошади), 68 (за излишнее требованіе жалованья на солдатъ) и 95—(второй побѣгъ рекрута со службы).

[2]) Розенгеймъ, «Очеркъ исторіи воен.-суд. учр. въ Россіи», стр. 124—125.

[3]) Оно раздѣлялось и другими, напр., Устряловымъ.

[4]) См. упомянутыя выше соч. Елагина (стр. 251) и Филиппова (стр. 320).

употреблялъ эти выраженія и самъ Петръ I. Но, въ дѣйствительности, на практикѣ, понятіе «каторжный» пріобрѣло вскорѣ болѣе широкое значеніе и стало постепенно родовымъ понятіемъ, тогда какъ понятіе «галерный», наоборотъ, съузилось и обратилось въ видовое. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, даже въ Воинскомъ Уставѣ «ссылка на галеры» представлялась лишь однимъ изъ видовъ ссылки на каторжную работу.

Такъ какъ невольники, работавшіе на галерахъ, по одному уже способу ихъ содержанія (прикованіе на цѣпи), не легко могли совершить утечки, а съ другой стороны они, какъ-бы, продолжали состоять на службѣ во флотѣ, то къ нимъ и не присоединялись изувѣчивающія наказанія (рваніе ноздрей, отсѣченіе носа, ушей и т. п.), какъ безполезныя и, къ тому-же, несоотвѣтствующія служебному значенію галерныхъ невольниковъ. Другое дѣло всѣ прочіе виды каторжнаго труда, когда преступника, для пресѣченія ему возможности скрываться въ случаѣ побѣга, государство считало необходимымъ мѣтить какимъ нибудь незгладимымъ обезображеніемъ лица.

Каторжный трудъ былъ до безконечности разнообразенъ и, какъ увидимъ ниже, невольники для работъ даже отдавались на частные заводы и промышленныя предпріятія. Впослѣдствіи, когда галерный флотъ уже прекратилъ свое существованіе, утратилось и это видовое понятіе каторжнаго труда, а этому послѣднему придано было уже значеніе близкое къ современному понятію «каторги».

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ ССЫЛКИ НА КАТОРГУ.

Ссылка на галеры и каторгу у насъ получаетъ примѣненіе въ началѣ XVIII вѣка. Въ 1695 году была доставлена изъ Голландіи въ г. Архангельскъ первая галера, по образцу которой и были затѣмъ построены 22 галеры или каторги. Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи не имѣется данныхъ, удостовѣряющихъ, что на эту галеру были для работъ назначены преступники.

По утвержденію же Елагина — «стрѣлецкій бунтъ 1698 года положилъ начало этой профессіи: 269 молодыхъ стрѣльцовъ начали эту тягостную службу на галерахъ «Периная тягость» и «Заячій бѣгъ» во время плаванія къ Керчи... По окончаніи кампаніи и до начала 1701 г. они содержались въ Азовѣ на тюремномъ дворѣ, когда и подали Петру Великому слѣдующую челобитную: «По твоему великаго Государя указу работали мы, сироты твои, Богу и тебѣ, Великому

Государю, каторжную работу и были мы, сироты твои, на твоей, Великаго Государя, службѣ подъ Керчью, а изъ-подъ Керчи, Государь, присланы мы на каторгахъ подъ Азовъ, а нынѣ мы, сироты твои, сидимъ въ Азовѣ на тюремномъ дворѣ въ желѣзахъ скованы. Милостивый Государь, пожалуй насъ... вели, Государь, насъ съ тюремнаго двора освободить и собрать по насъ круговую поручную запись»... 20 января 1701 г., воевода съ товарищами, слушавъ сего дѣла, приказали: «по тѣхъ малолѣтнихъ дѣтей, кои нынѣ сидятъ въ тюремномъ дворѣ, взять по указу круговыя поруки по 124 человѣкъ въ томъ, что имъ со службы, Великій Государь, изъ Азова никуда не сбѣжать и никакого худа не чинить, а работу всяку работать, а ручаться велѣть десятку по десятку, и кто по комъ поручится— велѣть записать имянно, и по комъ порукъ не будетъ, тѣхъ велѣть написать на запись особо, а собравъ по нихъ поруки, съ тюремнаго двора освободить» [1]).

Мы нарочно привели этотъ любопытный документъ почти цѣликомъ, чтобы еще ярче подчеркнуть, что на ссылку на галеры продолжали въ то время смотрѣть, какъ на государственную службу.

Затѣмъ въ 1699 году мы встрѣчаемъ второй случай примѣненія ссылки на каторжныя работы, на этотъ разъ уже не къ военнослужащимъ, а именно, повелѣно было: веневскому земскому старостѣ и посадскимъ людямъ за взятки съ выбранныхъ ими людей къ таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ «объявить смерть, положить головы ихъ на плаху и, снявъ съ плахи, бить кнутомъ безъ пощады и сослать въ ссылку въ Азовъ на вѣчное житье, съ женами и дѣтьми, и быть имъ на каторгахъ въ работѣ» [2]).

Съ 1700 года случаи примѣненія ссылки на галерныя и каторжныя работы учащаются. IV-ый томъ Пол. Соб. Закон., охватывающій періодъ времени съ 1700—1712 г.г., изобилуетъ указаніями случаевъ примѣненія каторги и, такимъ образомъ, ко времени изданія Вопнскаго Устава, практика уже достаточно опредѣлила этотъ родъ наказанія и даже, какъ нами было отмѣчено, выдѣлила нѣкоторые его виды, напр., ссылку на галеры.

Указъ 15 марта 1704 г., опредѣляя случаи примѣненія каторж-

[1]) «Исторія русскаго флота», ч. II, стр. 21 и т. I, стр. 251.
[2]) П. С. З., т. III, № 1722.

ныхъ работъ, говоритъ: «Великій Государь указалъ воровъ, которые въ убійствѣ, въ прямомъ воровствѣ, измѣнѣ и бунтѣ—казнить; а которые, кромѣ вышеписанныхъ винъ, а по законамъ достойны смерти—тѣхъ бить кнутомъ и, запятнавъ новыми пятнами, послать вѣчно на каторгу. А которые довелись наказанья и достойны ссылки, и тѣхъ безъ наказанья ссылать на каторгу на 10 лѣтъ» [1]).

Въ началѣ 1704 года изъ разныхъ приказовъ въ каторгу прислано было уже 295 человѣкъ. Изъ документовъ, хранящихся въ Архивѣ Морского Министерства, видно, что на каторгу въ Азовъ и Таганрогъ въ 1703 году ссылались «люди разнаго званія и чина за взяточничество, недосмотръ за лѣсами, воровство и другія вины» [2]); въ 1704 году въ каторжную работу морского флота ссылались солдаты за кражу казенныхъ денегъ, матросы — за буйство и произнесеніе въ пьяномъ видѣ «государева слова» [3]); въ 1706 году—«преступники съ Олонецкой верфи въ каторгу на 10 лѣтъ за побѣгъ изъ службы» [4]); сосланные на Олонецкой верфи были обязаны принудительной работой или приверстаны были на службу [5]); на каторгу ссылались также бѣглые солдаты, оставшіеся въ живыхъ, послѣ поимки и повѣшенія одного изъ четверыхъ [6]); а передъ тѣмъ за побѣгъ ссылали солдатъ «вѣчно на каторгу», при чемъ по жребію казнили смертью одного изъ трехъ, а двухъ ссылали [7]); также ссылали въ каторгу добровольно явившихся изъ каторги солдатъ [8]), а укрывателей бѣглыхъ рекрутъ и солдатъ ссылали въ галеры [9]); наконецъ, по Воинскому Артикулу и Морскому Уставу [10])—на каторгу полагалось ссылать и за лживую присягу, причемъ вмѣсто отсѣченія пальцевъ, которыми присягали, вырѣзывали ноздри [11]); ссылали и военно-плѣнныхъ, за побѣгъ изъ Азова [12]) и т. п.

---

[1]) П. С. З., т. IV, № 1957, 1924.
[2]) Архивъ Морс. Мин., Дѣла Прик. Воен. Мор. Флота, № 37.
[3]) Тамъ-же, № 44.
[4]) Тамъ-же, № 77.
[5]) Тамъ-же, Дѣла Адм.-Сов. № 9, 1701 г., 17—83.
[6]) Тамъ-же, дѣла гр. Апраксина, № 248.
[7]) П. С. З., т. IV, № 2019.
[8]) П. С. З., т. IV, № 2062.
[9]) П. С. З., т. IV, № 2467 и т. V, № 2876.
[10]) П. С. З., т. V, № 3006, Арт. 196—198, т. IV, 3485, кн. V, гл. XVIII.
[11]) П. С. З., т. VI, № 3531.
[12]) Тамъ-же, № 51.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВОЕННАЯ ТЮРЬМА.

Одинъ изъ коридоровъ (видъ снизу).

Тотъ же коридоръ видъ съ верхняго перехода).

Контрольные часы.

Центральное отопленіе.

Система прикрѣпленія кровати къ стѣнѣ.

Отхожее кресло и раковина въ камерѣ.

Интересно отмѣтить, что законодатель постепенно смягчаетъ наказанія за нѣкоторыя воинскія преступленія, но руководствуется при этомъ все тѣмъ-же утилитарнымъ принципомъ, вынуждающимъ его дорожить рабочими руками. Такъ, по указу 3 августа 1712 года, рекруты, виновные «въ двухъ побѣгахъ», подвергались смертной казни [1]), а по указу 7 апрѣля 1715 года даже за три побѣга полагалась лишь ссылка «вовсе (вѣчно) на галеру» [2]). Такимъ образомъ, законодатель даже поступается строгостью закона и подрываетъ значеніе общаго закона сепаратными указами, стремясь выиграть столь необходимую ему въ государственномъ строительствѣ даровую рабочую силу.

На пополненіе каторжнаго населенія правительственная властъ постепенно начинаетъ посылать и военно-плѣнныхъ: турокъ [3]), татаръ [4]), шведовъ [5]), поляковъ [6]). Но и этого было мало: на ряду съ ссыльными преступниками работали и солдаты. Такъ, въ С.-Петербургѣ на земляныхъ работахъ первоначально работали драгуны, а затѣмъ гарнизонные солдаты [7]). Ссылали несостоятельныхъ должниковъ на каторгу въ Азовъ [8]), ссылали съ женами и дѣтьми [9]), даже за неплатежъ судныхъ пошлинъ и по частнымъ искамъ, а бородачей, которые не въ состояніи были заплатить штрафа, ссылали въ Рогервикъ для заработка этого штрафа [10]); при копаніи каналовъ даже разыскивали преступниковъ, которыхъ можно было-бы употребить въ эту работу [11]).

ПРЕДѢЛЫ ПРИМѢНЕНІЯ КАТОРГИ.

При такихъ условіяхъ не представляется возможнымъ болѣе или менѣе точно опредѣлить предѣлы примѣненія каторжныхъ работъ вообще и въ частности по отношенію къ военнослужащимъ; вѣрнѣе всего, границы примѣненія этого наказанія зависили ни отъ рода и тяжести преступленія, а отъ потребности въ рабочихъ рукахъ въ данный моментъ и въ данномъ мѣстѣ. Законодатель не

[1]) П. С. З., т. IV, № 2566.
[2]) П. С. З., т. V, № 2901.
[3]) Ар. М. М. Д. Адм.-Сов., № 9, 1701.
[4]) Тамъ-же, Дѣла Прик. В. М. Фл., № 2, 1701—1702.
[5]) Тамъ-же, Дѣла гр. Апраксина, № 51, 1712 г., 102.
[6]) Тамъ-же, № 100.
[7]) П. С. З., т. V, № 3342.
[8]) П. С. З., т. IV, № 1805.
[9]) П. С. З., т. IV, № 1863.
[10]) П. С. З., т. VI, № 4141, 4256.
[11]) П. С. З., т. V, № 3414.

опредѣлялъ даже этихъ предѣловъ субъективными признаками. Преслѣдуя двоякую цѣль—укомплектованіе арміи и флота, съ одной стороны, и укомплектованіе контингента каторжниковъ рабочихъ — съ другой,—онъ поступалъ вполнѣ послѣдовательно: такъ, указы 1716 и 1717 года повелѣвали отправить на каторгу «къ битью свай» тѣхъ недорослей, которые укрывались отъ службы или «не явились на смотръ къ Его Величеству», а чтобы тѣмъ не былъ причиненъ ущербъ вооруженнымъ силамъ, на пополненіе которыхъ предназначались эти недоросли, повелѣно было вмѣсто нихъ взять въ матросы ихъ крѣпостныхъ людей [1]).

СРОКИ КАТОРГИ.

Срокъ каторжныхъ работъ опредѣлялся двояко: ссылка была либо вѣчной, либо урочной, т. е. назначался «въ опредѣленной цифрѣ». И въ томъ и въ другомъ случаѣ этотъ срокъ отмѣчался въ приговорѣ или, какъ въ то время говорилось,—«по указу». Иногда-же ссылка опредѣлялась «до указа», т. е. до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ указа объ освобожденіи наказаннаго. Противъ этого послѣдняго способа опредѣленія срока, требующаго каждый разъ особаго Высочайшаго на освобожденіе указа и допускающаго всякаго рода случайности, высказывалась сама правительственная власть; такъ, въ указѣ 18 августа 1721 года говорилось, что «Его Царское Величество, будучи въ Адмиралтейской коллегіи, указалъ именнымъ своимъ указомъ, ежели кто за какія вины осужденъ будетъ въ каторжную работу на время, а не вѣчно, и о такихъ, усматривая и объявя вины ихъ, присылать на урочные годы по указу, а не такимъ образомъ, какъ напередъ сего и нынѣ присылаются до указу [2])».

Изъ дѣлъ Московскаго отдѣленія Архива Главнаго Штаба можно заключить, что сроки каторжныхъ работъ военно-служащимъ опредѣлялись:

I. «До указу»—«за похищеніе Его Царскаго Величества казны», «за обмѣну паруса съ чухонской лодки», за побѣгъ, «за фальшивую подпись подъ руку генерала», за принятіе завѣдомо краденаго, за «продажу мундира и за брошеніе государственнаго палаша».

II. Вѣчно—«за отрубленіе у руки своей двухъ перстовъ, хотя

---

[1]) Арх. М. М. Д. Пр. В. М. Ф., № 111.
[2]) П. С. З., т. VI, № 3815.

отбыть службы», за разбой, за побѣгъ и воровство, за «ложное сказываніе за собою Государева слова» и др.

III. На 10 лѣтъ: за грабежъ, отрубленіе пальца, разбой, кражу, за побѣгъ и т. п.

IV. На 5 лѣтъ—«за воровское пропускное письмо», за пріѣздъ къ капитану «въ неуказанные часы», за фальшивую подпись и др.

V. На 3 года — за побѣги, за сносъ государственныхъ денегъ и пр. [1]).

Разумѣется, сроки, выписанные нами изъ Указа Военной Коллегіи, имѣютъ болѣе или менѣе случайный характеръ; изъ того-же указа видно, что судами каторга назначалась и на другіе сроки (напр., на 15 лѣтъ) и даже допускались сроки въ дробныхъ числахъ (напр., 4 года 5 мѣсяцевъ и 12 дней).

СОСТАВЪ КАТОРЖНАГО НАСЕЛЕНІЯ ИЗЪ ВОЕННО-СЛУЖАЩИХЪ.

О составѣ каторжнаго населенія изъ военно-служащихъ можно до нѣкоторой степени судить по тому-же Указу, въ которомъ, между прочимъ, значится: «по справкѣ въ канцеляріи Полиціймейстерскихъ дѣлъ, нынѣ 8 марта 1720 года на оной (на галерахъ) работѣ въ Питербурхѣ обретается: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 3, капраловъ 4, драгунъ 2, солдатъ 64, рекрутъ 16, пушкарей 2, матросовъ 4, профосовъ 3, да на Котлинѣ островѣ унтеръ-офицеръ 1, капраловъ 2, солдатъ 20, драгунъ 1, рекрутъ 1, матросовъ 2. Въ Ревель о томъ-же (о числѣ каторжныхъ) комисару Туркову писано, но онъ недонесъ еще».

Приводя эту небольшую выписку, считаемъ необходимымъ обратить вниманіе, что военнослужащіе, сосланные въ каторжную работу (на галерѣ),—регистрируются въ офиціальныхъ документахъ по чинамъ и званіямъ: «Полковникъ», «Капитанъ», «Аудиторъ» и т. д. Болѣе подробно мы коснемся этого обстоятельства при разсмотрѣніи юридическаго положенія сосланныхъ на каторгу, теперь-же только отмѣтимъ эту особенность, такъ какъ всѣ прочіе сосланные въ каторжныя работы обыкновенно носили общія наименованія: каторжныхъ, галерниковъ, колодниковъ, арестантовъ, мастеровыхъ, рабочихъ, ссыльныхъ, каторжныхъ невольниковъ и пр.

---

[1]) См. «Указъ Военной Коллегіи въ Адмиралтействъ-Коллегію 17 декабря 1719 г.».—Дѣла Воен. Кол. Кн., № 2, листъ 707 и пр.

МѢСТА ССЫЛКИ.

Первоначальными пунктами каторжныхъ работъ служили Азовъ и Троицкой, куда преступники ссылались на «вѣчное житье» и на «каторгу» даже съ ихъ семействами. Немного позже ссыльные стали направляться на Олонецкую верфь, гдѣ ихъ либо приверстывали на службу, либо обязывали работами на верфи. Затѣмъ, съ развитіемъ въ началѣ XVIII вѣка каторги, количество пунктовъ, куда ссылались преступники, не только возросло до значительнаго числа, но и постоянно мѣнялось. Петербургъ, Кронштадтъ, Рогервикъ (переименованный впослѣдствіи въ Балтійскій портъ), Таганрогъ, Сибирскія провинціи, Астраханская губернія, Оренбургъ и т. д. безъ конца—служили въ разное время, въ зависимости отъ потребности въ рабочихъ рукахъ, мѣстомъ каторжныхъ работъ. Какъ только намѣчалась необходимость труда преступниковъ въ другомъ мѣстѣ, сейчасъ-же въ это мѣсто направлялась и волна ссылки.

Такъ, въ 1707 г., Царь предписывалъ: «донеси господину адмиралу (гр. Апраксину), чтобъ на сію работу (изготовленіе свай для больверка Петропавловской крѣпости) каторжныхъ-невольниковъ употребилъ, понежѣ нынѣ лѣто своими тишинами миновалось, а галерамъ больше дѣла нѣтъ; къ тому-же (дѣлу) и холопей [1]) государевъ прибавить».

Въ 1727 году было повелѣно изъ Кронштадта (съ о. Котлина) прислать арестантовъ къ постройкѣ Галерной Гавани на Васильевскомъ Островѣ. Въ документахъ этой эпохи можно было нерѣдко встрѣтить такія предписанія: «прислать артиллерійскаго ученика съ каторги на пушечный дворъ, ради артиллерійской работы, всѣхъ артиллерійскихъ служителей, осужденныхъ на каторгу въ вѣчную работу или на урочные годы [2])». Въ 1721 г. «каторжные невольники и шведскіе арестанты» (военно-плѣнные) были употреблены для мощенія въ Петербургѣ улицъ. Въ первой-же четверти XVIII-го вѣка начинается ссылка преступниковъ для работъ на частные заводы и фабрики, а женщинъ и на прядильный дворъ [3]).

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ССЫЛЬНЫХЪ НА РАБОТѢ.

Утилизируя преступниковъ, какъ трудовую силу, государство эпохи Петра I не заботилось о какой-либо правильной организаціи

---

[1]) Сбор. Рос. Истор. Общ., XI, стр. 11; Филипповъ, стр. 188.
[2]) Арх. М. М. Дѣла Адм. Кол., № 7, 1701.
[3]) П. С. З., т. V, № 3313, 3154, 3808.

каторжныхъ работъ. Наблюдалось только, чтобы трудъ каторжниковъ былъ наиболѣе производителенъ. Въ такихъ соображеніяхъ предписывалось «каторжныхъ не употреблять въ мелкія и разныя работы, но на тѣ, кои на одномъ мѣстѣ, а именно: сваи бить и прочія тому подобныя [1])». Хотя этотъ указъ 1715 года имѣлъ, очевидно, въ виду облегченіе надзора при работахъ за ссыльными, но въ тоже время онъ несомнѣнно достигалъ и практическую цѣль болѣе производительнаго примѣненія каторжнаго труда.

Распредѣленіе осужденныхъ на работу преступниковъ предоставлено было Преображенскому приказу, въ который и препровождались для сего статейные списки о такихъ преступникахъ [2]). Въ 1707 году послѣдовало разъясненіе, чтобы не присуждались къ каторгѣ неспособные «за старостью и увѣчьемъ», а «буде и впредь такіе сюда явятся въ какихъ воровствахъ, а за старостью и за увѣчьемъ на каторгу ихъ ссылать будетъ невозможно: и такихъ людей отсылать потому-жъ въ Монастырскій приказъ на работу... и впредь держать въ монастырѣ въ вѣчной работѣ, въ какой они чинъ годятся [3])». Съ этихъ поръ неоднократно указывалось, что на монастыри возлагалась обязанность попеченія объ увѣчныхъ и престарѣлыхъ преступникахъ [4]).

Въ 1718 году послѣдовало, въ видѣ резолюціи Царя, разъясненіе и относительно труда малолѣтнихъ и женщинъ: «посылать всѣхъ мужескаго пола на галеры, а тамъ малолѣтнимъ могутъ иную работу сыскать, также и старымъ, а женъ въ прядильный домъ» [5]). Этимъ обстоятельствомъ отчасти можно объяснить, что дѣтямъ каторжныхъ невольниковъ не запрещалось слѣдовать въ ссылку за своими отцами [6]).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ КАТОРГОЮ: а) МѢСТНЫЕ ОРГАНЫ.

По мѣрѣ надобности каторжники при распредѣленіи сосредоточивались въ томъ или другомъ мѣстѣ: такъ, иногда предписывалось всѣхъ осужденныхъ на работу въ дальніе города Сибири ссылать на Даурскіе серебряные заводы, иногда-же (напр. раскольниковъ) вмѣсто Сибири предписывалось ссылать въ Рогервикъ [7]). Насколько предоставляется

---

[1]) П. С. З., т. V, № 2939.
[2]) П. С. З., т. IV, № 1945, 2026.
[3]) П. С. З., т. IV, № 2179.
[4]) П. С. З., т. VII, № 5034.
[5]) П. С. З., т. V, № 3190.
[6]) П. С. З., т. VI, № 3628.
[7]) П. С. З., т. IV, №№ 3955 и 4109, т. VIII, № 3383.

возможнымъ судить по имѣющемуся въ нашемъ распоряженіи матеріалу,—въ началѣ XVIII вѣка ближайшее завѣдываніе каторжными невольниками на каторжныхъ дворахъ, въ которыхъ они содержались, было возложено на стольниковъ и воеводъ. Они были обязаны вести учетъ каторжникамъ, слѣдить за производствомъ работъ («чтобъ не оставались въ праздности») и заботиться о ихъ продовольствіи, причемъ имъ предоставлялась и дисциплинарная власть въ отношеніи подвѣдомственныхъ имъ ссыльныхъ [1]).

Являясь начальниками каторгъ — стольники имѣли въ своемъ вѣдѣніи (въ Азовѣ, Таганрогѣ и др.) иногда до 1,000 человѣкъ каторжниковъ.

Управленіе каторжными пунктами возлагалось также на особыхъ комисаровъ и сосредоточивалось въ приказѣ адмиралтейскихъ дѣлъ [2]). Въ Петербургѣ каторжный дворъ и арестанты впослѣдствіи (во второй четверти XVIII в.) переданы были въ вѣдѣніе полиціи, хотя невольники продолжали содержаться изъ суммъ Адмиралтейства [3]).

5 ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ.

Что касается высшаго управленія каторжными пунктами, то оно не было сосредоточено въ одномъ какомъ-либо центральномъ органѣ, а было раздѣлено между всѣми тѣми органами управленія, въ распоряженіи которыхъ фактически находились каторжные невольники въ данный моментъ.

Такимъ образомъ, все высшее управленіе каторжными невольниками, обслуживавшими интересы флота (галерный флотъ) и всякаго рода морскихъ сооруженій (верфи и пр.), сосредоточивалось въ Адмиралтействъ-Коллегіи (приказѣ) [4]); каторжными невольниками, работавшими на армію, а также каторжниками изъ военнослужащихъ, управляла Военная Коллегія, которой Адмиралтействъ-Коллегія и др. органы управленія, по ея требованію, присылали вѣдомости и статейные списки о приговоренныхъ къ ссылкѣ «штабъ- и оберъ-офицерахъ и нижнихъ чинахъ».

Въ кругѣ своего вѣдомства управляли каторжными работами

---

[1]) П. С. З., т. IV, № 1900, 1822, п. 45.
[2]) П. С. З., т. IV, №№ 1930, 1933, Арх. М. М. Дѣла П. В. М. Фл., № 68, 1703, л. 167.
[3]) П. С. З., т. VIII, № 6248, 6190, 5222.
[4]) П. С. З., т. IV, №№ 1930 и 1933.

также Бергъ и Мануфактуръ-коллегіи, въ распоряженіи которыхъ было не мало каторжнаго населенія; также вѣдалъ управленіе каторжными въ Сибири и Сибирскій Приказъ, учрежденный въ Москвѣ [1]).

Пересылкою колодниковъ въ Сибирь вѣдалъ Сыскной Приказъ [2]), который и требовалъ на ссылаемыхъ прогоны и кормовыя деньги изъ тѣхъ мѣстъ, откуда они отправлялись [3]); впрочемъ, бывали исключенія: такъ—мастеровыхъ и рабочихъ фабричныхъ людей, осужденныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь за пьянство и игру въ карты и кости, предписывалось отсылать на счетъ самихъ фабрикантовъ [4]).

в) ВОЕННЫЕ ОРГАНЫ УПРАВЛЕНІЯ КАТОРГОЙ.

Независимо отъ упомянутой мѣстной и центральной администраціи, населеніе каторжныхъ тюремъ подчинено было и военному начальству, въ лицѣ, главнымъ образомъ, комендантовъ, на обязанности которыхъ возложена была забота объ окарауливаніи каторги и наблюденіе за внѣшнимъ, такъ сказать, порядкомъ между каторжниками какъ въ мѣстахъ ихъ заключенія—въ каторжныхъ дворахъ, такъ и внѣ послѣднихъ, во время работъ. Для осуществленія такого надзора назначались особые военные караулы отъ мѣстныхъ войскъ, преимущественно—въ составѣ цѣлой части (роты и больше), которая и несла безсмѣнно караульную службу въ данномъ пунктѣ въ теченіе опредѣленнаго времени — обыкновенно, въ теченіе мѣсяца, послѣ чего её смѣняла другая войсковая часть.

Обязанность караула и его отвѣтственность «за утечку арестованнаго злодѣя», регламентированы были какъ Воинскимъ, такъ и Морскимъ Уставами [5]). Онъ обязанъ былъ ежедневно пересматривать колодниковъ, смотрѣть, чтобы между ними не было безпорядковъ и шума и чтобы не имѣли орудій, служащихъ для взлома [6]). Впослѣдствіи было еще болѣе усилено это наблюденіе, и караульнымъ оберъ- и унтеръ-офицерамъ вмѣнялось въ обязанность осматривать ежечасно

---

[1]) П. С. З., т. VIII, № 5659.
[2]) П. С. З., т. IX, № 6318.
[3]) П. С. З., т. IX, №№ 6337, 6342, 6929, т. VIII, № 5354.
[4]) П. С. З., т. X, № 7866.
[5]) П. С. З., т. V, № 3006, 3485 и Морск. Уст., кн. V, гл. XX.
[6]) П. С. З., т. IV, № 2310.

даже тюремную стражу, а колодниковъ одинъ разъ въ сутки, и рапортовать ежедневно въ Губернскую канцелярію о состояніи караула [1]).

Впрочемъ, иногда каторжные поступали въ полное вѣдѣніе мѣстнаго военнаго начальства. Такъ, въ архивѣ Морского Министерства имѣется небезынтересный въ этомъ отношеніи документъ, а именно — предписаніе графа Апраксина оберъ-коменданту Фельдендингу [2]).

«Каторжныхъ невольниковъ, которые были въ вѣдомствѣ адмиралтейскомъ, изволите приказать, и взявъ у комисара Турова именные списки, съ прописаніемъ именно, кто на сколько лѣтъ посланъ и сколько вѣчно и до указу, принять всѣхъ въ свою команду и содержать оныхъ въ такомъ порядкѣ, какъ содержаны были до сего времени, и провіантъ давать изъ генеральнаго магазина, а не изъ адмиралтейства, и вѣдомости подавать къ дачѣ хлѣбной послѣ гарнизона, и въ работу посылать, куда надлежитъ, съ вашего позволенія, а мундиръ по заручнымъ вѣдомостямъ будутъ давать по прежнему изъ адмиралтейства».

ПРОДОВОЛЬСТВІЕ КАТОРЖНИКОВЪ.

Каково-же было содержаніе, т.-е. въ тѣсномъ смыслѣ продовольствіе каторжниковъ, видно изъ указанія, преподаннаго Адмиралтействъ-Коллегіей въ 1720 году по частному случаю [3]):

...«Каторжнымъ невольникамъ дается провіанта муки по 2 четверика, крупъ по малому четверику, соли по фунту человѣку на мѣсяцъ и въ годъ муки по 3 четверти, крупъ по полдва четверика, соли по 12 фунтовъ каждому человѣку.

Мундира въ годъ: холста на рубашки и подкладочнаго по 12 (?), на портки изъ хрящевого по восемь аршинъ человѣку, голицъ по двѣ пары, варисъ по одной, упаковъ по 3 пары человѣку въ два года, сукна сермяжнаго по 14 съ полуаршиномъ, да въ 3 года по шубѣ бараньей человѣку.

А денежное жалованье онымъ невольникамъ не бываетъ».

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ КАТОРЖНЫХЪ НЕВОЛЬНИКОВЪ.

Выше уже нами былъ указанъ составъ каторжнаго населенія: на ряду съ самымъ порочнымъ общественнымъ элементомъ, съ под-

---

[1]) П. С. З., т. XII, № 9437.
[2]) Дѣла гр. Апраксина, № 257, 1720 г.
[3]) Тамъ-же, № 20, 1725 г.

донками общества, тамъ можно было встрѣтить людей, не совершившихъ какихъ-либо порочащихъ и безчестныхъ дѣяній, попавшихъ на каторгу за долги и за невзносъ судебныхъ пошлинъ, до отработанія причитающейся съ нихъ суммы [1]), въ силу религіозныхъ убѣжденій (раскольники), за простую приверженность къ старинѣ (такъ назыв.—бородачи) и даже военноплѣнные, ни въ чемъ передъ государствомъ не виновные.

Уже одно это обстоятельство, казалось-бы, должно наводить на мысль, что петровская ссылка въ каторжныя работы не сопровождалась праволишеніемъ. Къ тому-же слѣдуетъ припомнить, что граждане Московскаго періода и эпохи Петра I не пользовались особыми сословными и политическими правами, а, напротивъ того, принадлежность ихъ къ тому или иному сословію, къ тому или иному состоянію, налагала на нихъ весьма много, такъ или иначе тягостныхъ обязанностей по отношенію къ государству; поэтому государство заботливо прикрѣпляло гражданъ къ тому или иному состоянію. Лишеніе правъ, слѣдовательно, болѣе чувствительно отзывалось-бы на интересахъ государства, чѣмъ на интересахъ личности.

Правда, подобный взглядъ, какъ-бы, находится въ противорѣчіи съ новымъ, вводимымъ Петромъ Великимъ, бюрократическимъ строемъ, въ основу котораго имъ положена была табель о рангахъ.

Пунктъ 18-ый этой табели гласилъ: «тѣ, которые за тяжкія преступленія отставлены, публично на площади наказаны, или хотя только обнажены или пытаны были, оные лишены отъ имѣвшаго титла и рангу, развѣ они отъ насъ за какія выслуги паки, за собственною нашею рукою и печатью, въ совершенную ихъ честь возстановлены и о томъ публично объявлено будетъ».

Однако, это противорѣчіе только внѣшнее и вотъ, почему: въ этой статьѣ вовсе не упоминается о каторгѣ и ссылкѣ, въ ней лишь указывается, что для лишенія «титла и ранга» необходимо было наличность слѣдующихъ условій: 1) отставленія отъ этого права на «титлъ и рангъ» и 2) торговое наказаніе, обнаженіе на площади или пытка, т.-е. другими словами—родовыя и служебныя права поража-

[1]) П. С. З., т. VI, № 3751.

лись либо путемъ спеціальнаго ихъ лишенія (отставленіе), либо пыткой или тѣлеснымъ наказаніемъ, но не всякимъ, а лишь въ извѣстной формѣ.

Разсмотримъ-же эти условія, въ отношеніи военнослужащихъ, по законодательству того времени. Что касается случаевъ, когда лишеніе военнослужащаго чина спеціально оговаривалось въ сентенціи о его ссылкѣ, то подобные случаи бывали сравнительно очень рѣдко. Лишенный чина уже не могъ быть вновь принятъ на службу и отсылался по отбытіи наказанія въ Сибирь на житье [1]).

Что-же касается тѣхъ случаевъ, когда лишеніе «титла и ранга» обусловливалось торговымъ наказаніемъ или пыткой, то раньше всего слѣдуетъ отмѣтить ограниченіе примѣненія пытки къ военнослужащимъ. Офицеровъ и солдатъ дозволялось пытать только «въ великихъ преступленіяхъ», причемъ «невѣрно пытанныхъ» законодатель предписывалъ «не почитать за безчестныхъ, и въ удостовѣреніе сопричтенія ихъ къ честнымъ» на нихъ возлагалось знамя или морской флагъ (на моряковъ) [2]).

Изъ общаго правила, что «ошельмованный въ войскѣ оставаться не можетъ», вскорѣ-же дѣлается чрезвычайно важное исключеніе: «офицеровъ и солдатъ, прощенныхъ въ преступленіяхъ, за которыя они были осуждены въ каторгу, ничѣмъ не укорять; знамя возлагать на нихъ въ коллегіи (военной); указы о прощеніи давать имъ за подписаніемъ Сената [3]), т.-е. не требовать Высочайшей подписи [4]) и они возстановлялись въ правахъ наравнѣ съ оправданными [5]).

Затѣмъ слѣдуетъ разъясненіе, что «торговое наказаніе, совершаемое палачемъ, яко безчестное, дѣлаетъ преступника недостойнымъ военной службы», а потому предписывалось «военнослужащихъ, осужденныхъ на временную ссылку, наказывать шпицрутенами, а осужденныхъ на вѣчную ссылку—кнутомъ [6]).

---

[1]) Ар. М. М. Дѣла гр. Апраксина, № 257, 1720 г.
[2]) П. С. З., т. V, № 3006, «Воин. Арт.», толк. 209, № 3485, Мор. Уст., кн. V, гл. XX, § 142, № 3890, толк. п. 18.
[3]) Тамъ-же, Арт. 209.
[4]) П. С. З., т. VI, № 4083.
[5]) П. С. З., т. V, № 3006, п. 209.
[6]) П. С. З., т. VI, № 3760.

Въ указѣ Военной Коллегіи 15 марта 1721 г. значилось: «которые офицеры и рядовые по кригсрехтамъ и конфирмаціямъ подлежать будутъ тѣлесному наказанію и ссылкѣ на каторгу, и таковымъ чиня наказаніе такое: которые приговорены будутъ на каторгу въ вѣчную работу съ наказаніемъ, тѣхъ бить кнутомъ, а которые урочные годы, тѣхъ гонять шпицрутенъ, а кнутомъ не бить, чего и по кригсрехтамъ ихъ не приговаривать для того, что, ежели по прошествіи урочныхъ лѣтъ оные свободятся, то за такимъ порокомъ, что были въ кацкихъ рукахъ, невозможно ихъ въ прежнюю службу употреблять».

Вскорѣ, однако, послѣдовало разъясненіе, что наказанные кнутомъ безъ вырѣзанія ноздрей могутъ находиться на военной службѣ [1]), а затѣмъ на военную службу стали допускать и наказанныхъ плетьми [2]) безъ всякихъ ограниченій.

Установленное Петромъ Великимъ «публикованіе въ народѣ», т.-е. публичное «причтеніе» прощенныхъ «въ число добрыхъ людей», заключалось въ слѣдующемъ: по указу 1722 года герольдмейстеръ обязанъ былъ объявить бывшимъ каторжникамъ, не удостоившимся еще прощенья, чтобы они сообщили ему за какія вины они были подвергнуты наказанію; составленные такимъ образомъ герольдмейстеромъ списки представлялись имъ въ Сенатъ, который, разсмотрѣвъ какъ преступленія, такъ и понесенное наказаніе, долженъ былъ чинить указъ о прощеніи и причисленіи къ добрымъ людямъ. Но сохраняли-ли прощенные прежнія права на службу?

Въ 1724 году, между прочимъ, Адмиралтействъ-коллегіей былъ возбужденъ вопросъ о публично наказанныхъ каторжныхъ невольникахъ, состоявшихъ на работахъ въ галерномъ флотѣ на урочные годы, которые отбыли («выжили») срокъ наказанія и остались «здоровыми» и «въ службѣ быть годными», такъ какъ Адмиралтействъ-коллегія «по регламенту» не рѣшалась зачислять ихъ обратно на службу и давать «писемъ свободныхъ» [3]). Въ отношеніи военнослужащихъ вопросъ разрѣшался слѣдующимъ образомъ: возстановленіе въ прежнихъ правахъ дѣлалось путемъ «прикрытія» флагомъ или знаменемъ тѣхъ, которые подвергались ошельмованію или тѣлесному наказанію кнутомъ

---

[1]) П. С. З., т. VIII, № 5528, § 4.
[2]) П. С. З., т. IX, № 6506.
[3]) Филипповъ, стр. 273.

черезъ палача (при ссылкѣ на вѣчную каторгу); тѣхъ-же, «которые кнутомъ не биты», повелѣвалось, «не прикрывая флагами, опредѣлять на службу попрежнему».

Итакъ Петръ I устанавливаетъ особый обрядъ возстановленія чести лицъ, опороченныхъ прикосновеніемъ къ нимъ руки палача, т.-е. тѣлеснымъ наказаніемъ. Однако, фактически этотъ обрядъ не соблюдался, такъ какъ по воззрѣніямъ общества того времени тѣлесное наказаніе не порочило чести наказаннаго.

Въ указѣ отъ 20 февраля 1722 года [1]) Петръ I, между прочимъ, замѣчаетъ: «въ Столовой Палатѣ являются на смотрѣ офицеры и дворяне и прочихъ чиновъ люди, которые за вины были въ публичныхъ наказаніяхъ (торговыхъ, т.-е. тѣлесныхъ) и въ галерныхъ, и прочихъ работахъ на урочные годы, и которые въ оныя же работы и вѣчно были посланы, а знаковъ на нихъ никакихъ не положено, свобожены въ домы, а публичнаго прощенія не получили и прежнихъ закономъ имъ не дано, и въ число добрыхъ людей не причтены и въ народѣ не публикованы».

Извѣстный изслѣдователь законодательства Петра I — г. Филиповъ—замѣчаетъ по этому поводу [2]): «каково бы ни было наказаніе, но разъ его отбылъ наказанный, онъ уже считаетъ себя въ правѣ являться публично на смотрахъ и т. д., не испрашивая себѣ прощенія»... Да и самъ законодатель, проводя утилитарный взглядъ на ссылку и каторжную работу, стремясь извлечь изъ нихъ наибольшую матеріальную пользу для государства, вынужденъ былъ согласить требованія цѣлесообразности съ одной стороны и господствовавшія общественныя воззрѣнія—съ другой—съ тѣми принципами, которые онъ клалъ въ основу новаго государственнаго строенія Россіи. Г. Филиповъ совершенно справедливо указываетъ: «Интересы государственной службы не допускали напрасной утраты здоровыхъ рабочихъ силъ, и вотъ послѣдніе вновь берутся на службу, а позоръ осрамительнаго наказанія смывается съ нихъ путемъ особыхъ символическихъ дѣйствій, возстановляющихъ ихъ «въ первобытное состояніе». Такимъ образомъ, Петръ, борясь законодательно со старымъ взглядомъ обще-

---

[1]) П. С. З., т. VI, № 3909.
[2]) Филиповъ, стр. 273.

ства на тѣлесныя наказанія, какъ не марающія чести и не лишающія правъ, самъ то путемъ милостивыхъ манифестовъ, то посредствомъ указанныхъ пріемовъ, легко возстановлялъ честь и права лицъ «публично наказанныхъ». Если отбытіе наказанія (какъ думало общество) eo ipso не могло возстановлять человѣка въ его прежнее status quo, то это возстановленіе дѣлалось постоянно самимъ законодателемъ. Въ обществѣ, не всегда легко отличавшемъ фактъ и право, эта легкость возстановленія по закону могла отчасти поддерживать старое представленіе на данное наказаніе».

Такимъ образомъ, мы подошли къ весьма важному вопросу: каково-же было юридическое положеніе каторжныхъ невольниковъ въ разсматриваемую эпоху?

Г. Розенгеймъ въ своемъ «Очеркѣ исторіи военно-судныхъ учрежденій въ Россіи до кончины Петра Великаго» [1]) также приходитъ къ заключенію, что «ссылка на каторгу или на галеры» не влекла за собой окончательнаго пораженія всѣхъ правъ не только состоянія, но и служебныхъ». «Въ дѣлахъ Военной Коллегіи петровскаго времени,—пишетъ онъ,—сохранилось множество документовъ, изъ которыхъ видно, что осужденные на каторгу или на галеры, по окончаніи сроковъ, возвращались въ войска и при томъ не только нижніе чины, но и офицеры, тѣми же чинами, въ какихъ постигло ихъ осужденіе. Такъ, напримѣръ, указомъ Военной Коллегіи 5-го декабря 1720 г. [2]), при подтвержденіи о доставленіи ей свѣдѣній о лицахъ, отбывшихъ свои сроки каторжной работы, и въ томъ числѣ объ аудиторѣ Иванѣ Орловѣ, именно сказано: «для отсылки ихъ въ прежнія команды». Въ прошеніи, поданномъ на Высочайшее имя въ 1720 г. капитаномъ Николаемъ Малышкинымъ съ товарищами [3]), объ опредѣленіи ихъ на штатныя мѣста, говорится: «Въ прошломъ, Государь, въ 1718 г., по Твоего, Царскаго Величества, указу, сосланы мы были, нижепоименованные рабы твои: я, капитанъ Николай Малышкинъ, да поручики Филиппъ Іевлевъ, да Семенъ Квашнинъ съ пол-

---

[1]) Розенгеймъ, стр. 125.

[2]) Москов. отдѣлъ общ. архива Главн. штаба. Дѣло приказ. повыт. Воен. Кол., кн. 7, л. 718.

[3]) Тамъ-же, кн. № 5 (7) приговоровъ Воен. Кол. объ опредѣленіи въ армейск. и гарнизон. полки шт. и об.-офиц., л. 34—38.

ковникомъ Остафьевымъ и съ прочими офицерами на каторгу (до указа), за легкій нашъ приговоръ по Кригсрехту капитану Прохору Елагину. Въ прошломъ 1719 г., по Твоему, Царскаго Величества, указу, оный полковникъ Остафьевъ и мы, рабы твои, съ каторги освобождены и шпаги намъ отданы; и въ нынѣшнемъ 1720 г., по Твоему, Царскаго Величества, указу, велѣно насъ послать въ Финляндскій корпусъ на плацъ-ваканціи и опредѣлить на упалыя мѣста»... Изъ указа Адмиралтействъ-Коллегіи 18-го августа 1722 г. видно, что Вятскаго драгунскаго полка капитанъ Василій Дашковъ и ротный квартирмейстеръ Назаръ Хомяковъ были сосланы на каторгу, затѣмъ освобождены и Дашковъ назначенъ тѣмъ-же чиномъ въ Воронежскій гарнизонный полкъ [1]). Даже во время бытности на каторгѣ, въ спискахъ каторжныхъ, осужденные именовались своими чинами» [2]).

На основаніи изложеннаго и множества подобныхъ свидѣтельствъ, повторяемъ, г. Розенгеймъ приходитъ къ заключенію, что осужденные на каторгу военнослужащіе возвращались затѣмъ къ прежнимъ званіямъ и правамъ на службу. Къ этому мы прибавимъ, что не ссылка на каторгу, а пытка и тѣлесное публичное наказаніе влекли за собой лишеніе «титла и ранга». Но и эти послѣднія условія въ отношеніе военнослужащихъ, какъ мы видѣли, постепенно ограничивались настолько, что обратились въ одну фикцію. Да, иначе и быть не могло, такъ какъ служба въ войскахъ являлась тяжелой повинностью, вслѣдствіе чего не только не находилось охотниковъ пользоваться правами военнослужащихъ, но, напротивъ того, въ 1711 году даже было повелѣно пополнять полки рекрутами, старыми солдатами и освобожденными каторжниками [3]); мало того, въ томъ-же году освобождены были съ каторги, въ Азовѣ спеціально лишь тѣ каторжные невольники, которые служили до ссылки на военный службѣ [4]), чтобы ими пополнить ряды арміи. Такимъ же образомъ и въ 1724 году были приняты «по прежнему въ службу» отбывшіе каторжную работу военнослужащіе,

---

[1]) Тамъ-же, кн. № 2, 5-го авг. 1722 г.

[2]) Не мало подобныхъ-же документальныхъ подтвержденій можно указать и въ Архивѣ Мор. М., напр. въ дѣлахъ гр. Апраксина, № 270, л. 237 и 190.

[3]) Арх. М. М., дѣла гр. Апраксина, № 28.

[4]) Арх. М. М., дѣла гр. Апраксина, № 26, л., 270—295.

причемъ «публично битые» были «прикрыты флагомъ» [1]). Верстались каторжники на военную службу и до истеченія срока наказанія по милостивымъ манифестамъ, въ порядкѣ помилованія (напр. въ 1720 г.) и не только нижніе чины, но и офицеры. Что-же касается юридическаго положенія военнослужащихъ во время отбыванія ими наказанія, то хотя петровская ссылка и каторга не влекла, какъ мы видимъ, правопораженіи по службѣ и по состоянію, тѣмъ не менѣе нельзя, однако, упускать изъ виду той полной нивеллировки каторжнаго населенія, которая наблюдалась въ то время въ самой каторгѣ. Во время отбыванія наказанія положеніе военнослужащихъ, даже имѣвшихъ оберъ- и штабъ-офицерскіе чины, ничѣмъ не отличалось: они были тѣми же каторжными невольниками—не больше; они даже, безъ изъятій, наравнѣ съ прочими каторжниками подвергались въ дисциплинарномъ порядкѣ тѣлесному наказанію, тогда какъ по общему правилу офицеры не подлежали такому наказанію.

Вотъ, почему мы въ правѣ заключить, что при ссылкѣ военнослужащихъ на каторжную работу они хотя и не лишались прежнихъ своихъ служебныхъ правъ, если о томъ не было особо оговорено въ приговорѣ, но временно ограничивались въ этихъ правахъ впродолженіе всего срока нахожденія на каторгѣ. Они по спискамъ уже переставали числиться въ войсковыхъ частяхъ, и обратное принятіе ихъ на службу не было обязательнымъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи офицеровъ.

Что касается гражданскихъ праволишеній, то въ этомъ отношеніи указъ 16 августа 1720 г. [2]) устанавливалъ, что «къ каторжнымъ невольникамъ, которые посланы на урочные годы, женамъ и дѣтямъ ходить невозбранно, а которые сосланы въ вѣчную каторжную работу, тѣмъ женамъ, которыя похотятъ идти замужъ, или постричься, или въ своихъ приданныхъ деревняхъ жить, и въ томъ дать имъ свободу, понеже мужья отлучены вѣчно, подобно якобы умре». Однако, въ половинѣ XVIII вѣка, послѣ отмѣны смертной казни, послѣдовало разъясненіе, что наказаніе кнутомъ съ вѣчною ссылкою почитается лишь наказаніемъ, а не политической смертью [3]), а потому дѣтямъ осу-

---

[1]) Тамъ-же, дѣла Адм.-сов., № 32 и дѣла гр. Апраксина, № 270, л. 237 и л. 190.

[2]) П. С. З. т., VI, № 3628.

[3]) П. С. З., т. XIII, № 10101.

жденныхъ въ вѣчную работу, или въ ссылку и въ заточеніе, предоставлялось право слѣдовать за отцомъ или оставаться въ домахъ по своему произволу, по выдачѣ имъ изъ имѣнія отцовъ указной части. [1])

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что еще ранѣе того Высочайшимъ указомъ [2]) повелѣно было, въ посылаемыхъ о ссылкѣ преступниковъ указахъ, означать женаты-ли они, или нѣтъ.—Впрочемъ, надо замѣтить, что иногда ссылка на вѣчную каторгу сопровождалась отписываніемъ въ казну [3]) движимаго и недвижимаго имѣнія, но это было не лишеніемъ имущественныхъ правъ, а дополнительнымъ наказаніемъ, въ видѣ конфискаціи.

Такимъ образомъ, въ эпоху Петра I, какъ бы уже намѣчаются лишенія гражданскихъ имущественныхъ и семейственныхъ правъ при ссылкѣ на вѣчную каторгу, но, однако, законодательство не только не шло болѣе рѣшительно по этому пути, но, наоборотъ, вынуждено было черезъ нѣкоторое время и вовсе отъ него отказаться.—

БЫТЪ КАТОРЖНЫХЪ НЕВОЛЬНИКОВЪ.

Таковы были наиболѣе характерныя черты юридическаго положенія каторжниковъ Петровскаго времени, рѣзко отличающія старую каторгу отъ современной. Если эта послѣдняя представляется міромъ отверженныхъ, безправныхъ и порочныхъ людей, если названіе «каторжникъ» въ наши дни является позорящимъ, то въ эпоху Петра понятіе «каторжникъ» отождествлялось съ понятіемъ подневольнаго труженника, обязаннаго отработать на государство «урочные» годы, чтобы затѣмъ вновь вступить въ ряды полноправныхъ и притомъ безупречныхъ гражданъ, такъ какъ никто ихъ не смѣлъ «ничѣмъ укорять»; отбытое наказаніе забывалось, не оставляло никакого слѣда.

Такимъ образомъ, если юридическое положеніе современнаго каторжника изъ военно-служащихъ гораздо тяжелѣе, зато въ бытовомъ отношеніи, наоборотъ, каторжнику въ наши дни несравненно легче.

Петровскій каторжникъ и думать не смѣлъ о тѣхъ условіяхъ размѣщенія и продовольствія, въ которыхъ находятся современные каторжники.

---

[1]) Тамъ-же, № 10086.
[2]) П. С. З., т. XI, № 8381.
[3]) П. С. З., т. VII, № 4533, стр. I и 11.

Петровскіе каторжные пункты устраивались весьма разнообразно, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, при чемъ правительственная власть мало и даже почти не заботилась объ интересахъ каторжнаго населенія, стремясь лишь наблюсти наибольшую экономію и воспрепятствовать каторжникамъ совершить утечку. Отсюда весьма скученное, антигигіеничное расположеніе невольниковъ на особыхъ каторжныхъ дворахъ въ тюремныхъ избахъ.

Каторжные, во избѣжаніе побѣговъ, кромѣ того, заковывались въ «желѣза», а для хожденія «въ міръ» на нихъ надѣвали «долгія чепи» съ ошейниками. Это хожденіе «въ міръ» для собиранія милостыни на содержаніе колодниковъ широко практиковалось и въ петровской каторгѣ [1]).

Каторжныя казармы, даже въ столичныхъ городахъ—Петербургѣ и Москвѣ, содержались въ такомъ плачевномъ состояніи, что грозили «разрушеніемъ» и «паденіемъ»; сырость, затхлость, грязь, и «духъ» въ этихъ казармахъ былъ «смертный» и «смрадный». Каторжники болѣли и вымирали, очищая мѣста для новыхъ невольниковъ, которыхъ государство присылало, не справляясь о возможности ихъ помѣщенія, а лишь соображаясь съ потребностью въ рабочихъ рукахъ.

Вотъ, напримѣръ, безыскусное и правдивое описаніе каторги въ Рогервикѣ (Балтійскомъ портѣ) въ половинѣ XVIII вѣка, сдѣланное въ запискахъ А. Т. Болотова [2]):

«Отправились мы (въ составѣ полка) стеречь и караулить каторжныхъ (въ Рогервикѣ) и принуждены были тамъ промучиться съ цѣлый почти мѣсяцъ. По счастью, досталось мнѣ при всемъ караулѣ править адъютантскую должность, которая была хотя и довольно трудна, однако выгоднѣе всѣхъ прочихъ. По крайней мѣрѣ не былъ я вынужденъ водить каторжныхъ всякій день на мулю (молъ) и зябнуть тамъ подъ дождемъ, снѣгомъ и вѣтромъ, но жилъ все въ теплѣ и въ караульнѣ на гауптвахтѣ»...

...«Я долженъ былъ въ каждое утро и въ каждый вечеръ ходить въ острогъ и во всѣхъ казармахъ перекликать по списку всѣхъ каторжанъ»... и «сіи злодѣи стравили-было меня вшами»... Далѣе Болотовъ

---

[1]) П. С. З., т. VI, № 4.111.

[2]) «Жизнь и приключенія А. Болотова», прилож. къ «Русс. Старинѣ», 1870 г., стр. 338—343.

подробно разсказываетъ какъ каторжные спускали на него въ большомъ количествѣ вшей, когда онъ, дѣлая имъ перекличку, стоялъ «подъ ихъ койками, ибо весь потолокъ ими (койками) въ казармахъ увѣшанъ». Чтобы защититься отъ такой «травли вшами», Болотовъ принужденъ былъ ходить на перекличку «въ епанчѣ и съ шляпою съ распущенными полями». Однажды ему даже удалось поймать «одного бездѣльника, мечущаго (на него) вши», и онъ велѣлъ дать ему за то слишкомъ болѣе ста ударовъ, ибо бить ихъ стояло въ его власти.

Рогервикъ составлялъ въ то время «изрядное мѣстечко, имѣющее въ себѣ нѣсколько сотъ домовъ и одну церковь. Но бо̀льшей частью жили въ немъ промышленники, ставящіе каторжнымъ потребные къ содержанію ихъ припасы». «Построенію онаго (Рогервика) и содержанію каторжныхъ въ семъ мѣстѣ было извѣстное и великое намѣреніе императора Петра Великаго, чтобы построить тутъ гавань»... «Работа каторжныхъ состояла въ ломаніи въ тутошнемъ каменистомъ берегѣ камней, въ ношеніи ихъ на море и киданіи въ воду, дабы сдѣлать отъ берега до острова каменную широкую плотину, которую они назвали «мулею»... «Каторжныхъ водили на работу, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ безпрерывнымъ рядомъ солдать съ заряженными ружьями. А чтобъ они во время работы не ушли, то изъ того-же камня сдѣлана при началѣ мули маленькая, но не отдѣланная еще крѣпостца, въ которую впустивъ разстанавливаются кругомъ по валу очень часто часовые, а въ нужныхъ мѣстахъ бекеты и команды». «Собственно жилище ихъ (каторжныхъ) построено въ самомъ мѣстечкѣ и состоитъ въ превеликомъ и толстомъ острогѣ, посреди котораго построена превеликая и огромная связь, раздѣленная внутри на разныя казармы или свѣтлицы. Сіи набиты были полны сими злодѣями, которыхъ... было около тысячи; нѣкоторые жили внизу на нарахъ нижнихъ или верхнихъ, но большая часть спала на привѣшанныхъ къ потолку койкахъ. Честное или злодѣйское сіе собраніе состоитъ изъ людей всякого рода, званія и чина. Были тутъ знатные, были дворяне,были купцы, мастеровые, духовные и всякаго рода подлость, почему нѣтъ такого художества и рукомесла, котораго бы тутъ наилучшихъ мастеровъ не было и которое бы не отправлялось. Бо̀льшая часть изъ нихъ рукодѣліями своими питаются и наживаютъ великія деньги, а не менѣе того наживались и богати-

лись опредѣленные къ нимъ командиры. Впрочемъ, кромѣ русскихъ были тутъ люди и другихъ народовъ, были французы, нѣмцы, татары, черемисы и тому подобные. Тѣ, которые имѣли болѣе достатка, пользовались и тутъ нѣкоторыми множайшими предъ другими выгодами: они имѣли на нарахъ собственныя свои оттородки и изрядныя коморочки, и по благосклонности командировъ не хаживали никогда на работу». «Видѣлъ я тутъ,—пишетъ Болотовъ,—также и славнаго Андреюшку, который нѣкогда подъ именемъ «Христа» игралъ въ Москвѣ странную роль и вскружилъ у многихъ господъ совершенно ихъ голову; мужиченка пакостной и ни къ чему годный, и ему вмѣстѣ съ апостолами его доставалось всего чаще отъ солдатъ толчки и побои. Всѣ безъ изъятія они закованы въ кандалахъ, по примѣру прочихъ, и многіе имѣютъ двойныя и тройныя желѣза, для безопасности чтобъ не могли уйтить съ работы».

«Смотрѣніе и караулъ за ними бываетъ наистрожайшій, но инако съ сими злодѣями и обойтиться не можно. Выдумки, хитрости и пронырства ихъ такъ велики, что на всѣ строгости несмотря находятъ они средства уходить какъ изъ острога, такъ и во время работы и чрезъ то приводить караульныхъ въ несчастіе. Почему стояніе тутъ на карауле соединено съ чрезвычайной опасностью, и рѣдкій мѣсяцъ проходитъ безъ проказы»...

Не надо упускать изъ виду, что описаніе Болотова относится къ болѣе позднему времени, а при Петрѣ и такого благоустройства, насколько можно судить по многимъ документамъ, въ каторжныхъ тюрьмахъ не было.

Какъ видно изъ приведеннаго нами описанія, каторжные расположены были по системѣ совмѣстнаго заключенія и никакого раздѣленія по роду преступленій или по возрасту не дѣлалось. Отдѣлялись-ли заключенные по поламъ — изъ свидѣтельства Болотова не видно, и это умолчаніе можно объяснить тѣмъ, что въ описываемое имъ время послѣдовалъ указъ не отсылать въ Рогервикъ осужденныхъ на вѣчную каторгу лицъ женскаго пола, а обращать ихъ на житье въ Сибирь [1]). Судя-же по описанію устройства острога въ Рогервикѣ, слѣдуетъ прійти къ заключенію, что въ петров-

[1]) П. С. З., т. XIII, № 9.911 и 10.113.

ское время раздѣленіе преступниковъ по поламъ не существовало, тѣмъ болѣе, что раздѣленіе это установлено было гораздо позднѣе [1]).

Не существовало также отдѣльныхъ помѣщеній на каторгѣ и для военнослужащихъ, и офицеры наравнѣ съ нижними чинами отбывали наказаніе въ общихъ казармахъ съ прочими каторжными невольниками.

Правила употребленія преступниковъ на казенныя работы хотя и были регламентированы [2]), но, однако, какъ видно изъ свидѣтельства Болотова, въ этой области было не мало злоупотребленій со стороны администраціи каторги.

Побѣги съ каторги были часты и правительству приходилось не только мѣтить каторжныхъ наружнымъ ихъ обезображеніемъ [3]), но и бороться путемъ репрессій, направленныхъ какъ на самихъ бѣжавшихъ [4]), такъ и на чиновъ караула, виновныхъ въ упускѣ. Несмотря на строгость наблюденія за каторжными невольниками, они тѣмъ не менѣе частенько, въ особенности въ Сибири, производили всякаго рода безпорядки и позволяли себѣ такіе «вольности и непотребные проступки», что приходилось прибѣгать къ особымъ мѣрамъ предосторожности отъ каторжныхъ [5]).

Все это подтверждаетъ только безобразныя бытовыя условія каторжныхъ невольниковъ; между тѣмъ среди нихъ, повторяемъ, былъ огромный процентъ лицъ совершенно непорочныхъ. Можно себѣ представить ихъ тягостное положеніе! Напомнимъ хотя бы о капитанѣ Малышкинѣ, поручикахъ Іевлевѣ, Квашнинѣ и полковникѣ Остафьевѣ, попавшихъ на каторгу только за то, что по кригсрехту постановили «легкій приговоръ капитану Прохору Елагину»—что̀ должны были они перестрадать въ продолженіе года пребыванія въ каторгѣ!

ОСВОБОЖДЕНІЕ СЪ КАТОРГИ.

Въ заключеніе настоящаго описанія петровской каторги остается лишь сказать нѣсколько словъ о препровожденіи по освобожденіи осужденныхъ съ каторги военнослужащихъ.

По общему правилу военнослужащіе, отбывшіе срокъ наказанія,

---

[1]) П. С. З., т. XII, № 8.877.
[2]) П. С. З., т. VI, № 4.111.
[3]) П. С. З., т. VII, № 4.417.
[4]) П. С. З., т. IV, № 2.026, т. V, № 2.823.
[5]) П. С. З., т. VIII, №№ 4.308 и 4.952.

или прощенные, передавались въ вѣдѣніе либо того начальства, по распоряженію котораго они были отправлены на работы, т. е. отсылались «въ прежнія команды», или «на плацъ вакансіи» для опредѣленія «на упалыя мѣста» или, наконецъ, въ распоряженіе того военнаго начальства, въ подчиненіи котораго находилась войсковая часть, въ которую по указу назначался освобождаемый съ каторги воинскій чинъ [1]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ соблюдался порядокъ, установленный въ военномъ вѣдомствѣ для командированія воинскихъ чиновъ въ части войскъ.

Нѣсколько иначе поставлено было дѣло въ отношеніи тѣхъ военнослужащихъ, которые по освобожденіи съ каторги не подлежали зачисленію вновь въ войска. Къ числу такихъ лицъ, кромѣ лишенныхъ воинскаго чина, принадлежали, напримѣръ, нижніе воинскіе чины и рекруты, сосланные въ каторжную работу съ вырѣзаніемъ ноздрей, которыхъ по освобожденіи съ каторги полагалось ссылать въ Сибирь «на житье и вольное пропитаніе», а также и др. [2]).

Такія лица отправлялись въ ссылку или подъ карауломъ, или «на своемъ коштѣ».

«По выпискѣ отъ коллегіи (Военной) освобожденнаго съ каторги,— читаемъ мы въ документахъ того времени [3]),—послать въ ссылку въ Сибирь на вѣчное житье. И отправить его изъ Санктъ-Петербурга съ указомъ въ Москву за карауломъ Московской Адмиралтействъ-конторы, съ солдаты, на ямской [4]) одной подводѣ, по дачѣ на ту подводу подорожной, за указные прогоны въ ямскую канцелярію послать преморію, а о прогонныхъ деньгахъ къ полковнику и казначею Засѣцкому указъ, и на проѣздъ въ пути выдать ему провіанта противъ каторжныхъ невольниковъ натурою на мѣсяцъ отъ адмиралтействъ-провіантъ-конторы, а изъ Московской адмиралтействъ-коллегіи выдать ему на дорожный кормъ деньгами противъ... колодниковъ на 5 мѣсяцевъ: по алтыну на день, записавъ въ расходъ съ роспискою. И отправить его за карауломъ-же, сухимъ или водянымъ путемъ, какъ способнѣе, до Нижняго и вслѣдъ его объявить вице-

---

[1]) Ар. М. М. Дѣла гр. Апраксина, № 270, л. 190.
[2]) П. С. З., т. XII, № 8.292, 8.263, п. 6, № 8.278 и др.
[3]) Ар. М. М. Дѣла Адм.-Кол., № 60, 1.725, л. 408—409.
[4]) П. С. З., т. VIII, № 5617 и т. XI, № 8.643.

губернатору... А изъ Нижняго... отправить его за карауломъ же въ Казань и для отсылки въ Сибирь вслѣдъ его объявить губернатору... А въ Сибири о пріемѣ и опредѣленіи его... рапортовать въ командѣ.» На собственный счетъ разрѣшалось ѣхать въ ссылку лишь за поручительствомъ («съ добрыми поруками») по представленіи «поручной записи». Отправляемый такимъ порядкомъ «на свой коштъ» обязанъ былъ въ указанный срокъ явиться на мѣстѣ ссылки губернатору, а въ случаѣ если онъ не явится, то его ожидало наказаніе, доходящее до смертной казни, а съ поручителей либо взыскивалось «на Его Величество» все движимое или недвижимое ихъ имущество, либо они подвергались личному наказанію, доходящему до ссылки въ вѣчную каторжную работу [1]).

Назначеніе мѣстъ для ссылки освобожденныхъ отъ каторжныхъ работъ невольниковъ зависѣло, главнымъ образомъ, отъ того, предназначались-ли они «на житье и вольное пропитаніе», для занятія «пашней» и записаніе въ подушный окладъ [2]) на службу или ссылались въ какихъ-нибудь особыхъ цѣляхъ.

Такъ, напр., въ 1722 году изданъ былъ Петромъ I указъ [3]) о ссылкѣ освобожденныхъ отъ каторги преступниковъ въ Дауры на серебряные заводы и о переселеніи туда-же на удобныя къ хлѣбопашеству земли 300 семей. Указъ этотъ изданъ былъ по предложенію президента Бергъ-коллегіи Брюса, въ виду недостатка рабочихъ рукъ въ Даурiи, и гласилъ: «которые нынѣ освобождены отъ каторжной работы и опредѣлены послать въ Сибирь въ дальные города, оныхъ послать и впредь посылать съ женами и дѣтьми въ Дауры на серебряные заводы».

Законодательство Петра I было проникнуто началомъ утилизаціи преступнаго элемента въ качествѣ рабочей силы настолько, что въ концѣ-концовъ преступники представляли какъ-бы особый видъ крѣпостныхъ государственныхъ рабочихъ, которыхъ можно было употреблять на работу, въ случаѣ надобности, даже не взирая на то, что они уже отбыли срокъ наказанія каторгой и отправлены на поселеніе въ Сибирь. Такъ, въ 1703 году, 23 Сентября, Петръ пишетъ

---

[1]) Ар. М. М. Дѣла Адм.-Кол., № 60, 1.725, л. 116.
[2]) П. С. З., т. VIII, № 5.555.
[3]) П. С. З., т. VI, № 3.955.

князю Ѳ. Ю. Ромодановскому: «Нынѣ зѣло нужда есть, дабы нѣсколько тысячъ воровъ (а именно, если возможно, двѣ тысячи) приготовить къ будущему лѣту, которыхъ по всѣмъ приказамъ, ратушамъ и городамъ собрать по первому пути и которые посланы въ Сибирь, а нынѣ еще на Вологдѣ» [1]).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Таковы наиболѣе характерныя черты организаціи каторги въ отношеніи военнослужащихъ, какъ она сложилась у насъ первоначально при Петрѣ Великомъ. Принципъ крѣпостной зависимости, лежавшій въ основѣ государственной жизни Россіи въ Московскій періодъ, получаетъ еще болѣе широкое примѣненіе при развитіи бюрократическаго строя въ эпоху Петра I. На этомъ принципѣ, въ сущности, реформированы были Великимъ Преобразователемъ наши вооруженныя силы, и комплектовавшаяся крѣпостными людьми Петровская армія фактически состояла изъ людей, прикрѣпленныхъ къ государству обязательной службой до потери годности нести эту подневольную службу.

Тотъ-же принципъ, естественно, легъ и въ основу петровской каторги, которая въ отношеніи военнослужащихъ сводилась къ замѣнѣ принудительной службы принудительнымъ трудомъ. Этотъ каторжный трудъ, однако, не всегда былъ только трудомъ физическимъ.

Напримѣръ, въ 1724 г., 14 января петербургскій генералъ-полицмейстеръ Девіеръ объявилъ Сенату слѣдующій именной указъ Петра: «Прежде присланнаго изъ государственной коллегіи юстиціи иноземца, француза, слесарнаго дѣла мастера Гильома Багина, который присланъ былъ въ минувшемъ 1723 г., 24 мая за смертное убійство въ каторжную работу, отъ той работы учинить свободна и отослать его въ канцелярію надъ строеніями въ команду директора Синявина и быть ему тамъ подъ карауломъ, чтобъ онъ не ушелъ, и обучать слесарному своему мастерству оной команды людей, сколько надлежитъ»... То же самое примѣнялось и въ отношеніи военнослужащихъ; такъ, напримѣръ, особыми указами повелѣно было осуждаемыхъ въ ссылку Артиллерійскихъ и Инженерныхъ служителей отсылать на Астраханскіе и Красноярскіе Артиллерійскаго вѣдомства заводы [2]), а сосланныхъ въ Оренбургъ за

---

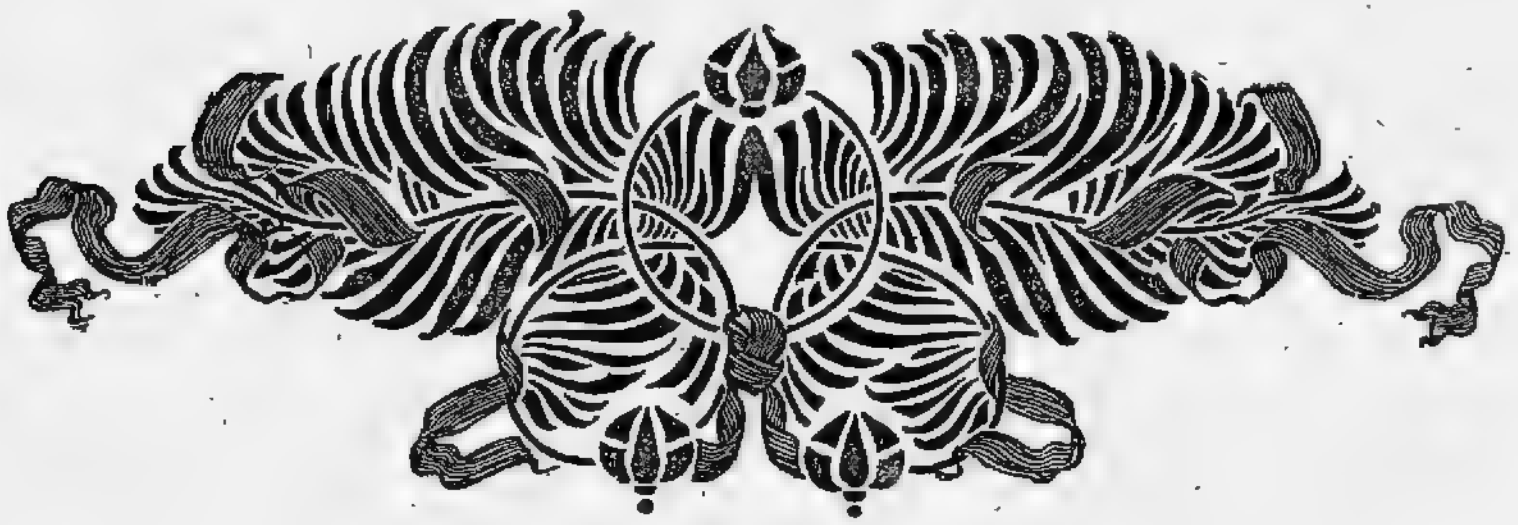
[1]) Бумаги и письма Петра В., т. II, стр. 275, а также П. С. З., т. V, № 3.414.

[2]) П. С. З., т. XI, № 6.205.

вины инженерныхъ офицеровъ опредѣлять къ строенію крѣпостей по Оренбургской линіи [1]).

Замѣняя, въ видѣ наказанія, военнослужащимъ службу подневольнымъ принудительнымъ трудомъ, государство, однако, не отнимало окончательно ихъ служебныхъ правъ и верстало ихъ, по отбытіи наказанія, на прежнюю службу, въ прежнія должности, за небольшимъ, впрочемъ, исключеніемъ, а именно: за исключеніемъ тѣхъ, которые спеціально лишены были правъ на службу отнятіемъ у нихъ чиновъ и тѣхъ, которые, побывавъ въ «кацкихъ» рукахъ заклеймены были наложеніемъ обезображенія на лицѣ (вырѣзаніе ноздрей до кости). Однако, не желая терять даровой рабочей силы, государство старалось использовать этотъ элементъ для колонизаціи дальнихъ окраинъ и для созданія тамъ трудоспособнаго населенія, для чего и ссылало ихъ преимущественно въ Сибирь [2]).

Въ такомъ видѣ каторга для военнослужащихъ, установившаяся при Петрѣ Великомъ, продержалась до новыхъ государственныхъ реформъ, происшедшихъ въ началѣ XIX-го вѣка.



---

[1]) П. С. З., т. X, № 7.885, п. 15.
[2]) П. С. З., т. XI, № 8.292.

ГЛАВА VI.

СТАНОВИВШАЯСЯ въ началѣ XVIII вѣка, въ эпоху Петра Великаго, карательная система продержалась безъ существенныхъ измѣненій въ нашемъ молодомъ войскѣ цѣлое почти столѣтіе. Тѣмъ не менѣе всѣ виды лишенія свободы, установленные петровскимъ законодательствомъ, получаютъ въ продолженіе XVIII вѣка дальнѣйшее развитіе, при чемъ постепенно въ нихъ намѣчаются тѣ типичныя черты, которыми они характеризуются въ наши дни. Интересно, между прочимъ, отмѣтить, что такая эволюція происходитъ, главнымъ образомъ, путемъ практики, которая лишь впослѣдствіи, и то не всегда, получаетъ законодательную санкцію.

Такимъ, именно, путемъ постепенно развивалось и наказаніе военнослужащихъ арестомъ.

АРЕСТЪ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Въ 1764 году это наказаніе по отношенію офицерскихъ чиновъ опредѣлено было болѣе точно въ такъ-называемой «Инструкціи Полковнику» [1]). Виды ареста были установлены:

1) арестъ съ исправленіемъ должности,

2) арестъ на квартирѣ (домашній) или палаткѣ безъ исправленія должности,

3) арестъ у профоса и

4) содержаніе на палочномъ караулѣ.

---

[1]) П. С. З., т. XVI, № 12.289.

Назначались всѣ эти виды ареста властью военныхъ начальниковъ, въ качествѣ дисциплинарнаго взысканія, за всякаго рода служебные проступки и внѣслужебныя нарушенія порядка или, какъ значится въ инструкціи, за «безпокойства въ полку».

Въ 1796 году Императоръ Павелъ I издалъ «Воинскій Уставъ, о полевой пѣхотной службѣ» [1]), въ которомъ и регламентировалъ всѣ тѣ виды ареста, которые установились до того путемъ практики. По этому уставу арестъ, какъ дисциплинарное взысканіе, примѣнялся и къ унтеръ-офицерамъ; къ рядовымъ же, попрежнему, преимущественно примѣнялись наказанія тѣлесныя, изъ которыхъ особенно широкимъ примѣненіемъ пользовалось прогнаніе сквозь строй.

Интересно отмѣтить, что офицеры подвергались аресту не только за служебные проступки, но и за нерадѣніе, неприлежаніе, за долги и проч. Унтеръ-офицеры подвергались аресту за тѣ-же проступки, но сверхъ того къ нимъ примѣнялось это взысканіе и за нанесеніе ударовъ и побоевъ крестьянамъ, т. е. за оскорбленіе дѣйствіемъ частныхъ лицъ непривиллегированныхъ сословій.

Широкое примѣненіе ареста въ царствованіе Павла I, въ особенности къ офицерамъ, вызвало въ войскахъ естественное стремленіе облегчить режимъ, установленный для этого наказанія; отсюда частые случаи самовольныхъ отлучекъ изъ-подъ ареста. Въ видѣ особой мѣры борьбы съ подобнымъ зломъ Императоръ Павелъ I, въ Высочайшемъ приказѣ, отданномъ при паролѣ 28 іюля 1799 года, [2]) повелѣлъ назначать при арестованныхъ офицерахъ часового и не выпускать ихъ безъ конвоя изъ караульнаго помѣщенія; вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось у всѣхъ арестованныхъ, даже у отставныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, отбирать шпаги [3]).

Воинскій уставъ о полевой пѣхотной службѣ устанавливаетъ для офицеровъ новый видъ ареста—«заключеніе въ крѣпость», которое отличалось лишь тѣмъ, что арестъ отбывался не на гауптвахтѣ при полку, а въ крѣпостныхъ гауптвахтахъ, гдѣ за особымъ

---

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 17.588.
[2]) П. С. З., т. XXV, № 19.056.
[3]) Тамъ-же, № 18.320.

карауломъ и содержались арестованные. Впрочемъ, это взысканіе налагалось лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, напримѣръ, за просрочку явки офицера изъ отпуска [1]).

Въ отличіе отъ этого дисциплинарнаго взысканія заключеніе въ крѣпость примѣнялось въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ видѣ заточенія въ крѣпость; преимущественно такое наказаніе примѣнялось въ тѣхъ случаяхъ, когда противозаконнымъ образомъ нарушались интересы казны или наносился казнѣ или частнымъ лицамъ матеріальный ущербъ, а также взамѣнъ тѣлеснаго наказанія для военнослужащихъ, пользующихся привиллегированнымъ положеніемъ. Изъ Высочайше конфирмованныхъ въ 1801—1802 г.г. дѣлъ видно, что такое заключеніе въ крѣпость сопровождалось всегда праволишеніями: или лишеніемъ дворянства, или чиновъ и дворянства, или воинскаго званія, разжалованіемъ въ рядовые, или, наконецъ, исключеніемъ только изъ службы. Подобное заключеніе въ крѣпость сопровождалось принудительнымъ трудомъ «для заработка» денегъ въ возмѣщеніе убытковъ казнѣ [2]).

Одновременно съ регламентаціей ареста, правительство озаботчено было упорядоченіемъ примѣненія предварительнаго ареста, какъ мѣры просѣченія возможности уклониться отъ суда, а также ареста, употреблявшагося въ видѣ мѣры побужденія къ исполненію разнаго рода обязательствъ. Раньше всего слѣдуетъ отмѣтить въ этомъ отношеніи указъ 1738 года о томъ, чтобы «безъ явнаго о воровствѣ доказательства» подъ стражу никого не брать [3]); затѣмъ повелѣно было безотлагательно высылать содержащихся подъ стражей преступниковъ, впредь до указа, въ крѣпостную работу, коль скоро слѣдствія о нихъ уже окончены и сентенціи заключены [4]). Такимъ образомъ, правительство стремилось сократить число лицъ, содержащихся до суда подъ стражей; однако, наряду съ тѣмъ правительство продолжаетъ указами подтверждать, чтобы до окончанія розысковъ «о злодѣяхъ», какого-бы званія они не были, содержать

---

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 17.588, ч. IX, гл. 8.
[2]) Архивъ Гл. В.-Суд. Упр-ія, журн. часть, Высоч. конфирмаціи.
[3]) П. С. З., т. X, № 7.219.
[4]) П. С. З., т. XII, № 9.416.

ихъ подъ крѣпкимъ карауломъ [1]). Въ частности, относительно казаковъ-малороссіанъ предписывалось ни по какимъ дѣламъ, кромѣ уголовныхъ, великороссійскимъ командирамъ безъ разрѣшенія гетмана подъ арестъ ихъ не брать [2]).

Затѣмъ, въ шестидесятыхъ годахъ XVIII вѣка послѣдовалъ указъ, которымъ предписывалось воровъ и разбойниковъ во всякомъ случаѣ болѣе мѣсяца подъ карауломъ не держать; что-же касается оговоренныхъ, то тѣхъ, которые въ повальномъ обыскѣ будутъ «одобрены», освобождать на поруки, ибо,—говоритъ законодатель,—«н е и м ѣ я т о ч н а г о о б л и ч е н і я л у ч ш е в и н о в н а г о о с в о б о д и т ь, н е ж е л и н е в и н н а г о н а к а з а т ь». Если-же въ повальномъ обыскѣ оговореннаго «облихуютъ», т. е. не дадутъ одобрительнаго о немъ отзыва, то такого предписывалось подвергать пыткѣ съ тѣмъ, что если онъ и на пыткѣ въ преступленіи «запрется», и никто его на поруки не возьметъ, то ссылать на житье въ Сибирь; содержащихся-же подъ карауломъ по обыкновеннымъ тяжебнымъ дѣламъ повелѣвалось «стараться, сколько возможно, отдавать на поруки», съ обязательствомъ поставлять ихъ при первомъ-же требованіи [3]).

Для уменьшенія, по-возможности, числа арестованныхъ подслѣдственныхъ было установлено, чтобы взятыхъ и задержанныхъ въ словесныхъ судахъ держать подъ арестомъ, во всякомъ случаѣ, не болѣе 8 дней, въ теченіе которыхъ и должно было быть въ судѣ разсмотрѣно дѣло о такихъ лицахъ [4]); наконецъ, въ 1768 году изданъ былъ наказъ, въ которомъ въ §§ 159—174 подробно регламентированы были правила о взятіи обвиняемыхъ подъ стражу и о содержаніи ихъ [5]). Но уже черезъ годъ послѣдовало новое разъясненіе, чтобы по дѣламъ слѣдственнымъ не подвергать подсудимыхъ аресту, не учинивъ имъ предварительно допроса [6]).

Наконецъ, въ послѣдней четверти XVIII вѣка правительство, все съ тою-же цѣлью остановить чрезмѣрное увлеченіе арестомъ, какъ мѣрою пресѣченія, предоставляетъ тѣмъ изъ взятыхъ подъ стражу по

---

[1]) П. С. З., т. XIV, № 10.650, п. 5, 7. XXIII, № 17179.
[2]) П. С. З., т. XIV, № 10.554.
[3]) П. С. З., т. XIV, № 11.750, п. 1—6, и 12.919.
[4]) П. С. З., т. XVII, № 12.721, § 11—12.
[5]) П. С. З., т. XVIII, № 12.949.
[6]) П. С. З., т. XIX, № 13.776.

обвиненію въ нетяжкихъ преступленіяхъ, кто долѣе 3-хъ дней содержится безъ допроса, просить Совѣстный судъ объ освобожденіи ихъ, при чемъ на обязанность губернскихъ прокуроровъ и стряпчихъ возложено было попеченіе о содержащихся подъ стражею, для чего они обязаны были еженедѣльно по пятницамъ посѣщать содержащихся подъ стражей въ тюрьмахъ [1]).

Параллельно наблюдаются попытки правительства упорядочить предварительный арестъ для подслѣдственныхъ какъ въ цѣляхъ уголовной политики, такъ и въ интересахъ самихъ арестованныхъ, но еще не осужденныхъ за преступленія.

Такъ, со 2-ой половины XVIII вѣка къ подслѣдственнымъ начинаетъ примѣняться система одиночнаго заключенія: «приводныхъ» указывалось содержать «всѣхъ разсадя порознь за караулъ», очевидно во избѣжаніи стачки и для облегченія слѣдствія [2]).

Такимъ образомъ, установленъ былъ спеціальный надзоръ прокурорской власти надъ мѣстами заключенія гражданскаго вѣдомства, а такъ какъ военнослужащіе подвергались по общимъ преступленіямъ задержанію при тѣхъ-же мѣстахъ заключенія, то, слѣдовательно, этотъ надзоръ распространялся и на нихъ; военно-судебная власть, а также войсковые начальники были, такимъ образомъ, устранены отъ надзора за военными арестантами и пріобрѣтаютъ это право значительно позднѣе, въ началѣ уже XIX-го вѣка.

НАЧАЛО ОБОСОБЛЕНІЯ ВОЕННО-КАРАТЕЛЬНЫХЪ ОРГАНОВЪ.

Тѣмъ не менѣе въ XVIII столѣтіи уже совершенно отчетливо выясняется назрѣвающая потребность въ обособленіи военныхъ карательныхъ органовъ и учрежденій отъ общихъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ этого вѣка послѣдовалъ указъ о томъ, чтобы солдатъ, учинившихъ преступленія, непремѣнно отсылать для наказанія къ ихъ командамъ, а не наказывать при полиціи [3]); затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ указомъ было предписано присылать въ Военную контору изъ губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій бѣглыхъ «военнаго чина людей» [4]). Даже тяжкихъ преступниковъ изъ казаковъ Запорожскаго войска повелѣвалось отсылать въ Кіевъ для содержанія подъ

---

[1]) П. С. З., т. XX, № 14.392, ст. 401, 405—410 (Учрежд. о губ.).
[2]) П. С. З., т. XVI, № 11.750.
[3]) П. С. З., т. IX, № 6.438.
[4]) П. С. З., т. X, № 7.845.

карауломъ [1]) и, такимъ образомъ, они также были выдѣлены и содержались особо отъ лицъ невойскового сословія.

Содержаніе колодникамъ военнаго вѣдомства, а также и прогонныя деньги для ихъ пересылки выдавались особо изъ Комиссаріата [2]), казакамъ-же изъ Войскового скарба, и въ 1758 году порядокъ довольствія арестантовъ военнаго вѣдомства раціонными деньгами, жалованьемъ и прогонами былъ окончательно установленъ закономъ [3]).

Ранѣе того, указомъ 1 ноября 1727 г., было предписано: «а которые... изъ колодниковъ обрѣтаются или впредь изъ армейскихъ или гарнизонныхъ полковъ урядники и рядовые солдаты, которые пропитанія своего не имѣютъ, тѣмъ (военная) коллегія опредѣлила бы давать указной провіантъ и жалованье по указу на счетъ тѣхъ полковъ, котораго кто будетъ» [4]). Такимъ образомъ, хозяйственные интересы государства и военнаго вѣдомства также постепенно намѣчали необходимость болѣе рѣшительнаго обособленія военныхъ арестантовъ.

По тому-же пути идетъ въ послѣдней четверти XVIII вѣка и военная юстиція [5]); съ этихъ поръ уже начинается правильная регистрація воинскихъ арестантовъ, а именно: всѣ воинскія команды обязаны были присылать объ арестованныхъ воинскихъ чинахъ точныя, по особой формѣ составленныя, вѣдомости въ Военную Коллегію [6]); такія-же вѣдомости или статейные списки объ арестантахъ обязаны были составлять и судныя воинскія комиссіи, которыя имѣли право требовать для этого справки отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ имперіи [7]). Къ концу столѣтія всѣ свѣдѣнія о военныхъ арестантахъ уже сосредоточены были въ Генералъ-Аудиторіатѣ, куда и высылались воинскими частями ежемѣсячные статейные списки, вмѣсто того, чтобы посылать ихъ въ Военную Коллегію [8]).

Въ 1801 г. (9-го Апрѣля) въ именномъ указѣ инспектору

---

[1]) П. С. З., т. XIII, № 9.586.
[2]) П. С. З., т. XII, № 9.159, 9.647.
[3]) П. С. З., т. XV, № 10.788, гл. XV, п. 6 и № 10.789, гл. II, п. 6 и 11.
[4]) П. С. З., т. VIII, № 5, 194.
[5]) П. С. З., т. XX, №№ 14.392. Учре. о губ. стр. 478, №№ 15.455, и 17.016.
[6]) П. С. З., т. XX, № 15.501.
[7]) П. С. З., т. XXIII, № 16.870.
[8]) П. С. З., т. XXIV, № 18.067.

Петербургской дивизіи ген.-лейтенанту Талызину ген.-адмираломъ графомъ Ливеномъ между прочимъ было разъяснено, чтобы въ ежемѣсячныхъ полковыхъ рапортахъ арестованныхъ или подъ судомъ находящихся офицеровъ означать особо отъ арестованныхъ нижнихъ чиновъ [1]).

Наконецъ, необходимость созданія особыхъ военно-тюремныхъ учрежденій обусловлилось и тѣмъ, что огромную тяготу для войскъ составляло содержаніе и окарауливаніе военныхъ арестантовъ при своихъ частяхъ и, въ особенности, препровожденіе и пересылка военныхъ арестантовъ.

ОРДОНАНСЪ—ГАУЗЫ.

Вотъ почему къ концу XVIII-го вѣка уже настолько назрѣла эта необходимость въ учрежденіи спеціальныхъ военныхъ мѣстъ заключенія для арестованныхъ и въ организаціи пересылочной части, что законодатель, уступая требованіямъ жизни, создастъ нѣчто очень близкое, а именно, такъ называемые Ордонансъ-гаузы.

Положеніе о Петербургскомъ Ордонансъ-гаузѣ было Высочайше утверждено 14 февраля 1797 года [2]). Собственно говоря, учрежденный для Петербургскаго гарнизона при Военномъ Губернаторѣ Ордонансъ-гаузъ выполнялъ функціи, нынѣ возложенныя отчасти на Комендантскія Управленія, а отчасти Управленія Уѣздныхъ Воинскихъ Начальниковъ. Кромѣ коменданта, плацъ-маіора и 10 плацъ-адъютантовъ въ штатъ Петербургскаго Ордонансъ-гауза входили: 2 бау-адъютанта изъ артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ, на обязанности которыхъ лежало попеченіе о всѣхъ казенныхъ зданіяхъ и сооруженіяхъ въ раіонѣ гарнизона, 1 гарнизонный оберъ-аудиторъ и соотвѣтствующее число нижнихъ чиновъ, несшихъ караульную и административно-хозяйственную службу при Ордонансъ-гаузѣ.

«Плацъ-маіоръ—значится въ положеніи—имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи всѣхъ арестантовъ, какъ своего гарнизона полковъ, такъ и для пересылки въ другіе гарнизоны; всѣхъ присылаемыхъ рекрутъ разсылаетъ въ назначенные полки, и всѣхъ оныхъ содержитъ въ Ордонансъ-гаузѣ, гдѣ и должно имѣть лазаретъ для арестантовъ и рекрутъ; въ публичныя собранія, какъ-то святки, въ

---

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 19.827.
[2]) П. С. З., т. XXIV, кн. шт., ч. I, № 17.805.

масленицу и прочія таковыя наряжать караулъ и становить въ должныхъ мѣстахъ, также и въ театры публичные, и имѣть одного въ помощь себѣ плацъ-адъютанта, 3-хъ унтеръ-офицеровъ и 1-го рядового въ ординарцахъ».

При Ордонансъ-гаузѣ производился и военный судъ «надъ таковыми арестантами, которые не здѣшняго гарнизону, и надъ рекрутами, никуда еще въ полкъ неопредѣленными»,—а также производился оберъ-аудиторомъ «допросъ прибывающимъ арестантамъ». «Арестанты всѣ для пересылки имѣютъ отправляемы быть до ближайшихъ гарнизоновъ съ командою, наряжая въ очередь изъ полковъ... Какъ отправляющіеся арестанты большая часть не имѣютъ никакого платья, то сохраняя человѣчество, и имѣть для оныхъ въ Ордонансъ-гаузѣ сермяжныя шинели, штаны и шапки фуражныя, а зимою тулупы, на построеніе которыхъ отпускать Государственному казначею ежегодно 150 руб.».

При Ордонансъ-гаузѣ положено было имѣть унтеръ-офицерскій караулъ и 1 «казацкаго» унтеръ-офицера и 4 казаковъ—для разъѣздовъ.

Содержащіеся подъ стражей въ Ордонансъ-гаузѣ довольствовались тамъ же, для чего изъ Провіантской экспедиціи на нихъ въ узаконенномъ количествѣ отпускался провіантъ.

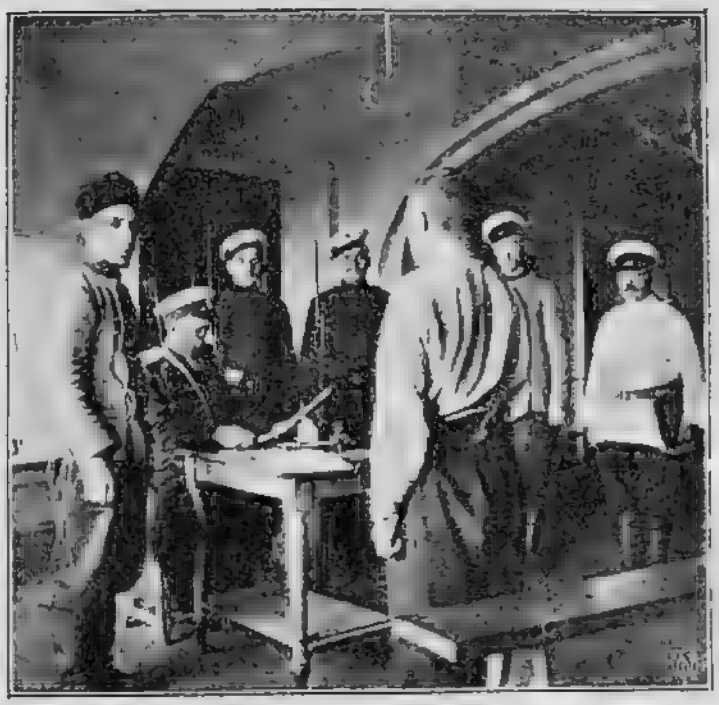
Вскорѣ, а именно 30 декабря 1799 г., изданъ былъ именной указъ [1]), объявленный Генералъ-Прокурорамъ, о томъ, чтобы Ордонансъ-гаузы были учреждены и построены во всѣхъ крѣпостяхъ и городахъ, гдѣ положено быть комендантамъ. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство: изъ Бахмутскаго острога бѣжалъ осужденный въ Воинской Комиссіи, учрежденной при полку Бахмутскаго Коменданта генер.-лейтенанта Павалишина, бѣглый рекрутъ, который находился въ тюрьмѣ за неимѣніемъ въ Бахмутѣ Ордонансъ-гауза.

Такимъ образомъ, число Ордонансъ-гаузовъ сразу возросло, тогда какъ до изданія этого указа Ордонансъ-гаузы учреждались особыми именными указами лишь для болѣе крупныхъ гарнизоновъ [2]). Однако,

---

[1]) П. С. З., т. XXV, № 19.235.
[2]) П. С. З., т. XXV, № 18.735 (въ Казани), № 18.786 (въ Оренбургѣ) и т. п.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВОЕННАЯ ТЮРЬМА.



Прибытіе и осмотръ новаго сидѣльца.

Баня для вновь прибывшихъ.

Цейхгаузъ.

Заключенные-«прачки».

Занятія заключенныхъ цвѣтоводствомъ.

Работа мѣшковъ въ камерѣ.

и такое количество ордонансъ-гаузовъ оказалось недостаточнымъ, въ виду огромнаго числа арестованныхъ, до нельзя обременявшихъ тюрьмы. Вотъ, почему 27 мая 1800 г. послѣдовалъ указъ [1]) объ учрежденіи особыхъ ордонансъ-гаузовъ для пересылочныхъ арестантовъ даже при всѣхъ земскихъ судахъ. Хотя эти ордонансъ-гаузы при земскихъ судахъ получили лишь значеніе этапныхъ пунктовъ при пересылкѣ арестантовъ, тѣмъ не менѣе устройство и содержаніе ихъ потребовало значительныхъ затратъ, которыя и были отнесены на счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на чрезвычайные расходы по губерніямъ [2]), т. е. падали всею тяжестью на городскихъ обывателей.

Очевидно, такое положеніе продолжаться долго не могло, и уже 17 марта 1801 года, т. е. менѣе чѣмъ черезъ годъ, послѣдовалъ новый указъ [3])—объ отмѣнѣ въ уѣздныхъ городахъ ордонансъ-гаузовъ, потому что, какъ значилось въ томъ указѣ,—«жители городовъ отягощены стали разными несуществовавшими прежде повинностями»... и нуждались въ «облегченіи».

ТЮРЕМНОЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ ВЪ XVIII-МЪ ВѢКѢ.

Въ XVIII-мъ вѣкѣ, наравнѣ съ заботами объ упорядоченіи ареста, мы наблюдаемъ также попытки улучшенія вообще тюремной части, но все это были только опыты, производимые къ тому же безъ системы, по случайнымъ поводамъ, а потому они, безъ сомнѣнія, не могли внести существенныхъ измѣненій въ положеніе нашей тюрьмы, продолжавшей сохранять всѣ отрицательныя черты, унаслѣдованныя отъ прошлаго.

СМИРИТЕЛЬНЫЯ И РАБОЧІЯ ДѢЛА.

Мысль Петра Великаго, выраженная въ Регламентѣ Главному Магистрату, объ учрежденіи рабочихъ и смирительныхъ домовъ для содержанія въ нихъ людей «непотребнаго и невоздержнаго житія», такъ и осталась лишь идеей, такъ какъ осуществленію ея мѣшали, главнымъ образомъ, финансовыя затрудненія. Въ 1775 году, а затѣмъ и въ учрежденіи о губерніяхъ [4]), Екатерина II сдѣлала вторичную попытку провести въ жизнь мысль Петра Великаго: повелѣно было учредить во всѣхъ губернскихъ городахъ работные и смирительные

---

[1]) П. С. З., т. XXVI, № 19.433.
[2]) П. С. З., т. XXVI, №№ 19.651, 19.776 и т. д.
[3]) П. С. З., т. XXVI, № 19.797.
[4]) П. С. З., т. XX, №№ 14.357, 14.392, п. 390—392; т. XXI, №№ 15.147, 15.657, 15.492, 15.686.

дома для лицъ обоего пола, которымъ и состоять въ вѣдомствѣ приказовъ общественнаго призрѣнія. Затѣмъ, въ 1781 году, было предписано Сенату озаботиться заведеніемъ во всѣхъ губернскихъ городахъ рабочихъ домовъ для осужденныхъ преступниковъ «съ назначеніемъ въ оныхъ работъ, для общей пользы потребныхъ».

Однако, и эти попытки, за отсутствіемъ необходимыхъ средствъ у приказовъ общественнаго призрѣнія и неуказаніемъ внутренней организаціи названныхъ учрежденій, оказались безрезультатными. Къ этому присоединилась и насущная потребность въ рабочихъ рукахъ для крупныхъ правительственныхъ сооруженій. Въ 1797 году (13-го сентября) изданъ былъ указъ, которымъ предписывалось: 1) осужденныхъ въ каторгу вмѣсто смертной казни отправлять, по наказаніи кнутомъ, на работы въ Нерчинскъ, 2) осужденныхъ въ вѣчную ссылку препровождать въ иркутскую суконную фабрику и 3) осужденныхъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ и безъ такового къ заключенію въ смирительные и рабочіе дома, на срокъ или безсрочно—отправлять къ крѣпостнымъ строеніямъ «отколь куда способнѣе». Въ разъясненіе этого указа Сенатъ въ 1798 году [1]) предписалъ, впрочемъ, оставлять въ рабочихъ и смирительныхъ домахъ тѣхъ, которые осуждены къ заключенію въ таковыхъ на сравнительно короткіе сроки.

Указъ 13 сентября 1797 года вызвалъ на практикѣ массу недоразумѣній среди властей, приводившихъ въ исполненіе судебные приговоры и обратившихся поэтому за разъясненіями къ губернаторамъ, которые, въ свою очередь, испрашивали указаній генералъ-прокурора Куракина. Особенно характерно было соображеніе Смоленскаго губернатора, который недоумѣвалъ, какъ поступить съ рабочимъ домомъ, такъ какъ «прежде осуждаемые и содержащіеся въ рабочемъ домѣ преступники нынѣ долженствуютъ отправиться къ крѣпостнымъ работамъ, слѣдственно, рабочій домъ останется праздень», а потому «не надлежитъ-ли его уничтожить»?

ПОЛОЖЕНІЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ.

Такимъ образомъ, учрежденіе рабочихъ и смирительныхъ домовъ не привилось у насъ въ жизни. Тюрьмы-же и остроги оставались переполненными колодниками всякаго рода, ожидавшими рѣшенія своей участи; указы о скорѣйшемъ рѣшеніи «колодничьихъ дѣлъ»,

---

[1]) П. С. З., т. XXV, № 18.452.

начиная съ указа 12 сентября 1728 г. [1]), сыплются какъ изъ рога изобилія, но несмотря на самыя разнообразныя мѣропріятія правительства [2]), колодники продолжаютъ томиться по тюрьмамъ и острогамъ и ждать—когда, наконецъ, будутъ разсмотрѣны ихъ дѣла; государство тратитъ уйму денегъ на содержаніе этихъ несчастныхъ, прибѣгая ко всякимъ канцелярскимъ мѣрамъ, но не рѣшается реформировать кореннымъ образомъ всю тюремную часть.

СОДЕРЖАНІЕ КОЛОДНИКОВЪ.

Содержаніе колодниковъ остается попрежнему дѣломъ частной благотворительности. Указъ 23 декабря 1736 года [3]) регламентируетъ порядокъ препровожденія колодниковъ для прошенія милостыни на прокормленіе; изъ этого указа видно, что арестанты попрежнему отпускаются съ этой цѣлью на связкѣ, нѣкоторые даже безъ одежды, въ грязныхъ, порванныхъ рубищахъ, со слѣдами крови послѣ пытокъ, исполосанные кнутами, голодные... Указъ 1736 года вноситъ лишь небольшія, чисто внѣшнія улучшенія, предписывая отпускать колодниковъ для прошенія милостыни подъ наблюденіемъ «добрыхъ караульщиковъ», по два и по три человѣка на связкахъ и въ одеждахъ; «безодежныхъ же изъ тюрьмы не выпускать, а пропитаніе для нихъ добывать «одежнымъ» колодникамъ, «а буде и за симъ прокормиться имъ нечѣмъ, то изъ доходовъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они содержатся, давая по прежнимъ указамъ: содержащимся по интереснымъ (исковымъ) дѣламъ—кормовыя деньги, а по челобитчиковымъ дѣламъ колодниковъ отнюдь не отпускать, а кормить таковыхъ челобитчикамъ. А буде упрямствомъ кормить не будутъ, то давать изъ казны, а съ тѣхъ челобитчиковъ возвращать въ казну... вдвое».

Впрочемъ, уже со слѣдующаго года правительство постепенно начинаетъ принимать продовольствіе колодниковъ на счетъ казны и предписываетъ объявить въ полицейскія канцеляріи, что по «указамъ колодниковъ кормить велѣно, и для того онымъ по міру ходить не надлежитъ и колодниковъ по улицѣ ходить не допущать» [4]), а не имѣющихъ своего пропитанія и ходящихъ на связкахъ предписыва-

---

[1]) П. С. З., т. VIII, № 5.333.
[2]) П. С. З., №№ 5.709, 6.475, 6.564, 7.095, 7.114 и т. д.
[3]) П. С. З., т. IX, № 7.132.
[4]) П. С. З., № 4.094; т. X, №№ 7.499, 7.296, 7.552, 7.566; т. XII, №№ 9.486, 9.571.

лось посылать на каменныя работы, кладя имъ кормовыя деньги [1]). По требованіямъ, напримѣръ, полиціи арестантовъ употребляли въ работу при починкѣ мостовъ, чисткѣ улицъ и др. подобныхъ работахъ. Плата за такія работы полагалась по 1 коп. въ день каждому колоднику [2]). Впослѣдствіи дозволялось даже отдавать колодниковъ на частныя и общественныя работы.

Тѣмъ не менѣе установленный указомъ 17 октября 1722 г. (П. С. З., т. VI, № 4111) порядокъ отпусканія арестантовъ для прошенія милостыни продолжалъ примѣняться еще даже во второй половинѣ XVIII вѣка [3]), и только въ концѣ шестидесятыхъ годовъ послѣдовало окончательное воспрещеніе отпускать колодниковъ на связкахъ [4]).

Кормовыя деньги арестантамъ были не велики: «на харчъ, буду чимъ въ работѣ по 2, а больнымъ, кои въ тяжкихъ болѣзняхъ,—по 1 копѣйкѣ въ день». Окладъ этихъ денегъ, въ особенности для больныхъ, былъ увеличенъ лишь въ послѣдней четверти XVIII вѣка [5]).

КОЛОДНИКИ ВОЕННАГО ВѢДОМСТВА.

Нѣсколько въ лучшемъ, надо полагать, положеніи находились колодники изъ военно-служащихъ, на которыхъ, еще по указу 1 ноября 1727 года, отпускался мѣстамъ заключенія провіантъ и жалованье; «а которые—значилось въ томъ указѣ—изъ колодниковъ обрѣтаются или впредь будутъ изъ армейскихъ или гарнизонныхъ полковъ урядники и рядовые солдаты, которые прошитанія своего не имѣютъ, тѣмъ (военная) коллегія опредѣлила бы давать указной провіантъ и жалованье по указу на счетъ тѣхъ полковъ, котораго кто будетъ...» [6]). Въ половинѣ XVIII вѣка указано было назначить содержаніе и прогонныя деньги колодникамъ военнаго вѣдомства отъ Комиссаріата [7]), а затѣмъ отпускъ этотъ былъ регламентированъ подробно [8]). Что-же касается офицерскихъ и унтеръ-офицерскихъ чиновъ, то въ регламентѣ объ управленіи адмиралтействомъ и флотомъ, изданномъ въ 1765 году, между прочимъ, говорилось:

---

[1]) П. С. З., т. X, № 7.609; т. XI, № 8.401.
[2]) П. С. З., т. XII, № 8.916; т. XIV, № 10.650; т. XX, № 14.579, 15.189; т. XVII, № 12.621.
[3]) П. С. З., т. XII, № 90.68; т. XIII, №№ 9.571, 10.121; т. XV, № 11.282.
[4]) П. С. З., т. XIV, №№ 10.202, 10.660; т. XV, № 11.282.
[5]) П. С. З., т. XXII, № 16.640.
[6]) П. С. З., т. VIII, № 5.194.
[7]) П. С. З., т. XII, № 9.159.
[8]) П. С. З., т. XV, № 10.789 гл. XV, п. 6.

«Штабъ, оберъ и унтеръ-офицеры и рядовые, которые будутъ въ судѣ арестованы, тѣмъ тогда на пропитаніе давать жалованья въ полы ихъ окладовъ по то время, какъ они изъ-подъ ареста не свободятся или на какую казнь и наказаніе осуждены будутъ; а которые изъ нихъ свободятся безъ всякаго штрафа, тогда онымъ выдавать и другую половину...»

СИСТЕМА ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

Колодники содержались въ тюрьмахъ самымъ безпорядочнымъ образомъ; никакой системы заключенія установлено не было, и даже раздѣленіе заключенныхъ по поламъ введено было только въ 1774 году и, то совершенно случайно. Какъ видно изъ указа [1]), въ мѣстѣ заключенія при Синодѣ оказался «скованнымъ съ чужою женою дьяконовъ сынъ, а законная того церковника жена.... въ другой палатѣ, что—какъ значится въ томъ указѣ—учинено беззаконно и христіанскому благочестію противно». Вотъ, этотъ-то частный случай и послужилъ поводомъ къ повелѣнію о томъ, чтобы мужчинъ содержать отдѣльно отъ женщинъ. Впрочемъ, въ указѣ о «порядочномъ содержаніи колодниковъ Словеснаго Суда»,—еще раньше было предписано содержать колодниковъ съ раздѣленіемъ половъ [2]). Раздѣленія-же по возрастамъ не существовало вовсе, и только въ 1762 году предписано было немедленно доставить въ Экспедицію о колодникахъ вѣдомости о содержащихся подъ стражею малолѣтнихъ преступникахъ, для доклада Сенату [3]). Наконецъ, въ послѣдней четверти XVIII вѣка мы уже наталкиваемся на попытку раздѣленія заключенныхъ сообразно ихъ соціальному положенію, а именно, указомъ [4]), подтверждавшимъ о томъ, чтобы «поступать въ разсужденіи колодниковъ, содержимыхъ по частнымъ дѣламъ, по указу 19 іюля 1736 года», предписывалось «изъ нихъ состоящихъ въ классныхъ чинахъ разночинцевъ, состояніемъ своимъ отмѣнныхъ, содержать особо». Надо полагать, что этотъ указъ распространялся и на заключенныхъ офицеровъ.

Хотя тюрьма въ XVIII-мъ столѣтіи не задавалась никакими гуманитарными цѣлями, а, тѣмъ болѣе, цѣлями исправленія преступника, тѣмъ не менѣе наблюдаются уже попытки нравственнаго воз-

---

[1]) П. С. З., т. XII, № 8.877.
[2]) П. С. З., т. XVII, № 12.721, § 12.
[3]) П. С. З., т. XVI, №№ 11.782, 11.787.
[4]) П. С. З., т. XIX, № 14.203.

дѣйствія на преступника, преимущественно на почвѣ религіозной; такъ, въ указахъ все чаще и чаще встрѣчаются подтвержденія [1]) о необходимости исправленія духовныхъ требъ для колодниковъ, для чего назначались священники и даже «ученые священники», которымъ предписывалось исповѣдывать колодниковъ, отмѣчая въ особыхъ вѣдомостяхъ, доставляемыхъ въ Экспедицію о колодникахъ, были-ли они до ихъ поимки у исповѣди и гдѣ именно, а также «увѣщевать» колодниковъ, склоняя ихъ къ сознанію въ преступленіяхъ и «побуждать ихъ къ молитвѣ» [2]). Интересно отмѣтить, что священники обязаны были означать также въ вѣдомостяхъ относительно малолѣтнихъ преступниковъ—грамотны-ли они [3]). Призрѣніе престарѣлыхъ, душевнобольныхъ и увѣчныхъ преступниковъ производилось на прежнемъ основаніи [4]), т. е. ихъ разсылали по монастырямъ.

Что касается самаго устройства тюремъ, то, хотя послѣднія измѣнили до нѣкоторой степени свой внѣшній видъ, такъ какъ новые остроги строились уже болѣе соотвѣтственно времени, но тѣмъ не менѣе они продолжали находиться все въ томъ же печальномъ состояніи, вызывая постоянно заботы государства объ ихъ улучшеніи [5]).

УПРАВЛЕНІЕ КОЛОДНИКАМИ.

Все высшее управленіе колодниками сосредоточивалось предварительно въ учрежденной при Сенатѣ Экспедиціи о колодникахъ, а впослѣдствіи, съ упраздненіемъ послѣдней, перешло во 2-й Департаментъ Сената [6]). Такимъ образомъ, въ продолженіе XVIII вѣка никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ положеніи тюремнаго дѣла у насъ, въ Россіи, не произошло, но тѣмъ не менѣе, какъ-бы, намѣчается то направленіе, въ которомъ въ слѣдующемъ столѣтіи, наконецъ, реформирована была наша тюрьма.

ТЮРЕМНЫЕ КАРАУЛЫ.

Отмѣтимъ кстати, что въ разсматриваемую эпоху болѣе упорядочена была внѣшняя охрана тюремъ, т. е. получила широкое развитіе караульная военная служба, установленная Воинскимъ уставомъ

---

[1]) П. С. З., т. XI, № 8.351; т. XVI, № 12.227; т. XX, № 14.579.
[2]) П. С. З., т. XVII, № 12.312.
[3]) Тамъ-же, № 12.436.
[4]) П. С. З., т. X, №№ 7.793, 7.885, 8.011; т. XI, №№ 8,587, 8.801, 8.836; т. XII, № 9.057; т. XX, № 15.020; т. XXII, № 16.159 и т. д.
[5]) П. С. З., т. IX, № 6.459; т. XVIII, № 13.040; т. X, № 7.175 и т. д.
[6]) П. С. З., № 11.266; т. XVIII, № 13.170.

Петра I-го. Усиливая уголовную отвѣтственность чиновъ караула за недостаточно бдительное отправленіе обязанностей службы [1]), законодатель 2-го сентября 1747 года болѣе точно регламентировалъ также права и обязанности карауловъ. Наблюденіе надъ тюремными караулами возложено было на губернскія канцеляріи [2]).

КРѢПОСТНЫЯ РАБОТЫ

Особенное развитіе получаютъ въ XVIII столѣтіи каторжныя работы, отбываемыя въ крѣпостяхъ или, такъ называемыя, крѣпостныя работы. Объясняется это, главнымъ образомъ, все тѣмъ-же утилитарнымъ характеромъ примѣнявшихся у насъ наказаній. Вынужденное усилить государственную оборону сооруженіемъ цѣлаго ряда новыхъ крѣпостей, правительство наше, разумѣется, не упустило изъ виду возможности воспользоваться для этой цѣли такой дешевой рабочей силой, какъ преступное населеніе страны. Начиная съ 1738 года [3]), появляется цѣлый рядъ указовъ, предписывавшихъ употреблять арестантовъ для крѣпостного строительства, «дабы тѣ колодники бѣгать не могли» и «втунѣ хлѣба не ѣли». На западѣ, на восточныхъ и южныхъ окраинахъ нашихъ и даже въ центральной Россіи, всюду кипѣла строительная «фортификаціонная» работа. Сюда-то со всѣхъ сторонъ сгонялись колодники, за недостаткомъ которыхъ правительство вынуждено было привлекать для совмѣстной съ ними работы и вольнонаемныхъ рабочихъ.

Такимъ образомъ, наряду съ преступнымъ населеніемъ, независимо отъ степени его нравственной испорченности, въ тѣхъ-же самыхъ условіяхъ работъ мы наблюдаемъ, въ теченіе всего XVIII-го вѣка, свободный трудъ широкихъ массъ населенія. Правительство, преслѣдуя узко-практическія цѣли, даже не вноситъ какой-либо системы въ организацію подневольнаго труда въ крѣпостяхъ, хотя-бы для того, чтобы гарантировать отъ нравственной порчи свободное населеніе страны; оно даже не ограничиваетъ ссылки въ крѣпостную работу родомъ преступленій, а лишь предписываетъ сосланныхъ въ каторжную работу не отпускать атавою на работы частныя, а отправлять, по сношеніи съ комендантами, на казенныя работы въ ближайшія крѣ-

---

[1]) П. С. З., т. XI, № 8.397.
[2]) П. С. З., т. XII, № 9.437; т. XIX, № 14.092.
[3]) П. С. З., т. X, №№ 7.609; 8.063; т. XI и. т. д.

пости [1]); только въ концѣ этого вѣка, при императорѣ Павлѣ, мы встрѣчаемъ попытку внести, если не систему, то хоть какой-нибудь порядокъ въ дѣло ссылки. Какъ уже было выше указано, въ 1797 и 1798 годахъ предписано было смертоубійцъ, нѣкоторыхъ государственныхъ преступниковъ (оскорбителей Величества, возмутителей народа и т. п.), а также пристанодержателей ссылать, послѣ наказанія кнутомъ, въ каторжную работу въ Нерчинскъ; всѣ-же остальные преступники, присужденные срочно или безъ срока въ смирительные и рабочіе дома, подлежали ссылкѣ «къ крѣпостнымъ строеніямъ, отколь куда способнѣе». Этотъ указъ породилъ массу недоразумѣній при его практическомъ примѣненіи. Къ тому-же генералъ-адъютантъ Князевъ доносилъ въ отношеніи контингента сосланныхъ на крѣпостную работу въ Ревель, что въ числѣ ссыльныхъ встрѣчаются даже женщины съ дѣтьми, съ малолѣтними дѣвками, которыхъ также зачислили въ инженерное вѣдомство. Въ виду этого генералъ Князевъ просилъ, чтобы «онѣ въ фортификаціонныя работы присылаемы не были, но буде есть между ними жены, не участвовавшія съ мужьями своими въ преступленіяхъ, а посланы или пришли сами обще съ ними, яко свободныя, по единой привязанности, а равно и малолѣтныя дѣти ихъ, то не угодно-ли будетъ повелѣть воспріять объ нихъ милостивое благопризрѣніе, дабы они, не отягощая фортификаціонной суммы, опредѣленной токмо на одинѣ крѣпостныя работы, содержаны были изъ оной суммы или же учинить о таковыхъ бѣдныхъ женахъ и малолѣтныхъ дѣтяхъ какое-иное благодѣтельное распоряженіе». Съ другой стороны генералъ Князевъ указывалъ, что «ссылочные невольники для работъ вездѣ нужны, гдѣ только крѣпости инженернаго вѣдомства по границамъ находятся, наипаче же потому, что во многихъ мѣстахъ вольнонаемныхъ людей ни за какія деньги отыскать не можно, а гдѣ оные есть, то требуемыя ими за работу цѣны столь непомѣрны, что выходятъ изъ той соразмѣрности, въ какой фортификаціонная сумма находится; и такъ буде есть нынѣ преступниковъ, паче же въ южныхъ губерніяхъ довольное число», то генералъ Князевъ испрашивалъ «на сей разъ отослать 100 или болѣе человѣкъ въ Херсонъ, да 200 или также болѣе—въ Азовъ для постройки казармъ и прочихъ потребныхъ для гарнизона зданій, и ежели та-

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 17.971.

ковые преступники находятся въ Сѣверныхъ губерніяхъ близъ или по сю сторону Москвы, то отсылать ихъ въ добавокъ къ прежде отосланнымъ въ Нарву и Ревель».

Всѣ эти недоразумѣнія вызвали слѣдующее разъясненіе генералъ-прокурора Куракина, освѣщающее положеніе ссылки въ крѣпостныя работы, а именно: ссылаемые въ крѣпостную работу отправлялись «сходственно» съ указомъ 1784 г., мая 30, посредствомъ земской полиціи, къ тѣмъ комендантамъ крѣпостей, «кои ихъ принимать въ свое вѣдомство будутъ», при чемъ губернаторамъ сѣверныхъ и южныхъ губерній предложено было ссылаемыхъ отправлять въ Азовъ изъ губерній: Московской, Тамбовской, Симбирской, Орловской, Курской, Саратовской, Тульской, Нижегородской, Казанской, Воронежской, Рязанской, Калужской, Владимірской, Астраханской; въ Херсонъ—изъ губерній: Новороссійской, Кіевской, Волынской, Подольской, Минской, Смоленской и Слободско-Украинской; въ Нарву—изъ губерній: Петербургской, Финляндской, Новгородской, Тверской и Псковской и, наконецъ, въ Ревель—изъ губерній: Лифляндской, Эстляндской, Вологодской, Вятской, Ярославской, Костромской и Курляндской; что-же касается губерній: Иркутской, Тобольской, Пермской и Оренбургской, то относительно ихъ предположено было дать соотвѣтствующее указаніе по собраніи необходимыхъ для того свѣдѣній.

Изъ послѣдовавшаго затѣмъ указа видно, что контингентъ ссыльныхъ въ крѣпостяхъ составлялся изъ преступниковъ, приговариваемыхъ «съ тѣлеснымъ наказаніемъ и безъ онаго за долги и другія преступленія временно (т. е. на опредѣленный срокъ) въ смирительные и робочіе дома и другія казенныя работы», при чемъ только изъ такихъ, «коимъ положены за преступленія сроки или тѣ суммы, какія они заработать должны, соразмѣрны будутъ разстоянію крѣпостей отъ тѣхъ губерній, откуда посылаться преступники должны, разумѣя сіе о преступникахъ мужескаго только пола».

Военной Коллегіи предписано было указомъ, «дабы она, сдѣлавъ съ кѣмъ надлежитъ сношеніе, если можно будетъ за продовольствіемъ при крѣпостныхъ строеніяхъ преступниковъ изъ заработанныхъ ими денегъ отдѣлять нѣкоторую часть, то бы приказала обращать оную въ тѣ губерніи, откуда преступники присланы для удовлетворенія тамъ наложенныхъ на нихъ взысканій»...

Организація самихъ работъ въ крѣпостяхъ была регламентирована въ 1799 г. особыми указами. Въ одномъ изъ нихъ [1]) Военная Коллегія, «по отношенію господина генералъ-лейтенанта, всей артиллеріи инспектора и кавалера графа Аракчеева» разъясняла, что входя «въ подробность по инженерной части о предполагаемыхъ во всѣхъ крѣпостяхъ фортификаціонныхъ работахъ», графъ Аракчеевъ находитъ, «что состоящими при инженерныхъ командахъ невольниками нѣкоторые коменданты дѣлаютъ свое распоряженіе, какъ то нынѣ Сибирской дивизіи инспекторъ, генералъ-лейтенантъ Нефедьевъ приказалъ пребывающихъ въ Омскѣ... отрядить въ урочище Коряковское... для строенія соляныхъ барокъ таковыхъ невольниковъ на всегдашнее ихъ тамъ пребываніе 100 человѣкъ; но поелику невольники присылаются въ крѣпость не для построенія барокъ, а единственно только для крѣпостныхъ работъ и исправленія цивильнаго принадлежащаго для гарнизону строенія, по каковымъ отъ комендантовъ распоряженіемъ въ производствѣ работъ дѣлается остановка, то и просилъ сдѣлать повсемѣстно господамъ комендантамъ предписаніе, дабы оные находящихся по крѣпостямъ колодниковъ сами собою ни въ какія постороннія работы не отряжали, а оставили бы ихъ въ такомъ вѣдѣніи инженерныхъ командъ; и безъ сего оныя не могутъ производить крѣпостныя работы съ должною успѣшностью или приказать гарнизонное строеніе исправлять самимъ комендантамъ».—

Это требованіе графа Аракчеева было удовлетворено. Однако, вскорѣ (въ августѣ 1799 г.) [2]) графъ Аракчеевъ снова снесся съ Военной Коллегіей по поводу того, что въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ коменданты требуютъ отъ инженерныхъ командъ «для чищенія въ солдатскихъ казармахъ и по караульнямъ нечистоты—невольниковъ, присылаемыхъ въ крѣпостныя работы, а инженерныя команды о дачѣ ихъ относятся на резолюцію въ артиллерійскую экспедицію». Графъ Аракчеевъ поэтому предложилъ изъ «находящихся нынѣ въ крѣпостяхъ невольниковъ отдѣлить въ вѣдѣніе коменданта по числу положенныхъ въ тѣхъ крѣпостяхъ гарнизонныхъ полковъ, на каждую роту по одному человѣку, съ исключеніемъ ихъ изъ содержанія фортификаціоннаго».

[1]) П. С. З., т. XXV, № 19.021.
[2]) П. С. З., т. XXV, № 19.103.

Такимъ образомъ, закрѣпощенные въ распоряженіи инженернаго вѣдомства ссыльно-крѣпостные рабочіе обращены были въ буквальномъ смыслѣ въ «невольниковъ», и ихъ невольническій трудъ эксплуатировался неограниченно, при чемъ обращалось лишь вниманіе, чтобы невольническое населеніе крѣпостей пополнялось исключительно работоспособными преступниками. Преступниковъ-же, неспособныхъ къ крѣпостной работѣ или утратившихъ трудоспособность, первоначально предписывалось содержать въ тѣхъ же крѣпостяхъ, въ которыхъ они находились [1]), а затѣмъ въ концѣ XVIII вѣка, тѣхъ изъ нихъ, которые оказывались старыми, больными и увѣчными, т. е. не трудоспособными, указывалось отсылать на поселеніе въ Колу и Иркутскъ [2]). Даже производители работъ—артиллерійскіе и иженерные офицеры—назначались изъ приговоренныхъ судомъ въ ссылку [3]), а слѣдовательно являлись тѣми-же невольниками.

На крѣпостныхъ невольниковъ иногда возлагались не только фортификаціонныя работы, но и всѣ тѣ хозяйственныя и другія работы, которыя выполнялись обыкновенно войсками; такъ, при выходѣ изъ крѣпостей гарнизоновъ, предписано было требовать отъ инженернаго вѣдомства колодниковъ для содержанія крѣпости въ чистотѣ, а, по мѣрѣ вступленія войскъ въ крѣпостной гарнизонъ, колодниковъ возвращать обратно въ ихъ вѣдомство [4]).

Такимъ образомъ, ссыльные крѣпостные рабочіе постепенно получали организацію по типу военно-рабочихъ командъ, на укомплектованіе которыхъ они и были частью обращены впослѣдствіи, въ XIX-мъ вѣкѣ.

СОДЕРЖАНІЕ КРѢПОСТ. НЕВОЛЬНИКОВЪ

Что касается содержанія крѣпостныхъ невольниковъ, то во время фортификаціонныхъ работъ имъ выдавались отъ казны, сверхъ провіанта, харчевыя деньги [5]) по особому положенію; кромѣ того, имъ производилось также довольствіе одеждою и обувью, а равно изъ артиллерійскаго вѣдомства имъ для работъ доставлялся инструментъ и матеріалы [6]). Колодникамъ-же, находящимся въ отдаленныхъ крѣпостяхъ, производилась и выдача соли натурою или деньгами по установленной цѣнѣ [7]).

[1]) П. С. З., т. XIX, № 14.165.
[2]) П. С. З., т. XXV, № 18.437.
[3]) П. С. З., т. X, № 7885, п. 15.
[4]) П. С. З., т. XXV, № 19.103.
[5]) П. С. З., т. XI, № 8.063; т. XX, № 14.260.
[6]) П. С. З., т. XXII, № 16.085.
[7]) П. С. З., т. XXII, № 16.539.

Для удовлетворенія всякихъ другихъ потребностей крѣпостного населенія правительство озабочено было создать въ крѣпостяхъ и развить въ нихъ производство всего необходимаго, опять таки при помощи тѣхъ-же ссыльныхъ. Съ этой цѣлью предписывалось назначать въ ссылку въ крѣпости, гдѣ чувствовался недостатокъ въ мѣстномъ производствѣ, людей способныхъ такъ или иначе восполнить этотъ недостатокъ. Такъ, напр., цѣлымъ рядомъ указовъ предписывалось ссылать на житье въ Оренбургъ и въ Азовъ преступниковъ изъ купцовъ, мастеровыхъ и ремесленныхъ людей [1]), при чемъ правительство было озабочено и тѣмъ, чтобы такъ или иначе прикрѣпить, привязать къ мѣсту ссылки этотъ полезный для него элементъ, принимая на себя даже заботу о содержаніи и обученіи въ школахъ дѣтей, прижитыхъ ссыльными [2]).

ЗНАЧЕНІЕ ССЫЛКИ ВЪ КАТОРЖНУЮ РАБОТУ.

Было-бы, однако, большой ошибкой отождествлять тогдашнюю ссылку въ крѣпостную работу со современнымъ заключеніемъ въ крѣпости: ничего общаго эти виды наказаній не имѣютъ. Ссылка въ крѣпостную работу является лишь разновидностью той ссылки, которая практиковалась въ нашемъ отечествѣ въ концѣ XVII и въ продолженіе всего XVIII вѣка. Она явилась на смѣну ссылки на галеры, въ виду того, что значеніе галернаго флота начинаетъ постепенно падать, а параллельно возникаетъ потребность въ спѣшномъ усиленіи государственной обороны созданіемъ цѣлаго ряда крѣпостей. Какъ во время развитія ссылки на галеры, управленіе ссыльными перешло въ руки адмиралтейства, такъ и теперь, съ развитіемъ ссылки въ крѣпостную работу, высшее управленіе крѣпостными невольниками переходитъ въ Инженерное Управленіе, а непосредственное завѣдываніе ими возлагается на военное начальство и, главнымъ образомъ, на крѣпостныхъ комендантовъ.

Мы нарочно болѣе подробно остановились на ссылкѣ въ крѣпостную работу, хотя она и не получила надлежащей регламентаціи и достигла полнаго расцвѣта только въ началѣ XIX вѣка, потому что именно изъ этой ссылки впослѣдствіи развилась вся система спеціальной военно-тюремной организаціи у насъ, въ Россіи.

---

[1]) П. С. З., т. XII, №№ 8.906, 9.170; т. XIX, № 13.436.
[2]) П. С. З., т. XII, № 9.553.

Получивъ столь широкое примѣненіе, но далеко еще неудовлетворительно организованная, ссылка въ крѣпостную работу совершенно отдѣлилась отъ каторги; эта-же послѣдняя въ XVIII вѣкѣ начинаетъ понемногу пріобрѣтать тѣ черты, которыми она характеризуется въ настоящее время.

КАТОРГА ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Рѣшительной реформы въ этомъ направленіи мы, однако, не находимъ; она происходитъ постепенно, безъ опредѣленной системы, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ требованій жизни, т. е. чисто практическимъ путемъ, и лишь впослѣдствіи получаетъ оффиціальную регламентацію.

Раньше всего слѣдуетъ отмѣтить, что съ 1725 года устанавливается ссылка на поселеніе для лицъ, сосланныхъ въ безсрочную каторгу и удостоившихся помилованія. Уже во всемилостивѣйшемъ указѣ по случаю вступленія на престолъ Екатерины I упоминалось о томъ, что «для поминанія Его Императорскаго Величества (Петра I) и всего синклита, каторжныхъ невольниковъ, которые сосланы на вѣчную работу, также которые безъ сужденія на каторгу... посланы и не посланы, тѣхъ всѣхъ неоумедля на каторгѣ и съ каторжныхъ работъ свободить и послать въ Сибирь въ украинскіе города»... и въ каторжную работу «послѣ ни въ какомъ случаѣ не опредѣлять» [1]).

«Для поминанія блаженной памяти императрицы Анны Іоанновны», указомъ предписано было, въ частности, освободить отъ каторжной работы сосланныхъ въ нее бѣглыхъ солдатъ, матросовъ и рекрутъ и отправить ихъ въ дальніе Сибирскіе города на «житье и вольное пропитаніе» [2]). Подобные-же указы издавались и впослѣдствіи, при чемъ указывались и мѣста для поселенія [3]).

Такимъ образомъ, подобными указами установлена была обязательная ссылка на поселеніе въ отдаленныя мѣста Сибири (въ украинскіе города) для безсрочныхъ каторжниковъ, въ случаѣ, если по какимъ-либо основаніямъ они освобождались отъ каторжной работы.

Впослѣдствіи, въ послѣдней четверти XVIII вѣка, послѣдовалъ указъ, предписывавшій отправлять преступниковъ, осужденныхъ въ ра-

---

[1]) Арх. Мор. Мин. Дѣла Кол., № 60, 1725 г. П. С. З., т. VII, №№ 4.642, 4.655.

[2]) П. С. З., т. XI, № 8.263, п. 6, 8.278, 8.292.

[3]) П. С. З., т. XXII, № 16.551.

боту на Нерчинскіе заводы, прямо туда, не оставляя никого изъ нихъ на пути; но уже въ Нерчинскѣ тѣхъ изъ нихъ, которые, пробывъ на заводахъ не менѣе 5-ти лѣтъ, оказались «добропорядочнаго поведенія», исключая смертоубійцъ и иныхъ важныхъ преступниковъ, поселять при тѣхъ-же заводахъ для хлѣбопашества [1]). Такимъ образомъ установлено было обязательное поселеніе и по отбытіи срочной каторги.

ПЕРЕНЕСЕНІЕ КАТОРГИ ВЪ СИБИРЬ НА КАЗЕННЫЕ ЗАВОДЫ И РУДНИКИ.

Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить постепенное перенесеніе пунктовъ каторги съ запада на востокъ, преимущественно въ Сибирь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и постепенное ограниченіе прежде столь разнообразныхъ работъ, вызываемыхъ государственными интересами, въ періодъ напряженной строительной дѣятельности Петра, преимущественно работами на заводахъ и въ рудникахъ.

Старые пункты каторги постепенно начинаютъ терять свое значеніе и сами собой упраздняются, хотя нѣкоторые, напримѣръ—въ Рогервикѣ [2]), сохраняются еще долгое время, но происходитъ это, главнымъ образомъ, потому, что еще неорганизована была удовлетворительно ссылка въ другія мѣста. Впрочемъ, нѣкоторые каторжные пункты, напр., каторжный дворъ въ Петербургѣ [3]), продолжаютъ сохранять свое прежнее значеніе вслѣдствіе того, что на мѣстѣ было много работъ, требовавшихъ большого числа невольниковъ [4]).

29 марта 1731 года послѣдовало повелѣніе о ссылкѣ всѣхъ осужденныхъ въ каторгу «для умноженія людей на житье въ Охотскъ». Но едва началась ссылка туда преступниковъ, какъ генералъ-фельдмаршалъ Минихъ вошелъ съ представленіемъ о томъ, что «понежѣ неизвѣстно есть, какая отъ тѣхъ людей будетъ тамъ государственная польза», то онъ полагалъ-бы болѣе цѣлесообразнымъ «до полученія о томъ изъ онаго мѣста о тамошнихъ обитателяхъ рапорта», преступниковъ «посылать на Сибирскіе желѣзные Вашего Императорскаго Величества заводы». Въ томъ-же докладѣ устанавливалось изъятіе для нѣкоторыхъ военно-служащихъ, а именно: «кои явятся изъ артиллерійскихъ и инженерныхъ служителей, тѣхъ (ссылать) въ Астраханскіе

---

[1]) П. С. З., т. XXII, № 16.621, п. 2, 3.
[2]) П. С. З., т. VIII, № 5.831.
[3]) П. С. З., т. VIII, №№ 6.190, 6.248.
[4]) П. С. З., т. XIII, № 9.760; т. X, № 6.401.

Красноярскаго вѣдомства артиллерійскіе селитряные заводы, отъ которыхъ въ работѣ на тѣхъ заводахъ можетъ быть казенная прибыль» [1]). Это представленіе было утверждено 2-го октября 1832 г. Между тѣмъ въ 1831 году послѣдовало также донесеніе Татищева о полезности распредѣленія преступниковъ, ссылаемыхъ въ вѣчную ссылку, по Сибирскимъ казеннымъ заводамъ «для вспомоществованія въ работахъ»; тамъ-же предлогалось поселять и «сверхкомплектныхъ рекрутъ» [2]). Исключеніе дѣлалось лишь для «адмиралтейскихъ служителей», которыхъ для пользы дѣла предлогалось употреблять въ каторжную работу при Главной Полицеймейстерской Канцеляріи и тому подобныхъ работахъ [3]), потому что въ нихъ ощущалась надобность для работъ въ «Адмиралтейской крѣпости».

Цѣлымъ рядомъ указовъ [4]) ссылка на каторгу настойчиво переносилась съ запада на востокъ, въ далекую и малонаселенную Сибирь, преимущественно въ Нерчинскъ, на Колывано-Воскресенскіе заводы и по линіи отъ Тобольска къ Иркутску и отъ Иркутска къ Нерчинску (по указу 1761 года) [5]).

КАТОРГА ДЛЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХЪ.

Военнослужащимъ, ссылаемымъ на каторгу, не дѣлали въ этомъ отношеніи исключенія, напротивъ того, особыми указами [6]) подтверждалось, чтобы нижнихъ чиновъ и служителей различныхъ категорій ссылать именно на Нерчинскіе заводы, напр.: прогнанныхъ трижды шпицрутенами или «приличившихся не въ однократныхъ преступленіяхъ». Въ указѣ 5 декабря 1760 г. значилось: «которые солдаты и матросы за ложное ими сказываніе государева слова и дѣла и за другіе продерзости—прогнаніемъ спицрутенъ трижды штрафованы будутъ, а и потомъ усмотрятся къ воздержанію въ худыхъ поступкахъ ненадежными, о таковыхъ немедленно полковымъ штабамъ по командѣ, а отъ главныхъ командировъ присылать рапорты въ Военную и Ад-

---

[1]) П. С. З., т. VIII, №№ 6.460, 6.205.
[2]) П. С. З., т. IX, №№ 6.830 и 36.867.
[3]) П. С. З., т. IX, № 6.869.
[4]) П. С. З., т. X, № 7.186; т. XV, №№ 11.123, 11.125, 11.547, 11.155, 11.579, 11.331; т. XVI, № 11.639; т. XVII, № 12.706; т. XVIII, №№ 13.253, 13.353; т. XIX, №№ 13.506, 14.286; т. XX, № 14.462; т. XXIV, № 17.971, ст. 10, п. 1, №№ 18.140, 18.038 (16.626), 17.165; т. XXVI, № 19.641; т. XXI, №15.709; т. XXV, №№ 18.610, 18.647, 18.781 и др.
[5]) П.С. З., № 11. 414.
[6]) П. С. З., т. IX, №№ 6.205, 11.031, 11.155; т. XXVI, № 19.593 и др.

миралтействъ-Коллегіи, по которымъ тѣмъ Коллегіямъ оныхъ солдатъ и матросовъ отправлять въ Сибирь на Нерчинскіе заводы».

Съ 1751 года мы встрѣчаемъ уже категорическія указанія, чтобы каторжниковъ ссылать въ тягчайшія казенныя работы и на казенные-жъ заводы, гдѣ оные есть; ссылаются они и для работъ въ рудникахъ, но нѣсколько позднѣе [1]). Больше всего было издано указовъ, устанавливающихъ ссылку въ Сибирь, въ шестидесятыхъ годахъ XVIII слолѣтія; объясненіе тому мы находимъ, напр., въ указѣ 17-го октября 1760 года [2]), который откровенно разъясняетъ, что ссылка въ Сибирь направляется «для лучшаго пріумноженія въ Сибири при Нерчинскихъ серебряныхъ заводахъ работъ и поселеній»... «для крайней надобности».

Такимъ образомъ, правительство перенесеніемъ пунктовъ каторги въ Сибирь преслѣдовало исключительно утилитарную цѣль.

ССЫЛКА НА ЧАСТНЫЕ ЗАВОДЫ.

Съ тою-же цѣлью—поддержанія промышленности и фабрично-заводской дѣятельности въ Сибири, правительство наше рѣшило оказать даже поддержку частнымъ заводамъ и предоставляло въ ихъ распоряженіе каторжныхъ невольниковъ. Однако, разнаго рода злоупотребленія, повлекшія даже безпорядки, заставили правительство принять мѣры къ ограниченію подобной эксплуатаціи каторжнаго труда, пока въ 1797 году [3]) императоръ Павелъ не разрѣшилъ этого вопроса окончательнымъ запрещеніемъ «ссылочныхъ въ каторжную работу отпускать атавою на работы частныхъ людей, какъ то доселѣ происходило», а вмѣсто того повелѣлъ «отправлять ихъ по сношенію съ комендантами въ ближнія крѣпости на казенные работы, гдѣ за ними лучшій присмотръ быть имѣетъ». Тѣмъ не менѣе такая эксплуатація каторжнаго труда еще продолжалась и въ послѣдующее время [4]).

ОРГАНИЗАЦІЯ ССЫЛКИ НА КАТОРГУ.

Однако, ссылка каторжниковъ въ Сибирь была еще настолько неорганизована, что ставила правительство въ затруднительное положеніе; съ одной стороны, неустройство самихъ пунктовъ ссылки заставляло правительство временами ограничивать ссылку; такъ, напримѣръ, въ 1784 году правительство вынуждено было пріостановить

---

[1]) П. С. З., т. XIII, № 9.875; т. XXVI, №№ 18.561, 18.727, 19.409.
[2]) П. С. З., т. XV, № 11.123.
[3]) П. С. З., т. XXIV, № 17,971.
[4]) П. С. З., т. XXVI, №№ 19.945, 20.069.

ссылку въ Анадырскій острогъ, вслѣдствіе дороговизны и недостаточности тамъ провіанта [1]) и съѣстныхъ припасовъ, а съ другой стороны—ссылка на востокъ требовала организаціи туда пересылки, что въ свою очередь требовало большихъ матеріальныхъ затратъ на устройство этаповъ и другихъ учрежденій, вѣдающихъ дѣломъ пересылки. Всѣ усилія правительства упорядочить пересылку каторжниковъ и поселенцевъ [2]) не приводили къ желаемымъ результатамъ, заставляя правительство ограничивать самую ссылку въ Сибирь.

КАТОРГА НА ЗАПАДѢ И ВНУТРИ ИМПЕРІИ.

Вотъ почему 8-го августа 1762 года былъ изданъ указъ [3]), которымъ повелѣвалось «отправленіе назначенныхъ... находящихся въ Рогервикѣ колодниковъ въ Нерчинскъ... нынѣ остановить и далѣе ихъ не отправлять, а которые изъ ихъ партіи изъ Рогервика уже отправлены и дѣйствительно въ пути находятся, тѣхъ съ колонновожатыми для того коноводными командами возвратить въ Рогервикъ по прежнему». Тѣмъ-же указомъ предписывалось впредь отправлять каторжниковъ изъ судебныхъ мѣстъ, находящихся «по сю сторону Москвы»,—въ Рогервикъ, а «которые за Москвою—тѣхъ въ Нерчинскъ». Вотъ почему, наряду съ указами объ отсылкѣ каторжныхъ въ Сибирь, предписывалось ихъ направлять то въ Рогервикъ, то въ Кронштадтъ, то въ Ригу, то въ Астрахань, Оренбургъ, Колу и даже въ Тулу [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и на западѣ Россіи встрѣчалась потребность въ даровомъ каторжномъ трудѣ. Такъ, въ 1847 году указывалось посылать даже колодниковъ «къ самонужнѣйшимъ въ Кронштадтскомъ каналѣ работамъ за надлежащимъ изъ морскихъ солдатскихъ полковъ карауломъ и содержать и заработныя деньги давать противъ каторжныхъ».

Всѣ эти обстоятельства, въ связи съ отсутствіемъ правильной организаціи каторжнаго труда, нѣсколько сдерживали правительство,—и только въ XIX-мъ вѣкѣ мѣстомъ каторжныхъ работъ окончательно избирается Сибирь.

---

[1]) П. С. З., т. XVI, № 12.114.
[2]) П. С. З., №№ 11.547, 11.579, 12.096, 13.362, 15.983, 16.008, 16.121, 16.262, 16.286, 16.295 и др.
[3]) П. С. З., т. XVI, № 11.639.
[4]) П. С. З., №№ 6.401, 6.587, 6.869, 7.609, 7.892, 8.100, 9.871, 9.872, 9.879, 9.911, 9.943, 10.113, 10.541, 10.764, 15.124, 16.159, 16.714 и т. д.

ОРГАНИЗАЦІЯ КАТОРЖНАГО ТРУДА.

Какъ уже было указано выше, каторжная работа по условіямъ труда въ сущности ничѣмъ не отличалась отъ вольнонаемной, за исключеніемъ лишь того, что она являлась трудомъ подневольнымъ, обязательнымъ и болѣе выгоднымъ для государства. Въ одномъ изъ указовъ, изданномъ въ 1733 году [1]) и касающемся употребленія каторжныхъ въ С.-Петербургѣ къ починкѣ казенныхъ строеній, было разъяснено, что исправленія эти должно производить «каторжными и наемными людьми», при чемъ никакихъ различій между тѣми и другими при распредѣленіи труда не дѣлалось. Правильной организаціи каторжнаго труда не существовало: каторжныхъ употребляли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и для повседневной хозяйственной работы, а въ иныхъ пунктахъ, за отсутствіемъ потребности въ рабочихъ рукахъ, каторжные проводили все время въ праздности, «втунѣ ѣли хлѣбъ» и, такимъ образомъ, терялось даже значеніе обязательности труда для каторжанъ. Наконецъ, въ каторжныя работы зачастую осуждали преступниковъ неспособныхъ къ труду, что даже вызывало необходимость разъясненій, чтобы увѣчныхъ и лицъ, коимъ свыше 45 лѣтъ, въ работы не назначать [2]).

Даже самая принудительность каторжнаго труда не представлялась его исключительной особенностью, такъ какъ совершенно въ одинаковыхъ условіяхъ съ каторжниками поставлены были и военнослужащіе нижніе чины, для которыхъ подневольный, обязательный и, къ тому-же, вовсе не вознаграждаемый трудъ былъ несравненно тяжелѣе, чѣмъ для отбывающихъ наказаніе преступниковъ, потому что онъ усугублялся еще строгой воинской дисциплиной и субординаціей.

Солдатскимъ трудомъ правительство пользовалось такъ же охотно, какъ и каторжнымъ. Такъ, напримѣръ, когда въ 1746 году повелѣно было продолжать «Рогервицкое строеніе», то есть возобновить работы по устройству тамъ пристани, то Военной Коллегіи приказано было командировать туда четыре полка, которые и «на работы употреблять». Въ слѣдующемъ году туда-же предположено было отправить для работъ 2.000 колодниковъ, для окарауливанія которыхъ было опредѣлено послать туда 2 полка, кромѣ находившихся уже тамъ четырехъ полковъ, которые и должны были выполнять тамъ весь трудъ по

[1]) П. С. З., т. IX, № 6.401.
[2]) П. С. З., т. XXVI, № 19.529.

сооруженію мола, пока «всѣ колодники изъ всѣхъ губерній не присланы будутъ» [1]).

Пользованіе войскомъ, какъ даровой рабочей силой наравнѣ съ преступнымъ элементомъ государства, естественно роняло значеніе воина и военной службы, обращая послѣднюю въ наказаніе. На этотъ путь, къ сожалѣнію, вступило наше законодательство, долгое время проводившее взглядъ на отдачу въ военную службу, какъ на карательную и притомъ тяжкую мѣру.—Насколько каторжный трудъ, по понятіямъ того времени, былъ легче солдатскаго, видно изъ того, что именно вслѣдствіе этого сенатскимъ указомъ 31 іюля 1799 года было даже измѣнено наказаніе за кражу: раньше за кражу свыше 20-ти рублей полагалась каторжная работа, а затѣмъ за то же преступленіе виновныхъ стали подвергать наказанію плетьми съ отдачею годныхъ «въ рекруты съ зачетомъ», потому что многіе предпочитали каторжную работу рекрутчинѣ, и кража, такимъ образомъ, стала «служить предлогомъ къ отбывательству отъ рекрутства» [2]).

Это-же обстоятельство съ наглядностью подчеркивало необходимость болѣе правильной организаціи каторжнаго труда. Раньше всего необходимо было съ внѣшней стороны отличить каторжныхъ невольниковъ отъ свободныхъ рабочихъ, а потомъ хоть мало-мальски соразмѣрять самый трудъ по существу съ тяжестью преступленья, за который трудъ назначался. Хотя мы и находимъ указанія на то, что законодательству нашему не было чуждо стремленье къ этой цѣли, но оно шло къ ея достиженію крайне нерѣшительно. Такъ, въ 1751 году было опредѣлено, чтобы всѣхъ осужденныхъ къ смертной казни, политической смерти и къ вѣчной ссылкѣ на каторгу, по конфирмаціямъ отъ Военнаго Начальства и Канцелярій, за исключеніемъ людей изъ Сибирской, Астраханской и Оренбургской губерній, отправлять въ Рогервикъ, «заковавъ въ ручные и ножные твердые кандалы» [3]). Въ 1753 году императрица Елизавета Петровна издала указъ, отмѣняющій окончательно изувѣчивающія и лишающія трудовой способности наказанія; по этому указу всѣхъ «подлежащихъ къ натуральной» смертной казни повелѣвалось подвергать наказанію кнутомъ,

---

[1]) П. С. З., т. XIII, № 9.872.
[2]) П. С. З., т. XXV, № 19.059.
[3]) П. С. З., т. XIII, № 9.871.

вырѣзанію ноздрей, клейменію на лбу буквъ «В. О. Р.» (воръ), наложенію кандалъ до смерти и вѣчной работѣ на каторгѣ [1]). Таковы были внѣшнія отличія.

Въ тотъ-же, приблизительно, періодъ времени, а именно 26 іюля 1751 года, послѣдовало опредѣленіе Сената о томъ, чтобы «во всемъ государствѣ содержащихся колодниковъ, осужденныхъ къ смертной казни, политической смерти и къ вѣчной ссылкѣ на каторгу, за умноженіемъ ихъ въ городахъ, отовсюду за надлежащимъ конвоемъ отправлять въ Рогервикъ и до будущаго объ нихъ разсмотрѣнія употреблять ихъ тамо на всѣ тяжелыя работы»; то же самое относительно Сибирской и другихъ отдаленныхъ губерній подтверждалось въ разъясненіяхъ, преподанныхъ въ томъ-же году, а именно—объ употребленіи каторжниковъ «въ тягчайшія работы» [2]). Но такъ какъ послѣ знаменитаго указа [3]) императрицы Елизаветы—о неприведеніи въ исполненіе смертной казни, значительно возросло число тяжкихъ преступниковъ, подлежавшихъ, взамѣнъ смертной казни, каторжнымъ работамъ, то потребность въ соразмѣреніи каторжнаго труда съ виновностью осужденнаго стала чувствоваться еще болѣе. Поэтому въ сентябрѣ 1754 года былъ изданъ указъ [4]), которымъ предписывалось:

ГРУППИРОВКА КАТОРЖНЫХЪ НЕВОЛЬНИКОВЪ ПО ТЯЖЕСТИ ТРУДА.

1) «присужденныхъ къ натуральной смертной казни, на которыхъ знаки поставлены, употреблять съ отмѣною противъ другихъ въ тяжелую всегдашнюю работу»,

2) «присужденныхъ къ политической смерти» (т. е. къ лишенію всѣхъ правъ) опредѣлять «въ другую работу» и, наконецъ,

3) «посланныхъ въ ссылку вѣчно» опредѣлять въ работу «съ облегченіемъ».

Не говоря уже о полной неопредѣленности подобной классификаціи, она и фактически теряла значеніе, потому что работы, на которыя опредѣлялись каторжники, были обыкновенно однообразны.

Во всякомъ случаѣ для осужденныхъ первой категоріи работа была обязательна до полной инвалидности и старости, производилась безъ отдыха въ праздничные дни и безъ всякаго вознагражденія

---

[1]) П. С. З., т. XIII, № 10.086.
[2]) П. С. З., т. XIII, № 9.875.
[3]) П. С. З., т. XII, № 9.293.
[4]) П. С. З., т. XIV, № 10.305.

Работа-же «съ облегченіемъ» заключалась въ томъ, что по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ она не производилась [1]).

Къ тому-же приблизительно времени относится также указъ, разъясняющій, что полицейскія, т. е. легкія хозяйственныя работы, не должны быть производимы преступниками, осужденными вѣчно на каторгу, а лишь приговоренными къ «временной» каторжной работѣ и вольнонаемными людьми [2]), что указываетъ на существованіе еще одной категоріи каторжниковъ, трудъ которыхъ былъ регламентированъ еще менѣе опредѣленно.

Разумѣется, подобнаго рода группировка каторжныхъ невольниковъ отнюдь не могла быть признана удачнымъ разрѣшеніемъ вопроса о соразмѣреніи каторжнаго труда съ тяжестью преступленья и еще менѣе говорила о существованіи какой-либо опредѣленной системы въ организаціи каторжныхъ работъ, — однако, болѣе коренной реформы каторги законодательство въ то время и не могло провести, не отказавшись рѣшительно отъ утилитарнаго взгляда на наказаніе. Къ тому-же, упорядоченію каторги значительно препятствовала все возрастающая потребность въ крѣпостномъ строительствѣ, выдвинувшая на первый планъ новый родъ наказанія—крѣпостную работу, расщепившую острымъ клиномъ старую каторгу.

СОДЕРЖАНІЕ КАТОРЖНИКОВЪ.

Не входя въ подробности разсмотрѣнія вопроса о довольствіи сосланныхъ въ каторжную работу провіантомъ, кормовыми деньгами, одеждою и обувью, отмѣтимъ лишь, что одновременно со стремленіемъ упорядочить законодательнымъ путемъ организацію этихъ работъ, правительство было озабочено и вопросомъ о содержаніи каторжниковъ,—при чемъ въ указахъ того времени наблюдается стремленіе облегчить государственные расходы на этотъ предметъ; такъ, въ 1752 году въ указѣ [3]), опредѣляющемъ всякаго рода довольствіе каторжниковъ, встрѣчаются предписанія въ родѣ, напр., такихъ: присланныхъ на Екатеринбургскіе заводы преступниковъ содержать на счетъ тѣхъ-же заводовъ; каторжныхъ на казенныхъ заводахъ снабжать провіантомъ и одеждою изъ заводской суммы, не производя

---

[1]) П. С. З., т. XI, № 8.722; т. XIV, № 10.305.
[2]) П. С. З., т. XIV, № 10.541.
[3]) П. С. З., т. XIII, № 9960.

кормовыхъ денегъ... Очевидно, что при подобныхъ условіяхъ содержаніе каторжниковъ зависѣло отъ заботливости заводской администраціи и не отличалось однообразіемъ. Правительству вскорѣ [1]) пришлось уменьшать сроки для ношенія одежды, положенные предыдущими указами, такъ какъ каторжные невольники, быстро изнашивая платья, фактически ходили въ рубищѣ, даже въ жестокихъ климатическихъ условіяхъ Сибири. На западныхъ каторжныхъ пунктахъ каторжные содержались на основаніи бывшаго въ Балтійскомъ портѣ положенія [2]); затѣмъ въ концѣ XVIII вѣка изданы были особыя положенія о довольствіи каторжныхъ невольниковъ [3]), окончательно установившія какъ денежное, кормовое, такъ и вещевое довольствіе каторжниковъ обоего пола.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ КАТОРЖНЫХЪ ВЪ XVIII-МЪ ВѢКѢ.

Юридическое положеніе каторжныхъ невольниковъ въ XVIII-мъ вѣкѣ продолжаетъ сохраняться въ такомъ-же видѣ, какъ оно установилось въ эпоху Петра Великаго. Какъ ужъ было нами отмѣчено, въ эту послѣднюю эпоху начинаютъ намѣчаться тѣ общія праволишенія, которыми сопровождается ссылка въ каторжныя работы въ наше время. Въ этомъ направленіи законодательство продолжаетъ развиваться и въ продолженіе XVIII вѣка, но никакихъ рѣшительныхъ опредѣленій закона, регламентирующихъ точно эти праволишенія, не послѣдовало.

Цѣлымъ рядомъ указовъ [4]), относящихся къ серединѣ XVIII вѣка, подтверждалось дозволеніе женамъ каторжныхъ выходить съ разрѣшенія Синода, а впослѣдствіи и архіереевъ,—замужъ, съ полученіемъ изъ имѣнія мужей указной части, а также предоставленіе дѣтямъ осужденныхъ въ вѣчную работу или въ ссылку и въ заточеніе слѣдовать за отцами, или оставаться въ домахъ по своему произволу, съ выдачей имъ также указной части изъ имѣнія отцовъ. Это даетъ основаніе думать, что пораженіе имущественныхъ правъ осужденныхъ ставилось, какъ-бы, въ зависимость отъ того, пожелаютъ-ли законные наслѣдники воспользоваться своими законными частями въ

---

[1]) П. С. З., т. XVII, № 12.449.
[2]) П. С. З., т. XX, № 14.260.
[3]) П. С. З., т. XXII, № 16.225; т. XXIII, № 16.780; т. XXV, № 18.808.
[4]) П. С. З., т. XIII, №№ 10.086, 10.101; т. XIII, №№ 12.934, 12.728; т. XVIII, № 13.097; т. XXII, № 16.227.

имуществѣ осужденнаго. Дѣти-же, рожденныя въ ссылкѣ, не пользовались правами состоянія осужденнаго родителя, но указами, изданными въ девятидесятыхъ годахъ XVIII-го столѣтія, предписывалось «писать по желанію ихъ въ мѣщане и государственные крестьяне на общемъ положеніи». Относительно-же дворянъ, находящихся въ ссылкѣ, было особымъ указомъ [1]) установлено, что если они захотятъ жениться, то «брать съ нихъ обязательство въ томъ, что они никогда изъ ссылки не возвратятся»; «дѣтямъ-же, которыхъ тамъ приживутъ, и потомкамъ ихъ оставаться на мѣстѣ ссылки родителей ихъ и записываться въ мѣщанство».

Изъ этого указа видно, что сама по себѣ ссылка влекла лишь пораженіе правъ состоянія во время нахожденія въ ссылкѣ, а потому дѣти дворянъ, родившіяся въ этотъ періодъ, и не могли пользоваться тѣми правами состоянія родителей, коими они пользовались до осужденія; этимъ соображеніемъ объясняется также и то обязательство невозвращенія съ мѣста ссылки, о которомъ упоминаетъ цитируемый указъ.

Безъ сомнѣнья, служащіе въ войскахъ дворяне не составляли исключенія. Здѣсь кстати будетъ указать, что каторга, составляя высшее наказаніе для военнослужащихъ за воинскія и общія преступленія (о смертной казни мы не говоримъ), не влекла за собою точно опредѣленныхъ послѣдствій. Въ архивѣ Главнаго Военно-Суднаго Управленія имѣются дѣла (съ 12 марта 1801 г. до 1802 г.), пересмотрѣнныя императоромъ Александромъ I и высочайше конфирмованныя; дѣла эти относятся исключительно къ офицерамъ и нижнимъ чинамъ изъ дворянъ; изъ нихъ видно, что ссылка въ каторжную работу, примѣнявшаяся даже безъ суда въ порядкѣ административномъ, влекла самыя разнообразныя юридическія послѣдствія, а именно: въ 10 случаяхъ она сопровождалась только лишеніемъ чиновъ; въ 11 случаяхъ, сверхъ того, и лишеніемъ дворянства; въ 2 случаяхъ—лишеніемъ чиновъ и «выключкой» изъ военнаго званія; иногда къ этому присоединялось и наказаніе кнутомъ или поставленіе указныхъ знаковъ (В. О. Р.); наконецъ, иногда къ каторгѣ присоединялось только тѣлесное наказаніе (кнутъ) [2]).

[1]) П. С. З., т. XVII, № 12.728.
[2]) Архивъ Гл. В.-Суд. Упр., часть журнальная.

Интересно отмѣтить, что преступниковъ, которые по неспособности къ каторжной работѣ разсылались въ Сибирь по деревнямъ, указами [1]) предписывалось «написать въ подушный окладъ». Въ этомъ выразился все тотъ-же утилитарный взглядъ законодателя на ссылку.

Что касается служебныхъ правъ, то въ указахъ того времени мы встрѣчаемъ лишь пораженіе нѣкоторыхъ изъ нихъ; такъ, напримѣръ [2]), предписывалось осужденныхъ преступниковъ, имѣющихъ ордена, «исключать изъ числа кавалеровъ и отбирать у нихъ орденскіе знаки».

На ряду съ этимъ, попрежнему встрѣчаются указы, разрѣшающіе верстать ссыльныхъ каторжниковъ на службу; напримѣръ, разрѣшалось замѣщать на Нерчинскихъ заводахъ «убылыя мѣста служителей по разнымъ ремесламъ изъ тамошнихъ крестьянъ и изъ каторжныхъ» [3]).

Такимъ образомъ, юридическое положеніе ссыльныхъ каторжниковъ въ продолженіе всего XVIII столѣтія оставалось крайне неопредѣленнымъ, что объясняется отсутствіемъ правильной организаціи каторги, и, главнымъ образомъ, тѣмъ, что законодательство наше не могло еще отказаться отъ эксплуатаціи каторжнаго населенія, отъ утилитарнаго взгляда на наказаніе.

БЫТОВЫЯ УСЛОВІЯ КАТОРЖНИКОВЪ.

Бытовыя условія каторжниковъ со времени Петра Великаго, въ теченіе цѣлаго столѣтія, не подвергались существеннымъ измѣненіямъ, а потому съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ развитія обще-культурныхъ условій жизни Россіи, становились все болѣе и болѣе тяжелыми. Въ главѣ V-ой былъ подробно описанъ бытъ каторжниковъ въ половинѣ XVIII вѣка; не будемъ повторяться; отмѣтимъ только, что неустройство каторги, злоупотребленія администраціи вызывали и развивали среди каторжнаго населенія такое сутяжничество и склонность къ доносамъ («сказыванію государева слова и дѣла»), что законодатель вынужденъ былъ особыми указами [4]) бороться съ этимъ зломъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно участились побѣги съ каторги, вызвавшіе усиленіе мѣръ охраны и окарауливанія каторги, а также уве-

---

[1]) П. С. З., т. XXII, № 15.429.
[2]) Тамъ-же, № 15.515.
[3]) П. С. З., т. XIX, № 13.619.
[4]) П. С. З., т. VIII, № 5.353; т. XVI, № 11.687; т. XIX, № 13.619.

личеніе отвѣтственности за побѣги [1]). Все это представлялось, безспорно, симптомами той внутренней безурядицы, которая царила на каторгѣ.

ССЫЛКА ВЪ XVIII-МЪ ВѢКѢ И ЕЯ ВИДЫ.

Выше, въ главѣ V-ой, мы уже разсмотрѣли ссылку въ эпоху Петра Великаго и въ первую половину XVIII вѣка; въ такомъ-же видѣ продолжаетъ оставаться ссылка и во вторую половину этого столѣтія, съ тою лишь разницей, что ссылка преимущественно направляется въ Сибирь, съ цѣлью тамъ колонизировать мѣстности, въ которыхъ наиболѣе развилась промышленная и фабричная дѣятельность, или, какъ значится въ указѣ 17 октября 1760 г.[2]), «для лучшаго пріумноженія въ Сибири... при заводахъ работъ и поселеній». Вотъ почему и заселялась преимущественно мѣстность отъ Тобольска до Иркутска и отъ Иркутска до Нерчинска [3]).

Однако, ссылка на поселеніе и житье практиковалась и какъ послѣдствіе осужденія въ каторжныя работы, въ порядкѣ помилованія, а также—въ общемъ порядкѣ облегченія участи осужденнаго; такъ, напримѣръ, указомъ 1768 года, тѣхъ изъ осужденныхъ въ работу на Нерчинскіе заводы, которые, «пробывъ на заводахъ не менѣе 5 лѣтъ, оказались добропорядочнаго поведенія», предписывалось «поселить, исключая смертоубійцъ и иныхъ важныхъ преступниковъ, при тѣхъ-же заводахъ для хлѣбопашества» [4]); въ концѣ XVIII вѣка мы встрѣчаемъ примѣненіе ссылки на житье и какъ наказаніе, замѣняющее каторгу, для лицъ, неспособныхъ къ работѣ, а именно: преступниковъ, «неспособныхъ къ работѣ за старостью, дряхлостью и увѣчьями, отсылать на собственное ихъ пропитаніе въ селенія, лежащія не ближе 60 верстъ отъ губернскихъ городовъ, не записывая ихъ въ число платящихъ подати и испрашивая на каждый случай Высочайшаго разрѣшенія [5])».

Въ такихъ-же случаяхъ примѣнялась ссылка на поселеніе и житье въ отношеніи военнослужащихъ. Интересно отмѣтить, что во всемилостивѣйшихъ указахъ того времени, коими сосланнымъ въ каторжную работу «съ выдраніемъ ноздрей» нижнимъ чинамъ каторга

---

[1]) П. С. З., т. XXV, № 18.978.
[2]) П. С. З., т. XVI, № 11.123.
[3]) П. С. З., т. XVI, № 11.414; т. XIX, № 13.506.
[4]) П. С. З., т. XXII, № 16.621, п. 2 и 3; т. XXIV, № 18.038.
[5]) П. С. З., т. XXV, №№ 18.422, 18.424, 18.437, 18.583.

замѣнялась ссылкою на житье, указывалось: разослать ихъ на житье въ тамошніе «дальніе города, гдѣ имъ дать волю, кто чѣмъ можетъ пропитаніе имѣть» или на «вольное пропитаніе» [1]).

Напротивъ того, другими указами предписывалось цѣлый рядъ лицъ «поселять» въ точно опредѣленныхъ мѣстахъ, «дабы тѣ мѣста къ хлѣбопашеству и къ размноженію скота были способны, чтобы тѣ поселяемые, будучи тамъ, не могли никакой нужды имѣть» [2]). Въ отношеніи такихъ поселяемыхъ указывалось выдавать имъ хлѣбъ для посѣва, лошадей для пашни и «употреблять ихъ для препровожденія судовъ съ провіантомъ» [3]). Употреблялись они и на другія различнаго рода работы, даже для зарытія тѣлъ умершихъ отъ заразы во время моровой язвы въ 1771 и 1772 годахъ и для прислуживанія при зараженныхъ этой болѣзнью [4]). На обзаведеніе посельщиковъ отпускались иногда изъ Штатсъ-Конторы особыя суммы [5]); указами же предписывались заботы о сбереженіи такихъ поселенцевъ во время препровожденія ихъ въ Сибирь въ назначенныя имъ мѣста пребыванія въ земледѣльческихъ селеніяхъ и о «пріученіи ихъ къ домоводству». Обращаемые въ крестьяне и мѣщане, записываемые въ подушный окладъ, эти поселенцы являлись не только колонизаторами Сибири, насадителями тамъ русской государственности, но и полезными, даже нужными для другихъ государственныхъ цѣлей людьми. «Для защищенія сего края» изъ подлежащихъ ссылкѣ на поселеніе бѣглыхъ россійскихъ подданныхъ, вывозимыхъ изъ Польши, даже были сформированы въ 1762 году въ Сибири пять пѣхотныхъ и два конныхъ полка [6]). Ссыльныхъ-же поселенцевъ водворяли на Китайской границѣ для утвержденія и тамъ русскаго вліянія [7]). Для прикрѣпленія ссыльныхъ къ новому мѣсту жительства не только принимались особыя принудительныя мѣры, но поселенцамъ предоставлялись даже различныя льготы и привилегіи, напр., освобождали ихъ на 20 лѣтъ отъ рекрутской повинности [8]), поселяли среди нихъ «не старыхъ вдовъ и

[1]) П. С. З., т. XI, №№ 8.292, 8.263, 8.278.
[2]) Указъ 1761 г., 22 авг. П. С. З., т. XV, № 11.414.
[3]) П. С. З., т. XVI, № 11.633.
[4]) П. С. З., т. XVIII, № 13.641.
[5]) П. С. З., т. XVII, № 12.738.
[6]) П. С. З., т. XVI, № 11.979.
[7]) П. С. З., т. XXV, № 19.157.
[8]) П. С. З., т. XVIII, №№ 13.475, 13.483, п. 1; т. XXV, № 18.978.

дѣвокъ» [1]), хотя и опороченныхъ «праздными и безпорядочнымъ поведеніемъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ правительство заботилось о томъ, чтобы на поселеніе попадали преимущественно трудоспособные люди, не старше 45 лѣтъ и годные «къ крестьянской работѣ» [2]); даже изъ обращаемыхъ на поселеніе въ Сибирь помѣщиками крестьянъ, согласно указу 13 декабря 1760 г., принимались не всѣ, а лишь «годные» [3]), т. е. съ выборомъ. Наконецъ, указомъ 7 февраля 1798 года установлено было дозволеніе причислять посланныхъ въ Сибирь на поселеніе въ мѣщанское и купеческое состояніе, съ разрѣшенія Сената, но съ оставленіемъ такихъ лицъ на жительствѣ въ предѣлахъ того-же края; это дозволеніе, однако, было распространено только на тѣхъ, которые были поселены въ Сибирь на житье «не за важныя преступленія» [4]).

Цѣлымъ рядомъ указовъ былъ регламентированъ порядокъ отсылки, препровожденія, содержанія и регистрированія поселенцовъ [5]), которые въ порядкѣ высшаго управленія были подвѣдомственны 1-му Департаменту Сената [6]).

Такимъ образомъ постепенно, въ продолженіе XVIII вѣка, ссылка раскололась окончательно на два вида: а) ссылку на житье и б) ссылку на поселеніе. При первой изъ нихъ государство предоставляло сосланному самому озаботиться о своемъ существованіи и, даруя ему въ этомъ отношеніи свободу, не налагало на него и никакихъ обязанностей. При поселеніи-же, напротивъ того, правительство брало на себя заботу объ устройствѣ и бытѣ поселенцевъ, но за это обязывало ихъ принудительнымъ трудомъ или службою въ интересахъ государственныхъ.

Военнослужащіе не составляли исключенія. Изъ конфирмованныхъ въ 1801 году императоромъ Александромъ дѣлъ объ офицерахъ и ниж. чинахъ изъ дворянъ видно, что ссылка военнослужащихъ на поселеніе всегда сопровождалась лишеніемъ чиновъ, а иногда и лишеніемъ воинскаго званія и даже дворянства. Ссылка же на житье влекла

---

[1]) П. С. З., т. XVII, № 12.391; т. XIII, № 9.911.
[2]) П. С. З., т. XXII, № 16.602.
[3]) П. С. З., т. XV, №№ 11.162, 11.216.
[4]) П. С. З., т. XXV, №№ 18.362, 18.907.
[5]) П. С. З., №№ 9.159, 11.385, 11.544, 11.834, 12.096, 13.010, 13.362, 14.210, 16.780, 18.222, 18.453, 18.727 и т. д.
[6]) П. С. З., т. XXVI, № 18.695.

только исключеніе изъ службы, и, какъ наказаніе срочное, повидимому, не лишало осужденныхъ права по отбытіи наказанія, поступить вновь на службу, съ прежнимъ же чиномъ, если только ссылка не сопровождалась сверхъ того и лишеніемъ чиновъ [1]). Указомъ 22 сентября 1762 года [2]) ссылка разграничивалась слѣдующимъ образомъ:

1) «присужденныхъ къ смертной казни или къ публичнымъ наказаніямъ, къ вѣчной ссылкѣ, свободить изъ-подъ караула и отнять у нихъ чины и, оставивъ ихъ безъ наказанія, ни къ какимъ впредь дѣламъ не опредѣлять, а сіе разумѣется о дворянахъ и чиновныхъ людяхъ, а не изъ дворянъ и безчиновныхъ сослать безъ наказанія въ дальнія мѣста на поселеніе» и

2) «подлежащихъ къ лишенію всѣхъ чиновъ, отъ солдата и до штабскаго чина, по одному чину отнять, а въ штабскихъ и свыше чинахъ—по два. Но ежели кому изъ таковыхъ и тѣлесное наказаніе приговорено, то, не чиня онаго, лишить всѣхъ чиновъ. А буде въ таковомъ и прежде онъ преступленіи приличился, то сослать въ отдаленныя мѣста».

Правда, это разграниченіе не отличалось опредѣленностью, и только въ слѣдующемъ, XIX-мъ столѣтіи, получаетъ оно болѣе точную формулировку.

Ссылка военнослужащихъ примѣнялась еще и въ другомъ видѣ: ссылали, напримѣръ, солдатъ за воровство и «подобныя преступленія» въ «дальніе гарнизоны и полки» [3]). Такое наказаніе примѣнялось въ XVIII-мъ вѣкѣ довольно широко, благодаря господствовавшему воззрѣнію на военную службу, какъ на тяжелое наказаніе. Какъ уже выше было указано, въ Сибири даже сформированы были изъ ссыльныхъ полки «для защищенія края».

Этимъ обстоятельствомъ и объясняется, что даже въ царствованіе императора Павла, т. е. на рубежѣ XIX вѣка, изданъ былъ указъ (10-го апрѣля 1798 года) [4]) генералъ-лейтенанту барону Бервицу, устанавливающій, что всѣ военнослужащіе, тяжело «наказанные» и посланные въ Сибирь въ тамошнія части войскъ, не пользуются

---

[1]) Архивн. Гл. В.-Суднаго Управленія, часть журнальная, Высочайшія конфирмаціи.
[2]) П. С. З., т. XVI, № 11.667.
[3]) П. С. З., т. XXVI, № 20.061.
[4]) П. С. З., т. XXV, № 18.479.

«правомъ, даннымъ россійскому воинству, слѣдственно, и отставлять ихъ отъ службы», т. е. другими словами, воинскіе чины, сосланные за преступленія въ Сибирскіе гарнизоны получали отставку не иначе, какъ по совершенной неспособности къ службѣ.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОСУДІЯ И СИСТЕМЫ НАКАЗАНІЙ КЪ НАЧАЛУ XIX-ГО ВѢКА.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что на рубежѣ XIX-го вѣка неустройство тюремной части и вообще наказанія лишеніемъ свободы выяснилось съ особенной рельефностью. Царствованіе императора Павла, отличавшееся особенно изощреннымъ произволомъ въ области юстиціи, и внесшее много своеобразнаго въ военный бытъ, подчеркнуло еще рѣзче полный безпорядокъ, царившій въ правосудіи и въ системѣ наказаній, а въ частности, наказаній, примѣнявшихся въ войскахъ. Послѣдующее царствованіе императора Александра I, ознаменовавшееся широкими реформами, коснувшимися и военнаго правопорядка, еще болѣе оттѣнило всѣ эти недостатки отживающаго строя, и 15-го сентября 1801 года императоръ Александръ I въ своемъ указѣ самъ далъ безпощадную характеристику и оцѣнку этого неустроенія. «Среди всеобщаго торжества вѣрныхъ сыновъ отечества,—значится въ томъ указѣ,—простирая взоръ состраданія и на отпавшихъ его чадъ, винами своими отторгнувшихся отъ нѣдръ его, но не потерявшихъ правъ человѣчества, повелѣваемъ правительствующему Сенату, составя изъ сенаторовъ, самимъ сенатомъ избранныхъ, и на утвержденіе Намъ представленныхъ, особую комиссію поручить ей, собравъ свѣдѣнія какъ въ самомъ сенатѣ, такъ и въ мѣстахъ заточенія и ссылки, войти въ разсмотрѣніе, не найдутся-ли въ числѣ потерпѣвшихъ сіе наказаніе всякаго рода и званія людей такіе, коихъ вины неумышленны и болѣе относятся ко мнѣнію и образу мыслей тоговремени, нежели къ дѣламъ безчестнымъ и дѣйствительный вредъ государству наносящимъ»...

«Неоднократно до свѣдѣнія Моего доходило—указывалъ императоръ далѣе,—что люди, коихъ вины важны были только по обстоятельствамъ политическимъ, и не предполагали, впрочемъ, ни умысла, ни разврата, ни безчестныхъ правилъ, ни нарушенія общаго государственнаго порядка, осуждены и сосланы были, какъ преступники, на вѣчное заточеніе. Часто одно безвинное и совершенно случайное прикосновеніе къ дѣлу, одинъ слухъ, одно слово, безъ намѣренія произнесенное, заставляло правительство при разныхъ его преобраще-

ніяхъ исторгать изъ среды общества людей невинныхъ для того только, чтобы сокрыть свидѣтелей какого-либо происшествія и предупредить самую тѣнь его послѣдствій. Такимъ образомъ, именемъ закона наказывалось не преступленіе, не порокъ, но единая возможность разглашенія, и государственная тайна погребалась вмѣстѣ не только со всѣми лицами, кои въ ней участвовали, но кои могли или предполагали въ ней участвовать. Между тѣмъ обстоятельства, рѣшившія правительство на сію строгую мѣру, прошли совершенно, но жертвы ихъ остались въ томъ же положеніи по забвенію, по равнодушію, по недостатку искателей, а можетъ быть и по самой неизвѣстности, куда они сосланы и гдѣ теперь находятся. Сей родъ людей долженъ составить первый классъ къ розысканіямъ комиссіи, и для открытія ихъ она будетъ въ необходимости собрать свѣдѣнія съ самихъ мѣстъ заточенія».

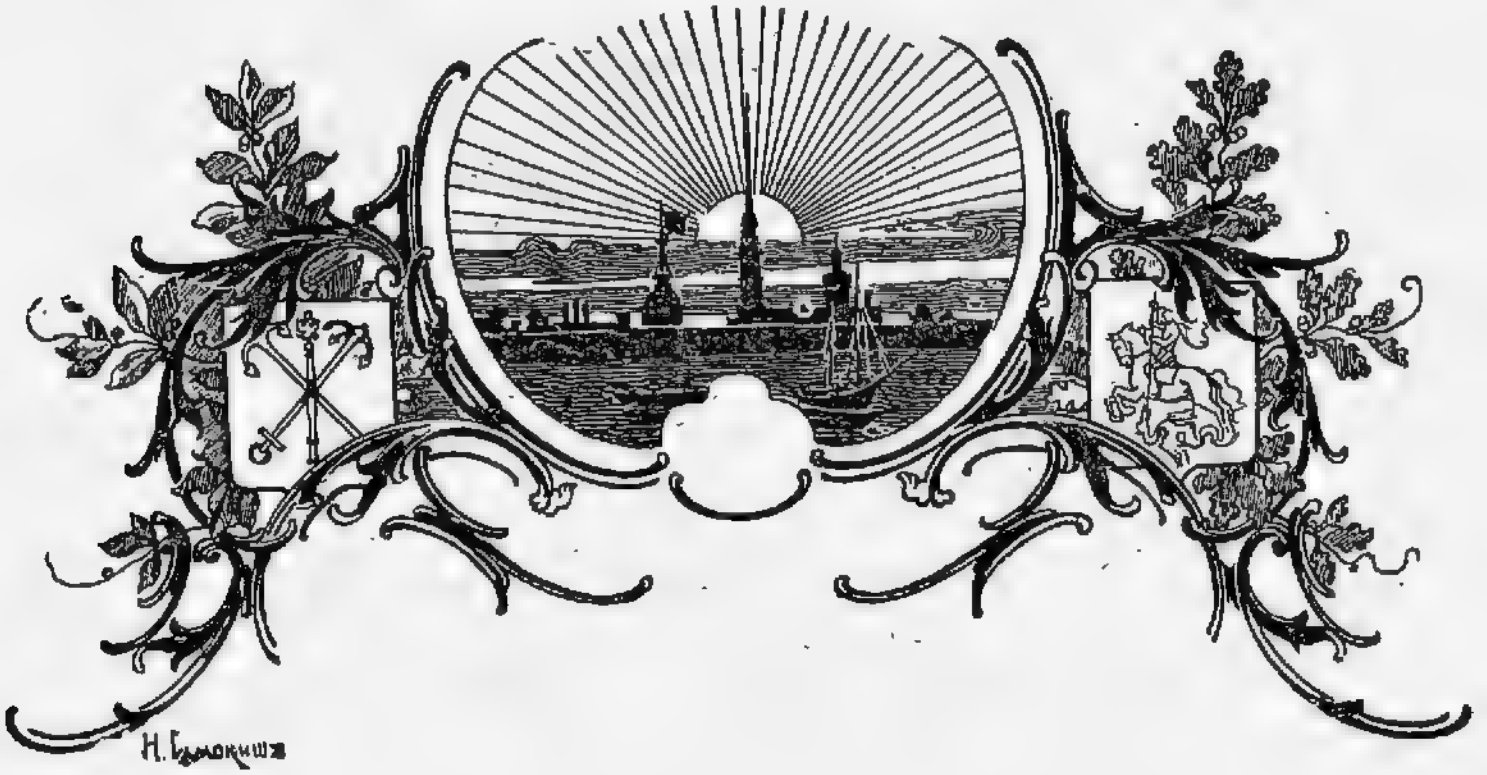
«Было время,—писалъ Государь далѣе,—когда, сообразуясь нравамъ и общенароднымъ понятіямъ, правительство полагало себя въ необходимости, раздѣляя преступленія и наказанія на роды ихъ, назначать степени важности ихъ не по существу вреда, отъ нихъ проистекающаго, но по уваженію лицъ, къ коимъ они относились. Такимъ образомъ, оскорбительныя Величеству слова признаны были въ числѣ первыхъ злодѣяній, но опытъ и лучшее познаніе о началѣ преступленій показали, что мнимое сіе злодѣяніе не что другое суть въ естествѣ своемъ, какъ сущій припадокъ заблужденія или слабоумія, и что власть и Величество Государей, бывъ основано на общемъ законѣ, не можетъ колебаться отъ злорѣчія частнаго лица. Сколь ни естественно сіе разсужденіе, но встрѣтилось оно весьма поздно разуму законодателей и тогда уже, какъ тысящи жертвъ принесены были противному предразсудку. Сіи то жертвы Я желалъ-бы открыть и облегчить ихъ участь»...

Послѣднюю категорію лицъ, участь которыхъ облегчить хотѣлъ Государь, были лица, совершившія «преступленія не намѣренныя, безъ умысла, не предполагающія ни вреда государству, ни разврата въ правилахъ и нравахъ, происшедшія отъ неосторожности, отъ случая, отъ сопряженія обстоятельствъ»...

Этотъ указъ коснулся и войска. Военная Коллегія, во исполненіе этого указа, въ ноябрѣ того-же года, по предложенію комиссіи,

затребовала отъ всѣхъ подвѣдомственныхъ ей учрежденій «вѣдомости» объ упомянутыхъ выше категоріяхъ «осужденныхъ къ разнаго рода наказаніямъ»,—а 31 марта 1802 года послѣдовало категорическое разъясненіе Государя Императора [1]), что указъ 15 сентября 1801 года долженъ быть распространенъ и на военнослужащихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ упомянутую сенаторскую комиссію повелѣно было назначить членомъ также и генералъ-аудитора кн. Салагова.

Облегченіемъ участи этихъ «жертвъ» неправосудія и административнаго усмотрѣнія дѣло ограничиться не могло,—необходимо было упорядочить самый уголовный кодексъ, регламентировать точно и положительнымъ образомъ карательныя мѣры и въ особенности наказаніе лишеніемъ свободы; нужно было устранить произволъ и внести закономѣрность въ отправленіе правосудія, нужно было, наконецъ, преобразовать всю юстицію, какъ общую, такъ и военную. Осуществленіе этихъ проблемъ XVIII-ый вѣкъ и передалъ въ наслѣдство наступившему новому столѣтію, ознаменовавшемуся въ Россіи вступленіемъ на престолъ Монарха, искренно и горячо желавшаго внутренняго обновленія своей державы.



---

1) Архивъ Гл. В.-Суднаго Упр-ія, дѣло о чиновник., св. 1, № 21.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ОТЪ УЧРЕЖДЕНІЯ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА ДО ВВЕДЕНІЯ ОБЩЕОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ.

А. Эпоха Императора Александра I.

ГЛАВА I.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ОБУСЛОВИВШІЯ НЕОБХОДИМОСТЬ РЕФОРМЫ ВОЕННО-КАРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ.

ВСТУПЛЕНІЕ на россійскій престолъ молодого Императора Александра Павловича знаменовало наступленіе горячей и рѣшительной преобразовательной дѣятельности. Отрицательныя черты нашего государственнаго устройства, управленія, законодательства и всего государственнаго быта, рѣзко подчеркнутыя прошлымъ царствованіемъ, въ продолженіе котораго онѣ нашли себѣ особенно утрированное выраженіе, сознавались всѣми государственными людьми—сподвижниками молодого монарха—настолько ясно, что обновленіе государственной жизни сдѣлалось неизбѣжнымъ.

Съ другой стороны, великая французская революція, проявившая столь блестяще народный геній передовой въ культурномъ отношеніи страны, и послѣдовавшая затѣмъ эпоха Наполеоновскихъ войнъ, взбудоражившихъ всю Западную Европу, и распространившая идейныя завоеванія революціи—не могли не отразиться и на жизни Восточной Европы, тѣсно связанной съ первой общностью международныхъ интересовъ.

Въ частности, особенное вліяніе оказали Наполеоновскія побѣды на военное устройство европейскихъ державъ, выдвинувъ на первый планъ значеніе арміи, какъ важнѣйшаго государственнаго установленія, требующаго особыхъ заботъ правительственной власти.—Опредѣлившееся законодательствомъ революціонной эпохи военное устройство Франціи получило еще болѣе прочное положеніе вслѣдствіе безчисленныхъ дополнительныхъ военно-административныхъ и военно-уголовныхъ постановленій, обусловленныхъ широкой практикой военнаго дѣла. Крѣпнущая Пруссія, не желая утерять своего военнаго могущества, энергично принялась разрабатывать свое военное законодательство и рѣшительно двинула работу по созданію новаго военно-уголовнаго кодекса.

Россія не могла не сознавать неизбѣжности военнаго столкновенія съ Франціей, и государственная мудрость подсказала Александру I мысль о необходимости поставить русскую армію въ соотвѣтствіе съ арміей ея опаснаго соперника.

Между тѣмъ, еще будучи наслѣдникомъ, Императоръ Александръ Павловичъ могъ воочію убѣдиться — въ какомъ жалкомъ состояніи находились наши военныя устройство и управленіе, насколько устарѣлымъ было наше военное законодательство, просуществовавшее безъ существенныхъ измѣненій болѣе ста лѣтъ.

Выше, во вступительной части настоящаго очерка, уже было указано, что Государь лично входилъ въ разсмотрѣніе дѣлъ, представлявшихся ему на конфирмацію. Интересно отмѣтить, насколько позволяютъ судить сохранившіяся Высочайшія конфирмаціи по этимъ дѣламъ [1]), что Императоръ иногда въ своихъ конфирмаціяхъ не только не соглашался съ заключеніями генералъ-аудитора, но даже признавалъ ихъ «неправильными и несогласными съ требованіями службы» [2]).

[1]) Часть Журн. Гл. В.-Суд. Упр. 1801 г.—Конфирмаціи.
[2]) Тамъ-же.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ.

Разумѣется, эти Высочайшія конфирмаціи не могли внести существенныхъ измѣненій въ дѣло военнаго правосудія, а тѣмъ болѣе не могли поколебать установившуюся многолѣтнюю практику или измѣнить господствующія воззрѣнія на цѣль воинскаго наказанія и его сущность.

Также безрезультатной оказалась и многократная попытка упорядоченія нашего военнаго устройства и военнаго правопорядка путемъ законодательнымъ. Многочисленныя законодательныя комиссіи, учреждаемыя въ теченіе всего XVIII-го вѣка, не выработали требуемаго отъ нихъ законопроекта. Также безплодной оказалась и послѣдняя изъ этихъ комиссій, учрежденная въ 1801 году [1]) для выработки законопроекта, касающагося устройства и административнаго управленія арміи. Нѣсколько болѣе посчастливилось военному судопроизводству и военноуголовному законодательству, такъ какъ образованная подъ предсѣдательствомъ Магницкаго въ 1811 году комиссія чрезвычайно быстро создала такъ называемое «Учрежденіе о Большой Дѣйствующей Арміи», заключающее въ себѣ и «Полевое Уложеніе» и «Уставъ полевого судопроизводства». Тѣмъ не менѣе, и эта комиссія далеко не выполнила всего пересмотра военнаго законодательства, который былъ на нее возложенъ [2]).

УЧРЕЖДЕНІЕ О БОЛЬШОЙ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ.

Комиссія Магницкаго, естественно, искала образца для своихъ законодательныхъ работъ въ лучшемъ тогдашнемъ военномъ законодательствѣ — французскомъ. Боевой успѣхъ Наполеоновской арміи невольно располагалъ къ подражанію и заимствованіямъ изъ французскаго военнаго кодекса и, такимъ образомъ, комиссіи Магницкаго оставалось только приспособить французскіе военные законы къ условіямъ русской дѣйствительности, что она и сдѣлала. Къ такому заключенію приводитъ и простое сравненіе Полевого Уложенія 1811 года съ закономъ 21 брюмера года V-го и съ Code penal 1810. Итакъ, задача комиссіи Магницкаго оказалась настолько несложной, что она справилась съ нею въ нѣсколько мѣсяцевъ; это было ей необходимо, чтобы ко времени предстоявшей Россіи отечественной войны успѣть выработать законъ для организаціи войскъ.

---

[1]) П. С. З., т. XXVI, № 19.926.

[2]) Архивъ Канц. Воен. Минист., связка разрозненныхъ дѣлъ при законодательномъ отдѣлѣ и оп. 121, св. 42—45 Москов. Отд. Об. Арх. Гл. Штаба.

Однако, если общую систему и юридическую конструкцію каждаго отдѣльнаго опредѣленія (диспозитивную часть) комиссія и могла позаимствовать изъ упомянутыхъ французскихъ кодексовъ, то надъ карательными санкціями ей все-таки приходилось достаточно поработать и вотъ почему: какъ видно изъ вступительной части настоящаго очерка, у насъ къ тому времени еще не существовало особой системы воинскихъ наказаній, которой могла бы воспользоваться комиссія; система-же нашихъ общеуголовныхъ наказаній находилась въ полномъ несоотвѣтствіи съ требованіями военной службы и спеціальными интересами арміи. Такое несоотвѣтствіе, какъ мы уже указывали, отмѣчено было самимъ Государемъ въ его конфирмаціяхъ. Приходилось, слѣдовательно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выбирать изъ установившихся въ нашемъ правѣ и въ судебной практикѣ наказаній наиболѣе соотвѣтствующее интересамъ войска и государства. Поясним этo на примѣрѣ: составители Полевого Уложенія установили въ числѣ воинскихъ наказаній, между прочимъ, лишеніе всѣхъ чиновъ и изгнаніе изъ арміи; это наказаніе влекло за собой высылку внутрь имперіи и воспрещеніе жить въ столицахъ [1]). Сравнивая это наказаніе съ установленнымъ во 2-мъ артикулѣ tit. VIII закона 21 брюмера года V-го, находимъ, что оно соотвѣтствуетъ французской деституціи, сопряженной съ тюремнымъ заключеніемъ и объявленіемъ неспособнымъ къ отправленію служебныхъ обязанностей въ арміи; «Tout officier,—значится въ упомянутомъ артикулѣ,—sera destitué, puni de trois mois de prison et declaré incapable de remplir aucun grade dans les armées de la republique». Такимъ образомъ, неизвѣстная русскому военному праву деституція оказалась обращенной въ лишеніе всѣхъ чиновъ, а объявленіе неспособнымъ къ занятію должности въ арміи—въ изгнаніе изъ арміи. Но особенное вниманіе обращаетъ на себя то обстоятельство, что составители Уложенія вовсе не сочли возможнымъ сохранить для офицеровъ указываемое во Французскомъ артикулѣ тюремное заключеніе. Исключивъ это дополнительное наказаніе, комиссія Магницкаго тѣмъ самымъ признала полное несоотвѣтствіе достоинству офицеровъ того тюремнаго заключенія, которое, до изданія Уложенія, отбывалось

---

[1]) § 28 Полев. Уложенія.

военнослужащими въ нашихъ жалкихъ и неблагоустроенныхъ тюрьмахъ; создать-же новую организацію спеціально военныхъ тюремъ она не рѣшилась, тѣмъ болѣе, что финансовыя государственныя соображенія заставляли комиссію не только избѣгать какого-либо удорожанія наказаній, но, напротивъ того, побуждали ее установить наиболѣе дешевую и удобоприменимую въ существующихъ условіяхъ систему наказаній.

Эта система наказаній указана комиссіей въ 78-мъ параграфѣ Полевого Уложенія, а именно: 1) смертная казнь, 2) гражданская смерть, 3) лишеніе всѣхъ чиновъ и изгнаніе изъ арміи, 4) лишеніе одного или нѣсколько чиновъ, разжалованіе въ солдаты на время или безъ выслуги, 5) заточеніе, 6) ссылка, 7) прогнаніе сквозь строй. Сверхъ того, въ особенной части Полевого Уложенія указываются еще и нѣкоторыя дополнительныя наказанія, а именно: тѣлесныя наказанія, исключеніе изъ службы, конфискація, денежныя взысканія; наконецъ, тамъ-же мы встрѣчаемъ и наказанія коллективныя.

Такимъ образомъ, Полевое Уложеніе устанавливаетъ лишь два вида наказанія лишеніемъ свободы: заточеніе и ссылку. Однако, различными отдѣльными законодательными актами, изданными въ царствованіе Императора Александра I, установлены и другіе виды наказанія лишеніемъ свободы, что, на ряду съ сохранившимися отъ прошлой эпохи наказаніями такого-же рода, составитъ уже широко развитую систему наказаній, объектомъ которыхъ является личная свобода.

ОБЩЕЕ НАПРАВЛЕНІЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ НАЧАЛѢ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСАНДРА I.

Раньше чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію всѣхъ этихъ видовъ наказанія лишеніемъ свободы, слѣдуетъ отмѣтить хоть въ общихъ чертахъ то направленіе, въ которомъ, съ воцареніемъ Императора Александра I, начала развиваться наша государственная жизнь.

Въ манифестѣ 12-го марта 1801 г. [1]) о вступленіи на престолъ молодого Монарха указывалось, что правленіе его будетъ согласно завѣтамъ Императрицы Екатерины Великой «по законамъ и по сердцу». Одинъ изъ самыхъ миролюбивыхъ монарховъ, Императоръ Александръ I, почти съ первыхъ-же лѣтъ своего царствованія былъ политическими событіями роковымъ образомъ втянутъ въ войну, которая на различныхъ фронтахъ государства тянулась въ продолженіе почти цѣлаго десятилѣтія съ 1805 по 1815 годъ. Крайнее напряженіе вооруженныхъ

[1]) П. С. З., т. XXVI, № 19.779.

силъ государства, тяжесть военныхъ расходовъ и необходимость усиленія оборонительныхъ средствъ государства—вотъ тѣ факторы, которые въ значительной степени повліяли на характеръ нашей государственной жизни и задержали осуществленіе тѣхъ реформъ, которыя были намѣчены въ первые годы царствованія Александра I. Въ первый же мѣсяцъ своего царствованія, а именно, 2-го апрѣля 1801 года, Александръ I возстановилъ въ прежнемъ видѣ Жалованную Грамоту Дворянству и Городовое Положеніе 1785 г. [1]), которыя при Павлѣ I совершенно утратили свое значеніе; затѣмъ онъ уничтожилъ Тайную Экспедицію, стремясь къ тому, чтобы «всѣ преступленія были объемлемы единою силою закона» [2]), и сенатскимъ указомъ 15 марта 1801 года [3]) освободилъ всѣхъ содержащихся въ заключеніяхъ по распоряженію названной Экспедиціи или, какъ значилось въ коронаціонномъ манифестѣ 15 сентября 1801 г. [4]), «отвергнувъ ужасы Тайной Экспедиціи», исторгнулъ «изъ заклеповъ ея всѣ ея жертвы», а такихъ «жертвъ» къ тому времени насчитывалось около 700 человѣкъ, изъ которыхъ 64 человѣка было военнослужащихъ. Тогда-же, 2-го апрѣля, общимъ Всемилостивѣйшимъ манифестомъ [5]) было возвращено изъ ссылки, принято обратно на службу и возстановлено въ прежнихъ правахъ до 15 тысячъ человѣкъ [6]). Изъ военнослужащихъ удостоились, между прочимъ, помилованія генералъ-маіоръ Иловайскій (бывшій атаманъ Донского казачьяго войска), отбывавшій заключеніе въ Петропавловской крѣпости, подполковникъ артиллеріи Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, увѣковѣчившій впослѣдствіи свое имя, находившійся по распоряженію Павла I въ ссылкѣ, въ г. Костромѣ, бывшій штабсъ-капитанъ гвардіи Картечниковъ, наказанный тысячью ударовъ шпицрутенами и т. д.

Во вступительной части настоящаго очерка были приведены знаменательные именные указы отъ 15-го сентября 1801 г. Сенату и сенаторской комиссіи, [7]) преподавшіе нашимъ судамъ руководящія

---

[1]) П. С. З., т. XXVI, №№ 19.810 и 19.811.
[2]) тамъ-же, № 19.813.
[3]) тамъ-же, № 19.784.
[4]) тамъ-же, № 20.011.
[5]) тамъ-же, № 19.814.
[6]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I, т. II, стр. 15 и 36.
[7]) П. С. З., т. XXVI, № 20.012.

указанія для дальнѣйшей ихъ дѣятельности. Въ историческомъ трудѣ Шильдера—«Императоръ Александръ I», мы находимъ даже указанія, что ко дню коронованія Государя предположено было обнародовать «Всемилостивѣйшую Грамоту, жалуемую русскому народу», составленную графомъ А. Р. Воронцовымъ по образцу англійскаго Habeas Corpus и гарантирующую, между прочимъ, личную свободу россійскихъ гражданъ: подвергшійся задержанію могъ-бы требовать немедленнаго освобожденія, если въ теченіе трехъ дней не былъ представленъ въ судъ для допроса [1]).

Затѣмъ, вскорѣ послѣ коронаціи, а именно 27-го сентября 1801 г., былъ изданъ знаменитый указъ объ отмѣнѣ пытки [2]), въ которомъ выражалось желаніе «чтобы, наконецъ, самое названіе пытка, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной».

Такой-же гуманностью были проникнуты распоряженія Монарха, касающіяся воинскихъ наказаній, направленныя къ смягченію тѣлесныхъ наказаній [3]) и завершившіяся указомъ 18 января 1802 г. [4]), воспретившимъ военнымъ судамъ въ приговорахъ о тѣлесномъ наказаніи прибавлять выраженіе «нещадно»; въ концѣ-же его царствованія, въ 1825 г. [5]), отмѣнено было вовсе для военнослужащихъ наказаніе плетьми, которыя замѣнены были шпицрутенами.

Наконецъ, 18 іюня 1802 года Высочайше утвержденъ былъ докладъ генералъ-аудитора, князя Салагова, относительно отмѣны закованія въ желѣза офицеровъ и нижнихъ чиновъ изъ дворянъ [6]). Какъ видно изъ упомянутаго доклада, отмѣна закованія въ желѣза мотивировалась тѣмъ, что по Краткому изображенію процесса оно принадлежало къ числу тѣлесныхъ наказаній, а по Жалованной Грамотѣ 1785 года всѣ дворяне были освобождены отъ такого наказанія. Такимъ образомъ, даже осужденныхъ къ смертной казни, которыхъ по Воинскому Уставу Петра I полагалось «тотчасъ же сковать, какого бы

---

[1]) Т. II, стр. 76.
[2]) П. С. З., т. XXVI, № 20.022.
[3]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр. Часть журнальная. Конфирмаціи 1797—1801 г.г., П. С. З., т. XXVI, № 20.070.
[4]) П. С. З., т. XXVII, № 20.115; т. XXX, № 23.279.
[5]) П. С. З., № 30.324.
[6]) П. С. З., т. XXVII, № 20.335.

рангу ни былъ, дабы не ушелъ», съ этихъ поръ предписывалось, ссли они дворяне, содержать «подъ строгимъ карауломъ», но безъ закованія въ желѣза, исключая, однако, военнаго времени, когда по усмотрѣнію Главнокомандующаго могло быть примѣнено и закованіе.

УЧРЕЖДЕНІЕ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА.

Огромнѣйшее значеніе въ дѣлѣ развитія и благоустройства вооруженныхъ силъ Россіи имѣло учрежденіе военнаго министерства. Манифестомъ, обнародованнымъ 8-го сентября 1802 года [1]), по проекту Новосильцева, учреждены были 8 министерствъ, а въ томъ числѣ и министерство «военныхъ сухопутныхъ силъ», впослѣдствіи переименованное въ военное министерство; при чемъ военная коллегія была оставлена въ качествѣ подчиненнаго учрежденія. 27-го января военное министерство получило новое устройство, согласованное съ учрежденіемъ о Большой Дѣйствующей Арміи, изданнымъ одновременно. Съ этихъ поръ, объединенная высшимъ центральнымъ управленіемъ, армія наша получила вполнѣ законченную организацію, занявъ подобающее ей мѣсто, какъ важнѣйшее государственное установленіе. Ея интересы всегда находили должную оцѣнку правительственной власти, а, слѣдовательно, тѣмъ самымъ выдвигался на первый планъ вопросъ объ упорядоченіи и военной юстиціи, что, въ свою очередь, обусловливало необходимость созданія особой, также вполнѣ законченной, системы воинскихъ наказаній, а, слѣдовательно, и спеціальной военно-тюремной части. Интересы арміи требовали коренной очистки ея отъ того порочнаго элемента, который до тѣхъ поръ шелъ на ея укомплектованіе; достоинство арміи требовало строгаго и послѣдовательнаго проведенія взгляда на воинское званіе, какъ на званіе почетное; отсюда необходимость освобожденія войскъ отъ тѣхъ обязанностей, которыя, такъ или иначе, роняли ея достоинство.

Этотъ взглядъ неизбѣжно долженъ былъ отразиться раньше всего на трудовой политикѣ государства, которое вынуждено было, хотя и не сразу, а путемъ цѣлаго ряда не всегда даже рѣшительныхъ уступокъ, отказаться отъ утилитарнаго взгляда на войско, какъ на дешевую рабочую силу, а затѣмъ, послѣ освобожденія арміи отъ порочнаго элемента, измѣнить и цѣль воинскаго наказанія.

ТРУДОВАЯ ПОЛИТИКА.

Трудовая политика государства, вполнѣ установившаяся къ началу

---

[1]) П. С. З., т. XXVII, № 20.406.

XIX-го вѣка, сводилась къ тому, что въ качествѣ рабочей силы при фортификаціонныхъ и другихъ казенныхъ и даже общественныхъ работахъ пользовались преимущественно арестантами, крѣпостными помѣщичьими крестьянами, солдатами, а затѣмъ уже вольнонаемными рабочими.

Болѣе подробно мы разсмотримъ невольничью работу крѣпостныхъ арестантовъ ниже, теперь-же укажемъ только, что число крѣпостныхъ арестантовъ въ 1802 году составляло 3770 человѣкъ [1]), т. е. было близко къ нормѣ предыдущихъ лѣтъ; безъ значительныхъ колебаній эта цифра продолжала оставаться и въ послѣдующіе годы, такъ что къ 1820 году крѣпостныхъ арестантовъ числилось ровно 4000 человѣкъ. Организація арестантскаго труда, унаслѣдованная отъ прошлой эпохи, оставалась въ первый періодъ царствованія Александра I безъ существенныхъ измѣненій. Отмѣтимъ только, что среди крѣпостныхъ невольниковъ было особенно много военно-служащихъ, такъ какъ отдача въ крѣпостныя работы для нижнихъ чиновъ и офицеровъ являлась преобладающимъ видомъ лишенія свободы.

Особаго рода крѣпостными невольниками представлялись помѣщичьи крѣпостные крестьяне, число которыхъ было довольно значительно; эти крестьяне попадали въ крѣпостную работу вслѣдствіе того, что помѣщикамъ предоставлено было право посылать своихъ крѣпостныхъ, въ видѣ наказанія, на работу, платя за это въ инженерную команду по одному рублю въ мѣсяцъ [2]).

УПОТРЕБЛЕНІЕ ВОЙСКЪ ВЪ КРѢПОСТНЫЯ РАБОТЫ.

Однако, для крѣпостныхъ работъ, какъ уже было указано во вступительной части настоящаго очерка, особенно широко ко времени воцаренія Александра I пользовались дешевымъ солдатскимъ трудомъ. Цѣлыя войсковыя части отвлекались для этихъ работъ отъ спеціальнаго военнаго дѣла. Интересы арміи, разумѣется, страдали отъ этого самымъ существеннымъ образомъ.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра I издано было 29 іюля 1801 г. [3]) Высочайшее повелѣніе, которымъ было

---

[1]) Архивъ Гл. Инж. Уп. Отчетъ за 1802 г., книга опредѣленій за ноябрь мѣсяцъ.

[2]) Инж. арх., іюньская книга опредѣленій за 1803 г., № 23, П. С. З., т. XXVII, № 20.265.

[3]) Савельевъ. Ист. оч. Инженер. Упр. ч. II, стр. 36. Въ П. С. З. это повелѣніе не вошло.

воспрещено употреблять нижнихъ чиновъ не только на крѣпостныя работы, но даже для присмотра за работами, для производства съемокъ, веденія письменныхъ дѣлъ и пр. Такое распоряженіе, чрезвычайно гуманное и передовое для тогдашняго времени, объяснялось стремленіемъ освободить войска отъ всякихъ обязанностей, отвлекающихъ ихъ отъ прямого назначенія и несоотвѣтствующихъ достоинству воина. Однако, распоряженіе это далеко не было категоричнымъ, такъ какъ оно сопровождалось оговоркою, что съ согласія военнаго начальства дозволялось все-таки нанимать нижнихъ чиновъ для производства земляныхъ работъ съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы эти вольныя работы не шли въ ущербъ службѣ. Это обстоятельство привело къ тому, что солдатами съ вольнаго найма, въ свободное отъ занятій время, стали производиться въ мѣстахъ ихъ квартированія и др. всевозможныя работы [1]). Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ дешевый солдатскій трудъ опять занялъ свое прежнее мѣсто въ трудовой политикѣ государства, въ особенности, когда въ періодъ Наполеоновскихъ войнъ потребовалась усиленная дѣятельность по постройкѣ крѣпостей и всякаго рода фортификаціонныхъ и казарменныхъ сооруженій.

Въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, Императору Александру I пришлось къ концу царствованія стать почти на діаметрально противоположную точку, и главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ гр. Аракчеева. Обязательная рабочая повинность войскъ, близкая къ той, которая установлена была Петровскими артикулами «о всякой солдатской работѣ» [2]), съ тѣхъ поръ легла въ основу трудовой политики государства, и никогда солдатскій трудъ не находилъ въ Россіи такого широкаго примѣненія, какъ въ царствованіе Александра и Николая Павловичей.

Тѣмъ не менѣе Высочайшее повелѣніе 29 іюля 1801 г. сыграло огромную историческую роль, и главнымъ образомъ, въ вопросѣ военно-тюремномъ. Вслѣдствіе воспрещенія употреблять на крѣпостную работу нижнихъ чиновъ, инженерное вѣдомство первоначально оказалось въ очень затруднительномъ положеніи, такъ какъ сразу лишилось значительнаго числа дешевыхъ рабочихъ. Солдатская рабочая плата въ то

---

[1]) Тамъ-же.
[2]) П. О. Бобровскій. «Воен. право въ Россіи», ч. II, стр. 220.

время нормировалась отъ 6 до 14 коп. между тѣмъ вольнонаемнымъ приходилось поденно платить отъ 80 к. до 1 рубля. Артиллерійской экспедиціи, а затѣмъ, съ отдѣленіемъ изъ ея состава инженерной части, и Инженерной экспедиціи пришлось просить объ увеличеніи кредита почти вдвое. Окружные инженерные командиры настойчиво ходатайствовали о назначеніи солдатъ въ крѣпости, такъ какъ крѣпостныхъ невольниковъ было слишкомъ мало для производства текущихъ работъ, а вольнонаемныхъ рабочихъ, за многочисленностью населенія, не представлялось возможнымъ достать. Особенно настаивалъ на этомъ Финляндскій Окружный Командиръ генералъ-маіоръ Шрейтерфельтъ, указывавшій, напр., что въ Кюменьгородской крѣпости, при наличности въ ней всего 218 невольниковъ, нѣтъ никакой возможности найти робочія руки. Инженерная экспедиція, однако, упорно отклоняла такія ходатайства, вмѣстѣ съ тѣмъ указывая, что даже невольниковъ можно употреблять только для заготовленія бута, тесаннаго камня, извести и къ прочимъ крѣпостнымъ и мелочнымъ работамъ въ воинскихъ зданіяхъ [1]). Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ затрудненій и было, что ко времени открытія военныхъ дѣйствій въ Финляндіи, въ началѣ 1808 года, крѣпости оказались въ неготовности и пришлось на-спѣхъ возводить временныя батареи.

При такихъ условіяхъ пришлось поневолѣ сдѣлать для крѣпостныхъ работъ изъятіе и нарушить требованіе указа 29 іюля 1801 г. И вотъ цѣлымъ рядомъ предписаній начинаютъ въ 1810 году разсылать по строющимся крѣпостямъ въ Кіевъ, Ригу, Бобруйскъ, Динабургъ, Борисовъ и другія мѣста западнаго края, въ которыхъ производились фортификаціонныя работы, піонеровъ и строевыя войска, по преимуществу, резервные и линейные батальоны [2]).

Интересно отмѣтить, что, какъ видно изъ ордера Военнаго Министра генералу Опперману отъ 9 мая 1810 г., войска не имѣли даже права требовать за эти работы денегъ, но «въ награду за успѣхъ и прилежаніе» разрѣшалось выдавать рабочимъ воинскимъ чинамъ по рублю или по два на человѣка, такъ чтобы выходило «по 10 коп.

---

[1]) Инж. арх., Опредѣленіе экспедиціи 5 февр. 1807 г., № 8.

[2]) Ордеры Воен. Министра отъ 5 марта и 9 мая за №№ 46, 120, 124, переписка В. М-ва, № 125, № 133 отъ 17 мая и др; В.-уч. арх. и Инж. арх. опред. 1810 г., № 75 и 1811 г., № 80.

мѣдью» въ день на человѣка [1]). Такимъ образомъ спасался принципъ, ибо войска не работали по найму, изъ-за платы, а въ видѣ служебной обязанности.

Милиціонные ратники.

Для устраненія подобныхъ затрудненій въ крѣпостныхъ работахъ 25-го ноября 1807 года Высочайше утверждено было «Положеніе», которымъ установлена была новая военная повинность податныхъ сословій—высылка для работъ въ крѣпости, подъ названіемъ «милиціонныхъ ратниковъ», тѣхъ изъ рекрутъ общаго набора, которые окажутся неспособными служить въ полкахъ, батальонахъ, губернскихъ ротахъ и штатныхъ воинскихъ командахъ. По «Положенію» рекруты этихъ категорій обращались на крѣпостныя строительныя работы и назывались «военными рабочими» [2]). Эти милиціонеры состояли въ крѣпостяхъ въ непосредственномъ вѣдѣніи комендантовъ, а гдѣ таковыхъ не было—начальниковъ гарнизоновъ. Имъ отпускалось довольствіе и обмундированіе наравнѣ со строевыми войсками, а изъ Инженернаго Департамента выдавались имъ «заработанныя деньги» за тѣ дни, въ которые они фактически были на фортификаціонныхъ или «цивильныхъ» работахъ. Уже въ 1808 году число милиціонныхъ ратниковъ, распредѣленныхъ во всѣхъ (51) крѣпостяхъ, достигло значительной цифры 14550 чел. Инженерная экспедиція озаботилась о ихъ размѣщеніи и содержаніи.

Въ «Положеніи» о военныхъ рабочихъ, въ п. 10-мъ между прочимъ значилось: «на попеченіи Комендантовъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ, то Начальниковъ гарнизона крѣпости, возлагается наблюдать, чтобы военные рабочіе употребляемы были инженернымъ вѣдомствомъ къ работамъ и строеніямъ точно такъ, какъ употребляются командируемые для сего изъ полковъ, не назначая имъ оныхъ превыше силъ и не возлагая такихъ тяжкихъ, какія исправляются ссыльными»... (см. приложеніе I).

Этотъ пунктъ до нѣкоторой степени разъясняетъ намъ сущность отличія военно-рабочихъ отъ крѣпостныхъ невольниковъ въ отношеніи

---

[1]) Тамъ-же отношеніе Воен. Мин-ра къ М-ру Вн. Д. отъ 31-го мая 1810 г.

[2]) П. С. З., т. XXIX, № 22.696 и Инж. Арх.—ордеръ Витгенштейну 27 мая, № 150.—«Положеніе Министра Военныхъ Сухопутныхъ Силъ о содержаніи въ крѣпости милиціонныхъ ратниковъ, употребляемыхъ къ производству строеній».

организаціи работъ. Разницы такимъ образомъ въ сущности никакой не существовало, такъ какъ оцѣнка тяжести работы представлялась дѣломъ чисто субъективнымъ. Интересно отмѣтить, что инженерные офицеры назначали себѣ, напр., денщиковъ изъ милиціонныхъ ратниковъ, вмѣсто строевыхъ солдатъ, назначаемыхъ въ случаѣ недостатка фурлейтовъ; но такимъ же образомъ эти офицеры нерѣдко принимали къ себѣ въ качествѣ денщиковъ и крѣпостныхъ невольниковъ, хотя особымъ указомъ этому былъ впослѣдствіи положенъ предѣлъ.

Въ 1812 году часть военно-рабочихъ изъ крѣпостей была распредѣлена по строевымъ частямъ въ полки и другія команды, наряжаемыя на крѣпостныя работы, но лишь въ качествѣ нестроевыхъ — «кто къ чему годенъ». Къ нимъ стали присоединять и тѣхъ изъ крѣпостныхъ невольниковъ, на которыхъ не были поставлены знаки («В. О. Р») и которые отличились хорошимъ, сравнительно, поведеніемъ. Мѣра эта вызывалась отчасти желаніемъ облегчить тягость конвойной службы въ крѣпостяхъ, такъ какъ малочисленныя инженерныя команды, состоявшія изъ мастеровыхъ и фурлейтовъ (послѣднихъ въ 1802 г. было всего 114 чел.), распредѣленныхъ по разнымъ мѣстамъ для присмотра за работами, лошадьми и волами, конечно, не могли фактически выполнять обязанность конвоировъ крѣпостныхъ невольниковъ, удалявшихся иногда для работъ на значительное отъ крѣпостей разстояніе. Оплачивать же конвойную службу казакамъ (по 3 коп. въ день) для инженернаго вѣдомства было невыгодно.

Когда-же началась война 1812 года, то изъ военно-рабочихъ образованы были даже особыя нестроевыя войсковыя части, вошедшія въ составъ дѣйствующей арміи; ими-же пополнялись иногда и піонерныя роты; наконецъ, на нѣкоторыя отдѣльныя команды военно-рабочихъ возложены были даже самостоятельныя порученія въ тылу арміи и при возведеніи полевыхъ укрѣпленій (Бородино, Тарутино и др.). Отмѣтимъ также, что фельдмаршалъ князь Кутузовъ предполагалъ даже придать имъ строевую организацію и сдѣлалъ попытку сформировать команду конныхъ ратниковъ, слѣдовавшихъ при передовыхъ отрядахъ. Все это привело къ тому, что при выступленіи нашей арміи въ заграничный походъ въ составѣ дѣйствующей арміи находился и сформированный военно-рабочій батальонъ.

ВОЕННО-РАБОЧІЕ РОТЫ И БАТАЛЬОНЫ.

Такимъ образомъ, мало-по-малу, военно-рабочія команды и вошедшіе въ составъ этихъ командъ крѣпостные невольники получили совершенно военную организацію, а съ 1816 года, по примѣру Департамента водяныхъ коммуникацій, и военное вѣдомство начинаетъ формировать изъ военнорабочихъ особыя административно-строевыя единицы. Этому способствовала и необходимость собрать въ Москвѣ въ значительномъ числѣ военно-рабочихъ для возстановленія казенныхъ и общественныхъ зданій, разрушенныхъ во время нашествія французовъ и пожара первопрестольной. 2 мая 1816 г. издано было Высочайше утвержденное положеніе объ учрежденіи въ Москвѣ, въ вѣдомствѣ комиссіи строеній, двухъ военно-рабочихъ батальоновъ изъ малоспособныхъ къ строю нижнихъ чиновъ отъ полковъ, расположенныхъ въ Москвѣ. Одинъ батальонъ долженъ былъ составиться изъ рекрутъ, а другой изъ излишнихъ людей, бывшихъ при паркахъ. Оба батальона составили бригаду подъ начальствомъ инженеръ-полковника Грамберга, подчиненную непосредственно Главнокомандующему въ столицѣ. Первоначально предположено было эти батальоны сформировать на 10 лѣтъ (на время дѣйствія комиссіи строеній) съ тѣмъ, чтобы, по расформированіи, распредѣлить военно-рабочихъ въ войска по способностямъ [1]) (см. приложеніе II).

Въ томъ-же 1812 году, 20-го іюля былъ Высочайше утвержденъ журналъ комитета по устройству дорожной части въ имперіи—о сформированіи рабочихъ бригадъ по государственнымъ дорогамъ.

Удачные опыты примѣненія военно-рабочихъ частей Инженернымъ Департаментомъ, Департаментомъ Путей Сообщенія и гр. Аракчеевымъ при устройствѣ военныхъ поселеній, обезпечили дальнѣйшее развитіе военно-рабочей организаціи.

Въ октябрѣ 1817 года предписано было отправлять неспособныхъ къ военной службѣ въ крѣпостныя работы, по распоряженію Инспекторскаго Департамента, только въ Кронштадтъ, Свеаборгъ, Динабургъ, Бобруйскъ, Ахтіаръ и въ Георгіевскъ, при чемъ, отсылая ихъ къ комендантамъ, надлежало отмѣчать въ препроводительной бумагѣ, что отправляемые не арестанты [2]). Вскорѣ путемъ опыта выяснилось, что баталіонная организація для военно-рабочихъ Инженернаго вѣдом-

[1]) П. С. З., т. XXXIII, № 26.522.
[2]) П. С. З., т. XXXII, № 27.095.

ства, расположенныхъ сравнительно небольшими частями въ различныхъ крѣпостяхъ, не удовлетворяла требованіямъ, такъ какъ не обладала достаточной гибкостью, а потому за административную единицу была принята рота, которая и сохраняла свое значеніе даже и послѣ того, когда въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ одновременно расположено было столько ротъ, что ихъ было можно соединить въ батальонъ.

Однако, окончательную организацію военно-рабочія роты получили вскорѣ послѣ назначенія Великаго Князя Николая Павловича Августѣйшимъ Генералъ-Инспекторомъ инженерной части. 21 августа 1818 года былъ Высочайше утвержденъ всеподданнѣйшій докладъ относительно образованія военно-рабочихъ ротъ инженернаго корпуса, которыя должны были замѣнить собою прежнія команды военно-рабочихъ, мастеровыхъ и фурлейтовъ. Тогда-же было издано и «Положеніе о военно-рабочихъ ротахъ для Инженернаго Корпуса [1]) (см. приложеніе III).

КОМПЛЕКТОВАНІЕ ВОЕННО-РАБОЧИХЪ РОТЪ КРѢПОСТНЫМИ АРЕСТАНТАМИ.

Первоначально предположено было ограничиться 22 военно-рабочими ротами, а именно по одной на 14 крѣпостей I класса и 8 ротъ—на остальныя крѣпости. Начато было, въ видѣ перваго опыта, съ формированія 2 ротъ въ Новой Финляндіи, переименованіемъ въ таковыя двухъ піонерныхъ ротъ, расположенныхъ на Аландѣ. Затѣмъ послѣдующія роты образовались постепеннымъ зачисленіемъ въ нихъ прежнихъ военно-рабочихъ и мастеровыхъ изъ состоявшихъ при крѣпостныхъ управленіяхъ командъ, съ добавленіемъ къ нимъ негодныхъ къ строю піонеровъ; къ нимъ-же были присоединены крѣпостные арестанты, удовлетворявшіе слѣдующимъ условіямъ: а) они должны были быть благонадежными въ поведеніи, б) имѣть «нестарые годы» и в) находиться въ крѣпости не по суду. Эти условія соотвѣтствовали тремъ цѣлямъ, которыми, повидимому, руководилось правительство, допуская ежегодное комплектованіе военно-рабочихъ ротъ крѣпостными арестантами, а именно: 1) чисто утилитарной цѣлью (отсюда требованіе трудоспособности, возрастного ценза, знанія ремесла и пр.), 2) цѣлью различенія отданныхъ въ крѣпостную работу въ дисциплинарномъ порядкѣ за маловажныя, сравнительно,

---

[1]) П. С. З., №№ 22.879, 23.490, 23.506, 23.670, 24.032, 24.176, 26.730, 27.435 и т. XXXII, № 27.491.

служебныя нарушенія (побѣгъ въ первый разъ, пьянство, самовольныя отлучки и т. п.), отъ крѣпостныхъ арестантовъ, сосланныхъ на работу по суду за болѣе тяжкія преступныя дѣянья и, наконецъ, 3) цѣлью исправленія преступника или, вѣрнѣе, поощренія тѣхъ изъ нихъ, которые «исправятъ свое поведеніе». Эта послѣдняя цѣль, относящаяся къ области уголовной политики, является чуть-ли не первымъ показателемъ постепенно измѣнявшагося воззрѣнія на преступника и цѣль его наказанія, въ особенности наказанія воинскаго.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что, предъявляя подобныя требованія къ крѣпостнымъ арестантамъ, допускавшимся на укомплектованіе военно-рабочихъ ротъ, правительство какъ-бы выдѣляло арестантовъ военнослужащихъ, которые преимущественно и составляли категорію крѣпостныхъ рабочихъ, отбывавшихъ наказаніе не «по суду». Отмѣтимъ кстати, что ко времени начала формированія военно-рабочихъ частей, въ 1816 году издано было Высочайшее повелѣніе впредь крѣпостныхъ невольниковъ военнаго вѣдомства именовать арестантами, что, конечно, болѣе соотвѣтствовало ихъ положенію [1]). Такимъ образомъ, военно-рабочія роты, какъ увидимъ ниже, постепенно получаютъ значеніе учрежденій, въ которыхъ сосредоточиваются преступники изъ военнослужащихъ, отбывшіе наказаніе и еще не возвращенные обратно въ части войскъ. Интересно при этомъ отмѣтить, что назначеніе арестантовъ въ роты производилось по выбору командировъ инженерныхъ командъ или окружныхъ командировъ вмѣстѣ съ медицинскими чиновниками и комендантомъ.

Вскорѣ количество первоначально сформированныхъ ротъ оказалось недостаточнымъ (см. къ приложенію III) и число ротъ довольно быстро возросло до 38, а затѣмъ въ 1821 были сформированы еще четыре роты за №№ 39—42. Вполнѣ закончено формированіе этихъ ротъ къ концу 1822 года, съ какого времени онѣ безъ существенныхъ измѣненій оставались до конца царствованія Императора Александра I.

Къ 1 января 1826 года въ спискахъ военно-рабочихъ ротъ значилось 100 офицеровъ и 4789 нижнихъ чиновъ [2]).

Содержаніе военно-рабочихъ ротъ возложено было на Инженер-

[1]) П. С. З., т. XXXIII, № 26.571.
[2]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XCVIII, стр. 410.

МОСКОВСКАЯ ВОЕННАЯ ТЮРЬМА.

Видъ сзади (форма буквы К).

Корпусъ для администраціи.

Водокачка.

Боковой коридоръ (видъ сзади).

Входъ.

Коридоръ.

ное вѣдомство, которое и несло расходы на снабженіе ихъ рабочей одеждой и на выдачу платы за излишнюю работу противъ заданнаго урока, каковая плата, на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія Комитета 24 мая 1816 г., полагалась въ размѣрѣ трети противъ вольнонаемныхъ людей» [1]).

Провіантъ на военно-рабочія роты отпускался изъ Провіантскаго вѣдомства, при чемъ онъ усиливался въ теченіе 7-ми мѣсяцевъ работъ, наравнѣ съ положеніемъ для войсковыхъ командъ, назначенныхъ на обще-государственныя работы, т. е. по 2 п. $4^1/_2$ ф. муки и 2 гарнца крупы въ мѣсяцъ на человѣка; въ нерабочее-же время дача провіанта сокращалась до обыкновеннаго оклада.

ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦІЯ РОТЪ.

Военно-рабочія роты подчинялись въ командномъ отношеніи инженернымъ окружнымъ командирамъ, которые являлись также ихъ частными инспекторами, на правахъ начальника инженеровъ арміи.

Обученіе и образованіе военно-рабочихъ заключалось «въ правильномъ и твердомъ обученіи не только мастеровыхъ, но и способнѣйшихъ простыхъ рабочихъ мастерствамъ и въ образованіи по части военнаго вида и дисциплины», т. е. ихъ обучали: стойкѣ, поворотамъ, маршировкѣ по одиночкѣ, рядами и отдѣленіями и пр. по «рекрутской школѣ»; въ воскресные дни ихъ водили на церковный парадъ, разъ въ мѣсяцъ имъ объяснялся «воинскій артикулъ» и т. д. [2]).

Въ хозяйственномъ отношеніи каждая рота дѣлилась на 2 артели, по равному числу обоихъ классовъ мастеровыхъ, рабочихъ и унтеръ-офицеровъ строевыхъ и мастеровыхъ. Въ каждой артели избирался артельщикъ, которому ввѣрялась по небольшимъ частямъ отъ ротнаго командира «харчевая сумма». На каждаго рабочаго полагалось по полуфунту мяса или рыбы и, если это позволяло состояніе артельной суммы, по чаркѣ вина. Изъ рабочихъ денегъ половина выдавалась на руки нижнему чину, а другая половина отчислялась въ харчевую сумму [3]).

СОСТАВЪ ВОЕННО-РАБОЧИХЪ РОТЪ И БЫТЪ ВОЕННО-РАБОЧИХЪ.

Переходя къ разсмотрѣнію быта военно-рабочихъ, отмѣтимъ

---

[1]) Инж. Арх., Прик. Ген.-Инсп. по инж. ч. 1819 г., № 32 отъ 9 іюля.

[2]) Инж. Арх., Правила, издан. въ Прик. Ген.-Инсп. 1819 г., янв. 5, № 4.—Отмѣтимъ одну, чисто воспитательную мѣру: благонадежныхъ рабочихъ разрѣшалось отпускать на «вольныя работы».

[3]) Инж. Арх., Прик. Ген.-Инсп. 1819 г., 5 янв., № 5.

раньше всего чрѣзвычайно пестрый составъ военно-рабочихъ ротъ: тутъ и негодные для службы въ строевыхъ частяхъ нижніе чины, т. е. болѣе или менѣе отбросы арміи, тутъ и перечисленные изъ инженерныхъ войскъ вполнѣ непорочные солдаты и, наконецъ, что самое главное, значительный процентъ военно-рабочихъ комплектовался изъ крѣпостныхъ арестантовъ, т. е. лицъ съ запятнаннымъ прошлымъ, и нерѣдко даже нравственно испорченныхъ.

Процентъ этотъ съ каждымъ годомъ возросталъ и, мало того, понижался даже тотъ небольшой нравственный цензъ, который, по закону 1818 года, первоначально предъявляемъ былъ къ арестантамъ, удостаиваемымъ перевода въ военно-рабочія роты.

Дѣйствительно, потребность въ рабочихъ рукахъ съ одной стороны, удобство комплектованія—съ другой, постепенно привели къ тому, что въ порядкѣ административномъ все чаще и чаще стали дѣлать отступленія отъ требованій закона 1818 года въ томъ смыслѣ, что указанныя въ немъ ограниченія при выборѣ арестантовъ для пополненія ежегодной убыли въ ротахъ толковались въ смыслѣ облегченія доступа арестантовъ въ среду военно-рабочихъ.

Почти сейчасъ-же за изданіемъ Положенія о военно-рабочихъ ротахъ, Августѣйшій Генералъ-Инспекторъ Инженернаго корпуса начинаетъ по особымъ докладамъ начальствующихъ лицъ разрѣшать, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, принимать въ военно-арестантскія роты крѣпостныхъ арестантовъ безъ всякаго ценза, не только лицъ, отбывающихъ въ крѣпости наказаніе по суду, но даже бродягъ [1]). Относительно послѣднихъ и бѣглыхъ, поступившихъ на укомплектованіе военно-рабочихъ крѣпостныхъ ротъ, въ 1820 году было постановлено слѣдующее: необходимо имѣть въ виду, что владѣльцы бѣглыхъ могли просить о возвращеніи имъ этихъ своихъ бѣжавшихъ крѣпостныхъ, въ особенности-же вслѣдствіе того, что послѣдніе за время пребыванія въ крѣпостной ротѣ выучивались полезнымъ ремесламъ и дисциплинировались. На этомъ основаніи совѣтъ при военномъ министерствѣ предложилъ установить, чтобы тѣхъ изъ бродягъ, которые «прослужатъ въ ротахъ болѣе года со дня ихъ причисленія, помѣщикамъ

---

[1]) См. Отношеніе Нач-ка Главнаго Штаба отъ 15 января 1828 г., № 475.

или обществамъ не возвращать, а выдавать за нихъ зачетныя рекрутскія квитанціи».

Однако, Комитетъ Министровъ не согласился съ подобнымъ толкованіемъ по слѣдующимъ соображеніямъ: по дѣйствовавшимъ законамъ бѣглые и безпаспортные люди должны были отсылаться въ казенныя работы и въ крѣпостные арестанты, объ нихъ дѣлалась надлежащая публикація, и помѣщикамъ предоставлялось право требовать бѣглыхъ и безпаспортныхъ къ себѣ въ продолженіе одного года; если бы такое требованіе не послѣдовало, то законъ разрѣшалъ, по истеченіи года, годныхъ—писать въ солдаты съ зачетомъ, а негодныхъ—оставлять при казенныхъ работахъ безъ зачета. Впослѣдствіи, но еще до изданія положенія о сформированіи военно-рабочихъ ротъ, разрѣшалось поселять бродягъ, по освобожденіи отъ казенныхъ работъ, при казенныхъ селеніяхъ; положеніе же о военно-рабочихъ ротахъ допускало брать такихъ бродягъ въ ряды военно-рабочихъ. Такимъ образомъ, поступленіе въ роту замѣнило собою приписку къ казеннымъ селеніямъ.

Такое соображеніе заставило комитетъ министровъ признать, что «когда таковые люди поступятъ въ роты, не можетъ быть случая, чтобы помѣщики имѣли право ихъ требовать», и постановилъ вмѣсто предложенія выдавать зачетныя рекрутскія квитанціи наблюдать, чтобы «люди сіи не были отдаваемы въ роты прежде истеченія опредѣленнаго годового срока» [1]).

Такимъ образомъ, въ среду военно-рабочихъ стали попадать и бродяги. Затѣмъ послѣдовало временное разрѣшеніе принимать въ роты бродягъ, находящихся въ работахъ менѣе года или «о коихъ еще не имѣется дѣйствительныхъ справокъ объ ихъ личности»; кромѣ того, принимались также и бродяги, объявившіе себя иностранными выходцами, а такихъ въ крѣпостной работѣ было достаточное число; въ дѣлахъ Гл. Инженернаго Управленія за 1806 годъ встрѣчаются именные указы, данные Херсонскому военному губернатору, объ освобожденіи отъ работъ заграничныхъ выходцевъ, сосланныхъ въ работы, за неимѣніе или просрочку письменныхъ видовъ, въ крѣпости: Херсонскую, Очаковскую, Азовскую, Кинбурнскую, Еникольскую и Тирас-

[1]) П. С. З., т. XXXVII, № 28.263.

польскую; имъ было дозволено водвориться внутри имперіи на общихъ основаніяхъ [1]).

Число военно-рабочихъ изъ арестантовъ возросло еще больше, когда правительство, считаясь съ потребностью въ рабочихъ рукахъ, разрѣшило принимать въ роты и такихъ лицъ, которыя имѣютъ возрастъ свыше 40 лѣтъ, но еще годны къ службѣ.

Наконецъ, что имѣетъ особенно важное значеніе,—на укомплектованіе военно-рабочихъ ротъ разрѣшено было допускать даже тѣхъ крѣпостныхъ арестантовъ, которые попали въ крѣпостную работу, хотя бы и по суду, но на срочное время, а также и такихъ арестантовъ, которые до ссылки въ крѣпостную работу были болѣе трехъ разъ въ побѣгахъ и болѣе двухъ разъ наказаны шпицрутенами [2]). Всѣ эти частныя измѣненія въ положеніи о военно-рабочихъ ротахъ, вызываемыя требованіями жизни, получили затѣмъ, въ царствованіе Императора Николая I, законодательную санкцію и тогда-же было рѣшено впредь «навсегда» принимать такія мѣры, которыя клонились къ упорядоченію организаціи военно-рабочихъ ротъ [3]).

Возвращаясь къ описанію быта военно-рабочихъ, отмѣтимъ также, что и командный составъ въ крѣпостныхъ военно-рабочихъ ротахъ комплектовался изъ офицеровъ, такъ сказать, низшаго разряда, что дѣлалось путемъ естественнаго подбора, такъ какъ лучшіе офицеры избѣгали тяжелой службы въ военно-рабочихъ ротахъ, считавшихся къ тому-же ниже всѣхъ прочихъ родовъ войскъ. Тѣмъ не менѣе, эти роты были настолько полезны Инженерному вѣдомству, что Августѣйшій Генералъ-Инспекторъ всегда удѣлялъ имъ особенное вниманіе, даже когда впослѣдствіи вступилъ на россійскій престолъ.

Нелегка была задача дисциплинировать и поднять нравственный уровень военно-рабочихъ; въ приказахъ Генералъ-Инспектора постоянно проявляется стремленіе воздѣйствовать на военно-рабочихъ установленіемъ желѣзной дисциплины; изъ 88 приказовъ за 1822 годъ [4]), въ 22-хъ мы находимъ конфирмаціи военнаго суда по дѣламъ о военно-рабочихъ; изъ нихъ 46 человѣкъ присуждены были къ наказанію

---

[1]) П. С. З., т. XXIX, №№ 22.148 и 22.689; т. XXVIII, № 21.829.
[2]) П. С. З., т. XXXII, № 25.486.
[3]) Отношеніе Начальника Гл. Штаба отъ 15 января 1828 г., № 475.
[4]) Инж. Арх., Прик. Ген.-Инсп. за 1822 годъ.

шпицрутенами. Считая фактическій (а не списочный) составъ военно-рабочихъ ротъ приблизительно въ 3000 человѣкъ, что весьма близко къ дѣйствительности, слѣдуетъ прійти къ заключенію, что процентъ предаваемыхъ суду былъ очень высокъ. Шпицрутены процвѣтали и составляли одинъ изъ наиболѣе употребительныхъ педагогическихъ пріемовъ въ военно-рабочихъ ротахъ. Бывали случаи, когда военно-рабочій былъ прогнанъ пять разъ черезъ баталіонъ въ 1000 человѣкъ [1]). Наиболѣе частыми преступленіями представлялись побѣги, пьянство, всякаго рода растраты казеннаго имущества, но на ряду съ ними встрѣчались и тяжкія преступленья, иногда даже звѣрскія. Однако, чаще всего бывали побѣги, что объясняется тяжелыми режимомъ и службой въ военно-рабочихъ ротахъ.

На ряду, впрочемъ, съ нравственной испорченностью встрѣчались примѣры проявленія военно-рабочими и высокаго чувства долга и самоотверженія; такъ, во время случившагося въ 1824 году, въ разстояніи версты отъ г. Ениколя, пожара на хуторѣ маіорши Телѣжниковой, 18 военно-рабочихъ усердно содѣйствовали его тушенію, а одинъ изъ нихъ, Крытковъ, вынесъ даже изъ объятой пламенемъ комнаты спящаго младенца [2]).

ЗНАЧЕНІЕ ВОЕННО-РАБОЧЕЙ ОРГАНИЗАЦІИ ВЪ ИСТОРІИ ВОЕННО-ТЮРЕМНОЙ ЧАСТИ.

Итакъ, съ увеличеніемъ процента поступающихъ въ военно-рабочія роты крѣпостныхъ арестантовъ военнаго вѣдомства, эти роты постепенно принимаютъ значеніе военно-арестантскихъ ротъ и, слѣдовательно, могутъ быть разсматриваемы какъ прототипъ, какъ ячейка, изъ которой затѣмъ развилась вся наша военно-тюремная организація. Вотъ почему мы съ особенной подробностью разсмотрѣли образованіе, развитіе и весь распорядокъ военно-рабочихъ ротъ.

---

[1]) Инсп. Арх., Прик. Ген.-Инсп. за 1822 г., № 36.
[2]) Инж. Арх., Прик. Ген.-Инсп. за 1825 г., № 6.

ГЛАВА II.

КРѢПОСТНЫЯ РАБОТЫ.

СТУПИВЪ на престолъ, Императоръ Александръ I засталъ ссылку въ крѣпостную работу настолько широко примѣнявшейся, что она какъ бы заслонила собой всѣ другіе виды ссылки въ работы, но самая организація крѣпостныхъ работъ была совершенно неблагоустроена. Ссылка въ крѣпостную работу интересовала правительственную власть лишь посколько она удовлетворяла государственной потребности въ дешевой рабочей силѣ, необходимой для крѣпостного строительства, а такъ какъ эта потребность имѣла лишь временный характеръ, то о болѣе цѣлесообразной организаціи крѣпостной работы даже не возбуждался вопросъ.

Въ царствованіе Императора Александра I нужда въ рабочихъ рукахъ въ крѣпостяхъ продолжала ощущаться попрежнему, въ особенности въ первую половину этого царствованія. Естественно поэтому, что Государь озаботился упорядочить и сорганизовать крѣпостную работу.

ПОСТЕПЕННОЕ УПОРЯДОЧЕНІЕ КРѢПОСТНОЙ РАБОТЫ.

Благоустройство это шло постепенно, пока не завершилось новымъ «Положеніемъ о крѣпостныхъ арестантахъ»; съ этого послѣдняго момента крѣпостная работа принимаетъ совершенно отличный характеръ и другое государственное значеніе.

Раньше всего мы встрѣчаемъ въ 1802 году указы, направленные

къ водворенію порядка и наблюденію за крѣпостными невольниками, для пресѣченія ихъ самовольныхъ отлучекъ и безпорядочнаго поведенія, или, какъ выражается указъ,—«шалостей» [1]).

Затѣмъ обращено было вниманіе на составъ крѣпостныхъ невольниковъ, въ число которыхъ входили, между прочимъ, крѣпостные люди, отдаваемые безъ зачета помѣщиками, при условіи, если эти люди не были способны къ несенію военной службы, по освидѣтельствованіи ихъ въ управахъ благочинія, а впослѣдствіи въ Рекрутскихъ присутствіяхъ. На основаніи указа 15 мая 1802 г., всѣ крѣпостные, представляемые отъ помѣщиковъ безъ зачета, кромѣ увѣчныхъ и старыхъ, должны были отсылаться партіями въ крѣпостныя работы. До тѣхъ поръ, пока такія партіи не составлялись, отданные люди употреблялись по той или другой причинѣ, въ «городскія работы» [2]).

Далѣе, правительство обратило вниманіе на то, что въ крѣпостной работѣ продолжали оставаться престарѣлые и увѣчные (напр., въ Кронштадтѣ), и отдало въ 1806 году распоряженіе, чтобы впредь такіе невольники были отсылаемы «въ ближніе монастыри» [3]).

Тѣмъ не менѣе, гражданское вѣдомство продолжало присылать на работы невольниковъ, совершенно къ нимъ физически неспособныхъ, вслѣдствіе чего въ крѣпостяхъ скоплялось много совершенно ненужныхъ людей, на содержаніе которыхъ тратились безъ пользы для дѣла значительныя суммы изъ отпущенныхъ на постройку и содержаніе крѣпостей. На основаніи Положенія 25 ноября 1807 года о милиціонныхъ ратникахъ, часть наиболѣе способныхъ и отличившихся порядочнымъ поведеніемъ невольниковъ съ этихъ поръ обращалась въ военно-рабочихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Инженерный Департаментъ начинаетъ настойчиво добиваться, чтобы крѣпости не были обременяемы неспособными къ работѣ людьми, и въ 1816 году, наконецъ, высылка неспособныхъ въ крѣпостную работу была прекращена [4]).

МИЛИЦІОННЫЕ РАТНИКИ.

Въ 1809 году Военнымъ Министромъ обращено было особенное вниманіе на регистрацію арестантовъ военнаго вѣдомства и предписано было доставлять въ министерство военно-сухопутныхъ силъ еже-

ДАЛЬНѢЙШІЯ МѢРОПРІЯТІЯ.

---

[1]) П. С. З., т. XXVII, №№ 20.138, 20.949 и 21.100.
[2]) П. С. З., т. XXVII, № 20.265.
[3]) П. С. З., т. XXIX, № 22.436.
[4]) П. С. З., т. XXXIII, № 26.243.

мѣсячныя вѣдомости о содержащихся подъ арестомъ по суду и въ дисциплинарномъ порядкѣ чиновникахъ и нижнихъ чинахъ [1]).

Съ учрежденіемъ къ тому времени по крѣпостямъ Ордонансъ-гаузовъ, при которыхъ состояли и военные суды [2]), устройство въ крѣпостяхъ арестантовъ военнаго вѣдомства значительно упорядочилось, и представилась возможность употреблять въ работу даже такихъ арестантовъ, какъ военные дезертиры, до полученія надлежащихъ о нихъ справокъ [3]), тогда какъ при существовавшей волокитѣ на эти справки требовалось очень много времени.

Самый порядокъ отпуска крѣпостныхъ арестантовъ на работы и порядокъ присмотра за ними въ крѣпостяхъ также былъ установленъ указомъ [4]), такъ какъ малочисленныя инженерныя команды фактически не могли наблюдать за арестантами во время работъ, что отражалось на успѣхѣ работъ и на поведеніи арестантовъ.

ПУНКТЫ КРѢПОСТНОЙ РАБОТЫ.

Слѣдующимъ очереднымъ вопросомъ, вызывавшимъ заботы правительства, былъ вопросъ о болѣе правильномъ распредѣленіи арестантовъ по различнымъ крѣпостямъ. Въ 1811 году уже встрѣчаются указанія на желаніе правительства точнѣе опредѣлить пункты ссылки лицъ, назначенныхъ въ крѣпостную работу [5]). Въ 1813 и слѣдующихъ годахъ приказано было [6]) тѣхъ преступниковъ, которые присуждены будутъ къ долговременной или вѣчной работѣ, отсылать въ Выборгъ, а находящихся въ Финляндіи нижнихъ чиновъ, осужденныхъ за третьи побѣги, предписывалось отсылать въ крѣпостную работу на Аландъ или въ Свеаборгъ [7]) (т. е. въ мѣста, откуда было затруднительно совершить побѣгъ); черезъ два года осужденные въ крѣпостную работу стали отсылаться въ губернскія правленія, въ чертѣ которыхъ состояли крѣпости [8]), съ означеніемъ въ спискахъ, при которыхъ они препровождались, ихъ званія, преступленія и срока наказанія.

Впрочемъ, правительство попрежнему продолжаетъ указывать

---

[1]) П. С. З., т. XXX, №№ 24.063 и 24.050.
[2]) П. С. З., т. XXX, № 19.344.
[3]) П. С. З., т. XXX, № 23.455.
[4]) П. С. З., т. XXXI, № 24. 177.
[5]) П. С. З., т. XXXI, № 24. 577.
[6]) П. С. З., т. XXXII, №№ 25. 320 и 25. 486.
[7]) П. С. З., т. XXXII, № 25. 486.
[8]) П. С. З., т. XXXIII, № 25. 960.

пункты ссылокъ на крѣпостную работу преступниковъ, въ зависимости отъ рода и характера совершенныхъ ими преступленій; вслѣдствіе чего опять предписано было отсылать въ крѣпостную работу преступниковъ по указу 1813 года.

Указывая пункты крѣпостныхъ работъ, правительство не только принимало въ соображеніе потребность въ томъ или иномъ мѣстѣ въ рабочихъ рукахъ, но и затраты по пересылкѣ арестантовъ; вотъ почему, напримѣръ, предписано было изъ внутреннихъ губерній не высылать женщинъ, осужденныхъ въ крѣпостную работу, въ Финляндію [1]).

Въ 1816 году даже указанъ былъ порядокъ содержанія арестантовъ для уменьшенія казенныхъ расходовъ.

Наконецъ, въ 1817 году вопросъ о пунктахъ крѣпостныхъ работъ былъ окончательно рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что издано было расписаніе тѣхъ крѣпостей, куда нужно было направлять арестантовъ, присылаемыхъ по опредѣленію гражданскаго начальства, а именно:

Въ Динабургъ—изъ губерній: Новгородской, Тверской, Псковской, Смоленской, Виленской, Лифляндской, Эстляндской, Витебской, Могилевской, Курляндской, Минской и Гродненской.

Въ Бобруйскъ — изъ губерній: Московской, Ярославской, Костромской, Владимірской, Калужской, Тульской, Орловской, Нижегородской, Кіевской, Черниговской и Бѣлостокской области.

Въ Херсонъ (Ахтіаръ)—изъ губерній: Рязанской, Тамбовской, Курской, Воронежской, Слободско-Украинской, Екатеринославской, Херсонской, Саратовской, Пензенской, Полтавской и Таврической.

Въ Оренбургъ—изъ губерній: Казанской, Вятской, Симбирской и Оренбургской.

Въ Динамюндъ—изъ губерній: Вологодской, Архангельской и Олонецкой.

Въ Бендеры — изъ губерній: Подольской, Волынской и Бессарабской и изъ Донской области.

Въ Омскъ—изъ Сибирскихъ областей.

Въ Георгіевскъ—изъ мѣстностей Кавказа.

Въ Свеаборгъ—изъ Финляндіи.

Изъ Петербургской-же губерніи осужденные направлялись:

---

[1]) П. С. З., т. XXXIII, № 26. 228.

вѣчные — въ Выборгъ или Фридрихсгамъ, временные — въ Динабургъ [1]).

Однако, такое разрѣшеніе вопроса далеко не оказалось цѣлесообразнымъ. Черезъ четыре, приблизительно, года выяснилось, что «отсылаемые на основаніи сего распоряженія арестанты въ числѣ своемъ столь увеличились, что нѣтъ теперь никакой возможности содержать ихъ и размѣщать въ крѣпостяхъ, что люди сіи, въ крѣпостяхъ годъ отъ году накопляясь, нынѣ превышаютъ надобность въ оныхъ».

Такъ неудачно закончилась попытка установить постоянные, точно опредѣленные пункты крѣпостныхъ работъ. Пришлось принимать особыя мѣры къ устраненію чрезмѣрнаго скопленія арестантовъ и предписать на будущее время отправлять осужденныхъ въ работу, вмѣсто крѣпостей, въ Сибирь, или туда-же на поселеніе. На случай-же возникновенія нужды въ какой-либо крѣпости въ рабочихъ рукахъ, военное министерство оставило за собою право указывать— откуда и сколько арестантовъ слѣдуетъ предоставить въ его распоряженіе [2]).

БЫТЪ КРѢПОСТНЫХЪ АРЕСТАНТОВЪ.

На ряду съ заботами о распредѣленіи арестантовъ, правительство было озабочено и объ упорядоченіи ихъ быта; на первый планъ при этомъ выдвигался вопросъ о призрѣніи крѣпостныхъ невольниковъ, впавшихъ въ инвалидность и утратившихъ трудоспособность за слабостью и старостью. Въ 1817 году Комитетъ Министровъ, обсудивъ этотъ вопросъ, нашелъ, что такихъ неспособныхъ къ труду арестантовъ слѣдуетъ отсылать въ Тобольскую губернію. Однако Императоръ Александръ I съ докладомъ Комитета Министровъ не согласился, указавъ что онъ несправедливъ. Государь вполнѣ основательно находилъ, что въ такомъ случаѣ «увольняемые отъ крѣпостныхъ работъ невольники вторично будутъ наказываемы ссылкою въ Сибирь послѣ многолѣтней въ крѣпостяхъ работы, которая истощила ихъ силы и здоровье». На этомъ основаніи Императоръ повелѣлъ «оставлять ихъ въ губерніяхъ при различныхъ заведеніяхъ, гдѣ могутъ еще они чѣмъ-нибудь быть заняты: напримѣръ, содержаніемъ чистоты и т. п., а ни къ какому употребленію неспособныхъ распредѣлять въ богадѣльни» [3]).

---

[1]) П. С. З., т. XXXIV, № 27.095.
[2]) П. С. З., т. XXXVII, № 28.984; т. XXXVIII, № 29.328.
[3]) П. С. З., т. XXXIV, № 26.695.

Въ 1818 году затѣмъ было издано особое «Положеніе» о крѣпостныхъ арестантахъ, неспособныхъ къ работѣ [1]), а въ 1820 году послѣдовало распоряженіе объ учрежденіи особыхъ помѣщеній для крѣпостныхъ арестантовъ, впавшихъ въ инвалидность или утерявшихъ трудоспособность за старостью [2]).

Слѣдующимъ вопросомъ, близко касавшимся быта крѣпостныхъ арестантовъ, былъ вопросъ объ ихъ содержаніи; на таковое имъ отпускалось по 11 руб. 31 коп. въ годъ на человѣка; однако, въ виду вздорожанія продуктовъ, въ 1819 году этотъ окладъ былъ увеличенъ и на содержаніе арестантовъ было прибавлено въ Динабургѣ по 26 руб. 5 к., въ Бобруйскѣ—по 25 р., а въ остальныхъ крѣпостяхъ—по 7 руб. 80 коп. въ годъ на человѣка [3]); при отправленіи на работу ихъ снабжали нужною по времени года одеждою [4]); также установлены были правила о вещевомъ довольствіи крѣпостныхъ арестантовъ [5]).

Чтобы судить о томъ, сколько крѣпостныхъ арестантовъ числилось ко времени изданія новаго о нихъ «Положенія», приведемъ данныя за 1819 годъ: всего крѣпостныхъ арестантовъ въ этомъ году числилось около 4000 человѣкъ; наибольшее изъ нихъ число находилось въ Динабургѣ (530 человѣкъ) и въ Бобруйскѣ (350 человѣкъ), такъ что на всѣ прочія крѣпости приходилось около 3120 человѣкъ. Въ такомъ положеніи находилось дѣло организаціи ссылки въ крѣпостную работу, когда въ концѣ 1821 года въ военномъ министерствѣ поднятъ былъ вопросъ о передачѣ крѣпостныхъ арестантовъ и бродягъ изъ инженернаго вѣдомства въ вѣдѣніе комендантовъ. По этому поводу составлена была записка, которая, по разсмотрѣнію ея въ Комитетѣ Министровъ, была 10 декабря утверждена, такъ что съ этихъ поръ все завѣдываніе крѣпостными арестантами перешло въ руки мѣстныхъ комендантовъ [6]).

Общій выводъ.

Очевидно, такая организація крѣпостныхъ работъ и быта крѣпостныхъ арестантовъ, несмотря на частичныя улучшенія, не могла

---

[1]) П. С. З., т. XXXV, № 27.487.
[2]) П. С. З., т. XXXVII, № 28.190.
[3]) П. С. З., т. XXXVI, №№ 27.720, 27.918.
[4]) П. С. З. т. XXXV, № 27.225.
[5]) П. С. З., №№ 27.487, 27.918, 28.108.
[6]) П. С. З., т. XXXVII, № 28. 829.

быть признана удовлетворительной. Особенно вредное вліяніе на бытъ крѣпостныхъ невольниковъ оказывалъ чрезвычайно пестрый въ нравственномъ отношеніи составъ арестантскаго контигента. На ряду съ сосланными въ работу за безписьменность, на ряду съ несостоятельными должниками [1]), здѣсь, въ тѣсномъ съ ними общеніи, находились и люди совершенно порочные. Растлѣвающее вліяніе послѣднихъ было еще сильнѣе, вслѣдствіе неблагоустройства быта крѣпостныхъ арестантовъ и отсутствія достаточнаго за ними надзора. Между тѣмъ, арестанты гражданскаго вѣдомства не были вовсе отдѣлены въ крѣпостяхъ отъ арестантовъ военнаго вѣдомства, а военно-срочные арестанты не исключались изъ военной службы и, по отбытіи наказанія, возвращались обратно въ войсковыя части, заражая эти послѣднія. Мало того, въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ труда, въ тѣсномъ общеніи съ арестантами въ крѣпостяхъ работали и строевые нижніе чины, которые не могли не поддаваться вліянію арестантской общины. Правда, армія того времени въ значительномъ количествѣ вмѣщала въ своемъ составѣ преступниковъ и бродягъ [2]), попадавшихъ въ наказаніе на военную службу, но тѣмъ не менѣе вполнѣ основательно господствовавшее въ то время мнѣніе, что крѣпости представлялись очагами разврата, откуда онъ распространялся въ войсковую среду.

При такихъ условіяхъ радикальная реорганизація ссылки въ крѣпостную работу представлялась настоятельно необходимой, тѣмъ болѣе, что, съ учрежденіемъ военно-рабочихъ ротъ, крѣпостные арестанты стали разсматриваться какъ естественное подспорье военно-рабочимъ не только въ крѣпостной работѣ, но и для укомплектованія ежегодной убыли въ военно-рабочихъ частяхъ.

КРѢПОСТНЫЯ АРЕСТАНТСКІЯ РОТЫ.

Августѣйшій Генералъ-Инспекторъ по инженерной части Великій Князь Николай Павловичъ рѣшился, наконецъ, реформировать крѣпостную работу. По его представленію, 3 іюня 1823 года, было Высочайше утверждено новое «Положеніе для образованія крѣпостныхъ арестантовъ въ Динабургѣ и Выборгѣ въ арестантскія роты», предварительно разсмотрѣнное и одобренное 23 марта того же года Великимъ Княземъ. Какъ указано было выше,

---

[1]) П. С. З., т. XXX, № 18.140, ст. 3.
[2]) П. С. З., т. XXXV, № 27.528.

въ этихъ крѣпостяхъ стекалось наибольшее количество арестантовъ, а слѣдовательно результаты перваго опыта были-бы болѣе наглядны.

Этимъ Положеніемъ одновременно образовано было 15 рот, изъ которыхъ семь — въ Динабургѣ и восемь — въ Бобруйскѣ; роты эти получили наименованіе «крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ». Вслѣдъ затѣмъ были сформированы такія-же роты: двѣ—въ Ревелѣ, двѣ—въ Ригѣ и три—въ Кронштадтѣ. Такимъ образомъ всего въ царствованіе Александра I были образованы двадцать двѣ крѣпостныя арестантскія роты, которыя дѣлились на военно-арестантскія роты, комплектовавшіяся изъ осужденныхъ преступниковъ и бродягъ военнаго вѣдомства, и арестантскія роты гражданскаго вѣдомства.

Роты эти состояли изъ чиновъ постояннаго и перемѣннаго состава; къ первымъ принадлежали: командующій ротою въ штабъ-или оберъ-офицерскомъ чинѣ, 4 младшихъ офицера, фельдфебель, 16 унтеръ-офицеровъ и барабанщикъ. Этотъ постоянный кадръ могъ измѣняться въ количественномъ отношеніи, такъ какъ «въ случаѣ, если бы число арестантовъ потребовало умноженія унтеръ-офицеровъ, оные прикомандировываются изъ служащихъ или неслужащихъ инвалидовъ».

Перемѣнный составъ составляли арестанты, которыхъ по штату полагалось по 120 человѣкъ въ каждую роту. Однако, въ дѣйствительности количество арестантовъ въ ротѣ въ продолженіе царствованія Императора Александра I никогда не достигало штатнаго числа повидимому потому, что организація арестантскихъ ротъ къ этому времени еще не была вполнѣ закончена. Изъ составленнаго для Императора Николая I отчета [1]), между прочимъ видно, что къ 1-му января 1826 года всего числилось сведенныхъ въ роты арестантовъ 396 человѣкъ, при 88 офицерахъ (въ 15 ротахъ), тогда какъ по штату ихъ должно было состоять 1800 человѣкъ.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО РОТЪ.

Арестантская рота, для облегченія надзора и для внутренняго порядка, дѣлилась на отдѣленія, подчиненныя унтеръ-офицерамъ и состоявшія изъ 8—12 человѣкъ. Составляя, такъ сказать, административно-строевую часть роты, отдѣленія въ то же время служили для классификаціи заключенныхъ, такъ какъ арестанты въ нихъ подбирались по «равному приговору осужденію».

---

[1]) Сборникъ Имп. Р. Ист. Общ., т. XLVIII, стр. 410.

Такимъ образомъ, военно-арестантскія роты получили совершенно военную организацію, въ чемъ несомнѣнно отразилась склонность Николая Павловича къ строевому шаблону, къ казарменному типу, составлявшая характерную черту большинства его мѣропріятій; этотъ типичный отпечатокъ Николаевскаго времени сохранился и до сихъ поръ на всѣхъ памятникахъ той эпохи, начиная съ «николаевскихъ» инвалидовъ и до архитектурныхъ сооруженій включительно.

Чины постояннаго состава арестантскихъ ротъ получали отъ казны прежнее жалованье по окладамъ. Офицерамъ и нижнимъ чинамъ присвоена была форма обмундированія служащихъ инвалидовъ и, сверхъ того, имъ присвоены были особыя трости, которыя они должны были имѣть при себѣ во время отправленія службы, или, какъ значилось въ Положеніи,—офицеры «въ рукѣ имѣютъ трость тростниковую съ костяною головкою», такую же «тростниковую трость» имѣли и фельдфебеля, а унтеръ-офицеры «обыкновенную». Характерно отмѣтить, что тростниковыя палки, составлявшія принадлежность формы обмундированія офицеровъ и унтеръ-офицеровъ всѣхъ войскъ въ эпоху Императора Павла I, были вновь возстановлены для офицерскихъ и унтеръ-офицерскихъ чиновъ крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ, что, безъ сомнѣнія, указываетъ на установленный въ тѣхъ ротахъ режимъ.

Порядокъ распредѣленія арестантовъ въ военно-арестантскихъ ротахъ и въ ротахъ гражданскаго вѣдомства установленъ былъ различный; во-первыхъ, арестанты дѣлились на два разряда: военные арестанты, осужденные къ крѣпостной работѣ на срокъ, назначались въ первыя отдѣленія по старшинству и составляли первый разрядъ—военно-срочныхъ арестантовъ; бродяги или бѣглые военнаго вѣдомства, «кои за справками остаются въ крѣпостныхъ арестантахъ», составляли второй разрядъ и дѣлились также на отдѣленія.

Въ арестантскихъ-же ротахъ гражданскаго вѣдомства хотя и сохранялось также раздѣленіе на отдѣленія, но съ тою разницей, что всѣ «присужденные къ вѣчному заточенію» или, такъ называемые «вѣчные» арестанты, поступали въ одну роту, сколько бы ихъ не было; слѣдовательно, и число арестантовъ въ ротѣ зависѣло исключительно отъ числа приговоренныхъ; эти роты дѣлились на отдѣленія, при чемъ за основаніе при такомъ раздѣленіи принималось знаніе ими извѣстнаго мастерства, «къ коимъ (они) пріучены или пріучаются», а потому

«для пріученія» мастерству вѣчный арестантъ могъ попасть и въ любое другое отдѣленіе роты, да и отдѣленій, одинаковыхъ по мастерству, могло быть въ ротѣ по нѣсколько.

Приговоренные къ срочному заключенію арестанты гражданскаго вѣдомства поступали въ другую роту и, равнымъ образомъ, дѣлились на отдѣленія «по возможности» по своимъ ремесламъ; наконецъ, бродяги дѣлились на столько ротъ, «сколько по числу придется, имѣя отъ 100 до 140 человѣкъ въ ротѣ».

Что-же касается раздѣленія бродягъ въ ротахъ на отдѣленія, то оно зависѣло: 1) отъ числа лѣтъ осужденныхъ и 2) «отъ подозрѣнія, на нихъ лежащаго». Этотъ послѣдній критерій вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе и, надо полагать, что подъ нимъ разумѣлись тѣ преступленія, въ совершеніи которыхъ подозрѣвались бродяги, скрывавшіе свое имя и прозвище до выясненія путемъ справокъ ихъ личности и прошлаго. Дѣленіе по возрастамъ производилось такимъ образомъ, что люди, приблизительно, однихъ лѣтъ составляли одно отдѣленіе, другихъ — второе и т. д. Надо замѣтить, что при разбивкѣ бродягъ по ротамъ также принимался въ соображеніе ихъ возрастъ, такъ, что «самые молодые, т. е. моложе 30 лѣтъ», составляли одну роту, «старѣе же сего» поступали въ другую роту.

ВНУТРЕННІЙ ПОРЯДОКЪ ВЪ РОТАХЪ.

Согласно «Положенію», арестанты всѣхъ вообще отдѣленій подчинены были однообразному режиму, выражавшемуся въ «строжайшей военной дисциплинѣ»; имъ ни подъ какимъ видомъ не позволялось носить другой одежды, кромѣ той, которая была для нихъ установлена и выдавалась имъ по положенію; содержать ихъ предписывалось въ «наилучшей чистотѣ»; они должны были быть острижены, вымыты и выбриты, «какъ бы находились на службѣ». Офицеры, присужденные къ заключенію въ роты, не составляли исключенія и подчинялись установленному режиму наравнѣ съ прочими арестантами.

ПОРЯДОКЪ ОТПРАВЛЕНІЯ НА РАБОТУ.

Положеніе 1823 года особенно требовало соблюденіе внѣшняго порядка арестантами внѣ мѣстъ заключенія, а потому изъ тюрьмы ихъ выпускали только на работу, съ соблюденіемъ при этомъ особыхъ правилъ, гарантирующихъ внѣшній порядокъ.

Передъ выходомъ арестантовъ изъ тюрьмы барабанщикъ долженъ былъ бить сборъ. По этому сигналу арестанты выходили и строились «въ своихъ отдѣленіяхъ, шеренгахъ и рядахъ», т. е. по строевому уставу.

Тогда производилась перекличка, по окончаніи которой арестантовъ строемъ, соблюдая полный порядокъ, вели на работу, при чемъ передъ каждымъ отдѣленіемъ шелъ унтеръ-офицеръ съ тростниковой палкой; всѣ движенія производились «командными словами» также по строевому уставу.

При окончаніи работъ вторично били сборъ и арестанты, построившись тѣмъ-же порядкомъ, возвращались въ тюрьму. На работы арестанты слѣдовали обязательно при одномъ изъ младшихъ офицеровъ роты, по очереди, который и обязанъ былъ оставаться цѣлый день при арестантахъ, наблюдая за порядкомъ во время производства работъ, а затѣмъ къ вечеру приводить арестантовъ обратно въ тюрьму. «Сіе разумѣть должно — прибавляетъ «Положеніе» — про тѣ роты, кои состоятъ изъ людей, не знающихъ особаго мастерства и водимыхъ цѣлой ротой на работу».

Что-же касается тѣхъ ротъ, которыя состояли изъ мастеровыхъ, то въ нихъ арестанты дробились «на участки» подъ начальствомъ и наблюденіемъ унтеръ-офицеровъ, но одинъ изъ офицеровъ обязательно долженъ былъ присутствовать при выходѣ и возвращеніи этихъ отдѣльныхъ командъ и лично увѣриться—«достаточно-ли за ними присматриваютъ». Въ помощь ротной администраціи назначался отъ крѣпостного гарнизона конвой, при чемъ на обязанности коменданта лежало наблюденіе за тѣмъ, чтобы нарядъ сей былъ достаточный для безопасности.

Такимъ образомъ, приняты были возможныя мѣры къ предупрежденію побѣга или нарушенія порядка арестантами; а для того, чтобы гарантировать невозможность подкупа конвоя, Положеніемъ предписывалось: «по рукамъ денегъ арестантамъ никогда не раздавать и строго смотрѣть, чтобы они оныхъ не получали со стороны».

ПОЛОЖЕНІЕ АРЕСТАНТОВЪ ИЗЪ ОФИЦЕРОВЪ

Относительно разжалованныхъ по суду офицеровъ, приговоренныхъ въ военно-арестантскія роты, слѣдуетъ замѣтить, что имъ не только не дѣлали никакихъ исключеній, но, напротивъ того, строгость режима по отношенію къ нимъ особенно подчеркивалась въ Положеніи 1823 года; такъ, въ немъ особо указывалось, во-первыхъ, что «лишенные чиновъ офицеры должны быть одѣты и содержимы безъ всякаго различія отъ прочихъ арестантовъ»; во-вторыхъ, они поступали въ тѣ отдѣленія, «коимъ принадлежатъ по учиненному надъ ними приго-

вору», т. е. сообразно совершеннаго преступленія и наказанія, за него присужденнаго; затѣмъ, въ-третьихъ, «разжалованнымъ» арестантамъ «воспрещено было давать чернила, бумагу, перья, книги и тому подобное».—Такое ограниченіе, имѣющее цѣлью предупредить возможность сношенія съ внѣшнимъ міромъ, а съ другой—возможность доносовъ, кляузъ и пр., имѣло чисто полицейскій характеръ, и надо полагать, относилось не только къ разжалованнымъ офицерамъ, но и ко всѣмъ грамотнымъ арестантамъ; въ этомъ насъ убѣждаетъ и дальнѣйшій текстъ закона, глясящій: «равнымъ образомъ (воспрещается давать) ножи и всякій инструментъ. Когда починка ихъ платья или обуви требуетъ отпуска иголъ, шила и проч., то оное отпускается единственно для означеннаго употребленія и по минованіи надобности тотчасъ отбирается назадъ». Очевидно, что одѣтые одинаково съ прочими арестантами разжалованные офицеры въ особомъ отпускѣ «иголъ, шила» и пр. не нуждались. Что-же касается стремленія со стороны разжалованныхъ офицеровъ всякими путями добиваться измѣненій своей участи, для чего они не только прибѣгали къ принесенію всякихъ жалобъ и прошеній, но даже лично обращались къ Государю Императору, то на это обстоятельство указываетъ, напримѣръ, такой случай, о которомъ упоминается въ приказѣ Августѣйшаго Генералъ-Инспектора отъ 4-го сентября 1825 года, отданномъ въ г. Динабургѣ [1]). Изъ этого приказа видно, что «поступившій въ крѣпостные арестанты изъ разжалованныхъ по суду офицеровъ, съ лишеніемъ дворянства, и потомъ освобожденный отъ крѣпостной работы и переименованный Высочайшимъ повелѣніемъ въ рядовые, съ опредѣленіемъ на службу въ Могилевскій пѣхотный полкъ, Дмитрій Брандтъ, учинилъ изъ полка побѣгъ и, въ 17-й день послѣ отлучки, явился въ Царское Село въ партикулярномъ платьѣ». Остановившись здѣсь на какомъ-то постояломъ дворѣ, Брандтъ выжидалъ случая осуществить, такъ или иначе, свое непреклонное рѣшеніе принести Государю Императору личную жалобу на несправедливости и якобы беззаконія, имъ претерпленныя. Распрашивая мѣстныхъ жителей о привычкахъ Государя, онъ узналъ, что Александръ Павловичъ имѣлъ обыкновеніе ежедневно прогуливаться по парку. Брандтъ рѣшилъ дождаться встрѣчи съ Императоромъ въ Царскосель-

[1]) Инж. Арх. Приказы Ген. Ин. 1825 г. № 67.

скомъ паркѣ, но, не зная парка, заблудился въ немъ и вышелъ къ такъ называемой Китайской деревнѣ, въ которой проживали въ то время нѣкоторые придворные чины и сановники. Тутъ-же жилъ и знаменитый историкъ Николай Михайловичъ Карамзинъ. Тогда Брандтъ рѣшилъ воспользоваться содѣйствіемъ Карамзина, извѣстнаго своей доступностью, и попросилъ камеръ-лакея доложить о себѣ. Карамзину онъ отрекомендовался несчастнымъ, преслѣдуемымъ судьбою, офицеромъ и просилъ его покровительства и заступничества передъ Государемъ; въ живыхъ краскахъ обрисовалъ онъ свою печальную исторію и настолько заинтересовалъ отзывчиваго Николая Михайловича, что послѣдній обѣщалъ замолвить объ немъ при случаѣ слово Государю; особенно тронула Карамзина просьба Брандта позволить ему оказать посильную помощь въ историческихъ его трудахъ. Карамзинъ, дѣйствительно, разсказалъ за обѣдомъ во дворцѣ Государю исторію Брандта, упомянувъ и объ оригинальномъ предложеніи послѣдняго сотрудничества въ историческихъ его изслѣдованіяхъ. Разумѣется, обо всемъ этомъ стало извѣстно и Николаю Павловичу, который и разразился громовымъ приказомъ, въ которомъ особо ставилъ на видъ, что онъ, Генералъ-Инспекторъ, не имѣлъ еще о побѣгѣ Брандта «ни отъ кого донесенія».

Случай этотъ не остался безъ послѣдствій. Въ 1830-мъ году Николаемъ Павловичемъ издано было повелѣніе отдавать въ разрядъ всегдашнихъ арестантовъ тѣхъ, которые, «будучи отправлены, по конфирмаціямъ начальства, въ крѣпостную работу на срокъ, прежде окончанія сихъ сроковъ, по особой милости Его Величества, были обращены на службу въ пѣхотные полки... и, не восчувствовавъ сей милости, вновь сдѣлаютъ побѣги».

ПОРЯДОКЪ УПРАВЛЕНІЯ И НАДЗОРА.

Въ порядкѣ управленія и надзора арестантскія роты находились «въ полной зависимости отъ крѣпостного коменданта», который и являлся отвѣтственнымъ «за строгое наблюденіе правилъ, существующихъ на содержаніе и присмотръ за арестантами». На него возложена была также обязанность по обмундированію и вещевому довольствію арестантскихъ ротъ; одежда же отпускалась ему въ готовомъ видѣ отъ комиссаріата; комендантъ обязанъ былъ также наблюдать за денежнымъ довольствіемъ чиновъ ротъ, но приходорасходчиками являлись ротные командиры, въ распоряженіе которыхъ и отпу-

скались суммы на жалованье и аммуницію чиновъ роты. Словомъ, по «Положенію», ротные командиры должны быть «настоящими помощниками» коменданта по хозяйственной части въ арестантскихъ ротахъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что исторически сложившійся у насъ обычай собиранія пожертвованій и милостыни въ пользу заключенныхъ отразился и въ «Положеніи», въ которомъ въ § 13 говорится: «Кружку для подаяній въ пользу арестантовъ имѣть позволяется въ церкви гарнизона того мѣста, гдѣ состоятъ арестанты; кружка должна быть за печатью коменданта, а деньги употреблять на улучшеніе пищи арестантовъ, но за личнымъ присмотромъ самого коменданта».

Такимъ образомъ комендантъ и ротный командиръ были главнѣйшими и отвѣтственными начальниками въ арестантскихъ ротахъ и въ дѣятельности своей въ ротахъ руководились «подробной инструкціей, для порядка данной». Весь остальной служебный персоналъ былъ имъ подчиненъ; при назначеніи офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ постоянный составъ ротъ, имъ не предъявлялось требованія какого-либо ценза, а ставилось лишь условіемъ, чтобы «выборъ офицеровъ» былъ сдѣланъ «со всевозможнымъ тщаніемъ изъ корпуса внутренней стражи», а нижніе чины могли быть даже назначаемы «изъ служащихъ инвалидовъ отличнаго поведенія». Отсутствіе болѣе опредѣленнаго ценза привело къ тому, что составъ администраціи ротъ, въ дѣйствительности, какъ о томъ позволяютъ судить приказы Генералъ-Инспектора, — не отличался хорошимъ подборомъ.

БЫТЪ ВОЕННЫХЪ АРЕСТАНТОВЪ.

Въ самомъ Положеніи предусматривались возможныя со стороны администраціи злоупотребленія; § 14, напримѣръ, содержитъ «наистрожайшее» запрещеніе «употреблять арестантовъ на другія работы, кромѣ крѣпостныхъ, а особенно на исправленіе частныхъ или партикулярныхъ работъ и порученій».

Въ книгѣ-же приказовъ Генералъ-Инспектора встрѣчаются зачастую взысканія, налагаемыя за нарушеніе именно этой статьи «Положенія», а въ особенности за употребленіе офицерами арестантовъ въ качествѣ прислуги; это-же воспрещеніе установлено было даже особыми указами [1]).

[1]) П. С. З., т. XXXVII, № 28.702.

Что касается быта арестантовъ въ крѣпостныхъ ротахъ, то онъ мало чѣмъ отличался отъ быта военно-рабочихъ, за исключеніемъ лишь порядка содержанія заключенныхъ. То же артельное устройство, но гораздо болѣе скудно обставленное, потому что арестантовъ не отпускали на вольныя работы, и единственнымъ источникомъ на улучшеніе пищи служили кружечный сборъ, да изрѣдка, по милости Великаго Князя, назначаемыя наградныя деньги. Жалованья арестантамъ не полагалось. Физическое благосостояніе арестантовъ и санитарно-гигіеническое состояніе ротъ далеко не были удовлетворительными, на что встрѣчаются указанія въ приказахъ того времени Генералъ-Инспектора. Наконецъ, обращеніе съ арестантами не могло отличаться гуманностью, и если тѣлесныя наказанія, въ особенности шпицрутены, играли огромную роль въ военно-рабочихъ организаціяхъ, то въ арестантскихъ—они именно процвѣтали, принимая подчасъ весьма тяжелую форму. Эмблемой такого обращенія съ арестантами могли служить тѣ «тростниковыя трости», которыя составляли неотъемлемую принадлежность формы обмундированія арестантской администраціи.

Всѣ арестанты, за исключеніемъ вѣчныхъ, содержались безъ кандаловъ; вѣчные же арестанты обязательно заковывались и даже не освобождались отъ оковъ во время работъ. Хотя ко времени изданія Положенія 1823 года цѣпи эти были облегчены [1]), но тѣмъ не менѣе заковываніе, по своей мучительности, представлялось значительнымъ дополнительнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ [2]).

Поэтому-то побѣги изъ арестантскихъ ротъ, несмотря на усиленіе конвоя и на всю строгость окарауливанія заключенныхъ, представлялись нерѣдкимъ случаемъ; тѣмъ болѣе, что главный контингентъ крѣпостныхъ арестантовъ составлялся изъ нижнихъ чиновъ, отданныхъ въ работы за неоднократные побѣги. Съ цѣлью пресѣченія такихъ случаевъ, начальникъ штаба инженерныхъ войскъ вошелъ въ 1830 году даже съ представленіемъ, чтобы командиры рѣшали вполнѣ самостоятельно дѣла о побѣгахъ арестантовъ, при чемъ имѣли право, сверхъ тѣлеснаго наказанія, переводить такихъ дезертировъ въ разрядъ вѣчныхъ арестантовъ. Представленіе это было утверждено [3]). Еще

[1]) П. С. З., т. XXXVIII, № 28.984.
[2]) П. С. З., т. XXXVIII, №№ 29.597, 29.006.
[3]) Отчетъ Генералъ-Аудиторіата 1830 года.

раньше, въ 1823 году, создана была даже подсудность арестантовъ гражданскаго вѣдомства военному суду по Воинскому Уставу (т. е. наказывались шпицрутенами) за побѣги, тогда какъ за другія преступленія они подлежали гражданскому суду [1]). Наконецъ, для облегченія задержанія бѣглыхъ арестантовъ и удержанія ихъ отъ побѣговъ въ 1825 году предписано было брить арестантамъ головы [2]).

НАДЗОРЪ ВОЕННАГО НАЧАЛЬСТВА ЗА МѢСТАМИ ЗАКЛЮЧЕНІЯ ВОЕННАГО ВѢДОМСТВА.

Съ одной стороны, злоупотребленіе администраціи, съ другой— необходимость принятія болѣе рѣшительныхъ мѣръ воздѣйствія на арестантовъ, привели къ тому, что въ 1824 году изданъ былъ указъ, предписывавшій Корпуснымъ и Дивизіоннымъ командирамъ и начальникамъ Главныхъ Штабовъ, при осмотрѣ войскъ, осматривать обязательно и военныхъ арестантовъ, «въ острогахъ и другихъ мѣстахъ заключенія обрѣтающихся» [3]).

Указъ этотъ имѣетъ существенное значеніе: онъ впервые и вполнѣ опредѣленно предоставляетъ военному начальству право надзора за арестантами, принадлежащее въ гражданскомъ вѣдомствѣ прокурорскому надзору, устраняя отъ этой обязанности лицъ военно-судебнаго вѣдомства. Положеніе это, впослѣдствіи, привело къ такому ненормальному явленію, что вся военно-тюремная часть была, какъ-бы, совершенно изъята изъ вѣдѣнія военной юстиціи и передана исключительно административной власти. Военно-тюремная часть оказалась, такимъ образомъ, отрѣзанною отъ суда, а слѣдовательно, и лишена болѣе компетентнаго руководительства и надзора, что, безспорно, не могло не отразиться и на правильности развитія у насъ военно-тюремнаго дѣла даже въ тотъ послѣдующій періодъ, когда на военныя мѣста заключенія возложена была уже спеціальная задача исправленія преступниковъ, т. е. задача, чуждая по существу роли военнаго начальства.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Такимъ образомъ, Положеніе 1823 года является первою попыткою обособить военно-тюремную часть отъ общей и дать ей болѣе раціональную, въ военномъ отношеніи, организацію. Однако, это Положеніе не внесло чего-либо новаго, такъ какъ цѣликомъ построено было на устарѣломъ утилитарномъ взглядѣ на цѣль воинскаго наказанія, и наказываемый хотя и пріобрѣлъ болѣе соотвѣтствующее наименованіе арестанта, т. е.

---

[1]) П. С. З., т. XXXVIII, № 28.946.
[2]) П. С. З., т. XL, № 30.211.
[3]) П. С. З., т. XXXIX, № 29.807.

лишеннаго свободы, но въ сущности, оставался все тѣмъ-же крѣпостнымъ невольникомъ, простой рабочей силой, а не объектомъ воздѣйствія въ цѣляхъ нравственнаго его исправленія и дисциплинированія его воли. Тѣмъ не менѣе система устрашенія путемъ наказанія уступила уже мѣсто принципу огражденія общества отъ преступниковъ, отсюда и болѣе широкое развитіе наказаній, направленныхъ на лишеніе свободы.

Съ другой стороны, съ изданіемъ Положенія 1823 года военные арестанты рѣзкой чертой отдѣляются отъ колодниковъ гражданскаго вѣдомства и, сохраняя возможность по отбытіи наказанія возвратиться въ свою часть, продолжаютъ и во время наказанія разсматриваться какъ военнослужащіе; въ военно-арестантскихъ ротахъ они не только не забываютъ строевой муштры, господствовавшей въ то время въ войскахъ, но даже совершенствуются въ ней, пріучаются къ строгой воинской дисциплинѣ. Высшій-же надзоръ за военно-арестантскими ротами, предоставленный высшему военному начальству, представляется связью, неизбѣжно долженствующей состоять между арміей и военно-тюремной организаціей. Однако, связь эта была только внѣшняя съ одной стороны, а съ другой—устранивъ вліяніе военной юстиціи на военно-тюремное дѣло, правительство лишило тѣмъ самымъ военныхъ арестантовъ той гарантіи закономѣрности въ примѣненіи къ нимъ наказанія, которая въ гражданскомъ вѣдомствѣ обезпечивалась участіемъ въ дѣлѣ прокурорскаго надзора, обязаннаго блюсти законъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, между судомъ, назначающимъ наказаніе, и учрежденіемъ, осуществляющимъ это наказаніе, какъ-бы воздвигалась искусственно стѣна, на долгое время помѣшавшая видѣть самое существенное въ военно-тюремномъ дѣлѣ — цѣлесообразность воинскаго наказанія.

Итакъ, первую попытку организаціи военно-тюремной части нельзя было признать удачной, но она все-таки представляется значительнымъ шагомъ впередъ; со времени изданія Положенія 1823 года, собственно говоря, только и является возможность говорить о возникновеніи у насъ, въ Россіи, спеціальной организаціи военно-тюремнаго заключенія.

ГЛАВА III.

ТЮРЬМА ВЪ 1-ОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX-ГО ВѢКА.

ЮРЕМНОЕ заключеніе, въ прямомъ смыслѣ этого слова, отбывалось въ первой четверти XIX столѣтія военнослужащими попрежнему въ общихъ мѣстахъ заключенія; въ этомъ отношеніи они были вполнѣ въ одинаковыхъ условіяхъ съ прочими русскими гражданами.

Тѣмъ не менѣе, въ царствованіе Императора Александра I мы наблюдаемъ не только попытку упорядочить до нѣкоторой степени тюремную часть въ Россіи, но и поставить, въ частности, военныхъ арестантовъ, отбывающихъ заключеніе въ гражданскихъ тюрьмахъ, въ нѣсколько особое положеніе, создать связь ихъ съ войсковыми частями, изъ которыхъ они попали въ тюрьму, и установить надъ ними надзоръ военнаго начальства даже въ мѣстахъ ихъ заключенія.

Хотя мы и не замѣчаемъ существенныхъ перемѣнъ во взглядѣ правительства на самую цѣль наказанія тюремнымъ заключеніемъ, но, тѣмъ не менѣе, со временъ Императрицы Екатерины II правительство неуклонно стремится къ упорядоченію самихъ тюремъ, ихъ внутренняго распорядка, какъ въ смыслѣ организаціонномъ, такъ и въ отношеніи содержанія арестантовъ.

Екатерина II указала располагать тюрьмы внѣ городовъ, на здоровыхъ и открытыхъ мѣстахъ; она-же обязала, чтобы при каждой тюрьмѣ была больница, и ввела другія санитарныя мѣры для здо-

ровленія нашихъ тюремъ, представлявшихся очагами всякаго рода заразныхъ болѣзней.

Можно было ожидать, что именно въ царствованіе Екатерины II наша тюремная система подвергнется коренной реформѣ. Какъ извѣстно, Мудрая Государыня руководствовалась при исправленіи тюремъ указаніями самаго знаменитаго тюрьмовѣда того времени—Джона Говарда, извѣстнаго своими трудами о пенитенціарной системѣ и даже проектировавшаго пенитенціарныя тюрьмы. Джонъ Говардъ лично осматривалъ и изслѣдовалъ наши тюрьмы и даже умеръ въ Россіи (въ Херсонѣ), при посѣщеніи въ 1790 году больныхъ.

Однако, большинству указаній Дж. Говарда пришлось остаться лишь благопожеланіями: политическія событія того времени выдвигали на первый планъ болѣе важныя государственныя задачи, нежели реформированіе тюремъ, да и къ тому-же государство было настолько экономически истощено постоянными войнами и внутренними смутами, что не могло и думать объ ассигнованіи необходимыхъ для реформы средствъ.

Тѣмъ не менѣе, Императрица разослала всѣмъ губернаторамъ особыя постановленія, въ которыхъ намѣченъ былъ цѣлый рядъ мѣропріятій, клонящихся къ измѣненію внутренняго тюремнаго режима: обязательное отдѣленіе мужчинъ отъ женщинъ, осужденныхъ отъ подслѣдственныхъ, болѣе гуманное обращеніе съ арестантами, въ особенности съ подслѣдственными и т. п.

Императоръ Александръ I явился по отношенію къ тюремному дѣлу прямымъ послѣдователемъ своей бабки и стремился осуществить ея планы, но думать о коренной реформѣ не представлялось возможнымъ по тѣмъ-же соображеніямъ.

Изъ болѣе существенныхъ мѣръ, принятыхъ для упорядоченія нашихъ тюремъ при Александрѣ I, укажемъ, напр., изданныя въ 1802 и 1803 годахъ правила о содержаніи въ тюремныхъ заключеніяхъ колодниковъ, съ раздѣленіемъ ихъ по роду преступленій на три разряда, при чемъ каждый изъ разрядовъ содержался особо [1]). Впервые эта мѣра примѣнена была въ новыхъ Малороссійскихъ тюрьмахъ, когда-же въ 1808 году изданъ былъ указъ «о строеніи тюремныхъ

[1]) П. С. З., т. XXVII, №№ 20.465, 20.728; т. XXVIII, № 21.292.

замковъ во всѣхъ губернiяхъ по планамъ, утвержденнымъ для Малороссійскихъ губерній» [1]), то правила о раздѣленіи преступниковъ по роду преступленій получили повсемѣстно въ имперіи примѣненіе.

Въ томъ-же году С.-Петербургская городская тюрьма была передана въ вѣдомство полиціи, а затѣмъ въ 1811 году ъъ министерство полиціи были переданы также всѣ смирительные дома и Главное Управленіе тюремъ [2]). Такимъ образомъ, все управленіе тюремной частью въ Россіи перешло къ полиціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ государство постепенно начинаетъ проявлять особую заботливость о лучшемъ содержаніи колодниковъ, въ смыслѣ снабженія ихъ «приличною по времени года одеждою и обувью», прибавки кормовыхъ денегъ, лучшаго пользованія больныхъ арестантовъ и [3]) т. п.; и, наконецъ, въ 1819 году послѣдовалъ указъ о принятіи на счетъ казны продовольствія всѣхъ вообще арестантовъ; этимъ указомъ хотя и не прекращено было окончательно такъ долго сохранявшееся у насъ обязательство истцовъ содержать на свой счетъ заключенныхъ по ихъ искамъ отвѣтчиковъ, но была уничтожена отдача преступниковъ «въ заживъ», т. е. въ заработку частнымъ лицамъ [4]). Надо замѣтить, что число заключенныхъ къ тому времени уже значительно возросло, въ особенности вслѣдствіе указа 1809 года, ограничившаго ссылку крѣпостныхъ людей «для исправленія» въ каторгу, и повелѣвшаго, вмѣсто того, отсылать ихъ въ смирительные дома [5]). Все это, разумѣется, значительно увеличило расходы казны на содержаніе колодниковъ, вслѣдствіе чего правительство не только входитъ въ разсмотрѣніе самого порядка содержанія арестантовъ, въ цѣляхъ уменьшенія казенныхъ расходовъ [6]), но и старается извлечь изъ арестантовъ хоть какую-нибудь пользу, эксплуатируя ихъ трудъ, напр., для всякаго рода городскихъ работъ, при чемъ военные арестанты не освобождались отъ этихъ работъ [7]).

---

[1]) П. С. З., т. XXX, № 22.963.
[2]) П. С. З., т. XXX, № 23.260; т. XXXI, № 24.307, § 11 и 12.
[3]) П. С. З., т. XXVIII, № 20.436; т. XXXI, № 24.752; т. XXXII, № 25.511; т. XXXIV, № 26.910.
[4]) П. С. З., т. XXXVI, № 28.040.
[5]) П. С. З., т. XXX, № 23.530.
[6]) П. С. З., т. XXXIII, № 26.570.
[7]) П. С. З., т. XXXIII, № 26.450, п. 4; т. XXXIV, № 28.015.

Улучшая городскіе остроги [1]), правительство озабочено было также установленіемъ болѣе надежной охраны этихъ тюремъ и поддержаніемъ въ нихъ порядка; для этого, съ одной стороны, привлекается прокурорскій надзоръ въ качествѣ наблюдательнаго органа [2]), а съ другой—съ образованіемъ въ 1811 году отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, на этотъ послѣдній возложена была обязанность окарауливанія тюремныхъ замковъ какъ снаружи, такъ и внутри [3]), при чемъ часовымъ при арестантахъ вмѣнялось имѣть ружья съ примкнутыми штыками. Въ отношеніи военныхъ арестантовъ наблюдательнымъ органомъ являлось военное начальство, такъ какъ указомъ 1824 года [4]) на Корпусныхъ и Дивизіонныхъ командировъ и на начальниковъ Главныхъ Штабовъ возложена была обязанность при осмотрѣ войскъ осматривать и военныхъ арестантовъ, «въ острогахъ и другихъ мѣстахъ заключенія обрѣтающихся».

ПОПЕЧИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО О ТЮРЬМАХЪ.

Въ 1819 году, наконецъ, образовано было, подъ предсѣдательствомъ князя Голицына, особое благотворительное общество съ исключительною цѣлью улучшить положеніе заключенныхъ, и получившее поэтому наименованіе «Попечительнаго Общества о тюрьмахъ» [5]). Образованіе этого общества совпадало по времени съ пробужденіемъ въ Западной Европѣ общественнаго интереса къ тюремному вопросу вообще и къ пенитенціарной системѣ — въ особенности. Ниже мы охарактеризуемъ эту знаменательную эпоху въ исторіи тюремъ, а теперь отмѣтимъ лишь, что Попечительное о тюрьмахъ Общество въ Россіи принуждено было раньше всего ограничить свою дѣятельность принятіемъ и проведеніемъ въ жизнь такихъ только мѣръ, которыя, не внося существенныхъ измѣненій въ самую тюремную организацію, могли-бы до нѣкоторой степени устранить вредныя послѣдствія нашего тюремнаго неустройства и облегчить положеніе тюремнаго населенія. Очевидно, что Попечительное Общество всей своей дѣятельностью пропагандировало мысль о необходимости выдвинуть на первое мѣсто

---

[1]) П. С. З., т. XXXIV, №27.181.
[2]) П. С. З., т. XXXI, № 24.086.
[3]) П. С. З., т. XXXI, № 24.704, § 12; т. XXXIII, № 26.426; т. XXXV, №27.616; т. XXXVI, № 27.662.
[4]) П. С. З., т. XXXIX, № 29.807.
[5]) П. С. З., т. XXXVI, № 27.895.

идею исправленія преступника и, такимъ образомъ, содѣйствовало измѣненію взгляда законодательства на самую цѣль наказанія лишеніемъ свободы.

Съ другой стороны, стремясь упорядочить общественную благотворительность и болѣе цѣлесообразно использовать ее для тюремъ, Попечительное Общество неизбѣжно должно было распространить сферу своей дѣятельности на пространствѣ всей имперіи, создавъ цѣлую сѣть собственныхъ своихъ организацій, получившихъ названіе мѣстныхъ попечительныхъ тюремныхъ комитетовъ [1]). Такая система оказалась достаточно соотвѣтствующей условіямъ жизни и безъ существенныхъ измѣненій просуществовала почти сотню лѣтъ.

Первой же заслугой тюремнаго попечительства явилось улучшеніе быта арестантовъ и прекращеніе того безобразнаго порядка, началомъ котораго было посыланіе колодниковъ на связкахъ для вымаливанія подаяній, а продолженіемъ — собираніе милостыни арестантами при удобныхъ для того случаяхъ, т. е. все то же «шатанье» колодниковъ. По распоряженію Общества повсюду къ тюремнымъ воротамъ привинчены были кружки для денежныхъ пожертвованій; такія-же кружки были прибиты потомъ въ кордегардіяхъ губернскихъ правленій и на церковныхъ стѣнахъ. Этимъ-то кружечнымъ сборомъ и стало распоряжаться Общество, и вмѣстѣ съ деньгами, заработанными арестантами, онѣ шли въ добавокъ къ кормовымъ деньгамъ, отпускаемымъ арестантамъ по положенію, на улучшеніе арестантамъ пищи, бѣлья и пр. [2]).

Что касается внутренняго распорядка въ тюрьмахъ, то вліянію Попечительнаго Общества слѣдуетъ приписать заботу правительства объ улучшеніи личнаго состава тюремныхъ надзирателей, хотя и нельзя признать удачнымъ разрѣшеніе этого вопроса назначеніемъ на должности надзирателей инвалидовъ, а на должности смотрителей остроговъ полицейскихъ чиновниковъ [3]), т. е. людей, совершенно неподготовленныхъ къ тому и стремящихся лишь къ устроенію личнаго своего благополучія.

«Обществу» принадлежала также инициатива учрежденія особыхъ

---

[1]) П. С. З., т. XXXVIII, № 28.976.
[2]) П. С. З., т. XXXVII, №№ 28.551, 28.366, 28.944.
[3]) П. С. З., т. XXXVII, №№ 28.807, 28.375; т. XL, № 30.420.

«домовъ призрѣнія для слабыхъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ преступниковъ» [1]) и забота о малолѣтнихъ дѣтяхъ, находящихся при матеряхъ въ тюремномъ заключеніи, которымъ стали отпускать въ половинномъ размѣрѣ деньги на содержаніе; малолѣтніе же преступники обоего пола были совершенно освобождены отъ ношенія оковъ; самыя оковы, налагаемыя на содержащихся подъ стражей арестантовъ, были облегчены и употребленіе оковъ было строго ограничено [2]).

Новыя условія содержанія преступниковъ въ мѣстахъ заключенія, по системѣ раздѣленія по поламъ, возрасту и родамъ преступленій, повлекли за собой и необходимость цѣлесообразнаго устройства и самыхъ тюремныхъ замковъ; поэтому-то въ Министерствѣ Полиціи и были выработаны особенные планы, по которымъ и предписывалось впредь строить тюремныя помѣщенія въ уѣздныхъ городахъ [3]).

БЫТЪ АРЕСТАНТОВЪ.

Такимъ образомъ царствованіе Императора Александра I, какъ и бабки его—Екатерины II, хотя и характеризуется заботливостью о благоустройствѣ тюремъ, но не дало тѣхъ реформъ въ этой области, въ которыхъ такъ нуждалась русская тюрьма.

Печально было ея положеніе; еще безотраднѣе было оно при сравненіи съ тюрьмами другихъ европейскихъ государствъ и Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ тюремный вопросъ въ это время начинаетъ получать уже фактически широкое и соотвѣтствующее культурному уровню общества разрѣшеніе.

Въ сущности тѣ мѣропріятія, которыми ознаменовалось царствованіе Александра I и которыя были направлены къ упорядоченію у насъ тюремнаго дѣла, мало чѣмъ измѣнили арестантскій бытъ.

«Находясь подъ одними условіями и чувствуя одинаковость интересовъ, задачъ и цѣлей,—говоритъ одинъ изъ изслѣдователей арестантскаго быта [4]),—арестантство организовалось повсюду (въ Россіи) одинаково, создавая общій типъ тюрьмы и единообразіе тюремной общины»...

---

[1]) П. С. З., т. XXXVII, № 28.190.
[2]) П. С. З., т. XXXVIII, №№ 28.984, 29.046.
[3]) П. С. З., т. XXXVIII, № 29.342.
[4]) Н. М. Ядринцевъ. «Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ». Спб., 1872 г., стр. 146—188. Говоря о формахъ и складѣ тюремной общины, г. Ядринцевъ оговаривается, что онъ не имѣетъ въ виду военно-арестантскихъ ротъ, гдѣ при особенно строгой военной дисциплинѣ общинность или совсѣмъ не существовала, или была весьма слабо развита.

«Типъ и общая форма общинъ въ разныхъ острогахъ могли только разниться въ степени своего развитія, что зависѣло отъ бо́льшей или меньшей опытности арестантовъ и ихъ коллективной силы»...

«Власть и управленіе въ острогахъ принадлежали исключительно самимъ арестантамъ. Выраженіемъ арестантскаго самоуправленія являлась въ острогѣ сходка. Это было арестантское вѣче, которое собиралось всегда судить какое-либо общественное дѣло. Каждый изъ заключенныхъ имѣлъ на ней право голоса. Выражая интересы и потребности всѣхъ заключенныхъ, приговоры и рѣшенія сходокъ являлись законодательствомъ острога, которому обязанъ былъ повиноваться каждый членъ общины. Здѣсь налагались подати и сборы на общественныя нужды, утверждался бюджетъ общины, повѣрялась касса и мѣсячные расходы, происходилъ дѣлежъ подаянія, производился выборъ острожныхъ чиновниковъ,—старосты и писаря, вершился судъ надъ провинившимися противъ общества арестантами, обсуждались хозяйственныя дѣла, производились торги на майданъ, проектировались субсидіи палачу и обсуждался образъ поведенія въ отношеніи начальства. Община такимъ образомъ является не только управляющею, но и опекающею арестантство. Она ограждаетъ своихъ членовъ отъ властей, защищаетъ ихъ отъ разныхъ непріятностей, гарантируетъ имъ спокойствіе и свободу занятій, наконецъ, печется какъ о хозяйственныхъ и денежныхъ дѣлахъ ихъ, такъ и о доставленіи имъ возможно бо́льшихъ удобствъ въ острогѣ, и взамѣнъ этого требуетъ отъ нихъ покорности ея приговорамъ, преданности ссыльному братству и арестантскому дѣлу. Она поставила закономъ, чтобы арестантскій интересъ стоялъ выше всего въ острогѣ, чтобы, находясь подъ одними условіями, всѣ арестанты стояли крѣпко другъ за друга, чтобы острожная тайна хранилась свято и съ врагомъ арестантства не было никакихъ связей».

«Обезпечивъ себѣ невмѣшательство начальства и свободную, безопасную жизнь своимъ членамъ, община занялась устройствомъ повинностей, обязанностей и налоговъ... Община предпочла натуральную повинность замѣнить денежною. Каждый, входящій въ острогъ, обязанъ денежною податью. Этотъ налогъ распредѣляется равномѣрно, смотря по сословію, къ которому на волѣ принадлежалъ арестантъ (отъ 30 к. до 3 р.)».

«Для наблюденія за кухней и пищей, за порядкомъ раздачи хлѣба, порцій и подаяній, для распредѣленія работъ и повинностей, для веденія разсчетовъ по взносамъ и расходамъ, также какъ и для представительства передъ начальствомъ, каждая арестантская община выбираетъ старосту и писаря. Староста является столь удобнымъ и необходимымъ членомъ въ организаціи острожной общины, что его существованіе признано даже самимъ начальствомъ... Онъ представитель исполнительной власти во всѣхъ арестантскихъ дѣлахъ».

«Но нигдѣ въ такой степени не проявлялась иниціатива общины, какъ въ дѣлѣ устройства майдановъ, снабжающихъ арестантовъ табакомъ, чаемъ, сахаромъ, съѣстными припасами, виномъ и картами... То, чего добивались другія общества созданіемъ потребительныхъ ассоціацій и общественныхъ лавокъ, арестантская община создала у себя простымъ здравымъ смысломъ русскаго простолюдина».

«Но кромѣ суда, администраціи, податей и майдана острожная община создала солидное учрежденіе,—общественную кассу, приспособленную къ особому употребленію... По важности своего значенія касса составлялась изъ послѣднихъ грошей арестантовъ. Въ ссыльной общинѣ эта касса, кромѣ содержанія старосты, писаря и служителей острога, имѣла особый расходъ, который шелъ, главнымъ образомъ, на палача и на смягченіе приговоровъ»..

«Но вліяніе общины этимъ еще не ограничивалось: не было случая, гдѣ-бы она не являлась предупредительнымъ опекуномъ, попечителемъ и помощникомъ самому бѣдному и задавленному своему члену; она оказывала ему массу разныхъ услугъ при помощи своего знанія, доставляла ему совѣтниковъ, учителей-юристовъ и соучастниковъ»... «Община не оставляла безъ своей помощи ни выпускаемаго изъ острога, ни идущаго въ ссылку»... «Арестантство готово было перенести все, но не потерять своей арестантской свободы»... Опытные и сжившіеся съ арестантомъ смотрителя всегда понимали, какъ надо вести себя, чтобы ужиться мирно и тихо съ сильною и настойчивою арестантскою общиною. Съ своей стороны эта община, когда съ ней обращались гуманно, всегда умѣла гарантировать наибольшее спокойствіе острога и сама самымъ тщательнымъ образомъ слѣдила за внутреннимъ порядкомъ въ острогѣ»... «Значительныя выгоды общественной организаціи тюремной общины, ея артельныхъ

учрежденій, взаимности, братскаго вспомоществованія другъ другу,— вотъ лучшій плодъ нашихъ тюремныхъ опытовъ и результатъ нашей самобытной жизни.

ПОЛОЖЕНІЕ ВОЕННЫХЪ АРЕСТАНТОВЪ ВЪ ГОРОДОВЫХЪ ТЮРЬМАХЪ

Съ 1816 года уничтожено было наименованіе лицъ военнаго вѣдомства, содержащихся подъ стражей—невольниками, а предписано было именовать ихъ арестантами. Однако, это не улучшило ихъ положенія и что касается, въ частности, военныхъ арестантовъ, содержавшихся въ острогахъ, то Начальникъ Главнаго Штаба, генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ находилъ даже въ 1824 году ихъ положеніе настолько «жалкимъ», что принужденъ былъ обратиться, по Высочайшему повелѣнію, къ управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, съ ходатайствомъ, чтобы подтверждено было «со всею строгостью» всѣмъ начальникамъ губерній о необходимости точнаго исполненія Положенія Правительствующаго Сената отъ 26 мая 1821 года, которымъ установленъ былъ порядокъ довольствія и содержанія военныхъ арестантовъ въ городовыхъ острогахъ. «А какъ осмотръ содержащихся въ городовыхъ острогахъ людей и отвращеніе всякаго изнуренія, противнаго человѣчеству, по учрежденію о губерніяхъ, возложены на особенное попеченіе Губернскихъ Прокуроровъ»—значится въ указѣ 13 декабря 1824 г. [1]) то Начальникъ Главнаго Штаба просилъ Министра Юстиціи, «вмѣнить имъ въ обязанность, чтобы они, при еженедѣльномъ освидѣтельствованіи городовыхъ остроговъ, входили непосредственно въ положеніе военныхъ арестантовъ, и, въ случаѣ замѣченныхъ ими въ чемъ-либо недостатковъ, настоятельно требовали, по долгу званія своего, о исправленіи оныхъ». Кромѣ того, и Сенатъ, по представленію Министра Юстиціи, подтвердилъ эту обязанность прокурорамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ напомнилъ, что по Высочайшему повелѣнію предписано было 30 сентября 1821 г. всѣмъ корпуснымъ и дивизіоннымъ командирамъ и начальникамъ Главныхъ Штабовъ, чтобы и они имѣли особый надзоръ за содержаніемъ всѣхъ военныхъ арестантовъ.

Такимъ образомъ военные арестанты даже въ общей тюрьмѣ являлись до нѣкоторой степени паріями, и къ улучшенію ихъ положенія направлены были особенныя усилія высшаго правительства.

---

[1]) П. С. З., т. XXXIX, № 30.154.

Такова была наша тюрьма въ половинѣ XIX вѣка; такой она оставалась еще долго, пока, наконецъ, и къ намъ не проникли съ Запада новые взгляды на тюрьму и ея современное значеніе, какъ исправительно-карательной мѣры.

Между тѣмъ, въ Западной Европѣ тюремный вопросъ уже вполнѣ точно опредѣлился и вылился въ стройную систему, извѣстную подъ общимъ названіемъ пенитенціарной.

Такъ какъ дальнѣйшая исторія русской тюрьмы, и, въ частности, военно-тюремныхъ учрежденій невозможна безъ ознакомленія, хотя-бы самаго краткаго, съ этой системой, то обратимся теперь-же къ разсмотрѣнію тюремной части въ Западной Европѣ въ началѣ XIX-го столѣтія, такъ какъ оттуда заимствовали мы образцы реформированныхъ тюремныхъ учрежденій.

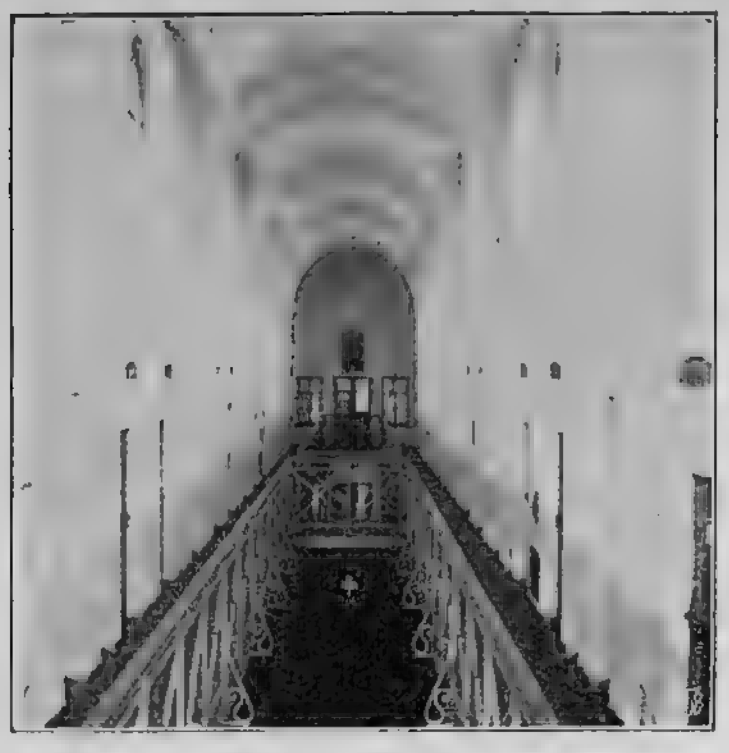
ПОЛОЖЕНІЕ ТЮРЕМНАГО ВОПРОСА ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

Наказаніе лишеніемъ свободы въ Западной Европѣ къ концу XVIII столѣтія пріобрѣтаетъ не только доминирующее положеніе въ общей системѣ наказаній большинства западно-европейскихъ кодексовъ, но и привлекаетъ настолько къ себѣ общественное вниманіе, что создается довольно обширная литература по тюрьмовѣдѣнію, создается особая пенитенціарная наука. На первый планъ выдвигается идея наказанія одиночнымъ заключеніемъ, въ цѣляхъ нравственно-воспитательнаго воздѣйствія на преступника, въ цѣляхъ его исправленія.

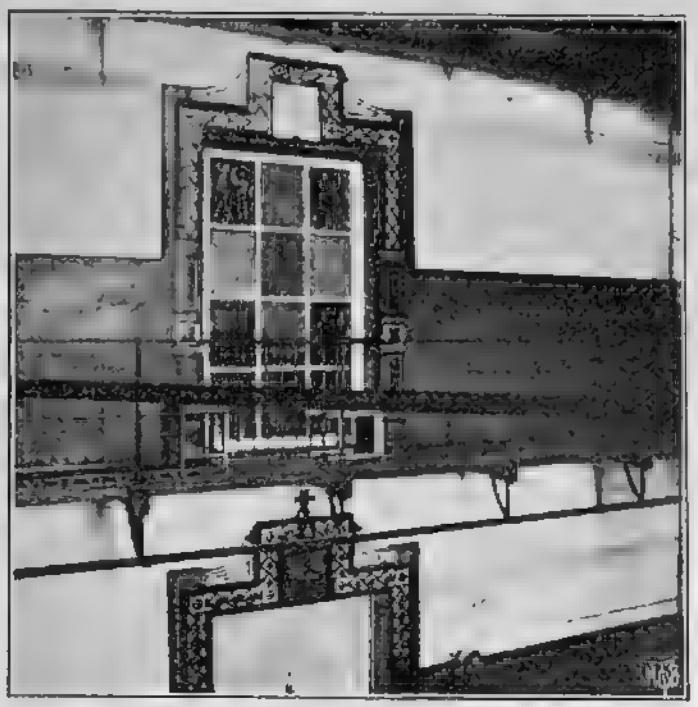
ПЕНИТЕНЦІАРНАЯ СИСТЕМА.

Жившій въ XVII столѣтіи ученый французскій монахъ бенедиктинскаго ордена—Жанъ Мабильонъ,—первый предложилъ особую систему тюремъ, въ которыхъ нашли-бы наиболѣе полное примѣненіе основные принципы исправленія преступниковъ; тюрьмы эти получили наименованіе пенитенціарій. Основными принципами исправленія Мабильонъ считалъ: 1) заключеніе каждаго изъ преступниковъ въ отдѣльную келью и приспособленіе въ ней для обученія и занятій какимъ-либо полезнымъ мастерствомъ; 2) устройство при тюрьмахъ небольшихъ садиковъ, съ мастерскими въ нихъ, съ тѣмъ, чтобы, для сохраненія здоровья заключенныхъ, выводить ихъ въ опредѣленное время для работъ на свѣжемъ воздухѣ; 3) давать заключеннымъ религіозно-нравственное воспитаніе, для чего посылать ихъ на всѣ богослуженія въ церкви, съ разобщеніемъ ихъ, однако, другъ отъ друга и въ церкви; 4) вести съ ними въ кельяхъ религіозно-нравственныя собесѣдованія, въ цѣляхъ укрѣпленія въ вѣрѣ и нрав-

МОСКОВСКАЯ ВОЕННАЯ ТЮРЬМА.



Коридоръ (видъ съ перехода).



Входъ въ церковь.

Коридоръ башенныхъ камеръ.

Одинъ изъ коридоровъ.

Внутренній видъ камеры.

Кровать въ собранномъ видѣ днемъ.

ственности, исправленія и утѣшенія ихъ и 5) наконецъ, пріучать къ воздержанію путемъ самаго строгаго пищевого режима, въ основѣ котораго должна быть пища грубая, скудная, преимущественно постная. Проектъ устройства подобнаго пенитенціарія Мабильонъ представилъ архіепископу Лепельи, который объ этомъ проектѣ доложилъ всемогущему Людовику XVI, удостоившему Мабильона за это даже аудіенціей; но тѣмъ не менѣе идея Мабильона такъ и осталась идеей.

Однако, она не пропала безслѣдно; раньше всего она получаетъ въ Европѣ примѣненіе для дѣтей. Въ 1656 году въ Генуѣ основывается первый пенитенціарій, первый исправительный домъ на 600 дѣтей. Затѣмъ папа Климентъ XI создалъ также и въ Римѣ, въ 1735 году, подобный-же исправительный домъ для дѣтей; только черезъ тридцать лѣтъ, а именно въ 1766 г., открывается новая тюрьма съ кельями въ Миланѣ уже для взрослыхъ, и вскорѣ затѣмъ такая-же тюрьма, по иниціативѣ графа Виллэна, открылась, благодаря настояніямъ французской королевы Маріи Терезіи, въ 1772 году въ Гентѣ [1]).

Вскорѣ идея пенитенціарныхъ тюремныхъ учрежденій переносится съ материка Европы далѣе на западъ—въ Англію, которую съ этой системой наказанія познакомилъ впервые извѣстный англійскій ученый и политическій дѣятель—Говардъ. Какъ мы видѣли, идея Мабильона не получила широкаго примѣненія на материкѣ, несмотря на то, что западно-европейскія тюремныя учрежденія находились въ такомъ-же почти ужасномъ положеніи [2]), какъ и современные имъ русскіе остроги. Бэнтамъ, напр., въ своемъ сочиненіи «О наказаніяхъ» (ч. 3, гл. IX) говоритъ: «Наши тюрьмы заключаютъ въ себѣ все, что только можетъ заразить тѣло и душу»... «Въ нравственномъ отношеніи тюрьма есть школа, гдѣ злодѣяніе преподается гораздо болѣе надежнымъ способомъ, чѣмъ когда-нибудь преподается добродѣтель». Идея пенитенціарныхъ тюремъ не получила примѣненія даже несмотря на то, что первые опыты практическаго ея осуществленія дали вполнѣ положительные результаты. Разгадку этой косности въ тюремномъ дѣлѣ надо искать въ томъ, что финансовое положеніе

---

[1]) См. Тальбергъ. «Историческій очеркъ тюремныхъ реформъ», 1865 г.

[2]) См. о положеніи тюремъ на Западѣ въ сочиненіяхъ Говарда, «States of prisons in England and Wales», 1877 г.; Frégier, «Des classes dangereuses», 1848 г. и Спенсеръ, «Этика тюремъ».

тогдашнихъ государствъ не позволяло имъ удѣлять много средствъ на заботу объ отверженныхъ своихъ подданныхъ, впавшихъ въ преступность и лишившихся тѣмъ самымъ даже права на заботу о нихъ со стороны государства, а общество, въ которое гуманитарныя идеи проникаютъ несравненно быстрѣе и полнѣе, было еще въ то время вовсе устранено отъ участія въ правительственной дѣятельности. Къ тому-же, бурныя политическія событія, охватившія Европу, отвлекали вниманіе отъ тюремнаго вопроса.

Перенесенная Говардомъ въ Англію идея устройства тюремъ по системѣ, принятой въ Гентской тюрьмѣ, вызвала къ себѣ общественное вниманіе, и англійское правительство сразу-же [1]) рѣшило устроить у себя два пенитенціарія; въ 1793 году открытъ былъ первый изъ нихъ въ Глочестерѣ; основными принципами установленнаго въ немъ режима были: строгая классификація преступниковъ, разъединеніе ихъ на ночь и совмѣстная работа днемъ.

Одновременно перенесенная и въ Америку идея одиночнаго заключенія преступниковъ нашла тамъ наиболѣе благопріятную почву для развитія и примѣненія, такъ какъ вполнѣ соотвѣтствовала религіознымъ воззрѣніямъ Пенсильванскихъ квакеровъ; уединеніе, самосозерцаніе, нравственное самоусовершенствованіе путемъ сознанія и анализа своихъ недостатковъ, путемъ раскаянія и покаянія—всѣ эти принципы настолько увлекли квакеровъ, что они ревностно принялись за пропаганду и проведеніе въ жизнь этой новой системы наказанія преступниковъ, быстро опередивъ на этомъ поприщѣ Старый Свѣтъ; въ 1790 году они открыли въ Филадельфіи, а именно въ Валькстриттѣ, первый американскій пенитенціарій. Новая система не только привилась въ Америкѣ, но, пріобрѣтя громкую извѣстность, въ непродолжительное время нашла огромное число послѣдователей, несмотря на не вполнѣ удовлетворительные, а иногда даже печальные результаты ея примѣненія, происходившіе, впрочемъ, главнымъ образомъ, отъ чрезмѣрнаго, до крайностей, увлеченія этой системой. Число пенитенціарій въ Америкѣ быстро умножилось; подобныя учрежденія, по методѣ Оборна и Сингъ-Синга, открылись въ Нью-

[1]) Законъ объ учрежденіи пенитенціаріевъ въ Англіи былъ изданъ въ 1778 году.

Іоркѣ, Питсбургѣ и Ширре-Гилле, но въ системѣ примѣненія началъ исправленія преступниковъ произошелъ на первыхъ-же порахъ значительный расколъ, вызвавшій жестокіе споры въ литературѣ: нью-іоркцы настаивали на принципѣ совмѣстной работы и общежитіи, а гильцы отстаивали въ полной мѣрѣ принципъ одиночнаго заключенія преступниковъ.

Между тѣмъ, революціонное движеніе и послѣдующая эпоха войнъ на материкѣ Европы постепенно смѣнилась сравнительнымъ успокоеніемъ, допускавшимъ возможность приняться за внутреннее устроеніе въ большинствѣ государствъ. Революція обнажила и кровавой чертой подчеркнула невыносимое состояніе карательныхъ учрежденій и, въ особенности, тюремъ. Вопросъ объ ихъ улучшеніи сталъ въ первую очередь. Между тѣмъ, слухи о поразительныхъ успѣхахъ пенсильванскихъ тюремъ широкой волной проникли въ Европу. Франція первая рѣшила реформировать свои тюремныя учрежденія. Людовикъ XVIII издалъ 9-го сентября 1814 г. эдиктъ, которымъ повелѣвалось принять мѣры къ обращенію преступниковъ на путь исправленія пріученіемъ ихъ къ порядку и труду и религіозно-нравственнымъ на нихъ воздѣйствіемъ. Однако, послѣдующія политическія событія во Франціи помѣшали практическому осуществленію этого эдикта, и только благодаря иниціативѣ и энергіи небольшой группы французскаго общества, въ 1817 году былъ основанъ въ Парижѣ, въ улицѣ Бресъ, такъ называемый Сенскій пенитенціарій, исключительно для несовершеннолѣтнихъ и молодыхъ преступниковъ, которыхъ потомъ постепенно переводили въ С.-Пелаусъ и въ Магдалинетъ, а съ 1836 года и въ Роккетъ, гдѣ въ широкихъ размѣрахъ получила примѣненіе новая система тюремнаго заключенія.

Съ этихъ поръ въ Западной Европѣ начались уже серьезные опыты надъ различными, въ то время существовавшими системами тюремныхъ устройства и режима, а именно, надъ англійскою, нью-іоркскою и филадельфійскою. Командированные европейскими правительствами делегаты для изученія этихъ системъ на мѣстахъ ихъ примѣненія дали самые благопріятные и лестные о нихъ отзывы; особенное значеніе придавали они строгости тюремнаго режима, разъединенію преступниковъ, устраняющему вредное вліяніе преступной среды, и, наконецъ, обязательному труду, сопряженному съ полнымъ изолированіемъ преступника

отъ тѣхъ бытовыхъ, жизненныхъ условій, въ которыхъ онъ совершилъ преступленіе, изолированіемъ отъ всего внѣшняго міра, позволявшимъ преступнику сосредоточить все свое вниманіе на своемъ нравственномъ *я*.

Изслѣдованія и работы лучшихъ тюрьмовѣдовъ того времени увлекли европейское общество; какъ свидѣтельствуетъ Токвиль [1]) «la presse s'en empara et l'exalte»—и это не только относилось къ англійской, но и вообще къ европейской печати, которая въ новой тюремной системѣ готова была видѣть разрѣшеніе великой проблемы уничтоженія преступности, перевоспитанія порочныхъ людей. «Уединенные отъ окружающаго обязательнымъ молчаніемъ,—писалъ, напр., Обанель,—заключенные дышатъ воздухомъ добра и правды, ведутъ жизнь, которая поднимаетъ ихъ нравственно».

Всеобщее довѣріе къ новой тюремной системѣ выразилось въ открытіи цѣлаго ряда тюремныхъ учрежденій, въ которыхъ находили широкое практическое примѣненіе новые принципы заключенія преступниковъ и въ которыхъ надъ ними производились опыты. Такъ, въ 1824 г.—въ Лозаннѣ, въ 1825 г.—въ Женевѣ и въ 1830 г.—въ Бернѣ не только были основаны новые пенитенціаріи, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., въ женевскомъ, внесены были значительныя новшества и улучшенія, основанныя на опытѣ американскихъ и англійскихъ тюремъ; улучшенія эти были настолько характерны, что женевская система получила названіе европейской системы. Преимущества ея заключались въ томъ, что самая тюрьма была построена по поноптическому способу, позволявшему централизировать въ одномъ пунктѣ одновременное наблюденіе за всей тюрьмой съ ея обитателями и управленіе ею при помощи различныхъ передаточныхъ аппаратовъ. Въ программу занятій арестантовъ входило и умственное ихъ развитіе, и религіозно-нравственное воспитаніе, обученіе мастерствамъ, пріученіе къ труду, на обязанности тюрьмы лежала и дальнѣйшая поддержка и направленіе уже выпущенныхъ на свободу лицъ по отбытіи ими наказанія, по идеѣ патроната.

Та же система была впослѣдствіи примѣнена въ 1840 г. при устройствѣ земледѣльческой колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ во Франціи въ Метрэ, близъ Тура, а также съ нѣкоторыми, впрочемъ измѣне-

---

[1]) Toqueville—«Système penit. aux Etats-Unis. I, 28.

ніями, получила широкое распространеніе въ Германіи, Бельгіи и др. государствахъ.

На ряду съ европейской системой отмѣтимъ также ирландскую, основателемъ которой считается англійскій тюрьмовѣдъ Крофтонъ; изучивъ всѣ существовавшія тюремныя системы, онъ скомбинировалъ наиболѣе, по его мнѣнію, положительныя черты, сведя ихъ въ одно стройное цѣлое. Система Крофтона была послѣдовательно введена въ тюрьмахъ Дублинскаго графства, и съ 1854 года получила извѣстность подъ именемъ ирландской.

При практическомъ проведеніи въ жизнь новой системы тюремнаго заключенія не обошлось, разумѣется, безъ крайностей. Такъ, напр., чтобы осуществить принципъ молчанія въ Векфильдской тюрьмѣ, пришлось въ теченіе года наложить на заключенныхъ, число которыхъ было 3438 человѣкъ, 12445 дисциплинарныхъ взысканій [1]). Съ другой стороны полное уединеніе преступниковъ обнаружило вскорѣ чрезвычайно вредное вліяніе на здоровье заключенныхъ; такъ, въ Родъ-Исландѣ изъ 37 заключенныхъ въ первое-же время психически заболѣло 6 человѣкъ. Pietra-Santa, въ своемъ трудѣ «Mazas, Etudes sur l'emprisonnement cellulaire et la folie penitentiaire» сравниваетъ старую общую тюрьму Vielle-Force съ новой общей—Маделоннетъ и келейной—Мазасъ и указываетъ, что съ 1840—1849 г.г. въ первой на 37397 заключенныхъ приходилось 3 самоубійства и 4 покушенія, т. е. 1 самоубійство на 12456 и 1 покушеніе на 9000 чел.; въ Маделоннетѣ 1 на 12000, между тѣмъ въ Мазасѣ съ 1850—1852 г.г. было 12 самоубійствъ и 13 покушеній на 12592 чел., слѣдовательно 1 самоубійство на 1045 чел. и 1 покушеніе на 900 чел., а съ 1852 по 1854 г.г. 1 самоубійство на 900 чел. и 1 покушеніе на 424 чел. Изъ этого видно, что въ келейномъ Мазасѣ самоубійствъ было въ 12 разъ болѣе, чѣмъ въ общихъ тюрьмахъ. Тѣмъ не менѣе одиночная система находила себѣ защитниковъ теоретиковъ; за нее высказались и врачи Созъ, Лелю, Морель, Филлентрокъ и др. Но большинство, однако, и доктора Брадде, Піетра-Санта, Бели и др. доказывали обратное, а именно, что одиночная система вела за собой тяжелое

[1]) Фойницкій. Уложеніе о наказ., стр. 369. Rapport sur les penitentiers des Etats-Unis, par Demetr. et A. Blouet. Paris, 1832, p. 42.—Rapport de Moreau-Cristophe sur les prisons de l'Angleterre, 1839, p. 70.

умственное разстройство, особое помѣшательство, аффекты, самоубійства, развивала онанизмъ (Behrend), уничтожало чувство и потребности общежитія и т. п. [1]). Всѣ такія указанія опыта, конечно, должны были вызывать необходимость въ дальнѣйшемъ совершенствованіи установившихся формъ тюремнаго заключенія. Ирландская система, такимъ образомъ, устраняла многіе изъ недостатковъ другихъ системъ. Профессоръ берлинскаго университета Гольцендорфъ [2]) посвятилъ цѣлую монографію разсмотрѣнію ирландской системы. Русскій переводчикъ этой монографіи, г. Ламанскій, находитъ, что эта система представляетъ соединеніе всѣхъ истинъ прежнихъ системъ въ одномъ внутренно образовавшемся организмѣ и содержитъ въ себѣ то несравненное преимущество предъ всѣми остальными, что въ ней участвуютъ антропологическій и психическій элементы. А на этихъ началахъ, по мнѣнію г. Ламанскаго, только и можетъ быть понятъ и принятъ въ соображеніе индивидуальный характеръ преступника, въ связи съ соціальными формами преступленій. Отличительными чертами ирландской системы представляются: право сокращенія срока заключенія, опредѣленнаго судомъ; раздѣленіе наказанія на нѣсколько различныхъ по режиму періодовъ; одиночное заключеніе, общія работы, обязательный трудъ съ задѣльною за него платой; постепенное облегченіе наказанія; обученіе наукамъ; увольненіе на полусвободу, увольненіе по отпускнымъ билетамъ и полицейскій надзоръ надъ отпущенными, такъ какъ, по справедливому замѣчанію Гольцендорфа, путемъ угнетенія нельзя подготовлять къ свободѣ ни отдѣльнаго человѣка, ни цѣлые народы; такимъ образомъ, по ирландской системѣ полному освобожденію заключенныхъ предшествовала нѣкоторая подготовка, вмѣстѣ съ тѣмъ тюремное учрежденіе принимало на себя и заботу объ упроченіи будущности бывшаго своего заключеннаго.

Въ настоящее время существенной чертой этой системы представляется отбываніе наказанія первое время одиночнымъ порядкомъ, а дальнѣйшее—совмѣстнымъ. Заключеніе оканчивается условнымъ осво-

---

[1]) См. «Rapport sur une memoire de M. le Docteur de Pietra—Santa lu a l'Academie de Medecine en seance le 17 avril 1855 par Londe et Collireau»; Mayren an Binny, The criminal Prison of London, 1862 и Reports of the Directin of Conflct prison, 1860—Брадде; Report for the year, 1852—Бели; Адамъ Смитъ, «Теорія нравственныхъ чувствъ» и др.

[2]) Гольцендорфъ, Ирландская система.

божденіемъ (въ Англіи) или переводомъ въ такъ называемыя переходныя тюрьмы (въ Ирландіи). Поведеніе заключенныхъ отмѣчается марками; заключенные раздѣляются на классы, при чемъ для перехода въ высшій классъ необходимо получить опредѣленное количество марокъ.

Что касается Россіи, то въ ней пенитенціарная система, по типу Оборнской—съ безусловнымъ молчаніемъ и полнымъ разъединеніемъ заключенныхъ, впервые получила примѣненіе только 1-го января 1865 года, когда было утверждено положеніе о военно-исправительной тюрьмѣ морского вѣдомства, учрежденной въ Петербургѣ.

Разсмотримъ-же, хотя бѣгло, главнѣйшія черты тѣхъ оригинальныхъ и смѣшанныхъ системъ, которыя представлялись наиболѣе типичными:

1) Келейная система, по которой арестанты совершенно изолируются отъ внѣшняго окружающаго ихъ міра; никакой работы они не производятъ, постороннія лица къ нимъ не допускаются. Изъ тюремъ, устроенныхъ по этой системѣ, французскія Prisons d'état преслѣдовали исключительно цѣль общественной безопасности, а римскія (исправительный домъ св. Михаила)—цѣль религіознаго исправленія. Произведенные въ Америкѣ въ 1823 году опыты примѣненія этой системы дали отрицательные результаты, такъ какъ получался значительный процентъ психическихъ заболѣваній среди заключенныхъ; впослѣдствіи [1]) всѣ отказались отъ примѣненія этой системы въ чистомъ видѣ. Въ частности, во Франціи келейная система была совершенно отмѣнена циркуляромъ Персиньи отъ 17 августа 1853 г. [2]). Англія и Ирландія ограничили одиночное заключеніе 9 мѣсяцами. Шведскій король Оскаръ такъ хорошо понималъ тяжесть этого наказанія, что предназначалъ его только на 2 года для самыхъ тяжкихъ преступниковъ. Наконецъ, вездѣ сроки одиночнаго заключенія были уменьшены на половину и болѣе. По гольштейнскому закону, напр., 6 мѣсяцевъ одиночнаго заключенія считалось за 1 годъ, 1 годъ—за 2, 4—за 9, 5 за 12, 6 за 16 и 7 за 20.

---

[1]) Muttermaier, Die Gefängnissverbesserung, ins besondere die Bedeutung und Durchführung. 1858.

[2]) См. также «Opinion de la Presse, Pietra-Santa, Mazas, troisiéme edition.

2) Филадельфійская система, въ отличіе отъ келейной, допускаетъ оставленіе заключенныхъ безъ работы только на первое время, а въ продолженіе дальнѣйшаго заключенія въ тюрьмѣ арестантамъ не только даютъ работу, но и заботятся объ ихъ образованіи и религіозно-нравственномъ воспитаніи. Однако, свиданія съ посторонними лицами, за исключеніемъ лишь тюремной администраціи, не допускаются. По этой системѣ устроенъ Моабитъ, вблизи Берлина, и нѣкоторыя другія тюрьмы Европы и Америки.

3) Система индивидуальнаго заключенія, которая получила наиболѣе широкое примѣненіе, стремится отдѣлить заключенныхъ только другъ отъ друга, и на ряду съ тѣмъ доставить въ возможно широкихъ размѣрахъ, путемъ свиданій, общеніе съ благонадежными посторонними лицами; въ мѣстахъ заключенія обязательны обученіе и работы. По этой системѣ устроены тюрьмы Бельгіи, нѣкоторыя тюрьмы Германіи и др. государствъ.

4) Оборнская или система молчанія, при которой создается моральное разъединеніе заключенныхъ; она состоитъ въ томъ, что арестанты днемъ работаютъ совмѣстно въ мастерскихъ при болѣе или менѣе строгомъ молчаніи, а ночью помѣщаются въ отдѣльныхъ камерахъ. По этой системѣ устроено значительное количество тюремъ въ Европѣ и Америкѣ. Какъ было указано выше, военно-морская тюрьма, устроенная въ 1865 году въ г. Петербургѣ, также примѣняла эту систему; въ ней заключались матросы на срокъ отъ 3 мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ включительно; однако, въ 1861 году безусловное молчаніе въ ней было на половину ослаблено (раньше разговаривать разрѣшали лишь около 2-хъ часовъ въ сутки), такъ какъ среди арестантовъ стали наблюдаться частые случаи заболѣванія идіотизмомъ, меланхоліей и припадками другихъ психическихъ страданій, а нѣкоторые арестанты впадали въ такое состояніе отчаянія, что рѣшались даже на болѣе тяжкія преступленія, лишь бы освободиться отъ этого режима [1]).

Упомянемъ еще, что на практикѣ въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ примѣнялись системы смѣшаннаго типа, изъ которыхъ нѣкоторыя значительно удалялись отъ первоначальной идеи одиночнаго заклю-

---

[1]) См. В. Н. Никитинъ, «Жизнь заключенныхъ», изд. 1870 г.

ченія; къ числу такихъ относились, напримѣръ, системы ночного лишь разъединенія заключенныхъ при совмѣстномъ помѣщеніи днемъ, а также системы классификаціи заключенныхъ по степени испорченности, работамъ, родамъ преступленій и т. п.

Конечно, рѣзкое измѣненіе воззрѣній на цѣль наказанія и на юридическое положеніе отбывающихъ наказаніе, на ряду съ гуманитарнымъ направленіемъ уголовнаго законодательства въ западно-европейскихъ государствахъ, не могли не отразиться на положеніи арестантовъ и устройствѣ тюремъ въ Россіи. Начала, провозглашенныя тюрьмовѣдами на Западѣ, нашли себѣ примѣненіе и въ учрежденныхъ въ 1868 году московской исправительной и петербургской срочной тюрьмахъ; послѣдняя 14-го августа 1871 г. была обращена тоже въ исправительную, съ учрежденіемъ патронатства надъ выходящими изъ нея людьми, отбывшими срокъ наказанія. Какъ мы увидимъ ниже, тѣ-же начала были отчасти положены въ основу положенія о военно-исправительныхъ ротахъ, утвержденнаго 16-го мая 1867 года; наконецъ, 15 января 1870 года утвержденъ былъ уставъ общества земледѣльческихъ колоній для малолѣтнихъ преступниковъ и 10-го октября 1871 года такая колонія была открыта по Рябовскому шоссе, за пороховыми заводами, близъ Петербурга, при чемъ устроена она была по образцу такой-же французской колоніи въ Метрэ, около Тура.

Дальнѣйшему развитію тюремнаго вопроса въ XIX-мъ вѣкѣ въ значительной мѣрѣ содѣйствовали тюремные конгрессы, которые не только достигали цѣли объединенія полезной дѣятельности всѣхъ тюрьмовѣдовъ, но и содѣйствовали улучшенію всего тюремнаго дѣла въ Европѣ. Первый изъ такихъ конгрессовъ собрался въ 1870 году въ Лондонѣ.

На этомъ конгрессѣ были выработаны практическія указанія о цѣли наказанія, при чемъ основной цѣлью признано: обезпеченіе общества отъ преступныхъ дѣяній посредствомъ нравственнаго исправленія преступниковъ [1]). Средствами для достиженія этой цѣли конгрессъ призналъ: работу, умственное и религіозное образованіе и поощренія за хорошее поведеніе. Безусловно отвергнуто было употребленіе

[1]) Robin. Quest penit. 1.

для поддержанія тюремнаго порядка мѣръ унизительныхъ для заключенныхъ, напротивъ того, конгрессъ счелъ необходимымъ рекомендовать возбужденіе и поддержаніе въ заключенныхъ чувства человѣческаго достоинства; опытъ примѣненія въ Бельгіи индивидуальной системы служилъ тому лучшимъ подтвержденіемъ: въ теченіе 15-ти лѣтъ тамъ вдвое уменьшилось число заключенныхъ.

Большинство на этомъ конгрессѣ высказалось за индивидуальную систему (le système cellulaire), до трехъ лѣтъ, съ уменьшеніемъ срока наказанія, когда оно превышаетъ три мѣсяца. Короткіе сроки заключенія конгрессъ осудилъ, какъ несоотвѣтствующіе цѣли исправленія преступника.

Въ 1878 году вновь былъ собранъ тюремный конгрессъ, на этотъ разъ въ Стокгольмѣ. Конгрессъ этотъ является естественнымъ продолженіемъ перваго въ отношеніи предметовъ, на немъ обсуждавшихся. Между прочимъ, на разрѣшеніе конгресса былъ постановленъ вопросъ о томъ—цѣлесообразно-ли сохранять въ уголовномъ законодательствѣ нѣсколько различныхъ формъ наказанія лишеніемъ свободы и не лучше-ли установить одну какую-либо опредѣленную форму. Конгрессъ высказался по этому поводу нерѣшительно и неопредѣленно, предложивъ оставить для низшихъ родовъ преступленій различные виды лишенія свободы, а для высшихъ—объединить ихъ, безотносительно къ способу помѣщенія арестантовъ, т. е. не указывая желательной формы заключенія для тяжкихъ преступниковъ. Въ частности, насколько можно судить изъ преній, происходившихъ по этому вопросу на Стокгольмскомъ конгрессѣ, было не мало голосовъ, высказывавшихся за одиночное заключеніе, какъ за исключительную систему наказанія лишеніемъ свободы. Во всякомъ случаѣ, конгрессомъ было постановлено не допускать никакихъ отступленій отъ одиночнаго заключенія по соображеніямъ національности, общественнаго положенія, возраста и пола заключеннаго, т. е. по соціальнымъ и физіологическимъ основаніямъ [1]).

Послѣдующіе тюремные конгрессы, до Парижскаго 1895 года включительно, окончательно установили задачи и правила тюремной дѣятельности и тюремнаго устройства.

---

[1]) Таганцевъ. «Стокгольмскій конгрессъ». Журн. гр. и уг. пр. 80. 2, стр. 40, 41, 72.

Въ заключеніе укажемъ въ общихъ чертахъ наиболѣе типичныя черты тюремъ, существовавшихъ въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ къ началу XX-го вѣка.

Наиболѣе широкое примѣненіе получила идея одиночнаго заключенія въ Бельгіи, гдѣ существовалъ проектъ преобразовать всѣ тюрьмы по одиночной индивидуальной системѣ. Проектъ этотъ осуществлялся съ большой энергіей и уже въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія по упомянутой системѣ было устроено 19 изъ 36 тюремъ. По срокамъ заключенія тюремныя учрежденія Бельгіи различались слѣдующимъ образомъ: для заключенія на болѣе или менѣе короткіе сроки, въ предѣлахъ отъ 8-ми дней до 5 лѣтъ, служили такъ называемые дома исправленія; для заключенія на сроки болѣе продолжительные были устроены дома заточенія и дома тяжкаго заключенія; въ первыхъ изъ нихъ срокъ заключенія былъ установленъ отъ 5 до 10-ти лѣтъ, а въ послѣднихъ отъ 10 до 20-ти лѣтъ и пожизненно. Сроки заключенія, опредѣленные приговоромъ суда, могли быть сокращаемы въ мѣстахъ заключенія при отбываніи наказанія въ такой постепенности, что первый годъ заключенія могъ быть сокращенъ только на три мѣсяца ($^3/_{12}$), а двадцатый—на девять мѣсяцевъ ($^9/_{12}$). Во всѣхъ этихъ тюрьмахъ принята была система исправленія преступника путемъ его воспитанія, а потому въ полной мѣрѣ нашли себѣ примѣненіе принципы обязательнаго труда, права свиданій арестантовъ не только съ лицами, принадлежащими къ тюремной администраціи, но и съ посторонними, обученія и т. п. [1])

Въ Англіи тюрьмы дѣлились на земскія и государственныя или каторжныя. Земскія тюрмы, большею частью, устроены по филадельфійской системѣ, съ широкимъ примѣненіемъ одиночнаго заключенія. Въ 1871 году въ этихъ тюрьмахъ уже существовало 26677 спальныхъ келій и 22467—для заключенныхъ днемъ и ночью; къ концу XIX вѣка количество келій значительно увеличилось. Срокъ заключенія въ земскихъ тюрьмахъ не превышалъ двухъ лѣтъ. Что-же касается каторжныхъ тюремъ, въ которыхъ наказаніе отбывалось не только болѣе продолжительные сроки, но даже пожизненно, то въ нихъ примѣнялась англо-ирландская система, о которой уже было

---

[1]) Фойницкій. Ул. о нак., стр. 435.

упомянуто выше. Одиночное заключеніе примѣнялось въ нихъ только первые девять мѣсяцевъ, а въ продолженіе остального срока практиковалось лишь разобщеніе заключенныхъ на ночь [1]).

Въ Германіи существовали слѣдующія мѣста заключенія: исправительный или смирительный домъ, тюрьма, крѣпость и арестные дома; вездѣ примѣнялась система одиночнаго заключенія, сроки котораго, безъ желанія заключеннаго, не могли быть болѣе трехъ лѣтъ; срокъ заключенія въ смирительномъ домѣ простирался отъ одного до пятнадцати лѣтъ или безсрочно; въ тюрьмѣ—отъ одного до пяти лѣтъ [2]). Что касается системъ заключенія, то въ германскихъ тюрьмахъ въ этомъ отношеніи не было однообразія: тюрьмы Моабитъ въ Пруссіи, Брухзаль въ Баденѣ и четыре баварскихъ тюрьмы были устроены по филадельфійской системѣ, въ остальныхъ же системы были смѣшаннаго типа, съ большимъ, однако, примѣненіемъ одиночнаго заключенія; такъ въ одной Пруссіи существовало свыше $4^1/_2$ тысячъ камеръ одиночнаго заключенія [3]).

Наконецъ, во Франціи тюрьмы раздѣлялись на департаментскія и центральныя. Первыя изъ нихъ были устроены по системѣ одиночнаго заключенія (для подслѣдственныхъ) [4]), срокъ котораго не превышалъ одного года; центральныя-же тюрьмы были устроены по системѣ молчанія, и срокъ заключенія въ нихъ былъ во всякомъ случаѣ свыше года. Болѣе года и одного мѣсяца содержаніе въ одиночномъ заключеніи не допускалось вовсе. Изъ французскихъ тюремъ наибольшей извѣстностью пользовалась тюрьма Santé въ Парижѣ; она имѣла 500 камеръ одиночнаго заключенія и общія помѣщенія на 500 человѣкъ заключенныхъ. Переходъ изъ одиночнаго заключенія въ общее и обратно допускался по желанію арестанта, но лишь съ разрѣшенія высшей тюремной администраціи. Интересно отмѣтить слѣдующія по этому поводу статистическія данныя:

переведены были:

въ 1870 г. изъ общ. помѣщ. въ одиноч. 52, изъ одиноч. въ общ. 44

---

[1]) Фойницкій. Улож. о нак., стр. 407 и 434.
[2]) «Strafgesetzbuch für das deutsche Reich», 514 и сл.
[3]) Robin, Quest. penit., стр. 58.
[4]) См. отчетъ М. Н. Галкина, «Матеріалы для изученія тюремнаго вопроса».

»	1871	»	»	»	»	»	»	10	»	»	»	»	6
»	1872	»	»	»	»	»	»	146	»	»	»	»	186

и, кромѣ того, съ самаго начала избрали одиночное заключеніе: въ 1870 г.—124 чел., въ 1871 г.—38 чел. и въ 1872 г.—277 чел. [1]); отсюда ясно, что сами заключенные предпочитали во Франціи одиночное заключеніе; совершенно обратное явленіе, по свидѣтельству В. Н. Никитина, наблюдалось въ русскихъ военно-исправительныхъ ротахъ въ тотъ-же приблизительно періодъ времени; впрочемъ, арестанты въ нашихъ военно-исправительныхъ ротахъ, отбывавшіе половину срока нахожденія въ числѣ испытуемыхъ въ одиночномъ заключеніи, лишены были права заниматься тамъ какою-либо работой [2]).

Мѣста заключенія для военно-служащихъ почти во всѣхъ государствахъ Европы существовали отдѣльныя, но устройство ихъ и установленный въ нихъ режимъ ничѣмъ существенно не отличался отъ принятыхъ въ тюрьмахъ гражданскаго вѣдомства.

---

[1]) Code pénale; Bulletin de l'administr. penit., 1886 г., № 1.

[2]) В. Н. Никитинъ. «Бытъ военныхъ арестантовъ въ крѣпостяхъ», 1873 г., стр. 70—72.

ГЛАВА IV.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ССЫЛКИ КЪ НАЧАЛУ XIX ВѢКА.

Въ XVIII вѣкѣ ссылка у насъ достигла широкихъ размѣровъ: по свидѣтельству Манштейна, въ Сибирь въ теченіе десяти лѣтъ сослано было до 20.000 однихъ дворянъ. При Елизаветѣ, съ уничтоженіемъ смертной казни, ссылка возросла до 80.000 человѣкъ во все ея царствованіе; при Императрицѣ Екатеринѣ число ссыльныхъ возросло еще болѣе: во время пугачевщины, въ Казани, которая была сборнымъ пунктомъ, въ 1773 году накопилось за два года до 5.000 ссыльныхъ и каторжныхъ, которые были затѣмъ обращены въ крѣпости и на новыя линіи.

Безспорно, на расширеніе ссылки оказали вліяніе и событія внутренней жизни Россіи, ознаменовавшейся цѣлымъ рядомъ бунтовъ и волненій: бунты при Петрѣ стрѣльцовъ и раскольниковъ, возстаніе въ Астрахани, булавинскій бунтъ на Дону въ 1708 г., бунтъ Некрасова, желѣзинскій бунтъ въ 1768 г., волненія въ Малороссіи въ 1775 г., московскій бунтъ во время чумы 1768 г., бунтъ яицкихъ казаковъ въ 1771 г., бунтъ монастырскихъ крестьянъ въ 1773 г., волненія крестьянъ при Екатеринѣ, предшествовавшія пугачевщинѣ, Пугачевъ и самозванцы съ 1770—1782 г.г., волненія крестьянъ при Императорѣ Павлѣ въ 1797 г. и т. п. Тысячи народа тянулись въ это время на дворахъ и канатахъ въ далекую Сибирь и рудники. Ссылка сопро-

вождалась наказаніемъ кнутомъ и пыткой. Сыскной приказъ и тайныя канцеляріи работали во всю [1]); военные суды и экзекуціи воинскихъ командъ усугубляли наказаніе ссылкой. Съ Петра, какъ было указано, ссылаемые лишались всѣхъ правъ, присвоенныхъ имъ по состоянію; ссыльнымъ сперва рѣзали уши, потомъ стали вырывать ноздри [2])... Такимъ образомъ, ссылка сохраняла еще свой устрашающій характеръ, но уже въ XVIII вѣкѣ она все болѣе и болѣе принимаетъ характеръ утилитарный: къ ссылкѣ присоединяется обязательность принудительнаго труда [3]), при чемъ ссылка въ каторжную работу, какъ-бы, раскололась на двѣ группы: 1) ссылка на работу въ дальнія, окраинныя и сибирскія мѣстности и 2) каторга близкая или крѣпостная; такой порядокъ подтверждался и указами Императрицъ Анны и Елизаветы Петровны. Такъ изъ ссылки создалась каторжная работа, заслонившая собою первоначальную ссылку. Все это повело къ крайней несоразмѣрности этого наказанія, такъ какъ ссылка назначалась даже за самыя ничтожныя провинности, даже за недоимки и частные долги, хотя въ этомъ направленіи въ 1767 и 1781 г.г. и были сдѣланы ограниченія.

КЛАССИФИКАЦІЯ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

Только указомъ 1797 года впервые дѣлается попытка классификаціи преступленій по степени ихъ важности. Преступники были раздѣлены на три категоріи: 1) уголовныхъ преступниковъ (смертоубійцъ, оскорбителей Величества, возмутителей народа и пристанодержателей) велѣно было попрежнему посылать въ каторжныя работы; 2) преступниковъ, приговоренныхъ на поселеніе, повелѣвалось назначать на работы въ Тельминскую фабрику (а съ 1798 года—на Екатеринбургскіе золотые пріиски или въ Сибирь на поселеніе) и, наконецъ 3), осужденныхъ къ тѣлесному наказанію и безъ такового, за долги и другія преступленія, навсегда или временно, въ смирительные дома и другія казенныя работы—отправлять къ крѣпостнымъ строеніямъ, куда кто способенъ.

---

[1]) См. «Восемнадцатый вѣкъ», Бартенева, кн. III, стр. 302—303; Соловьевъ, т. XVI.

[2]) Въ 1817 году лишь послѣдовало распоряженіе о нерваніи ноздрей у преступниковъ (П. С. З., т. XXXV, № 27.197).

[3]) П. С. З., т. VI, №№ 3.455, 4.041, 4.109; т. VII, № 4.256 (и раньше—т. IV, №№ 1.451, 1.933, 1.957, 2.031; т. III, №№ 1.690, 1.552), 5.383; т. IX, №№ 6.830, 6.867; т. IX, №№ 6.835, 6.869, 6.890.

Однако, уже въ 1811 году новгородскій, тверской и ярославскій генералъ-губернаторъ, принцъ Ольденбургскій, вошелъ съ представленіемъ о необходимости болѣе точной классификаціи преступниковъ и болѣе соразмѣрныхъ съ преступленіями наказаній. Существовавшія постановленія были пересмотрѣны, и результатомъ этой работы явилась новая классификація, а именно: преступники были раздѣлены на важныхъ, наказываемыхъ каторгою, среднихъ, ссылаемыхъ на поселеніе, и маловажныхъ, караемыхъ полицейскими наказаніями. Къ первымъ отнесены были виновные въ убійствѣ, разбоѣ, возмущеніи и лихоимствѣ; ко вторымъ—въ кражѣ свыше 100 руб., неоднократномъ воровствѣ, пристанодержательствѣ и бродяжествѣ и, наконецъ, къ третьей категоріи — виновные въ маловажныхъ кражахъ, мошенничествѣ, непослушаніи и т. п.

Нечего и говорить, что такая неопредѣленная классификація вызвала цѣлый рядъ недоразумѣній въ судебной практикѣ; но и помимо того, широко примѣнявшаяся ссылка въ административномъ отношеніи, конечно, ничуть не была связана такой классификаціей. Болѣе точную формулировку постепенности наказанія даетъ только изданный въ 1822 году Уставъ о ссыльныхъ, который стремится ограничить ссылку назначеніемъ ея только въ крайнихъ случаяхъ и лишь по суду.

ЗНАЧЕНІЕ И РАЗМѢРЫ ССЫЛКИ ВЪ 1-ой ПОЛОВИНѢ XIX ВѢКА.

Въ дѣйствительности ссылка у насъ и въ XIX вѣкѣ продолжаетъ быстро разрастаться по числу ссылаемыхъ, и въ двѣнадцать лѣтъ (съ 1807 по 1818 г.г.) она дошла съ 2.035 человѣкъ въ годъ до 11.116, т. е. почти упятерилась [1]). Объясняется это развитіемъ административной ссылки (мѣщанъ, государственныхъ крестьянъ дурного поведенія и негодныхъ къ военной службѣ), а также изданіемъ указовъ

[1]) Увеличеніе ссылки идетъ въ слѣдующей прогрессіи: съ 1807 по 1812 г.г. ссылалось по 2.035 чел. въ годъ, съ 1812 по 1817—столько-же, съ 1817 по 1823 г.г. она увеличивается на 3.100, въ 1823 г. равняется 6.667, съ 1824—1826 г.г. доходитъ до 11.116 чел. ежегодно, съ 1826 по 1846 среднимъ числомъ 7.987 ч. въ годъ, съ 1846 по 1850 г.г.—8.479 ч., съ 1850—60 г.г.—9.000, съ 1860 по 1865 г.г.—11.000, съ 1865 по 1870 г.г. еще увеличилось (Матер. для угол. стат. Анучина, Статистич. Временникъ 1866 г. Отчеты Максимова, Пейзенъ о колон. Сибири, Статич. Обозрѣніе Гогемейстера, Спасовичъ и др.). По сравненію съ другими наказаніями, въ 1860 г., напримѣръ, число сосланныхъ на поселеніе и въ каторгу было 7.738, въ арестантскія-же роты только — 7.301, къ тюремному-же заключенію, за незначит. преступленія — 6.167! Такой порядокъ измѣняется только съ 1863 г., т. е. съ отмѣною замѣны другихъ наказаній ссылкою (17 апрѣля 1863 г.; послѣ чего пошло въ Сибирь лишь 4.300 ч. въ годъ).

1821 [1]) и 23-го февраля 1823 г.г. [2]). Первымъ изъ нихъ повелѣвалось всѣхъ маловажныхъ преступниковъ и бродягъ, замѣщаемыхъ прежде на работы въ крѣпостяхъ, обращать впредь въ Сибирь. На другой-же годъ послѣ этого указа цифра ссыльныхъ поднялась съ 3 на 6 тысячъ. Указомъ 23 февраля 1823 года, по представленію главнокомандующихъ 1-ой арміей генерала отъ инфантеріи графа Сакена и 2-ой—генерала отъ кавалеріи графа Витгенштейна, было запрещено обращать въ военную службу маловажныхъ преступниковъ и повелѣвалось отправлять ихъ въ Сибирь. Этотъ указъ устранялъ большое для арміи зло, создавшееся назначеніемъ въ войска порочнаго населенія, практиковавшимся въ XIX вѣкѣ въ широкихъ размѣрахъ [3]). Такъ, еще въ 1818 году издань былъ указъ о распредѣленіи въ военную службу преступниковъ и бродягъ, согласно особому расписанію, въ которомъ указывалось изъ какихъ губерній въ какія части войскъ высылать преступниковъ и бродягъ.

УКАЗЪ 23 ФЕВРАЛЯ 1823 Г.

Слѣдуетъ отмѣтить, что правительство, дорожа солдатомъ болѣе въ количественномъ, чѣмъ въ качественномъ отношеніи, не только не брезгало принимать въ ряды войска бродягъ, преступниковъ, скопцовъ и прочихъ, признанныхъ опасными для общества лицъ, но даже не рѣшалось выбрасывать изъ войска его собственный порочный элементъ; такъ, съ самаго начала XIX вѣка указывалось наказанныхъ за воровство и подобныя преступленія солдатъ отсылать въ дальные гарнизоны и полки [4]); въ 1817 году повелѣно было распредѣлять нижнихъ чиновъ, впавшихъ въ пороки, и военныхъ дезертировъ въ прежнія ихъ команды, а лишь самыхъ порочныхъ, не подающихъ никакой надежды на исправленіе, ссылать въ рудники, съ зачетомъ за рекрутъ [5]); въ 1820 году было издано даже особое расписаніе съ указаніемъ откуда и въ какія войска отсылать нижнихъ чиновъ, осужденныхъ и наказанныхъ за преступленія и бродяжничество, и въ томъ-же году предписано было распредѣлить нижнихъ чиновъ л.-гв. Семеновскаго полка по разнымъ полкамъ арміи за буйство и ослушаніе противъ начальства [6]), а также

---

[1]) П. С. З., т. XXXVIII, № 28.655; т. XXXII, № 25.170; т. XXXVII, № 28.271.

[2]) П. С. З., т. XXXVIII, № 29.328.

[3]) П. С. З., т. XXIX, № 22.556; т. XXX, №№ 23.668, 23.591, 23.294; т. XXXII, № 25.170.

[4]) П. С. З., т. XXVI, № 20.061.

[5]) П. С. З., т. XXXIV, № 27.091.

[6]) П. С. З., т. XXXVII, №№ 28.323 и 28.845.

было разъяснено, что за болѣе лишь тяжкія преступленія воинскіе чины подлежали «выключкѣ» изъ службы и наказывались на мѣстѣ преступленія [1]).

Упомянутый выше указъ 1823 года не былъ распространенъ на преступниковъ изъ дворянъ, чиновниковъ и канцелярскихъ служителей [2]), которые продолжали засорять собою ряды арміи еще долгое время.

Насколько наша армія пополнялась порочными людьми до указа 23 февраля 1823 года, можно судить изъ того, что на слѣдующій же годъ послѣ изданія этого указа, т. е. въ 1824 году, черезъ Сибирь сразу прошло до 12.000 человѣкъ, т. е. такое количество преступниковъ, котораго не достигаетъ и позднѣйшая ссылка. Впрочемъ, черезъ два года опять было разрѣшено принимать въ военную службу бродягъ и тѣхъ преступниковъ, которые не наказаны рукою палача, при чемъ въ томъ же 1825 г. послѣдовало окончательно разъясненіе о примѣненіи указа 23 февраля 1823 года [3]).

Слѣдуетъ отмѣтить, что значительное расширеніе ссылки можетъ себѣ найти объясненіе отчасти и въ недостаткѣ у насъ тюремъ, а также въ томъ, что ссылкѣ подвергались и бродяги, а при тяжести для крестьянскаго населенія крѣпостничества и вслѣдствіе другихъ соціальныхъ условій, бродяжество въ русской жизни получило особенное распространеніе. Переходъ на поселеніе путемъ бродяжества представляло обыденное явленіе въ русскомъ народѣ. Одинъ изъ изслѣдователей русской ссылки, г. Ядринцевъ, между прочимъ замѣчаетъ [4]): «поселенья добивались особенно бѣглые солдаты. Это дѣлалось очень просто,—однимъ переходомъ изъ одной губерніи въ другую и объявленіемъ себя непомнящимъ родства. Рядомъ съ крѣпостнымъ правомъ тяжкія условія прежней военной службы, долгіе сроки ея, строгая дисциплина, формалистика и суровыя дисциплинарныя наказанія сильно дѣйствовали на крестьянъ и вызывали дезертирство. Потому-то бродяжество и давало самую большую цифру ссыльныхъ въ сравненіи съ другими преступленіями». Дѣйствительно, какъ видно изъ статистическихъ работъ г. Анучина [5]),

---

[1]) Тамъ-же, № 28.687.
[2]) П. С. З., т. XL, № 30.236.
[3]) Тамъ-же, № 30.372.
[4]) Н. М. Ядринцевъ, «Русская Община въ тюрьмѣ и ссылкѣ». Спб., 1872 г., стр. 530.
[5]) Анучинъ, Матер. для уголов. стат., часть 1, стр. 23.

за двадцатилѣтній періодъ съ 1827 по 1846 годъ, въ Сибирь было сослано 48.556 бродягъ, что составляло болѣе $^2/_5$ всего числа сосланныхъ преступниковъ.

стоимость ссылки.

Что касается экономической стороны ссылки, то наказаніе это далеко не представлялось дешевымъ. По соображеніямъ гг. Лохвицкаго [1]), Ядринцева [2]) и Максимова [3]) государственное казначейство по бюджету 1864 года (т. е. уже послѣ отмѣны закона о замѣнѣ ссылкою другихъ наказаній, послѣдовавшей 17 апрѣля 1863 г.) издерживало на препровожденіе арестантовъ 1.112.000 руб.; содержаніе 8.000 постоянной этапной стражи — пѣшей и конной — обходилось казнѣ не менѣе 2 мил. рублей, а всѣхъ расходовъ—не менѣе 5 мил. рублей. При такомъ расчетѣ, если принять въ среднемъ число ссылаемыхъ въ 6.000 человѣкъ въ годъ, расходъ на каждаго ссылаемаго, для одной лишь его пересылки, опредѣляется въ 800 руб. Кромѣ того слѣдуетъ принять во вниманіе еще и тяжкую подводную повинность для крестьянъ, которой сопряжена была ссылка при сухопутной перевозкѣ, а также расходы по постройкѣ громадныхъ пересыльныхъ замковъ, стоившихъ городамъ очень дорого, и, наконецъ, постройку обширныхъ этаповъ; эти этапы, построенные кое-какъ и крайне дурно, по свидѣтельству г. Максимова, при прежнихъ инженерахъ потребили страшную массу денегъ; постройка этаповъ составляла даже особую доходную статью этихъ лицъ.

ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ССЫЛКА

Въ такихъ общихъ чертахъ рисуется ссылка въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. Что-же касается, въ частности, военной ссылки административнымъ порядкомъ, то процентъ ея былъ точно также весьма значителенъ; для примѣра укажемъ, что въ одномъ 1858 году отправлено было изъ Европейской Россіи отъ 10.000 до 12.000 штрафованныхъ нижнихъ чиновъ изъ гарнизонныхъ батальоновъ. А сколько воинскихъ чиновъ, впавшихъ въ преступленія, ежегодно ссылалось въ дальніе полки и гарнизоны! Туда-же попадали и военные дезертиры-рецидивисты [4]).

---

[1]) Лохвицкій, Учебникъ угол. права.
[2]) Н. М. Ядринцевъ, «Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ», Спб. 1872, стр. 541.
[3]) Максимовъ, «Сибирь и каторга».
[4]) П. С. З., т. XXXI, № 24.312.

Этотъ спеціальный видъ военно-административной ссылки продержался у насъ довольно долго и получилъ не только широкое развитіе, но даже подробно регламентированъ былъ закономъ [1]).

ВИДЫ ССЫЛКИ.

Съ изданіемъ въ 1822 году Устава [2]) о ссыльныхъ, составленіемъ котораго руководилъ Сперанскій, основательно ознакомившійся съ вопросомъ о ссылкѣ у насъ, въ Россіи, и побывавшій даже въ далекой Сибири, русская ссылка получаетъ болѣе опредѣленное устройство и регламентацію.

Такимъ образомъ въ царствованіе Императора Александра I ссылка распалась на слѣдующіе ея виды [3]): 1) Ссылка въ каторжную работу, 2) ссылка въ Сибирь на поселеніе, 3) ссылка въ отдаленныя мѣста Имперіи, 4) высылка за границу.

ССЫЛКА ВЪ КАТОРЖНУЮ РАБОТУ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Что касается ссылки въ каторжную работу, то, какъ уже было выше указано, она подраздѣлилась на дальную или сибирскую каторгу и ближнюю или крѣпостную. XVIII столѣтіе было вѣкомъ широкаго развитія ближней каторги. Начиная съ 1709 года, когда Азовъ сталъ первымъ каторжнымъ мѣстомъ, каторга постоянно мѣняла свое направленіе. Сперва она образовалась на Балтійскомъ побережьи (Петербургъ, Рогервикъ и Шлиссельбургъ); съ 1715 года начали ссылать въ Оренбургскій край для постройки крѣпостей: Оренбургской, Орской, Троицкой, Илецкой Защиты. Въ концѣ-же столѣтія каторжные пункты созданы были по Днѣпровской линіи для постройки крѣпостей: Св. Димитрія (Ростова-на-Дону), Новоалександровска, Таганрога, Азова. Затѣмъ ссылка на каторгу, по мѣрѣ надобности, направлялась въ Грузію, въ Кронштадтъ, Астрахань, Ѳеодосію, Херсонъ, Одессу, Колу, Ригу и т. п. [4]). Все это время дальняя сибирская каторга, получившая въ XVII вѣкѣ значеніе колонизаціонное, хотя и продолжала свое существованіе, но только въ концѣ XVIII вѣка, съ открытіемъ горныхъ заводовъ и золотыхъ рудниковъ въ Екатеринбургѣ и съ основаніемъ фабрикъ въ Сибири, она начинаетъ развиваться и притомъ въ томъ-же утилитарномъ направленіи, какъ и ближняя каторга.

Тяжкихъ преступниковъ предписывалось даже распредѣлять въ

---

[1]) П. С. З., т. XXXVII, № 28.841.
[2]) П. С. З., т. XXXVIII, № 29.128.
[3]) П. С. З., т. XXVI, № 19.736.
[4]) П. С. З., т. XXVII, № 20.742; т. XXVIII, №№ 21.700, 21.802, 21.889; т. XXIX, № 22.361; т. XXX, № 23.782 и др.

каторжныя работы не иначе, какъ по освидѣтельствованію ихъ годности къ труду [1]).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО ССЫЛКИ.

Направленная въ царствованіе Петра I въ Охотскія и Нерчинскія страны (въ XVII вѣкѣ ссылались въ ближнія Сибирскія мѣста: тобольскія и пермскія), ссылка съ 10-го апрѣля 1733 года обосновалась въ Даурахъ на серебряныхъ заводахъ, хотя въ 1722 году (при Аннѣ Іоанновнѣ опять сдѣлана была попытка создать каторжный пунктъ въ Охотскѣ) вмѣсто Верхотурья, служившаго административнымъ центромъ сибирской ссылки въ XVII вѣкѣ, таковымъ на время становится Тюмень, гдѣ учреждено было «по колодничьей части присутствіе»; а съ 1823 года центромъ управленія ссылкою становится Тобольскъ, куда перенесенъ былъ и учрежденный Сперанскимъ «Приказъ о ссыльныхъ». Высшее управленіе ссылкой, какъ уже было нами указано, въ XVII вѣкѣ сосредоточивалось въ Стрѣлецкомъ приказѣ, а въ XVIII столѣтіи — въ Сыскномъ приказѣ. Однако, насколько несовершенна была къ началу XIX вѣка организація дальней ссылки видно изъ того, что въ 1819 году, при ревизіи Сибири Сперанскимъ, обнаружилось, что управленіе не имѣло даже необходимыхъ свѣдѣній о томъ, кто и за что именно и къ какому роду и сроку ссылки приговоренъ; каторжные и поселенцы, мужчины и женщины, взрослые и дѣти были перемѣшаны, и судьба ихъ всѣхъ находилась всецѣло въ рукахъ грубыхъ и необразованныхъ смотрителей. Извѣстенъ сталъ, напр., такой фактъ: состоявшаго на военной службѣ и лечившагося отъ ранъ въ Перми подпоручика Козлинскаго по ошибкѣ препроводили вмѣстѣ съ ссыльными въ Томскъ, гдѣ и поселили [2]).

Приговоренныхъ на поселеніе зачастую засылали на каторжную работу въ Нерчинскіе заводы.

Всѣ эти непорядки были устранены въ значительной мѣрѣ Уставомъ о ссыльныхъ 1822 года [3]).

По этому Уставу единственнымъ учрежденіемъ, вѣдающимъ ссыльныхъ, представляется Тобольскій Приказъ о ссыльныхъ [4]), составъ котораго, порядокъ производства дѣлъ, кругъ дѣйствія и

---

[1]) П. С. З., т. XXXII, № 25.123.
[2]) См. «Жизнь гр. Сперанскаго», т. II, Спб., 1861, стр. 232—233.
[3]) П. С. З., т. XXXVIII, № 29.128.
[4]) Тамъ-же, §§ 156—232, 240, 280, 408—410, 435.

обязанности были строго регламентированы. Вспомогательными при немъ учрежденіями являлись экспедиціи о ссыльныхъ, учрежденныя при 6 губерніяхъ: Казанской, Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской и Пермской [1]). Въ казанской экспедиціи сходились ссыльные со всей Имперіи и еженедѣльно отправлялись въ Пермь, гдѣ они провѣрялись, снабжались продовольствіемъ и одеждой и отправлялись въ Тобольскъ; тамъ ихъ принимали и распредѣляли по пунктамъ ссылки, ведя имъ самый точный учетъ, и передавали затѣмъ въ вѣдѣніе остальныхъ сибирскихъ экспедицій, которыя, по своимъ соображеніямъ, назначали ссыльныхъ въ округи и волости своихъ губерній, имѣя за ними и все дальнѣйшее попеченіе.

Тобольскій приказъ назначалъ ссыльныхъ въ ту или другую губернію Сибири, при чемъ приговоренныхъ въ каторжную работу распредѣлялъ въ крѣпостяхъ и на заводахъ, а прочихъ ссыльныхъ— по назначенію: въ Омскую поселенную рабочую роту, въ цехъ слугъ, на поселеніе, въ водворяемые рабочіе, на житье съ заключеніемъ и безъ заключенія и въ разрядъ неспособныхъ.

Согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденному 15-го іюня 1859 года, приказъ былъ нѣсколько ограниченъ въ вопросѣ о распредѣленіи ссыльныхъ и обязанъ былъ раздѣлять ихъ на четыре разряда: ссыльно-каторжныхъ, ссыльно-поселенцевъ, сосланныхъ на житье и переселенныхъ въ Сибирь въ административномъ порядкѣ.

ПУНКТЫ КАТОРЖНЫХЪ РАБОТЪ.

Пунктами, куда ссылались преступники на каторжныя работы въ Сибири, были: 1) Нерчинскіе серебряные рудники и золотые промыслы, 2) сибирскіе заводы [2]): Петровскій, Селенгинскій, Усть-Кутскій, Троицкій солеваренный, Иркутское Усолье, молотобойная фабрика и винокуренные заводы: Александровскій, Николаевскій, Ильгинскій, Боготольскій, Ентарскій, Успенскій и Каменскій; 3) сибирскія крѣпости: Охотскъ, Чинирrахъ, Омская крѣпость, Семипалатинская и линейныя по Иртышу, Бухтарминская, Троицко-Савская, Цурухайтуйская; всѣ эти крѣпости, впрочемъ, къ началу XVIII вѣка уже утрачиваютъ значеніе пунктовъ каторжной работы, за исключеніемъ лишь Омска, но остаются еще мѣстами ссылки для политическихъ

[1]) П. С. З., т. IL, № 30.449.
[2]) П. С. З., т. XXXIX, № 29.328.

преступниковъ. Но тамъ, гдѣ укрѣпились каторжныя работы, въ особенности съ введеніемъ крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ, первое мѣсто заняли крѣпостныя работы. По свидѣтельству современниковъ—«представляя исключительный пріютъ для преступниковъ изъ военнаго сословія [1]), но не служа исключеніемъ и для другихъ,—крѣпостныя рабочія роты были тѣми учрежденіями, ослабленію которыхъ всего больше должно радоваться человѣколюбивое чувство современнаго человѣка, неспособнаго видѣть начала новыхъ страданій тамъ, гдѣ кончились многочисленныя тяжелыя предыдущія испытанія».

«Въ Сибири крѣпостныя роты были для ссыльныхъ еще и тѣмъ тяжелы и невыносимы, что за крѣпкими крѣпостными запорами побѣги были крайне затруднены и считались примѣтнымъ исключеніемъ... Въ то же время работы отличались полною безпорядочностью и, веденныя безъ всякой системы, не приводили ни къ чему: работы назначались большею частью тамъ, гдѣ онѣ были вовсе не нужны, а потому и непроизводительны, и предпринимались и измышлялись собственно для того, чтобы занять время и истратить по-напрасну силы арестантовъ. Всѣ эти работы уличныя, всѣ—безплатныя, за скверную арестантскую пищу, на платье и притомъ для знающихъ ремесло, на большую часть въ пользу начальства въ то время, когда оно, примѣненіемъ строгой военной дисциплины, успѣло возбудить къ себѣ ненависть и поселить отвращеніе» [2]).

ОСОБЕННОСТИ ССЫЛКИ ВОЕННО-СЛУЖАЩИХЪ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что и Уставъ о ссыльныхъ проводилъ нѣкоторое различіе между ссыльными изъ войска и изъ общества. Такъ, выдѣляя изъ каторжныхъ особый разрядъ дорожныхъ рабочихъ, въ который выбирались самые лучшіе, здоровые и крѣпкіе люди, за «неважныя» вины посланные въ каторгу, уставъ указывалъ, что со вступленіемъ въ этотъ разрядъ преступникъ переставалъ быть «на ряду съ прочими ссыльными», а получалъ названіе нестроевого военно-рабочаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ право быть водвореннымъ въ званіи государственнаго крестьянина, по истеченіи 5 лѣтъ пребыванія въ этомъ разрядѣ, при условіи хорошаго поведенія и трудолюбивой жизни. Кромѣ того, по

---

[1]) Наказанныхъ-же по суду рекрутъ повелѣвалось ссылать на казенные горные заводы и фабрики (П. С. З., т. XXXI, № 24.503).

[2]) «Сибирь и каторга», С. Максимова, Спб., 1871, ч. III, стр. 386.

отношенію къ тѣмъ изъ военно-служащихъ, которые отправлялись въ каторгу безъ исключенія изъ военнаго вѣдомства, уставъ 1822 года предписывалъ направлять ихъ, по окончаніи срока каторги, къ военному начальству, которое и распоряжалось ими по своему усмотрѣнію.

О всѣхъ военнослужащихъ, осуждаемыхъ въ ссылку, посылались отъ корпусныхъ Дежурствъ и Ордонансъ-гаузами или начальниками, исполняющими приговоръ, увѣдомленія въ Тобольскій приказъ о ссыльныхъ.

ПРИДАТКИ КЪ ССЫЛКѢ ВЪ КАТОРЖНУЮ РАБОТУ.

Слѣдуетъ также отмѣтить, что старое Петровское правило о шельмованіи преступниковъ оставалось на практикѣ и въ эпоху Александра I. Такъ, по отношенію къ штабъ и оберъ-офицерамъ, ссылаемымъ за преступленія въ каторжныя работы, законъ разрѣшалъ, «смотря по важности содѣянныхъ ими по службѣ или противъ начальства преступленій», сопровождать ссылку въ каторжныя работы шельмованіемъ. Изъ другихъ старыхъ придатковъ къ каторгѣ, ко времени 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія, оставалось только это шельмованіе. Рваніе ноздрей каторжнымъ, ссылаемымъ въ Сибирь, было отмѣнено указомъ 1817 года [1]), въ слѣдующемъ-же году было издано подтвержденіе о томъ, чтобы клеймить попрежнему [2]), а въ 1825 году ссыльнымъ арестантамъ повелѣно было брить волосы на головѣ [3]).

Отмѣна жестокаго закона о рваніи ноздрей, дѣйствительно, служила однимъ изъ доказательствъ приближавшейся и у насъ, въ Россіи, реформы наказанія въ болѣе гуманномъ направленіи, а также измѣненія самаго взгляда на цѣль наказанія; даже въ ссылкѣ на каторжную работу начинаетъ уже намѣчаться идея устраненія преступнаго элемента въ цѣляхъ общественной безопасности, и наблюдается желаніе провести начало исправленія преступника, хотя для болѣе рѣшительной въ этомъ направленіи реформы ничего существеннаго еще не было сдѣлано. По свидѣтельству современниковъ, такое новое направленіе особенно стало чувствительно со времени ревизіи сибирскихъ карательныхъ учрежденій, произведенной Сперанскимъ.

Ссылка въ каторжныя работы, какъ высшее наказаніе лишеніемъ свободы въ лѣстницѣ наказаній, примѣнялась къ офицерамъ и

---

[1]) П. С. З., т. XXXIV, № 27.197.
[2]) П. С. З., т. XXXV, № 27.300.
[3]) П. С. З., т. II, № 30.419.

нижнимъ чинамъ только по судебному приговору. Установленная полевымъ уголовнымъ уложеніемъ «гражданская смерть» всегда сопровождалась ссылкою въ каторжныя работы [1]).

ЮРИДИЧЕСКІЯ ПОСЛѢДСТВІЯ ССЫЛКИ НА КАТОРГУ.

Каторжная работа входила, какъ необходимый элементъ, и въ «политическую смерть». По словамъ закона, «казнь, такъ называемой политической смерти, состоитъ въ слѣдующемъ: когда кто, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, будетъ положенъ на плаху или возведенъ на висѣлицу и потомъ, съ преломленіемъ надъ головою его черезъ палача шпаги, сосланъ въ Сибирь въ каторжную работу». Лишеніе всѣхъ правъ состоянія всегда сопровождалось лишеніемъ чиновъ чести, добраго имени и знаковъ отличія и отобраніемъ грамотъ и аттестатовъ.

Кромѣ того, политическая смерть, лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ каторжную работу влекли за собой различныя правопораженія. Родительская власть каторжнаго прекращалась, бракъ его расторгался, если только жена и дѣти не слѣдовали за каторжнымъ добровольно. Если-же, вслѣдствіе прощенія и по возвращеніи съ каторги, каторжный находилъ свою жену не вышедшей замужъ, то бракъ оставался въ силѣ. Каторжный не имѣлъ права быть ни наслѣдникомъ, ни завѣщателемъ, и имущество его поступало къ его законнымъ наслѣдникамъ. Лишеніе правъ не распространялось на семью осужденнаго даже въ томъ случаѣ, если она слѣдовала за нимъ [2]). Каторжнымъ даже воспрещалось писать письма, а почтовымъ учрежденіямъ ихъ принимать [3]).

Ссылка въ Сибирь въ каторжную работу всегда влекла за собою особую дополнительную мѣру: «публикованіе имени осужденнаго во всеобщее свѣдѣніе».

Что касается, въ частности, офицерскаго состава войска, то въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ узаконеній того времени [4]) было установлено, что принадлежность осужденнаго къ каторжнымъ работамъ по правамъ состоянія къ привилегированному сословію не исключаетъ для него

---

[1]) П. С. З., т. XXXI, № 24.975, п. 80; т. XXXII, № 25.123 и др.

[2]) П. С. З., т. XXVIII, № 21.276; т. XXIX, № 22.591; т. XXXI, № 24.540; т. XXXII, № 24.238; т. XXXIV, № 27.231; т. XXXVII, № 28.587; т. XXXIII, № 29.624 и др.

[3]) П. С. З., т. XXVII, № 20.936.

[4]) П. С. З., т. XXXI, № 24.975; т. XXXII, № 25.123 и др.

обязательности исполненія работъ: «они подвергаются онымъ на томъ-же основаніи, какъ и лица, подлежащія тѣлесному наказанію».

ССЫЛКА НА ПОСЕЛЕНІЕ ВЪ XVIII И НАЧАЛѢ XIX ВѢКА.

Ссылка въ Сибирь на поселеніе, какъ и каторжныя работы, входила въ составъ придатковъ, сопровождавшихъ гражданскую смерть, и хотя и носила колонизаціонный характеръ (военный и вольно-народный), но такъ какъ въ XVIII вѣкѣ число ссыльныхъ въ Сибирь было очень незначительно (въ годъ отъ 2 до $2^1/_2$ тысячъ) и ссыльными заселяли преимущественно неудобныя для культуры и осѣдлости дикія и пустынныя мѣста, куда не хотѣли идти вольные колонисты, то ссылка на поселеніе долго еще сохраняла свой устрашающій характеръ. Для усиленія наказанія, носившаго и безъ того суровый характеръ, поселенцевъ отправляли на Лену, въ Нерчинскъ, Охотскія земли, въ Камчатку или на дальній Амуръ.

Печальна была судьба поселенцевъ въ такихъ мѣстахъ; они вынуждены были вести вмѣстѣ съ мѣстнымъ населеніемъ бродячую жизнь и въ концѣ-концовъ совершенно утрачивали типъ своего русскаго происхожденія. Попытки заселять преступниками въ XVIII вѣкѣ незанятыя мѣста въ Сибири также привели къ отрицательнымъ результатамъ и потребовали только огромныхъ затратъ и жертвъ. Таковы были попытки заселенія Охотска (въ 1731 и 1733 г.г.), Камчатки (въ 1738 и 1744 г.г.), трактъ черезъ Барабинскую степь долиною въ 1500 верстъ [1]) (въ 1761—1765 г.г.), побережья Ангары, Колыма, пограничной линіи въ Киргизской степи, а также рѣкъ Бухтармы и Иртыша [2]), заселенія дороги отъ Якутска на Адань и Охотскъ (въ 1783 году) и т. д.

Отмѣтимъ достойную вниманія попытку заселенія иртышскихъ крѣпостей ссыльными женщинами для того, чтобы «ежели кто тѣхъ жонокъ и дѣвокъ пожелаетъ взять въ замужество, то дозволять это дѣлать только осѣдлымъ крестьянамъ и разночинцамъ, а не военнослужащимъ». Однако, какъ оказалось, на дѣвкахъ тѣхъ преимущественно женились казаки, а офицеры брали ихъ къ себѣ «въ услуженіе» [3]). Ссылка женщинъ въ Устькаменногорскую и другія крѣпости продолжа-

[1]) Сумасбродное и безчеловѣчное увлеченіе Сибирскаго губернатора Чичерина.

[2]) Указъ 6 августа 1762 г.

[3]) Рапортъ маіора Танскаго. «Мат. для ист. Сибири», стр. 238 и Докум. Омск. обл. архива, 1759 и 1760 г.г.

лась до 1800 года. Подобное снабженіе женщинами нѣкоторыхъ мѣстъ Сибири продолжалось и въ царствованіи Александра I; такъ, въ 1825 году изданъ былъ даже указъ о пріобрѣтеніи покупкою или вымѣномъ отъ сопредѣльныхъ Сибирской границы народовъ дѣтей женскаго пола для вознагражденія недостатка женскаго пола въ западной Сибири между ссыльными [1]).

Въ XVIII вѣкѣ правительство не прилагало никакихъ особенныхъ заботъ о ссыльно-поселенцахъ, которые, по доставленіи ихъ на мѣсто ссылки, были совершенно предоставлены собственному о себѣ попеченію.

Первыя заботы объ устройствѣ ссыльныхъ мы встрѣчаемъ въ исходѣ XVIII вѣка, когда былъ составленъ обширный планъ колонизаціи Забайкалья. Указомъ Императора Павла въ 1799 году предположено было поселить за Байкаломъ до 10 тысячъ душъ отставныхъ солдатъ, крѣпостныхъ крестьянъ, сосланныхъ съ зачетомъ въ рекруты, и преступниковъ, не подлежащихъ въ каторжныя работы; при этомъ предполагалось построить имъ казенные дома, дать запасъ хлѣба на $1^1/_2$ года, снабдить сѣменами, земледѣльческими орудіями и пр. Въ 1801 г. поселено было за Байкаломъ 1.454 ссыльныхъ, но какъ показало донесеніе командированнаго въ 1802 г. изъ Петербурга для устройства ссыльныхъ въ Сибири дѣйств. ст. сов. Лаба, а также полученныя Сенатомъ свѣдѣнія,—поселенія за Байкаломъ «отъ небрежнаго исполненія предназначенныхъ мѣръ, вмѣсто ожидаемой пользы, обращаются на погибель посылаемыхъ туда людей!» Отведенные для поселенцевъ земли Лаба нашелъ разсѣянными на пространствѣ 4.000 верстъ и многія къ поселенію рѣшительно негодными; ни домовъ, ни хлѣба для колонистовъ не было приготовлено. Ссылка въ Забайкальѣ была прекращена [2]).

Послѣ того были изданы новыя правила [3]) о поселенцахъ, по которымъ водвореніе предписывалось производить въ Тобольской и Иркутской губерніяхъ подъ главнымъ наблюденіемъ Сибирскаго генералъ-губернатора; губернаторамъ предоставлялась полная свобода дѣйствій въ отношеніи поселенія и пересылки ссыльныхъ, заботы о заготовкѣ для нихъ провіанта, домовъ и всего необходимаго для коло-

---

[1]) П. С. З., т. IL, № 30.224.
[2]) П. С. З., т. XXVII, № 20.425.
[3]) П. С. З., т. XXVI, № 19.969; т. XXVII, № 20.119 и др.

низаціи. Заселеніе предписано было начать съ Нижнеудинскаго округа, водворивъ тамъ 2.769 душъ; ремесленниковъ поселять въ городахъ, а неспособныхъ зачислять въ мѣщане; вольныхъ поселенцевъ вмѣстѣ съ ссыльными не селить.

Устройство прибывшихъ въ 1807 году въ Нижнеудинскій округъ поселенцевъ было возложено на гражданскаго губернатора Трескина. Въ трехлѣтіе съ 1807 по 1809 г.г. эти казенныя поселенія были возведены, а въ остальные 5 лѣтъ постоянно снабжались ссыльными. Поселенія эти очень напоминали знаменитыя аракчеевскія «военныя поселенія». Кончилась-же и эта попытка полной неудачей, благодаря отчасти злоупотребленіямъ администраціи (исправника Лоскутова и др.), и планъ заселенія окончательно былъ ликвидированъ Сперанскимъ.

Такой-же неудачей окончилась и попытка заселенія въ 1811 году Туруханскаго края (Томской губ.) по дорогѣ отъ Енисейска [1]) и др. подобныя затѣи.

По офиціальнымъ донесеніямъ д. ст. сов. Лабы, онъ нашелъ въ началѣ XIX вѣка въ Иркутской, Томской и Тобольской губерніяхъ всего 10.430 душъ поселенцевъ, которые находились въ самомъ жалкомъ положеніи, а ревизіей Сперанскаго было установлено, что и всѣ приказы Лабы оказались только бюрократической фантазіей и только дали пищу злоупотребленіямъ [2]).

ССЫЛКА ПО УСТАВУ 1822 ГОДА.

По уставу 1822 года ссылно-поселенцы раздѣлены были на 5 разрядовъ: 1) временно-заводскихъ работниковъ, поступающихъ на казенные заводы и фабрики на срокъ и получающихъ двойную, противъ каторжныхъ, плату; 2) способные къ ремесленнымъ работамъ, которые поселялись въ городахъ въ ремесленныхъ домахъ, спеціально для того устроенныхъ; 3) слабосильные и дворовые люди, не знающіе ремесла и неспособные къ сельскимъ работамъ, которые приписывались къ цеху слугъ и отдавались въ услуженіе мѣстнымъ жителямъ; 4) всѣ способные къ сельскимъ работамъ, которые поселялись между старожилами [3]); начало такому поселенію было сдѣлано нѣсколько раньше [4]) и 5) неспособные, больные, калѣки и престарѣлые, имѣвшіе

[1]) П. С. З., т. XXXI, № 24.737 и т. XXXIV, № 27.865.
[2]) Письма Сперанскаго къ дочери, «Русск. Арх.».
[3]) На подобіе ассигнаціонной системы, примѣнявшейся англичанами въ Австраліи.
[4]) П. С. З., т. XXXIV, № 27.148.

болѣе 60 лѣтъ, которыхъ размѣщали по богадѣльнямъ или отдавали въ услуги зажиточнымъ крестьянамъ.

Однако, и это положеніе о поселенцахъ не дало желаемыхъ результатовъ: отъ помѣщенія поселенцевъ для работъ на заводы пришлось отказаться, такъ какъ заводы уже достаточно обслуживались каторжниками; ремесленные дома, устроенные въ Тобольскѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ, Верхнеудинскѣ, Нерчинскѣ и Нижнеудинскѣ были постепенно закрыты вслѣдствіе ихъ убыточности для казны; цехи слугъ, существовавшіе въ первое время въ городахъ Сибири, также понемногу были уничтожены; попытки-же устройства земледѣльческихъ колоній (напр., въ 1829 году) также не увѣнчались успѣхомъ и повлекли лишь огромныя затраты [1]).

Все въ концѣ-концовъ пришло къ такому-же виду, какъ было и до Сперанскаго, и поселенцы на половину разбѣжались, а частью подверглись болѣе суровымъ наказаніямъ, какъ учинившіе уже въ ссылкѣ тяжкія преступленія.

Что касается этихъ послѣднихъ, то, по свидѣтельству Максимова, «солдаты-дезертиры успѣваютъ запутываться наичаще другихъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, каковы убійства, грабежи и разбои».

ОСОБЕННОСТИ ССЫЛКИ НА ПОСЕЛЕНІЕ ВОЕННО-СЛУЖАЩИХЪ.

Хотя ссылка на поселеніе и была карательной мѣрой, примѣнявшейся исключительно по суду, но, въ дѣйствительности, какъ уже нами было указано, военная ссылка въ административномъ отношеніи получила въ первой половинѣ XIX вѣка значительное примѣненіе; правда, ссыльные обращались въ такомъ случаѣ, преимущественно, на житье.

Въ 1807 году была примѣнена еще одна мѣра, касавшаяся преимущественно поселенцевъ изъ военно-служащихъ: годныхъ изъ нихъ предписано было распредѣлять въ полки, расположенные въ Сибири; но уже черезъ годъ съ небольшимъ эта мѣра была отмѣнена [2]).

Въ военное время осужденные въ ссылку на поселеніе отправлялись изъ армій къ пограничнымъ мѣстнымъ начальствамъ; въ мир-

---

[1]) «Письма о Сибири», Завалишина; «Историч. оч. колонизаціи Сибири», Пейзена. Совр., 1859 г.; «Сибирь и каторга», С. Максимова, ч. 1, стр. 282.

[2]) П. С. З., т. XXIX, № 22.556; т. XXX, № 22.786.

ное-же время они передавались изъ военнаго вѣдомства гражданскому начальству на общемъ основаніи для ссылки въ Сибирь [1]).

При передачѣ въ ссылку осужденныхъ военно-служащихъ, военное начальство обязано было, передавая людей изъ военнаго въ гражданское вѣдомство для отправленія по назначенію, препровождать въ губернскія правленія статейные списки и свѣдѣнія о времени отправленія увѣдомленій въ Тобольскій приказъ. Далѣе ссыльные изъ военно-служащихъ ничѣмъ, въ сущности, не отличались отъ прочихъ, за исключеніемъ развѣ одного преимущества: при отправленіи изъ Тобольска въ мѣсто ссылки имъ выдавали, къ зависти всѣхъ прочихъ ссыльныхъ, не коты, а сапоги.

Отмѣтимъ, кстати, что ссылка на поселеніе имѣла сравнительно небольшое примѣненіе, такъ какъ по своему карательному содержанію она настолько мало соотвѣтствовала тяжести самой военной службы, что, какъ нами выше указано, нижніе чины часто даже предпочитали поселеніе военной службѣ, для чего объявляли себя бродягами. Большею частью ссылка на поселеніе по военному закону назначалась военно-служащимъ за хозяйственныя нарушенія.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ О ССЫЛКѢ ВОИНСКИХЪ ЧИНОВЪ.

Весьма любопытныя данныя въ отношеніи характера преступности въ войскахъ можно почерпнуть изъ статистическихъ изслѣдованій г. Анучина [2]), касающихся исключительно ссылки въ Сибирь.

Главную массу ссыльныхъ въ теченіе 38 лѣтъ (съ 1823 по 1861 г.) по абсолютному количеству составляютъ бродяги и бѣглые (т. е. бѣжавшіе съ каторги, мѣстъ поселенія, отъ военной службы и отъ помѣщичьей власти) и выключенные за неспособностью изъ крѣпостныхъ работъ и арестантскихъ ротъ. За ними слѣдуютъ владѣльческіе крестьяне съ дворовыми людьми; затѣмъ государственные, удѣльные и другіе казенные крестьяне; потомъ нижніе воинскіе чины всѣхъ вѣдомствъ; мѣщане, отставные и неслужащіе,— духовные: духовенства бѣлаго и чернаго; дворяне обоихъ видовъ службы (военной и гражданской), шляхтичи и, именовавшіе себя таковыми, купцы, люди всѣхъ другихъ свободныхъ состояній и, наконецъ, иностранцы.

---

[1]) П. С. З., т. XXXI, № 24975, п. 86.
[2]) Анучинъ, Мат. для уголов. стат., ч. 1, стр. 111, 125—127.

За 19 лѣтъ въ сложности (съ 1838—1848 и 1852—1866 г.г.)[1]) нижнихъ воинскихъ чиновъ всѣхъ вѣдомствъ, считая унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ, казаковъ и военныхъ поселенцевъ, было 5.214 чел. (поселянокъ—877). Самая большая часть тяжкихъ (уголовныхъ) преступленій, пропорціонально, выпадаетъ на высшія сословія (болѣе всего на духовенство, затѣмъ на военное сословіе и затѣмъ на дворянство), при чемъ весьма характерно, что военно-служащимъ принадлежитъ первое мѣсто по наклонности къ убійствамъ и грабежамъ, т. е. злоупотребленію силой.

По вычисленіямъ г. Анучина изъ числа ссылаемыхъ въ Сибирь за 12 лѣтъ (съ 1833—1845 г.г.) приходилось (считая 1 на 100 сосланныхъ) осужденныхъ:

1) За смертоубійство всѣхъ видовъ: солдатъ 22%, казаковъ около 21%, дворянъ, служащихъ по военному вѣдомству, 16%, тогда какъ на всѣ другія состоянія и сословія выпадаетъ лишь отъ 7 до 15%.

2) За грабежъ: казаковъ 10%, солдатъ около 9% и дворянъ, служащихъ по военному вѣдомству, около 11¼%, на всѣ же прочія сословія и состоянія приходится отъ 1½ до 5¼%.

3) За побѣги и бродяжество: солдатъ 15⅓%, казаковъ 2½, дворянъ изъ военныхъ около 1¼%, въ остальныхъ сословіяхъ отъ 1—2¼%.

4) За поджоги: военно-служащихъ дворянъ около 5%, солдатъ и казаковъ по 2¼%, въ остальныхъ сословіяхъ отъ 1—3%.

5) За плотскія преступленія: военно-служащихъ дворянъ 3¾%, казаковъ 2¾%, солдатъ 1¾%, въ остальныхъ сословіяхъ отъ 1¼ до 1½%; интересно отмѣтить, что изнасилованіе женщинъ имѣетъ высшій % въ военномъ сословіи.

6) За государственныя преступленія: военно-служащихъ 13%, тогда какъ служащихъ по гражданскому вѣдомству—всего 3%; на эту цифру, очевидно, имѣло значеніе число сосланныхъ декабристовъ и участниковъ другихъ крупныхъ политическихъ процессовъ.

7) За поддѣлку документовъ: военно-служащихъ офицеровъ и чиновниковъ 17%, казаковъ и солдатъ 2%.

---

[1]) Эти данныя могутъ быть примѣнены и къ первой трети XIX вѣка.

8) За клеузничество: военно-служащихъ осуждено всего около 0,1%.

9) За святотатство: солдатъ 3%, казаковъ 1,81%.

10) За соблазнительное (дурное) поведеніе: военно-служащихъ 3½%.

11) За воровство: казаковъ 44%, солдатъ 21%.

12) За возмущеніе и неповиновеніе: солдатъ 3¾%; что касается прочихъ преступленій, то % военно-служащихъ, осужденныхъ за эти преступленія очень незначителенъ; такъ, напримѣръ, за покушеніе на самоубійство осуждено было дворовыхъ крестьянъ лишь 0,48%, а военно-служащіе идутъ даже послѣ нихъ по числу осужденныхъ.

Цифры эти до нѣкоторой степени характеризуютъ тѣ преступленія, за которыя подвергались военно-служащіе ссылкѣ на поселеніе.

«Военно-служащее дворянство, составляя несравненно болѣе высшее сословіе, чѣмъ нижніе чины,—замѣчаетъ г. Ядринцевъ [1]),—отличались однакожъ въ то время тѣми-же преступленіями, какъ и низшее военное сословіе, т. е. преступленіями, состоящими въ злоупотребленіи силой. Военное сословіе и солдаты, какъ показываетъ уголовная статистика по тяжкимъ преступленіямъ, по убійству, грабежу и зажигательству занимали въ то время первое мѣсто въ сравненіи съ др. сословіями; въ разбояхъ они уступали только заводскимъ, въ святотатствѣ—только духовенству».

ССЫЛКА ВЪ ОТДАЛЕННЫЯ МѢСТА ИМПЕРІИ.

Изъ всѣхъ видовъ ссылки, ссылка въ отдаленныя мѣста Имперіи была наиболѣе легкимъ наказаніемъ. Вѣрнѣе было-бы назвать этотъ видъ ссылки—ссылкою на житье или, какъ иногда выражался законъ, ссылкою на жительство.

Каторга и поселеніе влекли за собой рядъ невыгодныхъ послѣдствій для осужденнаго и сопровождались праволишеніемъ. Ссылка-же на житье имѣла своимъ конечнымъ результатомъ только перемѣну мѣста жительства, ссылку, такъ сказать, въ чистомъ ея видѣ, безъ всякихъ ея осложненій.

Ни законъ, ни отдѣльные указы и распоряженія правительства не устанавливаютъ мѣстъ этой ссылки. Это обстоятельство имѣло послѣдствіемъ полный произволъ въ избраніи мѣстъ ссылки, что лежало на

---

[1]) Н. М. Ядринцевъ, «Рус. Общ.» и т. д., стр. 534.

МОСКОВСКАЯ ВОЕННАЯ ТЮРЬМА.

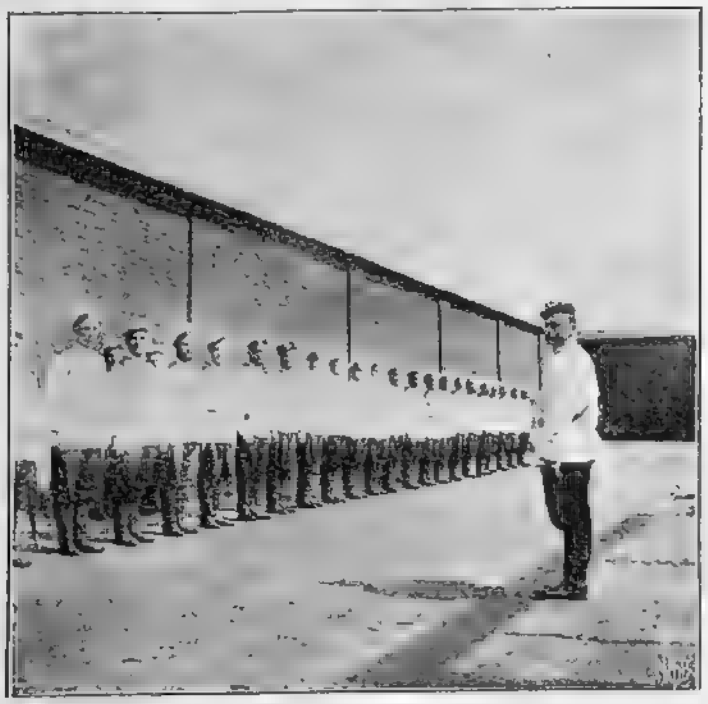
Раздача пищи (движущійся котелъ).

Тюремные пекаря.

Прачешная.

Заключенный на работѣ въ коридорѣ.

Гимнастическій плацъ.



Занятія фронтомъ.

обязанности начальства, которое и руководствовалось только своимъ усмотрѣніемъ.

Ссылка на житье могла быть назначаема по приговору судебныхъ мѣстъ. Присужденные къ этому наказанію отправлялись въ «отдаленныя мѣста имперіи», преимущественно въ сѣверныя и восточныя ея части. Препровожденіе по закону должно было происходить «подъ присмотромъ полиціи» [1]). Фактически-же осужденные сами по себѣ отправлялись въ мѣста ссылки безъ всякаго присмотра, а на мѣстахъ заживали тихой, спокойной жизнью, тѣмъ болѣе, что эта форма наказаній примѣнялась только къ лицамъ привилегированныхъ состояній.

Почти аналогичную форму имѣла ссылка, практиковавшаяся постоянно, но нерегламентированная закономъ: «высылка изъ столицъ, съ запрещеніемъ пребыванія въ оныхъ».

Эта ссылка могла опредѣляться какъ по судебному приговору, такъ и по административному распоряженію начальства. Точно также она могла назначаться не только за предусмотрѣнныя закономъ преступныя дѣянія, но и за проступки, требующіе подобнаго наказанія по мнѣнію административныхъ и начальствующихъ лицъ. Впослѣдствіи эта высылка получила утвержденіе въ сводѣ законовъ гражданскихъ.

ВЫСЫЛКА ЗА ГРАНИЦУ.

Въ царствованіе Александра I регламентирована была и высылка за границу, практиковавшаяся у насъ съ первыхъ-же годовъ царствованія Петра Великаго. Наказаніе это назначалось исключительно для иностранцевъ, состоявшихъ въ русской службѣ, и по закону опредѣлялось только по суду. Фактически-же высылка за границу практиковалась гораздо шире въ административномъ порядкѣ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ провинившійся иностранецъ, въ особенности не занимающій виднаго поста, попросту выселялся за границу по распоряженію администраціи, при чемъ, разумѣется, ему воспрещалось когда-либо возвратиться въ предѣлы Россіи. У лицъ, присужденныхъ къ высылкѣ за границу, отбирались патенты и грамоты на чины и ордена, пріобрѣтенные на русской службѣ [2]). Таковы были виды ссылки,

---

[1]) П. С. З., т. XXXI, №№ 24.145 и 24.975.
[2]) П. С. З., т. XXIX, № 22.425.

Попадали въ далекую ссылку преступники только пройдя тяжелый этапный путь, полный мученья, всякаго рода лишеній, физическихъ и нравственныхъ страданій. Къ разсмотрѣнію установившейся въ царствованіе Александра I этапной системы и обратимся въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА V.

ПЕРВЫЯ правила препровожденія и распредѣленія ссыльныхъ въ дальнихъ украйныхъ городахъ и Сибири мы встрѣчаемъ въ концѣ XVII вѣка, напримѣръ, въ указѣ царя Ѳеодора въ 1679 году; въ слѣдующемъ году указъ этотъ былъ нѣсколько поясненъ, но никакой организаціи пересылки въ то время еще не существовало.

ПЕРЕСЫЛКА АРЕСТАНТОВЪ ДО ВВЕДЕНІЯ ЭТАПНОЙ СИСТЕМЫ.

Такъ продолжалось и въ началѣ XVIII вѣка. Краснорѣчивую картину состоянія пересыльной части мы находимъ въ описаніяхъ протопопа Аввакума, сосланнаго въ двадцатыхъ годахъ XVIII вѣка въ Охотскую и Нерчинскую страну или, по тогдашнему, въ Дауру. Дорогъ туда не только въ то время, но и далеко потомъ, не было: ходили обычными казачьими путями, или рѣками, или, наконецъ, цѣликомъ по лѣснымъ трущобамъ подъ руководствомъ и по указаніямъ туземцевъ-инородцевъ.

Пройти въ мѣсто ссылки было Аввакуму съ товарищами «гораздо нудно». То плыли они на дощаникахъ по рѣкамъ въ безопасныхъ и тихихъ мѣстахъ, то ихъ высаживали и заставляли тянуть барки бичевою, «а на шеѣ цѣпь желѣзная длинная, а ноги, обутыя въ дырявое измызганное отрепье, рѣжутся объ острые камни», то шли пѣшкомъ, неся на себѣ свой скарбъ. Придутъ на отдыхъ—не лучше и тамъ: «привезли въ Братскій острогъ и въ тюрьму кинули, соломки дали. И сидѣлъ до Филиппова поста, въ студеной башнѣ, что собачка

на соломѣ лежу: коли накормятъ, коли нѣтъ...» «Все на брюхѣ лежалъ; спина гнила. Блохъ да вшей было много». Дальше пошли за Байкалъ, доплелись степью до рѣки Шилки; по ней тянулись бичевою. «Зѣло нуженъ ходъ былъ, — замѣчаетъ протопопъ, — и поѣсть было не-коли, нежели спать. Лѣто цѣлое мучились отъ водяныя тяготы. Люди изгибали, и у меня ноги и животъ сини были. Два лѣта бродили въ водахъ, а зимами черезъ волоки волочились». «Стало нечего ѣсть, люди начали съ голоду мереть и отъ работныя водяныя бродни. Рѣка (Ингода) мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большія, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокія—огонь да встряска, — люди голодные; лишь станутъ мучить, ино и умретъ»...

Въ концѣ XVIII вѣка, когда количество ссыльныхъ значительно возросло, увеличилось и значеніе этапнаго пути. Понадобились новыя тюрьмы и новые способы препровожденія ссыльныхъ, но тѣмъ не менѣе никакихъ существенныхъ перемѣнъ не произошло: попрежнему ссыльныхъ везли по рѣкамъ въ дырявыхъ стругахъ, волокли на канатахъ въ тяжелыхъ цѣпяхъ по сухому пути и также предварительно обезсиливали ссыльныхъ на дыбахъ, встрясками, битьемъ и кнутами. Въ очередяхъ для отправки партій не было никакого порядка: въ 1773 году, напр., въ Казани накопилось до 5000 колодниковъ, которыхъ принуждены были обратить назадъ въ крѣпости Россіи и на новыя линіи.

КОНВОПРОВАНІЕ АРЕСТАНТОВЪ.

Въ XVII столѣтіи Стрѣлецкій приказъ посылалъ ссыльныхъ въ Сибирь съ нарочными посыльщиками, заковывая въ кандалы и ручныя желѣза, а за недостаткомъ послѣднихъ — въ ножныя, заливая ихъ наглухо.

Посыльщикамъ давали такіе наказы: «убѣгутъ у тебя колодники, или ты самъ, взявъ съ нихъ окупъ, отпустишь,—то воеводы будутъ бить тебя кнутомъ и сошлютъ самого, вмѣсто тѣхъ людей, которыхъ велъ ты въ ссылку». Въ случаѣ потери посыльщикомъ кандаловъ предписывалось «править на немъ цѣну противъ покупки вдвое», и о томъ посылались грамоты въ Вологду для тѣхъ, которые ссылались въ Сибирь, въ Переяславль и Сѣвскъ, для тѣхъ, которые назначались въ Кіевъ, — и въ Симбирскъ для ссыльныхъ на Терекъ. Подводы подъ больныхъ колодниковъ и подъ вещи состояли на обязанности крестьянъ тѣхъ мѣстностей, по которымъ шла арестантская дорога.

Въ XIII столѣтіи, когда ссыльными уже вѣдалъ Сыскной приказъ, эта обывательская повинность была нѣсколько упорядочена: велѣли брать подводу до перваго яма, сбирая съ тамошнихъ жителей по очереди, чтобы уничтожить тягость, лежавшую на однихъ передъ другими, «а какъ прибыли обывательскія въ ямъ, то отпускать ихъ безъ всякаго задержанія» — предписывалось посыльщикамъ. Кандалы и желѣза оставлены были для ссыльныхъ на прежнемъ положеніи, но для удержанія отъ побѣговъ стали сковывать преступниковъ въ кучу. При этомъ бывали случаи сковыванія мужчинъ съ чужими женами вмѣстѣ, что вызвало 21 сентября 1744 года указъ о необходимости отдѣлять мужчинъ отъ женщинъ, такъ какъ это «христіанскому благочестію противно и чинится беззаконно; подобныя дѣла могутъ быть соблазномъ и ко грѣху причиной». Для регистраціи ссыльныхъ, начиная съ 1701 г., введены были особые статейные списки, но и эти письменныя свѣдѣнія не устраняли установившейся безпорядочности, какъ это выяснилось ревизіей Сперанскаго въ 1819 году. Для предупрежденія бѣгства рвали ссыльнымъ особыми щипцами ноздри и накладывали клейма на лобъ и щеки. Ссыльныхъ водили на канатѣ. Конвой былъ слабъ и плохо вооруженъ и только въ 1811 году, когда учрежденъ былъ корпусъ внутренней стражи, конвой этотъ былъ упорядоченъ, а въ 1817 году учреждены были этапы.

Съ 1802 года ссыльныхъ въ Сибирь конвоировали казаки донского полка [1]), расположеннаго по дистанціямъ въ Казанской губерніи. По указу 12 марта 1807 года [2]) были нарочно командированы изъ Оренбургской губерніи башкирцы и мещеряки для сопровожденія арестантовъ до тѣхъ поръ, пока мѣстное начальство не изыщетъ особыхъ внутреннихъ способовъ препровожденія ссыльныхъ по Сибири. Эти дикари гнали арестантовъ, какъ гуртъ, нисколько не стѣсняясь съ ними, били и истязали ихъ, такъ какъ для нихъ эти несчастные были даже чуждымъ по племени народомъ; къ тому-же смотрителя, грубые и безъ всякихъ нравственныхъ принциповъ, смотрѣли на продовольствіе ссыльныхъ, какъ на средство наживы для себя.

---

[1]) П. С. З., т. XXVII, № 20.154.
[2]) П. С. З., т. XXIX, № 22.487.

Въ 1810 году состоялось распоряженіе о замѣнѣ командированныхъ изъ Оренбурга въ Сибирь башкирцевъ для препровожденія колодничьихъ партій казаками гражданскаго вѣдомства [1]), но и это не улучшило дѣла.

СОСТОЯНІЕ ПЕРЕСЫЛЬНОЙ ЧАСТИ ВЪ НАЧАЛѢ XIX В.

Съ самаго начала XIX вѣка издавались указы [2]) (въ 1803 году), возлагавшіе на обязанность губернаторовъ и губернскихъ правленій «должное попеченіе при пересылкѣ осужденныхъ на поселеніе, дабы они не претерпѣвали въ продовольствіи недостатка и въ пути изнуренія». Издавались также указы о снабженіи ссыльныхъ при отправленіи нужною по времени года одеждою и обувью, о наблюденіи, чтобы въ пути они отнюдь того платья не сбывали, и объ осмотрѣ ихъ по дистанціямъ въ городахъ и селеніяхъ, черезъ которыя они слѣдуютъ на мѣста своего назначенія [3]), а также о разсмотрѣніи съ надлежащей точностью бумагъ о пересылаемыхъ колодникахъ на каждой дистанціи и объ отправленіи тѣхъ колодниковъ далѣе въ назначенный путь по установленнымъ правиламъ [4]). Тѣмъ не менѣе злоупотребленія не прекращались: напр., въ 1811 году тверской прокуроръ Дребушовъ донесъ министру юстиціи (И. И. Дмитріеву): «Во время осмотра пересыльныхъ колодниковъ одна женщина, назвавшаяся Крестиною Яковлевою, объявила, что она, не будучи судима, ссылается въ Сибирь на поселеніе подъ чужимъ именемъ рижской уроженки Редоко-Янъ, но что она ревельская уроженка и зовутъ ее Крестиною Довша Папстъ». По справкамъ оказалось, что она представлена была въ земскій судъ безъ документа; между тѣмъ въ числѣ подороженъ находилась одна на дворовую дѣвку Редоко-Янъ, но самой той дѣвки не оказалось въ пересылкѣ, а потому Папстъ и приняли за нее [5]).

Немудрено слѣдовательно, что Сперанскій нашелъ, что «способъ пересылки преступниковъ обрѣтается въ печальномъ состояніи... Этому печальному неустройству должны были положить конецъ уставы о ссыльныхъ и объ этапахъ» [6]). Вотъ что, между прочимъ, говоритъ по

---

[1]) П. С. З., т. XXXI, № 24.331, п. 2.
[2]) П. С. З., т. XXVII, № 20.437.
[3]) П. С. З., № 23.133.
[4]) П. С. З., т. XXXI, № 24.804, указъ 8 октября 1811 г. и подтвержденіе его: т. XXXII, № 25.025.
[5]) Жизнь гр. Сперанскаго, т. II, Спб., № 1861, ст. 232.
[6]) Тамъ-же, стр. 233.

этому поводу одинъ изъ изслѣдователей нашей ссылки—Н. М. Ядринцевъ [1]). «На личность преступника при переселеніи мало обращалось вниманія. Путь его былъ обставленъ страшными тягостями: тяжелые кандалы, прутья, канаты, цѣпи крайне изнуряли его; онъ подвергался самому безцеремонному обращенію. Военное положеніе во время пути, какъ полицейская расправа, при всякомъ случаѣ въ острогѣ нагайки, розги считались необходимыми, какъ примѣняемыя къ личности, лишенной правъ (на глухихъ трактахъ людей заковывали по-двое въ одни кандалы, а ручная расправа съ ссыльнымъ въ Сибири на этапахъ была дѣломъ обыкновеннымъ). До Сперанскаго препровожденіе въ Сибирь совершенно не было организовано: люди сбывались гуртомъ, безъ всякихъ списковъ, кто они и куда слѣдуютъ; на мѣсто одного пересылали другого и т. д. Люди въ Сибири оставлялись на произволъ судьбы, безъ всякой поддержки и осуждены были на нищенство и бродяжество. Только съ изданіемъ уставовъ о ссыльныхъ въ 1822 г. и учрежденіемъ экспедиціи о ссыльныхъ являются нѣкоторыя попытки устроить порядокъ пересылки въ Сибирь. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинаются заботы объ устройствѣ ссыльныхъ въ Сибири: имъ начинаютъ оказывать нѣкоторую помощь при обзаведеніи и, наконецъ, дозволяется переходъ въ крестьянское сословіе послѣ 6—10 лѣтъ жизни на поселеніи... Тѣмъ не менѣе ссылка продолжала отличаться своимъ суровымъ карательнымъ характеромъ вплоть до уничтоженія тѣлеснаго наказанія 17 апр. 1863 г.»

УЧРЕЖДЕНІЕ И ОРГАНИЗАЦІЯ ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

16 января 1811 г. данный Сенату именной указъ оповѣстилъ: «Предназначивъ существующія нынѣ губернскія роты и штатныя команды привести въ лучшее устройство, настоящему роду службы ихъ и общему порядку сообразное, повелѣваемъ всѣ команды сіи передать изъ гражданскаго въ военное начальство. Военный министръ по даннымъ ему повелѣніямъ немедленно приступитъ къ предназначенному имъ устройству; до того-же времени при точномъ исправленіи положенной для нихъ службы они имѣютъ оставаться въ настоящемъ ихъ вѣдомствѣ на прежнемъ положеніи» [2]).

Такимъ образомъ въ военное вѣдомство были переданы всѣ ко-

---

[1]) Н. М. Ядринцевъ. «Рус. об.» и т. д., стр. 538.
[2]) П. С. З., т. XXXI, № 24.486.

манды, несшія съ 1764 г., когда онѣ были учреждены, спеціально полицейскія обязанности, главнымъ образомъ по охранѣ внутренняго государственнаго порядка. Очевидно, организація этихъ командъ должна была подвергнуться коренному измѣненію и, дѣйствительно, 27 марта того-же 1811 г. [1]), именнымъ указомъ военному министру, опредѣлено было устройство инвалидныхъ ротъ и служащихъ инвалидныхъ командъ различныхъ наименованій,—а 3-го іюля издано было «Положеніе для внутренней стражи». Манифестъ, которымъ это положеніе было введено, гласилъ: «Указомъ 16 января сего года предназначено было губернскія роты и штатныя команды, внутреннюю губернскую стражу составляющія, привести въ лучшее устройство. Нынѣ по окончательномъ соображеніи всѣхъ предметовъ, къ устройству сему принадлежащихъ, внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта, признали мы за благо образованіе военной внутренней стражи» [2]).

Внутренняя эта стража была составлена: 1) изъ губернскихъ батальоновъ и 2) командъ служащихъ инвалидовъ, реформированныхъ согласно указамъ 16 января и 27 марта, а также согласно указа изъ военной коллегіи отъ 30 апрѣля [3]) — о распредѣленіи внутреннихъ гарнизонныхъ батальоновъ на округи и бригады.

Не касаясь подробностей организаціи внутренней стражи, установленной упомянутыми указами, замѣтимъ лишь, что изъ подвижныхъ инвалидовъ образовано было 35 подвижныхъ инвалидныхъ ротъ, а изъ служащихъ и неспособныхъ инвалидовъ были составлены уѣздныя инвалидныя роты и команды, располагаемыя по уѣзднымъ городамъ и подчиненныя командирамъ мѣстныхъ гарнизонныхъ батальоновъ; штатныя-же команды, расположенныя въ тѣхъ городахъ, были сведены вмѣстѣ и составили по губернскимъ городамъ третьи гарнизонныя губернскія роты, входящія въ составъ такъ называемыхъ губернскихъ гарнизонныхъ батальоновъ. Эти послѣдніе распредѣлены были на округи и бригады, за исключеніемъ гарнизонныхъ полковъ и батальоновъ, находившихся въ Архангельскѣ, Москвѣ, Оренбургѣ,

---

[1]) Тамъ-же, № 24.568.
[2]) Тамъ-же, № 24.704.
[3]) Тамъ-же, № 24.615.

Астрахани, въ Грузіи и на линіяхъ Кавказской, Оренбургской и Сибири, которые попрежнему остались въ подчиненіи мѣстнымъ комендантамъ и военнымъ губернаторамъ.

ПОЛИЦЕЙСКІЯ ОБЯЗАННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

Кромѣ общихъ воинскихъ обязанностей на внутреннюю стражу возложены были еще спеціальныя обязанности въ отношеніе къ губернскому начальству, а именно: она могла быть употребляема: 1) въ помощь исполненію законовъ и приговоровъ суда; 2) на поимку воровъ, преслѣдованіе и истребленіе разбойниковъ и разсѣяніе запрещенныхъ закономъ скопищъ; 3) на усмиреніе неповиновеній и буйства; 4) на поимку бѣглыхъ, ушедшихъ преступниковъ и дезертировъ; 5) на преслѣдованіе запрещенныхъ и тайно провезенныхъ товаровъ; 6) на помощь свободному движенію внутренняго продовольствія; 7) на содѣйствіе къ сбору податей и недоимокъ; 8) на охраненіе порядка и спокойствія церковныхъ обрядовъ всѣхъ исповѣданій, закономъ терпимыхъ; 9) на охраненіе порядка на ярманкахъ, торгахъ, народныхъ и церковныхъ празднествахъ и пр.; 10) на принятіе и провожаніе рекрутъ, преступниковъ, арестантовъ и плѣнныхъ; 11) на отправленіе военныхъ, просрочившихъ отпуски, къ ихъ командамъ; 12) на пожары, помощь при разлитіи рѣкъ и тому подобное; 13) на отряженіе нужныхъ часовыхъ къ присутственнымъ мѣстамъ, тюрьмамъ и острогамъ и 14) на провожаніе казны, а сверхъ того, употребленіе къ выемкамъ при открытіи корчемства и къ стражѣ виновныхъ до отсылки ихъ къ суду.

Сверхъ сихъ обязанностей — говоритъ положеніе — внутренняя стража въ то время, какъ находится она на службѣ, какъ-то: въ караулѣ, командировкѣ цѣлымъ отрядомъ, либо дозорѣ, имѣетъ слѣдующія обязанности: 1) брать подъ стражу и предоставлять губернскому начальству людей, настигнутыхъ на самомъ дѣлѣ въ преступленіи, буйствѣ либо насиліи противу лица или имуществъ, и найденныхъ съ окровавленнымъ оружіемъ либо платьемъ и 2) захватывать сборища воровъ и разбойниковъ.

Такимъ образомъ, внутренняя стража представлялась чисто полицейскимъ органомъ, имѣющимъ лишь военную организацію, и несла всѣ тѣ полицейскія обязанности, которыя нынѣ возложены на

строевыя войсковыя части, обременяя ихъ посторонней службой и непосредственно отвлекая отъ военнаго дѣла [1]).

ВЗГЛЯДЪ ЗАКОНОДАТЕЛЯ НА КОНВОЙНУЮ ОБЯЗАННОСТЬ.

Что касается, въ частности, конвойной обязанности, то въ инструкціи командирамъ гарнизонныхъ батальоновъ было указано, что арестанты раздѣляются на два рода: а) подсудимые и б) осужденные. Подсудимые, не бывъ еще обвинены, не суть преступники, и законъ для единой необходимой предосторожности лишаетъ ихъ свободы. Слѣдовательно обращеніе съ ними командъ, ихъ провождающихъ, должно быть согласно съ справедливостью и человѣколюбіемъ. Осужденные понесутъ, либо понесли уже наказаніе; въ томъ и другомъ случаѣ несправедливо отягощать несчастное положеніе сіе. На сихъ основаніяхъ командиръ губернскаго батальона строго наблюдаетъ за добрымъ обращеніемъ съ арестантами какъ въ доставленіи имъ положеннаго закономъ содержанія, такъ и въ непохищеніи подаваемой имъ милостыни и въ запрещеніи всякой со стороны провождающихъ командъ жестокости.

Насколько это мудрое благопожеланіе законодателя противорѣчило дѣйствительности будетъ нами указано ниже при разсмотрѣніи бытовой стороны.

ПОРЯДОКЪ КОНВОИРОВАНІЯ.

Самое «препровожденіе дезертировъ и арестантовъ въ полки и команды преступниковъ, по приговору судебныхъ мѣстъ въ города пересылаемыхъ, либо въ крѣпостныя работы и на поселеніе осужденныхъ», т. е. собственно порядокъ конвоированія опредѣленъ былъ слѣдующимъ образомъ: «собравъ число арестантовъ, сообразное съ силою тѣхъ уѣздныхъ инвалидныхъ командъ, изъ которыхъ на пути ихъ доставленія конвои должны быть заимствуемы, командиръ губернскаго батальона наряжаетъ для препровожденія ихъ конвой, и унтеръ-офицеру, командующему онымъ, выдаетъ открытый листъ, съ означеніемъ на оном имень арестантовъ, времени ихъ отправленія и числа конвоя.

Унтеръ-офицеръ, по проводѣ въ первый уѣздный городъ арестантовъ, сдаетъ ихъ начальнику мѣстной инвалидной команды, передавая и открытый листъ. На семъ листѣ командиръ, арестантовъ принимающій, отмѣчаетъ время ихъ привода и обратнаго отпуска кон-

[1]) По предложенію военнаго министра отъ 14 и 29 марта 1811 г. за №№ 751 и 843.

воя, поступая въ отправленіи арестантовъ отъ себя, какъ выше предписано».

ПОЛОЖЕНІЕ О ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖѢ ВЪ СИБИРСКИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ.

Такимъ образомъ доставленные арестанты на границу губерніи, то есть въ первый на пути лежащій уѣздный городъ другой губерніи, передаются командиру мѣстной инвалидной команды, который, давъ расписку въ исправномъ пріемѣ арестантовъ на открытомъ листѣ приведшей ихъ команды, отправляетъ ихъ далѣе по назначенному пути вышеизъясненнымъ порядкомъ: отдаетъ старый открытый листъ обратно унтеръ-офицеру, съ прежнимъ конвоемъ назадъ возвращающемуся, для предъявленія онаго своему уѣздному начальнику инвалидной команды и немедленной отсылки къ батальонному командиру.

Въ 1816 году, съ изданіемъ 4-го сентября Положенія о Внутренней стражѣ Сибирскихъ губерній, въ §§ 2—4 и 12—13 Положенія изложены были вполнѣ аналогичныя правила препровожденія арестантовъ въ Сибирь, отличавшіяся лишь нѣкоторыми деталями, зависѣвшими отъ мѣстныхъ условій [1]): отъ отдаленности Сибири, обширности территоріи, разноплеменности населенія и нахожденія въ его составѣ значительнаго числа ссыльныхъ преступниковъ (см. приложеніе №).

Обязанности Внутренней стражи по Иркутской губерніи были возложены на Иркутскій гарнизонный полкъ и служащія инвалидныя команды въ уѣздныхъ городахъ въ усиленномъ составѣ, а сверхъ того на двѣ сформированныя подвижныя инвалидныя роты при винокуренныхъ заводахъ. Изъ Тобольскаго гарнизоннаго полка сформированы были Тобольскій и Томскій батальоны Внутренней стражи, а бывшій Томскій—переименованъ былъ въ Усть-Каменногорскій; въ уѣздныхъ-же городахъ Тобольской губерніи также были образованы служащія инвалидныя команды, въ двойномъ противу штата 27 марта 1811 года числѣ людей. Служащія команды и подвижныя инвалидныя роты были подчинены въ Иркутской губерніи командиру гарнизоннаго полка, а въ Тобольской и Томской—командирамъ тамошнихъ гарнизонныхъ батальоновъ,—и всѣ вмѣстѣ вошли въ составъ Сибирскаго отдѣльнаго корпуса, командиру котораго они непосредственно и были подчинены, а не к-ру корпуса внутренней стражи.

---

[1]) П. С. З., т. XXXIII, № 26.847; т. XXXIV, № 27073.

Обязанность въ отношеніи конвоированія преступниковъ, арестантовъ и плѣнныхъ отличалась въ Сибирскомъ корпусѣ лишь тѣмъ, что Внутренняя стража употреблялась для этой цѣли лишь въ помощь городовымъ казакамъ.

ЭТАПНАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ.

Въ 1817 году препровожденіе арестантовъ входитъ въ новую стадію развитія: вводится этапная система пересылки арестантовъ. Въ этомъ дѣлѣ сказался организаціонный талантъ Сперанскаго. Первоначально были назначены лишь этапы для препровожденія арестантовъ по тракту отъ Петербурга до Москвы [1]), затѣмъ отъ Москвы до Тобольской губерніи [2]) и, такимъ образомъ, этапнымъ порядкомъ потянулись въ далекую Сибирь арестанты по главнѣйшему пути отъ обѣихъ столицъ.

Въ слѣдующемъ году назначены были этапы по трактамъ: отъ С.-Петербурга до Архангельска и до Риги [3]), отъ Кіева до С.-Петербурга и отъ Радзивилова до Москвы [4]), отъ Гродно до этапа въ Ѳеофиловой пустынѣ, учреждаемаго на дорогѣ отъ Кіева къ С.-Петербургу [5]).

Препровожденіе по вновь открытымъ этапнымъ трактамъ было возложено, согласно расписаніямъ, на внутренніе гарнизонные полки и батальоны, на гвардейскую и уѣздныя инвалидныя роты и команды, а также на вновь сформированныя этапныя инвалидныя команды, расположенныя по тѣмъ мѣстамъ этапныхъ трактовъ, которыя болѣе удалены отъ частей внутренней стражи.

28 марта 1819 года издана была новая Инструкція, въ которой опредѣлена была обязанность Начальниковъ уѣздныхъ инвалидныхъ командъ при пересылкѣ преступниковъ, а также отвѣтственность инвалидовъ за слабый за ними надзоръ («смотрѣніе») [6]).

Сѣть этапныхъ путей продолжала увеличиваться съ каждымъ годомъ: въ 1819 г. назначены были этапы отъ Кіева до Одессы, отъ Каменецъ-Подольска до Василькова, отъ Брестъ-Литовска до Москвы и отъ Бѣлостока до Гродно [7]); въ 1820 г.—отъ Риги черезъ Динабургъ,

---

[1]) П. С. З., т. XXXIV, № 26.847.
[2]) П. С. З., т. XXXIV, № 27.006.
[3]) П. С. З., т. XXXV, 27.222.
[4]) П. С. З., т. XXXV, № 27.255.
[5]) П. С. З., т. XXXV, № 27.265.
[6]) П. С. З., т. XXXVI, № 27.797, п. 7 и 18.
[7]) П. С. З., т. XXXVI, № 27.800.

Витебскъ и Оршу на этапную дорогу, учрежденную отъ Брестъ-Литовска до Москвы [1]), и отъ С.-Петербурга до Выборга [2]) и др.

Въ 1823 году былъ установленъ порядокъ препровожденія арестантовъ по городамъ 1-го округа Отдѣльнаго корпуса Внутренней стражи, въ дополненіе учрежденныхъ уже этапныхъ дорогъ [3]), и назначены были этапы отъ Херсона черезъ Берославъ до городовъ Таврическаго полуострова и по Херсонской губерніи [4]).

Въ 1824 году, наконецъ, былъ изданъ «Уставъ объ этапахъ въ Сибирскихъ губерніяхъ», который въ томъ-же году и былъ приведенъ въ дѣйствіе [5]); вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлено было содержаніе этапныхъ командъ отъ Казани до границы Тобольской губерніи въ двойномъ числѣ, такъ какъ по этому пути, главнымъ образомъ, и производилась ссылка въ Сибирь [6]); этапная-же сѣть расширилась устройствомъ новыхъ этапныхъ трактовъ: отъ Новой Ладоги до Нижняго-Новгорода, отъ Уоры до Бисерскаго этапа на Сибирскомъ трактѣ и отъ Георгіевска до Ростова по Кавказской области и землѣ Донскихъ казаковъ [7]). Въ томъ-же году былъ законченъ составленіемъ и опубликованъ порядокъ препровожденія арестантовъ по городамъ 2 округа отдѣльнаго корпуса Внутренней стражи, въ дополненіе учрежденныхъ уже этапныхъ дорогъ [8]).

Такимъ образомъ опредѣлилась въ общихъ чертахъ этапная организація въ царствованіе Александра I, и вся имперія оказалась перерѣзанной этапными трактами въ направленіи по преимуществу съ сѣвера, запада и юга—на востокъ, т. е. къ Сибири; по этимъ-то трактамъ потянулись со всѣхъ концовъ Россіи прикованные къ желѣзнымъ прутьямъ или скованные цѣпью арестанты, конвоируемые стариками-инвалидами.

УСТАВЪ ОБЪ ЭТАПАХЪ И УСТАВЪ ОБЪ ЭТАПАХЪ ВЪ СИБИРСКИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ.

Изданный послѣ учрежденія въ 1817 году этаповъ Уставъ объ этапахъ опредѣлилъ «составъ этапныхъ командъ, порядокъ отпра-

---

[1]) П. С. З., т. XXXVII, № 28.104.
[2]) П. С. З., т. XXXVII, № 28.105.
[3]) П. С. З., т. XXXVIII, № 28.928.
[4]) П. С. З., т. XXXVIII, №№ 28.935 и 29.118.
[5]) П. С. З., т. XXXIX, №№ 29.129 и 29.135.
[6]) П. С. З., т. XXXIX, № 29.144.
[7]) П. С. З., т. XXXIX, №№ 29.198, 29.204 и 29.897.
[8]) Тамъ-же, № 29.165.

вленія и движенія препровождаемыхъ ими партій, обязанности этапныхъ командъ, ихъ зависимость, отношенія къ мѣстному начальству, пособія отъ земли, продовольствіе и снабженіе военно-служителей». Этапныя эти команды были образованы изъ регулярныхъ пѣхотныхъ полковъ вполнѣ аналогично по штатамъ съ существовавшими уже инвалидными командами; но, однако, подобныя этапныя команды учреждены были для препровожденія арестантовъ лишь въ предѣлахъ Европейской Россіи; въ Сибири-же продолжали нести конвойную службу попрежнему башкирцы, мещеряки и городовые казаки.

Правила препровожденія арестантовъ въ Сибирь преподаны были въ инструкціи, указывавшей обязанности начальниковъ уѣздныхъ инвалидныхъ командъ и чиновъ внутренней стражи въ Сибири [1]), а затѣмъ 22 іюля 1822 г. учреждены были этапы для препровожденія арестантовъ и по Сибирскимъ губерніямъ отъ границы Пермской губерніи съ Тобольскою до города Иркутска. На эти этапы были опредѣлены команды изъ регулярнаго пѣхотнаго войска и изъ нѣкотораго числа конныхъ служителей. Со времени введенія этого устава было прекращено командированіе въ Сибирь изъ Оренбургской губерніи башкирцевъ и мещеряковъ, до тѣхъ поръ несшихъ конвойную службу.

ИНВАЛИДНЫЯ ЭТАПНЫЯ КОМАНДЫ.

Этапы размѣщены были, согласно особому расписанію, по трактамъ черезъ одну станцію. На каждый этапъ опредѣлена была команда изъ 1 офицера, 2 унтеръ-офицеровъ, 1 барабанщика и 25 рядовыхъ пѣшихъ гарнизонныхъ солдатъ, а въ Сибири, сверхъ того, по четыре конныхъ городовыхъ казака; послѣднимъ либо доставляли на этапахъ постоянную осѣдлость, либо смѣняли ихъ по временамъ другими. Сибирскіе городовые казаки принадлежали къ составу губернской и окружной полиціи и состояли въ гражданскомъ управленіи. Уставъ о сибирскихъ городовыхъ казакахъ былъ изданъ 22 іюля 1822 г. [2]).

Подчиненныя офицеру, получившему званіе этапнаго начальника, этапныя команды, подобно командамъ уѣздныхъ инвалидовъ, были подчинены командиру гарнизоннаго полка или батальона,

---

[1]) П. С. З., т. XXXVI, №№ 27.796 и 27.797.
[2]) П. С. З., т. XXXVIII, № 29.129.

расположеннаго въ губернскомъ городѣ и отправляющаго обязанности внутренней стражи.

Военно-служащимъ на этапахъ предоставлены были особыя преимущества и выгоды какъ въ служебномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ, а потому и выборъ людей при комплектованіи этапныхъ командъ изъ гарнизонныхъ полковъ и батальоновъ, расположенныхъ въ Сибири, долженъ былъ производиться съ особенной разборчивостью. Первоначально этапныя команды въ Сибири сформированы были изъ Селенгинскаго гарнизоннаго полка, но такъ какъ солдаты этого полка были большею частью люди ненадежные, неоднократно наказанные, штрафованные, то было приказано замѣнить ихъ нижними чинами изъ другихъ гарнизонныхъ батальоновъ. Солдаты преимущественно назначались семейные и хотя «невидные» по строевой части, но «отнюдь не вовсе изувѣченные или почему-либо неспособные носить оружіе». Каждому этапу для хозяйства отведены были свободныя земли, чтобы солдаты могли имѣть покосы и пашни и могли-бы строить собственные дома. Такія этапныя команды обязаны были «прилагать стараніе къ поимкѣ бѣглыхъ и воровъ, близъ дороги укрывающихся, или, по крайней мѣрѣ, быть для нихъ страшными своею дѣятельностью и поисками до того, чтобы всякое опасеніе насилія на дорогахъ не имѣло основательныхъ причинъ».

Между тѣмъ вотъ въ какихъ выраженіяхъ описываетъ много лѣтъ спустя этихъ «грозныхъ» этапныхъ солдатъ Н. М. Ядринцевъ [1]) въ своихъ очеркахъ:

«Съ десятокъ человѣкъ насъ отдали подъ конвой трехъ инвалидовъ; это была обыкновенная инвалидная команда, имѣющая самый жалкій видъ. Обдерганныя шинели, оборванные лацкана, худенькія, бракованныя, скользающія съ бедра портупеи, старыя, дребезжащія ружья... все это крайне убого. Но и эта команда намъ казалась грозною: ружья ея были заряжены; солдаты бодрились передъ начальствомъ, а ихъ испитыя, изношенныя лица старались хмуриться. Послышалось: «задніе, заряди ружья! Маршъ!»—и мы потащились по пыльному городу... Я вовсе не имѣю намѣренія смѣяться надъ этими людьми; это—добрый старый типъ, въ которомъ сформировалось много комичнаго, но и

[1]) Н. М. Ядринцевъ, «Рус. об.», стр. 271.

много добродушнаго. Въ этихъ кривыхъ, кособокихъ, удрученныхъ старостью и крѣпкими напитками воинахъ часто встрѣчали неподдѣльное участіе и искреннее человѣческое чувство. Это были отжившіе «могикане», и на другихъ трактахъ мы встрѣтили уже новыхъ... И неужели эти люди кого-нибудь могутъ удержать? Вѣдь теперь мы можемъ бѣжать: мы почти свободны,—думалось мнѣ. Но тутъ снова мелькнули на дорогѣ довѣрчивые, смѣющіеся, нюхающіе табакъ старцы-конвоиры, и я подумалъ: да справедливо-ли платить за снисхожденіе измѣной?.. Тысячи народа приходятъ ежегодно на каторгу съ этими убогими командами, и бѣгства все-таки составляютъ исключеніе; за Байкаломъ можно видѣть, какъ десятокъ казаковъ съ заржавленными пиками ѣдетъ за толпой, растянувшейся отъ станціи до станціи; эти люди сами несутъ кандалы въ мѣшкахъ за плечами; они за двѣ версты до этапа кидаются вперегонку, чтобы поскорѣе разобрать мѣста въ тюрьмѣ. Старые этапные офицеры всегда довѣряли преступникамъ и полагались на ихъ честь, и что-же? Арестанты платили за маленькія льготы полнымъ ручательствомъ артели: они сохраняли договоръ и сдерживали его свято»...

БОРЬБА СЪ ПОБѢГАМИ.

Тѣмъ не менѣе побѣги были довольно обычнымъ явленіемъ. Думали уменьшать побѣги организаціей этапныхъ партій изъ меньшаго числа людей (60 вмѣсто 100) на лѣтнее время, когда всего больше бѣгали арестанты, а для облегченія надзора за пересыльными — не посылали одновременно много каторжныхъ и старались, чтобы партіи приходили на этапъ до наступленія ночи. Противъ бѣглаго, который не сдается и угрожаетъ, начальникъ этапа имѣлъ право даже дѣйствовать оружіемъ, и городничіе обязаны были напоминать каждой партіи объ этомъ правѣ.

Предположили также удержать пересыльныхъ отъ побѣговъ тѣмъ, что стали арестантамъ брить половину головы, «возложивъ на обязанность этапныхъ командъ подбривать волосы, когда оные подрастутъ» [1]). «Министръ юстиціи кн. Лобановъ предложилъ при всѣхъ этапныхъ командахъ завести легкіе желѣзные ручные прутья, по примѣру употребляемыхъ на этапахъ, ведущихъ въ Сибирь, что и было высочайше

---

[1]) П. С. З., т. IL, №№ 30.211 и 30.419,—указъ 14 іюля 1825 года.

утверждено Императоромъ Александромъ I 19 августа 1825 г. [1]). Этотъ крайне неудобный, натиравшій и знобившій руку способъ кованія въ желѣза при провожденіи арестантовъ продержался до 1 марта 1832 г., когда прутъ былъ замѣненъ цѣпью съ особыми наручниками, т. е. способомъ еще болѣе неудобнымъ и тяжелымъ для арестантовъ; впрочемъ, надо оговориться, что по указу 22 декабря 1827 г. привилегированные арестанты, т. е. изъ лицъ, лишенныхъ дворянства, закованію въ желѣза не подвергались. Наручники были изобрѣтены командиромъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи генераломъ Капцевичемъ и нельзя сказать, чтобы это изобрѣтеніе было изъ удачныхъ. Одинаково неудобныя для арестантовъ и конвоировъ, такъ какъ арестанты, будучи скованы общей цѣпью, нарочно замедляли передвиженіе или рвали цѣпь и разсыпались,—цѣпи оставили по себѣ плохую память. Но обратимся къ этапнымъ командамъ.

БЫТОВЫЯ ЧЕРТЫ ИНВАЛИДНОЙ ЭТАПНОЙ ОРГАНИЗАЦІИ.

Этапный офицеръ въ то время не отличался особенными добродѣтелями: ни образовательнаго, ни нравственнаго ценза для него не существовало. Онъ самъ обыкновенно искалъ этого мѣста и, какъ говоритъ С. Максимовъ [2]), — «получалъ его въ награду за долгое терпѣнье, какъ древній русскій воевода, и съ тою-же самою прямою цѣлью. Инвалидныя мѣста въ недавнюю старину тѣмъ и славились, что лучше крѣпостной деревни были. Хороши были инвалидныя команды вообще, да и этапныя таковы-же въ частности».

Вотъ нѣсколько характерныхъ черточекъ, разсказанныхъ тѣмъ-же С. Максимовымъ [3]), но раньше слѣдуетъ сдѣлать небольшую оговорку: какъ уже нами было указано, обычай пускать арестантовъ на связкахъ собирать себѣ на пропитаніе подаянія настолько глубоко вѣлся въ наши тюремные порядки, что, несмотря на самые энергичные запреты, онъ удержался до XIX вѣка, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Только съ учрежденіемъ въ 1819 году Попечительнаго Общества, шатанье колодниковъ было остановлено регулированною благотворительностью: устройствомъ кружечнаго сбора въ пользу арестантовъ и разумнымъ и справедливымъ распредѣленіемъ этого сбора. Но сборъ

---

[1]) П. С. З., т. IL, № 30.457.
[2]) С. Максимовъ,—«Сибирь и каторга», ч. 1, стр. 60.
[3]) Тамъ-же.

подаяній, однако, не прекратился, такъ какъ нельзя было запретить жертвователямъ одарять при случайныхъ встрѣчахъ партіи арестантовъ.

«Еще въ Москвѣ,—разсказываетъ С. Максимовъ [1]), — тотчасъ по выходѣ партіи ссыльныхъ изъ пересыльнаго тюремнаго замка, бывалые этапные начальники спѣшили заявлять и объяснять тѣ начала, которыми будутъ руководствоваться они сами, а потомъ всѣ остальные товарищи ихъ—ближніе и дальніе этапные командиры.

— Какими васъ, ребята, улицами вести? — спрашиваетъ бывало свою партію опытный этапный.

— Хорошими, ваше благородіе! — отвѣчали бывалые изъ арестантовъ.

— Соблаговолите въ барабанъ бить [2]) и прохладу дайте! — прибавляли опытные изъ нихъ.

— Прохлада 50 рублей стоитъ, барабанъ столько-же. Стало, ровно сто на меня, да десять на унтеровъ, по рублю на рядовыхъ, согласны-ли?—говорилъ офицеръ.

— Идетъ! — отвѣчали бывалые изъ арестантовъ съ полной готовностью, когда на дворѣ праздникъ и не стояла глухая лѣтняя пора и начинали торговаться, если на ихъ сторонѣ не было такихъ сильныхъ и благопріятныхъ условій».

«У этапныхъ начальниковъ на деньги покупались всевозможныя льготы: право пропѣть «Милосердную» и собрать съ попутной деревни, сходить въ баню, выкупаться въ рѣкѣ, сбѣгать въ кабакъ, снять кандалы, нанять подводу и т. п. Конвойные офицеры сами промышляли водкой, содержали подводы для арестантовъ и пр.».

«Подъ Казанью,—свидѣтельствуетъ С. Максимовъ,—былъ этапъ и прозывался пьянымъ; пьяный и былъ: тамъ спаивали всѣ партіи. Въ Енисейской губерніи другой такой этапъ стоялъ и офицеръ жилъ. У него было пять дочерей и при нихъ онъ кабакъ содержалъ...»

Что касается конвойныхъ нижнихъ чиновъ, то они не упускали малѣйшаго повода, чтобы сдѣлать съ арестантовъ поборъ, и изобрѣтательность ихъ въ этомъ отношеніи была изумительна. «Этапный солдатъ, получавшій отъ казны около 3 руб. въ годъ, какъ будто хочетъ

[1]) «Сиб. и кат.», ч. I, стр. 46.

[2]) Барабанный бой, производимый конвойнымъ барабанщикомъ, оповѣщаетъ жертвователей о слѣдованіи партіи. Объ имѣніи по одному барабанщику въ этапныхъ командахъ см. 2-е П. С. З., т. IV, № 2616.

наградить себя за многотрудную службу на счетъ арестантовъ. Другое дѣло сибирскіе казаки, конвоировавшіе арестантовъ въ Восточной Сибири, тѣ гораздо умѣреннѣе и жалостливѣе къ арестантамъ. — Этапные солдаты обворовывали даже этапы, унося съ нихъ все, что имѣетъ цѣнность, и былъ даже случай уноса сосновыхъ дверей».

«Солдаты присылаются семейные, а потому на новомъ мѣстѣ спѣшатъ поскорѣе обзавестись собственнымъ домомъ и хозяйствомъ. Заплативши 15—20 руб. за избу, солдатъ отдаетъ ей все свое свободное время и потомъ наживается около арестантовъ. Хотя имъ и положено было отводить земли подъ поля и сѣнокосы, но полей они не пахали, а сѣнокосы отдавали въ кортомъ». Между тѣмъ трудъ этапнаго солдата былъ очень тяжелый: каждый этапный солдатъ, исправляя казенную службу, долженъ былъ пройти пѣшкомъ 100 верстъ въ недѣлю; въ годъ (50 недѣль) больше 5 тысячъ верстъ, а во весь срокъ службы (отъ 15—20 лѣтъ) до 100 тысячъ верстъ!

ЭТАПЫ И ПОЛУЭТАПЫ

Деревянные этапы и полуэтапы были въ Сибири построены въ промежутокъ времени между 1824 и 1830 г.г., а въ Европейской Россіи нѣсколько раньше, всѣ почти по одному шаблону:

«Два дома: одинъ окнами на улицу для офицера и команды, другой внутри на дворѣ, окруженный частоколомъ, для арестантовъ».

«Посмотрѣть съ фасу: стоитъ желтенькій домикъ, въ серединѣ крылечко, съ боковъ примыкаетъ частоколъ, въ немъ также по серединѣ широкія ворота; правыя на арестантскій дворъ, лѣвыя на конюшенный дворъ, отдѣленный отъ перваго частоколомъ. Войдешь крылечкомъ въ пролетъ сѣней, въ сквозной коридоръ наружной казармы и знаешь: въ правой половинѣ двѣ комнаты, изъ которыхъ ближнюю прокуриваютъ тютюномъ этапные солдаты, дальнюю—конвойные казаки. Въ лѣвой половинѣ двѣ комнаты для этапнаго офицера, завѣдывающаго двумя ближними полуэтапами; тамъ-же его прихожая и кухня. На этапѣ кромѣ офицера живетъ еще коморникъ-сторожъ и уже больше никого».

«Войдешь коридоромъ на дворъ: вотъ и арестантская казарма чуть не на самомъ носу и совершенно противъ первой, той-же длины и того-же плана, т. е. также она раздѣлена на двѣ половины и каждая половина на двѣ казармы: правая и лѣвая для идущихъ на поселеніе. Двѣ заднія казармы (правая и лѣвая) раздѣлены поперечной стѣной

на двѣ поменьше; изъ нихъ стало четыре маленькихъ: въ одной направо—женщины, налѣво—запоздавшіе на этапъ поселенцы. Въ двухъ заднихъ помѣщаются кандальные, т. е. ссыльно-каторжные. Чтобы попасть къ нимъ, надо обойти кругомъ всей казармы и попадать дверями съ внутренняго фаса ея. Тамъ узнаешь, что правѣе арестантской казармы дворъ называется женскимъ, а домишко на немъ—баней».

«Устройство полуэтаповъ проще, но зато они и неудобнѣе. Здѣсь съ фасу видишь только стойкомъ торчащія заостренныя наверху бревна и среди нихъ огромныя ворота съ низенькой пробитой въ нихъ и непомѣрно захватанной калиткой. Изъ-за острія палей торчатъ трубы и крыши. Войдя туда, узнаемъ, что по правую руку отъ воротъ,—караулка, по лѣвую, также въ углу,—конюшня. Среди двора стоитъ казарма меньше этапной, но съ поперечнымъ коридоромъ, на который глядятъ четыре двери: изъ нихъ трое ведутъ въ большія комнаты для поселенцевъ, четвертая выходитъ изъ заднихъ узенькихъ сѣнецъ. Тамъ дверь въ № 4, куда запираютъ кандальныхъ и такимъ образомъ держатъ ихъ ночью подъ двумя замками» [1]).

Черезъ каждые три этапа въ четвертомъ устроены были больницы, въ которыхъ вмѣсто лекарей были лишь фельдшера, да и то лишь по названію.

РАСТАХИ.

На громадныя, иногда, партіи арестантовъ назначалось для ихъ сопровожденія всего около 20 человѣкъ конвойныхъ, наряжаемыхъ отъ этапа, да четыре конвойныхъ казака, которые и ведутъ ихъ отъ растахи (дневки) два-три дня до растахи, гдѣ происходитъ смѣна конвойныхъ [2]).

Весь внутренній распорядокъ и хозяйство на этапахъ было регламентировано не только Положеніемъ объ этапахъ, но и цѣлымъ рядомъ указовъ [3]), въ подробное разсмотрѣніе которыхъ не будемъ входить. Первоначально этапы обозначались нумерами, но съ 1824 года

---

[1]) «Сиб. и кат.», С. Максимова, ч. I, стр. 79 и 83.
[2]) П. С. З., т. IL, № 30.202; т. XXXVII, № 28.236.
[3]) П. С. З., т. XXXIV, № 27.073; т. XXXV; т. XXXIX, №№ 29,144, 27.330, 27.436; т. XXXVII, №№ 28.156, 28.253; т. XXXVIII, №№ 29.111, 28.871, т. IL, № 30.366 и др.

они получили наименованія по тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ они были учреждены [1]).

ПОРЯДОКЪ ПРЕПРОВОЖДЕНІЯ.

Самый порядокъ и правила препровожденія арестантовъ были преподаны въ §§ 11—13 Положенія о Внутренней стражѣ Сибирскихъ губерній, а также въ послѣдующихъ указахъ о порядкѣ препровожденія арестантовъ по городамъ 1-го и 2-го округовъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи [2]). «Идетъ партія,—говоритъ С. Максимовъ,—въ неизмѣнномъ, разъ нарисованномъ и навсегда установленномъ порядкѣ: впереди ссыльно-каторжные въ кандалахъ; въ серединѣ ссыльно-поселенцы, безъ оковъ ножныхъ, но прикованные по рукамъ къ цѣпи (въ царствованіе Александра I — къ желѣзному пруту) по-четверо; сзади ихъ, также прикованныя по рукамъ къ цѣпи, идутъ ссылаемыя на каторгу женщины, а въ хвостѣ — неизбѣжный обозъ съ больными, багажомъ, съ женами и дѣтьми, слѣдующими за мужьями и отцами на поселеніе...»

Правительство вынуждено было затѣмъ подтверждать «о неупустительномъ исполненіи» порядка въ отправленіи ссыльныхъ и образѣ сношенія объ нихъ съ Сибирскимъ начальствомъ [3]), въ виду возникавшихъ на практикѣ частыхъ недоразумѣній, а также установить въ 1819 году особыя правила объ обязанности начальниковъ уѣздныхъ инвалидныхъ командъ при пересылкѣ преступниковъ и объ отвѣтственности инвалидовъ въ слабомъ за ними надзорѣ [4]), хотя слабость «смотрѣнія», какъ выражался законъ, во многомъ обусловливалась самой организаціей этапной части.

ПЕРЕСЫЛКА ВОЕННЫХЪ АРЕСТАНТОВЪ.

Сильно развившаяся къ этому времени военно-административная ссылка, какъ уже было нами отмѣчено, неоднократно регламентировалась указами Императора Александра I, направленными къ упорядоченію этой ссылки и, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы ограничить засореніе арміи преступными и порочными людьми. Благодаря тому, что неисправимо порочные нижніе чины, бродяги и впавшіе въ преступленія ссылались обыкновенно на службу въ дальніе гарнизоны

---

[1]) П. С. З., т. XXXIX, № 29.820.
[2]) П. С. З., т. XXXIII, № 26.426; т. XXXVIII, № 28.928 и т. XXXIX, № 29.165.
[3]) П. С. З., т. XXXVIII, № 29.271.
[4]) П. С. З., т. XXXVI, № 27.797.

и расположенныя на окраинахъ части войскъ, эти послѣднія по своему составу оказались совершенно несоотвѣтствующими той важной задачѣ по охранѣ государства, которая на нихъ была возложена. Вотъ почему представлялось крайне необходимымъ урегулировать военно-административную ссылку.

ОРДОНАНСЪ-ГАУЗЫ.

Не менѣе важнымъ представлялся вопросъ о порядкѣ пересылки, преимущественно на далекія окраины, столь огромнаго числа ссылаемыхъ воинскихъ чиновъ. Пересылка военныхъ арестантовъ производилась черезъ Ордонансъ-гаузы, которыхъ было учреждено ко времени царствованія Императора Александра I вполнѣ достаточное число; въ 1809 году при всѣхъ учрежденныхъ по крѣпостямъ при гарнизонныхъ полкахъ Ордонансъ-гаузахъ были образованы даже военные суды, съ цѣлью устранить промедленіе въ разсмотрѣніи дѣлъ и, такимъ образомъ, устранить скопленія слишкомъ большого числа арестантовъ въ Ордонансъ-гаузахъ.

Безъ сомнѣнія, трудъ пересылки военныхъ арестантовъ распредѣлялся далеко неравномѣрно между всѣми Ордонансъ-гаузами; тамъ, гдѣ было больше войскъ, и въ тѣхъ пунктахъ, которые лежали на главныхъ путяхъ ссылки, очевидно скоплялось значительное число военныхъ арестантовъ, и на эти-то Ордонансъ-гаузы и выпадалъ наиболѣе тяжелый трудъ.

Такимъ образомъ сама жизнь, какъ бы подраздѣлила, по степени важности, Ордонансъ-гаузы на разряды; законодателю оставалось лишь санкціонировать установившуюся практикой группировку.

27 іюня 1817 года именнымъ указомъ Начальнику Главнаго Штаба [1]) повелѣно было «для приведенія въ опредѣлительность Ордонансъ-гаузы» раздѣлить ихъ по штатамъ на 3 класса: 1-ый классъ присваивался Ордонансъ-гаузамъ обѣихъ столицъ, 2-ой—Ордонансъ-гаузамъ тѣхъ городовъ, которые расположены были «на большихъ военныхъ дорогахъ» и, наконецъ, 3-й классъ должны были составить Ордонансъ-гаузы такихъ городовъ, «чрезъ которые менѣе проходятъ войска».

Во всѣ Ордонансъ-гаузы нижніе чины прикомандировывались для несенія службы изъ внутренней стражи отъ служащихъ инвалидовъ,

---

[1]) П. С. З., т. XXXIV, № 26.944-а.

которые при этомъ продолжали числиться въ составѣ своихъ командъ. Такимъ образомъ тѣ-же инвалидныя команды несли и службу конвоированія спеціально военныхъ арестантовъ.

Въ 1819 году было опубликовано подробное расписаніе подраздѣленныхъ такимъ образомъ Ордонансъ-гаузовъ [1]).

Перворазрядными были Ордонансъ-гаузы въ Петербургѣ и Москвѣ; Ордонансъ-гаузы 2-го класса были: въ Свеаборгѣ, Выборгѣ, Кіевѣ, Або, Новгородѣ, Псковѣ, Могилевѣ на Днѣпрѣ, Смоленскѣ, Вильнѣ, Варшавѣ, Ригѣ, Динабургѣ, Бобруйскѣ, Георгіевскѣ, Твери, Гроднѣ, Тифлисѣ; Ордонансъ-гаузы 3-го класса были учреждены: въ Ревелѣ, Одессѣ, Херсонѣ, Севастополѣ, Оренбургѣ, Каменцѣ-Подольскомъ, Казани, Иркутскѣ, Бендерахъ, Измаилѣ, Владикавказѣ, Астрахани, Омскѣ, Архангельскѣ, Витебскѣ, Минскѣ и Кишиневѣ. Итого было 36 Ордонансъ-гаузовъ.

Начиная со слѣдующаго года, наблюдается уже стремленіе ограничить и упорядочить военно-административную ссылку, такъ какъ вредъ ея вполнѣ сознавался правительствомъ; взглядъ этотъ нашелъ себѣ полное выраженіе въ указѣ 1821 года [2]), въ которомъ было опубликовано расписаніе о высылкѣ и распредѣленіе арестантовъ, доставляемыхъ въ Ордонансъ-гаузы и къ командирамъ внутреннихъ батальоновъ, при чемъ точно указывалось изъ какихъ пунктовъ и куда, въ какія части войскъ препровождать тѣхъ арестантовъ.

Какъ извѣстно, съ этого времени военно-административная ссылка начинаетъ постепенно уменьшаться, пока, наконецъ, почти совсѣмъ не вымерла, если не считать случаевъ раскассированія цѣлыхъ частей войскъ.

---

[1]) П. С. З., т. XXXVI, № 27.798.
[2]) П. С. З., т. XXXVII, № 28.841.

чески не отбывая никакихъ служебныхъ обязанностей и даже вдали отъ своихъ частей войскъ, зачастую въ вотчинахъ или крупныхъ центрахъ общественной жизни.

При арестованіи офицеровъ обязательно отбирались у нихъ шпаги, при чемъ въ 1808 году послѣдовало разъясненіе, по которому это правило было распространено на штабъ- и оберъ-офицеровъ, имѣющихъ даже высшіе ордена [1]). Вообще установлено было разграниченіе видовъ лишенія свободы для офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Прежнее наименованіе содержащихся подъ стражей невольниками было въ 1816 году отмѣнено въ отношеніе военно-служащихъ, которыхъ впредь предписано было именовать арестантами [2]).

Чтобы установить хоть нѣкоторый контроль надъ примѣненіемъ ареста къ военно-служащимъ и по возможности устранить случаи, къ сожалѣнію тогда нерѣдкіе, чрезмѣрно долгаго содержанія подъ арестомъ, въ 1809 году [3]) повелѣно было доставлять Военному Министру ежемѣсячныя вѣдомости о содержащихся по городамъ и крѣпостямъ подъ арестомъ воинскихъ чинахъ, не исключая и нижнихъ чиновъ, съ указаніемъ, содержатся-ли они по суду или дисциплинарно; такимъ образомъ устранялась необходимость въ существовавшемъ ранѣе порядкѣ, по которому войсковыя части объ арестованныхъ рапортовали лишь комендантамъ [4]); съ 1824 года непосредственный надзоръ и контроль надъ военными арестантами, а въ томъ числѣ и надъ арестованными въ военныхъ мѣстахъ заключенія, возложенъ былъ на военное начальство, въ лицѣ корпусныхъ и дивизіонныхъ командировъ и начальниковъ Главныхъ Штабовъ [5]).

«По свѣдѣніямъ, дошедшимъ сюда (т. е. въ Главный Штабъ),—значится въ указѣ 23 февраля 1824 г.,—извѣстно, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ военные арестанты, находящіеся временно въ городовыхъ острогахъ, содержатся въ оныхъ безъ должнаго призрѣнія», а посему Высочайше повелѣно: «поручить г.г. Корпуснымъ и Дивизіоннымъ Командирамъ, равно и Начальникамъ Главныхъ Штабовъ,

---

[1]) П. С. З., т. XXX, № 23.814.
[2]) П. С. З. т. XXXIII, № 26.371.
[3]) П. С. З., т. XXX, № 24.063.
[4]) П. С. З., т. XXXI, № 24.254, п. 3.
[5]) П. С. З., т. XXXIX, № 29.807.

чтобы они, при осмотрѣ войскъ, осматривали равномѣрно военныхъ арестантовъ, содержащихся временно въ городовыхъ острогахъ, такъ и тѣхъ, кои, находясь подъ судомъ при Ордонансъ-гаузахъ или Военныхъ комиссіяхъ, учрежденныхъ при внутреннихъ гарнизонныхъ батальонахъ, состоятъ въ особыхъ кордегардіяхъ, и о всѣхъ замѣчаніяхъ доносили бы по командѣ» съ изложеніемъ своего мнѣнія. «Въ городахъ же, гдѣ нѣтъ армейскихъ войскъ, а военные арестанты находятся, возложить обязанность сію на Окружныхъ генераловъ и Бригадныхъ Внутренней стражи начальниковъ».

Никакихъ болѣе или менѣе значительныхъ измѣненій въ порядкѣ содержанія арестованныхъ военно-служащихъ въ царствованіе Александра I произведено не было, и лишь были установлены отъ казны суточныя, въ размѣрѣ 25 коп. въ сутки, находящимся подъ военнымъ судомъ арестантамъ, отставнымъ и выключеннымъ изъ военнаго вѣдомства чиновникамъ, не только содержащимся подъ стражей въ мѣстахъ заключенія военнаго вѣдомства, но и въ «вѣдомствѣ гражданскаго правительства» [1]).

Слѣдуетъ также отмѣтить, что съ 1824 года въ приговорахъ военныхъ судовъ было уже обязательно указывать кого изъ подсудимыхъ содержать въ крѣпости въ казематахъ, а кого на гауптвахтѣ [2]). Въ отношеніе офицеровъ Высочайшимъ повелѣніемъ 1824 года [3]) лишеніе свободы въ крѣпостяхъ было подраздѣлено, по тяжести его, на три группы: 1) содержаніе въ крѣпости, 2) содержаніе въ казематахъ и 3) содержаніе на гауптвахтѣ. Первый видъ примѣнялся къ разжалованнымъ офицерамъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ присуждались къ крѣпостнымъ работамъ. Второй видъ ближе подходилъ къ заточенію, о которомъ упоминало Полевое Положеніе; заключенный, не подвергаясь работамъ и не лишаясь чиновъ и орденовъ, отбывалъ въ казематѣ безвыходно назначенный ему срокъ наказанія. Наконецъ послѣдній видъ лишенія свободы, болѣе употребительный, сводился къ отбыванію ареста при кордегардіи въ крѣпостяхъ и не влекъ никакихъ ограниченій въ служебныхъ правахъ.

---

[1]) П. С. З., т. XXXII, № 25.609 и т. XL, № 30.536.
[2]) П. С. З., т. XXXIX, № 29.795.
[3]) Отчетъ Аудиторіат. Департамента 1824 г.; мѣсяцъ и число повелѣнія не указаны.

Что касается военныхъ арестантовъ, содержимыхъ въ гражданскихъ мѣстахъ заключенія, то въ этомъ отношеніи не безынтересно отмѣтить состоявшееся 30 сентября 1824 года Высочайше утвержденное Положеніе Комитета Министровъ [1]).

Комитетъ нашелъ, «что военныхъ арестантовъ есть два рода: одни собственно военные, по распоряженію воинскаго начальства отдаваемые подъ арестъ; сего рода арестанты никогда не поступаютъ въ градскія тюрьмы и содержатся всегда при гауптвахтахъ; другіе, также хотя и военные, но принадлежатъ въ одинъ разрядъ съ гражданскими, какъ-то: бѣглые, бродяги, преступники и прочіе, кои доставляются Земскими Судами и внутреннею стражею или отдаются для наказанія. Сіи арестанты не могутъ быть отдѣляемы отъ прочихъ гражданскихъ и должны содержаться въ градскихъ тюрьмахъ съ раздѣленіемъ по родамъ преступленія. Основываясь на семъ разсужденіи, Комитетъ не находитъ никакой надобности для арестантовъ сего рода строить особыя помѣщенія, но полагаетъ, что тюремные замки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они слишкомъ тѣсны, должны быть по мѣрѣ необходимости только расширяемы на счетъ казны».

Такимъ образомъ, въ первой четверти XIX вѣка уже совершенно отчетливо обособилась категорія военныхъ арестантовъ, а изъ нея выдѣлился разрядъ отбывающихъ арестъ въ дисциплинарномъ порядкѣ; но военные арестанты, отбывающіе наказаніе по суду, не различались отъ гражданскихъ арестантовъ, хотя-бы и были осуждены за воинскія преступленія; другими словами, благодаря условіямъ военнаго быта, въ военно-тюремныхъ учрежденіяхъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, надобности еще не встрѣчалось.

Однако, уже въ послѣдующее царствованіе Императора Николая I сама жизнь наталкиваетъ правительство на мысль о необходимости созданія спеціально военныхъ мѣстъ заключенія, первоначально впрочемъ въ видѣ особыхъ крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ, въ которыхъ, какъ-бы сливались еще двѣ главныя категоріи арестантовъ: военные и гражданскіе. Цѣль воинскаго наказанія не была еще въ то

---

[1]) П. С. З., т. XXXIX, № 30.075.

время выдвинута на первый планъ, и законодательство слѣдовало по пути реформъ въ этомъ направленіи лишь по соображеніямъ практической цѣлесообразности, руководствуясь попрежнему только утилитарнымъ взглядомъ на наказаніе лишеніемъ свободы.

Б. Эпоха Императора Николая I.

ГЛАВА VII

ЦАРСТВОВАНІЕ Императора Николая I не дало какихъ-либо существенныхъ реформъ въ области военно-уголовнаго законодательства и военной юстиціи, а, слѣдовательно, и въ области военно-карательной дѣятельности. Начала, положенныя въ предшествующее царствованіе въ основу военно-правовыхъ отношеній, не подвергались измѣненію, и военное право продолжало развиваться въ томъ-же направленіи. *ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.*

Однако, стремленіе Императора Николая I къ укрѣпленію государственнаго строя, путемъ систематизаціи дѣйствовавшихъ законоположеній, сказалось и въ военномъ дѣлѣ; если мы не можемъ отмѣтить законодательнаго творчества, то зато мы находимъ въ это царствованіе вполнѣ законченную работу кодификаціи военныхъ законоположеній: въ 1838 году былъ изданъ первый Сводъ Военныхъ Постановленій, которому предшествовалъ изданный въ 1832 году Сводъ Общихъ Законовъ; оба эти свода были составлены подъ ближайшимъ руководствомъ Сперанскаго и, слѣдовательно, по одной и той-же идеѣ и плану. *ИЗДАНІЕ СВОДА ВОЕННЫХЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ.*

Какъ показываетъ самое названіе, Сводъ Военныхъ Постановленій представлялъ лишь систематическое собраніе всѣхъ законоположеній,

устанавливавшихъ правовой порядокъ въ нашей арміи, а потому онъ и могъ имѣть лишь практическое значеніе, такъ какъ облегчалъ однообразное примѣненіе закона, устранялъ неточности, двойственность и противорѣчія, дотолѣ неизбѣжныя, вслѣдствіе хаотичности военнаго законодательства, изданнаго разновременно и не объединеннаго ни общностью началъ, ни духомъ, ни просто хоть сколько-нибудь удобной системой. Къ тому-же въ арміи, столь долгое время лишенной положительнаго закона, царилъ произволъ, не знавшій предѣла, а потому Сводъ Военныхъ Постановленій внесъ необходимую устойчивость и прочность въ нашъ воинскій правопорядокъ.

ВОЕННО-УГОЛОВНЫЙ УСТАВЪ 1839 ГОДА.

V часть Свода Военныхъ Постановленій составилъ Военно-Уголовный Уставъ, обнародованный 25 іюня 1839 года и получившій обязательную силу съ 1 января 1840 года.

Въ 1855 году Уставъ этотъ вышелъ вторымъ изданіемъ, а въ 1859 году онъ былъ вновь изданъ вмѣстѣ съ остальными частями Свода. Уставъ состоялъ изъ двухъ книгъ, изъ которыхъ въ первой заключались матеріальные, а во второй—формальные военно-уголовные законы. Не останавливаясь подробно на разсмотрѣніи Военно-Уголовнаго Устава 1839 года, укажемъ лишь, что онъ не представлялъ ничего новаго, такъ какъ въ основу его легли воинскіе артикулы—съ одной стороны и Полевое Уложеніе—съ другой. Однако, не безъ вліянія на Уставъ оказался и Сводъ 1832 года, изъ котораго почти цѣликомъ вошли въ уставъ общая его часть, — система распредѣленія и юридическія конструкціи общихъ и даже общеслужебныхъ преступленій.

Обладая значительными недостатками, Военно-Уголовный Уставъ представлялся благодѣяніемъ въ томъ отношеніи, что привелъ въ нѣкоторую систему наказанія, выработанныя практикою, хотя онъ и не провелъ послѣдовательно опредѣленнаго взгляда на цѣль воинскаго наказанія; отсюда пестрота карательныхъ мѣръ, изъ которыхъ нѣкоторыя сохраняютъ свой жестокій характеръ, какъ-бы преслѣдуя цѣль устрашенія, а другія, значительно смягченныя по сравненію съ артикулами Петра Великаго, какъ бы вводятъ начало исправленія преступника, или направлены къ удаленію изъ арміи ея порочныхъ чиновъ.

Такая-же неопредѣленность и даже несоотвѣтствіе наказанія

тяжести преступленія замѣчается и въ отдѣльныхъ опредѣленіяхъ Устава 1839 г., не устранившаго этихъ недостатковъ, хотя они и были отмѣчены многими еще до его изданія.

Такъ, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, при составленіи въ 30-хъ годахъ проекта положенія о нижнихъ чинахъ не изъ дворянъ [1]), указывалъ на «большую несообразность въ наказаніяхъ», назначаемыхъ по конфирмаціямъ: «одни за первый побѣгъ наказываютъ розгами, двумя и тремя стами ударами, а другіе — шпицрутенами черезъ тысячу человѣкъ»; такая несообразность, по мнѣнію Великаго Князя, «сколько несправедлива, столько-же и изнурительна», и «все происходитъ отъ неимѣнія поднесь закона положительнаго». Но и Военно-Уголовный Уставъ, повторяемъ, не устранилъ этой несообразности.

Система наказаній по Уставу въ общихъ чертахъ представлялась въ слѣдующемъ видѣ: самымъ тяжкимъ наказаніемъ была смертная казнь (разстрѣляніемъ и повѣшеніемъ), примѣнявшаяся въ мирное и въ военное время, но допускавшая въ мирное время замѣну ссылкою въ каторжную работу; смертная казнь сопровождалась лишеніемъ права распорядиться передъ смертью своимъ имуществомъ и шельмованіемъ. СИСТЕМА НАКАЗАНІЙ

Затѣмъ слѣдовало наказаніе политической смертью, установленное еще указами 23 марта 1753 г. и 30 сентября 1754 года, и состоявшее въ томъ, что осужденнаго, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, клали на плаху или ставили подъ висѣлицу, послѣ чего переламывали надъ его головою шпагу и ссылали въ каторжную работу; послѣдствіемъ политической смерти было лишеніе родительскихъ, семейственныхъ (если другой супругъ не слѣдовалъ добровольно за осужденнымъ) и имущественныхъ правъ.

Изъ Полевого Уложенія въ Уставъ 1839 года перешла и, такъ называемая,—гражданская смерть, т. е. въ сущности лишеніе всѣхъ правъ состоянія, а, слѣдовательно, и чиновъ, чести, добраго имени и знаковъ отличія, съ отобраніемъ грамотъ и аттестатовъ; гражданская смерть всегда сопровождалась ссылкою на поселеніе или въ каторжную работу.

[1]) Арх. Гл. В.-Суд. Управленія, дѣло о составленіи проекта положенія о н. чин. не изъ дворянъ, часть 2, стр. 3—4.

Затѣмъ по тяжести слѣдовали наказанія, поражавшія свободу виновнаго: ссылка въ каторжную работу, на поселеніе въ отдаленныя губерніи, заключеніе въ арестантскія роты, заточеніе въ крѣпости, арестъ на гауптвахтѣ, отдача въ солдаты.

Къ ссылкѣ въ каторгу офицеровъ за воинскія преступленія присоединялось и шельмованіе; при ссылкѣ-воинскіе чины передавались въ мирное время гражданскому начальству, а въ военное — отправлялись изъ арміи къ начальству пограничному.

Такъ какъ изслѣдованіе историческаго развитія этихъ видовъ наказанія составляетъ предметъ нашего очерка, то ниже мы и разсмотримъ ихъ болѣе подробно; въ настоящее-же время укажемъ лишь, что въ царствованіе Императора Николая I наказанія лишеніемъ свободы военно-служащихъ получили болѣе опредѣленную регламентацію, при чемъ замѣтно сказалось стремленіе къ смягченію этого рода наказаній; это стремленіе выразилось раньше всего въ томъ, что въ 1822 (по Уставу о ссыльныхъ) и, въ особенности, закономъ 1828 года, вмѣсто каторжной работы «вѣчно», предписано было приговаривать къ ней «безъ срока»; опредѣленіе же срока предоставлено было начальству на мѣстѣ ссылки осужденнаго.

ТѢЛЕСНЫЯ НАКАЗАНІЯ.

Та же тенденція къ смягченію наказанія еще рельефнѣе наблюдается на тѣлесномъ наказаніи. Замѣтимъ, что самымъ распространеннымъ видомъ воинскаго наказанія—представлялись именно наказанія тѣлесныя: прохожденіе сквозь строй, кнутъ, плети и «наказаніе розгами». Ген. Сабанѣевъ въ 1826 году писалъ кн. Воронцову [1]): «польза службы да и самая справедливость требуетъ, чтобы власть нѣкоторыхъ чиновниковъ въ тѣлесномъ безъ суда наказаніи имѣла свои предѣлы, а потому считаю необходимымъ власть батальоннаго и ротнаго командировъ въ семъ отношеніи ограничить закономъ, а субалтернъ- и унтеръ-офицерамъ употребленіе палокъ вовсе запрещать.. До сихъ поръ мѣра власти въ наказаніи ограничивается двумя крайними предѣлами: палка и смерть. Послѣдняя не во власти начальника только въ отношеніи ко времени, т. е. кто въ одинъ разъ убьетъ, тотъ убійца, а кто въ два года заколотитъ, тотъ не въ отвѣтѣ. Нѣтъ также опредѣленнаго наказанія по мѣрѣ преступленія: все зависитъ отъ про-

[1]) Военно-ученый Арх. Гл. Штаба, Арх. кн. Воронцова, т. 36, стр. 469.

взвола. Напр., буяну, пьяницѣ, лѣнтяю — дадутъ сто палокъ, а исправному барабанщику, который по ошибкѣ не въ ногу ударитъ,— пятьсотъ».

То же самое свидѣтельствуетъ и гр. Кисилевъ [1]): «тѣлесныя наказанія ни въ чемъ не ограждены, и каждый безъ разбора — отъ фельдмаршала до капрала — можетъ бить и убить человѣка». Въ 1827 году особенно горячо возражалъ противъ тѣлеснаго наказанія гр. Витгенштейнъ [2]), полагавшій, что армія можетъ обойтись и безъ этого наказанія.

ПОСТЕПЕННОЕ СМЯГЧЕНІЕ ЭТОГО НАКАЗАНІЯ.

Наше законодательство съ 1801 года, когда Императоромъ Александромъ I было возстановлено дѣйствіе жалованной дворянской грамоты и городового положенія, освобождавшія дворянъ и купцовъ отъ тѣлеснаго наказанія, вступило на путь постепеннаго смягченія и уничтоженія тѣлеснаго наказанія, но шло по этому пути очень медленно: въ 1802 году воспрещено было при опредѣленіи наказанія кнутомъ прибавлять въ приговорахъ слова «нещадно и жестоко»; въ 1817 году отмѣнено было рваніе и распоротіе ноздрей (при ссылкѣ въ каторгу), которое являлось въ сущности тѣмъ-же тѣлеснымъ наказаніемъ, хотя и мотивировалось цѣлью наложить на преступника «печать отверженія» и лишить его «навсегда способовъ избѣжать присужденнаго ему закономъ мѣстопребыванія». «Находя при нынѣшнемъ устройствѣ внутренней стражи, на которую возложено препровожденіе колодниковъ, таковое усугубленное наказаніе излишнимъ,—говоритъ законодатель [3]),— мы отмѣняемъ оное, яко безчеловѣчнымъ истязаніемъ сопровождаемое».

Указомъ 14 апрѣля 1825 года [4]) публичное наказаніе плетьми для нижнихъ чиновъ было замѣнено шпицрутенами, «какъ служащими больше примѣромъ для удержанія отъ преступленія»; исключеніе изъ этого закона было сдѣлано, впрочемъ, для служащихъ и не служащихъ казаковъ, для которыхъ, въ силу Высочайшаго повелѣнія, по представленію войскового атамана, 2 января 1826 года, шпицрутены были вновь замѣнены плетьми [5]).

---

[1]) Воен.-учен. Арх. Гл. Шт., отд. 4, № 504.

[2]) Воен. Сб., 1895 г., № 9, стр. 201, а также «Предположенія о тѣлес. безъ суда наказаніи и о раздѣл. н. чиновъ на два разряда». Стр. 58.

[3]) П. С. З., т. XXXIV, № 27.197.

[4]) Тамъ-же, № 30.324.

[5]) 2. П. С. З., т. I, № 33.

Далѣе, въ продолженіе всего царствованія Императора Николая I, правительственная власть неуклонно идетъ по тому же пути гуманизаціи тѣлеснаго наказанія. Не говоря о цѣломъ рядѣ изъятій отъ тѣлесныхъ наказаній по общественному положенію виновныхъ, о ненаказываніи тѣлесно женщинъ [1]), несовершеннолѣтнихъ отъ 10 до 14 и отъ 14 до 17 лѣтъ [2]), одержимыхъ неизлечимыми болѣзнями [3]) и т. д., законодатель энергично борется за искорененіе въ войскахъ злоупотребленія тѣлеснымъ наказаніемъ, строго воспрещая всякій въ этомъ отношеніи произволъ; такъ, въ 1831 году [4]) послѣдовалъ указъ о строжайшемъ воспрещеніи наказывать нижнихъ чиновъ тесаками и шомполами, что практиковалось до тѣхъ поръ въ широкомъ размѣрѣ. Такъ какъ наказанные тѣлесно рукою палача не принимались, какъ опороченные, въ рекруты, что было подтверждено закономъ [5]), а широкое примѣненіе тѣлесныхъ наказаній часто допускало ошибки, то особыми указами было разъяснено, что тѣ, кто «бывъ наказаны за преступленіе по одной неосмотрительности полиціи руками палача» [6]), поступали по судебному приговору на военную службу,—тѣ зачитывались за рекрутъ; однако, выдача зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій была невыгодна для правительства, поэтому въ 1831 году [7]) послѣдовало новое разъясненіе, въ силу котораго тѣлесное наказаніе черезъ полицейскихъ служителей признавалось лишь наказаніемъ исправительнымъ; впослѣдствіи правительство вынуждено было еще болѣе энергично бороться съ царившимъ въ примѣненіи тѣлеснаго наказанія произволомъ, и въ 1835 году изданъ былъ даже указъ о взысканіи по 200 рублей за каждый ударъ кнутомъ, невинно данный по судебному приговору [8]).

Что касается примѣненія тѣлеснаго наказанія въ отношеніе военнослужащихъ, то до изданія Военно-Уголовнаго устава 1839 года, освобожденіе отъ этого наказанія постепенно распространялось на все

---

[1]) 2 П. С. З., т. III, № 1893, п. 13—въ 1828 году.
[2]) Тамъ-же, т. VIII, № 6.288—въ 1833 году.
[3]) Тамъ-же, т. IX, № 7.551, п. 1—въ 1834 году.
[4]) Тамъ-же, т. VI, № 4.835.
[5]) Тамъ-же, т. VI, № 4.677, § 175—въ 1831 г.
[6]) Тамъ-же, т. I, № 421—въ 1827 г.
[7]) Тамъ-же, т. VI, № 4.476.
[8]) Тамъ-же, т. X, № 7.783.

ВАРШАВСКАЯ ВОЕННАЯ ТЮРЬМА.

Внѣшній видъ съ Двинской улицы.

Служительскій домъ.

Внутренній дворъ.

Внутренній дворъ.

Садъ во дворѣ.

Внутренній дворъ.

болѣе и болѣе широкія группы нижнихъ чиновъ [1]): на унтеръ-офицеровъ внутренней стражи, удостоиваемыхъ къ производству въ офицеры при открытіи вакансій, на тѣхъ изъ строевыхъ унтеръ-офицеровъ, которые, по выслугѣ узаконеннаго срока, добровольно отказывались отъ производства въ офицеры, на нижнихъ чиновъ, имѣющихъ знаки отличія военнаго ордена, на нижнихъ чиновъ, удостоенныхъ за выслугу лѣтъ къ производству въ XIV классъ, на нижнихъ чиновъ войска Донского, имѣющихъ знаки отличія военнаго ордена и св. Анны, на унтеръ-офицеровъ бывшей польской арміи, имѣющихъ серебряные темляки, на нижнихъ чиновъ, опредѣляемыхъ въ жандармы, и пр.

Тѣлесное наказаніе въ дисциплинарномъ порядкѣ не лишало нижнихъ чиновъ, прослужившихъ послѣ того безпорочно 10 лѣтъ, права носить нашивки на рукавахъ [2]), а тѣлесное наказаніе по суду не служило препятствіемъ къ производству въ унтеръ-офицеры [3]); болѣе подробно положеніе понесшихъ тѣлесное наказаніе нижнихъ чиновъ было регламентировано въ 1832 году [4]), но и въ послѣдующіе годы сдѣланы были разъясненія, ограничивающія, главнымъ образомъ, право лицъ, понесшихъ наказаніе, на производство имъ жалованья [5]).

Закономъ 1830 года наказаніе кнутомъ, сопровождаемое клеймѣніемъ, было признано «несоотвѣтствующимъ военному званію», вслѣдствіе чего клейменіе было вовсе отмѣнено, а кнутъ замѣненъ шпицрутенами.

ТѢЛЕСНОЕ НАКАЗАНІЕ ПО УСТАВУ 1839 ГОДА.

Составители-же устава 1839 года также высказались въ томъ смыслѣ, что всѣ вообще «жестокія тѣлесныя наказанія, установленныя воинскими артикулами», должны быть замѣнены шпицрутенами.

Такимъ образомъ постепенно смягчалось въ царствованіе Николая I тѣлесное наказаніе и, несмотря на это, оно въ дѣйствительности и по уставу представлялось еще невѣроятно жестокимъ. Высшимъ размѣромъ наказанія шпицрутенами было 6,000 ударовъ, а виновныхъ «въ неповиновеніи и дерзости противъ начальниковъ передъ

---

[1]) Тамъ-же, т. V, № 3.679, п. 2, т. VI, № 4.696, т. VIII, № 6.611, ст. CXX, т. X, № 7.560, § 142, № 8.163, Инстр. § 126, т. XI, №№ 8.893, 9.355, § 130 и др.

[2]) 2 П. С. З., т. V, № 3.675.

[3]) Тамъ-же, т. VI, № 4.379.

[4]) Тамъ-же, т. VII, № 5.569.

[5]) Тамъ-же, т. VIII, №№ 5.981, 6.185.

фронтомъ» дозволялось наказывать и свыше того. Самый обрядъ исполненія этого наказанія имѣлъ устрашающій характеръ: осужденнаго выводили на мѣсто экзекуціи на разсвѣтѣ подъ конвоемъ, состоящимъ отъ одного унтеръ-офицера и 4-хъ рядовыхъ съ ружьями; послѣ команды «на караулъ» аудиторомъ прочитывался приговоръ, послѣ чего присутствующіе нижніе чины, приводившіе наказаніе въ исполненіе, выстраивали «шереножную улицу»; виновнаго отводили на правый флангъ; фурлейты и профосы раздавали тѣмъ временемъ каждому въ шереножной улицѣ по пруту; барабанщикъ билъ дробь и бой къ экзекуціи, при этомъ виновный шелъ сквозь строй вслѣдъ за конвойнымъ унтеръ-офицеромъ, державшимъ обращенное къ нему штыкомъ ружье; такимъ образомъ медленно проводили наказываемаго сквозь строй, при чемъ офицеры и унтеръ-офицеры обязаны были наблюдать, «чтобы арестанту было учинено неослабно заслуженное имъ по суду наказаніе». Послѣ того слѣдовалъ отбой и наказаннаго отправляли «буде нужно» въ госпиталь для пользованія.

Такое наказаніе представлялось настолько тяжелымъ, что въ 1834 году предсѣдателемъ генералъ-аудиторіата былъ представленъ Государю Императору докладъ [1]), въ которомъ обращалось вниманіе на то, что шпицрутены въ количествѣ отъ 4 до 6 тысячъ гораздо тяжелѣе наказанія кнутомъ (не свыше 50 ударовъ), которому подвергались лица гражданскаго вѣдомства. «При уничтоженіи смертной казни, основанномъ на человѣколюбіи,—значилось въ томъ докладѣ,—конечно не было въ виду замѣнить оную другимъ наказаніемъ жесточайшимъ, похожимъ болѣе на безчеловѣчное истязаніе и смерть мучительную», дѣлающимъ наказанныхъ совершенно неспособными къ тяжкимъ работамъ, къ которымъ они были присуждены. Государь Императоръ по этому докладу повелѣлъ ограничить назначеніе шпицрутеновъ, при конфирмаціи приговоровъ, до 3000 ударовъ, не объявляя объ этомъ въ войскахъ и допуская попрежнему увеличеніе этого числа въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

Достоевскій, впрочемъ, со словъ арестантовъ утверждаетъ, что не шпицрутены, а розги самое тяжелое изъ употребляемыхъ у насъ

---

[1]) Отчетъ по Аудит. Деп. Воен. Мин. за 1834 г. (часть Журнальная Гл. В. Суд. Управленія), стр. 55.

наказаній: «съ пятисотъ, даже съ четырехсотъ розогъ можно засѣчь человѣка до смерти, а свыше пятисотъ почти—навѣрно. Тысячи розогъ не вынесетъ разомъ даже человѣкъ самаго сильнѣйшаго сложенія. Между тѣмъ, пятьсотъ палокъ можно перенести безъ всякой опасности для жизни. Тысячу палокъ можетъ вынести, безъ опасенія за жизнь, даже и не сильнаго сложенія человѣкъ. Даже съ двухъ тысячъ палокъ нельзя забить человѣка средней силы и здороваго сложенія. Арестанты всѣ говорили, что розги хуже палокъ. «Розги садче,—говорили они,—муки больше» [1]).

ДАЛЬНѢЙШЕЕ СМЯГЧЕНІЕ ТѢЛЕСНАГО НАКАЗАНІЯ.

Послѣ изданія устава 1839 года законодатель продолжаетъ смягчать тѣлесное наказаніе вообще, и въ отношеніе военнослужащихъ—въ частности, освобождая отъ него новыя категоріи нижнихъ чиновъ: унтеръ-офицеровъ, имѣющихъ серебряные темляки, нижнихъ чиновъ, имѣющихъ знаки отличія, унтеръ-офицеровъ—кандидатовъ къ производству въ офицера [2]) и пр.

Мы нарочно нѣсколько подробнѣе остановились на тѣлесномъ наказаніи, чтобы нагляднѣе представить тѣ уступки требованіямъ времени, въ смыслѣ измѣненія взгляда на цѣль наказанія, на которыя пошло наше законодательство, смягчая самое наказаніе. Дальше, однако, нашъ законъ по этому пути не пошелъ и не поставилъ опредѣленно идею исправленія преступника цѣлью своей карательной дѣятельности, сохраняя попрежнему устрашающій характеръ въ наказаніи.

Съ этою цѣлью къ тѣлесному наказанію присоединялось клейменіе, т. е. поставленіе на лбу и на щекахъ указныхъ знаковъ, и ссылка въ каторжную работу (къ наказанію кнутомъ), на поселеніе или въ арестантскія роты (при публичномъ наказаніи плетьми черезъ палача), а къ смертной казни и каторжной работѣ — шельмованіе, позорящее честь преступника.

КЛАССИФИКАЦІЯ НАКАЗАНІЙ ПО СИСТЕМѢ УСТАВА 1839 ГОДА.

Далѣе по системѣ наказаній устава 1839 года слѣдуютъ наказанія, направленныя къ удаленію изъ арміи ея порочныхъ членовъ, или къ устраненію отъ занимаемой должности въ ней, а именно: исклю-

---

[1]) «Записки изъ Мертваго дома».

[2]) 2 П. С. З., т. XVIII, №№ 16.567, 17.255; т. XIX, №№ 17.759, 18.408, 18.483; т. XX, №№ 18.848, 19.339; т. XXI, № 19.733, т. XXV, №№ 23.996, 24.719 и т. д.

ченіе изъ службы, отрѣшеніе отъ должности, исключеніе изъ военнаго званія, ссылка въ отдаленныя губерніи, за границу, отставленіе отъ службы, изгнаніе изъ арміи. Эти наказанія, за исключеніемъ лишенія воинскаго званія, примѣнялись исключительно къ офицерамъ; къ этимъ послѣднимъ примѣнялось еще одно спеціально воинское наказаніе—разжалованіе въ солдаты, которое въ то время пріобрѣло чрезвычайное развитіе. «Большая часть офицеровъ, подвергшихся суду,—свидѣтельствуетъ фельдмаршалъ князь Паскевичъ въ 1838 году Военному Министру,—пишутся въ рядовые съ выслугою или безъ выслуги; между тѣмъ какъ многіе изъ нихъ за подобныя преступленія въ нижнемъ чинѣ исключались-бы изъ солдатскаго званія. Какая польза отъ таковыхъ солдатъ, равно какъ и тѣхъ, кои, будучи офицерами, исключены изъ службы за неприличное поведеніе и потомъ добровольно поступили на службу?.. Только тѣ офицеры... должны быть разжалованы, кои по роду преступленія ихъ могутъ быть терпимы въ военномъ сословіи, и таковыхъ лишать чиновъ на опредѣленное время. Всѣ-же прочіе должны, лишаясь чиновъ, исключаться изъ военнаго званія, и б о с о л д а т ъ е с т ь з в а н і е п о ч е т н о е» [1]).

ОБЩІЙ ВЫВОДЪ.

Въ общемъ, хотя уставъ 1839 года и «положилъ первое твердое основаніе къ постепенному усовершенствованію военно-уголовнаго законодательства» [2]), но тѣмъ не менѣе его недостатки были настолько ощутительны, что уже въ скоромъ времени почувствовалась настоятельная необходимость его пересмотра. Началась законодательная работа, продолжавшаяся болѣе двадцати лѣтъ.

ИЗДАНІЕ УЛОЖЕНІЯ 1845 ГОДА И ПОСЛѢДУЮЩІЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ.

Въ особенности рѣзко сказались недостатки Военно-уголовнаго устава съ изданіемъ въ 1845 году Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ [3]). До тѣхъ поръ уставъ, страдая крайней неопредѣленностью уголовныхъ санкцій, несовершенствомъ системы и неточностью юридическихъ конструкцій, расходился, главнымъ образомъ, съ жизнью и бытовыми условіями арміи, расходился настолько, что военное начальство, во избѣжаніе несоразмѣрно строгихъ приговоровъ, зачастую избѣгало предавать виновныхъ суду; съ появленіемъ-же Уложенія 1845 года уставъ оказался и въ полномъ почти противорѣчіи съ дѣй-

---

[1]) Арх. Кн. Воронцова, XXXVI, стр. 481.
[2]) Сб. Законодат. раб. 1869 г., стр. 1.
[3]) 2 П. С. З., т. XX, № 19.283.

ствующимъ общеуголовнымъ закономъ, что дѣлало невозможнымъ его дальнѣйшее существованіе. Вслѣдствіе этого Военный Министръ, князь Чернышевъ, вынужденъ былъ вскорѣ послѣ изданія Уложенія представить на Высочайшее благоусмотрѣніе особый докладъ о необходимости пересмотра всего нашего военно-уголовнаго законодательства.

«Новый Военно-уголовный уставъ—значилось въ томъ докладѣ—долженъ быть собраніемъ очищенныхъ, приведенныхъ въ порядокъ и ясность, дополненныхъ и исправленныхъ, но однако-же неизмѣненныхъ въ общемъ составѣ и сущности своей, прежнихъ нашихъ военно-уголовныхъ законовъ». Такимъ образомъ, князь Чернышевъ вовсе не предполагалъ составленія новаго кодекса, а лишь согласованіе дѣйствующаго устава съ Уложеніемъ и указаніями практики. Въ такомъ видѣ первоначально и былъ Высочайше утвержденъ докладъ Военнаго Министра, а разработка военно-уголовнаго законодательства возложена была на особую комиссію. Выработанный комиссіей проектъ долженъ былъ затѣмъ быть переданъ на разсмотрѣніе ауди-торіатскаго департамента, послѣ чего сообщенъ военнымъ начальникамъ, согласно замѣчаніямъ которыхъ проектъ предположено было окончательно редактировать по указаніямъ генералъ-аудиторіата.

Приготовительныя работы комиссіи доказали, однако, необходимость болѣе существеннаго измѣненія Военно-уголовнаго устава, начавъ съ самой его системы, а потому работа комиссіи настолько затянулась, что составленіе самаго проекта началось лишь въ 1854 году и не могло быть окончено въ царствованіе Императора Николая I.

ВОЕННАЯ ПОДСУДНОСТЬ.

Вторая книга Военно-уголовнаго устава 1839 года заключала законы «о военномъ судѣ». Не входя въ обсужденіе этого формальнаго закона, скажемъ лишь нѣсколько словъ о военномъ судоустройствѣ въ разсматриваемую эпоху. Съ изданіемъ учрежденія военнаго министерства въ 1832 году былъ возстановленъ генералъ-аудиторіатъ, который и получилъ сходную съ департаментомъ Сената организацію. Генералъ-аудиторіатъ былъ не только высшимъ военнымъ судомъ, пользующимся ревизіонной властью по отношенію къ прочимъ военнымъ судамъ, но на обязанности его лежала и забота объ усовершенствованіи всего военно-уголовнаго законодательства. Главная же работа отправленія военнаго правосудія лежала съ 1836 года на постоянныхъ военно-судныхъ комиссіяхъ, учреждавшихся при комен-

дантскихъ управленіяхъ и ордонансъ-гаузахъ, которые замѣнили существовавшіе, на основаніи Военнаго устава Петра I, гарнизонные нижніе военные суды.

Такая замѣна была вызвана, главнымъ образомъ, колоссальнымъ расширеніемъ въ царствованіе Николая I военной подсудности. Достаточно указать, что по военно-уголовному уставу, изданному въ 1856 году вторымъ изданіемъ, военная подсудность была распространена на 30 категорій различныхъ лицъ и 40 категорій общихъ преступленій, совершаемыхъ различнаго рода лицами. Сюда раньше всего вошли всѣ тѣ, кто имѣлъ какое-либо непосредственное отношеніе къ военному вѣдомству, а также всѣ лица, носившія военное званіе, но не состоявшія на военной службѣ: гражданскіе чиновники военнаго вѣдомства, офицеры, служащіе въ гражданскомъ вѣдомствѣ, отпускные нижніе чины, кантонисты, смотрители почтовыхъ станцій изъ унтеръ-офицеровъ, крѣпостные арестанты, рабочіе военныхъ заводовъ, крестьяне имѣній, принадлежащихъ военному вѣдомству, чины вѣдомствъ горнаго, межевого, путей сообщенія, лѣсного и. т. д., казачье войсковое сословіе, а также и всѣ гражданскія лица, учинившія преступленія (поименованныя въ законѣ) особенно опасныя и вредныя, требующія ускоренной и усиленной репрессіи.

Такое расширеніе военной подсудности вытекало отчасти изъ соображеній административныхъ, отчасти сословныхъ, и, главнымъ образомъ, объяснялось зависимымъ положеніемъ военныхъ судовъ, служившихъ надежнымъ орудіемъ правительственной власти, склонной къ установленію всюду, гдѣ было возможно, военно-административнаго строя, съ его суровой дисциплиной и простотой управленія.

Таковы были наиболѣе типичныя черты законодательной дѣятельности въ царствованіе Императора Николая I, оставившія несомнѣнный слѣдъ и въ исторіи военно-карательныхъ учрежденій.

СВОДЪ УСТАВОВЪ РЕКРУТСКИХЪ.

Кстати отмѣтимъ, что въ это-же царствованіе былъ изданъ сводъ уставовъ рекрутскихъ, утвержденныхъ подъ именемъ «Устава рекрутскаго» 28 іюня 1831 года и регламентировавшій, между прочимъ, отдачу въ солдаты цѣлаго ряда преступниковъ и порочныхъ людей какъ по приговорамъ суда, такъ и по приговорамъ помѣщиковъ и обществъ, и создавшій, такимъ образомъ, изъ военной службы особый видъ наказанія, сводившійся безспорно къ лишенію свободы.

ГЛАВА VIII.

ОТДАЧА ВЪ СОЛДАТЫ ВЪ ВИДѢ НАКАЗАНІЯ.

АРМІЯ—не для преступниковъ и бродягъ, солдатъ — званіе почетное, говорили, какъ уже было указано въ предшествующей главѣ, военные авторитеты [1]), а правительственная власть, въ разрѣзъ этому мнѣнію, наказывала за преступленія отдачею въ солдаты.

Въ сущности, при долгосрочности тогдашней военной службы, при суровости воинской дисциплины и мучительности царившей въ войскахъ «муштры»— отдача въ солдаты дѣйствительно представлялась настолько строгимъ наказаніемъ, что многіе преступники предпочитали ему всѣ другіе виды лишенія свободы, ибо отдачу въ солдаты, по справедливости, надо разсматривать именно, какъ видъ лишенія свободы.

Съ одной стороны, слѣдовательно, выдвигаются интересы арміи, съ другой—интересы государственные. По представленію военныхъ начальниковъ—генерала-отъ-инфантеріи графа Сакена и генерала-отъ-кавалеріи графа Витгенштейна — издается 23 февраля 1823 г. [2]) знаменитый указъ, запрещавшій обращать въ военную службу преступниковъ и бродягъ; но вслѣдъ затѣмъ государственная власть за-

[1]) Мнѣніе князя Паскевича.
[2]) См. выше, стр. 209.

конодательнымъ-же порядкомъ нормируетъ отдачу преступниковъ и бродягъ въ ряды арміи по приговорамъ судебныхъ установленій, обществъ и даже по волѣ помѣщиковъ. Такъ раньше всего, 22 марта 1828 года, было Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта, ограничивающее дѣйствіе упомянутаго указа 23 февраля 1823 г. въ отношеніе цѣлаго ряда лицъ и преступниковъ (членовредителей, скопцовъ, дворянъ, чиновниковъ, канцелярскихъ служителей, лицъ духовнаго званія, а также лицъ, учинившихъ нѣкоторыя маловажныя преступленія), въ отношеніе которыхъ возстановлено было дѣйствіе прежнихъ указовъ объ отдачѣ «способныхъ» изъ нихъ къ военной службѣ—въ солдаты съ тѣмъ, чтобы за лицъ, на которыхъ это изъятіе изъ правилъ 23 февраля 1823 года не распространялось, отнюдь не выдавать зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій [1]).

Указомъ-же 10 февраля 1828 года [2]) было Высочайше повелѣно: 1) арестантовъ, приговоренныхъ къ наказанію или назначенныхъ къ ссылкѣ на поселеніе (но не въ каторжную работу), отдать въ солдаты въ военную службу; 2) отправленные же изъ нихъ въ Сибирь на поселеніе (кромѣ наказанныхъ кнутомъ) должны быть оставлены въ ближайшихъ рекрутскихъ присутствіяхъ и отданы въ военную службу и 3) тѣхъ-же, которые по отбытіи наказанія водворены уже на прежнія жилища, оставить на мѣстахъ жительства, если ихъ владѣльцы сами не пожелаютъ отдать ихъ въ солдаты. Указомъ 17 декабря того-же года [3]) эти правила были дополнены: 4) арестанты, которые хотя по приговорамъ уже наказаны, но еще не водворены на прежнія мѣста жительства,—отдаются въ военную службу; 5) также поступаютъ на военную службу и арестанты изъ дворянъ, назначаемые въ солдаты; 6) назначаемые же въ солдаты арестанты изъ иностранцевъ поступаютъ на военную службу только тѣ, которые приговорены къ наказанію, не сопряженному съ высылкой за границу.

Далѣе разъясняется, что отдачѣ въ солдаты подлежатъ только годные къ военной службѣ, при чемъ приговоренные къ наказанію не за долги.

ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ

Въ слѣдующемъ-же 1829 году изложенныя выше правила полу-

---

[1]) Тамъ-же, № 1.892.
[2]) П. С. З., т. III, № 1.796.
[3]) Тамъ-же, № 2.527.

чили дальнѣйшее развитіе. 16 октября [1]) было Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта, опредѣлившее: 1) зачислять въ полки бродягъ не старше 20-ти лѣтъ, если они годны къ военной службѣ, хотя-бы они находились уже въ Сибири, но безъ зачета обществамъ и помѣщикамъ за рекрутъ; бродягъ-же отъ 21 до 25 лѣтъ, годныхъ къ службѣ, зачислять въ арестантскія роты и въ казачье войско на Кавказской линіи и 2) преступниковъ, присужденныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, не старше 20-ти лѣтъ, годныхъ къ военной службѣ, обращать въ полки, исключая наказанныхъ рукою палача по приговорамъ судебныхъ мѣстъ, а тѣхъ, кто изъ нихъ въ возрастѣ отъ 20 до 35 лѣтъ и способенъ къ работѣ,—обращать въ исправительныя арестантскія роты по ихъ учрежденіи. Съ 5-го ноября того-же года въ военную службу стали зачислять и годныхъ къ ней мѣщанъ и поселянъ распутнаго поведенія по приговорамъ мірскихъ судовъ [2]). Предѣльный возрасть (20 лѣтъ) для преступниковъ, подлежащихъ зачисленію въ войска, былъ затѣмъ, 22 сентября 1831 года, увеличенъ до 30 лѣтъ [3]).

СОЗДАНІЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ АРЕСТАНТСКИХЪ РОТЪ.

Первоначальной причиной расширенія отдачи въ солдаты послужили соображенія исключительно административнаго характера: значительное, по случаю холернаго времени, накопленіе арестантовъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, гдѣ не имѣлось еще тюремныхъ замковъ (указъ 8 января 1831 г.), а затѣмъ это распоряженіе было распространено на всѣ вообще губерніи, «ибо,—какъ значилось въ указѣ 22 сентября,—люди сего рода, признанные годными для службы, должны быть таковыми вездѣ, и въ настоящее военное время они, составивъ собою значительное число, могутъ быть полезны для службы». Такимъ образомъ, и въ данномъ вопросѣ правительственная власть попрежнему продолжаетъ придерживаться утилитарной точки зрѣнія на наказаніе.

ПРИЧИНЫ ОТДАЧИ ВЪ ВОЙСКА ПРЕСТУПНИКОВЪ.

Наравнѣ съ арестантами, въ томъ-же году повелѣно было отдавать въ рекруты, но отсылать на службу въ сибирскіе линейные батальоны захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ мятежниковъ въ Виленской губерніи [4]), чѣмъ безспорно достигалась та же издревне прак-

---

[1]) П. С. З., т. IV, № 3.236.
[2]) Тамъ же, № 3.274, т. VI, № 4.929.
[3]) Тамъ-же, т. VI, № 4.820.
[4]) Тамъ-же, № 4.444.

тиковавшаяся у насъ мѣра обращенія плѣнныхъ на службу въ далекихъ окраинахъ, утилизація военно-плѣнныхъ. Интересно отмѣтить взглядъ самого Императора Николая I на отдачу арестантовъ въ солдаты. Когда министромъ юстиціи представленъ былъ Государю докладъ о томъ, нужно ли за прекращеніемъ холеры и военныхъ обстоятельствъ продолженіе дѣйствія Высочайшихъ повелѣній 8 января и 22 сентября, то императоръ Николай 10 мая 1832 года собственноручно положилъ на докладѣ резолюцію: «Тутъ два вопроса, которыхъ смѣшивать не должно: первый, вести ли попрежнему арестантовъ черезъ Москву, ибо нѣтъ болѣе тому препятствій, что само собою разрѣшается; вторый же касается мѣры, принятой для уменьшенія числа ссыльныхъ въ Сибирь и потребности рекрутъ; стало не только не должно быть отмѣнено, но оставаться въ полной силѣ» [1]).

Непоколебимая воля монарха въ этомъ вопросѣ проводилась затѣмъ неуклонно въ продолженіе всего его царствованія; отступленія допускались только въ исключительныхъ случаяхъ по личному распоряженію императора; такъ, напримѣръ, по представленію адмирала Грейга, встрѣтившаго надобность въ рабочихъ рукахъ для портовыхъ работъ въ Николаевѣ и Севастополѣ, гдѣ въ арестантскихъ ротахъ Черноморскаго вѣдомства былъ некомплектъ арестантовъ въ 1366 человѣкъ, Высочайше повелѣно было 8 ноября 1832 года пріостановить отдачу арестантовъ въ солдаты въ тѣхъ губерніяхъ, изъ которыхъ была назначена высылка арестантовъ въ Николаевъ и Севастополь, впредь до укомплектованія тамошнихъ ротъ [2]).

УВЕЛИЧЕНІЕ ЧИСЛА ОБРАЩАЕМЫХЪ ВЪ СОЛДАТЫ.

Съ тѣхъ поръ число обращаемыхъ въ военную службу стало съ каждымъ годомъ возрастать: въ 1833 году повелѣно было отдавать «немедленно въ солдаты» бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ, годныхъ къ военной службѣ, почтальоновъ и низшихъ служителей, исключаемыхъ изъ почтоваго вѣдомства за дурное поведеніе, церковнослужителей изъ дворянъ и т. п. [3]). Согласно §§ 13, 127—129, 136 Высочайше утвержденнаго 19 ноября 1833 года Положенія объ арестантскихъ ротахъ инженернаго вѣдомства въ военную службу во Вну-

---

[1]) П. С. З., т. VII, № 5.346.
[2]) Тамъ-же. № 5,735.
[3]) Тамъ-же, т. VIII, № 5.978, п. 2, №№ 6.582, 8.139а и т. д.

треннюю стражу обращались даже арестанты этихъ ротъ, оказавшіеся неспособными къ крѣпостной работѣ.

ПРЕДПОЛОЖЕНІЕ О СОЗДАНІИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ РАБОЧИХЪ РОТЪ.

Что касается бродягъ, то и въ отношеніе ихъ было также ограничено дѣйствіе указа 23 февраля, а именно: бродягъ, способныхъ къ работѣ, предположено было отсылать въ исправительныя рабочія роты, неспособныхъ же и женщинъ—въ Сибирь на поселеніе, дряхлыхъ и малолѣтнихъ женскаго пола обращать въ приказы Общественнаго Призрѣнія, а мальчиковъ (до 17-тилѣтняго возраста)—въ военно-сиротскія отдѣленія. Указомъ 22 марта 1826 г. [1]) даже было предоставлено Начальнику Главнаго Штаба составить «немедленно» положеніе объ исправительныхъ рабочихъ ротахъ, при чемъ было указано: а) опредѣлить мѣры постояннаго пребыванія такихъ ротъ, составивъ и расписаніе—изъ какихъ губерній въ которыя роты должны быть отсылаемы бродяги; б) роты эти «учредить на воинской дисциплинѣ, допустивъ, для поощренія, отличавшихся въ нихъ въ теченіе времени добрымъ поведеніемъ нижнихъ чиновъ, переводъ ихъ въ армію».

Однако, никакого положенія объ исправительныхъ рабочихъ ротахъ выработано не было, и бродяги попрежнему, за исключеніемъ дряхлыхъ и малолѣтнихъ, отсылались въ Сибирь на основаніи указа 23 февраля 1823 года. Только въ октябрѣ 1838 года сдѣлана была попытка сформировать военно-рабочія роты изъ цыганъ Таврической губерніи, которыя и повелѣно было именовать «исправительными» [2]).

Нижнихъ чиновъ этихъ ротъ «по мѣрѣ исправленія ихъ въ поведеніи и нравственности», перемѣщали на общемъ положеніи, въ военно-рабочія роты. Кадръ, т. е. офицеры и нижніе чины назначались въ эти роты изъ Внутренней стражи по штату арестантскихъ ротъ.

Тѣмъ не менѣе суды продолжали въ подлежащихъ случаяхъ приговаривать къ ссылкѣ въ исправительныя роты, пока 4 марта 1830 года [3]) не послѣдовало собственноручное разъясненіе Государя Императора: «Въ исправительныя роты опредѣляются одни нижніе чины

---

[1]) П. С. З., т. III, № 1.893.
[2]) П. С. З., т. XIII, №№ 11.578, 11.632.
[3]) П. С. З., т. V, № 3.511, распубликовано 27 мая.

военнаго вѣдомства порочнаго поведенія, а потому и не слѣдуетъ преступниковъ приговаривать къ опредѣленію въ оныя роты, но назначать въ срочные арестанты въ арестантскія роты».

ОТДАЧА ВЪ СОЛДАТЫ ПО РЕКРУТСКОМУ УСТАВУ 1831 ГОДА.

Между тѣмъ, независимо отъ обращенія въ войска преступниковъ по судебнымъ приговорамъ, въ рекрутскомъ Уставѣ 1831 года [1]) была регламентирована въ §§ 322—336 и отдача порочныхъ людей въ военную службу по непосредственному усмотрѣнію обществъ или помѣщиковъ, а именно, могли быть сдаваемы въ рекруты: 1) обличенные по суду въ буйствѣ, малоцѣнныхъ кражахъ и другихъ поступкахъ, уголовному наказанію не подлежащихъ; 2) пойманные въ бродяжничествѣ и возвращенные въ общество полиціею; 3) оказавшіеся «за всѣми исправительными мѣрами, къ платежу податей неблагонадежными по нерадѣнію, или по безпутной жизни, а не по какому-либо несчастію». Изъ этого правила исключались мѣщане, которыхъ предписывалось отдавать въ рекруты за недоимки только тогда, «когда по употребленіи всѣхъ мѣръ, онѣ въ теченіе пяти лѣтъ взысканы не будутъ» и 4) наконецъ «людей непокорныхъ власти» по Удѣльному вѣдомству. Законъ дѣлаетъ еще одно ограниченіе: чтобы сдаваемый, такимъ образомъ, въ рекруты не состоялъ въ то время подъ слѣдствіемъ и судомъ уголовнымъ и не былъ наказанъ за преступленія «рукою палача» (§§ 173, 174). Нечего и говорить, что интересы войска страдали отъ такой правительственной мѣры; контингентъ рекрутъ, да и самыхъ солдатъ долженъ былъ изъ года въ годъ понижаться отъ такого вливанія въ армію отбросовъ общества; тлетворное вліяніе порочныхъ людей стало, наконецъ, настолько ощутительнымъ, что правительственная власть вынуждена была сознаться, «что для отклоненія вреднаго на войска вліянія сообщества бродягъ, преступниковъ и вообще людей порочныхъ, по приговорамъ судебныхъ мѣстъ въ военную службу отдаваемыхъ», необходимо принять особыя мѣры, а именно: «прежде зачисленія ихъ на службу въ войска дѣйствующія, на правилахъ нынѣ существующихъ, подвергать ихъ предварительной мѣрѣ исправленія».

МѢРА ИСПРАВЛЕНІЯ ОБРАЩАЕМЫХЪ ВЪ

16 февраля 1835 года было Высочайше утверждено «Положеніе объ исправленіи порочныхъ людей, прежде по-

[1]) П. С. З., т. VI, № 4.677.

ступленія на службу въ войска дѣйствующія», распубликованное 31 марта [1]). *ВОЙСКА ПОРОЧНЫХЪ ЛЮДЕЙ.*

Согласно этому «Положенію», предположено было произвести при резервной дивизіи 3 пѣхотнаго корпуса опытъ такой исправительной мѣры, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и по распоряженію Инспектора резервной пѣхоты.

Опытъ заключался въ слѣдующемъ: самое исправленіе порочныхъ людей подраздѣлено было на двѣ степени: а) исправленіе и б) испытаніе дѣйствительнаго исправленія.

Для осуществленія опыта Инспектору резервной пѣхоты предоставлено было избрать два резервныхъ батальона, по своему усмотрѣнію. Въ первомъ изъ нихъ порочные люди должны исправляться, во второмъ—испытываться въ исправленіи. Сообразно съ этою цѣлью въ первомъ батальонѣ, сверхъ штатнаго числа чиновъ, положено было 600 человѣкъ людей, за пороки на службу отданныхъ. Потребные на содержаніе этихъ людей въ 1835 году 68.500 рублей были отпущены Военному Министерству изъ остатка запасной суммы вспомогательнаго земскаго сбора. *ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ БАТАЛЬОНЫ.*

Со дня изданія «Положенія» всѣ бродяги и преступники, подлежащіе по приговорамъ судебныхъ мѣстъ къ отдачѣ въ рекруты, изъ губерній: Рязанской, Ярославской, Московской, Калужской, Тульской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Симбирской, Нижегородской и Владимірской подлежали отправленію въ г. Рязань, въ Штабъ Инспектора резервной пѣхоты, и по его распоряженію—были опредѣляемы въ тотъ резервный батальонъ, который для того имъ былъ избранъ. Въ этомъ батальонѣ люди раздѣлялись по-ротно, и къ каждому офицеру, унтеръ-офицеру и рядовому назначалось извѣстное число изъ нихъ «для исправленія». *НАЗНАЧЕНІЕ ПОРОЧНЫХЪ ЛЮДЕЙ ДЛЯ ИСПРАВЛЕНІЯ.*

Находясь въ батальонѣ, эти люди «должны быть заняты и подчинены строжайшей дисциплинѣ и бдительнѣйшему надзору за ихъ поведеніемъ». *РЕЖИМЪ.*

Занятія ихъ заключались: 1) въ обученіи фронтовой службѣ, во всѣхъ ея подробностяхъ, но безъ оружія; 2) въ работахъ въ мастерскихъ и 3) въ нарядахъ на государственныя и общественныя работы.

Всякое преступленіе и всякій проступокъ «противъ воинскаго по-

[1]) П. С. З., т. X, № 7.869.

рядка, дисциплины и нравственности» со стороны этихъ исправляемыхъ долженъ былъ «неупустительно» влечь строгое наказаніе, при чемъ начальству вмѣнялось въ обязанность «обращать особенное вниманіе на тѣ пороки, которые сдѣлали ихъ (исправляемыхъ) преступными».

«Напротивъ того,—говоритъ Положеніе,—всякое доброе дѣло, доказывающее удаленіе отъ порока и обращеніе къ нравственности и доброму поведенію, будетъ заслуживать особенное вниманіе начальства».

ПЕРЕВОДЪ НА ИСПЫТАНІЕ.

По мѣрѣ исправленія порочныхъ людей въ этомъ первомъ резервномъ батальонѣ, они переводились для испытанія во второй. Тамъ они занимались «исключительно окончательнымъ образованіемъ для фронтовой службы, а на ряду съ тѣмъ испытывались въ твердой рѣшимости оставить прежніе пороки и вести себя какъ должно добрымъ солдатамъ».

НАЗНАЧЕНІЕ НА СЛУЖБУ.

«По строгомъ испытаніи и удостовѣреніи, что они дѣйствительно исправились и утвердились въ добромъ поведеніи,—говорится далѣе въ Уставѣ,—Инспекторъ резервной пѣхоты представляетъ установленнымъ порядкомъ о назначеніи ихъ на службу въ войска дѣйствующія, и они распредѣляются по распоряженію Инспекторскаго Департамента».

Служба ихъ считалась со дня отдачи въ рекруты.

ОБЩЕЕ ПРАВИЛО.

Тѣ изъ порочныхъ людей, которые, «за всѣми мѣрами исправленія, въ 1-мъ батальонѣ окажутся неисправимыми, по закоренѣлости въ порокахъ, или во время испытанія въ другомъ обнаружатъ наклонность къ прежнимъ порокамъ, отсылаются, по распоряженію Инспектора резервной пѣхоты, въ арестантскія роты навсегда, или на извѣстный срокъ, смотря по роду и степени ихъ пороковъ».

СОДЕРЖАНІЕ ПОРОЧНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Всѣмъ порочнымъ людямъ какъ исправляющимся, такъ и испытуемымъ, полагалось производить все довольствіе и обмундированіе, присвоенное прочимъ рядовымъ этихъ батальоновъ, со слѣдующими, впрочемъ, ограниченіями:

а) въ первомъ батальонѣ, вмѣсто киверовъ, имъ полагалось носить фуражныя шапки, не выдавали оружія и ружейной аммуниціи, «а жалованье,—значится въ Положеніи,—съ вѣрнымъ расчетомъ обращается на улучшеніе ихъ пищи въ видѣ артельныхъ денегъ, по правиламъ артельныхъ суммъ»;

б) во второмъ батальонѣ они получали уже кивера, оружіе и ружейную аммуницію, «а жалованье по рукамъ», наравнѣ съ прочими рядовыми этого батальона.

Мы нарочно болѣе подробно остановились на этой «исправительной мѣрѣ», какъ ее нерѣшительно называетъ самъ законодатель. Хотя «Положеніе» 1835 года наивно въ своихъ деталяхъ, тѣмъ не менѣе оно представляется знаменательнымъ законодательнымъ памятникомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, оно явилось отраженіемъ того увлеченія принципами исправленія преступника, которое на западѣ Европы привело къ торжеству пенитенціарной системы, къ новымъ гуманнымъ воззрѣніямъ на преступника и цѣль наказанія.

Основные принципы, провозглашенные впервые «Положеніемъ» 1835 года, вполнѣ отчетливы: 1) исправленіе преступника путемъ нравственнаго на него воздѣйствія, безъ разобщенія его отъ непорочныхъ людей, съ примѣненіемъ обязательнаго принудительнаго труда, и 2) постепенное пріученіе преступника къ нормальнымъ условіямъ жизни путемъ испытанія его воли, при тѣхъ-же условіяхъ нравственнаго вліянія на него непорочной среды.

Но самое осуществленіе этихъ основныхъ началъ, самое устройство исправительныхъ батальоновъ и детали установленнаго порядка исправленія—настолько примитивны, что вся исправительная мѣра не только должна была свестись къ нулю, но даже, наоборотъ, оказать вредное вліяніе на тѣхъ, кому поручено было дѣло исправленія порочныхъ людей.

Раньше всего въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить, что исправителями являлись не только неподготовленные къ тому вовсе строевые офицеры, но и унтеръ-офицеры, и даже простые рядовые, которые не могли, разумѣется, пользоваться никакимъ авторитетомъ въ преступной средѣ. Въ сущности, вся установленная «Положеніемъ» исправительная мѣра сводилась къ тому, что вливаемая въ составъ арміи струя порочныхъ людей пропускалась предварительно, какъ сквозь сито, черезъ двѣ войсковыя части съ тѣмъ, чтобы отцѣдить наиболѣе крупные грязные отбросы. Эти отцѣженные отбросы уже не шли въ ряды арміи, а обращались на укомплектованіе арестантскихъ ротъ.

Тѣмъ не менѣе, въ созданіи такихъ «исправительныхъ батальоновъ»

нельзя не замѣтить первоначальной идеи тѣхъ дисциплинарныхъ войсковыхъ частей, которыя впослѣдствіи получили преобладающее значеніе въ военно-тюремной системѣ.

СФОРМИРОВАНІЕ 2-ГО ИСПРАВИТЕЛЬНАГО БАТАЛЬОНА.

Но обратимся далѣе къ нашему историческому очерку.

Въ первый же годъ изданія «Положенія» объ исправительномъ батальонѣ количество порочныхъ людей, обращенныхъ въ войска, оказалось настолько значительнымъ, что опытъ пришлось сразу-же расширить, но лишь въ его размѣрахъ. 24 Ноября [1]) послѣдовалъ именной указъ инспектору резервной пѣхоты, гласящій, что Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу ему представленія Генералъ-Инспектора «о значительномъ поступленіи въ Исправительный батальонъ, при резервной дивизіи 6-го пѣхотнаго корпуса учрежденный, бродягъ и другого рода порочныхъ людей, Высочайше соизволилъ разрѣшить сформировать въ 1836 году, на правилахъ, въ «Положеніи», 16-го февраля сего 1835 года утвержденномъ, объ исправленіи порочныхъ людей предписанныхъ, и другой Исправительный батальонъ при 5-мъ батальонѣ Азовскаго пѣхотнаго полка, если по числу порочныхъ будетъ настоять въ томъ надобность».

Между тѣмъ, число порочныхъ людей, обращаемыхъ въ солдаты, продолжало возрастать. Положеніе объ отдачѣ въ военную службу, для опредѣленія въ дальніе гарнизоны, башкирцевъ и мещеряковъ [2]), было 11 Іюля 1835 года распространено на казачье населеніе Оренбургскаго, Уральскаго и Ставропольскаго войскъ съ тѣмъ, чтобъ тѣхъ, которые за содѣянныя ими преступленія не подлежали къ отсылкѣ въ Сибирь на поселеніе или въ работу, но по дурному поведенію не могли быть терпимы въ обществахъ,—обращать въ солдаты [3]).

ОЧИЩЕНІЕ АРМІИ ОТЪ ШТРАФОВАННЫХЪ.

Опредѣляемые въ армію штрафованные за преступленія нижніе чины лишались права на отставку и, достигая престарѣлаго возраста, служили тяжелымъ бременемъ для войска, въ особенности въ Отдѣльномъ Сибирскомъ корпусѣ, куда стекалось ихъ больше всего.

«Во вниманіи того, что люди сіи, достигая глубокой старости, дѣлаются, наконецъ, совершенно неспособными къ службѣ — значится въ изданномъ 6 Декабря 1835 года по этому поводу «Положе-

---

[1]) П. С. З., т. X, № 8.608.
[2]) 23 февраля и 1 марта 1832 года.
[3]) П. С. З., т. X, № 8.305.

ніи» [1])—и безполезно увеличивали собою счетъ людей», повелѣно было раздѣлить всѣхъ этихъ неспособныхъ на два разряда: 1) менѣе виновныхъ по степени преступленій и могущихъ пропитать себя безъ пособія отъ казны (разжалованные по суду въ рядовые и не сдѣлавшіе послѣ того никакихъ преступленій, отданные въ рекруты за преданности ересямъ, наказанные за побѣги изъ службы, не свыше третьяго, штрафованные по суду за преступленія, не превышающія мѣры наказанія за третій побѣгъ), и 2) болѣе виновныхъ и вообще не имѣющихъ средства къ пропитанію безъ пособія отъ казны (не имѣющіе средствъ къ пропитанію; имѣющіе такія средства, но дурно себя ведущіе; разжалованные по суду и впавшіе потомъ въ новыя преступленія; наказанные за 4-ый побѣгъ и штрафованные по суду за преступленія, превышающія мѣру наказанія за 3-ій побѣгъ). Первый разрядъ (за исключеніемъ продолжающихъ оставаться преданными ересямъ) подлежалъ отставкѣ отъ службы и возвращенію на родину, а второй—увольнялся отъ исправленія должностей, съ оставленіемъ при инвалидныхъ командахъ, съ производствомъ особаго содержанія отъ казны. Однако, очищеніе войсковыхъ частей такимъ путемъ отъ порочныхъ или негодныхъ для службы нижнихъ чиновъ происходило крайне медленно, между тѣмъ какъ засореніе арміи шло быстрыми шагами. По поводу огромнаго числа однихъ только разжалованныхъ въ рядовые офицеровъ, фельдмаршалъ графъ Паскевичъ писалъ въ 1838 г. Военному Министру: «Какая польза отъ таковыхъ солдатъ»?.. «тѣ изъ нихъ, которые не могутъ быть по роду ихъ преступленій терпимы въ военномъ сословіи, должны, лишаясь чиновъ, исключаться изъ военнаго званія» [2])...

РЕЛИГІОЗНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОЗДѢЙСТВІЕ НА ИСПРАВЛЯЮЩИХСЯ.

Изъ вышеизложеннаго видно, что въ армію попадали, какъ бы на исправленіе, даже всякаго рода сектанты. Очевидно, никакія исправительные батальоны, проектированные положеніемъ 1835 года, не въ состояніи были обратить ихъ къ истинному православію. Съ другой стороны, въ основу нравственнаго воздѣйствія на порочныхъ людей въ исправительныхъ батальонахъ должно было быть положено религіозное воспитаніе; вотъ почему указомъ 23 Марта 1836 года [3]), «для увѣще-

[1]) П. С. З., т. X, № 8.658.
[2]) Арх. кн. Воронцова, XXXVI, стр. 481.
[3]) П. С. З., т. XI, № 9.029.

ванія и наставленіи въ религіи бродягъ и преступниковъ, поступающихъ въ исправительные батальоны», при штабѣ Инспектора резервной пѣхоты даже положено было имѣть особаго священника. Первымъ такимъ духовнымъ наставникомъ былъ священникъ егерскаго Фельдмаршала Князя Кутузова Смоленскаго полка Лаврентій Михайловскій.

Въ томъ-же 1836 году было точно установлено, впредь до общаго пересмотра законовъ о ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе: преступниковъ, имѣющихъ до 35 лѣтъ отъ роду, обращать, въ подлежащихъ по закону случаяхъ, въ военную службу, если они окажутся къ ней годными; имѣющихъ отъ 35 до 40 лѣтъ—въ арестантскія роты, имѣющихъ же свыше 40 лѣтъ, всѣхъ безъ изъятія,—на поселеніе [1]).

Съ увеличеніемъ числа порочныхъ людей, обращаемыхъ въ военную службу, правительство вынуждено было озаботиться о болѣе правильномъ ихъ распредѣленіи; поэтому, по рапорту Военнаго Министра, сдѣлано было 17 апрѣля 1837 года распоряженіе [2]) объ отправленіи бродягъ и преступниковъ изъ 16-ти сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ губерній — въ исправительный батальонъ, учрежденный при резервной дивизіи 1-го пѣхот. корпуса, въ г. Новгородѣ; изъ 10-ти центральныхъ и восточныхъ губерній—въ исправительный батальонъ при резервной дивизіи 6-го пѣхотнаго корпуса—въ Нижнемъ Новгородѣ; изъ 13-ти южныхъ губерній—въ исправительный батальонъ при резервной дивизіи 5 пѣхотнаго корпуса—въ Херсонѣ; изъ губерніи Архангельской—въ 1, 2 и 3 Архангелогородскіе внутреніе гарнизонные батальоны; изъ войска Донского и Кавказской области—въ линейные Грузинскіе батальоны, изъ Астраханской губерніи — въ кавказскіе линейные батальоны, изъ Оренбургской и Пермской—въ Оренбургскіе линейные батальоны, и, наконецъ, изъ Сибирскихъ губерній—въ Сибирскіе линейные батальоны.

Такимъ образомъ, цѣлый рядъ гарнизонныхъ и линейныхъ батальоновъ началъ функціонировать также въ качествѣ исправительныхъ.

Насколько трудно было справляться во всѣхъ этихъ импровизированныхъ исправительныхъ частяхъ съ порочными и преступными людьми, въ особенности съ бродягами, привыкшими къ вольной бродяжнической жизни, видно уже изъ того, что изъ числа нижнихъ

---

[1]) П. С. З., т. XI, № 9.632.
[2]) П. С. З., т. XII, № 10.155.

чиновъ, отправленныхъ изъ исправительнаго батальона резервной дивизіи 6-го пѣхотнаго корпуса въ армію, бѣжало въ 1837 году 46 человѣкъ [1]). И это уже послѣ того, какъ они годъ исправлялись и годъ испытывались въ исправительной части. Эта колоссальная цифра краснорѣчивѣе всякихъ словъ говоритъ, разумѣется, о совершенно нерацiональномъ устройствѣ исправительныхъ батальоновъ.

Между тѣмъ, прибавлялись все новыя и новыя категоріи лицъ, подлежащихъ отдачѣ въ войска; стали обращать въ солдаты: евреевъ, за преступленія, за которыя они прежде приговаривались къ ссылкѣ въ Сибирь; имѣющихъ отъ роду 35 [2]) лѣтъ киргизовъ, отсылаемыхъ за преступленія въ арестантскія роты, по окончаніи сроковъ этого наказанія [3]); дозволено было нѣкоторымъ ссыльно-поселенцамъ въ Сибири изъ дворянъ добровольно вступать въ военную службу нижними чинами тамъ или за Кавказомъ [4]).

Съ 1837 года, по особому росписанію [5]), въ различные батальоны внутренней стражи и линейные распредѣлялись и тѣ военно-срочные арестанты, которые, отбывъ наказаніе въ крѣпостной работѣ, по хорошему поведенію, на основаніи § 102 «Положенія» объ арестантскихъ ротахъ 19 ноября 1833 года, удостаивались перевода на службу въ войсковыя части.

ОМСКОЕ КАТОРЖНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Въ 1838 году было обращено вниманіе на нижнихъ чиновъ, осужденныхъ за тяжкія преступленія въ каторжную работу. При отсутствіи болѣе правильнаго устройства въ Сибири каторжной работы, эти военные преступники окончательно терялись для войска. Вотъ почему сдѣлана была попытка организовать спеціально военную каторгу, для чего, указомъ 20 декабря [6]), повелѣно было учредить въ г. Омскѣ, при исправительной ротѣ Сибирскаго линейнаго № 4 батальона, въ видѣ временной мѣры, особое отдѣленіе для такихъ преступниковъ. Подробнѣе мы разсмотримъ эту правительственную попытку, когда коснемся вопроса объ устройствѣ каторги въ царствованіе Императора Николая I.

---

[1]) П. С. З., т. XII, № 10.415.
[2]) П. С. З., т. XII, № 10.242, ст. 1, п. 5.
[3]) П. С. З., т. XIII, № 11.268.
[4]) П. С. З., т. XII, № 10.470, п. 5.
[5]) П. С. З., т. XII, № 9.976.
[6]) П. С. З., т. XIII, № 11.865.

ОСОБЫЯ ИСПРАВИТЕЛЬНЫЯ ОТДѢЛЕНІЯ.

Очевидно, исправительные батальоны, учрежденные въ 1835 году, съ дальнѣйшими измѣненіями въ системѣ исправленія порочныхъ людей, обращаемыхъ въ войска, не могли оставаться въ такомъ видѣ долгое время. Они требовали болѣе раціональнаго устройства. Въ 1840 году, 18 марта [1]), Высочайше было утверждено «предположеніе объ отправленіи порочныхъ людей, вмѣсто исправительныхъ батальоновъ, въ особыя отдѣленія при внутреннихъ гарнизонныхъ и нѣкоторыхъ линейныхъ батальонахъ».

Упомянутымъ указомъ упразднены были исправительныя батальоны въ городахъ: Новгородѣ, Херсонѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, при резервныхъ дивизіяхъ: 1, 5 и 6 пѣхотныхъ корпусовъ, а вмѣсто нихъ учреждены были особыя исправительныя отдѣленія при всѣхъ внутреннихъ гарнизонныхъ и нѣкоторыхъ линейныхъ батальонахъ, а именно: при Финляндскомъ № 1 (въ Выборгѣ), Грузинскомъ № 16 (въ Тифлисѣ), Кавказскихъ №№ 1, 2 и 14, Оренбургскомъ № 10 и Сибирскихъ №№ 1, 11, 12 и 13 линейныхъ батальонахъ. Всѣ бродяги и преступники, отдаваемые въ рекруты, отправлялись въ расположенный въ той-же губерніи батальонъ, за исключеніемъ скопцовъ, преступниковъ изъ уроженцевъ Закавказскаго края и назначаемыхъ въ солдаты изъ опороченныхъ въ поведеніи мірскими приговорами казаковъ; лица этихъ трехъ категорій отправлялись въ батальоны по особому росписанію.

Впрочемъ, 9 января 1845 г., Высочайше повелѣно было изъ числа бродягъ и преступниковъ, отдаваемыхъ въ рекруты, въ исправительныя отдѣленія направлять лишь имѣющихъ отъ роду отъ 17 до 25 лѣтъ, а старѣе 25 лѣтъ отсылать въ крѣпостныя арестантскія роты на предварительное испытаніе и исправленіе [2]).

СОСТАВЪ ИХЪ.

Составъ исправительныхъ, при гарнизонныхъ и линейныхъ батальонахъ, отдѣленій не былъ ограниченъ, а зависѣлъ отъ числа порочныхъ людей, доставляемыхъ изъ губерніи въ батальонъ.

ПОРЯДОКЪ СОДЕРЖАНІЯ.

Всѣ присылаемые въ гарнизонные и линейные батальоны порочные люди помѣщались отдѣльно. Присмотръ за ними, порядокъ

---

[1]) П. С. З., т. XV, № 13.267.
[2]) П. С. З., т. XX, № 18.605, 19526, т. XXI, № 20.175.

ихъ обученія «по фронтовой части» и «особенное наблюденіе за исправленіемъ ихъ нравственности» учреждались по распоряженію Командира отдѣльнаго корпуса внутренней стражи и начальства линейныхъ батальоновъ, а, слѣдовательно, внутренній распорядокъ не былъ регламентированъ и всецѣло зависѣлъ отъ личнаго усмотрѣнія, степени развитія и талантливости названныхъ военныхъ начальниковъ. Законъ устанавливалъ лишь матеріальное положеніе содержавшихся въ исправительныхъ отдѣленіяхъ порочныхъ людей, а именно въ §§ 5 и 6 значилось: «Находясь въ исправительныхъ отдѣленіяхъ, порочные люди получаютъ все довольствіе и обмундированіе, рядовымъ гарнизонныхъ и линейныхъ батальоновъ присвоенное; но безъ оружія и оружейной аммуниціи, и вмѣсто киверовъ имѣютъ фуражныя шапки; слѣдующее же имъ жалованье обращается на улучшеніе ихъ жизни, въ видѣ артельныхъ денегъ, на правилахъ, для артельныхъ суммъ установленныхъ».

«Все содержаніе порочнымъ людямъ въ исправительныхъ отдѣленіяхъ производится на счетъ некомплекта нижнихъ чиновъ въ гарнизонныхъ и линейныхъ батальонахъ и той суммы, которая доселѣ для исправительныхъ батальоновъ отпускалась, и засимъ, особой на сей предметъ издержки, ни по коммисаріатской, ни по провіантской части, не требуется».

Какъ видно изъ смѣтныхъ исчисленій расходовъ вспомогательнаго земскаго сбора, въ 1840 году на содержаніе исправительныхъ батальоновъ было отпущено 37633 руб.; вслѣдствіе же затруднительности опредѣлить впередъ число поступающихъ въ исправительныя отдѣленія, а слѣдовательно, хоть приблизительно, исчислить потребную сумму расходовъ, 6-го февраля 1841 года было установлено, чтобы порочные люди въ исправительныхъ отдѣленіяхъ содержались на счетъ общихъ суммъ по смѣтѣ комисаріатскаго и провіантскаго департаментовъ Военнаго Министерства, а потомъ истраченная сумма подлежала возврату Военному Министерству изъ вспомогательнаго земскаго сбора [1]).

Такимъ образомъ, внутренняя организація исправительныхъ отдѣленій сама собой свелась къ ротной; что-же касается режима, то онъ, надо полагать, заключался въ соблюденіи тѣхъ требованій дисциплинированія и муштры, которыя были установлены въ исправитель-

[1]) П. С. З., т. XVI, № 14.260.

ныхъ баталіонахъ, но съ болѣе подробной регистраціей всѣхъ проступковъ исправляемыхъ въ отдѣленіяхъ порочныхъ людей, такъ какъ этого требовали правила отчетности. Врядъ-ли даже было-бы цѣлесообразно предъявлять какія-нибудь особенныя требованія нравственно-воспитательнаго характера къ строевымъ офицерамъ, а тѣмъ болѣе къ нижнимъ чинамъ, которымъ для исправленія были ввѣрены эти порочные люди. Тѣмъ не менѣе, законъ устанавливаетъ особую группировку этихъ послѣднихъ, въ зависимости отъ степени ихъ исправленія.

ГРУППИРОВКА ПОРОЧНЫХЪ ЛЮДЕЙ ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ; РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ИХЪ ЗАТѢМЪ ИЗЪ ОТДѢЛЕНІЙ.

«По истеченіи каждой трети года,—значится въ указѣ,—командиры баталіоновъ, обо всѣхъ состоящихъ въ исправительныхъ отдѣленіяхъ людяхъ, доставляютъ въ Инспекторскій Департаментъ вѣдомости, съ показаніемъ, сколько въ числѣ сихъ людей: а) совершенно исправившихся въ поведеніи; б) подающихъ надежду къ исправленію; и в) такихъ, которые, закоренѣвъ въ порокахъ, не подаютъ надежды на ихъ исправленіе».

Въ зависимости отъ состоянія въ томъ или другомъ разрядѣ, зависѣла ближайшая судьба находящихся въ отдѣленіяхъ людей, а именно:

«Люди перваго разряда распредѣляются, въ то же время, въ ближайшія войска, по назначенію Инспекторскаго Департамента».

«Люди втораго разряда оставляются, впредь до исправленія, при гарнизонныхъ баталіонахъ».

«Люди-же третьяго разряда отправляются въ арестантскія роты навсегда, или на извѣстный срокъ, смотря по роду и степени ихъ пороковъ».

Какъ видно изъ третныхъ вѣдомостей, представляемыхъ въ Инспекторскій Департаментъ, объ людяхъ третьяго разряда прилагались именные списки, съ обозначеніемъ: «когда именно и за что отданы въ военную службу, какъ вели себя въ исправительныхъ отдѣленіяхъ, и не оказали ли вновь какихъ-либо проступковъ».

Къ концу царствованія Императора Николая I, а именно 29 августа 1853 г., правила распредѣленія бродягъ и преступниковъ на военную службу изъ исправительныхъ отдѣленій установлены были слѣдующія [1]):

[1]) Ч. II, кн. I, стр. 229; С. В. П. 1859 г. П. С. З., т. XXVIII, № 27.530.

1) Командиры внутреннихъ гарнизонныхъ и линейныхъ баталіоновъ, о всѣхъ рекрутахъ, состоящихъ въ исправительныхъ отдѣленіяхъ, сообщаютъ, по исчисленіи каждой трети, вѣдомость черезъ Окружныхъ генераловъ и бригадныхъ командировъ, въ Главный Штабъ Кавказской арміи, и въ штабы отдѣльныхъ корпусовъ: Внутренней стражи, Оренбургскаго и Сибирскаго и командующихъ войсками въ Финляндіи и Восточной Сибири; вмѣстѣ съ тѣмъ доставляютъ списокъ какъ о рекрутахъ изъ податнаго сословія, которые въ исправительныхъ отдѣленіяхъ, «по закоренѣлости въ порокахъ», не исправились въ поведеніи, но не состоятъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, такъ и о нижнихъ чинахъ, переданныхъ изъ разныхъ мѣстъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ за дурное поведеніе, и оказавшихся также «закоренѣлыми въ порокахъ».

Согласно разъясненію, послѣдовавшему 26 іюля 1851 года, въ число закоренѣлыхъ могли быть включаемы только такіе рекруты, которые будутъ признаны заслуживающими этого послѣ пробытія въ исправительныхъ отдѣленіяхъ не менѣе двухъ лѣтъ [1]).

2) Упомянутые высшіе начальники совершенно исправившихся въ поведеніи и благонадежныхъ для службы рекрутъ, исключая евреевъ, зачисляютъ на одинъ годъ въ тѣ же баталіоны, при которыхъ исправительныя отдѣленія учреждены; евреевъ-же—въ войска и команды, указанныя въ особомъ росписаніи. Если въ Кавказской арміи и въ отдѣльномъ Оренбургскомъ корпусѣ, а также въ расположенныхъ въ Финляндіи войскахъ, надобность въ евреяхъ, по укомплектованію мастеровыхъ и нестроевыхъ званій, будетъ вполнѣ удовлетворена, то излишнихъ, ежели окажутся, передаютъ въ ближайшіе баталіоны Внутренней стражи. Затѣмъ, рекрутъ изъ податнаго сословія, закоренѣлыхъ въ порокахъ, а равно и нижнихъ чиновъ, передаваемыхъ изъ разныхъ мѣстъ за дурное поведеніе и оказавшихся также закоренѣлыми въ порокахъ, отправляютъ въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства, на сроки, смотря «по роду и степени порочности», и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаютъ Инспекторскому Департаменту для свѣдѣнія общую по корпусу вѣдомость.

3) Командиры внутреннихъ гарнизонныхъ и линейныхъ баталіоновъ, по истеченіи года со дня перечисленія рекрутъ изъ исправительныхъ отдѣленій въ баталіоны, назначивъ изъ этихъ рекрутъ къ переводу въ войска «только тѣхъ, которыхъ они признаютъ достойными, подъ личною своею отвѣтственностью, за благонадежность въ нравственности и поведеніи» доставляютъ, чрезъ Окружныхъ генераловъ и Бригадныхъ командировъ, въ Главный Штабъ Кавказской арміи и въ Штабы Отдѣльныхъ Корпусовъ и командующихъ войсками въ Финляндіи и Восточной Сибири, вѣдомость, съ приложеніемъ статейныхъ списковъ о неспособныхъ къ службѣ рекрутъ изъ податнаго состоянія.

4) Упомянутые высшіе начальники оставляютъ пробывшихъ одинъ годъ и оказавшихся неблагонадежными для строевой службы, въ тѣхъ же баталіонахъ, или переводятъ въ другіе, по своему

[1]) П. С. З., т. XXVI, № 25.450.

усмотрѣнію, а въ случаѣ «совершенной неисправимости въ поведеніи», отсылаютъ въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства; съ неспособными же поступаютъ, какъ было указано; а для распредѣленія остальныхъ затѣмъ рекрутъ, признанныхъ достойными служить въ дѣйствующихъ войскахъ, доставляется въ Инспекторскій Департаментъ общая по арміи или корпусу вѣдомость.

5) Что касается до рекрутъ, которые происходятъ изъ дворянъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей и отданы въ службу безъ лишенія правъ состоянія, то Командиры внутреннихъ гарнизонныхъ и линейныхъ батальоновъ, при третной вѣдомости, представляютъ о неисправившихся въ поведеніи: а) штрафной журналъ, б) статейный списокъ, составленный по положенію о неспособныхъ нижнихъ чинахъ; о совершенно же годныхъ къ строевой службѣ — съ отмѣткою: «совершенно здоровъ»; в) копію съ судебнаго о каждомъ изъ нихъ приговора; а къ годовой вѣдомости прикладываютъ, о всѣхъ благонадежныхъ по поведенію и нравственности рекрутахъ изъ дворянъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей, копіи съ судебныхъ опредѣленій и статейные списки съ указанными отмѣтками, присовокупляя о способныхъ къ службѣ: «фронтовую службу нести можетъ».

6) Главный Штабъ, Командиры Отдѣльныхъ Корпусовъ и командующіе войсками Финляндіи и Восточной Сибири препровождаютъ въ Инспекторскій Департаментъ, для зависящаго распоряженія, бумаги о рекрутахъ изъ дворянъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей, неисправившихся въ поведеніи, при общей по арміи или корпусу вѣдомости, а о благонадежныхъ для службы—при особой вѣдомости.

ИСПРАВИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ОТДѢЛЕНІЙ.

Сопоставляя немногочисленныя правила объ исправительныхъ отдѣленіяхъ съ положеніемъ объ исправительныхъ баталіонахъ, слѣдуетъ заключить, что, въ сущности, исправительныя отдѣленія совершенно даже не задавались цѣлями исправленія порочныхъ людей, а лишь цѣлями ихъ разсортированія на разряды по степени испорченности.

Въ виду большого числа порочныхъ людей, обращаемыхъ въ солдаты, а также для лучшаго удобства ихъ распредѣленія, въ первый же годъ созданія исправительныхъ отдѣленій произведены были нѣкоторыя измѣненія, а именно, были учреждены исправительныя отдѣленія: при Финляндскомъ линейномъ № 3 батальонѣ для Новгородской губерніи [1]), при Грузинскомъ № 15 линейномъ баталіонѣ— для войска Донского и Кавказской области [2]); порочныхъ рекрутъ, препровождаемыхъ изъ Царства Польскаго (согласно распоряженію, изданному въ 1837 году) въ Черноморскіе линейные баталіоны, по-

[1]) П. С. З., т. XV, № 13.659.
[2]) П. С. З., т. XV, № 13.660.

велѣно было впредь также распредѣлять по исправительнымъ отдѣленіямъ [1]).

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦѢНКА ОТДАЧИ ВЪ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ВЪ РЯДУ ПРОЧИХЪ НАКАЗАНІЙ.

Интересно отмѣтить, что въ томъ же 1840 году послѣдовало разъясненіе [2]) о томъ, что отдачу за преступленія въ военную службу можно было въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр., для тѣхъ кавказскихъ жителей, которые старше 50 лѣтъ) замѣнять тюремнымъ заключеніемъ, «опредѣляя срокъ оному по мѣрѣ вины». Вотъ, слѣдовательно, какъ въ уголовномъ отношеніи расцѣнивалась военная служба: она замѣняла наказанія отъ тюремнаго заключенія до ссылки на поселеніе включительно, такъ какъ по Уложенію о наказаніяхъ 1845 г. отдача въ солдаты опредѣлялась въ нѣкоторыхъ случаяхъ взамѣнъ ссылки на поселеніе въ Сибирь и въ Закавказьѣ.

Въ декабрѣ 1846 года, вслѣдствіе того, что одинъ изъ принятыхъ на службу рядовыхъ, осужденный передъ тѣмъ по подозрѣнію въ убійствѣ и оставленный «свободнымъ по несознанію въ ономъ», оказался черезъ годъ виновнымъ въ этомъ преступленіи, послѣдовало разъясненіе: «отнюдь и ни подъ какимъ видомъ не брать въ рекруты людей, бывшихъ въ подозрѣніи смертоубійствъ, доколѣ не совершенно оправданы» [3]).

ОТДАЧА ВЪ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО СУДЕБНЫМЪ ПРИГОВОРАМЪ ВЪ КОНЦѢ ЦАРСТВОВАНІЯ НИКОЛАЯ I.

Развиваясь постепенно, отдача въ солдаты по судебнымъ приговорамъ въ серединѣ XIX вѣка, на рубежѣ царствованія императора Александра II, вылилась въ слѣдующую систему [4]): общимъ правиломъ было установлено, что люди, отдаваемые по приговорамъ судебныхъ мѣстъ въ военную службу «за разныя преступленія, въ особенности за дерзскія поступки и неповиновеніе помѣщикамъ, не должны быть опредѣляемы ни въ воинскія команды, расположенныя въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, откуда они поступаютъ, ни во внутренніе гарнизонные батальоны губерній на мѣста ихъ родины», т. е., иначе говоря, ихъ постигала административная ссылка.

РАСПРЕДѢЛЕНІЯ РЕКРУТЪ, ПОСТУПАЮЩИХЪ ПО ПРИГОВОРАМЪ СУДА.

Вопросъ о распредѣленіи отданныхъ въ наказаніе въ солдаты представлялся чрезвычайно сложнымъ, такъ какъ для этого не существовало никакихъ принципіальныхъ основаній, и распредѣлялись

---

[1]) П. С. З., т. XV, № 13.667.
[2]) П. С. З., т. XV, № 13.753.
[3]) П. С. З., т. XXI, № 20.746.
[4]) ч. II., кн. I., гл. I., отд. 2., С. В. П. 1859 года.

они либо по субъективнымъ признакамъ, либо по роду преступленій, такимъ образомъ:

1) Всѣ вообще раскольники, изобличенные «въ соблазнахъ, буйствахъ и дерзостяхъ», направлялись въ войска Кавказской арміи, за исключеніемъ присужденныхъ судебными мѣстами Ставропольской губерніи и Закавказскаго края, которые отсылались въ Сибирскія войска.

2) Аптекарскіе ученики городскихъ больницъ, поступившіе въ больницы изъ числа незаконнорожденныхъ воспитанниковъ Приказовъ Общественнаго призрѣнія, опредѣлялись за дурное поведеніе въ военную службу въ нестровые или «куда годными окажутся».

3) Удѣльные приказные головы и сельскіе старшины, отдаваемые въ военную службу за лихоимство, въ случаѣ ихъ неспособности, отсылались въ крѣпостныя арестантскія роты.

4) Евреи, проживающіе въ селеніяхъ у помѣщиковъ, изобличенные въ дурномъ поведеніи и неплатежѣ казнѣ податей,—опредѣлялись на военную службу въ Грузію.

5) Нижніе почтовые служители, въ случаѣ неблагонадежности и дурного поведенія, отсылались въ мѣстный внутренній гарнизонъ (изъятіе изъ общаго правила), а негодные къ военной службѣ и имѣющіе отъ роду болѣе 35 лѣтъ—ссылались на водвореніе въ Сибирь.

6) «Порочные придворнослужители, надъ коими безуспѣшно испытаны всѣ мѣры къ исправленію», въ зависимости отъ возраста и способности къ военной службѣ, отдавались на опредѣленные сроки въ солдаты (но не на общій 24-ти лѣтній срокъ) во Внутреннюю стражу или гарнизонные батальоны, послѣ чего, исправившихся «опредѣляли вновь ко Двору», а неисправимые оставлялись на военной службѣ;

7) Питомцы Императорскаго Воспитательнаго дома, служащіе по Министерству Государственныхъ имуществъ,—въ строевыя части на равнѣ съ государственными крестьянами «неодобрительнаго поведенія».

8) Несовершеннолѣтніе преступники, обращаемые въ военную службу съ выслугой и имѣющіе болѣе 17 лѣтъ,—въ войска на строевую и нестроевую службу, по усмотрѣнію военнаго начальства.

9) Дворяне и оберъ-офицерскіе дѣти, отдаваемые въ рекруты безъ лишенія правъ состоянія, зачислялись въ исправительныя отдѣленія при внутреннихъ гарнизонныхъ и линейныхъ батальонахъ.

10) Бродяги, непомнящіе родства или вообще скрывающіе свое званіе, имѣющіе отъ 17 до 25 лѣтъ включительно, предварительно помѣщались на испытаніе въ исправительныя отдѣленія, если они были годны къ военной службѣ, а неспособные—въ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства; въ тѣже роты попадали и бродяги, имѣющіе отъ 25 до 30 лѣтъ; бродягъ-же старше 30 лѣтъ и всѣхъ неспособныхъ къ работѣ въ арестантскихъ ротахъ ссылали въ Сибирь на поселеніе [1]).

[1]) П. С. З., т. XXIII, № 22.092.

11) Бродягъ, задержанныхъ въ Ставропольской губерніи и землѣ Черноморскихъ казаковъ, не только показывающихъ себя непомнящихъ родства, но и всѣхъ прочихъ, какія бы показанія они о себѣ ни дѣлали, если только они оказывались способными нести военную службу, отдавали на тѣхъ же основаніяхъ немедленно и безъ всякихъ розысканій «въ солдаты, за исключеніемъ лишь» случаевъ, когда они обвинялись въ уголовныхъ, кромѣ того, преступленіяхъ.

12) Бѣглые рекруты распредѣлялись въ гарнизонные и линейные баталіоны по особому расписанію.

13) Нижніе чины, которые, бѣжавъ изъ службы, скроютъ по поимкѣ свое воинское званіе и будутъ причислены къ бродягамъ не помнящимъ родства, возвращались, по отбытіи по суду наказанія, обязательно въ военное вѣдомство; но нижніе чины войскъ кавказской арміи, виновные «въ намѣреніи къ побѣгу за границу», по отбытіи наказанія, распредѣлялись въ арестантскія роты.

14) Дезертиры, добровольно явившіеся изъ Персіи, Турціи и отъ Горскихъ народовъ, высылались въ г. Воронежъ, къ командиру тамошняго внутренняго гарнизоннаго батальона, для распредѣленія на службу по распоряженію Инспекторскаго Департамента; а дезертиры, выданныя изъ Персіи, Турціи и отъ Горскихъ народовъ, отправлялись въ арестантскія роты, преимущественно въ Бобруйскъ и Кіевъ, съ тѣмъ, чтобы эти нижніе чины, по пробытіи въ крѣпостной работѣ срока наказанія, высылаемы были на службу въ войска, внутри имперіи расположенныя.

15) Горцы и другіе азіатцы Кавказскаго и Закавказскаго края, отдаваемые за наказаніе въ военную службу, распредѣлялись въ войска отдаленныхъ корпусовъ.

16) Арестанты изъ азіатцевъ Кавказскаго края, отбывшіе наказаніе въ арестантскихъ ротахъ инженернаго вѣдомства, распредѣлялись на службу въ дѣйствующія войска, или въ военно-рабочія роты инженернаго вѣдомства, смотря по способности; неспособные же вовсе помѣщались въ богадѣльни.

17) Въ армейскія и другія войска могли попадать даже арестанты-азіаты, сосланные въ крѣпостную работу, при условіи, если они перейдутъ въ православіе и будутъ исповѣдывать христіанскую вѣру въ теченіе одного года «искренно и нелицемѣрно».

Законодатель [1]) устанавливаетъ, что «по приговорамъ судебныхъ мѣстъ люди служатъ въ войскахъ гвардіи 22, а въ армейскихъ войскахъ 25 лѣтъ; срокъ же службы людямъ, поступающимъ въ крѣпостныя арестантскія отдѣленія опредѣляется особыми правилами, въ учрежденіи сихъ ротъ изъясненными».

Это законоположеніе разъясняетъ точку зрѣнія законодателя на наказаніе отдачей въ солдаты: въ сущности, это то же лишеніе свободы

[1])Ст. 240, ч. II кн., I. С. В. П. 1859 г.

на опредѣленный срокъ, но съ обязательной, принудительной службой, вмѣсто принудительнаго труда.

Изъ приведеннаго выше перечня категорій лицъ, подлежавшихъ отдачѣ въ солдаты, видно, что наказываемые, такимъ образомъ, подраздѣлялись на три группы: 1) отдаваемыхъ непосредственно на службу въ дѣйствующія войска; 2) отдаваемыхъ предварительно въ исправительныя отдѣленія и 3) отдаваемыхъ въ арестантскія и военно-рабочія роты инженернаго вѣдомства, такъ какъ и на заключеніе въ арестантскія роты законодатель смотритъ, какъ на отдачу въ военную службу на опредѣленный срокъ.

Основаніемъ къ распредѣленію людей по этимъ 3-мъ группамъ служили: степень нравственной испорченности наказуемыхъ, съ одной стороны, возрастъ и физическое развитіе—съ другой.

Общій выводъ.

Итакъ, отдача, въ видѣ наказанія, въ военную службу привела къ созданію спеціальныхъ исправительныхъ войсковыхъ частей. Правда, организація такихъ дисциплинарныхъ войсковыхъ частей намѣчена лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, но тѣмъ не менѣе, мы въ нихъ уже встрѣчаемъ тѣ основныя начала, на которыхъ устроены и современныя намъ дисциплинарныя части, а именно: 1) сравнительная краткосрочность—до 3-хъ лѣтъ, заключенія, расчитаннаго на то, чтобы не отрывать военнослужащаго на долгій срокъ отъ службы; 2) болѣе строгій режимъ, соображенный къ тому-же съ условіями строевой военной службы; 3) военное обученіе и воспитаніе въ самомъ мѣстѣ заключенія, направленное къ пріученію заключеннаго къ требованіямъ военной службы, подчиненности и чинопочитанія, т. е. къ требованіямъ воинскаго правопорядка; 4) тѣсная связь съ арміей, внѣдряющая въ заключенномъ сознаніе, что онъ и во время исправительнаго на него воздѣйствія продолжаетъ состоять на военной службѣ, возлагающей на него особенныя обязанности и, наконецъ, 5) отсутствіе позорящихъ карательныхъ послѣдствій наказанія, поражающихъ политическія или гражданскія права, и тѣмъ лишающихъ наказаннаго возможности продолжать службу въ рядахъ арміи и носить воинское званіе.

ГЛАВА IX.

ОБЩІЯ МѢСТА ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

МѢСТАМИ заключенія гражданскаго вѣдомства въ царствованіе Императора Николая I были: 1) особенныя помѣщенія при домахъ, занимаемыхъ присутствіями или городской полиціей, 2) гражданскія арестантскія роты и 3) тюремные замки или остроги.

Въ наказѣ гражданскимъ губернаторамъ, послѣднимъ вмѣнялось въ обязанность «обращать тщательное и постоянное вниманіе», чтобы въ этихъ мѣстахъ заключенія «сохранялись во всемъ надлежащее устройство, опрятность и чистота воздуха и заключенные были размѣщаемы и распредѣляемы по предписаннымъ для сего въ циркулярахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1832 и 1833 годовъ правилахъ, съ принятіемъ въ соображеніе существующихъ между ними различій по роду преступленій, полу, состояніямъ, возрастамъ и т. д.» [1]).

ОСОБЕННОСТЬ СОДЕРЖАНІЯ ГРАЖДАНСКИХЪЛИЦЪ НА ВОЕННЫХЪ ГАУПТВАХТАХЪ И ВОЕННО-СЛУЖАЩИХЪ ВЪ МѢСТАХЪ ЗАКЛЮЧЕНІЯ ГРАЖДАНСКАГО ВѢДОМСТВА.

На губернскихъ прокурорахъ и на стряпчихъ лежала обязанность надзора и попеченія за арестантами въ этихъ мѣстахъ заключенія; на прокурорскомъ же надзорѣ лежала и обязанность попеченія о тѣхъ арестантахъ гражданскаго вѣдомства, которые по какому либо случаю переводились изъ тюрьмы на военную гауптвахту; но, если вмѣстѣ съ переводомъ ихъ на военную гауптвахту, они сами и дѣла

[1]) П. С. З., т. XII, № 10.303.

объ нихъ передавались военному начальству, въ такомъ случаѣ надзоръ за ними губернскихъ прокуроровъ уже долженъ былъ прекращаться [1]).

На военные-же гауптвахты лица гражданскаго вѣдомства попадали въ то время довольно часто, такъ какъ это зависѣло почти всецѣло отъ усмотрѣнія губернаторовъ. Но, такъ какъ начальники губерніи были, вообще, склонны слишкомъ широко пользоваться правомъ помѣщать арестантовъ гражданскаго вѣдомства на городскихъ гауптвахтахъ, вслѣдствіе чего постоянно происходили у нихъ недоразумѣнія съ военнымъ начальствомъ, то 28 августа 1841 года, по рапорту Военнаго Министра, было установлено: 1) предоставить мѣстному гражданскому начальству право требовать о помѣщеніи на военныхъ гауптвахтахъ арестантовъ гражданскаго вѣдомства: а) когда гражданскихъ помѣщеній будетъ недостаточно, а на военныхъ гауптвахтахъ будутъ оставаться излишнія для арестантовъ мѣста, и б) когда производство изслѣдованія, или суда будутъ требовать разобщенія преступниковъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, если на гауптвахтахъ окажется недостатокъ помѣщеній, то, до окончанія изслѣдованіи или суда, переводить военныхъ арестантовъ въ гражданскіе тюремные остроги, а гражданскаго вѣдомства арестантовъ помѣщать на военныя гауптвахты; и 2) подтвердить всѣмъ военнымъ начальникамъ, чтобы они, въ случаѣ требованія гражданскаго начальства о принятіи арестантовъ на гауптвахты, не отказывали въ томъ безъ уважительныхъ причинъ [2]).

По Уложенію о наказаніяхъ 1845 г. кратковременный арестъ отбывался лицами, изъятыми отъ тѣлесныхъ наказаній,—въ тюрьмѣ, неизъятыми—въ особыхъ помѣщеніяхъ при полиціи; дворяне и чиновники отбывали это наказаніе или въ тюрьмѣ, или на военной гауптвахтѣ, или въ собственномъ мѣстѣ жительства, или же въ одномъ изъ домовъ вѣдомства, къ которому они принадлежатъ. Мѣщане и крестьяне во время ареста могли быть употребляемы въ общественныя и другія правительственныя работы.

Не мало военныхъ арестантовъ, въ свою очередь, содержалось въ этихъ мѣстахъ заключенія гражданскаго вѣдомства. Попадая туда, воен-

[1]) П. С. З., т. LXIII, № 11.535.
[2]) П. С. З., т. XVI, № 14 843.

ВАРШАВСКАЯ ВОЕННАЯ ТЮРЬМА.

Ворота.

I-ыя ворота (вдали арестанты на прогулкѣ).

Церковь.

Выходной коридоръ.

Гимнастическій дворъ.

Дверь съ № камеры.

ные арестанты оказывались совершенно какъ бы изъятыми изъ военной среды и, оставаясь тамъ зачастую очень долгое время, постепенно теряли всякій воинскій видъ и забывали окончательно требованія воинской дисциплины и столь трудно дававшуюся «николаевскую» муштру. Вотъ почему—1-го ноября 1835 года—послѣдовалъ указъ, объявленный въ приказѣ Военнаго Министра, устанавливающій обученіе «рекрутской школѣ» содержащихся въ тюремныхъ заведеніяхъ военныхъ арестантовъ. Указъ этотъ настолько характеренъ, что мы приведемъ его цѣликомъ:

«Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Содержащихся въ тюремныхъ заведеніяхъ военныхъ арестантовъ, дабы не оставались они праздными, учить школѣ рекрутской не менѣе четырехъ часовъ въ сутки; 2) для ученья сего употреблять унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ гарнизонныхъ батальоновъ и инвалидныхъ командъ; 3) ученье сіе производить: въ хорошую погоду — на дворѣ тюремнаго заведенія, а въ ненастную—гдѣ удобнѣе признано будетъ, съ строгою предосторожностью, дабы арестанты не могли учинить побѣга или другихъ проступковъ; 4) ружья къ обученію употреблять изъ числа имѣющихся въ гарнизонныхъ батальонахъ и инвалидныхъ командахъ, отъ некомплекта людей, но безъ штыковъ, и съ деревянными шомполами, вмѣсто желѣзныхъ; 5) таковое обученіе арестантовъ поручить особому надзору командировъ внутреннихъ гарнизонныхъ батальоновъ и инвалидныхъ командъ; 6) окружнымъ генераламъ Внутренней Стражи имѣть особенное по сему предмету наблюденіе» [1]).

Такимъ образомъ, если въ царствованіе Александра I были точно разграничены въ законѣ понятія «военный» и общій арестантъ, и этимъ самымъ какъ бы намѣчалась необходимость обособленія въ дальнѣйшемъ общихъ арестантовъ отъ военныхъ, то въ царствованіе его державнаго брата — Императора Николая I уже совершенно отчетливо выдвигается одна изъ существенныхъ чертъ необходимой въ будущемъ обособленной военно-тюремной организаціи: связь ея съ арміей, обязательность военнаго воспитанія (дисциплинированіе) и обученія отбывающихъ въ тюрьмахъ наказаніе съ тѣмъ,

[1]) П. С. З., т. X, № 8.525.

чтобы они во всякое время могли бы вновь вступать въ ряды арміи; очевидно, только въ силу особыхъ обстоятельствъ, принципъ отдѣленія военныхъ арестантовъ отъ общихъ и военныхъ мѣстъ заключенія отъ гражданскихъ не проводился еще въ то время строго послѣдовательно.

НАЧАЛО ИСПРАВЛЕНІЯ ПРЕСТУПНИКОВЪ ВЪ МѢСТАХЪ ЗАКЛЮЧЕНІЯ ГРАЖДАНСКАГО ВѢДОМСТВА.

13-го января 1839 года [1]) было Высочайше утверждено «Положеніе объ исправительномъ заведеніи въ Петербургѣ»; заведеніе это, въ сущности, представлялось первымъ опытомъ примѣненія у насъ, въ Россіи, принциповъ пенитенціарной системы, но, къ сожалѣнію, начала эти не были проведены въ Положеніи съ достаточной послѣдовательностью.

а) ИСПРАВИТЕЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ.

«Исправительное заведеніе,—говоритъ Положеніе,—учреждается для людей продерзостныхъ, поведеніемъ своимъ повреждающихъ добронравіе, наносящихъ стыдъ и зазоръ обществу. Исправительное заведеніе содержаніемъ таковыхъ людей въ заключеніи, ограждая, въ отношеніи частномъ, спокойствіе семействъ и споспѣшествуя, въ отношеніи общемъ, къ сохраненію благочинія, имѣетъ обязанность стараться объ исправленіи порученныхъ ему людей до того, чтобы возвратить ихъ полезными и самимъ себѣ, и семействамъ, и обществу».

Въ сущности же, «Исправительное заведеніе» замѣняло собой смирительный домъ и состояло въ числѣ заведеній общественнаго призрѣнія.

Разсматривая Положеніе объ исправительномъ заведеніи, мы встрѣчаемъ здѣсь и начало раздѣленія преступниковъ по поламъ, возрасту и соціальному положенію, и принципъ обязательнаго труда, имѣющаго цѣлью отвлеченіе отъ праздности, пріученіе къ порядку, подчиненности, повиновенію, выработку привычки къ труду, къ правильному употребленію времени и, наконецъ, содѣйствіе нравственному исправленію.

Находимъ мы здѣсь и попытку духовно-религіознаго воздѣйствія на заключенныхъ, и принципъ воздержанія въ пищѣ, обученіе грамотности и пр.

Разобщеніе преступниковъ не примѣнялось, и «заключеніе въ уединенную комнату» являлось мѣрой дисциплинарной.

---

[1]) П. С. З., т. XVI, №11.930.

Внутренній распорядокъ регламентированъ съ удивительной подробностью, зачастую даже казуистичнаго характера. Устанавливая, напр., порядокъ времяпрепровожденія заключенныхъ, Положеніе спеціально воспрещаетъ: «произносить проклинаніе и божбу», «упрекать другъ друга», разсказывать другъ другу о причинахъ отдачи ихъ въ исправительное заведеніе, соблазнительныя пѣсни, хохотъ и вообще «рѣзвости».

Дисциплинарныя взысканія съ заключенныхъ за нарушенія правилъ внутренняго порядка носили исключительно исправительный характеръ и шли въ слѣдующей постепенности: 1) уменьшеніе пищи, 2) запрещеніе говорить, 3) званіе чиновныхъ однимъ именемъ, а не по отчеству, 4) заключеніе въ уединенную комнату и т. п.

Не останавливаясь болѣе подробно на этомъ наивномъ смѣшеніи началъ, выработанныхъ пенитенціарною наукою, укажемъ, что исправительное заведеніе, созданное по такому рецепту, очевидно, не могло быть жизнеспособнымъ.

б) Рабочій домъ.

Одновременно съ этимъ Положеніемъ было издано и «Положеніе о рабочемъ домѣ въ Петербургѣ» [1]), во многомъ согласованное съ первымъ. Рабочій домъ въ Петербургѣ, въ реформированномъ его видѣ, составлялъ особое отдѣленіе, состоящее «въ одномъ хозяйствѣ» съ исправительнымъ заведеніемъ и былъ созданъ «для вознагражденія обиженнаго и для возчувствованія необходимости исправиться» т. е. былъ въ сущности такимъ же исправительнымъ заведеніемъ.

Затѣмъ, когда вмѣстѣ съ изданіемъ Уложенія о наказаніяхъ, 15 августа 1845 года были обнародованы «Дополнительныя правила къ Уставу о содержащихся подъ стражею» [2]), а именно объ осужденныхъ къ заключенію въ рабочихъ и смирительныхъ домахъ и въ тюрьмахъ, то многія изъ постановленій объ исправительномъ заведеніи нашли себѣ отраженіе въ этихъ «Дополнительныхъ правилахъ», а въ отношеніи осужденныхъ къ заключенію въ рабочихъ домахъ даже—прямо предлагалось руководствоваться «Положеніемъ о рабочемъ домѣ въ С.-Петербургѣ».

Такъ какъ военнослужащіе отбывали тюремное заключеніе въ городскихъ тюрьмахъ, то считаемъ не лишнимъ отмѣтить тѣ особен-

[1]) П. С. З., т. XIV, № 11.931.
[2]) П. С. З., т. XX, № 19.286.

ности, которыя внесли «дополнительныя правила», по сравненію съ уставомъ о содержащихся подъ стражею (т. 14-ый). Во-первыхъ, мы встрѣчаемъ въ «правилахъ» уже строгое раздѣленіе и разобщеніе отбывающихъ тюремное заключеніе по суду отъ тѣхъ, которые подвергаются этому наказанію по другимъ причинамъ. Во-вторыхъ, вся система содержанія заключенныхъ проникнута гуманитарнымъ воззрѣніемъ; отсюда, разрѣшеніе имѣть собственныя: бѣлье, одежду, пищу; довольно широко установленное право свиданій съ посторонними; право избрать себѣ занятіе, при чемъ весь надзоръ тюремной администраціи ограничивался наблюденіемъ, чтобы заключенные не проводили времени въ праздности, и поэтому, слѣдовательно, трудъ являлся принудительнымъ [1]).

Впрочемъ, только мѣщане и крестьяне, преимущественно приговоренные къ тюремному заключенію, взамѣнъ другого, строжайшаго наказанія, или осужденные на болѣе продолжительные сроки, могли быть, на основаніи 58 ст. Уложенія о наказ., употребляемы и на общественныя, городскія и другія установленныя правительствомъ работы.

Всѣ заработанныя заключенными деньги считались ихъ собственностью и выдавались имъ при выпускѣ изъ тюрьмы.

Такимъ образомъ «дополнительныя правила» 1845 года представляются лишь необходимымъ этапомъ на пути реформированія всей тюремной системы того времени въ Россіи.

СОСТОЯНІЕ ТЮРЕМЪ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XIX ВѢКА.

Тюремное неустроеніе, къ сожалѣнію, представлялось у насъ, въ Россіи, явленіемъ хроническимъ, и всѣ попытки къ упорядоченію тюрьмы не приводили къ реальнымъ результатамъ.

Составленный въ 1787 году собственноручно Екатериной II уставъ о тюрьмахъ, обѣщавшій вполнѣ цѣлесообразныя и широкія преобразованія тогдашнихъ мѣстъ заключеній, можетъ имѣть значеніе лишь для характеристики Императрицы, но никакого вліянія на русскую тюрьму не имѣлъ. Результатомъ дѣятельности въ Россіи знаменитаго тюрьмовѣда Говарда былъ только весьма скромный ему памятникъ въ Херсонѣ. Всѣ распоряженія Александра I объ улучшеніи тюремъ потонули въ нѣдрахъ канцелярій, не коснувшись дѣйст-

[1]) Заключенные въ тюрьмѣ, взамѣнъ кратковременнаго ареста, пользовались еще бо́льшими въ этомъ отношеніи льготами.

вительной тюремной жизни. Единственной реальной заслугой этой эпохи было выясненіе истиннаго состоянія русскихъ тюремъ, сдѣланное англичаниномъ Венингомъ, осматривавшимъ ихъ по порученію Императора Александра I; въ своемъ докладѣ Венингъ говоритъ о нашихъ тюрьмахъ: «Невозможно безъ отвращенія даже и помыслить о скверныхъ слѣдствіяхъ такихъ непристойныхъ учрежденій: здоровье и нравственность равно должны гибнуть здѣсь, какъ ни кратко будетъ время заточенія».

Даже столичныя тюрьмы представляли изъ себя сводчатыя, сырыя, гнилыя и холодныя помѣщенія, лишенныя свѣта и свѣжаго воздуха. Ни отхожихъ мѣстъ, ни даже наръ въ нихъ не было: спали въ повалку на полу на кишащихъ насѣкомыми лохмотьяхъ, а на ночь ставилась безобразная «параша». Въ тюрьмахъ при управѣ благочинія, напр., въ двухъ небольшихъ комнатахъ содержалось 100 человѣкъ, такъ что только незначительная часть изъ нихъ могла ночью прилечь для отдыха. Въ рабочемъ домѣ, въ комнатѣ, длиною въ 6 саженъ и шириною въ 3 сажени, Венингъ нашелъ 107 заключенныхъ всякаго возраста, безъ какой-либо работы, изъ которыхъ отъ тѣсноты размѣщенія заболѣвало по десяти человѣкъ еженедѣльно.

Въ кордегардіи при губернскомъ правленіи, въ комнатахъ, разсчитанныхъ на 50 человѣкъ, содержалось до 200 сидѣльцевъ, тоже лишенныхъ возможности даже прилечь. Всюду царили развратъ, нагота, голодъ и мучительство.

Въ съѣзжихъ домахъ женщины не отдѣлялись отъ мужчинъ, а въ другихъ мѣстахъ общеніе между заключенными разныхъ половъ было совершенно не затруднено. Надзоръ въ тюрьмахъ ввѣренъ былъ «голоднымъ гарнизоннымъ солдатамъ» и «продажнымъ надсмотрщикамъ».

Раздѣленія заключенныхъ по возрасту или роду преступленій фактически не существовало; въ рабочемъ домѣ Венингъ, напр., нашелъ сидящими вмѣстѣ дѣтей 11 и 12 лѣтъ, разбойниковъ, окованныхъ цѣпями, и 72-лѣтняго Тимофея Чеорова, содержавшагося уже 22 года.

Въ женскихъ отдѣленіяхъ городской тюрьмы и рабочаго дома распутныя женщины, нерѣдко заразительно больныя, содержались вмѣстѣ съ лишенными свободы лишь за долги. «Бѣдная дѣвушка,—замѣчаетъ

Венингъ,—которая попадетъ въ сіе мѣсто хотя на одну ночь, должна необходимо потерять всякое чувство добродѣтели и приготовиться на жизнь развратную и несчастную; по точномъ разсмотрѣніи сихъ мѣстъ я могу назвать ихъ истиннымъ разсадникомъ порока».

Здоровые, за недостаткомъ мѣстъ, часто располагались вмѣстѣ съ больными: такъ, въ подвальномъ мужскомъ лазаретѣ при рабочемъ домѣ, Венингъ нашелъ тридцать шесть человѣкъ здоровыхъ, помѣщенныхъ «за тѣснотою» съ больными; князь Голицынъ, ревизовавшій въ 1828 году московскую пересыльную тюрьму, видѣлъ заразныхъ больныхъ, а также привезенныхъ послѣ «торговой казни» ночующими въ одной общей комнатѣ; а сенаторъ Озеровъ, осматривавшій въ то же время губернскій замокъ, нашелъ больныхъ «горячками и сыпью» по трое на одной постели. Чѣмъ и какъ лечили арестантовъ, можно себѣ представить, хотя бы отмѣтивъ, что въ 1827 году въ больницѣ московскаго губернскаго замка, для «утишенія» крика сошедшей съ ума арестантки, ей вкладывали въ ротъ деревянную распорку [1])...

Въ тюрьмахъ XIX вѣка у насъ оказывались возможною смерть отъ обычной въ XVI вѣкѣ «гладной нужи». Такъ въ 1810 г. начальникъ полтавскаго «секвестра» доносилъ по начальству, что за малыми подаяніями, колодники очень отощали, а «одинъ съ приключившейся отъ голода пухлости умре, да и остальнымъ тридцати то же слѣдовать можетъ».

По свидѣтельству князя Голицына, осматривавшаго московскую пересыльную тюрьму въ 1829 году, тамъ на женской половинѣ было такъ холодно, что матери, упросивъ надзирателей, посылали по ночамъ своихъ дѣтей, безъ различія пола и возраста, отогрѣваться на мужскую половину. Если добавить къ тому, что сенаторъ Озеровъ нашелъ въ московскомъ тюремномъ замкѣ девяносто двухъ человѣкъ безъ всякой одежды и обуви, то можно себѣ представить, что должны были за муки терпѣть заключенные.

А вотъ, и картинки провинціальныхъ тюремъ: въ Тамбовѣ, напр., въ 1815 году всѣ колодники помѣщены были въ двухъ тѣсныхъ и сырыхъ казармахъ; тутъ и варили пищу, и валялись заразительные

---

[1]) А. Ѳ. Кони, «Федоръ Петровичъ Гаазъ». Спб., 1897, стр. 14.

больные, тутъ же родили женщины. Смирительный и рабочій дома, помѣщавшіеся въ одной казармѣ, были не въ лучшемъ состояніи. По свидѣтельству доктора Стриневскаго въ 1815 году «въ больницѣ нѣтъ необходимѣйшихъ медикаментовъ; бѣлье не мыто съ открытія больницы, т. е. съ прошлаго столѣтія; трудно-больные не имѣютъ отхожихъ мѣстъ» и т. д.

«Содержимое въ такихъ условіяхъ разнородное тюремное населеніе,—замѣчаетъ А. Ѳ. Кони,—пользуясь плохимъ надзоромъ, пьянствуетъ, когда есть средства, буйствуетъ, стремится къ побѣгу, безжалостно уродуетъ себя, чтобы стереть позорныя клейма на лицѣ, вытравляя ихъ шпанскими мухами и сѣрной кислотою» [1]). Тюремная администрація, пользуясь беззащитностью тюремныхъ сидѣльцевъ, проявляетъ свою власть надъ ними самымъ безобразнымъ и жестокимъ образомъ. Кн. Голицынъ удостовѣряетъ факты сажанія въ тѣсныя, темныя и загаженныя «секретныя» по три арестанта одновременно и держанія ихъ тамъ, въ наказаніе, по недѣлямъ. Венингъ видѣлъ въ петербургскомъ рабочемъ домѣ колодниковъ, прикованныхъ за шею, и женщинъ въ желѣзныхъ на шеѣ рогаткахъ, въ которыхъ было по три острыхъ спицы, длиною до 8 дюймовъ, сдѣланныхъ такъ, что носительницы рогатокъ не могли ложиться ни днемъ, ни ночью, хотя бы содержаніе ихъ продолжалось нѣсколько недѣль. Въ одномъ изъ съѣзжихъ домовъ Петербурга Венингъ нашелъ пять очень тяжелыхъ стульевъ, къ которымъ арестанты приковывались за шею цѣпью, принужденные таскать ихъ постоянно за собою. Въ усть-медвѣдицкой тюрьмѣ сотникъ Левицкій забилъ арестанта Климова въ неподвижную колодку, въ которой онъ и умеръ. Таковы были факты.

ХАРАКТЕРЪ РЕФОРМЫ ТЮРЕМНОЙ СИСТЕМЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ НИКОЛАЯ I.

Упорядоченіе русской тюрьмы производилось въ царствованіе Императора Николая I крайне медленно, частично и безъ послѣдовательности. Законодатель не преслѣдуетъ какую-нибудь одну опредѣленную цѣль, а принимаетъ ту или иную мѣру совершенно случайно, подъ вліяніемъ временныхъ обстоятельствъ. Выясняется, напримѣръ, учащеніе побѣговъ арестантовъ,—и, вотъ въ первые же годы царствованія Николая I издается указъ [2]), вошедшій затѣмъ и во

[1]) А. Ѳ. Кони. «Ф. П. Гаазъ», стр. 16.
[2]) П. С. З., т. I., № 209.

II часть свода 1838 года, подъ ст. 793-ей; указъ этотъ гласитъ, чтобы всѣмъ «содержащимся въ острогахъ и тюрьмахъ какъ закованнымъ, такъ и не закованнымъ въ кандалы, для удержанія отъ побѣговъ, брить половину головы черезъ каждый мѣсяцъ. Изъ сего исключаются лица, присужденныя къ временному содержанію подъ стражею (аресту) вмѣсто наказанія; женщины, кои обыкновенно ходятъ съ покрытыми головами; лица, заключенныя за неплатежъ долговъ, и лица, къ дворянскому сословію принадлежащія (дворяне и классные чиновники)». Разумѣется, такая исключительная мѣра, не вытекающая изъ самой цѣли наказанія, съ теченіемъ времени, путемъ постепенныхъ изъятій, отмѣняется и уже въ 1841 году издается указъ, освобождающій отъ бритья головы въ острогахъ и тюрьмахъ всѣхъ вообще лицъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія [1]).

Выясняется, что въ мѣстахъ заключенія полиція пользуется особыми орудіями пытки, издаются указы объ истребленіи стульевъ съ цѣпями въ полицейскихъ мѣстахъ и о воспрещеніи впредь изобрѣтать что-либо подобное и «о неупотребленіи, подъ предлогомъ удержанія преступниковъ отъ побѣга, никакихъ иныхъ способовъ наказанія или содержанія, кромѣ опредѣленныхъ закономъ, подъ отвѣтственностью губернаторовъ и губернскихъ прокуроровъ», а также о «неупотребленіи для обузданія преступниковъ мѣръ, недозволенныхъ закономъ» и о «недѣланіи обвиняемымъ при изслѣдованіи преступленій пристрастныхъ допросовъ, истязанія и жестокости» [2]).

А такія «истязанія и жестокости» дѣйствительно практиковались: въ запискахъ и трудахъ Д. А. Ровинскаго имѣются указанія на то, что еще въ сороковыхъ годахъ бывали случаи кормленія подслѣдственныхъ арестантовъ селедками и подвѣшиванья ихъ со связанными назадъ руками; самому Ровинскому, въ качествѣ администратора, пришлось заняться уничтоженіемъ подвальныхъ темницъ при Басманной части и упразднить «клоповникъ» при одной изъ другихъ частей. Знаменитый филантропъ докторъ Гаазъ въ 1843 г. видѣлъ въ тюремномъ замкѣ въ Москвѣ «особую машину—такъ называемый крестъ,

---

[1]) Указъ 8 апрѣля 1841 (№ 14.435) изданъ согласно заключенію Генералъ-Аудиторіата.

[2]) П. С. З., т. I, № 198; т. II, № 894; т. XXII, № 21.841; т. XXIX, № 27.780.

на который привязывается человѣкъ для наказанія на тѣлѣ, устроенный, какъ говорятъ, на подобіе тѣхъ, какіе есть, какъ сказываютъ, во всѣхъ частныхъ (полицейскихъ) домахъ города» [1]).

Уже то обстоятельство, что законодатель принужденъ былъ въ продолженіе цѣлаго царствованія упорно бороться съ злоупотребленіями въ этомъ направленіи со стороны администраціи, доказываетъ насколько плохо у насъ была поставлена тюремная часть. Даже принципъ раздѣленія преступниковъ въ мѣстахъ заключенія не былъ проведенъ послѣдовательно, а частичными распоряженіями: такъ, въ 1828 году [2]) повелѣно было помѣщать отдѣльно «важныхъ» преступниковъ отъ «неважныхъ», мужчинъ отъ женщинъ, «смертоубійцъ отъ арестантовъ, коихъ преступленія не столь важны»,—съ 1834 года [3]) начинаютъ помѣщать отдѣльно женщинъ съ грудными младенцами; въ 1833 и 1847 годахъ издаются указы, воспрещающіе въ острогахъ женамъ жить вмѣстѣ съ мужьями [4]); въ 1839 году издается распоряженіе о дозволеніи помѣщать малолѣтнихъ дѣтей арестантовъ въ заведенія приказовъ общественнаго призрѣнія [5]); въ 1846 году, т. е. уже послѣ изданія Уложенія о наказаніяхъ, отдается распоряженіе объ устройствѣ во всѣхъ тюремныхъ замкахъ и другихъ арестантскихъ помѣщеніяхъ при полиціи отдѣльныхъ камеръ для одиночнаго содержанія подслѣдственныхъ арестантовъ [6]) и т. д.

Такими же сепаратными распоряженіями регламентировался постепенно и арестантскій бытъ, напримѣръ: установлено было освобожденіе отъ работъ въ праздничные и торжественные дни, недопущеніе арестантовъ просить милостыню, право составлять духовное завѣщаніе и т. п. [7]).

Приведенныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы судить о характерѣ у насъ законодательной дѣятельности по тюремной части въ продолженіе первой половины XIX вѣка, т. е. въ періодъ, когда въ Западной Европѣ тюремное законодательство достигаетъ мощнаго раз-

---

[1]) А. Ѳ. Кони. «Федоръ Петровичъ Гаазъ», 1897, стр. 86.
[2]) П. С. З., т. I, № 608.
[3]) П. С. З., т. IX, № 7.104 и т. XXVII, № 25.998.
[4]) П. С. З., т. VIII, № 6.584, § 40, т. XXII, № 20.905.
[5]) П. С. З., т. XIV, № 12.620.
[6]) П. С. З., т. XXI, № 20.233.
[7]) П. С. З., т. V, №№ 3.734, 3.955; т. XXIV, № 23.062; т. VI, № 4.844.

витія. Приведенныхъ примѣровъ также вполнѣ достаточно, чтобы судить о той плачевной дѣйствительности нашихъ тюремъ того времени, которая должна была выдвигать тюремный вопросъ на видное мѣсто, а между тѣмъ не такъ еще скоро суждено было нашей тюрьмѣ дождаться болѣе рѣшительной реформы. Число же заключенныхъ въ рабочихъ домахъ и тюрьмахъ было настолько велико, что 12 іюня 1852 года по предложенію Министра Юстиціи изданъ былъ указъ [1]), которымъ въ виду «чрезмѣрнаго накопленія арестантовъ», повелѣвалось тѣхъ изъ нихъ, содержаніе которыхъ въ рабочихъ домахъ и тюрьмахъ должно ещё продолжаться болѣе 3-хъ лѣтъ, немедленно сослать въ Сибирь на поселеніе, т. е. принята была мѣра съ юридической точки зрѣнія совершенно недопустимая.

Однако процентъ военнослужащихъ, отбывавшихъ наказаніе въ тюрьмахъ былъ не настолько великъ, чтобы Военное Министерство могло заинтересоваться тюремнымъ вопросомъ и озабочиваться реформой гражданскихъ мѣстъ заключенія.

МѢСТА ЗАКЛЮЧЕНІЯ ВОЕННАГО ВѢДОМСТВА.

Въ сущности въ половинѣ XIX вѣка въ отношеніи военнослужащихъ установились два основныхъ типа лишенія свободы: заключеніе общегражданское и военное, при чемъ это послѣднее постепенно начинаетъ примѣняться во всѣхъ случаяхъ, когда по свойству преступленія нѣтъ основанія къ исключенію виновнаго изъ военной службы или къ лишенію воинскаго званія. Къ этому послѣднему типу слѣдуетъ отнести заточеніе, заключеніе въ крѣпости и содержаніе на гауптвахтѣ.

а) ЗАТОЧЕНІЕ.

Какъ уже было своевременно указано, заточеніе впервые появилось въ нашемъ военномъ правѣ, въ качествѣ воинскаго наказанія, въ эпоху Александра I, въ постановленіяхъ полевого уголовнаго уложенія; оно было заимствовано изъ французскаго права и заключалось въ помѣщеніи осужденнаго въ одну изъ крѣпостей, расположенныхъ на континентѣ государства, на срокъ отъ пяти до двадцати лѣтъ. Полевое уложеніе, не опредѣляя сущности и способа отбыванія этого наказанія, указывало лишь, что оно отбывается въ крѣпости и продолжается отъ одного до трехъ лѣтъ или на время, опредѣленное судомъ.

---

[1]) П. С. З., т. XXVII, № 26.367.

Заточеніе за общія преступленія примѣнялось, главнымъ образомъ, къ государственнымъ преступникамъ, и съ 1827 года завѣдываніе всѣми мѣстами заточенія государственныхъ преступниковъ передано было III отдѣленію Собственной Его Императ. Величества канцеляріи [1]).

Дальнѣйшую регламентацію это наказаніе получаетъ лишь въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ.

б) ЗАКЛЮЧЕНІЕ ВЪ КРѢПОСТИ ПО УЛОЖЕНІЮ О НАКАЗАНІЯХЪ.

Порядокъ отбыванія заключенія въ крѣпости, до изданія въ 1845 году Уложенія о наказаніяхъ, нами уже былъ указанъ въ настоящемъ очеркѣ. По Уложенію о наказаніяхъ, кромѣ крѣпостныхъ каторжныхъ работъ, сопряженныхъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, установлено было, какъ общее наказаніе, временное заключеніе въ крѣпости, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично или по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ, или же безъ лишенія означенныхъ правъ, смотря по роду преступленія и мѣрѣ вины.

Первый изъ этихъ видовъ заключенія, т. е. съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, имѣлъ 2 степени, отличавшихся срокомъ заключенія: 1) отъ 4 до 6 лѣтъ и 2) отъ 2 до 4 лѣтъ; второй—раздѣлялся на три степени: 1) отъ 1 до 2 лѣтъ, 2) отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года и 3) отъ шести недѣль до шести мѣсяцевъ.

Соединенная съ осужденіемъ къ заключенію въ крѣпости потеря нѣкоторыхъ личныхъ правъ и преимуществъ ограничивалась: для дворянъ—запрещеніемъ вступать въ государственную или общественную службу, участвовать въ выборахъ и быть избираемыми въ какія-либо должности, даже и въ опекуны по назначенію дворянской опеки; для священнослужителей—потерею духовнаго званія навсегда; для церковнослужителей—исключеніемъ изъ духовнаго званія; для почетныхъ гражданъ и купцовъ—запрещеніемъ участвовать въ городскихъ выборахъ и быть избираемыми въ почетныя или соединенныя съ властью должности; для людей всѣхъ прочихъ состояній — также потерею права участвовать въ выборахъ и быть избираемыми въ почетныя или соединенныя съ властью должности.

По освобожденіи изъ крѣпости, осужденные отдавались подъ

---

[1]) П. С. З., т. I, №№ 381 и 449.

надзоръ мѣстной полиціи или же ихъ обществъ, или помѣщиковъ, на одинъ годъ. Въ продолженіе этого времени они не въ правѣ были перемѣнять мѣсто жительства и удаляться изъ него, безъ особаго каждый разъ дозволенія полиціи или же обществъ, или помѣщиковъ.

Осужденные содержались въ устроенныхъ внутри крѣпостей для этого зданіяхъ. Они могли заниматься возможными въ заключеніи работами лишь по собственному желанію. Срокъ заключенія болѣе шести мѣсяцевъ вычитывался изъ времени службы осужденныхъ чиновниковъ.

КРѢПОСТНЫЕ АРЕСТАНТЫ, НЕ СФОРМИРОВАННЫЕ ВЪ РОТЫ.

Обѣ эти группы составляли такъ называемыхъ арестантовъ, не сформированныхъ въ крѣпостныя арестантскія роты. На нихъ распространено было дѣйствіе «Положенія объ арестантскихъ ротахъ инженернаго вѣдомства» съ тѣмъ однако, чтобы этимъ Положеніемъ руководствовались коменданты крѣпостей и гражданское начальство только въ вопросахъ объ отсылкѣ, о содержаніи, довольствіи, объ употребленіи въ работу, опредѣленіи на службу и освобожденіи такихъ арестантовъ, но тѣмъ не менѣе положеніе ихъ въ крѣпостяхъ было совершенно исключительное. Въ то время какъ крѣпостные арестанты арестантскихъ ротъ содержались на средства Военнаго Министерства и, получая установленное довольствіе отъ казны, не несли, по крайней мѣрѣ, нужды въ самомъ необходимомъ, несформированные въ роты крѣпостные арестанты не получали даже опредѣленнаго содержанія и зачастую находились въ крайне тяжеломъ положеніи.

Какъ извѣстно, они содержались въ крѣпостныхъ казематахъ, настолько отвратительныхъ, что объ этихъ казематахъ (напр., о Шлиссельбургскихъ) сложились даже чудовищныя легенды; въ лучшемъ случаѣ, они содержались на военныхъ гауптвахтахъ.

Число такихъ арестантовъ въ царствованіе Императора Николая Павловича значительно умножилось, благодаря, главнымъ образомъ, тѣмъ внутреннимъ событіямъ, которыя даже обусловили учрежденіе особой «комиссіи о злоумышленныхъ обществахъ». Съ первыхъ же дней воцаренія Николая I крѣпостные казематы стали наполняться участниками декабрьскаго бунта; въ послѣдующіе затѣмъ годы число такъ называемыхъ «секретныхъ» арестантовъ, т. е. государственныхъ преступниковъ, продолжало возрастать.

Содержались они, — какъ тогда выражался законъ, — «по оди-

начкѣ»; положеніе ихъ, какъ арестантовъ, было настолько не установлено закономъ, что крѣпостное начальство встрѣчало даже затрудненіе въ вопросѣ о содержаніи и довольствіи такихъ арестантовъ.

СОДЕРЖАНІЕ ТАКИХЪ КРѢПОСТНЫХЪ АРЕСТАНТОВЪ.

Въ 1828 году, наконецъ, согласно мнѣнію генералъ-адъютанта Сукина, было установлено слѣдующее довольствіе крѣпостнымъ арестантамъ: чиновникамъ, штабъ- и оберъ-офицерскимъ чинамъ и арестантамъ изъ дворянъ, содержащимся въ казематахъ, полагалось на пищу по 50 коп. на каждаго въ сутки, а содержащимся подъ арестомъ на гауптвахтахъ офицерамъ и чиновникамъ, получающимъ жалованье, полагалось довольствовать изъ этого послѣдняго; не получающихъ же жалованья и не имѣющихъ собственнаго состоянія — довольствовать какъ арестантовъ въ казематахъ. На пищу нижнимъ чинамъ и «людямъ простого званія», въ казематахъ содержащихся, отпускалось число денегъ, опредѣленное на довольствіе арестантовъ, въ городскихъ тюрьмахъ находящихся. Содержащіеся же на гауптвахтахъ воинскіе нижніе чины довольствовались получаемымъ провіантомъ, а въ случаѣ продолжительнаго содержанія получали изъ причитавшагося имъ жалованья на соль и приварокъ по 50 коп. въ мѣсяцъ каждому. Что же касается одежды, то для «секретныхъ» и для содержащихся «по одиначкѣ» полагалось имѣть въ крѣпостяхъ принимаемыя отъ Комиссаріата изъ числа положенныхъ по госпиталямъ для больныхъ офицеровъ: халаты—лѣтніе и зимніе, фуфайки, рубашки, подштанники, бѣлье постельное и туфли; людямъ же простого званія полагалось давать также одежду, положенную въ госпиталяхъ для нижнихъ чиновъ. Довольствіе это было подтверждено въ 1841 году [1]).

Интересно отмѣтить, что вопросъ о содержаніи крѣпостныхъ арестантовъ былъ возбужденъ въ 1827 году командиромъ отдѣльнаго Финляндскаго корпуса вслѣдствіе именно того, что нѣкоторые содержавшіеся въ финляндскихъ крѣпостяхъ государственные преступники (какъ извѣстно, туда именно попали въ заточеніе многіе декабристы) сильно нуждались въ бѣльѣ и платьѣ; запрошенные же по этому поводу предсѣдательствовавшій въ «комиссіи о злоумышленныхъ обществахъ» и коменданты Петропавловской и Шлиссельбургской крѣпостей затруднились дать опредѣленное указаніе о томъ, какъ довольствовать такихъ арестантовъ.

[1]) П. С. З., т. XVI, № 14.223.

СОДЕРЖАНІЕ НА ГАУПТВАХТѢ.

Арестъ въ царствованіе Императора Николая I остался такимъ же, какимъ былъ въ предшествующее царствованіе; попрежнему осужденіе къ аресту на хлѣбѣ и водѣ почитается тѣлеснымъ наказаніемъ, но съ 1827 года допускаются уже апелляціи на приговоры къ такому наказанію [1]).

Порядокъ содержанія на гауптвахтѣ получаетъ нѣкоторую регламентацію; такъ въ 1833 году [2]) послѣдовало запрещеніе допускать къ арестованнымъ офицерамъ и чиновникамъ посѣтителей; въ 1837 году установленъ былъ порядокъ доставленія арестованныхъ на гауптвахтахъ штабъ- и оберъ-офицеровъ въ суды [3]); въ 1833 году на военныхъ губернаторовъ была возложена обязанность имѣть попеченіе, чтобы подсудимые воинскіе чины «не изнурялись» долговременно подъ арестомъ [4]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство было озабочено вопросомъ о послѣдствіяхъ ареста для воинскихъ чиновъ и ихъ семействъ; еще въ 1827 году [5]) послѣдовало распоряженіе объ отводѣ обывательскихъ квартиръ женамъ и семействамъ воинскихъ чиновъ, содержащихся на гауптвахтахъ, въ случаѣ неимѣнія для ихъ семействъ помѣщенія въ казармахъ; въ 1833 году [6]) послѣдовало разъясненіе, устанавливающее лишеніе права на пенсіи при нѣкоторыхъ арестахъ; затѣмъ издается рядъ указовъ, опредѣляющихъ денежное содержаніе арестованныхъ воинскихъ чиновъ [7]) и т. п. Разумѣется всѣ эти частичныя измѣненія не оказывали вліянія на сущность наказанія и на условія его отбыванія.

СОСТОЯНІЕ МѢСТЪ ЗАКЛЮЧЕНІЯ ВОЕННАГО ВѢДОМСТВА ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XIX ВѢКА.

Между тѣмъ къ концу царствованія Императора Николая I мѣста заключенія военнаго вѣдомства представляли, по свидѣтельству современниковъ, нѣчто ужасное. Сенаторъ Капгеръ, составившій въ 1860 году «предположенія объ устройствѣ тюремныхъ помѣщеній военнаго вѣдомства» [8]), удостовѣряетъ, что мѣста заключенія эти

---

[1]) П. С. З., т. I, № 749.
[2]) П. С. З., т. VIII, № 6.601.
[3]) П. С. З., т. XII, № 10.651.
[4]) П. С. З., т. VIII, № 6.039, § 14.
[5]) П. С. З., т. I, № 497.
[6]) П. С. З., т. VIII, № 6.195; т. XXVIII, № 22.703.
[7]) П. С. З., №№ 5.580, 24.599, 27.715.
[8]) Арх. гл. в.-судн. управ., печатная брошюра (68 стр.).

устраивались тамъ, гдѣ только представлялась хоть какая-нибудь къ тому возможность: въ тюремныхъ замкахъ, острогахъ, при военныхъ гауптвахтахъ и т. п., при чемъ «нерѣдко лица, прикосновенныя къ одному и тому же дѣлу, содержались вмѣстѣ и, слѣдовательно, могли соглашаться между собою о существѣ даваемыхъ ими предъ судомъ показаній и тѣмъ лишать судъ всякой возможности обнаружить истину. Скопленіе въ одномъ помѣщеніи лицъ, обвиняемыхъ въ важныхъ, нерѣдко позорныхъ преступленіяхъ, съ офицерами и нижними чинами, содержащимися подъ арестомъ въ видѣ исправительнаго наказанія или дисциплинарнаго взысканія, за маловажныя упущенія по службѣ, было оскорбительно для послѣднихъ, а постоянное сообщество съ закоренѣлыми и развратными преступниками могло имѣть неблагопріятное вліяніе на ихъ нравственность».

Помѣщенія для заключенныхъ были отвратительны даже въ санитарномъ отношеніи, не говоря уже о требованіяхъ удобства размѣщенія арестованныхъ; они поражали своимъ неблагоустройствомъ. Кромѣ того, «соблазнительный примѣръ другихъ», недостатокъ надзора, плохой административный составъ, злоупотребленія и пр. создавали такое положеніе вещей, что арестантскія помѣщенія на военныхъ гауптвахтахъ нерѣдко становились «театромъ отвратительнаго безчинства, и военные чины, содержащіеся въ нихъ за маловажные проступки, совершали тамъ гораздо важнѣйшія преступленія».

ПОРЯДОКЪ УПРАВЛЕНІЯ ВОЕННО-АРЕСТАНТСКОЮ ЧАСТЬЮ.

Безспорно, не малую роль въ этомъ отношеніи сыграло и то обстоятельство, что военно-арестантская часть не была объединена ни въ порядкѣ управленія, ни въ порядкѣ надзора.

Высшее, такъ сказать, управленіе этой частью сосредоточивалось въ Инспекторскомъ Департаментѣ Главнаго Штаба, куда, собственно говоря, стекались лишь всѣ свѣдѣнія о содержащихся подъ стражею воинскихъ чинахъ, и, слѣдовательно, это управленіе имѣло скорѣе характеръ отчетный.

МѢСТНОЕ УПРАВЛЕНІЕ И ЕГО ОРГАНЫ.

Мѣстное же управленіе военно-арестантскою частью, въ широкомъ смыслѣ этого слова, сосредоточилось въ половинѣ XIX вѣка въ рукахъ комендантовъ въ городахъ и въ крѣпостяхъ, въ которыхъ они положены были по штатамъ.

а) КОМЕНДАНТСКІЯ УПРАВЛЕНІЯ.

Собственно комендантскія управленія составляли: коменданты, плацъ-маіоры, бау-адъютанты и др. болѣе мелкіе чины.

б) ОРДОНАНСЪ-ГАУЗЫ.

Имѣвшіеся въ городахъ и крѣпостяхъ Ордонансъ-гаузы всѣхъ трехъ разрядовъ, постепенно утратившіе свое первоначальное значеніе, также состояли при Комендантскихъ управленіяхъ; эти послѣднія, въ зависимости отъ важности города или крѣпости, въ которыхъ находились, раздѣлялись на пять разрядовъ, согласно особому расписанію, составляемому Департаментомъ Генеральнаго Штаба, при чемъ въ городахъ и крѣпостяхъ V разряда обязанность комендантовъ возлагалась на плацъ-маіоровъ, а въ городахъ, гдѣ не было вовсе Комендантскихъ управленій — на командировъ внутреннихъ гарнизонныхъ батальоновъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ наблюденіе за исправнымъ содержаніемъ арестантовъ возлагалось на дежурныхъ штабъ-офицеровъ.

в) ЭТАПНЫЕ ПУНКТЫ.

Комендантамъ же были подчинены и всѣ этапные пункты въ губерніи; они обязаны были повременамъ ихъ инспектировать, при чемъ обращать вниманіе на содержаніе арестантовъ, у которыхъ опрашивать претензіи; при встрѣчѣ на пути партій, слѣдующихъ по этапамъ, коменданты обязаны были ихъ осматривать и провѣрять порядокъ препровожденія арестантовъ. Такъ какъ въ Царствѣ Польскомъ этапную службу несли казаки и не существовало особыхъ этапныхъ начальниковъ, то коменданты завѣдывали тамъ самыми этапами. На обязанности комендантовъ лежало также довольствованіе лицъ, арестуемыхъ на городскихъ и крѣпостныхъ гауптвахтахъ, и наблюденіе за правильнымъ ихъ содержаніемъ. Наконецъ, коменданты завѣдывали и крѣпостными арестантскими ротами, но не управляли ими непосредственно.

г) ПЛАЦЪ-МАІОРЫ.

Непосредственное же завѣдываніе всѣми арестантами въ гарнизонахъ,—содержаніе арестантовъ въ Ордонансъ-гаузахъ, распоряженіе ими, а также управленіе крѣпостными арестантскими ротами, на правахъ батальоннаго командира, возложено было на плацъ-маіоровъ.

д) ВЫСШІЕ ВОЕННЫЕ НАЧАЛЬНИКИ.

Высшее наблюденіе за военными арестантами и мѣстами ихъ заключенія, а также за этапной частью было возложено на начальствующихъ лицъ Корпуса Внутренней Стражи, состоявшаго изъ десяти округовъ (десятый въ Царствѣ Польскомъ). Въ составъ этихъ то округовъ, кромѣ губернскихъ или внутреннихъ гарнизонныхъ батальоновъ, входили инвалидныя и этапныя команды, за исключеніемъ причисленныхъ къ линейнымъ батальонамъ въ Кавказской арміи и въ отдѣльныхъ корпусахъ Оренбургскомъ и Сибирскомъ, а также къ линейнымъ батальонамъ, составлявшимъ войска въ Финляндіи; эти же

команды состояли въ зависимости отъ Главнокомандующаго Кавказскою арміей, Командировъ отдѣльныхъ корпусовъ, по принадлежности, и Командующаго войсками въ Финляндіи. Равнымъ образомъ не входили въ составъ корпуса внутренней стражи этапныя команды Восточной Сибири, которыя были подчинены Командующему тамъ войсками.

Подчиненность такая создавалась тѣмъ, что этапныя команды состояли въ вѣдѣніи внутреннихъ гарнизонныхъ батальоновъ, хотя и были учреждены въ разныхъ мѣстахъ уѣздовъ по трактамъ и носили названія по мѣстамъ ихъ расположенія [1]).

По отправленію дезертировъ, арестантовъ и преступниковъ Окружный генералъ обязанъ былъ имѣть надзоръ за соблюденіемъ установленнаго для того порядка.

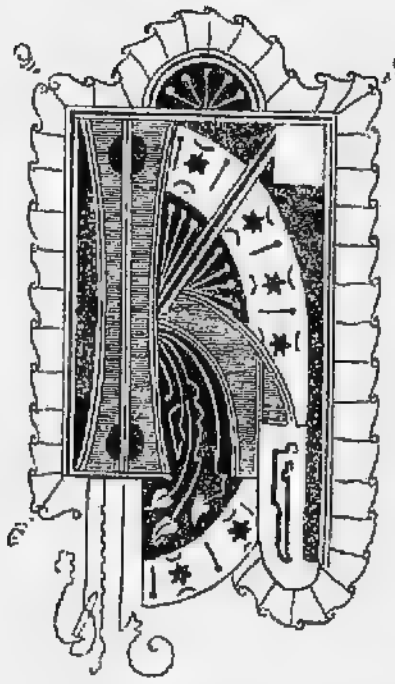
Въ городахъ, гдѣ не было армейскихъ войскъ, а военные арестанты содержались въ городскихъ острогахъ временно, а также находились подъ судомъ при Ордонансъ-гаузахъ или Военныхъ комиссіяхъ, учрежденныхъ при внутреннихъ гарнизонныхъ батальонахъ, и состояли въ особыхъ кордегардіяхъ, Окружный генералъ обязанъ былъ осматривать этихъ арестантовъ, и о всѣхъ найденныхъ неисправностяхъ, по употребленіи всѣхъ зависящихъ мѣръ къ исправленію, доносить по командѣ, съ изложеніемъ мнѣнія о средствахъ къ улучшенію содержанія военныхъ арестантовъ.

---

[1]) Въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ этапная служба выполнялась казаками, не было и подчиненности этапныхъ командъ корпусу внутренней стражи.

ГЛАВА X.

ВОЕННО-ТЮРЕМНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ XIX ВѢКА



Ъ началу царствованія Императора Николая I, мѣстами военно-тюремнаго заключенія служили военно-рабочія и арестантскія роты. Самое наказаніе въ нихъ лишеніемъ свободы сложилось по слѣдующей схемѣ: преступника на опредѣленный, въ зависимости отъ тяжести его вины, срокъ, отъ 3 до 10 лѣтъ [1]), отсылали въ арестантскія роты; по отбытіи тамъ срока наказанія, тѣ изъ арестантовъ, которые признавались исправившимися и вполнѣ благонадежными, переводились въ военно-рабочія роты, а оттуда (иногда прямо даже изъ арестантскихъ ротъ) возвращались на службу въ ряды арміи.

ВОЕННО-РАБОЧІЯ РОТЫ.

Военно-рабочая организація въ царствованіе Императора Николая I не потерпѣла никакихъ существенныхъ измѣненій, и въ половинѣ XIX вѣка имѣла, въ общихъ чертахъ, слѣдующее устройство: военно-рабочія крѣпостныя роты подчинены были командирамъ крѣпостныхъ инженерныхъ командъ, такъ какъ входили въ составъ гарнизоновъ инженернаго вѣдомства.

Роты эти распредѣлялись по крѣпостямъ такимъ образомъ, что въ крѣпостяхъ 1 класса полагалось по одной ротѣ, 2 класса—по полуротѣ; распредѣленіе-же прочихъ ротъ зависѣло отъ Генералъ-Инспектора Инженеровъ.

---

[1]) П. С. З., т. II, № 1.316; т. III, № 3.056; т. VIII, № 6.491, 6.495.

Каждая военно-рабочая рота состояла изъ мастеровыхъ и рабочихъ, число которыхъ опредѣлялось штатами. Военно-рабочія роты именовались нумерами по порядку.

«Сверхъ того,—говоритъ законъ — къ военно-рабочимъ ротамъ инженернаго вѣдомства принадлежатъ также и крѣпостныя арестантскія роты», но, разумѣется, лишь въ смыслѣ рабочей силы и распоряженія этими арестантами въ качествѣ, именно, таковой, т. е. назначенія и распредѣленія крѣпостныхъ работъ и наблюденія за ихъ выполненіемъ.

Военно-рабочія роты Межевого вѣдомства подчинены были окружнымъ генераламъ корпуса внутренней стражи.

Военно-рабочія же роты вѣдомства путей сообщенія не находились въ распоряженіи военнаго министерства, хотя по закону 1848 г. [1]) военно-срочные арестанты, состоявшіе въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства, и обращались, по окончаніи сроковъ содержанія, въ эти роты.

МОРСКІЯ АРЕСТАНТСКІЯ РОТЫ.

Въ первые годы царствованія Николая I установленная положеніемъ 3 іюня 1823 [2]) организація крѣпостныхъ арестантовъ продолжаетъ развиваться въ томъ же направленіи. Въ 1826 году, по образцу арестантскихъ ротъ, существовавшихъ въ инженерномъ вѣдомствѣ, были сформированы арестантскія роты въ морскомъ вѣдомствѣ [3]), сосостоявшія въ портахъ и отряжавшіяся для работъ по назначенію Строительнаго Департамента.

Морскія арестантскія роты, въ количествѣ 27, а съ 1834 года 30-ти ротъ, были затѣмъ подраздѣлены, въ зависимости отъ мѣста ихъ расположенія, на роты Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ [4]), которыя соотвѣтственно и были подчинены Генералъ-Интенданту Балтійскаго флота и Оберъ-Интенданту Черноморскаго флота [5]).

АРЕСТАНТСКІЯ РОТЫ ГРАЖДАНСКАГО ВѢДОМСТВА.

Въ тоже время организація арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства начинаетъ все болѣе и болѣе обособляться отъ арестантскихъ ротъ инженернаго, или, вѣрнѣе, военнаго вѣдомства.

---

[1]) П. С. З., т. XXIII, № 22.512.
[2]) Арх. Ген.-Ауд. Дѣло о ниж. чинахъ, т. 3; положеніе отъ 25 марта 1823 года.
[3]) П. С. З., т. I, № 598 и 771; т. II, № 1.076, п. 7.
[4]) П. С. З., т. V, № 3.468; т. VI, № 4.979 (2-го декабря 1831 г.).
[5]) П. С. З., т. VI, №№ 4.768 и 4.951; т. VIII, № 6.196.

Первоначально это обособленіе происходитъ въ порядкѣ высшаго управленія арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства, ихъ подчиненности гражданскому начальству, тогда какъ порядокъ внутренняго управленія въ самыхъ ротахъ продолжаетъ оставаться аналогичнымъ существующему въ арестантскихъ ротахъ военнаго вѣдомства.

Обособленіе это становится еще болѣе рѣзкимъ, вслѣдствіе разницы въ контингентѣ арестантовъ тѣхъ и другихъ ротъ, въ особенности же съ тѣхъ поръ, какъ была оставлена мысль объ учрежденіи особыхъ исправительныхъ рабочихъ ротъ для бродягъ и другихъ преступниковъ, негодныхъ къ военной службѣ, но способныхъ къ труду; всѣ эти элементы и пошли, главнымъ образомъ, на укомплектованіе арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства; въ крѣпостные же арестанты инженернаго вѣдомства стали попадать исключительно годные къ военной службѣ арестанты и арестанты изъ военнослужащихъ.

Впрочемъ, 24 октября 1852 года издано было Высочайшее повелѣніе о размѣщеніи по арестантскимъ ротамъ военнаго вѣдомства излишняго числа арестантовъ, содержащихся въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства и не помѣщающихся въ этихъ ротахъ, съ тѣмъ, чтобы 10 мѣсяцевъ содержанія въ ротѣ военнаго вѣдомства считались за 1 годъ содержанія въ ротѣ гражданскаго вѣдомства [1]).

31 декабря 1826 года былъ Высочайше утвержденъ нормальный штатъ арестантской роты гражданскаго вѣдомства, который въ послѣдующіе годы получаетъ дальнѣйшее развитіе [2]).

Затѣмъ въ 1828 году было опубликовано предположеніе о сформированіи въ каждомъ губернскомъ городѣ арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства, при чемъ высказаны были соображенія и о суммахъ, потребныхъ для содержанія такихъ ротъ [3]).

Формировать роты гражданскаго вѣдомства предполагалось первоначально изъ арестантовъ, содержащихся въ городовыхъ тюрьмахъ, какъ то: бродягъ, которые на основаніи указа 23 февраля 1823 года, подлежали отсылкѣ въ Сибирь на поселеніе, или къ отправленію въ порты, на фабрику Екатеринославскую, въ горныя и соляныя заведенія и на работы въ вѣдѣніе Путей Сообщенія.

---

[1]) П. С. З., т. XXVII, № 26.689.
[2]) П. С. З., т. I, № 792; т. VI, №№ 4.573, 4.574.
[3]) П. С. З., т. II, № 1.455.

Вотъ почему, когда въ октябрѣ 1827 года въ Комитетѣ Министровъ обсуждался вопросъ о томъ, на какія суммы слѣдовало бы обратить расходы по сформированію арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства и содержанію въ нихъ арестантовъ, то было обращено особенное вниманіе на два обстоятельства: сформированіе ротъ дастъ «дешевѣйшій способъ къ устройству губернскихъ городовъ и къ производству разныхъ городскихъ работъ» и поведетъ къ отмѣнѣ издержекъ на отправленіе упомянутыхъ выше арестантовъ и продовольствіе ихъ въ пути.

Комитетъ Министровъ, находя, что учрежденіе арестантскихъ ротъ въ губернскихъ городахъ можетъ принести большую пользу не однимъ тѣмъ городамъ и губерніямъ, въ которыхъ эти роты будутъ заведены, но и всѣмъ тѣмъ, черезъ которые происходитъ пересылка арестантовъ и въ которыхъ съ учрежденіемъ ротъ эта пересылка уменьшится,—счелъ возможнымъ отпустить отъ казны по смѣтѣ Военнаго Министерства лишь суммы (40.000 руб.), потребныя на сформированіе, въ видѣ перваго опыта, двухъ ротъ (въ Псковѣ и Новгородѣ), возложивъ и самое сформированіе этихъ ротъ на военное начальство; когда же опытъ подтвердитъ пользу учрежденія такихъ ротъ, тогда продолжать дальнѣйшее ихъ устройство, но всѣ издержки, для этого потребныя, относить уже на будущее время на счетъ земскихъ повинностей всѣхъ вообще губерній и городскихъ доходовъ тѣхъ городовъ, гдѣ будутъ учреждены арестантскія роты[1]).

Такимъ образомъ, арестантскія роты гражданскаго вѣдомства и въ смыслѣ хозяйственномъ совершенно были изъяты изъ вѣдѣнія Военнаго Министерства; и только внутреннее управленіе въ ротахъ еще долгое время продолжало сохранять военный характеръ, такъ какъ вся администрація ротъ состояла изъ военнослужащихъ: офицеровъ и унтеръ-офицеровъ.

Самое же сформированіе арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства происходило постепенно, по мѣрѣ того, какъ въ томъ или другомъ мѣстѣ обнаруживалась въ нихъ потребность. Такъ, въ 1830 году сформированы были арестантскія роты въ Москвѣ и въ Новороссійскомъ краѣ, въ 1833 году—въ Ставрополѣ, Геленджикѣ, Кавказскихъ

---

[1]) П. С. З., т. I, № 792, т. IV, № 4.573, 4.574.

минеральныхъ водахъ, въ Кронштадтѣ и въ Царствѣ Польскомъ; въ 1834 г.—въ Кіевѣ, въ 1835 г.—въ Екатеринославлѣ и т. д. [1]). Не касаясь болѣе подробно исторіи развитія гражданскихъ арестантскихъ ротъ, укажемъ лишь, что формированіе ихъ въ различныхъ мѣстахъ имперіи продолжалось въ теченіе всего царствованія Императора Николая I, при чемъ положеніе о сформированіи въ 1839—40 годахъ Курской, Харьковской, Архангельской, Костромской, Самарской, Тульской, Пензенской, Рязанской, Пермской, Тобольской, Томской, Орловской и Ставропольской арестантскихъ ротъ заключало уже много улучшеній, которыя и были затѣмъ распространяемы на прочія роты [2]). Съ 1845 года арестантскія роты гражданскаго вѣдомства подчинены были Главному Управленію Путей Сообщенія и Публичныхъ зданій [3]). Наконецъ, 15 августа 1845 года Высочайше было утверждено «Положеніе о исправительныхъ ротахъ гражданскаго вѣдомства», [4]) завершившее ихъ организацію. Въ ст. I «Положенія» указывается, что роты эти «назначаются для содержанія и исправленія въ поведеніи людей низшихъ состояній, подвѣдомыхъ суду гражданскому». Съ 1851 года устройство и содержаніе помѣщеній для арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства, а также пересылка арестантовъ отнесены къ земскимъ повинностямъ, при чемъ арестантская повинность эта не была распространена только на Восточную и Западную Сибирь [5]).

НЕОБХОДИМОСТЬ РЕОРГАНИЗАЦІИ АРЕСТАНТСКИХЪ РОТЪ ВОЕННАГО ВѢДОМСТВА.

Организація арестантскихъ ротъ инженернаго вѣдомства продолжаетъ развиваться въ направленіи, неизбѣжно приводившемъ къ постепенному созданію изъ нихъ спеціальныхъ военно-тюремныхъ учрежденій. Будучи подчинены непосредственно крѣпостнымъ комендантамъ и плацъ-маіорамъ [6]), эти роты не прерываютъ связи съ войскомъ, изъ котораго онѣ и комплектовались.

Въ 1828 году объявлено было особое расписаніе крѣпостей, въ

---

[1]) П. С. З., т. V № 3.786, т, VI № 4.654, 4.772; т. VIII, №№ 5.958, 5.972, 6.573; т. IX, № 6.703; т. XX, № 8.621 и т. д.

[2]) П. С. З., т. XIV, №№ 11.993, 12.426, 12.428, 12.749, 12.846, 12.852; т. XV, № 13.245, 13.476.

[3]) П. С. З., т. XX, № 18.819.

[4]) П. С. З. т. XX, № 19.285.

[5]) П. С. З., т. XXVI, № 25.998, ст. 12 § 5; 204, 208, 220.

[6]) П. С. З., т. I, №№ 598 п. 9, 792, примѣч. къ штату п. 1.

которыя должны были отсылаться преступники и дезертиры изъ войсковыхъ частей (за 4-ый побѣгъ) [1]). Расписаніе это, въ основу котораго легло циркулярное распоряженіе Инспекторскаго Департамента 30 апрѣля 1817 года, было нѣсколько измѣнено указомъ 1829 года, при чемъ, въ виду большого скопленія арестантовъ въ крѣпостяхъ, гдѣ имѣлись арестантскія роты, ихъ дозволялось отсылать въ такія крѣпости, гдѣ арестантскихъ ротъ не существовало, но крѣпостныя работы производились [2]).

Съ другой стороны, вслѣдствіе постоянной потребности въ рабочихъ рукахъ для «фортификаціонной» работы въ крѣпостяхъ, въ нихъ въ большомъ числѣ скоплялись бродяги и крѣпостные арестанты, поступившіе въ крѣпости по суду на урочные годы. Принятые въ этомъ отношеніи мѣры по инженерному вѣдомству получили затѣмъ законодательную санкцію въ 1828 году [3]). Такимъ образомъ, устанавливается постоянное и тѣсное соприкосновеніе крѣпостныхъ арестантовъ съ арестантами военно-рабочихъ и крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ, связь тѣмъ болѣе тѣсная, что военнослужащіе, по отбытіи наказанія въ крѣпостной работѣ, проходили обязательно черезъ военно-рабочія роты, возвращаясь въ армію.

Такимъ образомъ, огромное скопленіе въ крѣпостяхъ военныхъ и общихъ преступниковъ и бродягъ, при условіи постояннаго тѣснаго ихъ общенія другъ съ другомъ и благодаря, къ тому же, несовершенству внутренняго устройства военно-рабочихъ и арестантскихъ ротъ того времени, создали изъ крѣпостей очаги разврата, въ которыхъ впавшіе въ преступленія люди не только не исправлялись, но, наоборотъ, падали нравственно еще болѣе, укрѣпляясь въ растлѣвающей наукѣ этой порочной школы.

Немудрено, слѣдовательно, что вопросъ о реорганизаціи арестантскихъ ротъ военнаго вѣдомства быстро назрѣлъ и сталъ неотложнымъ. Десятилѣтняя практика (съ 1823 по 1833 годъ) дала обильный матеріалъ для нареканій на тогдашнюю военно-тюремную систему. Требо-

---

[1]) П. С. З., т. II, № 1.112 (Приказъ начальника штаба отъ 24 мая 1827 года).

[2]) П. С. З., т. IV, № 2.765.

[3]) Отношеніе начальника Гл. Штаба 15 янв. 1828 г. № 475.— Ар. Ген. Ауд. Дѣло о составленіи положенія о ниж. чин. не изъ дворянъ, впавшихъ въ преступленія.

валась коренная реформа, на новыхъ совсѣмъ началахъ, но, къ сожалѣнію, удовлетворить вполнѣ эту потребность не представлялось возможнымъ по соображеніямъ, раньше всего, экономическимъ. Оставалось улучшить внутреннюю организацію арестантскихъ ротъ, установить болѣе соотвѣтствующій въ нихъ режимъ, раздѣлить, по возможности, заключенныхъ такъ, чтобы они не могли оказывать вредное вліяніе другъ на друга, обособить, по возможности, еще болѣе военныхъ арестантовъ отъ общихъ—и тому подобными мѣрами устранить, насколько было возможно, темныя стороны прежней системы.

КРѢПОСТНЫЯ АРЕСТАНТСКІЯ РОТЫ ВОЕННАГО ВѢДОМСТВА.

21 февраля 1834 года опубликовано было Высочайше утвержденное, по докладу Военнаго Министра 19 ноября 1833 г. [1]), Положеніе объ арестантскихъ ротахъ инженернаго вѣдомства въ крѣпостяхъ. Этимъ положеніемъ учреждены были 43 арестантскія роты военно-инженернаго вѣдомства, но число ихъ затѣмъ измѣнялось и, на основаніи воспослѣдовавшихъ 30 ноября и 1 декабря 1837 г. узаконеній, достигло 55 [2]). Расположены были эти

[1]) Ст. 2.336. ч. I, С. В. П. 1.859 иприл. XX II. С. З., т. VIII. № 6.584.

[2]) По расписанію 8 іюня 1855 г., крѣпост. арестантскія роты расположены были:

№№ ротъ.	ГДѢ НАХОДЯТСЯ	№№ ротъ.	ГДѢ НАХОДЯТСЯ	№№ ротъ.	ГДѢ НАХОДЯТСЯ
	При инженерныхъ округахъ:				
1	Петербургскомъ.	20	Кіевскомъ.	40*	Кіевскомъ.
2		21		41	
3	Вакантная.	22		42	
½ 4	Въ С.-Петербургѣ.	23		½ 43	
5	Финляндскомъ.	24		44	
6		25		45	Вакантныя.
7		26		46	
½ 8	Вакантная.	27		47	
9	Финляндскомъ.	28		48	Въ Херсонѣ (не причисленная ни къ какому округу)
10	Кіевскомъ.	29			
11	Лифляндскомъ.	30		49	Грузинскомъ.
12		31		50	
13		32	Западномъ.	52	
14		33		53	
15		½ 39	Дунайскомъ.	54	Оренбургскомъ.
16				55	Сибирскомъ.
17					
18					
½ 19					

*) Часть роты № 40 была соединена съ полуротою № 43, находившеюся въ Кеми, и переведена въ Бобруйскъ, при чемъ сохранила свой прежній № 40, а другая часть распредѣлена была въ другія роты.

Примѣчаніе: Роты № 35, 36, и 37, находившіяся въ Царствѣ Польскомъ, состояли въ полномъ завѣдываніи начальства первой арміи. Роты № 34 и 38, находившіяся также въ Царствѣ Польскомъ, расформированы были по другимъ ротамъ внутри Имперіи; нумера же этихъ ротъ по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію оставлены были вакантными.

роты въ Кронштадтѣ, Нарвѣ, Новодвинскѣ, Выборгѣ, Свеаборгѣ, Ригѣ, Динабургѣ, Динамюндѣ, Новогеоргіевскѣ, Брестъ-Литовскѣ, Замостьѣ, Бубруйскѣ, Кіевѣ, Бендерахъ, Херсонѣ, Фанагоріи, Усть-Лабинскѣ, Ставрополѣ, Моздокѣ, Кизлярѣ, Геленджикѣ, Баку, Дербентѣ, Оренбургѣ, Орскѣ, кр. Св. Петра, Омскѣ и въ Усть-Каменогорскѣ. Будучи расположены преимущественно въ различныхъ инженерныхъ округахъ, онѣ входили въ составъ гарнизоновъ Инженернаго вѣдомства. Арестанты инженернаго вѣдомства, расположеные въ Усть-Лабинскѣ, Дербентѣ, Баку, Кизлярѣ, Орскѣ, Усть-Каменогорскѣ и кр. Св. Петра, не имѣли правильной ротной организаціи. Сверхъ того, для неспособныхъ къ труду крѣпостныхъ арестантовъ были учреждены особыя богадѣльни въ Кегсгольмѣ, Смоленскѣ, Херсонѣ и Оренбургѣ.

СОСТАВЪ РОТЪ.

Формированіе, по мѣрѣ надобности, ротъ зависѣло всецѣло отъ генералъ-инспектора инженеровъ; для этой цѣли въ крѣпостныя роты по требованію высшаго инженернаго начальства назначались, по сношеніи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, преступники, которыхъ и препровождали губернскія присутственныя мѣста; такимъ образомъ, комплектованіе крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ зависѣло исключительно отъ военнаго начальства. Интересно отмѣтить, что составъ арестантскихъ ротъ не ограничивался только военными арестантами, а былъ крайне разнообразенъ, въ особенности вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія военной подсудности; объясняется это также и господствовавшимъ въ военномъ строительствѣ утилитарнымъ воззрѣніемъ на арестантскій трудъ. Первоначально въ эти роты поступали:

а) разнаго рода преступники, назначаемые по Высочайшимъ конфирмаціямъ въ крѣпостную работу на сроки или безсрочно; 27 декабря 1854 года для осужденныхъ безсрочно въ арестантскія роты морского и инженернаго вѣдомства установленъ былъ, какъ и для арестантовъ гражданскаго вѣдомства, десятилѣтній срокъ заключенія, съ тѣмъ, чтобы каждые десять мѣсяцевъ заключенія считались бы за 1 годъ [1]); б) нижніе чины, назначаемые по приговорамъ, для исправленія поведенія, въ крѣпостную работу на срокъ; в) бродяги, за исключеніемъ иностранныхъ выходцевъ, и преступники гражданскаго вѣдомства, по назначеніямъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ.

Затѣмъ цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ узаконеній [2]) составъ крѣ-

---

[1]) П. С. З., т. XXIX, № 28.872.

[2]) 1840 г. марта 18-го; 1843 г. марта 17-го, іюля 2-го и сентября 29; 1844 г. января 24, іюля 9 и 14; 1845 г. января 9, августа 15; 1848 г. августа 6; 1852 г. янв. 1-го. П. С. З., № № 6.733 п. 2, 8.799,

постныхъ ротъ былъ существенно измѣненъ присоединеніемъ слѣдующихъ элементовъ:

г) Преступниковъ, отданныхъ въ рекруты, старѣе 25 лѣтъ; указъ объ отсылкѣ въ арестантскія роты рекрутъ изъ бродягъ и преступниковъ только старѣе 25 лѣтъ «на исправленіе ихъ нравственности» и «предварительное испытаніе», между прочимъ, мотивировался тѣмъ, что, при отсылкѣ всѣхъ, крѣпости чрезмѣрно обременялись бы преступниками, и что отъ выпуска изъ крѣпостей военно-срочныхъ арестантовъ опять въ войска, безъ достаточнаго испытанія и исправленія, проистекали бы вредныя послѣдствія для войскъ [1]) д) горцевъ, плѣнныхъ и замѣшанныхъ въ безпорядкахъ; ж) дезертировъ, выдаваемыхъ изъ Персіи и Турціи и горцами; з) малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, въ случаѣ повторенія ими преступленій, если таковыя относились къ разряду тяжкихъ и были учинены съ разумѣніемъ, и) хивинцевъ и др. азіатцевъ, прорывающихся въ предѣлы наши для грабежа и захваченныхъ въ плѣнъ, до размѣна; і) порочныхъ людей, находившихся въ исправительныхъ отдѣленіяхъ, учрежденныхъ при внутреннихъ гарнизонныхъ и линейныхъ батальонахъ, кои, закоренѣвъ въ порокахъ, не подавали надежды на исправленіе,—навсегда, или на срокъ, смотря по роду и степени пороковъ; к) преступниковъ: изъ жителей Закавказскаго края, которые принадлежали къ сословіямъ, не изъятымъ отъ тѣлеснаго наказанія, если они были не старѣе 45 лѣтъ; киргизовъ, татаръ Казанской, Симбирской и Оренбургской губерній,—вмѣсто каторжныхъ работъ; ж) бѣглыхъ и бродягъ въ западныхъ губерніяхъ, неспособныхъ въ рекруты; з) самыхъ порочныхъ нижнихъ чиновъ, которые до тѣхъ поръ отсылались въ Нерчинскіе рудники; нижнихъ чиновъ войска Кавказскаго корпуса, по приведеніи надъ ними, по приговору суда, наказанія; крѣпостныхъ арестантовъ, оказавшихся военными дезертирами, а также крѣпостныхъ арестантовъ, служившихъ въ морскихъ войскахъ и учинившихъ побѣгъ; членовредителей, негодныхъ къ строевой или нестроевой службѣ [1]); к) низшаго состоянія людей, назначавшихся губернскими мѣстами, вмѣсто ссылки на поселеніе и отдачи въ солдаты, если они къ военной службѣ оказывались негодными; м) евреевъ, отлучившихся за границу безъ дозволеній и установленныхъ видовъ, или съ видами и паспортами, но просроченными, въ случаѣ высылки ихъ изъ-за границы обратно, какъ бродягъ, по негодности къ военной службѣ, ссылали также въ арестантскія роты, безъ права возвращенія въ свое общество; наконецъ, н) всѣхъ тѣхъ преступниковъ и бродягъ, совершенно негодныхъ къ военной службѣ, которые приговаривались въ исправительныя арестантскія роты до дальнѣйшаго о нихъ распоряженія; м) нѣкоторыхъ преступниковъ, присужденныхъ къ содержанію въ рабочихъ домахъ и тюрьмахъ.

10.571, 10.920, 12,935, 13.921, 14.812, 14.429, 16.204, 22.487, 24,596, 25.870, 26.689 ст. 4 и т. д.

[1]) П. С. З., т. XX, № 18.605.

[1]) П. С. З., т. XXVII, № 26.356.

Подобное измѣненіе состава ротъ нельзя отнести къ мѣропріятіямъ, способствовавшимъ дальнѣйшему ихъ развитію; напротивъ того, мѣра эта представлялась вполнѣ неудачной; такой смѣшанный составъ арестантскаго населенія крѣпостныхъ ротъ, безспорно, указывалъ на отсутствіе какой-либо системы въ группировкѣ лицъ, отбывавшихъ въ нихъ наказаніе; наряду съ людьми взрослыми и даже престарѣлыми помѣщались малолѣтніе и несовершеннолѣтніе; наряду съ порочными уголовными преступниками работали ни въ чемъ неповинные плѣнные и лица, попавшія въ арестантскія роты за безписьменность; не могло быть, слѣдовательно, и рѣчи о какой-либо системѣ исправленія преступниковъ, а между тѣмъ, въ п. *б* «Положенія объ арестантскихъ ротахъ инженернаго вѣдомства»—значилось, что нижніе чины срочно назначались въ эти роты «для исправленія», а военные дезертиры, по отбытіи наказанія, распредѣлялись даже опять на службу въ войска.

ОРГАНИЗАЦІЯ РОТЪ.

При назначеніи людей въ роты повелѣвалось наблюдать, чтобы они не имѣли тѣлесныхъ недостатковъ, препятствующихъ поднимать и передвигать тяжести и работать инструментами, употребляемыми при крѣпостныхъ работахъ; а если кто, по доставленіи въ роты, оказывался неспособнымъ къ крѣпостной работѣ, то принадлежавшій военному вѣдомству — обращался во внутреннюю стражу, или въ приказъ общественнаго призрѣнія, а гражданскому — обратно въ то мѣсто, откуда былъ доставленъ, для дальнѣйшаго распоряженія.

Арестантскія роты находились въ полномъ завѣдываніи крѣпостныхъ комендантовъ, а управлялись плацъ-маіорами, на правахъ батальонныхъ командировъ. Постоянный административный ихъ кадръ состоялъ, по штату, изъ 4 офицеровъ, фельдфебеля, 16 унтеръ-офицеровъ, барабанщика, писаря, цирюльника и 4 денщиковъ, которые и назначались всѣ изъ чиновъ корпуса внутренней стражи.

По употребленію же арестантовъ къ крѣпостнымъ работамъ и по выбору ихъ въ военно-рабочія роты, они находились, кромѣ того, въ зависимости отъ инженернаго начальства.

Контингентъ перемѣннаго состава состоялъ, въ числѣ отъ 100 до 250 человѣкъ въ ротѣ, изъ преступниковъ упомянутыхъ выше категорій, но не старше 50 лѣтъ отъ роду и вполнѣ трудоспособныхъ, на что, какъ было указано, обращалось особое вниманіе. По посту-

пленіи въ роты, арестанты разбивались на три разряда: нижніе воинскіе чины, срочно-осужденные, составляли первый разрядъ, носившій названіе военно-срочныхъ; второй разрядъ (бродягъ) составляли бродяги и неимѣющіе установленныхъ видовъ на жительство; наконецъ, третій разрядъ составлялся изъ безсрочно осужденныхъ и лишенныхъ воинскаго званія лицъ военно-служащихъ, а также лицъ гражданскаго вѣдомства, тогда какъ срочные арестанты гражданскаго вѣдомства причислялись къ военно-срочнымъ; третій разрядъ назывался разрядомъ всегдашнихъ. Разряды по возможности размѣщались въ казармахъ отдѣльно другъ отъ друга. Самые разряды дѣлились на отдѣленія, но при этомъ дѣленіи принимались во вниманіе исключительно соображенія техническаго характера: люди разбивались въ отдѣленія по ихъ спеціальностямъ, мастерствамъ и пр., т. е. на отдѣленія каменщиковъ, плотниковъ, кровельщиковъ и пр. Каждое отдѣленіе подчинялось особому унтеръ-офицеру.

ДОВОЛЬСТВІЕ.

Арестантамъ выдавалась лѣтняя и зимняя одежда, со знаками, Высочайше утвержденными въ 1830 году, и сшитая по особо утвержденнымъ формамъ. Довольствіе было отъ казны натурою; отпускалось деньгами только на освѣщеніе казармъ, кормовые для улучшенія пищи и на постное масло; накакого жалованья не полагалось. Хозяйство въ ротахъ велось на артельныхъ началахъ.

ПОРЯДОКЪ СОДЕРЖАНІЯ.

Арестантовъ надлежало содержать въ строжайшей воинской дисциплинѣ, въ «наилучшей чистотѣ», опрятности, брить слѣдующимъ образомъ: военно-срочнымъ (а также и срочнымъ гражданскаго вѣдомства) и бродягамъ брили спереди полголовы отъ одного уха до другого, а всегдашнимъ — отъ затылка до лба полголовы, съ лѣвой стороны [1]).

Арестантамъ воспрещалось курить табакъ, имѣть трубки, огниво, письменныя принадлежности, а также деньги. Лишенные чиновъ офицеры содержались безъ всякаго различія отъ прочихъ арестантовъ въ соотвѣтствующихъ ихъ преступленіямъ разрядахъ. Для сохраненія здоровья и соблюденія чистоты предписывалось посылать людей въ баню

---

[1]) У арестантовъ, одержимыхъ колтуномъ, разрѣшено было не брить головъ, безъ особаго, въ каждомъ случаѣ, удостовѣренія медика, что отъ того не произойдетъ никакого вреда для больного. П. С. З., т. XXI, № 19.815.

не болѣе 2 разъ въ мѣсяцъ. Арестантамъ холостымъ или вдовцамъ не дозволялось вступать въ бракъ, а женатымъ воспрещалось жить съ женами въ острогахъ и въ особыхъ домахъ, но свиданія съ женами допускались; тѣмъ не менѣе, малолѣтнихъ дѣтей, прижитыхъ арестантами во время нахожденія ихъ въ арестантскихъ ротахъ съ законными женами, оставляли при матеряхъ, которымъ на этихъ дѣтей, до 6-лѣтняго возраста, отпускалась половинная дача провіанта; дѣти же, прижитыя до поступленія въ крѣпостную работу, принадлежали тому владѣльцу или вѣдомству, въ зависимости у которыхъ находились прежде арестанты. По достиженіи же прижитыми въ ссылкѣ дѣтьми 6 лѣтъ отъ роду, установлено было: отсылать мальчиковъ въ кантонисты, а дѣвочекъ—въ приказы общественнаго призрѣнія.

Изъ казармъ арестанты отпускались только для казенныхъ надобностей, подъ особымъ присмотромъ, и то лишь до вечерней зари. Для предупрежденія побѣговъ арестанты всегдашняго разряда заковывались, всѣ безъ изъятія, въ кандалы; срочные же военные и гражданскіе арестанты, а равно бродяги освобождались отъ оковъ, но въ случаѣ побѣга арестанта изъ какого-либо отдѣленія этихъ разрядовъ, всѣхъ, состоявшихъ въ томъ отдѣленіи, тотчасъ повелѣвалось заковывать въ кандалы, потому что «они одни за другихъ должны отвѣтствовать». Эта своеобразная круговая порука, солидарная отвѣтственность всѣхъ за одного, заслуживаетъ быть отмѣченной, какъ особенность нашей военной тюрьмы.

Совершившіе въ ротахъ преступленія содержались также въ кандалахъ, которые въ такихъ случаяхъ снимались съ бродягъ и срочныхъ, а также со всегдашнихъ не иначе, какъ съ разрѣшенія генералъ-инспектора инженеровъ, по представленіямъ о томъ комендантовъ, въ видѣ поощренія за исправленіе въ поведеніи.

При высылкѣ арестантовъ на крѣпостную работу отнюдь не позволялось удерживать такихъ, которые знаютъ мастерства, а изъ слабыхъ дозволялось освобождать тѣхъ только, которые по болѣзни дѣйствительно не могли работать наряду съ прочими. Конвойные не имѣли права: ни вести арестантовъ для естественныхъ нуждъ, безъ разрѣшенія на то дежурнаго унтеръ-офицера, ни входить съ ними въ разговоры, и за малѣйшее отъ сего отступленіе они строго наказывались передъ всѣми прочими конвойными; въ случаѣ замѣченнаго умысла

арестантовъ бѣжать, конвойные должны были стрѣлять въ спасавшихся бѣгствомъ, или отваживавшихся угрожать имъ, нападая на нихъ; на тотъ же предметъ и на случай явнаго мятежа арестантовъ, унтеръ-офицерамъ ротъ приказывалось имѣть тесаки заостренными. При работахъ, на которыхъ нельзя было работать скованнымъ на обѣ ноги, позволялось снимать желѣзо съ одной ноги, но къ такимъ работамъ допускались, преимущественно, срочные и тѣ, кто по поведенію благонадежнѣе другихъ.

Строго запрещалось употреблять арестантовъ на другія какія-либо работы, кромѣ казенныхъ. Въ свободное время заключенные должны были обучаться маршировкѣ и военному строю; въ 1853 г. предположено было даже военно-срочныхъ арестантовъ, вмѣсто производства работъ, назначать три или два раза въ недѣлю на строевыя занятія [1]). За лѣность и нерадѣніе къ работамъ предписывалось наказывать арестантовъ на мѣстѣ же, по усмотрѣнію наблюдавшаго за работами начальника; мѣра же наказанія не должна была превосходить того, сколько нужно было для побужденія нерадиваго къ прилежной работѣ, и во всякомъ случаѣ не свыше 50 ударовъ «унтеръ-офицерскою тростью». Широкимъ примѣненіемъ пользовались и шпицрутены. Вообще же, арестанты во время нахожденія въ ротѣ предавались, въ случаѣ совершенія преступленія, военному суду и наказывались, сообразно преступленію, по конфирмаціямъ коменданта или высшаго начальства, при чемъ военные суды надъ арестантами, которые совершали злодѣянія «безъ особенныхъ побудительныхъ причинъ, съ цѣлью избавиться отъ ротъ», предписывалось производить въ 24 часа, съ предоставленіемъ главнымъ начальникамъ тѣхъ ротъ власти окончательно утверждать и приводить въ исполненіе приговоры надъ виновными, съ тѣмъ, чтобы они были присуждены къ наибольшему наказанію, установленному въ Уголовномъ Уставѣ за подобныя преступленія.

Такіе скорорѣшительные суды также своеобразная особенность нашего законодательства.

Въ положеніи о крѣпостныхъ арестантскихъ ротахъ имѣлись

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, дѣло II отд. соб. Е. И. В. Канцеляріи, 1853 г., № 178, о пересмотрѣ воен.-угол. законовъ.

также указанія о содержаніи подсудимыхъ арестантовъ и о порядкѣ сужденія ихъ по совокупности преступленій, обнаруженныхъ уже послѣ назначенія ихъ въ арестантскія роты, но всѣ эти указанія имѣютъ болѣе юридическій, нежели историческій интересъ.

Въ воскресные и высокоторжественные дни (13 дней въ году), внесенные въ число табельныхъ для присутственныхъ мѣстъ, арестанты освобождались отъ крѣпостныхъ работъ, исключая, однако же, экстренныхъ случаевъ, когда отъ ихъ бездѣйствія могли, напримѣръ, произойти вредъ строеніямъ, ущербъ казнѣ или остановка въ движеніяхъ; но и въ свободное отъ работъ время ихъ предписывалось «обучать стойкѣ и маршировкѣ, не требуя отъ нихъ того, впрочемъ, совершенства, какъ отъ солдатъ». Люди, содержавшіеся въ кандалахъ, должны были оставаться въ нихъ и по отправленіи въ госпитали, за болѣзнію, при чемъ освобождались отъ кандаловъ лишь тяжело больные, и то не иначе, какъ, во-1-хъ, до поправленія и, во-2-хъ, по усмотрѣнію старшихъ врачей, и съ разрѣшенія комендантовъ.

Достоевскій въ «Запискахъ изъ Мертваго Дома» указываетъ случаи, когда арестанты въ лазаретахъ даже умирали въ кандалахъ.

ПОРЯДОКЪ ВЫБЫТІЯ ИЗЪ РОТЪ И ПРИЗРѢНІЯ АРЕСТАНТОВЪ.

Воинскимъ начальникамъ, въ вѣдѣніи которыхъ состояли роты и арестанты, въ роты не сформированные, поручалось ежетретно осматривать ихъ, и имѣвшихъ отъ роду 50 лѣтъ и болѣе—передавать въ гражданское вѣдомство, а это послѣднее опредѣляло способныхъ къ работамъ въ арестантскія роты своего вѣдомства, а негодныхъ къ труду—въ Сибирь на поселеніе.

Еще въ 1839 [1]) году состоялось распоряженіе о неотправленіи въ крѣпостныя работы арестантовъ гражданскаго вѣдомства безъ особаго требованія инженернаго начальства, тѣмъ не менѣе, къ 1840 году въ крѣпости было доставлено такъ много арестантовъ, что 31 января [2]) послѣдовалъ указъ, возложившій на воинскихъ начальниковъ вышеуказанную обязанность осматривать ежетретно арестантовъ.

Въ военно-рабочія работы выбирались тѣ изъ военно-срочныхъ и знавшихъ мастерство арестантовъ, которымъ срокъ нахожденія въ

---

[1]) П. С. З., т. XIV, № 12.043.
[2]) П. С. З., т. XV, № 13.134.

крѣпостной работѣ исполнился, и они, во все продолженіе пребыванія въ ротѣ, вели себя хорошо и считались благонадежными къ службѣ. Военно-срочныхъ арестантовъ, которые въ продолженіе опредѣленныхъ имъ сроковъ не подавали надежды быть полезными на службѣ, оставляли въ ротахъ впредь до надлежащаго ихъ исправленія; гражданскихъ же арестантовъ, по окончаніи срока, надлежало отсылать въ гражданскія правленія, изъ которыхъ они были присланы въ крѣпость.

Всегдашніе арестанты, по пробытіи 10 лѣтъ въ ротѣ, буде оказывались, въ продолженіе всего этого времени, хорошаго поведенія, переводились въ военно-срочные, а по прожитіи одобрительно въ военно-срочныхъ 5 лѣтъ опредѣлялись, на общихъ основаніяхъ, въ военно-рабочія роты, гдѣ должны были отслужить еще 15 лѣтъ, и ужъ только послѣ того получали отставку. Арестанты добраго поведенія, но по освидѣтельствованіи оказавшіеся неспособными къ выбору на службу, оставлялись въ срочныхъ еще на 10 лѣтъ, по истеченіи которыхъ, при благонадежности, передавались въ гражданское вѣдомство, а неисправившіеся въ поведеніи оставлялись въ ротахъ до тѣхъ поръ, пока дѣлались совершенно неспособными къ крѣпостнымъ работамъ и не могли никуда выбывать, развѣ только по суду въ каторгу, въ случаѣ сдѣланныхъ ими вновь преступленій, или выбывали по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ; военно-срочные же и поступившіе въ этотъ разрядъ изъ всегдашнихъ на 5 лѣтъ, ежели до истеченія срока оказывались къ работѣ совершенно неспособными по слабости, хилости, или увѣчью,—обращались въ внутреннюю стражу на службу, «какую нести могли». Срочныхъ военныхъ арестантовъ, становившихся неспособными ни къ работамъ, ни къ какой-либо службѣ по увѣчьямъ, требовавшимъ особенной для нихъ прислуги, помѣщали въ заведенія приказовъ общественнаго призрѣнія, откуда разрѣшалось выдавать ихъ и на попеченіе родственникамъ.

Неспособностью арестантовъ къ работѣ почиталось: неизлѣчимый припадокъ или поврежденіе, препятствовавшее работать инструментами, при крѣпостныхъ работахъ употребляемыми, поднимать и передвигать тяжести; видимая слабость сложенія и старость лѣтъ, несовмѣстная съ тяжелыми работами.

Срочные гражданскіе арестанты, пришедшіе въ неспособность къ крѣпостнымъ работамъ до окончанія опредѣленнаго срока, отпра-

РИЖСКАЯ ВОЕННАЯ ТЮРЬМА.

Внѣшній видъ.

Наружный видъ сбоку.

Внутренній дворъ.

Внутренній дворъ.

Видъ изнутри (центральная башня; старинная шведская постройка).

влялись въ тѣ мѣста, откуда были присланы, для возвращенія въ первобытное состояніе; ежели же общества или помѣщики отказывались взять ихъ къ себѣ—отсылались въ Сибирь на поселеніе; а всегдашнихъ, пришедшихъ въ неспособность по слабости, дряхлости и увѣчью—по удостовѣреніи въ совершенной ихъ неспособности—помѣщали въ особыхъ для сего существовавшихъ крѣпостныхъ богадѣльняхъ и содержали тамъ на одинаковомъ основаніи съ арестантами, способными къ работѣ, т. е. они снабжались тою же пищею и одеждою, управлялись вышеизложенными правилами и занимались подъ присмотромъ караула такими работами, которыя производили преступники, содержавшіеся въ гражданскихъ тюрьмахъ. Неспособныхъ къ работамъ всегдашнихъ арестантовъ дозволялось расковывать на обѣ ноги, но лишь тѣхъ, которые считались безопасными отъ побѣга, т. е. весьма преклонныхъ лѣтъ, дряхлыхъ, калѣкъ и т. п.; прочіе же и въ богадѣльняхъ «оставались закованными въ желѣзо или колодки, на одну ногу, по усмотрѣнію начальства». Помѣщенные въ богадѣльни, до тѣхъ поръ державшіе себя хорошо и въ богадѣльняхъ не испортившіеся нравственно, передавались въ гражданское вѣдомство по истеченіи 15 лѣтъ со дня присылки въ крѣпость; но если они не имѣли способовъ къ пропитанію и не желали получить свободу, то содержались въ богадѣльняхъ до конца жизни. Всегдашнихъ арестантовъ, наконецъ, поступившихъ въ богадѣльни и не исправившихся въ поведеніи, оставляли въ богадѣльняхъ до смерти, при чемъ содержали подъ строжайшимъ, противъ другихъ, присмотромъ.

Присланные на срокъ военные арестанты и поступившіе въ военно-срочные на пять лѣтъ изъ всегдашнихъ — ежели до истеченія срока становились совершенно неспособными—перемѣщались въ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, или въ Сибирь на поселеніе.

Плѣнные горцы и азіатцы, которые не приняли православной вѣры и принадлежали къ покореннымъ племенамъ, по истеченіи опредѣленныхъ сроковъ пребыванія въ ротахъ, возвращались на родину, а азіатцы, сосланные въ крѣпостную работу навсегда, по принятіи св. крещенія, переводились въ военно-срочные на 5 лѣтъ; сосланныхъ же на срокъ и безъ назначенія времени пребыванія въ крѣпостной работѣ—повелѣвалось оставлять, со времени принятія ими христіанской вѣры, еще на одинъ годъ, а если тѣ и другіе,

въ теченіе назначеннаго имъ срока, исповѣдывали христіанскую вѣру искренно и нелицемѣрно и вели себя отлично, то ихъ назначали, по закону, на службу въ военно-рабочія роты, а при неспособности къ мастерствамъ—въ войска [1]); совершенно же неспособныхъ ни къ какому роду службы передавали въ гражданское вѣдомство, для помѣщенія въ богоугодныя заведенія. Киргизовъ, по минованіи назначенныхъ имъ сроковъ, переселяли въ Иркутскую губернію подъ надзоръ полиціи; азіатцамъ, возвращавшимся съ Высочайшаго разрѣшенія на родину, казенныя вещи выдавались въ крайнихъ только случаяхъ. Освобожденные изъ ротъ бродяги въ продолженіе 4 лѣтъ держались также подъ надзоромъ полиціи, при чемъ не смѣли никуда переселяться, ни удаляться безъ особеннаго, каждый разъ, дозволенія; такому же надзору подвергались и всѣ, уволенные изъ ротъ, по переселеніи ихъ въ отдаленныя губерніи, или въ Сибирь. Плѣнные горцы, за старостью и дряхлостью бывшіе неспособными, отправлялись въ богоугодныя заведенія.

Тѣхъ изъ всегдашнихъ, передававшихся на распоряженіе гражданскаго вѣдомства, которые не пробыли въ ротахъ 10 лѣтъ и были способны къ работамъ въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства, помѣщали въ эти роты до окончанія десятилѣтняго срока, а тѣхъ изъ нихъ, которые были больны, помѣщали въ тюремныхъ лазаретахъ до выздоровленія, и тогда отправляли въ гражданскія роты до истеченія того же 10-лѣтняго срока; безнадежныхъ къ посылкѣ когда-либо на работы, но располагавшихъ силами предпринять путь, отправляли для водворенія въ Сибирь, а не бывшихъ въ состояніи перенести пути—оставляли въ больницахъ тюремныхъ замковъ дотолѣ, покуда они въ состояніи будутъ слѣдовать въ Сибирь; арестантовъ, передававшихся въ гражданское вѣдомство, наконецъ, пробывшихъ въ ротахъ 10 и болѣе лѣтъ, отправляли для водворенія въ Сибирь, а больныхъ и увѣчныхъ изъ нихъ оставляли до поправленія, и потомъ все-таки отсылали въ Сибирь.

КАТОРЖНЫЕ ВЪ АРЕСТАНТСКИХЪ РОТАХЪ.

Съ теченіемъ времени въ составъ арестантовъ арестантскихъ ротъ вошли и лица, приговоренныя къ каторжной работѣ.

Впервые каторжные были опредѣлены для крѣпостныхъ работъ

---

[1]) П. С. З., т. XXVI, № 25.386, 25.577.

въ 1829 году [1]). По представленію о томъ генералъ-губернатора Западной Сибири, отъ 24 ноября 1828 г. за № 1.632, Главное Управленіе Западной Сибири, обсуждая этотъ вопросъ, высказалось въ слѣдующемъ смыслѣ: хотя по Уставу о ссыльныхъ (§ 195) осужденные въ каторжную работу имѣютъ одно назначеніе — на фабрики и заводы, о назначеніи же преступниковъ въ крѣпостныя работы въ Уставѣ вовсе не упоминается, но лишь потому, что тогда надобности не представлялось въ ихъ работѣ; нынѣ же «въ рабочихъ людяхъ для производства казенныхъ работъ по крѣпостямъ Омской линіи встрѣтился крайній недостатокъ»; къ тому же винокуренные заводы Томской губерніи, не говоря уже о заводахъ Тобольскихъ, «наполнены рабочими до чрезмѣрнаго количества, такъ что уже продовольствіе ихъ тамъ становится въ тягость заводамъ». По этимъ соображеніямъ Главное Управленіе Западной Сибири полагало «изъ ссыльныхъ, слѣдующихъ въ каторжныя работы за преступленія не весьма тяжкія, избирать по лѣтамъ и сложенію способныхъ и отсылать въ крѣпостныя работы Омской области, съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ»: а) срокъ пребыванія въ работахъ крѣпостныхъ, согласно § 260 Устава о ссыльныхъ, постановить двадцатилѣтній, поступая во всемъ прочемъ въ отношеніи преступниковъ, на основаніи Устава о ссыльныхъ, и б) по окончаніи сроковъ, или миновании надобности въ рабочихъ, согласно съ положеніемъ Сибирскаго Комитета, Высочайше утвержденнымъ 26 апрѣля 1826 года, ссыльныхъ, не оставляя на поселеніи въ Омской области, обращать въ Тобольскій приказъ о ссыльныхъ для переселенія внутри губерній Западной Сибири.

15 августа 1845 года, вмѣстѣ съ новымъ «Уложеніемъ о наказаніяхъ» уголовныхъ и исправительныхъ, были утверждены: 1) Дополнительныя постановленія о распредѣленіи и употребленіи осужденныхъ въ каторжныя работы [2]), 2) Положеніе объ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства [3]), и 3) Дополнительныя правила къ Уставу о содержащихся подъ стражею [4]).

Первымъ изъ упомянутыхъ законоположеній установлены были

---

[1]) П. С. З., т. IV, № 2.958.
[2]) П. С. З., т. XX, № 19.284.
[3]) П. С. З., т. XX, № 19.285.
[4]) П. С. З., т. XX, № 19.286.

каторжныя работы въ крѣпостяхъ, на ряду съ каторгой въ рудникахъ и на заводахъ; для татаръ же изъ губерній Казанской, Симбирской и Оренбургской каторжныя работы въ Сибири всегда замѣнялись работами въ крѣпостяхъ, находящихся въ Финляндіи.

Осуждаемые на каторжныя работы въ крѣпостяхъ могли быть назначаемы какъ въ крѣпости сибирскія, такъ и внѣ Сибири, по указаніямъ военнаго начальства, при чемъ осужденные по высшей степени наказанія отсылались въ наиболѣе отдаленныя крѣпости. Всѣ каторжные, приговоренные къ работамъ въ крѣпостяхъ, составляли второй разрядъ каторжныхъ.

Содержались они въ крѣпостяхъ на томъ же основаніи, какъ всегдашніе арестанты инженернаго вѣдомства. Каторжные второго разряда, осужденные къ работамъ на срокъ отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ, по пробытіи трехъ лѣтъ, и осужденные на срокъ отъ восьми до десяти лѣтъ, по пробытіи двухъ лѣтъ, могли быть переводимы въ разрядъ военно-срочныхъ арестантовъ. Переведеннымъ въ этотъ послѣдній разрядъ десять съ половиною мѣсяцевъ засчитывались за годъ работы въ крѣпостяхъ.

Кромѣ того, и каторжные 1-го разряда, осужденные въ рудники, по распоряженію правительства (ст. 74 «Уложенія»), могли быть отсылаемы, взамѣнъ того, въ крѣпостную работу; они въ такомъ случаѣ поступали въ отрядъ испытуемыхъ, содержались отдѣльно отъ прочихъ арестантовъ и употреблялись въ работы подъ особымъ присмотромъ. Срокъ испытанія имъ былъ опредѣленъ восьмилѣтній, при чемъ тѣ изъ нихъ, которые ссылались въ крѣпости безъ срока, содержались въ оковахъ ручныхъ и ножныхъ и выводились изъ казармъ только для самыхъ тяжелыхъ работъ; не подвергавшіеся во время заключенія наказанію шпицрутенами и подавшіе надежду на исправленіе, перечислялись въ исправлявшіеся, по истеченіи положенныхъ сроковъ. Исправлявшіеся могли быть употребляемы въ работы вмѣстѣ со срочными, а тѣ изъ нихъ, которые, по истеченіи двухъ лѣтъ со дня перемѣщенія, по поведенію были благонадежными, могли быть представляемы и къ освобожденію отъ оковъ. Одиннадцать мѣсяцевъ пребыванія каторжныхъ перваго разряда въ исправляющихся считались за годъ дѣйствительной работы. Каторжные 1-го разряда освобождались отъ работъ только: на два дня въ Рождество Христово, на

три—въ Пасху, а также въ дни тезоименитства, рожденія и коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

ОБЩІЕ ВЫВОДЫ

Изъ изложеннаго видно, во-первыхъ, что въ арестантскихъ ротахъ инженернаго вѣдомства не существовало никакой опредѣленной системы исправленія преступниковъ, тѣмъ не менѣе предполагалось, что установленный въ нихъ режимъ долженъ былъ самъ по себѣ способствовать исправленію арестантовъ; поэтому и примѣнялась цѣлая система поощренія исправляющихся путемъ облегченія ихъ положенія въ ротахъ. Такъ, установленъ былъ даже особый разрядъ исправляющихся для безсрочныхъ каторжныхъ, въ который попадали, какъ указано выше, не подвергшіеся во время заключенія наказанію шпицрутенами и подающіе надежду на исправленіе въ отрядѣ испытуемыхъ, а также каторжники 1-го разряда, «подавшіе надежду на исправленіе доказательствами покорности начальству, воздержности, опрятности и трудолюбія». Они употреблялись уже въ работу вмѣстѣ съ срочными арестантами инженернаго вѣдомства, а черезъ два года безпорочнаго пребыванія въ отрядѣ исправляющихся могли быть представляемы и къ освобожденію отъ оковъ, а также получали и другія льготы. Очевидно, идея нравственнаго воздѣйствія, въ цѣляхъ исправленія арестантовъ, начинаетъ проникать подъ мрачные своды тогдашней каторги.

Во-вторыхъ, получаетъ болѣе опредѣленную систему порядокъ освобожденія арестантовъ изъ крѣпостныхъ ротъ. Порядокъ этотъ, какъ мы видѣли, установленъ былъ троякій: 1) до отбытія срока наказанія, 2) по отбытіи этого срока и, наконецъ, 3) освобожденіе бродягъ по требованію владѣльцевъ, коимъ они принадлежали до отправленія въ арестантскія роты.

Однако, досрочное освобожденіе арестантовъ допускалось только въ случаяхъ: а) инвалидности и неспособности къ дальнѣйшей работѣ и б) въ отношеніи плѣнныхъ горцевъ и азіатцевъ, черезъ годъ послѣ принятія ими св. крещенія, если въ теченіе этого срока они будутъ «исповѣдывать христіанскую вѣру искренно и нелицемѣрно», при условіи, однако, отличнаго поведенія.

Такимъ образомъ, принятіе христіанства признавалось показателемъ не только исправленія, но и достиженія той степени культурности, когда дикари-азіаты уже становились способными къ гражданской жизни, становились мирными.

Военно-срочные арестанты, отбывшіе срокъ наказанія, опредѣленный конфирмаціей, выбывали изъ крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ только при условіи удовлетворенія извѣстному нравственному цензу. Этотъ цензъ опредѣлялся аттестаціей начальства въ томъ, что они «совершенно исправились въ нравственности и оказались благонадежными и способными къ поступленію на службу». Тѣ изъ удовлетворяющихъ этому требованію, которые имѣли не свыше 40 лѣтъ, были не болѣе трехъ разъ въ побѣгахъ и не болѣе двухъ разъ наказаны шпицрутенами, удостаивались назначенія въ военно-рабочія роты, а прочіе назначались попрежнему во внутренніе гарнизонные и линейные батальоны, а также въ гарнизонную артиллерію, при чемъ пробывшіе опредѣленные имъ сроки въ крѣпостной работѣ на Кавказѣ и въ Грузіи распредѣлялись на службу въ линейные батальоны отдѣльнаго Кавказскаго корпуса [1]). Тѣ же военно-срочные арестанты, которые въ продолженіе опредѣленныхъ имъ сроковъ не исправились въ поведеніи и не подали «надежды быть полезными на службѣ», оставлялись въ арестантскихъ ротахъ «впредь до надлежащаго ихъ исправленія».

Что же касается срочныхъ арестантовъ гражданскаго вѣдомства, то таковые, по отбытіи срока крѣпостной работы, отсылались обратно въ тѣ губернскія правленія, изъ которыхъ они были присланы въ крѣпость.

Такъ какъ всегдашніе арестанты по пробытіи 10 лѣтъ въ крѣпостной работѣ переводились, при условіи хорошаго поведенія, на 5 лѣтъ въ разрядъ военно-срочныхъ, то они, слѣдовательно, освобождались изъ ротъ на общемъ съ послѣдними основаніи, съ тою лишь разницей, что они не отправлялись на службу въ войска, а переводились на 15 лѣтъ въ военно-рабочія роты, послѣ чего увольнялись въ отставку, либо, если оказывались неспособными къ работѣ въ военно-рабочихъ ротахъ, оставлялись еще на 10 лѣтъ въ военно-срочныхъ арестантахъ, а затѣмъ освобождались изъ ротъ и передавались въ гражданское вѣдомство. Всегдашніе арестанты, не исправившіеся въ поведеніи, оставлялись въ крѣпостныхъ ротахъ до послѣдней потери способности къ труду.

Наконецъ, что касается каторжныхъ 2-го разряда, то, будучи

[1]) П. С. З., т. XXII, № 21.315.

переведены въ разрядъ военно-срочныхъ арестантовъ и отбывъ въ этомъ разрядѣ свой срокъ наказанія, они препровождались для водворенія въ мѣста, назначенныя имъ для жительства.

Особый порядокъ выбытія изъ крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ былъ установленъ въ отношеніи бродягъ, а именно: помѣщики или общества въ теченіе двугодичнаго срока могли возбуждать ходатайства о возвращеніи ихъ имъ по принадлежности; бродяги, которые, по истеченіи 2 лѣтъ пребыванія въ ротахъ, не будутъ истребованы ихъ владѣльцами или не удостоятся перевода въ военно-рабочія роты, оставлялись въ арестантскихъ ротахъ на установленный (1177 ст. 2 т. Улож. о нак. и Св. Зак. т. XV Зак. Угол., кн. II, прил. къ ст. 1220, Прод. XVIII, Гл. V, п. 2) закономъ срокъ, послѣ чего передавались въ гражданское вѣдомство.

Такимъ образомъ, ко второй половинѣ XIX вѣка уже была сознана необходимость перехода къ системѣ исправленія преступника въ мѣстахъ его заключенія, и у насъ въ Россіи съ этого времени чувствуется близость реформы тюремнаго дѣла на новыхъ началахъ, получившихъ уже широкое примѣненіе на Западѣ.

БЫТЪ ВОЕННО КРѢПОСТНЫХЪ АРЕСТАНТОВЪ.

Но если даже наше тюремное законодательство того времени представлялось далеко не соотвѣтствующимъ тѣмъ гуманнымъ идеямъ, которыя положены были въ основу европейской карательной системы, то о фактически существовавшихъ въ нашихъ тюремныхъ учрежденіяхъ, а въ частности въ крѣпостныхъ арестантскихъ ротахъ военнаго вѣдомства, порядкахъ и говорить не приходится. Бытовое положеніе крѣпостныхъ арестантовъ представлялось воистину ужасающимъ. Въ этихъ ротахъ, въ 30—40-хъ годахъ XIX вѣка, по свидѣтельству извѣстнаго ихъ бытоизслѣдователя В. Н. Никитина [1]), «царили жестокосердіе и самодурство», мѣста заключенія военнаго вѣдомства «были не мѣстомъ для вынесенія людьми законной кары за совершенныя ими преступныя дѣянія, не гарантіею для правосудія и смягченія разнузданныхъ нравовъ,— а служили источникомъ разживы и произвола для лицъ, прямо или косвенно ими управлявшихъ, и наконецъ разсадникомъ всевозможныхъ безобразій».

---

[1]) «Бытъ военныхъ арестантовъ въ крѣпостяхъ». В. Н. Никитинъ. 1873. Спб., стр. 15—21.

«Такъ, въ одной, напримѣръ, ротѣ,—разсказываетъ г. Никитинъ,—содержался молодой, красивый черкесъ, зачахшій было отъ перемѣны климата, тоски по родинѣ, да отъ скверной пищи и тяжкой работы. Вліятельное надъ ротой лицо сжалилось надъ несчастнымъ и вошло, куда слѣдовало, съ ходатайствомъ о помилованіи его, и потомъ, освѣдомившись, частнымъ образомъ, что ходатайство разрѣшено, сообщило о томъ, для объявленія черкесу, его непосредственному начальнику; но послѣдній вздумалъ предварительно потѣшиться надъ черкесомъ, вслѣдствіе чего онъ, вмѣсто родины, отправился туда, гдѣ нѣсть печалей и воздыханій... Начальникъ распорядился принести черкесскую одежду со всѣми принадлежностями, приказалъ черкесу облачиться въ нее и сталъ дразнить его, говоря: «а хорошо бы теперь тебѣ лихого коня и домой, въ горы, поработать кинжаломъ». Черкесъ слушалъ, слушалъ, азіатская кровь въ немъ заклокотала бурнымъ потокомъ, онъ впалъ въ ярость и ранилъ кинжаломъ начальника. За это черкеса присудили прогнать сквозь строй и онъ умеръ подъ палочными ударами».

«Другой начальникъ, придерживаясь пословицы: «ѣду—не свищу, а наѣду—не спущу», мирволилъ чиновнымъ да состоятельнымъ арестантамъ, а на бѣднякахъ вымещалъ свою досаду—засѣкалъ ихъ розгами до смерти, для примѣра прочимъ, какъ онъ выражался, находя, что жертвы необходимы, дескать, были для безопаснаго управленія ротой».

«Третій, соскучившись драть арестантовъ за игру въ карты, обыкновеннымъ способомъ, каждаго отдѣльно, долго думалъ, какъ бы производить означенную операцію и исправно, и скоро—«а то стой, бывало, и жди, покуда передерутъ 15—20 человѣкъ».

«Геніальная мысль осѣнила, наконецъ, его голову: онъ собралъ однажды 16 человѣкъ каторжниковъ, выстроилъ ихъ въ кружокъ, приказалъ всѣмъ скинуть невыразимыя, дать каждому въ руку по пучку розокъ и драть другъ друга стоя...»

«И поднялись же,—говорилъ онъ намъ,—свистъ розогъ, вой и мольба такіе, что составляли настоящій концертъ!..» Это зрѣлище такъ ему понравилось, что онъ потомъ «съ удовольствіемъ» ходилъ всегда драть изобрѣтеннымъ имъ способомъ, а дабы арестанты не спускали другъ другу, онъ, начальникъ, и его помощники обходили это, выражаясь по военному, каре, при чемъ они выхватывали у сѣкущихъ экспромптомъ розги и «сами валяли ихъ такъ, что сѣкомые остервенялись; тогда имъ возвращали розги, и они сами ужъ катали другъ друга жесточе, чѣмъ истинные палачи».

«Четвертый задумалъ превратить болото, вблизи своей резиденціи, въ прелестный садъ, да чтобы кругомъ онаго росла непремѣнно шелковистая, высокая трава, особаго свойства, дабы въ часы отдохновенія наслаждаться красивымъ ландшафтомъ. Болото, между тѣмъ, не подчинялось власти, а она столь упорно преслѣдовала свою мысль, что 12 лѣтъ сряду арестанты роты, съ ранняго утра до поздняго вечера, осушали болото, сажали деревья, сѣяли травку, копали и возили землю, дернъ, подъ ударами унтеръ-офицерскихъ «т р о-

стей»—въ палецъ толщины палокъ... Египетскій трудъ этотъ вогналъ въ гробъ не одинъ десятокъ людей, а шелковистая трава все не выростала!.. И работа эта прекратилась потому единственно, что о ней дошло до свѣдѣнія высшаго военнаго начальства, которое поручило другому генералу наистрожайше разслѣдовать это дѣло, и, когда все это потвердилось, оригинальный агрономъ покинулъ мѣсто».

«Арестантъ крѣпостной роты содержалъ, съ дозволенія начальства, въ близъ расположенномъ городѣ, нѣсколько лѣтъ сряду, учебный дѣвичій пансіонъ, а въ ротѣ только считался,—за то, что знакомилъ взрослыхъ дѣвицъ съ тѣми, которымъ это было пріятно...»

«Въ одной крѣпости, генералъ, занимаясь разсортированіемъ арестантовъ по категоріямъ, предъ преобразованіемъ роты, нашелъ въ ней человѣка, просидѣвшаго 10 лѣтъ безвыходно въ одиночномъ заключеніи въ темномъ подземельи, за то, что, будучи фанатичнымъ старообрядцемъ, онъ сопротивлялся бритью бороды. И, благодаря лишь добросердечію генерала, злосчастный увидѣлъ свѣтъ Божій».

«Почти во всѣхъ крѣпостныхъ арестантскихъ ротахъ, арестантовъ, имѣвшихъ протекцію, вслѣдствіе ихъ благороднаго рожденія, либо богатаго родства, отпускали изъ роты жить на волѣ, при чемъ иные не только не посѣщали никогда своихъ мѣстъ заключенія, но водили знакомство на «ты» со своими начальниками, а отсюда, при первыхъ же оказіяхъ, получали полное прощеніе. Зато бѣдные арестанты-простолюдины работали до кроваваго пота въ пользу начальниковъ, иные изъ коихъ знали, впрочемъ, и честь: изъ каждыхъ суммъ, попадавшихъ ежемѣсячно въ ихъ карманы за арестантскій трудъ, они удѣляли арестантамъ роты по 3—5 рублей на водку; на водку же давали арестантамъ и подрядчики, чтобы тѣ сработали въ день вмѣсто одного заданнаго урока—$1^1/_2$—2. Вознагражденіемъ этимъ и начальство, и подрядчики эксплоатировали арестантовъ столько, сколько имъ хотѣлось, благо выраженіе «не пить водки», въ 34-ой статьѣ, не было упомянуто ни въ одномъ изъ изданій «Положенія» о ротахъ».

«Въ свою очередь, деморализованные арестанты ожесточались, мстили всѣмъ, кому могли мстить. Въ одну изъ ротъ прибылъ, напр., однажды пожилой арестантъ, впущенный прямо въ общую камеру. Немного погодя, къ начальнику явился другой тамъ уже жившій арестантъ и заявилъ просьбу перевести отъ нихъ новенькаго, «иначе его ночью же убьютъ за то, что заявитель и двое его товарищей сосланы въ роту за покушеніе поджечь его, бывшаго ихъ помѣщика, домъ; помѣщикъ же,—добавилъ онъ,—ужъ побитъ изрядно». Позвали арестанта-помѣщика, разспросили его, прочли доставленныя на него письменныя свѣдѣнія, убѣдились, что все вышесказанное вѣрно, засадили помѣщика въ отдѣльную камеру, донесли о происшедшемъ, куда слѣдовало, и вскорѣ же перевели помѣщика въ другую крѣпость и тѣмъ самымъ сохранили ему жизнь. Сосланъ онъ былъ за жестокости съ женщинами по особому, сепаратному повелѣнію. Арестанты вели себя столь смѣло, самостоятельно, что никто, безъ

полнаго конвоя, никогда и днемъ не смѣлъ войти въ ихъ камеры, а ночью и подавно: въ это время жизнь была въ полномъ разгарѣ: пили, играли, пѣли наудалую... Артельное начало, проповѣдываемое закономъ о ротахъ, отлично привилось къ арестантской средѣ: кто держалъ на откупу «майданъ» (водку), кто карты, кто съѣстные припасы; общество солидарно держалось другъ за друга, провинившихся каралъ самосудъ, и каралъ, преимущественно сплетниковъ, жестоко. Женщины допускались къ арестантамъ, за большія и малыя взятки, и на работахъ, и въ казармахъ, при чемъ онѣ отдавали долгъ природѣ нерѣдко при всемъ честномъ народѣ, на работахъ, съ коихъ уходили группами въ кабаки, въ трактиры, собирать милостыню и т. п.».

«Мало того: многіе нарочно выписывали себѣ женъ и принуждали ихъ добывать имъ деньги проституціей въ каморкахъ унтеръ-офицеровъ, въ квартирахъ иногда и офицеровъ, которые сами, случалось, содержали проститутокъ для благородныхъ и состоятельныхъ».

«Былъ, наконецъ, однажды и вотъ еще какой казусъ: въ одну изъ крѣпостей пріѣхало лицо, облеченное полною властью, приказало выстроить роту и произвело ей фронтовое ученіе. Арестанты исполнили это отлично. Уполномоченный объявилъ имъ, что ихъ назначатъ на службу въ полки, и ждалъ, разумѣется, цѣлаго потока благодарностей, но ошибся: большинство повѣсило недовольно носы. Уполномоченный спросилъ, что это значитъ.

— Позвольте намъ лучше здѣсь остаться,—заговорили съ разныхъ сторонъ арестанты.

— Развѣ солдатамъ жить хуже, нежели вамъ?

— Точно такъ-съ: мы день отработаемъ, зашибемъ копейку, вечеромъ выпьемъ, закусимъ хорошенько и завалимся на боковую; у кого изъ насъ нѣтъ денегъ на ѣду, на выпивку, съ тѣмъ товарищи подѣлятся, тотъ изъ нашей собственной кассы въ долгъ возьметъ. Солдаты же цѣлый день съ ружьемъ, по ученьямъ, парадамъ, вечеромъ чистятъ свою аммуницію, разучиваютъ сигналы, начальство, а ночи дежурятъ на часахъ. Кромѣ того, имъ гроша никогда не откуда достать, бьютъ и дерутъ ихъ больше, чѣмъ насъ... Кому же, осмѣлимся спросить, жить легче: имъ, или намъ? По этому, по самому, позвольте ужъ намъ тутъ лучше остаться!»

«Такъ уполномоченный и уѣхалъ, а арестантовъ и оставили арестантами».

«И дѣйствительно, бывали, при прежней суровой службѣ, зачастую случаи, что конвойные солдаты, увлекаемые заманчивыми разсказами арестантовъ, совершали такія преступленія противъ дисциплины, за которыя попадали въ арестантскія роты».

А что ихъ ждало въ арестантскихъ ротахъ—можно судить изъ словъ г. Ядринцева [1]): «Наши арестантскія роты выпускали самыхъ деморализованныхъ людей, какихъ когда-либо мы видали изъ острожниковъ и каторжныхъ».

---

[1]) Н. М. Ядринцевъ—«Рус. общ.» и т. д., стр. 97.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Недостатки «Положенія объ арестантскихъ ротахъ инженернаго вѣдомства» съ давнихъ поръ обращали вниманіе правительства на необходимость пересмотра и исправленія этого «Положенія» и даже былъ уже однажды составленъ инженернымъ начальствомъ проектъ новаго «Положенія объ арестантскихъ ротахъ», но проектъ этотъ не получилъ утвержденія. Онъ былъ разсмотрѣнъ Военнымъ Совѣтомъ, который, однако, проектъ этотъ «оставилъ безъ всякихъ послѣдствій», и самый вопросъ о реформѣ арестантскихъ ротъ былъ отложенъ разсмотрѣніемъ впредь до пересмотра военно-уголовнаго Устава, въ виду тѣсной связи съ послѣднимъ.

Въ 1860 году былъ опубликованъ новый проектъ «Положенія объ арестантскихъ ротахъ военнаго вѣдомства и о каторжной работѣ въ крѣпостяхъ» [1]). Въ «Объяснительной запискѣ» къ этому проекту, составители его подчеркнули, главнымъ образомъ, слѣдующіе недостатки «Положенія объ арестантскихъ ротахъ инженернаго вѣдомства»:

1) «Въ настоящее время, — замѣчаютъ они, — всѣ осуждаемые срочные и всегдашніе арестанты, и даже въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, имѣютъ одно и то же назначеніе: ссылку въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства. Въ сихъ ротахъ хотя и положено содержать каждый разрядъ арестантовъ отдѣльно одинъ отъ другого, но это не вездѣ и не всегда возможно, какъ по значительному нерѣдко числу арестантовъ, такъ и по неимѣнію въ крѣпостяхъ довольно удобныхъ арестантскихъ помѣщеній. При томъ весьма часто случается, что арестанты всѣхъ разрядовъ, по свойству работъ, производятъ ихъ вмѣстѣ и, слѣдовательно, имѣютъ возможность къ сношеніямъ и сближенію между собою. Вслѣдствіе сего арестантскія роты не только не исправляютъ, но, напротивъ, еще болѣе развращаютъ поступающихъ туда людей, служа, такъ сказать, школою всѣхъ возможныхъ пороковъ. Человѣкъ, вовлеченный въ проступокъ, болѣе или менѣе важный, по легкомыслію или молодости лѣтъ, или же по несчастному стеченію обстоятельствъ, оставаясь нѣсколько лѣтъ въ сообществѣ съ тяжкими преступниками, неизбѣжно упадаетъ нравственно, свыкается съ мыслію о преступленіи и самъ становится злодѣемъ. Такимъ образомъ, въ отношеніи исправленія нравственности преступниковъ, нынѣшнія арестантскія роты рѣшительно не достигаютъ своей цѣли».

2) «Въ «Уставѣ объ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства», а также въ «Положеніи о каторжныхъ работахъ» вообще, для скорѣйшаго достиженія цѣли нравственнаго исправленія преступниковъ, установлены отряды испытуемыхъ и исправляющихся и допущены въ семъ послѣднемъ отрядѣ нѣкоторыя облегченія, какъ-то:

---

[1]) См. Архивъ Гл. Воен. Суд. Управленія, № 62.

увеличеніе числа свободныхъ отъ работы дней въ году, освобожденіе отъ оковъ и, наконецъ, сокращеніе назначенныхъ судебными приговорами сроковъ работъ. Въ отрядъ испытуемыхъ осужденные причисляются при самомъ поступленіи ихъ въ арестантскія роты или каторжныя работы, и содержатся отдѣльно отъ отряда исправляющихся, въ который поступаютъ не иначе, какъ по пробытіи въ отрядѣ испытуемыхъ опредѣленнаго закономъ времени».

«Между тѣмъ въ арестантскихъ ротахъ инженернаго вѣдомства пользуются облегченіями, подобными вышеозначеннымъ, только одни осужденные въ каторжную работу въ крѣпостяхъ; для поступающихъ же въ арестантскія роты, за преступленія менѣе важныя, даже и при хорошемъ ихъ поведеніи, никакихъ облегченій существующими постановленіями не предоставлено, и начальство лишено всякой возможности къ поощренію арестантовъ къ доброму поведенію и исправленію».

3) «Сроки содержанія въ арестантскихъ ротахъ инженернаго вѣдомства, въ видѣ исправительнаго наказанія, въ законѣ съ точностію не опредѣлены; въ разрядѣ срочныхъ арестантовъ работы продолжаются до восьми и болѣе лѣтъ, а въ разрядѣ всегдашнихъ, съ содержаніемъ въ оковахъ, десять лѣтъ и потомъ безъ оковъ еще пять лѣтъ. Напротивъ того, ссылка въ каторжную работу въ крѣпостяхъ и на заводахъ, полагаемая за тяжкія преступленія, въ низшей степени, ограничивается въ крѣпостяхъ восемью, а на заводахъ четырьмя годами. При томъ и самое положеніе каторжныхъ, особливо перешедшихъ въ отрядъ исправляющихся, въ нѣкоторомъ отношеніи гораздо легче, нежели срочныхъ и всегдашнихъ арестантовъ. Вслѣдствіе сего нижніе чины, осужденные въ арестантскія роты, съ намѣреніемъ совершаютъ другія болѣе тяжкія преступленія для того единственно, чтобы ихъ сослали въ каторжную работу».

4) «Въ арестантскихъ ротахъ инженернаго вѣдомства, какъ срочные, такъ и всегдашніе арестанты, и даже каторжные, довольствуются одинаково пищею. Арестантамъ и каторжнымъ дается ежедневно къ обѣду и ужину горячая пища и хлѣба по три фунта на каждаго, а для питья квасъ. Имъ также отпускается мясная и рыбная порція: въ однѣхъ крѣпостяхъ—по три, а въ другихъ—по четыре раза въ недѣлю [1]); при томъ иногда, не только во время эпидемическихъ болѣзней, но и при усиленныхъ работахъ, дается имъ водка, покупаемая на деньги, жертвуемыя подрядчиками, или на остатки отъ кормовыхъ денегъ. Такимъ образомъ, и въ отношеніи довольствія арестантовъ инженернаго вѣдомства нѣтъ никакого различія между отданными туда за менѣе важныя преступленія и проступки и тяжкими преступниками, но что еще замѣчательнѣе, всѣ они довольствуются совершенно одинаково съ «нижними чинами, состоящими на дѣйствительной службѣ».

---

[1]) Добавочныя кормовыя деньги получали Динабургская, Кронштадтская, Рижская, Бобруйская и Динаминдская крѣпостныя арестантскія роты.

5) «Число свободныхъ отъ работы дней въ году для всѣхъ арестантовъ и каторжныхъ въ крѣпостяхъ допускается одинаковое, именно—13 дней, тогда какъ находящіеся въ каторжной работѣ въ рудникахъ, принадлежащей по закону къ числу самыхъ тяжкихъ уголовныхъ наказаній, имѣютъ въ теченіе года 18 свободныхъ отъ работы дней».

6) «Всегдашніе арестанты отличаются отъ срочныхъ особымъ знакомъ на одеждѣ и особымъ способомъ бритья головъ; каторжные же, находящіеся въ отрядѣ испытуемыхъ, ничѣмъ не отличаются отъ всегдашнихъ арестантовъ, и находящіеся въ отрядѣ исправляющихся — отъ срочныхъ арестантовъ».

7) «Конвойные по числу арестантовъ, высылаемыхъ на работы, назначаются не болѣе одного на десять арестантовъ, а при каждыхъ десяти конвойныхъ рядовыхъ—по одному унтеръ-офицеру. Между тѣмъ, опытъ показалъ, что такое число конвойныхъ весьма недостаточно».

8) «Обязанности командира, плацъ-маіора и прочихъ чиновъ по управленію арестантскими ротами не опредѣлены съ точностью, отчего со стороны начальства арестантскихъ ротъ нерѣдко возникали по сему предмету недоумѣнія и вопросы».

Вотъ тѣ существенные недостатки арестантскихъ ротъ, которые были отмѣчены ихъ современниками. Врядъ ли надо что-либо къ этому прибавить. Арестантскія роты инженернаго вѣдомства уже сыграли свою роль въ исторіи развитія военно-тюремныхъ учрежденій и должны были уступить мѣсто болѣе совершенной организаціи подобныхъ карательныхъ учрежденій.

ГЛАВА XI.

ССЫЛКА ДО 1845 ГОДА.

О изданіи въ 1845 году «Уложенія о наказаніяхъ» ссылка продолжала оставаться въ томъ видѣ, какъ она сложилась при Александрѣ I. Правительственная власть обращала главное вниманіе на вопросы о лучшемъ устройствѣ ссыльно-поселенцевъ и сосланныхъ на житье, указывала мѣста ихъ ссылки [1]), регламентировала ихъ юридическое положеніе и пр., не касаясь самой организаціи ссылки.

Отсюда рядъ указовъ: объ учрежденіи въ Верхнеудинскѣ ремесленнаго дома изъ ссыльныхъ, а въ Нерчинскѣ и Нижнеудинскѣ такихъ же отдѣленій [2]); объ обращеніи на поселеніе ссыльныхъ, которые опредѣлены были въ заведенную для опыта дорожную команду изъ ссыльно-поселенцевъ [3]); объ упорядоченіи переселенія въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ для водворенія помѣщичьихъ людей [4]); о времени обложенія ссыльныхъ податьми, о выдачѣ имъ при началѣ поселенія собственныхъ ихъ денегъ, и о правѣ ихъ пріобрѣтать недвижимую собственность [5]); о распредѣленіи и правахъ сосланныхъ на поселеніе бродягъ [6]); объ освобожденіи ссыльно-поселенцевъ въ теченіе 20 лѣтъ по

[1]) П. С. З., № 237, 1.375, 4.597, № 2.671 и др.
[2]) П. С. З., № 837.
[3]) П. С. З., № 576.
[4]) П. С. З. № 1.339.
[5]) П. С. З., № 327, 17.349.
[6]) П. С. З., № 1.892 и 1.893.

водвореніи отъ рекрутства [1]); о правилахъ для духовнаго назиданія ссыльныхъ [2]) и т. д.

На ряду съ тѣмъ производились разнаго рода опыты наиболѣе практическаго разрѣшенія вопроса о положеніи ссыльныхъ: такъ, въ Кавказской области бродягъ ссылали на линію въ работники къ казакамъ [3]); въ Восточной Сибири ихъ приселяли къ старожиламъ съ пособіемъ отъ казны [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ разъясненъ былъ и вопросъ о причисленіи возвращающихся изъ Сибири къ городскимъ и сельскимъ обществамъ [5]), и т. п.

Тѣмъ не менѣе, ссылка на поселеніе въ серединѣ XIX вѣка находилась въ безпорядочномъ состояніи. До 1859 года часть ссыльнопоселенцевъ размѣщалась при заводахъ, часть же (притомъ большая) направлялась непосредственно въ наиболѣе отдаленныя мѣста Сибири, гдѣ поселенцы и оставались безъ всякаго надзора и работъ. Въ 1859 г. послѣдовало закрытіе заводовъ, и ссылка на поселеніе оказалась еще менѣе устроенной.

Съ изданіемъ въ 1845 году «Уложенія о наказаніяхъ» ссылка получаетъ болѣе точную регламентацію.

ССЫЛКА ПО «УЛОЖЕНІЮ О НАКАЗАНІЯХЪ».

Ссылка по «Уложенію» имѣла слѣдующіе виды:

1) Ссылка въ каторжныя работы съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія; для людей же, неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, къ этой ссылкѣ присоединялось публичное наказаніе отъ тридцати до ста ударовъ плетьми чрезъ палачей, съ наложеніемъ клеймъ.

2) Ссылка на поселеніе въ Сибирь, сопровождавшаяся лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія; для людей же, неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, присоединялось еще публичное наказаніе отъ десяти до тридцати ударовъ плетьми чрезъ палачей, но безъ наложенія клеймъ. Вмѣсто наказанія плетьми военно-служащіе и вообще всѣ лица, судимыя военнымъ судомъ, приговаривались къ наказанію шпицрутенами. Ссылка на поселеніе въ Сибирь имѣла двѣ степени: 1) въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири и 2)—въ не столь отдаленныя.

3) Ссылка на поселеніе за Кавказъ, также съ лишеніемъ всѣхъ

---

[1]) П. С. З., № 4.677.
[2]) П. С. З., № 15.675.
[3]) П. С. З., № 2.671.
[4]) П. С. З., № 4.317.
[5]) П. С. З., № 16.195.

правъ состоянія; это наказаніе опредѣлялось, впрочемъ, лишь за нѣкоторые особые роды преступленій, при чемъ мѣсто ссылки назначалось по усмотрѣнію главнаго начальства Закавказскаго края.

4) Ссылка на житье въ отдаленнѣйшія или менѣе отдаленныя мѣста Сибири, съ временнымъ въ опредѣленномъ для жительства ссылаемаго мѣстѣ заключеніемъ, или безъ послѣдняго; впрочемъ, этотъ видъ ссылки существовалъ лишь для лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, и для неизъятыхъ замѣнялся розгами черезъ полицейскихъ служителей и арестантскими ротами.

5) Ссылка на житье въ другія, кромѣ сибирскихъ, болѣе или менѣе отдаленныя губерніи, съ временнымъ въ мѣстѣ ссылки заключеніемъ, или безъ такого заключенія; это наказаніе для людей, неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, замѣнялось заключеніемъ въ рабочемъ домѣ.

Оба вида ссылки на житье сопровождались лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ какъ лично, такъ и по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ.

Ссылка на житье въ Сибирь подраздѣлялась на 5 степеней:

1) Ссылка въ губерніи Иркутскую или Енисейскую, съ заключеніемъ на время отъ трехъ до четырехъ лѣтъ и съ воспрещеніемъ выѣзда въ другія сибирскія губерніи въ продолженіе отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ.

2) Ссылка на житье въ губерніи Иркутскую или Енисейскую, съ заключеніемъ отъ двухъ до трехъ лѣтъ и съ воспрещеніемъ выѣзда въ другія сибирскія губерніи въ продолженіе отъ восьми до десяти лѣтъ.

3) Ссылка на житье въ губерніи Томскую или Тобольскую, съ заключеніемъ на время отъ двухъ до трехъ лѣтъ.

4) Ссылка на житье въ губерніи Томскую или Тобольскую, съ заключеніемъ на время отъ одного до двухъ лѣтъ, и

5) Ссылка на житье въ Тобольскую или Томскую губерніи, безъ временнаго заключенія.

ОГРАНИЧЕНІЕ ВЪ ПРАВАХЪ ПРИ ССЫЛКѢ.

Ссылка же на житье въ отдаленныя губерніи Европейской Россіи имѣла 4 степени, различавшіяся срокомъ временнаго заключенія, наивысшій размѣръ котораго былъ установленъ въ два года.

Что касается системы лишенія гражданскихъ и политическихъ

правъ при ссылкѣ, то лишеніе всѣхъ правъ состоянія влекло для виновныхъ: дворянъ—потерю дворянства и всѣхъ соединенныхъ съ нимъ преимуществъ; для духовныхъ—изверженіе изъ духовнаго званія съ потерею преимуществъ, имъ предоставленныхъ; для почетныхъ гражданъ, купцовъ и людей прочихъ состояній—потерю добраго имени и правъ, присвоенныхъ каждому изъ состояній въ особенности; затѣмъ, лишеніе всѣхъ правъ состоянія сопровождалось всегда и лишеніемъ почетныхъ титуловъ, чиновъ, орденовъ и прочихъ знаковъ отличія и отобраніемъ принадлежащихъ лично осужденному грамотъ, дипломовъ, патентовъ и аттестатовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ наступало лишеніе правъ семейственныхъ: прекращеніе правъ супружескихъ, если другой супругъ не послѣдуетъ за осужденнымъ въ мѣсто ссылки; власти родительской надъ дѣтьми, прижитыми прежде осужденія, если дѣти осужденнаго не послѣдовали за нимъ въ мѣсто его ссылки или впослѣдствіи оставили это мѣсто, и прекращеніе всѣхъ прочихъ правъ, основанныхъ на связяхъ родства или свойства. Вслѣдствіе потери правъ собственности, все прежнее имущество осужденнаго, со дня постановленія и объявленія ему окончательнаго о томъ приговора, поступало къ его законнымъ наслѣдникамъ, точно такъ же, какъ поступило бы вслѣдствіе естественной его смерти. Къ нимъ также по праву представленія поступало и всякое имущество, которое могло бы достаться виновному по наслѣдству послѣ его осужденія.

Что касается пріобрѣтенія и передачи ссыльнымъ недвижимаго имущества въ мѣстахъ ссылки, то вопросъ этотъ получилъ законодательное разрѣшеніе въ 1843 году [1]), и по закону 1845 года [2]) ссыльно-поселенцамъ, до вступленія ихъ въ разрядъ государственныхъ крестьянъ, не дозволено было пріобрѣтать въ собственность никакаго недвижимаго имущества. Но «для поощренія ссыльно-поселенцевъ къ трудолюбію, бережливости и осѣдлой жизни и для обезпеченія пользъ неучаствовавшихъ въ преступленіи женъ и дѣтей ихъ», имъ дозволено было пріобрѣтать недвижимыя имѣнія, но лишь на имя экспедиціи о ссыльныхъ и съ тѣмъ, что до полученія гражданскихъ правъ они лишь пользуются этимъ имуществомъ, но не владѣютъ имъ на правѣ

[1]) П. С. З., т. XVIII, № 16.310.
[2]) П. С. З., т. XX, № 19.132.

собственности; наконецъ, въ 1847 году [1]) изданы были правила распоряженія имуществами, пріобрѣтенными ссыльными во время ихъ ссылки и оставшимися послѣ ихъ смерти.

Лишенные же всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ правъ и преимуществъ сохраняли свои права семейственныя и права на прежнюю собственность; но дворяне, какъ уже лишенные особенныхъ преимуществъ, этому состоянію предоставленныхъ, не могли продолжать владѣть своимъ дворянскимъ имуществомъ, которое отдавалось въ опекунское управленіе. Недвижимыя населенныя имѣнія, которыя послѣ произнесенія надъ виновными приговора могли бы дойти къ нимъ по наслѣдству, поступали въ опеку на томъ же основаніи. Лишенные всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ лишались какъ почетныхъ титуловъ, дворянства, чиновъ и всякихъ знаковъ отличія, такъ и права, даже по освобожденіи отъ временнаго заключенія:

1) вступать въ государственную или общественную службу;

2) записываться въ гильдіи или получать какого-либо рода свидѣтельства на торговлю;

3) быть свидѣтелемъ при какихъ-либо договорахъ и другихъ актахъ и давать по дѣламъ гражданскимъ свидѣтельскія показанія, подъ присягою и безъ присяги, кромѣ лишь случаевъ, когда судомъ будетъ признано необходимымъ потребовать ихъ показанія;

4) быть избираемымъ въ третейскіе судьи;

5) быть опекуномъ и попечителемъ;

6) быть повѣреннымъ по чьимъ-либо дѣламъ.

По освобожденіи изъ временнаго заключенія, они состояли подъ надзоромъ мѣстной полиціи; сосланные изъ нихъ на житье въ Сибирь или другія отдаленныя губерніи обязаны были, по освобожденіи изъ временнаго заключенія, избрать себѣ родъ жизни на мѣстѣ водворенія своего, записываясь съ дозволенія начальства въ мѣщанское или другое податное состояніе, только безъ права участвовать въ выборахъ и производить купеческую и, вообще, по соотвѣтствующимъ послѣдней свидѣтельствамъ торговлю. Они могли также пріобрѣтать земли для обрабатыванія на правахъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, но не удаляясь отъ назначеннаго имъ мѣста жительства.

[1]) П. С. З., т. XXII, № 21.208.

Въ маѣ 1846 года послѣдовало повелѣніе ссылать приговоренныхъ на житье въ отдаленныя, кромѣ сибирскихъ, губерніи, въ Архангельскую и Вологодскую губерніи, а для жителей этихъ послѣднихъ—въ отдаленные уѣзды Вятской губерніи, а именно—Глазовскій и Сарапульскій.

ССЫЛКА ВОЕННО-СЛУЖАЩИХЪ.

Въ такомъ видѣ представлялась ссылка къ концу царствованія императора Николая I по общему уголовному законодательству; такъ какъ въ отношеніи воинскихъ преступленій продолжалъ дѣйствовать военно-уголовный Уставъ 1839 года, то ссылка на поселеніе являлась наказаніемъ исключительно для офицеровъ и чиновниковъ; нижніе же чины въ тѣхъ же случаяхъ ссылались въ крѣпостныя арестантскія роты [1]), и только въ случаѣ полной негодности къ работѣ (напр., членовредителей) обращались на поселеніе [2]).

Этимъ предполагалось избѣжать несоразмѣрности въ наказаніи, такъ какъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка на поселеніе, разумѣется, были болѣе тяжелымъ наказаніемъ для офицеровъ, чѣмъ для нижнихъ чиновъ. Члены комиссіи 1853 года, созванной для пересмотра военно-уголовнаго законодательства, по этому поводу выказались въ томъ смыслѣ, что «порочные нижніе чины не страшатся лишенія всѣхъ правъ состоянія и ссылки на поселеніе и наиболѣе боятся тѣхъ наказаній, при которыхъ сроки работъ продолжительнѣе и надзоръ строже во время содержанія въ острогахъ» [3]).

Работа этой комиссіи, собранной по докладу военнаго министра князя Чернышева, продолжалась главнымъ образомъ въ царствованіе Императора Александра II. Отпечатанный въ 1858 г. и разосланный военнымъ начальникамъ на заключеніе проектъ воинскаго устава о наказаніяхъ, однако, не былъ одобренъ, а переданъ въ 1860 году для новаго исправленія особой комиссіи подъ предсѣдательстомъ Губе.

Составители воинскаго устава не согласились съ мнѣніемъ комиссіи 1853 года, находя, что «нельзя отрицать и въ нижнемъ чинѣ привязанности къ родинѣ и къ узамъ семейнымъ», а потому распространили правила о ссылкѣ и на нижнихъ чиновъ, и, та-

---

[1]) Ст. 230. Воен.-угол. уст., ч. 1.
[2]) П. С. З., т. XXVII, № 26.356.
[3]) Журн. Выс. учр. комис., стр. 119.

кимъ образомъ, ссылка на поселеніе обратилась также и въ воинское наказаніе.

«Уложеніе же о наказ.» устанавливало для лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, замѣну ссылки на поселеніе отдачей въ военную службу рядовыми безъ выслуги, но лишь въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случахъ.

Судебная практика, впрочемъ, опередила законодательство, и суды практиковали осужденіе къ ссылкѣ на поселеніе нижнихъ чиновъ, но лишь состоящихъ на срочной службѣ и имѣющихъ 50 и болѣе лѣтъ отъ роду, или неспособныхъ къ работамъ въ арестантскихъ ротахъ.

Что же касается ссылки на житье, то хотя военно-уголовный Уставъ 1839 года и указывалъ такую ссылку въ числѣ другихъ воинскихъ наказаній, но не давалъ никакихъ точныхъ правилъ, опредѣляющихъ ея сущность и способъ ея отбыванія. Поэтому на практикѣ суды этого наказанія избѣгали и почти не назначали военно-служащимъ ссылку на житье, а вмѣсто того присуждали другія наказанія.

ПРОЕКТЪ ПОЛОЖЕНІЯ О РАБОЧИХЪ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХЪ РОТАХЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

Неустройство нашей ссылки на поселеніе сильно озабочивало правительство, поэтому генералъ-губернаторомъ Западной Сибири Гасфортомъ предложенъ былъ ему на разсмотрѣніе въ 1854 году проектъ «Положенія» о сформированіи въ Западной Сибири изъ поселенцевъ особыхъ рабочихъ поселенческихъ ротъ; проектъ этотъ представленъ былъ при запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ и съ приложеніемъ мнѣнія главноуправляющаго 2-мъ отдѣленіемъ Соб. Е. И. В. канцеляріи графа Блудова на обсужденіе Сибирскаго Комитета, который 19 мая 1854 года и разсмотрѣлъ этотъ проектъ.

Сущность проекта заключалось въ томъ, чтобы изъ всѣхъ осуждаемыхъ на поселеніе сформировывать рабочія поселенческія роты, въ которыхъ поселенцы обязаны были содержаться въ продолженіе четырехъ лѣтъ, при чемъ въ этихъ ротахъ они постепенно и пріучались къ мирному поселенческому труду. По окончаніи этого срока, рабочихъ-поселенцевъ предположено было обращать въ разрядъ «безсрочныхъ поселенцевъ», а такъ какъ предположеніе о созданіи такого разряда не было утверждено, то рабочіе - поселенцы должны были изъ ротъ, по окончаніи срока, перечисляться къ деревнямъ старожиловъ, съ распространеніемъ на нихъ общихъ правилъ о

поселенцахъ, по которымъ имъ предоставлено было, послѣ десятилѣтняго пребыванія въ Сибири, перечисляться въ государственные крестьяне. Впрочемъ, если поселенецъ оставленъ былъ въ рабочей ротѣ за новую вину долѣе срока, до котораго положено было содержать въ ротѣ арестантовъ, то время, остающееся до десятилѣтняго назначеннаго для перехода въ сословіе государственныхъ крестьянъ срока, должно было считаться лишь со дня окончательнаго выбытія поселенца изъ роты.

Проектъ о рабочихъ поселенческихъ ротахъ, однако, не былъ утвержденъ, а въ видѣ опыта было предоставлено генералъ-губернатору Западной Сибири сформировать одну такую роту въ г. Омскѣ и то временно на три только года [1]).

Практическое испытаніе проекта не дало положительныхъ результатовъ, и мысль о рабочихъ поселенческихъ ротахъ была совершенно отклонена.

КАТОРЖНЫЯ РАБОТЫ.

Наконецъ, что касается каторжныхъ работъ, то до изданія «Уложенія о наказаніяхъ» онѣ продолжали оставаться въ томъ же состояніи «неустройства», какъ были и въ предшествующее царствованіе, съ тою лишь разницей, что созданный Уставомъ о ссыльныхъ порядокъ ссылки въ работы осложнился до-нельзя послѣдующими частичными измѣненіями и распоряженіями правительства.

Неустройство каторги отразилось и въ томъ отношеніи, что число побѣговъ съ каторжныхъ работъ стало замѣтно увеличиваться, что принудило правительство прибѣгнуть къ исключительнымъ мѣрамъ, въ родѣ приковыванія преступниковъ, учинившихъ побѣгъ съ каторжныхъ работъ, по поимкѣ ихъ, навсегда къ телѣжкѣ, если въ работахъ телѣжки употреблялись, а гдѣ работы производились безъ телѣжекъ, тамъ заковывать ихъ на 3 мѣсяца въ ножные кандалы, а за третій побѣгъ ссылать въ Нерчинскіе рудокопные заводы, гдѣ ихъ уже приковывали къ телѣжкамъ [2]); бѣжавшіе съ работъ изъ сибирскихъ винокуренныхъ заводовъ «со знаками казни», болѣе не возвращались на эти заводы по поимкѣ, а ссылались въ работы въ отдаленныя мѣста Сибири [3]); за побѣги ссыльно-каторжные подлежали

---

[1]) П. С. З., т. XXIX, № 28.256.
[2]) П. С. З., т. IV, № 3.356 (1829 г.), т. VI, № 4.314 (1831 г.).
[3]) П. С. З., т. V, № 3.893 (1830 г.).

наказанію плетьми, на основаніи прежнихъ законоположеній, съ опредѣленіемъ числа ударовъ «соотвѣтственно побѣгамъ и качествамъ преступниковъ» [1]).

Но никакая репрессія не могла удержать каторжанъ отъ побѣговъ. Необходимо было реорганизовать самую ссылку на каторжныя работы.

Въ особенности озабочено было устройствомъ каторжанъ своего вѣдомства военное министерство. Впредь до устройства ссылки въ каторжныя работы, военнымъ министерствомъ учреждены были въ видѣ опыта особыя, спеціально военно-каторжныя работы.

ОСОБЫЯ КАТОРЖНЫЯ ОТДѢЛЕНІЯ ДЛЯ НИЖНИХЪ ЧИНОВЪ.

15 декабря 1838 года [2]) былъ Высочайше утвержденъ докладъ генералъ-аудиторіата объ учрежденіи въ г. Омскѣ, при исправительной ротѣ Сибирскаго № 4 линейнаго баталіона, особаго отдѣленія изъ нижнихъ чиновъ, осужденныхъ за тяжкія преступленія, въ видахъ уклоненія отъ службы подлежащихъ по общему закону къ ссылкѣ въ каторжную работу.

Это отдѣленіе было помѣщено въ отдѣльной палатѣ; преступники употреблялись къ самымъ тяжкимъ работамъ, или для нихъ спеціально усиливали урочное положеніе; они никогда не освобождались отъ оковъ.

Хотя законъ не регламентировалъ болѣе подробно устройства этого каторжнаго отдѣленія для нижнихъ воинскихъ чиновъ, но самая мысль созданія такого рода учрежденія заслуживаетъ быть отмѣченной. При долгосрочности военной службы того времени, часть отбывшихъ каторжную работу преступниковъ возвращалась обратно въ войска. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы припомнимъ, что при Петрѣ I, по изслѣдованіямъ Розенгейма [3]), «осужденные въ каторгу или на галеры, по окончаніи сроковъ, возвращались въ войска, и при томъ не только нижніе чины, но и офицеры, тѣми же чинами, въ какихъ постигло ихъ осужденіе». Одинъ изъ позднѣйшихъ изслѣдователей воинскаго наказанія, Фалѣевъ [4]), идетъ въ этомъ отношеніи еще далѣе: «мы идемъ еще далѣе и положительно утверждаемъ, что армія являлась исключительнымъ пунктомъ, куда сте-

---

[1]) П. С. З.. т. VI, № 4.515.
[2]) П. С. З., т. XIII, № 11.865.
[3]) Очеркъ в.-суд. учрежденій въ Россіи. Спб., 1878 г.
[4]) Цѣли воинскаго наказанія. Спб. 1902 г., стр. 366.

кались всѣ, освобожденные отъ работъ, разумѣется, если, въ видахъ полицейскихъ, они не пересылались на поселеніе или житье въ Сибирь».

Очевидно, что военное начальство было заинтересовано въ томъ, чтобы не получать въ среду арміи людей окончательно испорченныхъ; между тѣмъ, каторга того времени оказывала самое растлѣвающее вліяніе на отбывавшихъ въ ней наказаніе; отсюда стремленіе по возможности изолировать отъ такого вреднаго вліянія преступниковъ изъ военно-служащихъ.

Устройствомъ же каторжнаго отдѣленія при войсковой части достигалась и другая не менѣе важная цѣль: каторжные, отбывая наказаніе, не отрывались отъ войска и продолжали свое воинское воспитаніе.

12 іюля 1840 года послѣдовало дополненіе и измѣненіе правилъ относительно ссылки на каторжныя работы [1]). Сроки каторжныхъ работъ были сокращены; усилены были наказанія за преступленія, учиненныя ссыльными, при чемъ за нѣкоторыя (разбой, грабежъ, зажигательство, убійство) преступленія установлены были жесточайшія наказанія: до 60 ударовъ кнута, поставленіе знаковъ и содержаніе въ острогѣ прикованнымъ къ стѣнѣ на срокъ до 10 лѣтъ, а потомъ закованнымъ навсегда въ желѣзо.

«Въ Тобольскѣ видѣлъ я прикованныхъ къ стѣнѣ,—разсказываетъ Достоевскій въ «Запискахъ изъ Мертваго дома».—Онъ сидитъ на цѣпи, этакъ въ сажень длиною; тутъ у него койка... Сидятъ по пяти лѣтъ, сидятъ и по десяти. Большею частью изъ разбойниковъ. Одного только между ними я видѣлъ какъ будто изъ господъ; гдѣ то онъ когда то служилъ. Говорилъ онъ смирнёхонько, пришепетывая; улыбочка сладенькая. Онъ показывалъ намъ свою цѣпь, показывалъ какъ надо ложиться удобнѣе на койку. То-то, должно быть, была своего рода птица! Всѣ они вообще смирно ведутъ себя и кажутся довольными, а между тѣмъ каждому чрезвычайно хочется поскорѣе высидѣть свой срокъ. Къ чему бы, кажется? А вотъ къ чему: выйдетъ онъ тогда изъ душной, промозглой комнаты съ низкими кирпичными сводами и пройдется по двору острога, и... и только. За острогъ ужъ

---

[1]) П. С. З., т. XV, № 13.657.

его не выпустятъ никогда. Онъ самъ знаетъ, что спущенные съ цѣпи навѣчно уже содержатся при острогѣ, до самой смерти своей, и въ кандалахъ. Онъ это знаетъ, и все-таки ему ужасно хочется поскорѣе кончить свой цѣпной срокъ. Вѣдь безъ этого желанія могъ ли бы онъ просидѣть пять или шесть лѣтъ на цѣпи, не умереть или не сойти съ ума? Сталъ ли бы еще иной то сидѣть?»

Но никакія наказанія не могли упорядочить каторги.

Съ сокращеніемъ же сроковъ каторжныхъ работъ увеличилась вѣроятность возвращенія еще большаго числа каторжниковъ въ войска. Вотъ почему ссылка въ каторжныя работы и на поселеніе начинаетъ въ отношеніи военно-служащихъ все чаще и чаще по конфирмаціямъ замѣняться ссылкою въ крѣпостныя арестантскія роты, которыя являлись воинскимъ исправительнымъ наказаніемъ не только для нижнихъ чиновъ, но и для офицеровъ [1]).

Съ изданіемъ же «Уложенія о наказаніяхъ» 15 августа 1845 года, а въ особенности «Дополнительныхъ постановленій о распредѣленіи и употребленіи осужденныхъ въ каторжныя работы» [2]), крѣпостная работа еще болѣе вытѣсняетъ ссылку военно-служащихъ въ каторжныя работы.

КАТОРЖНЫЯ РАБОТЫ ПО ПОСТАНОВЛЕНІЯМЪ 1845 ГОДА.

«Дополнительными постановленіями 1845 года» установлены были каторжныя работы трехъ родовъ:

1) работы въ рудникахъ,

2) работы въ крѣпостяхъ и

3) работы на заводахъ.

а) ВЪ РУДНИКАХЪ И ЗАВОДАХЪ.

Приговоренные къ работамъ въ рудникахъ составляли первый разрядъ каторжныхъ и, при распредѣленіи Тобольскимъ приказомъ о ссыльныхъ, назначались въ вѣдомство Нерчинскаго горнаго округа; они, въ свою очередь, подраздѣлялись на: а) безсрочныхъ, б) осужденныхъ на срокъ отъ 15 до 20 лѣтъ и в)—на срокъ отъ 15 до 12 лѣтъ.

Каторжные, приговоренные къ работамъ на заводы, попадали въ третій разрядъ и подраздѣлялись на осужденныхъ на сроки: а) отъ 6 до 8 лѣтъ и б) отъ 4 до 6 лѣтъ. Всѣ указанныя, отличавшіяся по срокамъ наказанія, отдѣленія каторжныхъ различались знаками на платьѣ.

---

[1]) См. также въ предыдущей главѣ—«Каторжные въ арестантскихъ ротахъ».

[2]) П. С. З., т. XX, № 19.284.

Съ поступленіемъ въ работы они причислялись къ отряду испытуемыхъ и содержались въ острогахъ: безсрочные — въ ручныхъ и ножныхъ оковахъ, прочіе—въ однихъ лишь ножныхъ; всѣ — съ раздѣленіемъ по полу [1]) и степени присужденнаго наказанія. Для всѣхъ установленъ принудительный трудъ, для каторжныхъ перваго разряда —наиболѣе тяжкій.

Время испытанія было установлено: каторжнымъ перваго разряда въ теченіе восьми, четырехъ и двухъ лѣтъ, въ зависимости отъ срока наказанія, а каторжнымъ третьяго разряда—полтора или одинъ годъ. Подавшіе въ теченіе этого времени надежду на исправленіе «доказательствами покорности начальству, воздержности, опрятности и трудолюбія», перечислялись въ отрядъ исправляющихся, гдѣ и содержались безъ оковъ, отдѣльно отъ испытуемыхъ, подъ болѣе слабымъ во время работъ надзоромъ, организуемымъ отчасти изъ самихъ же каторжныхъ (выборныхъ десятниковъ). Режимъ для исправляющихся былъ значительно облегченъ. По пробытіи отъ 1 до 3-хъ лѣтъ въ отрядѣ исправляющихся, каторжные пріобрѣтали право жить не въ острогахъ, а въ комнатахъ заводскихъ мастеровыхъ, или построить для себя домъ на землѣ, принадлежащей заводу, и вступать въ бракъ, при чемъ изъ заработанныхъ денегъ опредѣленная часть выдавалась имъ въ видѣ пособія; кромѣ того, сокращался и самый срокъ работы по расчету 10 мѣсяцевъ за годъ.

Потерявшіе трудоспособность каторжные размѣщались по тюрьмамъ Сибирскаго края, откуда, по истеченіи опредѣленнаго срока, переводились въ богадѣльни или другіе благотворительныя заведенія. Окончившіе срокъ наказанія каторжные переводились въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ. Осужденные безъ срока могли быть по особому о нихъ представленію освобождаемы, но не ранѣе истеченія 20 лѣтъ пребыванія въ работахъ.

б) въ крѣпостяхъ.

Что же касается осужденныхъ въ работу въ крѣпостяхъ, то они составляли второй разрядъ каторжныхъ и могли быть назначаемы какъ въ крѣпости сибирскія, такъ и внѣ Сибири, по указаніямъ военнаго начальства, въ распоряженіе котораго они и должны были быть

[1]) Съ 1832 года несовершеннолѣтніе преступники отъ 10—14 лѣтъ не подлежали ссылкѣ въ каторжныя работы, а отъ 14—17 лѣтъ отъ нея освобождались. П. С. З., т. VII, № 6.288.

препровождаемы. О порядкѣ содержанія и освобожденія каторжныхъ этого разряда мы уже подробно говорили въ главѣ о крѣпостной работѣ.

14 ноября 1846 года [1]) послѣдовало разъясненіе, касающееся спеціально военно-служащихъ, осуждаемыхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, а именно: 1) подсудимыхъ военнаго вѣдомства, которые, по роду учиненныхъ ими преступленій, осуждались окончательными рѣшеніями къ ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, назначать къ отправленію въ крѣпости, не исключая и сибирскихъ, тѣмъ же самымъ порядкомъ, какъ назначались подсудимые воинскіе чины въ крѣпостныя арестантскія роты инженернаго вѣдомства, съ тою лишь разницею, что тѣхъ преступниковъ, которые по мѣсту нахожденія ихъ подлежали назначенію въ какую-либо крѣпость въ Сибири, отсылать въ Тобольскій приказъ о ссыльныхъ, при чемъ воинскіе начальники, при отправленіи преступниковъ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ сибирскихъ или внѣ Сибири, обязательно отмѣчали о томъ во всѣхъ препроводительныхъ бумагахъ, для различія ихъ отъ арестантовъ, слѣдующихъ собственно въ арестантскія роты; 2) осужденныхъ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ воинскихъ чиновъ не подвергать предварительному медицинскому осмотру для опредѣленія ихъ годности къ работамъ, а отсылать по назначенію всѣхъ безъ изъятія.

Правило это издано потому, что съ введеніемъ въ дѣйствіе «Уложенія о наказ.» было повелѣно подвергать освидѣтельствованію всѣхъ преступниковъ, присуждаемыхъ въ крѣпостныя арестантскія роты, для опредѣленія степени ихъ годности къ этимъ работамъ [2]).

Такимъ образомъ, крѣпостныя арестантскія роты, въ половинѣ XIX вѣка, становятся мѣстомъ заключенія, въ которомъ сосредоточиваются преступники изъ военно-служащихъ, осужденные въ каторжную работу, а потому онѣ и могутъ быть названы спеціально военнымъ тюремнымъ учрежденіемъ, тѣмъ болѣе, что 10 ноября 1854 г. и 9 декабря 1854 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы арестантовъ гражданскаго вѣдомства въ крѣпости болѣе не посылать [3]).

---

[1]) П. С. З., т. XXI, № 20.606.
[2]) П. С. З., т. XXI, № 19.640, примѣчаніе къ стр. 1.258.
[3]) П. С. З., т. XXIX, № 28.813.

КАТОРГА ВЪ РУДНИКАХЪ И НА ЗАВОДАХЪ ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ ВОЕННО-СЛУЖАЩИМЪ.

Процентъ преступниковъ изъ воинскихъ чиновъ, осуждаемыхъ на каторгу въ рудники или на заводы, былъ сравнительно не великъ, такъ какъ этого рода каторга въ то время считалась мало соотвѣтствующей требованіямъ военной дисциплины. Затѣмъ 7 мая 1846 г. [1]) послѣдовало Высочайшее повелѣніе: «впредь до пересмотра военно-уголовнаго Устава и примѣненія къ оному, поколику совмѣстно съ военною дисциплиною, новаго «Уложенія о наказ.», допустить слѣдующія къ военно-уголовному Уставу дополненія: 1) при опредѣленіи за преступленія подсудимымъ военнаго вѣдомства ссылки въ каторжную работу по военно-уголовному Уставу, съ 1 мая 1846 г., «родъ и продолженіе» каторжныхъ работъ назначать на основаніи «Уложенія», подвергая осужденныхъ въ каторжную работу нижнихъ чиновъ не изъ дворянъ и не пользующихся особыми правами наказанію шпицрутенами, на основаніи ст. 69 военно-уголовнаго Устава; 2) казаковъ, неизъятыхъ по состоянію отъ тѣлеснаго наказанія и неподвергающихся за важныя преступленія, въ войсковыхъ предѣлахъ и въ домахъ своихъ, по силѣ ст. 74 воен.-угол. Устава, наказанію кнутомъ,—съ замѣною послѣдняго наказанія, по «Уложенію» 1845 г., наказаніемъ плетьми черезъ палачей,—подвергать съ 1 мая 1846 г. наказанію плетьми черезъ палачей на томъ же основаніи, какъ лицъ гражданскаго вѣдомства; 3) преступникамъ престарѣлымъ, достигшимъ семидесяти лѣтъ, ссылку въ каторжную работу замѣнить ссылкою въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири; 4) наказаніе за давностью опредѣлять по «Уложенію» и 5) во всѣхъ прочихъ случаяхъ руководствоваться военно-уголовнымъ Уставомъ.

Замѣтимъ кстати, что по свидѣтельству С. Максимова, извѣстнаго изслѣдователя Сибири и каторги, «сибирскія арестантскія роты, и между ними Омская крѣпостная, являются въ несравненно болѣе суровой и болѣе грозной формѣ, чѣмъ, напримѣръ, всѣ рудники, промыслы и заводы Нерчинскаго горнаго округа. Между тѣмъ, работы на рудникахъ и промыслахъ нерчинскихъ, управляемыхъ горными офицерами, назначались для каторжныхъ 1-го разряда, а сибирскія арестантскія рабочія роты, дозираемыя военными офицерами, счи-

---

[1]) П. С. З., т. XXI, № 20.011.

таются во 2-мъ разрядѣ наравнѣ съ заводами, надзоръ за которыми ввѣряется гражданскимъ чиновникамъ» [1]).

ПОРЯДОКЪ ИСПОЛНЕНІЯ ПРИГОВОРА О ССЫЛКѢ НА ПОСЕЛЕНІЕ И КАТОРГУ.

Самый порядокъ исполненія приговора о наказаніи осужденныхъ въ каторжныя работы или въ ссылку на поселеніе (въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири или только въ Сибирь) былъ установленъ дополнительными (согласительными) правилами 21 января 1846 года [2]) и заключался въ слѣдующемъ: «Виновный, какъ присужденный къ гражданской смерти, коею расторгаются всѣ прежнія связи его съ обществомъ и семействомъ, послѣ прочтенія ему окончательнаго рѣшенія суда и снятія съ него всѣхъ знаковъ отличія, если онъ имѣлъ ихъ, приводится въ самомъ мѣстѣ содержанія его къ исповѣди, или же, буде онъ принадлежитъ къ одному изъ протестантскихъ вѣроисповѣданій, то священнослужитель старается, по правиламъ сего исповѣданія, возбудить и приготовить его къ покаянію и молитвѣ объ очищеніи души его, омраченной преступленіемъ. За симъ бывшій въ семъ случаѣ духовнымъ наставникомъ осужденнаго священникъ, если признаетъ сіе возможнымъ по уставамъ Церкви своей, допускаетъ его и къ Святому Причащенію и, сдѣлавъ ему приличное по обстоятельствамъ увѣщаніе, напомянувъ о свойствѣ, о ужасѣ вины его и о силѣ раскаянія искренняго, коимъ обезоруживается правосудіе Божіе и привлекается милосердіе Вышняго на самого извергаемаго людьми изъ среды своей преступника, онъ сопровождаетъ его на лобное мѣсто, гдѣ должна совершиться казнь. Если осужденный изобличенъ въ убійствѣ отца или матери, то онъ отправляется съ чернымъ покрываломъ на лицѣ и съ надписью на груди: убійца отца или убійца матери. Въ случаѣ преступленій менѣе тяжкихъ, на немъ оставляется обыкновенное платье арестантовъ, но также съ надписью на груди о родѣ вины его. Онъ препровождается до мѣста казни на возвышенныхъ черныхъ дрогахъ, окруженный со всѣхъ сторонъ воинскою стражею съ обнаженными шпагами. Тамъ, въ присутствіи всѣхъ, прочитывается указъ объ исполненіи надъ нимъ приговора суда, и, буде онъ принадлежитъ къ дворянскому состоянію, то надъ нимъ переламывается шпага, потомъ онъ выставляется на устроенномъ для сего нарочно эшафотѣ къ позорному, черною краскою окрашенному,

[1]) С. Максимовъ—«Сибирь и каторга», т. 1, стр. 3.
[2]) П. С. З., т. XXI, № 19.640, стр. 1.385.

столбу, и тогда, по сдѣланіи ему вновь увѣщанія, приготовивъ его къ открывающейся передъ нимъ здѣсь или въ иномъ мірѣ жизни, не имѣющей уже ничего общаго съ прежнею, сопровождавшій его дотолѣ священнослужитель оставляетъ его. По прошествіи десяти затѣмъ минутъ, осужденный, если онъ по закону не изъятъ отъ наказаній тѣлесныхъ, подвергается наказанію плетьми черезъ палачей и, когда слѣдуетъ, наложенію клеймъ. Послѣ исполненія приговора, виновный отправляется въ мѣсто заключенія въ обыкновенной для препровожденія арестантовъ повозкѣ».

Каторжникамъ черезъ палача ставились буквы: *К*—на лбу, *А*—на на правой и *Т*—на лѣвой щекахъ [1]). Изъятія, установленныя въ отношеніе военно-служащихъ, были уже нами указаны.

Этотъ ритуалъ представляетъ странное смѣшеніе цѣлей устрашенія наказаніемъ, съ одной стороны, и нравственнаго исправительнаго воздѣйствія—съ другой, но безъ сомнѣнія главнымъ образомъ онъ разсчитанъ былъ на устрашеніе не такъ самого преступника, какъ общества, въ цѣляхъ предупрежденія преступленій.

БЫТЪ ВОЕННО-КАТОРЖНЫХЪ.

Обращаясь къ бытовой сторонѣ каторги, оговоримся, что насъ болѣе всего интересуетъ бытъ крѣпостныхъ каторжниковъ, комплектовавшихся, какъ уже было указано, преимущественно изъ военно-служащихъ.

Сибирскимъ крѣпостнымъ арестантскимъ ротамъ, а въ частности Омской, особенно въ этомъ отношеніи посчастливилось, такъ какъ онѣ нашли такого талантливаго бытописателя, какъ авторъ «Записокъ изъ Мертваго дома».

Какъ извѣстно, Достоевскій, вмѣстѣ съ прочими Петрашевцами, былъ арестованъ 23 апрѣля 1849 года и, вмѣстѣ съ остальными арестованными, въ числѣ 34 человѣкъ, былъ приговоренъ къ смертной казни черезъ растрѣляніе, но на эшафотѣ былъ помилованъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, замѣнившимъ ему смертную казнь 4 годами каторги, съ зачисленіемъ затѣмъ въ рядовые. Какъ военно-служащій, Достоевскій попалъ въ крѣпостную работу въ Омскъ, гдѣ

---

[1]) Т. е., «КАТ(оржникъ)». Штемпеля безъ пружинъ для клейменія арестантовъ установлены были 8 апрѣля 1846 г. (№ 19.925); для неизгладимости знаки клейма натирались особымъ составомъ изъ индиго и туши.

и пробылъ въ арестантской ротѣ до 2-го марта 1854 года, когда былъ выпущенъ рядовымъ въ Сибирскій линейный № 7 батальонъ, квартировавшій въ Семипалатинскѣ, гдѣ и прослужилъ до 1859 года включительно.

Арестантская рота инженернаго вѣдомства сформирована была въ Омскѣ въ 1851 году [1]).

«Каторгу уничтожили—разсказываетъ Достоевскій въ «Запискахъ изъ Мертваго дома»—и вмѣсто нея основали арестантскую роту военнаго вѣдомства, на основаніи россійскихъ арестантскихъ ротъ. Это значило, что уже ссыльныхъ каторжныхъ второго разряда въ нашъ острогъ больше не приводили. Началъ же онъ заселяться съ сей поры единственно только арестантами военнаго вѣдомства [2]), стало быть людьми, не лишенными правъ состоянія, тѣми же солдатами, какъ и всѣ солдаты, только наказанными, приходившими на короткіе сроки (до шести лѣтъ наибольше) и по выходѣ изъ острога поступавшими опять въ свои батальоны рядовыми, какими были они прежде. Впрочемъ, возвращавшіеся въ острогъ по вторичнымъ преступленіямъ наказывались, какъ и прежде, двадцатилѣтнимъ срокомъ. У насъ, впрочемъ, и до этой перемѣны было отдѣленіе арестантовъ военнаго разряда, но они жили съ нами потому, что имъ не было другого мѣста. Теперь же весь острогъ сталъ этимъ военнымъ разрядомъ. Само собою разумѣется, что прежніе каторжные, настоящіе гражданскіе каторжные, лишенные всѣхъ своихъ правъ, клейменые и бритые вдоль головы, остались при острогѣ до окончанія ихъ полныхъ сроковъ; новыхъ не приходило, а оставшіеся помаленьку отживали сроки и уходили, такъ что лѣтъ черезъ десять въ нашемъ острогѣ не могло остаться ни одного каторжнаго. Особое отдѣленіе тоже осталось при острогѣ и въ него все еще отъ времени до времени присылались тяжкіе преступники военнаго вѣдомства, впредь до открытія въ Сибири самыхъ тяжелыхъ каторжныхъ работъ.

Такимъ образомъ, для насъ жизнь продолжалась, въ сущности, попрежнему: то же содержаніе, та же работа и почти тѣ же порядки, только начальство измѣнилось и усложнилось. Назначенъ былъ штабъ-офицеръ, командиръ роты и, сверхъ того, четыре оберъ-офицера, дежурившихъ поочередно по острогу. Уничтожены были тоже инвалиды; вмѣсто нихъ учреждены двѣнадцать унтеръ-офицеровъ и каптенармусъ. Завелись раздѣлы по десяткамъ, завелись ефрейтора изъ самихъ арестантовъ, номинально, разумѣется... Все это новое учрежденіе и весь острогъ со всѣми его чинами и арестантами попрежнему остались въ вѣдомствѣ коменданта, какъ высшаго начальника. Вотъ и все, что произошло. Разумѣется, арестанты сначала очень волновались, толковали, угадывали и раскусывали новыхъ начальниковъ;

---

[1]) П. С. З. т. № 25.248.

[2]) Собственно, распоряженіе о неотсылкѣ въ крѣпости арестантовъ гражданскаго вѣдомства послѣдовало въ 1854 году. П. С. З., т. XXIX, № 28.294а.

но когда увидѣли, что въ сущности все осталось попрежнему, тот часъ же успокоились, и жизнь наша пошла по-старому. Но главное то, что всѣ были избавлены отъ прежняго маіора (острогъ раньше былъ подчиненъ плацъ-маіору); всѣ какъ бы отдохнули и ободрились. Исчезъ запуганный видъ; всякій зналъ теперь, что въ случаѣ нужды могъ объясниться съ начальникомъ, что праваго развѣ по ошибкѣ накажутъ, вмѣсто виноватаго. Даже вино продолжало продаваться у насъ точно такъ же и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прежде, несмотря на то, что вмѣсто прежнихъ инвалидовъ настали унтеръ-офицеры. Эти унтеръ-офицеры оказались большею частью людьми порядочными и смышленными, понимающими свое положеніе. Иные изъ нихъ, впрочемъ, выказывали вначалѣ поползновеніе куражиться и, конечно, по неопытности, думали обращаться съ арестантами, какъ съ солдатами. Но скоро и эти поняли въ чемъ дѣло. Другимъ же, слишкомъ долго не понимавшимъ, доказали ужъ сущность дѣла сами арестанты. Бывали довольно рѣзкія столкновенія: напримѣръ, соблазнятъ, напоятъ унтеръ-офицера, да послѣ того и доложатъ ему, по-свойски разумѣется, что онъ пилъ вмѣстѣ съ ними, а слѣдственно... Кончилось тѣмъ, что унтеръ-офицеры равнодушно смотрѣли или, лучше, старались не смотрѣть, какъ проносятъ пузыри и продаютъ водку. Мало того: какъ и прежніе инвалиды, они ходили на базаръ и приносили арестантамъ калачи, говядину и все прочее, то-есть такое, за что могли взяться безъ большого зазору. Для чего это все такъ перемѣнилось, для чего завели арестантскую роту, этого ужъ я не знаю».

Обратимся же къ описанію этого «Мертваго дома» по Достоевскому:

«Острогъ нашъ,—разсказываетъ Достоевскій,—стоялъ на краю крѣпости, у самаго крѣпостного вала. Представьте себѣ большой дворъ, шаговъ въ двѣсти длины и шаговъ въ полтораста ширины, весь обнесенный кругомъ, въ видѣ неправильнаго шестиугольника, высокимъ тыномъ, то-есть заборомъ изъ высокихъ столбовъ (паль), врытыхъ стойкомъ глубоко въ землю, крѣпко прислоненныхъ другъ къ другу ребрами, скрѣпленныхъ поперечными планками и сверху заостренныхъ,—вотъ наружная ограда острога. Въ одной изъ сторонъ ограды вдѣланы крѣпкія ворота, всегда запертыя, всегда день и ночь охраняемыя часовыми; ихъ отпирали по требованію, для выпуска на работу. За этими воротами былъ свѣтлый, вольный міръ, жили люди какъ и всѣ. Но по сю сторону ограды о томъ мірѣ представляли себѣ, какъ о какой то несбыточной сказкѣ. Тутъ былъ свой особый міръ, ни на что болѣе не похожій; тутъ были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи, и заживо мертвый домъ, жизнь—какъ нигдѣ, и люди особенные».

«Какъ входите въ ограду, видите внутри ея нѣсколько зданій. По обѣимъ сторонамъ широкаго внутренняго двора тянутся два длинныхъ одноэтажныхъ сруба. Это казармы. Здѣсь живутъ арестанты, размѣщенные по разрядамъ. Потомъ, въ глубинѣ ограды, еще такой

же срубъ: это кухня, раздѣленная на двѣ артели; далѣе еще строеніе, гдѣ подъ одной крышей помѣщаются погреба, амбары, сараи. Середина двора пустая и составляетъ ровную, довольно большую площадку. Здѣсь строятся арестанты, происходитъ провѣрка и перекличка утромъ, въ полдень и вечеромъ, иногда же и еще по нѣсколько разъ въ день,—судя по мнительности караульныхъ и ихъ умѣнью скоро считать. Кругомъ между строеніями и заборомъ, остается еще довольно большое пространство. Здѣсь, по задамъ строеній, иные изъ заключеныхъ, понелюдимѣе и помрачнѣе характеромъ, любятъ ходить въ нерабочее время, закрытые отъ всѣхъ глазъ, и думать свою думушку».

«Когда смеркалось, насъ всѣхъ вводили въ казармы, гдѣ и запирали на всю ночь. Мнѣ всегда было тяжело возвращаться со двора въ нашу казарму. Это была длинная, низкая и душная комната, тускло освѣщенная сальными свѣчами, съ тяжелымъ, удушающимъ запахомъ. Не понимаю теперь, какъ я выжилъ въ ней десять лѣтъ. На нарахъ у меня было три доски; это было все мое мѣсто. На этихъ же нарахъ размѣщалось въ одной нашей комнатѣ человѣкъ тридцать народу. Зимой запирали рано; часа четыре надо было ждать, пока всѣ засыпали. А до того — шумъ, гамъ, хохотъ, ругательства, звукъ цѣпей, чадъ и копоть, бритыя головы, клейменыя лица, лоскутныя платья, все обруганное, ошельмованное... да, живучъ человѣкъ»!..

«Помѣщалось насъ въ острогѣ всего человѣкъ двѣсти пятьдесятъ,— цифра почти постоянная. Одни приходили, другіе кончали сроки и уходили, третьи умирали. И какого народу тутъ не было? Я думаю, каждая губернія, каждая полоса Россіи имѣла тутъ своихъ представителей. Были и инородцы, было нѣсколько ссыльныхъ даже изъ кавказскихъ горцевъ. Все это раздѣлялось по степени преступленій, а слѣдовательно по числу лѣтъ, опредѣленныхъ за преступленіе. Надо полагать, что не было такого преступленія, которое бы не имѣло здѣсь своего представителя. Главное основаніе всего острожнаго населенія составляли ссыльно-каторжные разряда гражданскаго (сильно-каторжные, какъ наивно произносили сами арестанты). Это были преступники, совершенно лишенные всякихъ правъ состоянія, отрѣзанные ломти отъ общества, съ проклейменнымъ лицомъ для вѣчнаго свидѣтельства объ ихъ отверженіи. Они присылались въ работу на сроки отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ и потомъ разсылались куда-нибудь по сибирскимъ волостямъ въ поселенцы. Были преступники и военнаго разряда (описаніе относится ко времени, предшествовавшему преобразованію въ военно-арестантскую роту), не лишенные правъ состоянія, какъ вообще въ русскихъ военныхъ арестантскихъ ротахъ. Присылались они на короткіе сроки, по окончаніи же ихъ поворачивались туда же, откуда пришли—въ солдаты, въ сибирскіе линейные баталіоны. Многіе изъ нихъ почти тотчасъ же возвращались обратно въ острогъ за вторичныя важныя преступленія, но уже не на короткіе сроки, а на двадцать лѣтъ. Этотъ разрядъ назывался «всегдашнимъ». Но «всегдашніе» все еще не совершенно лишались своихъ правъ состоянія. Нако-

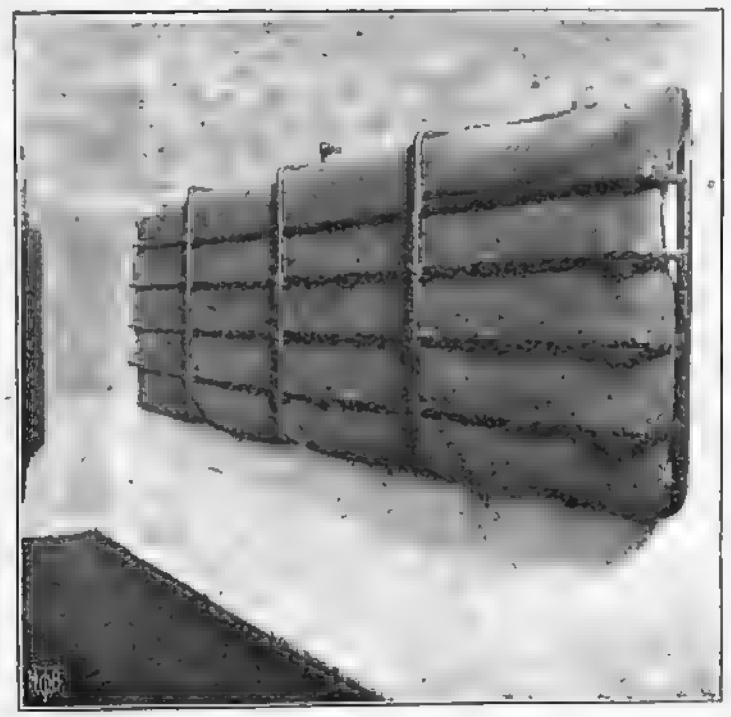
РИЖСКАЯ ВОЕННАЯ ТЮРЬМА.

Входъ въ канцелярію.

Коридоръ.

Занятія заключеннаго (выдѣлка гильзъ).

Неудобство низкихъ внѣшнихъ оконъ (сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ).



Кровать (днемъ).

нецъ, былъ еще одинъ особый разрядъ самыхъ страшныхъ преступниковъ, преимущественно военныхъ, довольно многочисленный. Назывался онъ «особымъ отдѣленіемъ». Со всей Руси присылались сюда преступники. Они сами считали себя вѣчными и срока работъ своихъ не знали. По закону имъ должно было удвоять и утроять рабочіе уроки. Содержались они при острогѣ впредь до открытія въ Сибири самыхъ тяжкихъ каторжныхъ работъ. «Вамъ на срокъ, а намъ вдоль по каторгѣ»,—говорили они другимъ заключеннымъ»...

«Были здѣсь (т.-е. въ острогѣ) убійцы—невзначай и убійцы—по ремеслу, разбойники и атаманы разбойниковъ. Были просто мазурики и бродяги—промышленники по находнымъ деньгамъ. Были и такіе, про которыхъ трудно было рѣшить: за что бы, кажется, они могли прійти сюда?... Вообще жизнь свою рѣдко кто разсказывалъ, да и любопытство было не въ модѣ, какъ-то не въ обычаѣ, не принято... Замѣчу кстати, что этотъ народъ былъ дѣйствительно грамотный. Навѣрное болѣе половины изъ нихъ умѣли читать и писать».

«Различались всѣ разряды по платью: у однихъ половина куртки была темно-бурая, а другая сѣрая, равно и на панталонахъ одна нога сѣрая, а другая темно-бурая... Были и такіе, у которыхъ вся куртка была одного сѣраго сукна; но только рукава были темнобурые. Голова тоже брилась по разному: у однихъ половина головы была выбрита вдоль черепа, у другихъ поперекъ»...

«Съ перваго взгляда можно было замѣтить нѣкоторую рѣзкую общность во всемъ этомъ странномъ семействѣ; даже самыя рѣзкія, самыя оригинальныя личности, царившія надъ другими невольно, и тѣ старались попасть въ общій тонъ всего острога. Вообще же скажу, что весь этотъ народъ, за нѣкоторыми немногими исключеніями неистощимо-веселыхъ людей, пользовавшихся за это всеобщимъ презрѣніемъ, былъ народъ угрюмый, завистливый, страшно тщеславный, хвастливый, обидчивый и въ высшей степени формалистъ»...

«Большинство было развращено и страшно исподлилось. Сплетни и пересуды были безпрерывные: это былъ адъ, тьма кромѣшная. Но противъ внутреннихъ уставовъ и принятыхъ обычаевъ острога никто не смѣлъ возставать: всѣ подчинялись»... «Весь этотъ народъ работалъ изъ-подъ палки, слѣдственно онъ былъ праздный, слѣдственно развращался. Всѣ они собрались сюда не своей волей; всѣ они были другъ другу чужіе».

«Казенная каторжная крѣпостная работа была не занятіемъ, а обязанностью: арестантъ отрабатывалъ свой урокъ или отбывалъ законные часы работы и шелъ въ острогъ. На работу смотрѣли съ ненавистью. Безъ своего особаго, собственнаго занятія, которому бы онъ преданъ былъ всѣмъ умомъ, всѣмъ расчетомъ своимъ, человѣкъ въ острогѣ не могъ бы жить... Многіе изъ арестантовъ приходили въ острогъ ничего не зная, но учились у другихъ и потомъ выходили на волю хорошими мастеровыми»...

«Вообще, всѣ воровали другъ у друга ужасно. Почти у каждаго былъ свой сундукъ, съ замкомъ, для храненія казенныхъ вещей. Это позволялось; но сундуки не спасали».

Указываетъ Достоевскій и на процвѣтаніе пьянства, шпіонства и др. мрачныя стороны острожной жизни, но все это типичныя черты каждой тюрьмы, а не исключительная особенность военно-арестантскихъ ротъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что такой тонкій наблюдатель, какъ Достоевскій, не указываетъ въ «Запискахъ изъ Мертваго дома» характерныхъ чертъ той самоуправляющейся тюремной общины, на которой подробно останавливаются другіе изслѣдователи тюремнаго быта. Отсюда невольно напрашивается выводъ, что въ мѣстахъ заключенія военнаго вѣдомства, въ которыхъ продолжаетъ поддерживаться дисциплина и субординація, въ которыхъ особенно сильна администрація, отсутствуетъ та общинность, которая такъ сильно развивается въ гражданскихъ тюрьмахъ, гдѣ арестанты за стѣнами тюрьмы болѣе предоставлены самимъ себѣ.

«Когда заперли нашу казарму, — разсказываетъ Достоевскій, — она вдругъ приняла какой-то особенный видъ,—видъ настоящаго жилища, домашняго очага. Только теперь я могъ видѣть арестантовъ, моихъ товарищей, вполнѣ какъ дома. Днемъ унтеръ-офицеры, караульные и вообще начальство могутъ во всякую минуту прибыть въ острогъ, а потому всѣ обитатели острога какъ-то и держатъ себя иначе, какъ будто не вполнѣ успокоившись, какъ будто въ какой-то тревогѣ. Но только что заперли казарму, всѣ тотчасъ же спокойно размѣстились каждый на своемъ мѣстѣ, и почти каждый принялся за какое-нибудь рукодѣлье. Казарма вдругъ освѣтилась. Каждый держалъ свою свѣчку и свой подсвѣчникъ, большею частью деревянный. Кто засѣлъ тачать сапоги, кто шить какую-нибудь одежду... Кучка гулякъ засѣла въ уголку на корточкахъ, передъ разостланнымъ ковромъ, за карты. Почти въ каждой казармѣ былъ такой арестантъ, который держалъ у себя аршинный худенькій коврикъ, свѣчку и до невѣроятности засаленныя, жирныя карты. Все это вмѣстѣ называлось «майданъ».

Вотъ мирная картина арестантской жизни, когда въ казармѣ нѣтъ начальства. Хотя «всѣ неарестанты, кто бы они ни были, начиная съ непосредственно имѣющихъ связь съ арестантами, конвойныхъ, караульныхъ солдатъ, до всѣхъ вообще, имѣвшихъ хоть какое-нибудь дѣло съ каторжнымъ бытомъ,—какъ-то преувеличенно смотрятъ на арестантовъ», точно боятся ихъ, да и сами арестанты «сознавали, что ихъ боятся, и это видимо придавало имъ что-то въ родѣ куражу», но на самомъ дѣлѣ, по наблюденіямъ Достоевскаго, «каждый каторжный, какъ бы онъ смѣлъ и дерзокъ ни былъ, боится всего въ каторгѣ»... «Самый лучшій начальникъ для арестантовъ бываетъ именно тотъ, который ихъ не боится».

ТИПЪ АДМИНИСТРАТОРОВЪ.

Говоря о начальникахъ, Достоевскій особенно выдѣляетъ командировъ, вышедшихъ изъ нижнихъ чиновъ. «Офицерскій чинъ какъ будто переворачиваетъ всю ихъ внутренность, а вмѣстѣ и голову. Долго кряхтя подъ лямкой и перейдя всѣ степени подчиненности, они вдругъ видятъ себя офицерами, командирами, благородными, и съ не-

привычки и перваго упоенія преувеличиваютъ понятіе о своемъ могуществѣ и значеніи; разумѣется, только относительно подчиненныхъ имъ нижнихъ чиновъ»... Такіе начальники для арестантовъ вовсе не желательны. «Эта нахальность самовозвеличенія, это преувеличенное мнѣніе о своей безнаказанности, рождаетъ ненависть въ самомъ покорномъ человѣкѣ и выводитъ его изъ послѣдняго терпѣнія»... «Арестантъ самъ знаетъ, что онъ арестантъ, отверженецъ, и знаетъ свое мѣсто передъ начальникомъ; но никакими клеймами, никакими кандалами не заставитъ забыть его, что онъ человѣкъ»... «Нѣсколько ласковыхъ словъ, и арестанты чуть не воскресали нравственно. Они какъ дѣти радовались и какъ дѣти начинали любить. Замѣчу еще одну странность: сами арестанты не любятъ слишкомъ фамильярнаго и слишкомъ ужъ добродушнаго съ собой обхожденія начальниковъ. Ему хочется уважать начальника, а тутъ онъ какъ-то перестаетъ его уважать. Арестанту любо, напримѣръ, чтобы у начальника его были ордена, чтобъ онъ былъ видный собою, въ милости у какого-нибудь высокаго начальника, чтобъ былъ и строгъ, и важенъ, и справедливъ, и достоинство бы свое соблюдалъ»...

Достоевскій рисуетъ безсмертную галлерею типовъ лицъ, начальствующихъ надъ арестантами въ крѣпостной работѣ, начиная съ плацъ-маіора, завѣдывавшаго арестантской ротой. Тутъ и поручикъ Жеребятниковъ, который въ тѣлесномъ наказаніи «былъ чѣмъ-то въ родѣ утонченнѣйшаго гастронома»; «онъ наслаждался имъ и, какъ истаскавшійся въ наслажденіяхъ, полинявшій патрицій временъ Римской имперіи, изобрѣталъ себѣ разныя утонченности, разныя противоестественности, чтобъ сколько-нибудь распевелить и пріятно пощекотать свою заплывшую жиромъ душу»; тутъ и поручикъ Смекаловъ, добродушно заставлявшій арестанта, во время наказанія розгами, читать молитву, и когда наказуемый произносилъ: «на небеси», то «воспламененный поручикъ, мигомъ, съ вдохновеннымъ жестомъ обращаясь къ человѣку, поднявшему розгу, кричитъ: «А ты ему поднеси!» И заливается хохотомъ».

Бывали, впрочемъ, исключенія: бывали болѣе или менѣе свѣтлыя личности, но онѣ только на мигъ, какъ метеоръ, блеснутъ въ мрачной каторгѣ и, не успѣвъ согрѣть, исчезаютъ, и только безнадежнѣй и холоднѣй послѣ нихъ сгущается этотъ вѣчный каторжный мракъ.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ ПО ВОПРОСУ ОБЪ УПОРЯДОЧЕНІИ КАТОРГИ.

Въ такомъ видѣ каторжныя работы для военно-служащихъ оставаться не могли; настоятельность реформы была очевидна; и въ особенности ярко представилась эта необходимость послѣ изданія въ 1845 году «Уложенія», когда въ военномъ вѣдомствѣ былъ возбужденъ вопросъ о согласованіи общихъ и военныхъ уголовныхъ законовъ. Мы уже указали, что правительственная власть тогда же заявила о необходимости переработки всего военно-уголовнаго законодательства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правилъ объ отдачѣ военно-служащихъ въ каторжныя работы. Собранная, вслѣдствіе доклада тогдашняго военнаго министра, князя Чернышева, для рѣшенія этого вопроса въ 1853 г. комиссія, къ сожалѣнію, не пришла къ какому-либо практическому результату, но, тѣмъ не менѣе, она собрала достаточный матеріалъ и высказала свои вполнѣ опредѣленныя воззрѣнія на интересующій насъ вопросъ [1]).

Основнымъ принципомъ принято было, что военно-служащіе должны нести, по сравненію съ гражданскими лицами, болѣе строгую отвѣтственность, болѣе строгое наказаніе, а потому для нихъ предположено было установить наиболѣе тяжелыя каторжныя работы: 1) въ рудникахъ и 2) въ крѣпостяхъ, при чемъ первыя могли быть замѣняемы вторыми. Усиленіе наказанія для военно-служащихъ предполагалось достигнуть и тѣмъ, чтобы военно-служащіе, осужденные въ каторгу, предварительно подвергались жестокому тѣлесному наказанію, а именно—отъ 200 до 1500 ударовъ шпицрутенами.

Чтобы болѣе отличить каторжниковъ отъ прочихъ крѣпостныхъ арестантовъ, предположено было ввести для нихъ болѣе тяжелый режимъ и порядокъ содержанія: 1) употребленіе на самыя тяжелыя и опасныя работы, увеличивая при этомъ самые уроки; 2) уменьшеніе времени отдыха (числа праздничныхъ дней и часовъ отдыха); 3) ограниченіе въ пищѣ; 4) содержаніе постоянно въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ, тогда какъ прочіе крѣпостные арестанты содержались только въ ножныхъ, и т. п.

Въ 1854 году весь матеріалъ и законодательные труды комиссіи, вмѣстѣ съ соображеніями генералъ-адъютанта Анненкова и другихъ ея членовъ, а также съ цѣнными замѣчаніями графа Блудова, были пе-

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло II Отдѣленія Соб. Е. И. В. канцеляріи 1853 г. № 178, о пересмотрѣ военно-уголовныхъ законовъ.

реданы сенатору Капгеру, который въ 1860 году и составилъ проектъ положенія о каторжной работѣ въ крѣпостяхъ [1]).

Болѣе пообробно разсмотримъ этотъ проектъ при обозрѣніи слѣдующей эпохи въ развитіи военно-карательныхъ учрежденій.

---

[1]) Архивъ Государствен. Совѣта, дѣло II отд. Соб. Е. И. В. канцеляріи, о разсмотрѣніи положенія объ арестант. ротахъ воен. вѣдомства, о каторжной работѣ въ крѣпостяхъ, 1860 г., № 127а.

ГЛАВА XII.

РАЗВИТІЕ ЭТАПНОЙ СИСТЕМЫ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ НИКОЛАЯ I.

СТАНОВИВШАЯСЯ въ первой четверти XIX вѣка этапная система пересылки арестантовъ также не подвергалась въ царствованіе Императора Николая I существеннымъ измѣненіямъ и продолжала развиваться въ томъ же направленіи.

Въ первые же годы этого царствованія расширяется сѣть этапныхъ путей созданіемъ новыхъ маршрутовъ: 1) отъ Кременчуга черезъ Полтаву, Харьковъ, Воронежъ и Тамбовъ [1]), 2) отъ С.-Петербурга къ Крестцамъ [2]), 3) отъ Пинска и Слуцка до Мозыря чрезъ Бобруйскъ и Рогачевъ (такой маршрутъ былъ установленъ вслѣдствіе отсутствія прямого удобнаго тракта), 4) отъ Каменецъ-Подольска (черезъ Литневцы) до Могилева и 5) черезъ земли войска Донского [3]).

Въ дополненіе къ существовавшимъ уже въ нѣкоторыхъ округахъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи правиламъ о порядкѣ препровожденія арестантовъ, въ 1827 г. изданы были такія же для VIII и IX округовъ, съ указаніемъ ночлеговъ и растахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ было подтверждено о необходимости соблюденія при пересылкѣ ссыльныхъ основныхъ правилъ, установленныхъ въ Уставѣ

[1]) П. С. З., т. I, № 56.
[2]) П. С. З., т. I, № 618.
[3]) П. С. З., т. II, № 1.430, 1.637, п. VI, № 4.713.

1822 года [1]). Въ 1828 году учреждены были этапы для препровожденія ссыльныхъ отъ Иркутска черезъ Байкалъ до Нерчинскаго большого завода, при чемъ пѣшая стража была назначена отъ Иркутскаго гарнизоннаго полка, а конная — отъ городовыхъ казаковъ Иркутскаго и Забайкальскаго казачьихъ полковъ [2]).

ОБЛЕГЧЕНІЕ ЭТАПНАГО ПУТИ ДЛЯ АРЕСТАНТОВЪ.

На ряду съ мѣропріятіями, направленными къ улучшенію личнаго состава этапныхъ инвалидныхъ командъ и ихъ внѣшняго вида (обмундированія и аммуниціи), мы все чаще и чаще наталкиваемся на заботливость правительства объ облегченіи арестантамъ и этапнаго пути, начиная съ введенія 1 марта 1832 г. наручника генералъ-отъ-инфантеріи Капцевича, о которомъ уже было сказано выше (см. гл. VI). Въ указѣ о введеніи этого наручника, между прочимъ, отмѣчалась мучительность прежней системы сковыванія арестантовъ: «ужасъ и уныніе замѣчается въ арестантахъ въ то время, когда дѣлаются приготовленія прикрѣплять ихъ къ пруту, всеобщая радость и благодарность... при отправленіи въ кандалахъ, одиночнымъ порядкомъ».

Исторія отмѣны прута чрезвычайно интересна, благодаря тому, что въ ней приняли участіе такія лица, какъ генералъ Капцевичъ, князь Голицынъ, докторъ Гаазъ и министръ внутр. дѣлъ Закревскій. «Сослуживецъ Аракчеева при цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ и заботливый до нѣжности начальникъ солдатъ, суровый и рѣзкій въ обращеніи съ подчиненными, и теплый, отзывчивый и человѣчный первоначальный стражъ декабристовъ въ Сибири, ходатай и заступникъ за ссыльныхъ, какъ западно-сибирскій генералъ-губернаторъ, и чертвый формалистъ по отношенію къ нимъ же, въ качествѣ командира «внутренней стражи», — генералъ Капцевичъ въ вопросѣ о замѣнѣ, такъ называемаго, «легкаго» прута генерала Дибича (введенъ 4 апрѣля 1824 г.), столкнулся съ московскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Д. В. Голицынымъ. «Правнукъ воспитателя Петра Великаго, сынъ замѣчательной по своему образованію и характеру дочери графа Чернышева («la princesse Moustache»), проведшій свою юность въ Парижѣ, среди избраннаго французскаго общества, блиставшаго тѣмъ возбужденіемъ, которое предшествовало началу революціи, слушатель въ нѣ-

[1]) П. С. З., т. II, № 1.431, 1.432, 1.640
[2]) П. С. З., т. III, № 1.909.

сколькихъ германскихъ университетахъ, отважный въ бояхъ, независимый и не нуждавшійся ни въ средстахъ, ни въ службѣ, прямодушно преданный безъ искательства, властный безъ ненужнаго проявленія власти, неизмѣнно вѣжливый, привѣтливый и снисходительный, екатерининскій вельможа по пріемамъ, передовой человѣкъ своего времени по идеямъ», — князь Голицынъ оставилъ глубокій по себѣ слѣдъ въ исторіи русской тюрьмы, какъ президентъ учрежденнаго 19 іюля 1819 г., по проекту Венинга, попечительнаго о тюрьмахъ общества. Вопросъ о замѣнѣ прута Дибича возбужденъ былъ извѣстнымъ московскимъ врачомъ-гуманистомъ и филантропомъ, членомъ и директоромъ московскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета—Федоромъ Петровичемъ Гаазомъ, неустаннымъ ходатаемъ и печальникомъ за арестантовъ. Свѣтлая, до яркости, личность доктора Гааза, талантливо охарактеризованная его не менѣе знаменитымъ біографомъ—А. Ф. Кони, стоитъ наряду съ именами Говарда и другихъ выдающихся тюремныхъ дѣятелей. Генералъ Капцевичъ выступилъ въ этомъ вопросѣ противникомъ кн. Голицына и доктора Гааза. Послѣ долгой и упорной борьбы онъ согласился только замѣнить неподвижный прутъ подвижною цѣпью, ничуть не измѣнявшей въ остальномъ положенія прикованныхъ къ ней арестантовъ. — «Прутъ измѣнилъ лишь свое имя, и хотя Голицынъ еще нѣсколько разъ заявлялъ о его вредѣ,—замѣчаетъ А. Ѳ. Кони,—онъ продолжалъ свое существованіе до тѣхъ поръ, пока, благодаря энергичнымъ трудамъ Милютина и графа Гейдена, введеніе перевозки арестантскихъ партій по желѣзнымъ дорогамъ и водою не измѣнило кореннымъ образомъ и самыхъ пріемовъ препровожденія ссыльныхъ» [1]). Тѣмъ не менѣе, доктору Гаазу удалось добиться для пересылавшихся черезъ Москву арестантовъ перековыванія ихъ въ особыя облегченныя ножныя кандалы (на 2 фунта приблизительно легче употребляемыхъ для каторжныхъ), получившіе названіе «гаазовскихъ».

Облегчается и препровожденіе арестантовъ, страдающихъ хроническими болѣзнями [2]), издаются указы о снятіи кандаловъ съ арестантовъ, тотчасъ по приводѣ ихъ въ острогъ, исключая осужденныхъ

---

[1]) А. Ѳ. Кони—«Ф. П. Гаазъ», 1897 г., стр. 48.
[2]) П. С. З., т. IV, № 3.225.

за убійство и другія важнѣйшія преступленія, о нековании въ желѣза ссылаемыхъ на поселеніе лицъ привиллегированнаго сословія [1]) и т. д.

Установлена была, для облегченія населенія мѣстностей, по которымъ пролегали этапные тракты, болѣе правильная подводная повинность для арестантовъ [2]), что представлялось существенно важнымъ при столь широкой этапной сѣти. Не надо забывать, что къ 1832 году у насъ уже насчитывалось 568 этаповъ, для обслуживанія которыхъ требовалось 29,350 наручниковъ для заковыванія препровождаемыхъ арестантовъ; эти цифры уже краснорѣчиво говорятъ о числѣ арестантовъ, ежедневно препровождаемыхъ этапнымъ порядкомъ. Черезъ одну Москву, черезъ которую шли арестанты, ссылаемые лишь изъ 24 губерній, прошло въ 1846 году въ Сибирь и въ другія губерніи арестантовъ военныхъ и гражданскихъ, не считая слѣдовавшихъ «подъ присмотромъ»,—6,760 чел., въ 1848 году—7,714, въ 1850 году—8,205, а въ нѣкоторые годы цифра эта значительно возростала. Такъ, въ 1833 году всѣхъ пересылаемыхъ арестантовъ было 18,147, изъ которыхъ «не въ родѣ арестантовъ» пересылалось 6,998 чел. Вообще, съ 1827 г. по 1846 годъ въ одну Сибирь изъ Россіи препровождено было черезъ Москву 159.755 человѣкъ, не считая дѣтей, слѣдовавшихъ за родителями [3]). Правительство вынуждено было даже усилить сапожную дачу конвойнымъ командамъ до 3-хъ паръ въ годъ, такъ трепались они отъ этапа къ этапу.

КОННО-ЭТАПНЫЯ КОМАНДЫ И ПЕРЕВОЗКА АРЕСТАНТОВЪ НА ЛОШАДЯХЪ.

Наконецъ, въ 1835 году [4]) рѣшено было реформировать нашу этапную систему, въ смыслѣ ея облегченія какъ для арестантовъ, такъ и для этапныхъ командъ. Первоначально новое устройство этаповъ, въ видѣ опыта, было введено 4 августа лишь на 1 годъ по тракту отъ Москвы до Нижняго Новгорода; новая система получила названіе конно-этапной, и заключалась, въ сущности, въ томъ, что каждая этапная команда состояла изъ $^1/_3$ конныхъ и $^2/_3$ пѣшихъ рядовыхъ; послѣднимъ оставлена было прежняя форма обмундированія, а коннымъ данъ былъ мундиръ по пѣхотному образцу, но съ прибавкой сабли на черной портупеѣ, по мундиру, съ чушкой

---

[1]) П. С. З., т. II, № 1.641, т. VII, № 5.607, т. VIII, № 7.089.
[2]) П. С. З., т. IV, № 3.756а.
[3]) А. Ф. Кони—«Ф. П. Гаазъ», 1897 г., стр. 42.
[4]) П. С. З., т. X, № 8.361.

для пистолета, на ремнѣ, надѣваемомъ на шею, панталоны, подшитые, какъ рейтузы, кожею, и пика по уланскому образцу, безъ флюгера.

Арестантовъ стали по реформированному тракту перевозить на подводахъ. Постепенно это новое устройство этапной части съ тѣхъ поръ начинаетъ расширяться. 24 марта 1837 года [1]) Государь Императоръ, получивъ донесеніе командира отдѣльнаго корпуса внутренней стражи о пользѣ, какую принесли устроенные по новой системѣ этапные команды отъ Москвы до Нижняго Новгорода, повелѣлъ: новую этапную систему ввести съ 1837 г. по трактамъ: 1) отъ С.-Петербурга черезъ Новгородъ и Тверь до Москвы и отъ Нижняго Новгорода черезъ Казань и Пермь до Тобольской губерніи; 2) отъ Бѣлостока черезъ Гродну, Минскъ, Оршу и Смоленскъ до Москвы и 3) отъ Херсона черезъ Полтаву, Харьковъ, Воронежъ, Тамбовъ, Пензу и Симбирскъ до Казани. Дальнѣйшее развитіе этой системы и привело въ послѣдующіе годы къ замѣнѣ пѣшаго препровожденія арестантовъ перевозкою ихъ на лошадяхъ, а съ развитіемъ въ шестидесятыхъ годахъ желѣзнодорожной сѣти—и къ перевозкѣ арестантовъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ.

Вотъ какъ описываетъ Н. М. Ядринцевъ [2]) свои первыя впечатлѣнія отъ новой системы:

«Предстояло путешествіе по новому, только что реформированному, главному тракту; мы прислушивались къ разсказамъ тѣхъ, которые проѣхали по немъ.—«Везутъ на тройкахъ, скоро, хорошо, да вотъ имущества не позволяютъ больше 20 фунтовъ везти по арестантскому положенію», жаловались дворяне... Насъ разбудилъ въ 5 часовъ утра громкій голосъ: «вставайте, молодцы»! Передъ нами стоялъ новый, реформированный конвойный, красивый молодой солдатъ, въ бѣлой щеголеватой рубахѣ изъ парусины, съ револьверомъ за поясомъ, шашкой и свисткомъ на перевязи, въ высокихъ съ красными отворотами сапогахъ.—А—а, вонъ они каковы щеголи!—сказалъ я себѣ. Посадили насъ (привилегированныхъ) въ большую телѣгу по 4 человѣка, ноги въ середину телѣги; остальныхъ арестантовъ скрѣпили

---

[1]) П. С. З., т. XII, № 10.066.
[2]) Н. М. Ядринцевъ—«Рус. общ.», стр. 280.

стальными, легкими браслетами (наручнями) и связали цѣпочками съ замкомъ... Раздался свистокъ, и поѣздъ тронулся».

ДАЛЬНѢЙШЕЕ РАЗВИТІЕ ЭТАПНОЙ СИСТЕМЫ.

Однако, реформированіе этапной системы шло очень медленно и съ большими колебаніями: 22 мая 1840 года установлена была перевозка черезъ оз. Байкалъ арестантовъ, отправляемыхъ въ Забайкальскій край; перевозились они на особо устроенныхъ баржахъ въ лѣтнее исключительно время [1]). Пересылка арестантовъ перевозкою на лошадяхъ стоила дорого, а подводная повинность была обременительна для населенія тѣхъ мѣстностей, по которымъ пролегалъ этапный трактъ [2]).

Самый порядокъ препровожденія ссыльныхъ мало измѣнился; въ 1840 году [3]) эти правила были дополнены и измѣнены въ томъ отношеніи, что преступники, осужденные въ каторжную работу, должны были впредь посылаться не только отдѣльными отъ осужденныхъ на поселеніе партіями, но и не иначе, какъ черезъ нѣсколько послѣ нихъ дней, за особымъ карауломъ. Такимъ же образомъ, въ отдѣльныхъ отъ мужчинъ партіяхъ, препровождались и женщины, кромѣ слѣдующихъ съ мужьями. Впрочемъ, такой порядокъ препровожденія начинался только отъ Казани, гдѣ каторжные и женщины задерживались до тѣхъ поръ, пока ихъ не скопится человѣкъ 50—60; какъ только накопится такая партія, начальнику конвоя («за надежнымъ, по возможности, конвоемъ»—говоритъ законъ) выдавались кормовыя деньги на арестантовъ, въ обыкновенномъ по расчету количествѣ, при чемъ деньги отнюдь не должны были выдаваться арестантамъ на руки,—и партія двигалась въ путь отъ этапа къ этапу по Сибири, пока не прибывала въ мѣсто назначенія, указанное губернскою экспедиціей. Такой порядокъ до нѣкоторой степени устранялъ развращающее вліяніе этапнаго пути.

Впрочемъ, вскорѣ, а именно 5 января 1842 г., вслѣдствіе затрудненій, встрѣченныхъ корпусомъ внутренней стражи, расположеннымъ во внутреннихъ губерніяхъ, снова былъ введенъ на пути отъ Казани до Сибири прежній порядокъ пересылки арестантовъ, т. е. каторж-

---

[1]) П. С. З., т. XV, № 13.504.

[2]) Слѣдуетъ замѣтить, что расходы казнѣ за пересылку арестантовъ возмѣщались по особой таксѣ изъ земскихъ сборовъ. См. П. С. З., №№ 16.558, 20.647, 23.633 и т. д.

[3]) П. С. З., т. XV, 13.657.

ные, ссыльно-поселенцы и женщины отправлялись въ одной партіи и въ одно время, но только, при слѣдованіи, разряды эти отдѣлялись другъ отъ друга на нѣсколько шаговъ, и на этапахъ и ночлегахъ каждый разрядъ помѣщался въ особыхъ камерахъ [1]).

Что касается порядка препровожденія преступниковъ, ссылаемыхъ въ Сибирь на житье, то 19 іюня 1845 г. и 21 января 1846 года было установлено: 1) что означенныя лица отправляются порядкомъ, установленнымъ въ Уставѣ о ссыльныхъ, съ тою лишь разницею, что они препровождаются не по этапамъ, какъ прочіе ссыльные, а въ нарочно устроенныхъ для того повозкахъ, или, если такихъ повозокъ не заведено и по состоянію дорогъ это затруднительно, то и въ другихъ экипажахъ, но всегда отдѣльно отъ назначенныхъ въ каторжную работу и на поселеніе; 2) что на одеждѣ ихъ не нашиваются лоскутки отличительнаго цвѣта (такъ называемые «тузы»); 3) что для надзора за ними въ пути и для предупрежденія всякихъ покушеній къ побѣгу назначалась особая стража; 4) издержки по этому путешествію взыскивались съ имущества пересылаемыхъ; 5) въ мѣстахъ назначенія должны были быть ранѣе приготовлены надлежащія средства и надзоръ.

Затѣмъ 30 декабря 1846 года [2]) было установлено дополнительно: 1) чтобы ссылаемыхъ на житье лицъ, неимѣющихъ состоянія, отправлять въ мѣсто ихъ назначенія такимъ же порядкомъ и на основаніи тѣхъ же правилъ, какія наблюдались при пересылкѣ неимущихъ арестантовъ изъ дворянъ и отставныхъ офицеровъ, съ тѣмъ однако же: а) чтобы отправлять ихъ не съ прочими ссыльными, но всегда особыми партіями, подъ надзоромъ, впрочемъ, тѣхъ же воинскихъ чиновъ внутренней стражи, которые препровождали и прочихъ преступниковъ; б) чтобы, въ случаѣ неимѣнія помянутыми лицами собственной одежды, выдавать имъ общую арестантскую, но не нашивая лоскутковъ отличительнаго цвѣта и не употребляя оковъ и наручней, и в) чтобы на содержаніе ихъ въ пути производить изъ кормовыхъ денегъ по 15 коп. въ сутки; 2) При отправленіи ихъ составляются имъ статейные списки и опись ихъ имущества; 3) Тѣмъ изъ приговариваемыхъ на житье въ сибирскія и другія отдаленныя губерніи

---

[1]) П. С. З., т. XVII, № 15.191.
[2]) П. С. З., т. XXI, № 20.762.

лицамъ, которыя, не бывъ присуждены къ тюремному тамъ заключенію, имѣютъ для отправленія ихъ въ мѣсто назначенія собственныя средства, можетъ быть дозволено ѣхать въ своемъ экипажѣ, но не иначе, какъ всякій разъ по особому разрѣшенію министра внутреннихъ дѣлъ, если онъ признаетъ, что, по болѣзни, старости или прежнему значенію ссылаемаго, такое снисхожденіе допустить возможно. Въ этомъ случаѣ означенныя лица отправлялись губернскимъ правленіемъ, «подъ надзоромъ одного или двухъ жандармовъ, или при недостаткѣ ихъ, въ сопровожденіи благонадежныхъ, по усмотрѣнію мѣстнаго начальства, также одного или двухъ унтеръ-офицеровъ изъ внутренней стражи, съ производствомъ какъ тѣмъ, такъ и другимъ содержанія въ оба пути и прогонныхъ для обратнаго слѣдованія денегъ на счетъ пересылаемыхъ, и съ предоставленіемъ этимъ жандармамъ или унтеръ-офицерамъ назначать время и мѣсто для отдохновенія. Количество же денегъ и вещей, какое при этихъ преступникахъ оставлено быть можетъ, опредѣляется особымъ распоряженіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, но ни въ какомъ случаѣ не дозволяется брать съ собою оружіе».

24 декабря 1846 года [1]) прежній порядокъ препровожденія арестантовъ, т. е. совмѣстнаго препровожденія каторжныхъ, ссыльно-поселенцевъ и женщинъ, введенъ былъ и при дальнѣйшимъ слѣдованіи арестантовъ отъ Тюмени до Тобольска. Мотивировалось это возвращеніе вспять тѣмъ, что въ Тюмени скоплялось огромное число арестантовъ, и, вслѣдствіе продолжительности остановки, становится чувствительнымъ отсутствіе мѣста для расположенія такого числа арестантовъ, и часто случается, что приходящія съ арестантами женщины умираютъ въ тюремной больницѣ, оставляя послѣ себя младенцевъ, для сбереженія которыхъ больница не имѣетъ никакихъ способовъ. Къ тому же и развращающее вліяніе совмѣстной, отъ Тюмени до Тобольска (260 верстъ), ссылки каторжныхъ, поселенцевъ и женщинъ, какъ справедливо замѣчалъ въ своемъ докладѣ генералъ-губернаторъ Западной Сибири, теряетъ свое значеніе, если отъ Казани до Тюмени они уже прошли вмѣстѣ 1626 верстъ; въ Тобольскѣ же преступники все равно уже подлежали распредѣленію по назначенію.

---

[1]) П. С. З., т. XXI, № 20.742.

УСТРОЙСТВО ЭТАПОВЪ.

Такъ же медленно шло и благоустройство самаго этапнаго пути. Разсматривая этапную систему въ царствованіе Императора Александра I, мы привели описаніе этаповъ и полуэтаповъ. Въ 1843 г. [1]) изданы были образцовые планы для построекъ каменныхъ двухъэтажныхъ этапныхъ и ночлежныхъ зданій. 16 января 1845 года [2]) совмѣстно министерствами военнымъ и внутреннихъ дѣлъ были выработаны и затѣмъ опубликованы образцовые планы этапныхъ зданій, при чемъ, въ зависимости отъ важности этапнаго пункта, были спроектированы зданія четырехъ разрядовъ: 1) для 26 пересыльныхъ, 8 женщинъ и 8 каторжныхъ, 2) для 22 пересыльныхъ, 6 женщинъ и 6 каторжныхъ; 3) для 16 пересыльныхъ, 4 женщинъ и 4 каторжныхъ, и, наконецъ, 4) для 10 пересыльныхъ, 2 женщинъ и 2 каторжныхъ. Впрочемъ, подобныя этапныя и ночлежныя зданія предположены были къ устройству лишь по тѣмъ трактамъ, на которыхъ не введена была еще новая система препровожденія арестантовъ посредствомъ конно-этапныхъ командъ.

Въ 1849 году [3]) законъ окончательно регламентировалъ устройство, наемъ и ремонтъ этапныхъ помѣщеній, отнеся всѣ расходы на счетъ суммъ земскаго сбора.—И тѣмъ не менѣе, много лѣтъ позже, вотъ какими красками описываетъ г. Ядринцевъ состояніе этапныхъ пунктовъ:

«На ночь мы отдыхали въ крестьянскихъ избахъ на проселочныхъ трактахъ... Прошли заштатный городокъ, гдѣ смѣнили команду. Здѣсь мы остановились у маленькой инвалидной казармы, гдѣ провели день. Команда куда то временно выбралась. Подлѣ казармы въ прихожей я замѣтилъ маленькую отгородку съ хилой дверцей, въ половину человѣческаго роста, съ тусклой надписью: «карцеръ». Она была меньше двухъ шаговъ ширины и шага три длины; соръ, сметаемый отовсюду, покрывалъ полъ. Сюда сажали проштрафовавшихся и пьяныхъ инвалидовъ. Стало быть, есть еще худшее помѣщеніе, чѣмъ то, которое мы (арестанты) испытали».

Такія встрѣчались казармы этапныхъ командъ, а вотъ и этапное зданіе:

— «Гдѣ же этапъ?»—спрашивали мы.—«А вотъ, въ концѣ деревни». Мы остановились около маленькой, гнилой избушки, полувросшей въ землю; подлѣ находился хлѣвокъ, шагахъ въ шести: это былъ какъ будто дворикъ. Въ скосившейся, развалившейся избушкѣ

---

[1]) П. С. З., т. XVIII, № 18.629.
[2]) П. С. З., т. XX, № 18.629.
[3]) П. С. З., т. XXIV, № 25.398, стр. 12, § IV, 186, п. 5.

была темнота: ее едва освѣщали два узенькія слуховыя окошка, перегороженныя крестъ-накрестъ желѣзными прутиками. Это была низенькая и узенькая клѣтка, шаговъ въ восемь длины; кромѣ того она была отгорожена и за перегородкой жилъ старикъ нищій, караулившій этапъ. Печь стояла черная; стѣны закопчены сажей; на полу грязная солома; тутъ приходилось размѣститься 12-ти человѣкамъ, да еще конвою... Люди разлеглись подрядъ, тѣсно сжавшись другъ подлѣ друга, на грязной соломѣ; дверь заперли на замокъ, какъ это слѣдуетъ по уставу; часть солдатъ ушла въ хлѣвокъ, а человѣка три остались съ арестантами; одинъ изъ инвалидовъ сидѣлъ, примкнувшись къ дверямъ, и зажегъ лучину... Такой этапъ находился въ центральной губерніи, въ 60 верстахъ отъ богатѣйшаго города!» [1])...

ИЗМѢНЕНІЕ ПРАВИЛЪ ПЕРЕСЫЛКИ АРЕСТАНТОВЪ И НЕ АРЕСТАНТОВЪ ИЗЪ ОДНОГО ГОРОДА ВЪ ДРУГОЙ.

20 октября 1852 года прежде существовавшія постановленія о пересылкѣ арестантовъ и не арестантовъ изъ одного города въ другой [2]) были нѣсколько измѣнены въ томъ лишь отношеніи, чтобы устранить, по возможности, ошибки въ личности препровождаемыхъ арестантовъ и облегчить конвойнымъ ихъ учетъ при препровожденіи и сдачѣ съ этапа на этапъ [3]).

Къ концу царствованія Императора Николая I принята была правительствомъ особая мѣра къ устраненію накопленія арестантовъ въ мѣстахъ заключенія. Самое «накопленіе арестантовъ» произошло, разумѣется, не вслѣдствіе увеличенія преступности, такъ какъ къ тому не было никакихъ исключительныхъ причинъ, а явилось прямымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ полнаго неустройства тюремной части, съ одной стороны, и разстройства финансовыхъ средствъ государства—съ другой.

Мѣра эта, по признанію законодателя, принята была «для устраненія неудобствъ, происходящихъ отъ недостаточнаго устройства мѣстъ заключенія вообще, особенно же заведеній исправительныхъ, впредь до лучшаго устройства оныхъ».

Такое откровенное заявленіе равносильно признанію полнаго краха всей установленной въ то время тюремной системы. И дѣйствительно, принятая 23 ноября 1853 года мѣра представляется полной ликвидаціей этой системы, полнымъ нарушеніемъ всей даже системы

---

[1]) Н. М. Ядринцевъ—«Рус. община» и т. д., стр. 303.
[2]) С. В. П. 1838 г., ч. III, кн. II, ст. 810 и послѣдующ.
[3]) П. С. З., т. XXVII, № 26.662.

наказаній, въ цѣляхъ, главнымъ образомъ, сбереженія государственныхъ средствъ [1]). Мѣра эта слѣдующая:

1) Судебнымъ и полицейскимъ мѣстамъ предложено было впредь, для лицъ неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній замѣнять «постоянно» заключеніе въ тюрьмахъ тѣлеснымъ наказаніемъ (розгами), соразмѣряя послѣднее съ родомъ и степенью тюремнаго заключенія, если только тому не препятствуетъ старость или болѣзненное состояніе осужденнаго. На томъ же основаніи предписано было замѣнять и заключеніе въ рабочихъ и смирительныхъ домахъ, при чемъ наказаніе розгами сопровождалось лишеніемъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и отдачею затѣмъ наказанныхъ подъ особый надзоръ полиціи, обществъ или помѣщиковъ на разные сроки.

2) Лица же, для которыхъ, по силѣ закона, наказаніе лишеніемъ свободы за маловажныя преступленія и проступки не могло быть замѣняемо тѣлеснымъ наказаніемъ, могли пользоваться симъ изъятіемъ только однажды и, въ случаѣ «новаго, хотя столь же неважнаго преступленія или проступка», могли быть «подвергаемы наказанію тѣлесному наравнѣ съ другими, вовсе отъ онаго неизъятыми, даже если они и возвратились къ тѣмъ занятіямъ, по коимъ до учиненія перваго преступленія признавались неподлежащими наказанію въ тѣлѣ».

3) При осужденіи къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, какъ лично, такъ и по состоянію осужденному присвоенныхъ, и къ ссылкѣ на житье съ временнымъ въ мѣстахъ ссылки заключеніемъ, предложено было временное заключеніе замѣнять воспрещеніемъ на опредѣленные сроки, отъ 1 до 4 лѣтъ, всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго осужденному для жительства, а потомъ выѣзда въ другія губерніи или области Сибири (при ссылкѣ въ Сибирь) отъ 2 до 12 лѣтъ; ссылаемые же въ Сибирь или другія отдаленныя, кромѣ сибирскихъ, губерніи, не будучи уже подвергаемы временному на мѣстѣ ихъ жительства заключенію, обязаны были, по прибытіи въ мѣсто ссылки, записываться, съ дозволенія начальства, въ податныя состоянія, оставаясь, подъ особымъ надзоромъ

---

[1]) П. С. З., т. XXVIII, № 27.722.

мѣстной полиціи; а время, съ котораго по закону сосланные въ губерніи Иркутскую или Енисейскую въ правѣ были просить дозволенія переселиться на постоянное житье въ губерніи Тобольскую или Томскую, считалось со дня окончанія срока, назначеннаго имъ для безотлучнаго пребыванія въ мѣстѣ ссылки.

4) При осужденіи къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ какъ лично, такъ и по состоянію присвоенныхъ, и къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, или же въ рабочіе дома на продолжительные сроки, съ опредѣленіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣлеснаго наказанія, суды обязаны были подвергать виновныхъ тѣлесному наказанію розгами въ опредѣленномъ размѣрѣ, заключенію отъ $^1/_2$ до 2 лѣтъ въ арестантскія роты или въ рабочіе дома и тюрьмы, а потомъ ссылать для водворенія въ Западную или Восточную Сибирь, съ употребленіемъ ихъ и тамъ въ работы по усмотрѣнію и распоряженію мѣстныхъ начальствъ.

5) Бродягъ, негодныхъ къ военной службѣ, и всѣхъ тѣхъ, кто, за негодностью въ рекруты, подлежали отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на время отъ 10 до 12 лѣтъ, суды обязаны были подвергать наказанію розгами, и по отдачѣ на срокъ отъ 1 до 2 лѣтъ въ арестантскія роты, рабочій домъ или тюрьму, ссылать для водворенія въ Восточную Сибирь, съ употребленіемъ ихъ тамъ въ работы по усмотрѣнію и распоряженію мѣстныхъ начальствъ.

Однако, этими правилами не отмѣнялось право инженернаго начальства требовать осужденныхъ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, для употребленія ихъ по своему вѣдомству въ работы. Вмѣстѣ съ тѣмъ на лицъ, которымъ былъ ввѣренъ попечительный надзоръ за исправительными арестантскими ротами, рабочими домами и тюрьмами, возложена была особенная обязанность наблюдать, чтобы тѣ изъ содержащихся въ этихъ мѣстахъ заключенія, которые должны впослѣдствіи быть отправлены для водворенія въ Сибирь, были во время пребыванія въ мѣстахъ заключенія пріучаемы къ какому-либо ремеслу или мастерству и не служили бы впослѣдствіи обузою для государства въ мѣстахъ водворенія.

ССЫЛКА ДЛЯ ВОДВОРЕНІЯ.

Далѣе законъ устанавливаетъ и самый порядокъ отправленія этапнымъ путемъ водворяемыхъ въ Сибири, а также регламентируетъ этотъ

видъ наказанія лишеніемъ свободы — ссылку для водворенія въ Сибири.

Этимъ ссыльнымъ присваивалось названіе водворяемыхъ рабочихъ; имъ велись по алфавиту списки отдѣльно отъ поступившихъ въ ссылку съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, а равно и отъ водворяемыхъ или переселяемыхъ въ Сибирь не по судебнымъ приговорамъ.

Назначеніе (распредѣленіе) ссыльно-рабочихъ въ Сибири по округамъ, волостямъ и городамъ должно было производиться по распоряженію Тобольскаго приказа и экспедиціи о ссыльныхъ, при чемъ наблюдалось, чтобы крестьяне или люди, занимавшіеся сельскими работами, обращаемы были преимущественно въ волости, а мѣщане, цеховые и лица прочихъ сословій, занимавшіеся торговлею, ремеслами и вообще промышленностью, а равно и бывшіе дворовые люди, поступали въ города. Срокъ водворенія—отъ $1^1/_2$ до 8 лѣтъ. Водворяемые рабочіе все это время употреблялись на общественныя работы или отдавались въ заработки на золотыхъ пріискахъ, или въ работники и работницы въ волостяхъ, или же на частныхъ заводахъ и фабрикахъ, а женщины и—въ прачечныя при больницахъ и т. п.

Такъ какъ военно-служащіе къ водворенію въ Сибирь на этомъ основаніи попадали лишь очень немногіе и при томъ въ исключительныхъ случаяхъ, то мы не будемъ болѣе подробно останавливаться на правилахъ объ устройствѣ, бытѣ и юридическомъ положеніи водворяемыхъ рабочихъ, а обратимся къ дальнѣйшему разсмотрѣнію закона 23 ноября 1853 года.

Законъ этотъ указывалъ и замѣну содержанія въ мѣстахъ заключенія для несовершеннолѣтнихъ, а также установилъ особыя правила о каторжникахъ, оказавшихся неспособными къ работамъ, и, наконецъ, регламентировалъ распредѣленіе по мѣстамъ ссылки преступниковъ изъ жителей Сибири.

Для каторжныхъ, оказывающихся по прибытіи въ Тобольскъ неспособными ни къ какой работѣ, учрежденъ былъ разрядъ каторжныхъ дряхлыхъ; каторжные этого разряда размѣщались Тобольскимъ приказомъ о ссыльныхъ по тюрьмамъ Сибирскаго края, при чемъ слѣдовавшіе по приговорамъ въ Восточную Сибирь оставлялись въ тюрьмахъ Западной Сибири только въ случаѣ явной невозможности отправить ихъ въ мѣста назначенія. Изъ дряхлыхъ каторжныхъ: а) тѣ,

которые присуждены были къ работамъ въ рудникахъ безъ срока, содержались въ тюрьмѣ три года въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ, а потомъ ссылались на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста тѣхъ губерній, гдѣ они были или долженствовали быть употреблены въ работы, съ воспрещеніемъ отлучки изъ этихъ мѣстъ; б) тѣ, которые присуждены были къ работамъ въ рудникахъ на время отъ двѣнадцати до двадцати лѣтъ, содержались въ тюрьмѣ отъ двухъ до трехъ лѣтъ въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ и потомъ поселялись въ Восточной Сибири; в) тѣ, которые присуждены были къ работамъ въ рудникахъ на время отъ шести до двѣнадцати лѣтъ, содержались въ тюрьмѣ отъ одного до двухъ лѣтъ только въ ножныхъ кандалахъ и потомъ обращались на поселеніе въ Восточную Сибирь, и г) присужденные къ работамъ на рудникахъ отъ четырехъ до шести лѣтъ, послѣ содержанія въ тюрьмѣ безъ кандаловъ въ продолженіе одного года, обращались затѣмъ также на поселеніе въ Восточную Сибирь. Содержаніе въ кандалахъ для слабыхъ могло быть замѣняемо увеличеніемъ срока заключенія въ тюрьмѣ на 1—2 года.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изъ обозрѣнія закона 23 ноября 1853 года видно, что имъ создана совершенно новая своеобразная система наказаній, въ которой преобладающее значеніе получили тѣлесное наказаніе, праволишенія, полицейскій надзоръ и воспрещеніе отлучекъ изъ мѣста ссылки; лишеніе же свободы въ различныхъ мѣстахъ заключенія доведено было до возможнаго minimum'а. Такая система удовлетворяетъ одной развѣ цѣли удешевленія наказаній; крайнее же ограниченіе лишенія свободы путемъ содержанія въ мѣстахъ заключенія, доходящее почти до отрицанія этого рода наказанія, безспорно доказываетъ, что само правительство признавало современное ему состояніе тюремныхъ учрежденій совершенно неудовлетворительнымъ.

Тяжелое достлось Императору Александру II наслѣдіе по тюремной части вообще, а по части военно-тюремной — въ частности. Реформа стала необходимой и безотлагательной.

В. Эпоха Императора Александра II.

ГЛАВА XIII.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ.

НАИБОЛѢЕ если не самымъ яркимъ періодомъ исторіи русской тюрьмы вообще, а въ частности военно-тюремныхъ учрежденій, представляется, безспорно, эпоха Императора Александра II.

Освобожденіе крестьянъ и связанныя съ нимъ реформы существеннымъ образомъ измѣнили правовое положеніе и правовыя отношенія гражданъ, а послѣдовавшая затѣмъ коренная судебная реформа довершила преобразованіе правового общественнаго строя Россіи. Новые матеріальные и формальные законы, участіе гражданъ въ судѣ, новый взглядъ на преступника и цѣль его наказанія, новыя судебныя учрежденія, внесшія въ практику совсѣмъ иные взгляды и обычаи, не могли не поколебать окончательно обветшалыхъ карательныхъ учрежденій, которыя, какъ уже было нами указано, пришли къ концу царствованія Императора Николая I къ полному упадку. Русскую тюрьму нужно было, наконецъ, пересоздать такъ, чтобы она, хотя бы до нѣкоторой степени, удовлетворяла современнымъ требованіямъ. Въ Западной Европѣ уже давно имѣлись образцовыя тюрьмы различныхъ системъ; искать что-либо новое въ этой области не приходилось. И вотъ при Императорѣ Александрѣ II русская тюрьма превращается въ исправительное учрежденіе.

Всѣ эти общія реформы неизбѣжно должны были повлечь за

собой преобразованіе, и при томъ преобразованіе рѣшительное, также и военнаго правопорядка, начиная, раньше всего, съ его основы—съ комплектованія вооруженной нашей силы. Всеобщая обязательная воинская повинность, сблизившая жизнь войска съ жизнью общегражданскою, обусловила необходимость и военно-судебной реформы, а въ соотвѣтствіи съ нею—новыхъ матеріальныхъ и формальныхъ военныхъ законовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно иное направленіе получаетъ и цѣль воинскаго наказанія, задача котораго тѣсно ограничивается только интересами войска; отсюда и неизбѣжность спеціальной, вполнѣ обособленной и своеобразной, военно-тюремной организаціи.

РАЗДѢЛЕНІЯ ЕЯ НА ПЕРІОДЫ.

Однако, столь коренное измѣненіе въ военномъ правѣ, и къ тому же явившееся прямымъ послѣдствіемъ общегосударственныхъ реформъ, потребовало немало времени для подготовительной дѣятельности, для согласованія новыхъ и старыхъ началъ—съ одной стороны, для согласованія общихъ и спеціально-воинскихъ принциповъ—съ другой, для созданія, наконецъ, тѣхъ учрежденій, которыя могли бы выполнить трудную задачу преобразованія военнаго правопорядка.

Такой періодъ неизбѣжно долженъ былъ предшествовать введенію общеобязательной воинской повинности, которая и является естественной межой, отдѣлившей войско рекрутское отъ воиновъ-гражданъ, отъ современныхъ намъ арміи и флота, воплотившихъ идею вооруженнаго народа. Такимъ образомъ, эпоха Императора Александра II, въ отношеніи интересующаго насъ вопроса, сама собой распадается на два періода, изъ которыхъ первый и представляется подготовительнымъ.

Разсмотримъ сперва въ самыхъ общихъ чертахъ ходъ развитія при Императорѣ Александрѣ II военнаго законодательства.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ ПО СОСТАВЛЕНІЮ ПРОЕКТА ВОЕННО-УГОЛОВНАГО УСТАВА.

Какъ уже было указано, въ 1854 году приступлено было къ составленію проекта новаго военно-уголовнаго устава, вмѣсто дѣйствовавшаго устава 1839 года, при чемъ предполагалось: 1) оставить всѣ коренныя основанія военно-уголовнаго устава 1839 г., примѣнивъ «Уложеніе» 1845 г. лишь тамъ, «гдѣ это полезно и необходимо», и 2) усилить наказанія военно-служащимъ за общія преступленія, такъ какъ «для воинскихъ чиновъ, привыкшихъ на службѣ къ военной дисциплинѣ, всякое нарушеніе закона должно имѣть послѣдствіемъ большую отвѣтственность». Всѣ приготовительныя работы были выполнены почти исключительно сенаторомъ, тайн. сов. Капгеромъ, ко-

торый и можетъ считаться составителемъ проекта устава. По вопросамъ общаго уголовнаго законодательства проектъ этотъ разсматривался Главноуправляющимъ II отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, графомъ Блудовымъ, съ замѣчаніями котораго и возвращался въ комиссію составителей. Затѣмъ, по исправленіи, проектъ былъ представленъ военному министру ген.-ад. Сухозанету и переданъ послѣднимъ, по вопросамъ о преступленіяхъ воинскихъ, на разсмотрѣніе особой комиссіи, послѣ чего проектъ былъ исправленъ генералъ-аудиторіатомъ, и особой комиссіей по морскому вѣдомству, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, отпечатанъ и разосланъ въ 1858 году на заключеніе военнымъ начальникамъ, подъ Высочайше утвержденнымъ названіемъ проекта «Воинскаго устава о наказаніяхъ». Вновь исправленный, согласно отзывамъ и замѣчаніямъ начальствующихъ лицъ, проектъ былъ внесенъ для новаго разсмотрѣнія и исправленія въ образованный, по ходатайству статсъ-секретаря графа Блудова, при II отдѣленіи особый комитетъ [1]), подъ предсѣдательствомъ старшаго члена комитета сенатора Губе и съ назначеніемъ членами комитета составителей проекта: сенатора Каппгера, тайн. сов. Плавскаго, Малевскаго, д. ст. сов. Бруна и Попова и генералъ-аудиторовъ военнаго и морского министерствъ тайн. сов. Философова и Глѣбова.

УНИЧТОЖЕНІЕ ТѢЛЕСНЫХЪ НАКАЗАНІЙ.

На обсужденіе этого же комитета былъ затѣмъ переданъ, по Высочайшему повелѣнію, вопросъ объ уничтоженіи въ Россіи тѣлесныхъ наказаній и, по тѣсной связи этого вопроса съ проектомъ воинскаго устава о наказ., этотъ послѣдній не могъ быть окончательно разсмотрѣнъ до разрѣшенія вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ законодательнымъ порядкомъ.

Высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ въ приказѣ по воен. вѣдомству 17 апрѣля 1863 г. [2]), за № 120, было, наконецъ, отмѣнено наказаніе шпицрутенами, а наказаніе розгами значительно ограничено. Отмѣной тѣлеснаго наказанія для военно-служащихъ Государь Императоръ, какъ сказано въ указѣ, желалъ «явить новый

---

[1]) Арх. Гл. В.-Суд. Управленія—«Сборникъ законодательныхъ работъ по составленію Воинского устава о наказ.». Спб., 1869 г., стр. III—IX и П. С. З., т. XXXVI, № 36.530.

[2]) П. С. З., т. XXXVIII, № 39.506.

примѣръ отеческой заботливости о благосостояніи арміи и возвысить нравственный духъ нижнихъ чиновъ». Въ тотъ же день послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія и по гражданскому вѣдомству во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно по дѣйствующему уложенію служило придаточнымъ наказаніемъ или замѣною; вмѣстѣ съ тѣмъ сокращены были сроки работъ въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ и заключенія въ тюрьмѣ, смирительныхъ и рабочихъ домахъ и въ крѣпости, и распространены были правила изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній.

Тѣмъ же указомъ 17 апрѣля было отмѣнено присужденіе къ наложенію клеймъ и штемпельныхъ знаковъ [1]).

Столь существенное измѣненіе системы нашихъ тѣлесныхъ и другихъ наказаній неминуемо потребовало и значительнаго исправленія самаго проекта воинскаго устава о наказаніяхъ.

ТРУДЫ СЕНАТОРА КАПГЕРА.

Къ этому же времени сенаторомъ Капгеромъ были составлены: 1) проектъ положенія объ охраненіи воинской дисциплины и взысканіяхъ дисциплинарныхъ и 2) предположеніе объ устройствѣ мѣстъ заключенія по военному вѣдомству и проектъ положенія объ арестантскихъ ротахъ. Изъ этихъ трудовъ первый, по разсмотрѣніи его сперва въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ ген.-ад. Сухозанета, а затѣмъ въ генералъ-аудиторіатѣ, былъ Высочайше утвержденъ 6 іюля 1863 года [2]); предположенія же о мѣстахъ заключенія по военному вѣдомству и объ арестантскихъ ротахъ внесены были въ особую комиссію подъ предсѣдательствомъ ген.-лейт. Непокойчицкаго, гдѣ, по новой разработкѣ, составлены были проекты Положеній, а по истребованіи затѣмъ на нихъ отъ начальствующихъ лицъ замѣчаній и разсмотрѣніи ихъ въ военно-кодификаціонной комиссіи, проекты положеній были представлены въ законодательномъ порядкѣ на Высочайшее утвержденіе.

Затѣмъ, по исправленіи сен. Капгеромъ составленнаго имъ проекта воинскаго устава о наказаніяхъ, согласно послѣдовавшимъ измѣненіямъ въ карательной нашей системѣ, оконченный имъ трудъ былъ представленъ на Высочайшее усмотрѣніе при всеподданнѣйшемъ докладѣ, которымъ испрашивалось разрѣшеніе о дальнѣйшемъ направле-

[1]) П. С. З., т. XXXVIII, №№ 39.504, 39.505.
[2]) П. С. З., №№ 39.830, 40.822.

ніи этой законодательной работы. По этому докладу 29 іюля и 25 августа 1864 г. состоялись Высочайшія повелѣнія о томъ: 1) чтобы составленный сенаторомъ Капгеромъ проектъ воинскаго устава о наказ. внести для окончательнаго разсмотрѣнія и представленія на Высочайшее утвержденіе въ соединенное присутствіе военнаго и морского генералъ-аудиторіатовъ и 2) для облегченія этой работы передать проектъ на предварительное разсмотрѣніе военно-кодификаціонной комиссіи, составъ которой былъ усиленъ 14-ю членами, въ число которыхъ вошелъ и сенаторъ Капгеръ. Эта комиссія, подъ предсѣдательствомъ ген.-лейт. Непокойчицкаго, приступила къ работѣ 15 октября 1864 г. и въ 13 засѣданіяхъ, по 18 февраля 1865 г., разсмотрѣла лишь первый раздѣлъ проекта—о преступленіяхъ, проступкахъ и наказаніяхъ вообще, т. е. общую часть. Проектъ Капгера вызвалъ въ комиссіи настолько существенныя пререканія и возраженія со стороны большинства членовъ, что онъ не только не былъ одобренъ, но комиссія даже, по большинству голосовъ, составила новый проектъ.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

Наконецъ, для болѣе успѣшнаго окончанія дѣла учреждено было особое Высочайше утвержденное 7 ноября 1865 г. совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, изъ главноуправляющаго II отдѣленіемъ статсъ-секретаря графа Панина, предсѣдателя департамента законовъ Государственнаго Совѣта барона Корфа, военнаго министра ген.-ад. Милютина и управляющаго морскимъ министерствомъ ген.-ад. Краббе [1]). Совѣщанію этому предоставлено было разсмотрѣть новый проектъ общей части воинскаго устава, опредѣлить порядокъ пересмотра остальныхъ 4-хъ раздѣловъ проекта и поручить составленіе заключеній совѣщанію генералъ-аудиторамъ тайн. сов. Глѣбову и Философову. Эти заключенія затѣмъ повергались на утвержденіе Государя Императора.

ВРЕМЕННЫЯ ПРАВИЛА 15 МАЯ 1867 Г.

Послѣдствіемъ трудовъ совѣщанія было Высочайшее утвержденіе 10 октября 1866 г. 1 раздѣла, или общей части, воинскаго устава о наказаніяхъ, который, въ видѣ временныхъ правилъ, по Высочайшему повелѣнію, объявленному въ приказѣ военнаго министра 20 мая 1867 г., велѣно было принять къ руководству при рѣшеніи военно-судныхъ дѣлъ, впредь до изданія новаго воинскаго устава.

[1]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр. «Сб. закон. раб.» 1869 г., стр. XIX.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, 24 іюня 1866 г. разработка проекта особенной части этого устава была возложена на комиссію, учрежденную подъ предсѣдательствомъ члена военнаго совѣта и предсѣдателя военно-кодификаціоннаго комитета ген.-лейт. Непокойчицкаго. Комиссія эта состояла изъ военныхъ юристовъ и военныхъ начальниковъ (ген.-ад. Дрентельна, ген.-м. Петерса, контръ-адм. Ендогурова), въ числѣ 10-ти членовъ.

Комиссія начала свой трудъ 28 октября 1866 г. и окончила 10 декабря 1867 г.; составленный ею проектъ особенной части былъ затѣмъ внесенъ на разсмотрѣніе, въ законодательномъ порядкѣ, въ соединенное присутствіе главныхъ военнаго и военно-морского судовъ, которому предоставлено было его пересмотрѣть, не колебля главныхъ основаній и общей части.

ВОИНСКІЙ УСТАВЪ О НАКАЗАНІЯХЪ 1868 Г.

Разсмотрѣнный въ этомъ соединенномъ собраніи проектъ особенной части воинскаго устава о наказаніяхъ удостоился окончательнаго, совмѣстно съ 1-мъ раздѣломъ, Высочайшаго утвержденія 5 мая 1868 года и получилъ обязательную силу съ 1 сентября того же года.

Уставъ 1868 года, по примѣру французскаго и прусскаго кодексовъ, предусматриваетъ исключительно воинскія преступленія, за преступленія же общія военно-служащіе, когда для нихъ не установлено изъятія, наказывались на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ, при чемъ эти изъятія и указаны въ четвертомъ раздѣлѣ устава.

СИСТЕМА НАКАЗАНІЙ.

По уставу 1868 года, въ отношеніи наказанія, военно-служащіе дѣлились на двѣ категоріи: 1) офицеровъ, чиновниковъ и нижнихъ чиновъ, пользующихся особыми правами состоянія и вмѣстѣ съ тѣмъ не состоящихъ на срочной службѣ, и 2) нижнихъ чиновъ, состоящихъ на срочной службѣ, хотя и пользующихся особыми правами состоянія (наемщики изъ привилегированныхъ сословій) или же хотя не состоящихъ на срочной службѣ, но и не пользующихся особыми правами состоянія. Къ первой категоріи примѣнялись всѣ общія наказанія, установленныя «Уложеніемъ» 1845 г., и нѣкоторыя спеціальныя, состоящія въ лишеніи служебныхъ правъ (исключеніе изъ службы, отставленіе и т. п.). Для лицъ же непривилегированныхъ т. е. второй категоріи, послѣ отмѣны 17 апрѣля 1863 г. тѣлесныхъ наказаній, установлены были почти исключительно различные виды лишенія свободы, а именно: каторжная работа, отдача въ крѣпостное военно-

арестантское отдѣленіе въ Сибири (для состоящихъ на срочной службѣ взамѣнъ ссылки на поселеніе), заключеніе въ крѣпости, заключеніе въ военно-исправительныхъ ротахъ, одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ и содержаніе на гауптвахтѣ (арестъ). Въ военное время допускалось назначать смертную казнь (разстрѣляніемъ) безъ лишенія правъ состоянія, когда преступленіе не было вызвано гнусными и постыдными побужденіями; при смягченіи этого наказанія, оно замѣнялось заточеніемъ на срокъ отъ 12—20 лѣтъ. Къ смертной казни, по усмотрѣнію суда, могло быть присоединено и позорное лишеніе воинской чести, сходное съ прежнимъ шельмованіемъ, заимствованное изъ французскихъ уставовъ [1]).

СВОДЪ ВОЕННЫХЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ.

Уставъ 1868 года вошелъ въ 1869 г. въ сводъ военныхъ постановленій, составивъ XXII книгу, которая вмѣстѣ съ дисциплинарнымъ (кн. XXIII) и военно-судебнымъ уставами (кн. XXIV) образовала VI часть этого свода, замѣнившаго сводъ военныхъ постановленій 1859 года, обнародованный въ 1860 году [2]), въ которомъ военно-уголовные законы были изданы въ редакціи, исправленной въ 1855 году [3]).

ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ УСТАВЪ.

Что касается дисциплинарнаго устава, то исторія его въ краткихъ чертахъ слѣдующая: въ 1855 году ст. 230, кн. I военно-уголовнаго устава была дополнена правилами «касательно существа наказаній исправительныхъ и степени власти военныхъ начальниковъ въ опредѣленіи подчиненнымъ наказаній безъ производства военнаго суда». Этими правилами до нѣкоторой степени ограниченъ былъ произволъ, царившій въ примѣненіи дисциплинарной власти въ войскахъ. Тѣмъ не менѣе, потребность въ упорядоченіи этого вопроса была настолько ощутительна, что составленное сенаторомъ Капгеромъ «положеніе объ охраненіи воинской дисциплины и взысканіяхъ дисциплинарныхъ» было тотчасъ же разсмотрѣно сперва въ особомъ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ ген.-ад. Сухозанета, а потомъ въ генералъ-аудиторіатѣ, и 5 іюля 1863 уже удостоилось Высочайшаго утвержденія [4]). 17 апрѣля того же года были изданы правила о штрафованныхъ ниж-

[1]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр. — «Сб. Законод. раб.» 1869 г. Журналы засѣданій №№ 1—4 и записки дѣлопроизводителей.
[2]) П. С. З., т. XXXV, № 36.464.
[3]) П. С. З., т. XXX, № 30.738.
[4]) П. С. З., т. XXXVIII, № 39.830.

нихъ чинахъ. Въ слѣдующемъ же году, а именно 27 августа 1864 г., было Высочайше утверждено и «Положеніе по морскому вѣдомству объ охраненіи воинской дисциплины и взысканіяхъ дисциплинарныхъ» [1]), а затѣмъ указанъ былъ и порядокъ примѣненія этихъ положеній и правилъ [2]).

Оба эти положенія, согласно указаніямъ опыта, подвергались въ 1865 [3]) и 1866 [4]) годахъ исправленію и дополненію, согласно позднѣйшимъ постановленіямъ, и въ 1869 г. были, наконецъ, изданы подъ названіемъ Дисциплинарнаго устава [5]).

НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕРЕСМОТРА ВОИНСКАГО УСТАВА О НАКАЗАНІЯХЪ 1868 ГОДА.

Воинскій Уставъ 1868 года дѣйствовалъ, однако, недолго главнымъ образомъ потому, что онъ былъ созданъ для арміи, комплектовавшейся по системѣ рекрутской повинности. Между тѣмъ эта послѣдняя у насъ, въ Россіи, исторически выработалась въ эпоху крѣпостного права и съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости потребовала коренной реорганизаціи, тѣмъ болѣе, что рекрутская повинность, при существовавшей системѣ, настолько не соотвѣтствовала уже государственной нашей жизни, что служила для государства огромнымъ бременемъ. Когда уже образована была комиссія для выработки новаго рекрутскаго устава, событія франко-прусской войны 1870—1871 годовъ выдвинули еще болѣе серьезный вопросъ—о несоотвѣтствіи нашей арміи вооруженнымъ силамъ ближайшихъ сосѣдей на Западѣ. Война эта рельефно показала преимущества арміи, устроенной по идеѣ вооруженнаго народа. Императоръ Александръ II повелѣлъ военному министру представить по этому поводу свои соображенія, вслѣдствіе чего 7 ноября 1870 г. военнымъ министромъ и были доложены двѣ записки: 1) о средствахъ къ развитію вооруженныхъ силъ государства и 2) о главныхъ основаніяхъ личной воинской повинности.

УСТАВЪ О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ 1874 Г.

Одобривъ эти записки, Императоръ Александръ II повелѣлъ составить двѣ комиссіи, надъ предсѣдательствомъ начальника главнаго штаба графа Гейдена и подъ главнымъ руководствомъ военнаго министра: 1) для разработки положенія о личной воинской повинности и

[1]) П. С. З., т. XXXIX, № 40.822.
[2]) Тамъ же, №№ 41.337, 41.497.
[3]) П. С. З., т. XL, № 41.992.
[4]) П. С. З., т. XLI, № 43.235.
[5]) П. С. З., т. XLIV, № 47.287.

2) по организаціи арміи [1]). Для примѣненія выработанныхъ комиссіей положеній къ флоту была образована особая комиссія и при морскомъ министерствѣ.

Въ 1873 году выработанный этими комиссіями проектъ устава о воинской повинности былъ разсмотрѣнъ особымъ присутствіемъ въ Государственномъ Совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича и, наконецъ, 1 января 1874 года новый уставъ о воинской повинности былъ Высочайше утвержденъ и о введеніи его было объявлено манифестомъ [2]). «Защита престола и отечества есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго— гласила 1 ст. этого устава. — Мужское населеніе, безъ различія состояній, подлежитъ воинской повинности».

Поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня арміи, вслѣдствіе прилива въ ея ряды новыхъ и лучшихъ элементовъ государственнаго населенія, короткій срокъ службы гражданъ въ войскахъ, необходимость приведенія всей системы наказаній военно-служащихъ въ соотвѣтствіе съ потребностями реорганизованной на новыхъ началахъ арміи, обусловили неизбѣжность полнаго пересмотра воинскаго устава о наказ. 1868 года.

ПЕРЕСМОТРЪ УСТАВА 1868 Г.

Съ этою цѣлью сейчасъ же образована была особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя главнаго военнаго суда ген. отъ инф. Ушакова, которая и выработала начала для согласованія воинскаго устава о наказаніяхъ съ уставомъ о воинской повинности. Начала эти были Высочайше утверждены 7 февраля 1874 года. Затѣмъ весною того же года въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, подъ руководствомъ главнаго военнаго прокурора, была разсмотрѣна общая часть, осенью — особенная часть, составленъ былъ проектъ, который при запискѣ главнаго военнаго прокурора препровожденъ былъ на разсмотрѣніе генералъ-адмирала и военнаго министра, а затѣмъ и соединеннаго присутствія главныхъ военнаго и военно-морского судовъ.

ВОИНСКІЙ УСТАВЪ О НАКАЗ. 1875 ГОДА.

Проектъ этотъ былъ 27 марта 1875 г. утвержденъ и получилъ обязательную силу съ 1 августа того же года [3]); въ томъ же

---

[1]) П. С. З., т. XLV, № 48.871, XLVIII, № 52.265.
[2]) П. С. З., т. XLIX, № 52.982.
[3]) П. С. З., т. L, № 54.536.

году былъ обнародованъ и новый военно-морской уставъ о наказаніяхъ [1]).

ВОЕННО - СУДЕБНЫЙ УСТАВЪ 1867 ГОДА

Систему наказаній лишеніемъ свободы, установленную этимъ новымъ уставомъ, мы разсмотримъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ, теперь же отмѣтимъ, что параллельно съ разработкою матеріальнаго военно-уголовнаго законодательства происходило измѣненіе и формальныхъ военныхъ законовъ. Начавшаяся въ 1857 году работа эта завершилась утвержденіемъ 15 мая 1867 года военно-судебнаго устава, который (составивъ XXIV книгу св. воен. постан. 1869 г.) и примѣнялся безъ всякихъ почти измѣненій въ продолженіе всего царствованія Императора Александра II.

Результатомъ столь продуктивной законодательной работы явилась коренная военно-тюремная реформа, къ разсмотрѣнію которой, въ ея историческомъ развитіи, мы и обратимся, остановившись отдѣльно на каждомъ видѣ лишенія свободы.

---

[1]) Тамъ же, № 54.586.

ГЛАВА XIV.

ЛИЧНЫЙ АРЕСТЪ ВЪ ВОЕННОМЪ И ГРАЖДАНСКОМЪ ВѢДОМСТВѢ ВЪ 60-ХЪ ГОДАХЪ XIX ВѢКА.

В царствованіе Императора Николая Павловича принятъ былъ рядъ мѣръ къ улучшенію русской тюрьмы и устраненію въ ней наиболѣе вопіющихъ безобразій; Императоръ лично былъ озабоченъ этимъ вопросомъ. При немъ были проектированы и строились новыя тюрьмы, по особымъ чертежамъ, улучшена была тюремная администрація, ей воспрещались неоднократными указами всякаго рода злоупотребленія властью и т. п. Разсматривая мѣста заключенія въ эпоху Императора Николая I, мы указали наиболѣе важныя распоряженія правительства въ этомъ направленіи; къ сожалѣнію, затруднительное финансовое положеніе Россіи не позволяло правительству приступить къ рѣшительному реформированію тюрьмы. Нѣсколько болѣе посчастливилось военно-карательнымъ учрежденіямъ, которыя въ эту эпоху получаютъ особенно широкое развитіе.

Тѣмъ не менѣе, къ концу царствованія Императора Николая I, русская тюрьма продолжала оставаться въ крайне печальномъ состояніи. Къ тому же недостатокъ тюремныхъ помѣщеній, въ которыхъ, съ введеніемъ «Уложенія о наказаніяхъ», ощутилась настоятельная потребность, привелъ къ необходимости, хотя временно, «впредь до устройства» тюремныхъ помѣщеній, принять рядъ мѣръ, издать рядъ правилъ о замѣнѣ лишенія свободы другими наказаніями, не имѣю-

щими по идеѣ ничего общаго съ тюремнымъ заключеніемъ, напр.,— тѣлеснымъ наказаніемъ.

Такое положеніе вещей неизбѣжно должно было обратить на себя серьезное вниманіе въ первые же годы воцаренія Императора Александра II, въ особенности же, въ виду задуманной и предстоявшей судебной реформы и возбужденнаго уже въ законодательномъ порядкѣ вопроса объ ограниченіи и даже полномъ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній.

Министерство внутреннихъ дѣлъ въ 1863 г. разослало къ начальникамъ губерній циркуляръ о скорѣйшемъ доставленіи подробныхъ свѣдѣній о состояніи мѣстъ заключенія въ управляемыхъ ими губерніяхъ. Въ періодической печати появляются обстоятельныя изслѣдованія современной русской тюрьмы, и отрицательныя ея стороны обнажаются передъ всѣми: отвратительное санитарное состояніе тюремъ, отсутствіе отдѣльныхъ камеръ, вслѣдствіе чего «при свободномъ сообщеніи между арестантами и скопленіи ихъ съ разныхъ сторонъ, люди, попадающіе въ остроги, портятся и нравственно упадаютъ гораздо ниже, чѣмъ были до заключенія», праздность, развратъ, плохая администрація, отсутствіе даже разобщенія малолѣтнихъ преступниковъ отъ взрослыхъ, «слабое развитіе въ острогахъ религіознаго элемента» [1])—вотъ тѣ мрачныя черты, которыя подчеркивала печать.

Съ вопросомъ о неустроеніи тюрьмы на первыхъ же порахъ столкнулся и учрежденный въ 1860 году особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора Губе, разрабатывавшій проектъ новаго воинскаго устава о наказаніяхъ. Иниціативу и трудъ разработки вопроса объ устройствѣ военныхъ мѣстъ заключенія принялъ на себя сенаторъ Капгеръ, который въ своемъ «Предположеніи объ устройствѣ тюремныхъ помѣщеній военнаго вѣдомства» [2]) пишетъ въ 1863 году:

СЕНАТОРЪ КАПГЕРЪ О СОВРЕМЕННЫХЪ ЕМУ МѢСТАХЪ ЗАКЛЮЧЕНІЯ ВОЕННАГО ВѢДОМСТВА.

«Существующія нынѣ мѣста заключенія какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ вѣдомствахъ устраивались въ крѣпостяхъ, городскихъ тюремныхъ замкахъ и острогахъ, а также на военныхъ гауптвахтахъ, въ разное время, подъ вліяніемъ разныхъ началъ, безъ общаго плана и системы; самое управленіе и завѣдываніе ими разъединено между многими вѣдомствами и начальниками».

---

[1]) См. «Русскій Вѣстникъ», 1863 г., № 3.
[2]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр., печатная брошюра въ 68 стр.

«Изъ мѣстъ заключенія только казематы крѣпостей нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствуютъ своему назначенію, и содержащіеся въ нихъ за политическія преступленія подчинены болѣе строгому надзору во время заключенія и устранены отъ всякаго сообщества съ посторонними, прочія же мѣста заключенія вообще не удовлетворяютъ предположенной закономъ цѣли».

«При настоящемъ положеніи мѣстъ заключенія, нерѣдко лица, прикосновенныя къ одному и тому же дѣлу, содержатся вмѣстѣ; слѣдовательно, могутъ соглашаться между собою о существѣ даваемыхъ ими передъ судомъ показаній, и тѣмъ лишить судъ всякой возможности обнаружить истину».

«Скопленіе въ одномъ помѣщеніи лицъ, обвиняемыхъ въ важныхъ, нерѣдко позорныхъ, преступленіяхъ, съ офицерами и нижними чинами, содержащимися подъ арестомъ въ видѣ исправительнаго наказанія или дисциплинарнаго взысканія за маловажныя упущенія по службѣ, оскорбительно для послѣднихъ, а постоянное сообщество съ закоренѣлыми и развратными преступниками, можетъ имѣть неблагопріятное вліяніе на ихъ нравственность».

«Недостаточное и вовсе неприспособленное къ цѣли устройство военныхъ гауптвахтъ поставляетъ караульныхъ офицеровъ въ непріятную необходимость или ослаблять строгость правилъ караульной службы, или входить съ содержащимися въ непріятныя столкновенія, отъ которыхъ возникаютъ новыя уголовныя дѣла».

«Отсутствіе всякаго удобства въ помѣщеніи, не дозволяющее арестованнымъ не только заняться какимъ-либо полезнымъ дѣломъ, но даже размыслить въ уединеніи о своемъ положеніи, соблазнительный примѣръ другихъ, слабость караульнаго надзора, который, какъ выше сказано, зависитъ также отъ недостаточнаго устройства мѣстъ заключенія, способствуютъ тому, что арестантскія помѣщенія на военныхъ гауптвахтахъ нерѣдко бываютъ театромъ отвратительнаго безчинства, и военные чины, содержащіеся въ нихъ за маловажные проступки, совершаютъ тамъ гораздо важнѣйшія преступленія. Подтвержденіемъ этому служатъ весьма многія, производившіяся въ генералъ-аудиторіатѣ, дѣла объ офицерахъ и военныхъ чиновникахъ, которые предавались пьянству и наносили оскорбленія и даже побои караульнымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ».

«Не болѣе утѣшительно положеніе большей части городскихъ тюремъ и остроговъ, въ которыхъ содержатся и гражданскіе и военные арестанты. Вездѣ почти дурной воздухъ, сырость, отсутствіе или весьма малое число отдѣльныхъ камеръ, неимѣніе мастерскихъ, неразвитіе элемента религіознаго, скудное содержаніе вольнонаемныхъ служителей и смотрителя и недостаточное его вліяніе на арестантовъ».

МѢРЫ КЪ ВЫЯСНЕНІЮ НЕОБХОДИМЫХЪ УЛУЧШЕНІЙ МѢСТЪ ЗАКЛЮЧЕНІЯ ВОЕННАГО ВѢДОМСТВА.

Подобное положеніе мѣстъ заключенія не только для отбывающихъ наказаніе по суду, но и для подслѣдственныхъ и подсудимыхъ, содержащихся подъ стражей лишь предварительно, и, въ особенности, для лицъ, подвергнутыхъ аресту въ дисциплинарномъ порядкѣ,—не

БОБРУЙСКІЙ ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ БАТАЛЬОНЪ.

Крѣпостныя ворота.

Внѣшній видъ зданія батальона.

Казарменный дворъ.

Казарменный дворъ.

Задній дворъ.

Внутренній дворъ.

могло, разумѣется, не взывать къ неотложности преобразованія военно-тюремныхъ помѣщеній. Къ тому же и возникшій уже въ то время вопросъ объ ограниченіи, по возможности, тѣлесныхъ наказаній и о совершенной ихъ отмѣнѣ впослѣдствіи—выдвинулъ на очередь проектъ о замѣнѣ тѣлеснаго наказанія лишеніемъ свободы, а именно предполагалось: вмѣсто наказанія розгами до 50 ударовъ, опредѣляемаго въ порядкѣ дисциплинарномъ, подвергать этихъ чиновъ, не пользующихся особенными правами состоянія, содержанію подъ арестомъ до 4-хъ недѣль, или же въ темномъ карцерѣ до 8 сутокъ; наказаніе же розгами отъ 50 до 200 ударовъ, назначаемое по суду, замѣнять одиночнымъ заключеніемъ на время до шести мѣсяцевъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ послѣдовало въ 1861 г. приказаніе военнаго министра ген.-ад. Сухозанета о нижеслѣдующемъ [1]):

1) «Для содержанія воинскихъ чиновъ, находящихся подъ слѣдствіемъ и судомъ, принять мѣры къ улучшенію мѣстъ заключенія военнаго вѣдомства въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, а также представить соображенія къ возведенію или приспособленію зданій для сей цѣли, какъ въ губернскихъ городахъ, такъ и въ другихъ главныхъ пунктахъ постояннаго сосредоточенія войскъ, или войти въ сношеніе съ гражданскимъ начальствомъ объ отдѣленіи въ тюремныхъ замкахъ особыхъ помѣщеній для военныхъ арестантовъ, находящихся подъ слѣдствіемъ и судомъ; и

2) Снестись со всѣми главными воинскими начальниками о доставленіи соображеній по устройству отдѣльныхъ карцеровъ, для одиночнаго заключенія нижнихъ чиновъ, которые будутъ приговариваемы къ сему роду наказанія по приговору суда, или безъ суда въ порядкѣ дисциплинарномъ, взамѣнъ тѣлеснаго наказанія, а именно при казармахъ тамъ, гдѣ оныя находятся, или же при дивизіонныхъ и полковыхъ штабахъ въ мѣстахъ постояннаго расположенія войскъ, или же, наконецъ, въ наемныхъ помѣщеніяхъ при ротныхъ и эскадронныхъ квартирахъ».

Во исполненіе этого приказа военнаго министра дежурнымъ генераломъ главнаго штаба тогда же сдѣлано было сношеніе съ главными «воинскими» начальниками, отъ которыхъ потребованы были

[1]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр.—«Предположенія объ устройствѣ тюрем. помѣщеній военнаго вѣдомства». 1863 г., стр. 23.

свѣдѣнія о томъ: 1) на какое число арестованныхъ подсудимыхъ и подслѣдственныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ необходимо имѣть особыя помѣщенія и въ какихъ именно пунктахъ, 2) сколько должно быть устроено карцеровъ при каждой отдѣльной части войскъ; 3) какой потребуется расходъ на перестройку или возведеніе зданій и на устройство карцеровъ; и 4) въ какомъ числѣ потребуется караулъ въ мѣстахъ содержанія и насколько этотъ караулъ будетъ болѣе настоящаго наряда.—Большая часть военныхъ начальниковъ доставили по этому поводу свои отзывы. Еще до полученія послѣднихъ инспекторскій департаментъ военнаго министерства, въ сентябрѣ 1861 года, по поводу крайне неудовлетворительнаго состоянія въ С.-Петербургѣ гауптвахтъ и происходящихъ отъ того безпорядковъ въ содержаніи арестованныхъ офицеровъ, уже входилъ въ военный совѣтъ съ представленіемъ о содержаніи, согласно предположенію бывшаго командира отдѣльнаго гвардейскаго корпуса ген.-ад. Плаутина, состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ арестованными офицеровъ, классныхъ чиновниковъ и вообще лицъ благороднаго званія, вмѣсто городскихъ гауптвахтъ, въ С.-Петербургской крѣпости, и объ

УСТРОЙСТВО МѢСТЪ ЗАКЛЮЧЕНІЯ ВОЕН. ВѢДОМСТВА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

устройствѣ тамъ особыхъ для содержащихся подъ стражею помѣщеній.

Военный совѣтъ нашелъ, что по причинѣ неоднократно замѣченныхъ безпорядковъ при содержаніи подсудимыхъ на гауптвахтахъ, представляется настоятельная надобность устроить для этого содержанія отдѣльное помѣщеніе, но избраніе послѣдняго въ С.-Петербургской крѣпости, по мнѣнію военнаго совѣта, можетъ придать этой мѣрѣ, вызванной дѣйствительной необходимостью и вполнѣ согласной съ общепринятой въ уголовной практикѣ понятіями о необходимости въ нѣкоторыхъ случаяхъ подвергать даже отдѣльному заключенію обвиняемыхъ по слѣдствію и суду,—характеръ особой строгости; почему, во избѣжаніе этого, военный совѣтъ положилъ: «поручить инспекторскому департаменту пріискать въ городѣ другое удобное мѣсто для устройства сего помѣщенія и пересмотрѣть правила для содержанія подсудимыхъ, дабы они не имѣли того кажущагося характера особой строгости, который не долженъ быть допускаемъ при заключеніи подсудимыхъ, не обвиненныхъ еще по суду».

На основаніи такого положенія военнаго совѣта, въ октябрѣ 1862 года, приспособлено было по чертежу, одобренному общимъ

присутствіемъ бывшаго инженернаго департамента, зданіе С.-Петербургскаго ордонансъ-гауза, для помѣщенія арестованныхъ офицеровъ, классныхъ чиновниковъ и, вообще, лицъ «благороднаго званія».

ПРОЕКТЪ КАПГЕРА.

Разсмотрѣвъ отзывы военныхъ начальниковъ [1]), затребованные военнымъ министромъ, сенаторъ Капгеръ выработалъ проектъ устройства мѣстъ заключенія военнаго вѣдомства, при чемъ имъ было принято во вниманіе, что военно-тюремныя зданія для содержанія въ нихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ во время нахожденія ихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ, а также для отбыванія наказанія по суду, должны быть, по мнѣнію военнаго начальства, устроены почти повсемѣстно, соотвѣтственно квартирному расположенію войскъ, чтобы избѣжать неудобства и лишнихъ затратъ для казны на пересылку арестуемыхъ, если мѣста заключенія будутъ устроены только въ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ пунктахъ.

Однако, постройка военно-тюремныхъ зданій по той или другой пенитенціарной системѣ потребовала бы огромныхъ издержекъ, недопустимыхъ при «нынѣшнемъ стѣсненномъ положеніи нашихъ финансовыхъ средствъ». Поэтому Капгеръ предложилъ ограничиться учрежденіемъ особыхъ военно-тюремныхъ отдѣленій при существующихъ тюрьмахъ и острогахъ гражданскаго вѣдомства, а также при городскихъ гауптвахтахъ и въ другихъ свободныхъ казенныхъ зданіяхъ. Въ Москвѣ, по предположенію московскаго военнаго генералъ-губернатора ген.-ад. Тучкова, подъ военно-тюремное отдѣленіе можно было бы приспособить существующее тамъ при хамовническихъ казармахъ особое арестантское помѣщеніе.

УСТРОЙСТВО ВОЕННО-ТЮРЕМНЫХЪ ОТДѢЛЕНІЙ.

Каждое военно-тюремное отдѣленіе должно, по проекту Капгера, состоять изъ нѣсколькихъ одиночныхъ келій для офицеровъ и нижнихъ чиновъ и двухъ особыхъ камеръ для общаго содержанія: въ одной—офицеровъ, обвиняемыхъ въ какихъ-либо не важныхъ проступкахъ, а въ другой—нижнихъ чиновъ, обвиняемыхъ въ такихъ же проступкахъ; кромѣ того,—кухня, мастерскія для занятій нижнихъ чиновъ работой, баня и пр.

---

[1]) Наиболѣе обстоятельные отзывы дали: ген.-ад. Тучковъ, ген. отъ кав. фонъ-деръ Лауницъ, ген.-ад. Коцебу, ген. отъ инф. Рокасовскій, ген. отъ инф. Офросимовъ, августѣйшіе генералъ-инспекторъ по инженерн. части и командиръ гвард. корпуса.

При устройствѣ военно-тюремныхъ отдѣленій «слѣдуетъ въ техническомъ отношеніи руководствоваться указаніями опыта», соображаясь съ существующими нынѣ пенитенціарными учрежденіями другихъ европейскихъ государствъ, и стараясь устранить недостатки, которые существуютъ въ нашихъ острогахъ и тюрьмахъ гражданскаго вѣдомства. Одиночныя кельи должны быть устроены такъ, чтобы заключенные не могли имѣть между собой никакихъ сообщеній.

Что касается порядка осуществленія и финансовой стороны, то сенаторъ Каптеръ предлагалъ приступить къ устройству военно-тюремныхъ отдѣленій при тюрьмахъ гражданскаго вѣдомства по соглашенію военнаго министерства съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, а при городскихъ гауптвахтахъ и въ другихъ свободныхъ казенныхъ зданіяхъ—по непосредственному распоряженію военнаго министра, съ отношеніемъ всѣхъ расходовъ на суммы государственнаго казначейства. Содержаніе же, а равно отопленіе и освѣщеніе этихъ отдѣленій, отнести, по ближайшемъ обсужденіи возникающаго отсюда вопроса, или на суммы, ассигнуемыя государственною смѣтою на военныя потребности, или на счетъ сбора на губернскія земскія повинности.

Устройство же общихъ и отдѣльныхъ помѣщеній или карцеровъ для содержанія офицеровъ и нижнихъ чиновъ, подвергаемыхъ аресту или одиночному заключенію безъ суда въ порядкѣ дисциплинарномъ, не можетъ, по мнѣнію Каптера, вызвать затрудненія, такъ какъ въ большей части казарменныхъ зданій всегда найдется помѣщеніе, которое можетъ быть приспособлено для этой цѣли безъ особенныхъ затратъ. Въ тѣхъ же частяхъ войскъ, которыя не имѣютъ казармъ и расположены по обывательскимъ квартирамъ, было бы удобнѣе всего устроить при полковыхъ штабахъ карцеры и общія помѣщенія для офицеровъ, а для нижнихъ чиновъ такія же временныя помѣщенія при каждомъ ротномъ дворѣ, отводя подъ нихъ особую крестьянскую избу.

Устройство военно-тюремныхъ помѣщеній Каптеръ проектируетъ возложить на особо учрежденную комиссію, а высшее завѣдываніе военно-тюремными отдѣленіями ввѣрить или дежурному генералу главнаго штаба или генералъ-аудитору военнаго министерства, смотря по тому, которому изъ нихъ будетъ предоставлено высшее управленіе арестантскими ротами военнаго вѣдомства; непосредствен-

ное же начальствованіе возложить на тюремныхъ надзирателей, завѣдываніе карцерами на начальниковъ частей войскъ [1]).

ЗНАЧЕНІЕ ПРОЕКТА КАПГЕРА О ЛИЧНОМЪ АРЕСТѢ.

Ниже мы разсмотримъ болѣе подробно проектъ сенатора Капгера о мѣстахъ заключенія военнаго вѣдомства въ отношеніи порядка содержанія въ нихъ подъ стражею военно-служащихъ, въ настоящее же время отмѣтимъ, что предположенія сенатора Капгера, по собственному его выраженію, были «составлены преимущественно съ цѣлью служить канвою или основаніемъ для будущихъ сужденій комитета, который учрежденъ будетъ для устройства военно-тюремныхъ помѣщеній».

Тѣмъ не менѣе, проектъ Капгера представляетъ огромный интересъ. Мы въ немъ встрѣчаемъ уже вполнѣ точно выраженные принципы обособленія военныхъ арестантовъ отъ гражданскихъ, раздѣленія подслѣдственныхъ отъ осужденныхъ, офицеровъ отъ нижнихъ чиновъ, а среди этихъ послѣднихъ—выдѣленіе лицъ по правамъ состоянія. Мы впервые встрѣчаемъ широкое примѣненіе началъ пенитенціарной системы въ устройствѣ самыхъ мѣстъ заключенія (келейная система) и въ порядкѣ содержанія заключенныхъ. Словомъ, «предположенія» Капгера, безспорно, представлялись новымъ словомъ, знаменательнымъ для того времени актомъ. Однако, эта первая попытка систематическаго разрѣшенія вопроса о личномъ арестѣ въ военномъ вѣдомствѣ не увидѣла жизни; нѣкоторыя изъ намѣченныхъ Капгеромъ совершенно правильно началъ даже не осуществлены до сихъ поръ, напр., отдѣленіе подслѣдственныхъ отъ прочихъ арестованныхъ и одиночное ихъ содержаніе, такъ что и до сихъ поръ подслѣдственные и состоящіе подъ судомъ воинскіе чины содержатся преимущественно въ общихъ камерахъ, что, безспорно, способствуетъ стачкамъ между ними, вреднымъ для правосудія.

До проекта Капгера мы встрѣчали только попытки частично улучшить законоположенія о личномъ арестѣ въ военномъ вѣдомствѣ.

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЯ НАКАЗАНІЯ И ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ВЛАСТЬ ВОЕННЫХЪ НАЧАЛЬНИКОВЪ.

15 апрѣля 1855 года, напримѣръ, была Высочайше утверждена докладная записка аудиторіатскаго департамента о дополненіи 230 ст. военно-уголовнаго устава «правилами касательно существа наказаній исправительныхъ и степени власти воинскихъ начальниковъ въ опре-

[1]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр. Предпол. объ устр. тюр. пом., стр. 45—54.

дѣленіи подчиненнымъ наказаній безъ производства военнаго суда» [1]). Мотивы этого дополненія: отсутствіе въ Сводѣ военныхъ постановленій точнаго опредѣленія дисциплинарной власти военныхъ начальниковъ, вслѣдствіе чего въ этомъ отношеніи царилъ полный произволъ; въ этихъ правилахъ, собственно говоря, не было никакихъ нововведеній; они представляли только систематическую сводку разновременно ранѣе изданныхъ постановленій и принятаго въ военномъ вѣдомствѣ порядка.

Въ числѣ исправительныхъ наказаній (дисциплинарныхъ взысканій) установлены были слѣдующіе виды лишенія свободы: 1) для штабъ- и оберъ-офицеровъ:—а) арестъ съ исправленіемъ должности, б) арестъ въ квартирѣ, безъ исправленія должности, в) арестъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ, г) хожденіе пѣшкомъ за фронтомъ во время похода; 2) для нижнихъ чиновъ, имѣющихъ особыя права состоянія, и нижнихъ чиновъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія по правамъ, службою пріобрѣтенныхъ—а) арестъ въ казармѣ и на гауптвахтѣ; 3) для прочихъ чиновъ: а) арестъ съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ въ казармѣ и гауптвахтѣ. Арестъ офицеровъ всегда долженъ былъ быть объявленъ въ письменномъ приказѣ.

Власть всѣхъ начальниковъ, выше начальниковъ дивизій, въ наложеніи ареста на подчиненныхъ имъ штабъ- и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ не опредѣлена вовсе; власть же прочихъ начальниковъ, въ зависимости отъ служебнаго положенія начальника и наказываемаго подчиненнаго, ограничена такимъ образомъ, что наибольшимъ срокомъ ареста штабъ-офицера, состоящаго въ полковничьемъ чинѣ, было трое сутокъ, а прочихъ штабъ-офицеровъ — недѣля, оберъ-офицеровъ — двѣ недѣли; наибольшій же срокъ ареста для нижнихъ чиновъ установленъ не былъ вовсе, какъ не былъ установленъ и самый порядокъ содержанія арестованныхъ. Такимъ образомъ, правила 15 апрѣля только отчасти могли остановить склонность войсковыхъ начальниковъ злоупотреблять своей дисциплинарной властью.

Арестъ «въ квартирѣ» — для офицеровъ, и «въ казармѣ» — для нижнихъ чиновъ или, другими словами, домашній арестъ для военнослужащихъ не былъ точнѣе опредѣленъ; въ отношеніи же лицъ

---

1) П. С. З., т. XXX, № 29.218.

гражданскаго вѣдомства 30 мая 1855 года [1]) было установлено, что арестъ этотъ отбывался исключительно въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, куда изъ уѣздовъ вызывались наказываемыя лица, при чемъ, въ случаѣ неимѣнія у нихъ въ этихъ городахъ квартиры, предписывалось на ихъ же счетъ нанимать для содержанія подъ арестомъ частныя помѣщенія.

АРЕСТЪ, КАКЪ МѢРА ПРЕСѢЧЕНІЯ.

Что же касается личнаго ареста военно-служащихъ, въ видѣ мѣры пресѣченія возможности уклониться отъ суда, то 4 мая 1856 г. [2]) было установлено: 1) штабъ- и оберъ-офицеровъ, предаваемыхъ военному суду, подвергать содержанію подъ арестомъ на гауптвахтѣ только въ такомъ случаѣ, когда они, по свойству возникшихъ обвиненій, могутъ подлежать лишенію всѣхъ правъ состоянія, или потерѣ всѣхъ принадлежащихъ имъ особыхъ правъ и преимуществъ, либо ссылкѣ.

Интересно отмѣтить, что съ изданіемъ этого законоположенія, ст. 752 военно-уголовнаго устава была дополнена еще слѣдующей мотивировкой: «Лица, состоящія подъ слѣдствіемъ или судомъ, доколѣ они не будутъ обвинены, не суть еще преступники, и посему они могутъ быть лишены свободы единственно для необходимой предосторожности. Во всякомъ случаѣ обращеніе съ ними должно быть согласно съ справедливостью и человѣколюбіемъ». Послѣ такой мотивировки совершенно непонятно, почему «справедливости и человѣколюбія» удостоились одни только штабъ- и оберъ-офицеры, находящіеся подъ слѣдствіемъ и судомъ? Впрочемъ, законъ 4 мая 1856 года былъ черезъ два года, а именно 28 февраля 1858 года [3]), распространенъ также и «на подсудимыхъ нижнихъ чиновъ изъ дворянъ и другихъ состояній, отъ тѣлеснаго наказанія изъятыхъ», но на всѣхъ прочихъ нижнихъ чиновъ «справедливое и человѣколюбивое» обращеніе не простиралось. И только въ 1861 году было разъяснено въ какихъ случаяхъ нижніе чины, не изъятые отъ тѣлеснаго наказанія и преданные военному суду, освобождаются изъ-подъ стражи и вновь подвергаются заключенію подъ стражею [4]).

---

[1]) П. С. З., т. XXX, № 29.372.
[2]) П. С. З., т. XXXI, №№ 30.468 и 30.540.
[3]) П. С. З., т. XXXIII. №№ 32.818 и 33.102.
[4]) П. С. З., т. XXXVI, №№ 36.872 и 37.099.

ДОВОЛЬСТВІЕ АРЕСТОВАННЫХЪ НИЖНИХЪ ЧИНОВЪ, СОСТОЯЩИХЪ ПОДЪ СЛѢДСТВІЕМЪ И СУДОМЪ.

Подсудимымъ нижнимъ чинамъ привилегированныхъ состояній даже довольствіе отпускалось въ увеличенномъ размѣрѣ, а именно: вмѣсто «указной дачи провіанта» отъ провіантскаго вѣдомства и 15 коп. въ мѣсяцъ «на соль», не имущимъ собственности дворянамъ и «священническимъ и діаконскимъ дѣтямъ», состоящимъ въ военной службѣ нижними чинами, не только во время содержанія ихъ подъ арестомъ, въ качествѣ подслѣдственныхъ и подсудимыхъ, но и во время содержанія подъ арестомъ по суду, 16 іюня 1858 года [1]) установлены были кормовыя деньги въ размѣрѣ: происходящимъ изъ дворянъ—по 10 коп., а прочимъ—по семи съ половиной коп. въ сутки, при чемъ семейнымъ изъ нихъ полагался полуторный окладъ (а въ Грузіи—двойной), независимо отъ того, содержались ли они въ городскихъ тюрьмахъ или на гауптвахтахъ [2]). Военно-подсудимымъ нижнимъ чинамъ, всѣмъ вообще, содержащимся въ С.-Петербургской крѣпости, полагались, вмѣсто денегъ на соль и приварка, приварочныя деньги въ половинномъ, противу опредѣленнаго войскамъ, размѣрѣ, а именно—по $1^2/_3$ коп. въ сутки [3]). Въ томъ же году установленъ былъ и размѣръ приварочныхъ денегъ военно-подсудимымъ нижнимъ чинамъ, содержащимся въ С.-Петербургскомъ ордонансъ-гаузѣ [4]). Впрочемъ, въ 1860 году эти оклады были измѣнены, и арестантамъ, содержащимся при Московскомъ и Петербургскомъ ордонансъ-гаузахъ и въ Петербургской крѣпости, установлены были 1 мая приварочныя деньги въ половинномъ, противу опредѣленнаго для войскъ, размѣрѣ, т. е. по пяти рублей въ годъ на человѣка. Такимъ образомъ, всѣ подсудимые и подслѣдственные нижніе чины непривилегированныхъ сословій получали половинное довольствіе, тогда какъ отбывающіе по суду наказаніе въ арестантскихъ ротахъ даже каторжные получали довольствіе наравнѣ съ нижними чинами [5]).

Въ 1861 году установленъ былъ и порядокъ довольствія деньгами

---

[1]) П. С. З., т. XXXVI, № 33.310.

[2]) Слѣдуетъ отмѣтить, что, согласно приказу военнаго министра отъ 16 ноября 1857 г., бывшіе подъ судомъ нижніе чины и обращенные по конфирмаціямъ вновь на службу, не считались въ пути къ новому мѣсту назначенія за арестантовъ и получали довольствіе какъ всѣ нижніе чины.

[3]) П. С. З. т. XXXVI, № 33.048.

[4]) Тамъ же, № 33.898.

[5]) П. С. З., т. XXXV, № 35.742.

арестантовъ въ казачьихъ войскахъ [1]), а 13 апрѣля 1862 года былъ пересмотрѣнъ и установленъ порядокъ производства содержанія нижнимъ воинскимъ чинамъ военно-сухопутнаго и морского вѣдомствъ, которые, состоя подъ судомъ или слѣдствіемъ, находились подъ арестомъ [2]), а именно: 1) тѣмъ изъ нихъ, которые находились подъ арестомъ въ мѣстахъ заключенія гражданскаго вѣдомства, выдавались кормовыя деньги; 2) во время же нахожденія въ мѣстахъ заключенія военнаго вѣдомства—указная дача провіанта и, оверхъ того, на соль и приварокъ по 15 коп. сер. въ мѣсяцъ на каждаго, и 3) затѣмъ уже военнымъ арестантамъ, вообще во время содержанія ихъ подъ арестомъ, жалованья не отпускалось. Нѣкоторое изъятіе изъ этого правила было лишь сдѣлано для военныхъ арестантовъ изъ нижнихъ чиновъ, содержащихся въ Царствѣ Польскомъ. Затѣмъ, 9 февраля 1864 года [3]) было установлено, что со времени поступленія арестантовъ въ военныя команды и во время заключенія ихъ на гауптвахтахъ, въ ордонансъ-гаузахъ и т. п. отпускаются имъ по требованіямъ начальниковъ тѣхъ частей и командъ, въ вѣдѣніи которыхъ они находятся, изъ провіантскаго вѣдомства кормовыя деньги по табели, ежегодно составляемой въ министерствѣ внутр. дѣлъ, о деньгахъ на прокормленіе арестантовъ гражданскаго вѣдомства. Эти же деньги отпускаются имъ отъ провіантскаго вѣдомства и во время заключенія ихъ въ тюрьмахъ гражданскаго вѣдомства. 2 ноября 1869 года [4]) послѣдовало разъясненіе, что нижніе чины изъ привилегированныхъ сословій, поступившіе на службу по найму за податныя сословія, довольствуются, во время бытности ихъ подъ арестомъ, наравнѣ съ нижними чинами изъ прочихъ сословій, а 26 мая 1872 г. было окончательно установлено отпускать всѣмъ вообще военнымъ арестантамъ, въ какихъ бы мѣстахъ заключенія они ни находились, кромѣ содержащихся въ тюрьмахъ гражданскаго вѣдомства и арестуемыхъ при своихъ частяхъ, довольствіе по табели военно-исправительныхъ ротъ [5]).

---

[1]) П. С. З., т. XXXVI, № 37.361.
[2]) П. С. З., т. XXXVII, № 38.169.
[3]) П. С. З., т. XXXIX, № 40.580.
[4]) П. С. З., т. XLIV, № 47.612.
[5]) П. С. З., т. XLVII, № 50.880.

ОТМѢНА БРИТЬЯ ГОЛОВЫ.

Отмѣтимъ, что въ 1858 году послѣдовала отмѣна бритья половины головы содержащимся подъ стражей арестантамъ, вслѣдствіе чего даже сгладилось внѣшнее отличіе подсудимыхъ отъ осужденныхъ [1]); исключеніе составляли только ссыльно-каторжные.

ПОРЯДОКЪ ПРЕПРОВОЖДЕНІЯ АРЕСТОВАННЫХЪ.

Обращено было также вниманіе и на препровожденіе арестованныхъ лицъ въ присутственныя мѣста для допросовъ и другихъ надобностей; порядокъ былъ установленъ для всѣхъ, безъ различія сословій, одинаковый; всѣ арестованные должны были препровождаться съ вооруженнымъ конвоемъ, при чемъ рекомендовалось, по возможности, не водить ихъ открыто по улицамъ, а возить въ особыхъ фургонахъ, по образцу существовавшихъ для этой цѣли въ Петербургѣ. Этимъ распоряженіемъ прекращался несоотвѣтствующій воинскому достоинству способъ препровожденія подслѣдственныхъ и подсудимыхъ военно-служащихъ. Къ сожалѣнію, и до сихъ поръ можно повсемѣстно еще наблюдать препровожденіе подъ конвоемъ пѣшимъ порядкомъ нижнихъ чиновъ, даже унтеръ-офицерскаго званія, что, разумѣется, роняетъ достоинство военнаго мундира. Въ 1862 году послѣдовало разъясненіе, что по рѣшеніи дѣлъ и по исполненіи опредѣленнаго наказанія, состоявшіе подъ слѣдствіемъ и судомъ нижніе воинскіе чины подлежали освобожденію изъ-подъ ареста и оставлялись на свободѣ, но подъ присмотромъ ближайшаго ихъ начальства; пересылка ихъ, при отправленіи на службу въ войсковыя части, должна была производиться не въ родѣ арестантовъ, но также подъ строгимъ присмотромъ [2]).

ПОРЯДОКЪ СОДЕРЖАНІЯ ПОДЪ СТРАЖЕЙ ПОДСЛѢДСТВЕННЫХЪ И ПОДСУДИМЫХЪ.

Что касается порядка содержанія подъ арестомъ военно-служащихъ, то вопросъ этотъ, какъ нами уже указано, былъ поднятъ и разсматривался параллельно съ вопросомъ объ устройствѣ вообще мѣстъ заключенія военнаго вѣдомства.

Составленныя въ 1863 году сенаторомъ Кангеромъ «предположенія объ устройствѣ тюремныхъ помѣщеній военнаго вѣдомства» [3]) различали: 1) порядокъ содержанія офицеровъ и 2) нижнихъ чиновъ. Находя, что лица, состоящія подъ слѣдствіемъ и судомъ, должны быть

---

[1]) П. С. З., т. XXXIII, № 33.748.
[2]) П. С. З., т. XXXVII, № 38.090.
[3]) Арх. Гл. В. Суд. Упр.—брошюра на 68 стр., см. стр. 51 и послѣд.

менѣе стѣснены въ порядкѣ содержанія, чѣмъ лица, подвергнутыя заключенію въ видѣ наказанія, сенаторъ Капгеръ полагалъ въ отношеніи офицеровъ ввести слѣдующія лишь стѣсненія: 1) отобраніе шпаги и воспрещеніе во время содержанія подъ стражей носить знаки отличія; 2) обязанность имѣть собственныя одежду, бѣлье и обувь во время содержанія подъ стражей; 3) отпускъ отъ казны пищи «безъ всякаго излишества», на счетъ положеннаго арестованнымъ половиннаго содержанія или кормовыхъ денегъ; 4) содержаніе въ общей камерѣ, или въ одиночныхъ кельяхъ по распоряженію слѣдственной или судебной власти; 5) дозволеніе прогулокъ лишь на дворѣ тюремнаго зданія или на платформѣ; 6) обязательное посѣщеніе богослуженій (при тюрьмѣ) въ воскресные и праздничные дни; 7) черезъ недѣлю или двѣ отправленіе въ баню; 8) право свиданія съ посторонними лишь съ разрѣшенія судебной и слѣдственной власти, а также тюремной администраціи, а если нужно, то въ присутствіи назначенныхъ ею лицъ.

Затѣмъ право переписки, если не послѣдуетъ особаго распоряженія, куренія табаку и «умѣреннаго» употребленія вина не было стѣснено.

Въ отношеніе же нижнихъ чиновъ Капгеръ проектировалъ:

1) снабжать ихъ отъ комиссаріатскаго вѣдомства особою одеждою, бѣльемъ и обувью, полагая на каждаго: фуражку изъ темно-зеленаго сукна, шинель изъ сѣраго сукна, шаровары—одну пару изъ темно-зеленаго сукна для зимняго времени и двѣ пары изъ подкладочнаго холста для лѣтняго времени, двѣ холщевыя рубахи, двѣ пары полусапогъ и галетухъ; 2) на прокормленіе производить происходящимъ изъ дворянъ, купцовъ первыхъ двухъ гильдій и почетныхъ гражданъ или изъ священническихъ и діаконскихъ дѣтей, наравнѣ съ гражданскими арестантами одного съ ними состоянія, а именно: дворянамъ—по 10 коп., а прочимъ—по $7^1/_2$ коп. въ сутки; остальнымъ же нижнимъ чинамъ: каждому—указную дачу провіанта и по 15 коп. на соль и, сверхъ того, приварокъ; 3) содержать въ общей камерѣ или въ одиночныхъ кельяхъ, въ которыхъ имѣть койку съ соломенникомъ, подушкой, набитой соломой, простыней и одѣяломъ изъ сѣраго крестьянскаго сукна; 4) нижнихъ чиновъ, не пользующихся особыми правами состоянія, дозволялось, по требованію слѣдователей и суда, заковывать

въ кандалы, а осужденныхъ къ ссылкѣ на поселеніе или въ каторжную работу—обязательно заковывать, когда приговоры войдутъ въ законную силу; 5) обязательное отправленіе въ баню; 6) обученіе рекрутской школѣ не менѣе 4-хъ часовъ въ сутки, на тюремномъ дворѣ и съ ружьями безъ штыковъ и съ деревянными шомполами; 7) обязательныя назиданія въ вѣрѣ, и все прочее, какъ и въ отношеніи офицеровъ.

ПОРЯДОКЪ СОДЕРЖАНІЯ ПОДЪ СТРАЖЕЮ ПО СУДУ.

Въ томъ же порядкѣ должны были содержаться на гауптвахтѣ и въ крѣпостныхъ казематахъ осужденные къ этому наказанію по судебнымъ приговорамъ офицеры, съ тою лишь разницею, что они заключались каждый отдѣльно въ одиночной кельѣ; имъ воспрещалось куреніе и употребленіе вина, ограничено было право свиданій; прогулки ограничены были лишь часомъ въ сутки.

Юнкера, унтеръ-офицеры и нижніе чины, пользующіеся по происхожденію особенными правами, отбывали заключеніе въ крѣпостныхъ казематахъ и одиночный арестъ—на гауптвахтѣ или въ особо устроенномъ для того помѣщеніи; всѣ же прочіе нижніе чины заключеніе отбывали въ крѣпостномъ казематѣ, одиночное заключеніе—въ устроенныхъ для того помѣщеніяхъ и, наконецъ, арестъ—тамъ же, но съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ.

Въ особыхъ помѣщеніяхъ нижніе чины содержались каждый отдѣльно, спали на голыхъ нарахъ, освѣщеніе на ночь имъ не давалось; горячую пищу они, въ продолженіе первыхъ четырехъ недѣль, получали черезъ два дня на третій, а по истеченіи четырехъ недѣль—черезъ день; въ прочіе же дни—одинъ лишь хлѣбъ, по 3 фунта, соль и воду; свиданіе съ посторонними, куреніе и употребленіе водки имъ было воспрещено. Въ продолженіе заключенія арестованные нижніе чины поручались особому наблюденію священника, для духовнаго назиданія, и обучались грамотѣ, а по желанію—и мастерству. Если работы производились въ общихъ мастерскихъ, то примѣнялась система молчанія. Четверть заработанныхъ арестованными денегъ выдавалась имъ, по освобожденіи изъ-подъ стражи, на руки въ собственность. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ заключеніе соединялось съ содержаніемъ въ темномъ карцерѣ.

ПОРЯДОКЪ СОДЕРЖАНІЯ ПОДЪ ДИСЦИПЛИНАРНЫМЪ АРЕСТОМЪ.

Наконецъ, что касается содержанія подвергшихся аресту или заключенію въ дисциплинарномъ порядкѣ, то таковое отбывалось офи-

церами на гауптвахтѣ или въ особо устроенномъ для того мѣстѣ, въ общихъ помѣщеніяхъ или карцерахъ, устроенныхъ при полкахъ и командахъ. Имъ дозволялось имѣть собственныя постель и пищу, воспрещались игры и пѣсни, употребленіе вина и куреніе табаку; они должны были быть въ обыкновенной формѣ, безъ знаковъ отличія.

Для нижнихъ же чиновъ установлены были въ проектѣ Капгера слѣдующіе виды ареста и заключенія: 1) для пользующихся по происхожденію особыми правами и необязанныхъ срочною по закону службою — арестъ на гауптвахтѣ или въ особо устроенномъ для того мѣстѣ и 2) для прочихъ — арестъ на гауптвахтѣ или казармѣ, одиночное заключеніе на хлѣбѣ и водѣ или еще и въ темномъ карцерѣ.

Въ общемъ помѣщеніи юнкера и нижніе чины, пользующіеся особенными правами состоянія, должны содержаться отдѣльно отъ остальныхъ нижнихъ чиновъ. Арестованные спятъ на голыхъ нарахъ, имѣя въ изголовьи по одной подушкѣ, набитой соломой. Пища имъ присылается изъ ротъ или командъ, въ которыхъ они числятся; въ опредѣленное время они выводятся на ученье, а нижніе чины, не пользующіеся по происхожденію особенными правами состоянія, сверхъ того, и на полковыя или командныя работы; арестованнымъ воспрещается куреніе табаку, употребленіе водки, всякаго рода игры, пѣніе и сношеніе съ посторонними.

Нижнимъ чинамъ, содержащимся на хлѣбѣ и водѣ, не полагалось даже подушки; горячая пища имъ отпускалась черезъ два дня на третій; то же соблюдалось въ отношеніи арестованныхъ въ темномъ карцерѣ.

ПРОЕКТЪ ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННАГО КОМИТЕТА.

Проектъ Капгера, какъ было нами указано, по разсмотрѣніи его въ комиссіи генерала Непокойчицкаго, не былъ принятъ. Высочайше учрежденный затѣмъ комитетъ выработалъ новый проектъ «Положеній о мѣстахъ заключенія военнаго вѣдомства», опубликованный въ 1864 году [1]).

Составители этого проекта приняли во вниманіе, что лица военнаго вѣдомства, состоявшія подъ слѣдствіемъ и судомъ арестованными, содержались на гауптвахтахъ, а частью—въ городскихъ тюремныхъ

[1]) Арх. Гл. В. Суд. Упр. «Объяснит. зап. по проектамъ положеній о мѣстахъ заключенія воен. вѣд.», Спб., 1864, стр. 24.

замкахъ и острогахъ, между тѣмъ по опытамъ было дознано, что всѣ эти мѣста заключенія вовсе не соотвѣтствовали этой цѣли, не представляя, въ большей части случаевъ, никакихъ удобствъ къ разобщенію и содержанію арестованныхъ, сообразно требованіямъ закона.

СУДЕБНЫЯ ТЮРЬМЫ.

На этомъ основаніи, имѣя въ виду, что правильное осуществленіе предпринятой у насъ въ то время военно-судебной реформы, могло встрѣтить положительныя препятствія въ будущемъ, по недостатку тюремныхъ помѣщеній, комитетъ предположилъ: для содержащихся подъ стражею устроить особыя судебныя тюрьмы во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по проекту новаго военно-уголовнаго судопроизводства, будутъ учреждены постоянные военные суды. Тюрьмы эти должны состоять: 1) изъ нѣсколькихъ общихъ камеръ: а) для офицеровъ и чиновниковъ военнаго вѣдомства, б) для унтеръ-офицеровъ, пользующихся особенными правами состоянія и в) для нижнихъ чиновъ, не пользующихся особенными правами состоянія; и 2) изъ одиночныхъ камеръ для келейнаго заключенія тѣхъ изъ отданныхъ подъ стражу, о которыхъ послѣдуетъ такое требованіе со стороны слѣдователей или суда.

По собраннымъ комитетомъ свѣдѣніямъ, число подсудимыхъ и подслѣдственныхъ лицъ, содержавшихся подъ стражею за пятилѣтіе съ 1858 г. по 1862 г., относилось къ общей численности войскъ, какъ 1 : 160, т. е. при устройствѣ тюремъ для подсудимыхъ и подслѣдственныхъ нужно было ихъ разсчитать по 1 на каждые 160 человѣкъ воинскихъ чиновъ, подсудныхъ данному военному суду.

ПОРЯДОКЪ СОДЕРЖАНІЯ ПОДЪ СТРАЖЕЙ.

При обсужденіи вопроса о порядкѣ содержанія для отдаваемыхъ подъ стражу, комитетъ имѣлъ въ виду, что этотъ родъ лишенія свободы имѣетъ характеръ охранительной мѣры, собственно для пресѣченія обвиняемымъ по слѣдствію и суду возможности укрываться и входить въ противозаконныя стачки и сношенія. На этомъ основаніи комитетъ предложилъ предоставить заключеннымъ этой категоріи возможныя въ тюрьмѣ облегченія, не входя въ подробности порядка ихъ содержанія, которыя должны быть опредѣляемы самими слѣдователями или судебною властью для каждаго изъ отдаваемыхъ подъ стражу. Общія же на этотъ предметъ правила заключались въ слѣдующемъ:

а) отъ офицеровъ и чиновниковъ военнаго вѣдомства отбирать

оружіе, обязавъ ихъ носить установленную форму и имѣть собственную одежду, бѣлье и обувь; пищу для нихъ приготовлять въ самой тюрьмѣ на отпускаемыя имъ по закону кормовыя деньги или половинное жалованье; дозволить имъ умѣренное употребленіе вина, куреніе табаку, прогулку въ тюремной оградѣ и всякія занятія, не нарушающія тишины и благочинія, и

б) этотъ же порядокъ примѣнять и къ содержанію нижнихъ чиновъ, но на время нахожденія въ тюрьмѣ отпускать имъ особую одежду, по пѣхотнымъ образцамъ, а на продовольствіе — указную дачу провіанта и 2½ к. въ день на соль и приварокъ для каждаго. Затѣмъ, въ видахъ предосторожности отъ побѣговъ, обвиняемыхъ въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ и особенно приговоренныхъ къ ссылкѣ на поселеніе и въ каторжную работу содержать въ оковахъ. Кромѣ того, комитетъ предложилъ нижнихъ чиновъ, содержащихся въ общихъ камерахъ и свободныхъ отъ оковъ, обучать три раза въ недѣлю строевымъ движеніямъ.

ВОЕННЫЯ ТЮРЬМЫ.

Что касается содержанія осужденныхъ къ одиночному заключенію по суду на время отъ 1 до 6 мѣсяцевъ, то комитетъ проектировалъ для офицеровъ отбываніе этого заключенія взамѣнъ содержанія на гауптвахтѣ, а для нижнихъ чиновъ, вмѣсто тѣлеснаго наказанія, согласно Высочайшему повелѣнію, объявленному въ приказѣ по воен. вѣд. 17 апрѣля 1863 г., № 120,—въ особыхъ военныхъ тюрьмахъ, объ устройствѣ которыхъ и порядкѣ содержанія въ нихъ мы болѣе подробно скажемъ въ главѣ, посвященной военнымъ тюрьмамъ.

Комитетъ, однако, предусмотрѣлъ, что, по недостатку или неустройству тюремъ, въ виду затруднительнаго финансоваго положенія Россіи, необходимо будетъ отдаваемыхъ подъ стражу содержать въ дисциплинарныхъ мѣстахъ заключенія, къ разсмотрѣнію которыхъ и обратимся.

ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АРЕСТЪ ПО ПОЛОЖЕНІЮ 6 ІЮНЯ 1863 Г.

Высочайше утвержденнымъ 6 іюня 1863 года положеніемъ объ охраненіи воинской дисциплины, по редакціи 7 апрѣля 1865 г. [1]), въ числѣ дисциплинарныхъ взысканій для офицеровъ, военныхъ чиновниковъ и нижнихъ чиновъ установлены были: арестъ домашній, съ исправленіемъ или безъ исправленія должности, не болѣе 2 недѣль и—

[1]) П. С. З. т. XXXVIII, № 39.830, т. XL, № 41.992.

на гауптвахтѣ, на время не свыше одного мѣсяца. Взысканіе это, собственно для нижнихъ чиновъ, обязанныхъ срочною по закону службою, имѣло слѣдующіе виды: простой арестъ на гауптвахтѣ или въ особо устроенномъ помѣщеніи до одного мѣсяца, арестъ съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ въ одиночномъ заключеніи, на время до 2 недѣль и заключеніе въ темномъ карцерѣ, также съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ, не свыше 8 дней. Что касается порядка арестованія и содержанія подъ арестомъ, то въ Положеніи 6 іюня 1863 г. имѣются слѣдующія указанія: раньше всего предписывалось начальнику «удерживаться, доколѣ виновный находится въ нетрезвомъ состояніи, входить съ нимъ въ личныя объясненія и сношенія, ограничиваясь предварительно однимъ лишь арестованіемъ его черезъ военную или полицейскую стражу, и предупреждая такимъ образомъ всякое могущее быть съ нимъ столкновеніе. Сообразно сему, предписывается особенная осторожность и въ обращеніи съ нижними чинами, находящимися въ нетрезвомъ видѣ, дабы не подавать имъ повода къ буйству, или къ нарушенію воинскаго чинопочитанія и повиновенія». Нарушеніе этого требованія обложено было строгимъ наказаніемъ. Къ сожалѣнію, правило это въ настоящее время изъято изъ дисциплинарнаго Устава, вслѣдствіе чего значительный процентъ судныхъ дѣлъ возникаетъ именно на этой почвѣ.

Арестованіе офицеровъ и чиновниковъ военнаго вѣдомства всегда назначалось «письменно», за исключеніемъ случаевъ, когда арестъ опредѣлялся не въ видѣ наказанія, но какъ «мѣра предупрежденія большого безпорядка, или когда взятіе виновнаго подъ стражу должно быть тотчасъ исполнено на мѣстѣ и не терпитъ отлагательства», но и въ этихъ случаяхъ полагалось объявить впослѣдствіи, «въ предписаніи или приказѣ, о причинѣ арестованія виновнаго». То же правило установлено было и въ отношеніи арестованія нижнихъ чиновъ на срокъ болѣе 8 дней, въ одиночномъ заключеніи, на хлѣбѣ и водѣ—болѣе пяти дней и въ темномъ карцерѣ—болѣе двухъ сутокъ.

Самое примѣненіе начальствомъ дисциплинарнаго ареста было ограничено въ томъ отношеніи, что высшая мѣра могла быть опредѣлена «только при обстоятельствахъ, особенно увеличивающихъ вину, или въ случаяхъ, закономъ именно постановленныхъ». Генералы, полковые и другіе командиры, пользующіеся равною съ ними властью,

могли быть подвергнуты дисциплинарному аресту только по Высочайшему повелѣнію или приговору суда. Однако, въ случаяхъ особенно важныхъ (открытаго неповиновенія и возмущенія, неисполненія долга въ дѣлахъ противъ непріятеля и т. п.) начальство было уполномочено и этихъ лицъ «брать подъ стражу».

За болѣе важные проступки, сдѣланные внѣ службы, виновные нижніе чины подвергались или аресту на болѣе продолжительное время, или одиночному заключенію, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ, или такому же заключенію въ темномъ карцерѣ; а когда болѣе важные проступки совершены во время служебныхъ обязанностей, или касались службы, то арестъ назначался «всегда въ усиленной мѣрѣ».

Такія ограниченія, безспорно, введены были съ цѣлью упорядоченія пользованія дисциплинарной властью начальниковъ, привыкшихъ въ предшествующее время къ широкому произволу.

Въ случаѣ противодѣйствія распоряженію начальника идти подъ арестъ, начальникъ былъ въ правѣ употребить силу, и для взятія виновнаго подъ стражу отрядить команду. Воспрещалось подвергать аресту, въ видѣ дисциплинарнаго взысканія, безъ положительнаго означенія срока, то есть опредѣлять арестъ впредь до распоряженія. Воспрещалось содержать подъ арестомъ офицеровъ и юнкеровъ вмѣстѣ съ нижними чинами, не пользующимися особенными правами состоянія.

Арестованный съ содержаніемъ на гауптвахтѣ всегда устранялся отъ исполненія обязанностей службы, арестованный же въ квартирѣ, или на дому, устранялся или не устранялся, согласно распоряженію начальства. Въ мѣстахъ, гдѣ не было гауптвахтъ, или достаточнаго въ нихъ помѣщенія, дозволялось замѣнять содержаніе на гауптвахтѣ арестомъ въ квартирѣ или на дому, съ приставленіемъ часового. Во время похода арестованный назначался идти за фронтомъ. Отъ арестованнаго на гауптвахтѣ или на дому съ приставленіемъ часового, или во время похода, подъ конвоемъ или безъ конвоя, отбиралась шпага и оружіе, не исключая и того, на которомъ имѣлись орденскіе знаки. Отобранныя шпага и оружіе хранились въ продолженіе ареста въ дежурной комнатѣ, или у того начальника, которымъ былъ произведенъ арестъ. Съ истеченіемъ срока, арестованный немедленно освобождался и ему возвращались отобранныя у него шпага и оружіе.

Въ продолженіе ареста никто къ арестованному не допускался, безъ особаго на то разрѣшенія главнаго по караулу начальника, и безъ крайней необходимости. За самовольное оставленіе домашняго ареста, виновный подвергался аресту на гауптвахтѣ съ увеличеніемъ срока ареста вдвое. За самовольное же оставленіе домашняго ареста съ приставленіемъ часового, а также ареста на гауптвахтѣ, виновный подвергался отвѣтственности по суду.

Арестованные нижніе чины содержались согласно приказанію начальника, или вмѣстѣ въ общей арестантской, или каждый отдѣльно и помѣщались въ свѣтлой комнатѣ, днемъ съ голыми нарами, а на ночь давалась имъ подушка; пища пересылалась изъ ротъ; въ часы, назначенные для ученья и работы, арестованные выводились на ученье и работы. Арестованнымъ нижнимъ чинамъ воспрещалось куреніе табака, употребленіе водки, всякаго рода игры и пѣсни, а также сообщеніе съ посторонними. Нижнимъ чинамъ, подвергнутымъ одиночному заключенію, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ, ежедневно отпускалась соль, а горячая пища черезъ два дня на третій; они спали на голыхъ нарахъ и освѣщенія на ночь имъ не полагалось. То же соблюдалось въ отношеніи нижнихъ чиновъ, подвергнутыхъ одиночному заключенію въ темномъ карцерѣ.

Нижніе чины, находящіеся въ разрядѣ штрафованныхъ [1]), кромѣ того, могли быть, безъ формальнаго военнаго суда, а по опредѣленію лишь дисциплинарнаго суда, подвергнуты одиночному заключенію на время не свыше 2-хъ мѣсяцевъ; осужденные къ этому наказанію содержались въ крѣпости, а въ случаѣ отдаленности крѣпости, одиночное это заключеніе замѣнялось одиночнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ гражданскаго вѣдомства, или въ особо устроенномъ для того помѣщеніи; они содержались отъ двухъ до четырехъ недѣль на хлѣбѣ и водѣ и поручались особенному наблюденію офицера, а также полкового или мѣстнаго священника для духовнаго назиданія.

ДИСЦИПЛИНАРНЫЯ МѢСТА ЗАКЛЮЧЕНІЯ ПО ПРОЕКТУ.

По указаніямъ опыта совокупное содержаніе арестантовъ нерѣдко служило для нихъ поводомъ къ различнымъ безчинствамъ; но недостаточность помѣщеній и тѣснота гауптвахтъ лишали возможности разобщать арестованныхъ, а, слѣдовательно, и поддерживать въ этихъ

---

[1]) Н. С. З., XXX, 39.508.

учрежденіяхъ должный порядокъ. Поэтому Высочайше учрежденный комитетъ въ своемъ проектѣ устройства мѣстъ заключенія принялъ за основное правило: всѣхъ вообще арестованныхъ содержать отдѣльно: офицеровъ и чиновниковъ — въ одиночныхъ камерахъ, а нижнихъ чиновъ — въ одиночныхъ карцерахъ [1]). Каждая камера и каждый карцеръ должны быть не менѣе $10^1/_2$ фут. длины, 7 фут. ширины и 10 фут. высоты; впрочемъ, они могли быть и другихъ размѣровъ, лишь бы содержали не менѣе 2,25 кубическихъ саженъ воздуха и не препятствовали арестованнымъ свободно двигаться и лежать. Они должны быть сухи и имѣть правильно устроенную вентиляцію. Устроить такія мѣста заключенія проектировалось при всѣхъ вообще штабахъ, бригадахъ, полкахъ, батальонахъ, дивизіонахъ, ротахъ, эскадронахъ, батареяхъ и командахъ.

При расположеніи войскъ въ казармахъ, надлежало въ нихъ же устраивать камеры и карцеры, а при размѣщеніи въ деревняхъ—въ крестьянскихъ избахъ по отводу. Очевидно, что устройство дисциплинарныхъ мѣстъ, управленіе ими и назначеніе къ нимъ часовыхъ, должно было лежать на обязанности и попеченіи непосредственныхъ начальниковъ частей, при которыхъ они учреждены; для ближайшаго же надзора за ними и за порядкомъ содержанія арестованныхъ, начальники эти могли бы назначать офицера и необходимое число нижнихъ чиновъ.

Отмѣтимъ, что, въ частности, относительно устройства карцеровъ въ войскахъ, расположенныхъ по обывательскимъ квартирамъ и въ казармахъ, принадлежащихъ гражданскому вѣдомству, 19 іюня 1867 года [2]), послѣдовалъ указъ, установившій, въ видѣ временной мѣры, чтобы эти карцера устраивались согласно Уставу о земскихъ повинностяхъ (ст. ст. 338, 339, 387 и 395), т.-е. такъ же, какъ для лицъ гражданскихъ.

Относительно порядка содержанія подвергаемыхъ дисциплинарному аресту комитетъ опредѣлилъ: а) отъ офицеровъ и чиновниковъ отбирать оружіе, обязавъ ихъ носить установленную форму и имѣть собственную пищу, одежду, бѣлье, обувь и постель; дозволять имъ

---

[1]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр. «Объясн. зап.». Спб. 1864 г., стр. 33.
[2]) П. С. З., т. XLII, № 44.717.

всякія занятія, не нарушающія тишины и благочинія, также умѣренное употребленіе вина, куреніе табаку, свиданіе съ родными и знакомыми (въ опредѣленные часы и, если можно, въ назначенной для того комнатѣ) и прогулку на свѣжемъ воздухѣ въ виду караула; самовольныя же отлучки строго воспретить; б) правила эти примѣнялись и къ арестованнымъ юнкерамъ, унтеръ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ изъ лицъ, необязанныхъ срочною по закону службою, съ тѣмъ однако, чтобы употребленіе водки и вина было имъ воспрещено. Остальныхъ затѣмъ нижнихъ чиновъ предписывалось: «содержать въ дисциплинѣ и опрятности, воспретивъ имъ куреніе табака, употребленіе водки и всякія отношенія съ посторонними»; дозволеніе имъ работать въ карцерахъ предоставить усмотрѣнію начальства; бѣлье для перемѣны и пищу доставлять имъ изъ своихъ частей войскъ, при чемъ тѣмъ изъ нихъ, которые содержатся на хлѣбѣ и водѣ, или же въ темномъ карцерѣ, отпускать ежедневно хлѣбъ, соль и воду, а горячую пищу—черезъ два дня на третій.

Общій выводъ.

Сравнивая проектъ комитета съ проектомъ Каптера, слѣдуетъ отмѣтить, что, при всѣхъ преимуществахъ перваго, онъ напрасно отвергъ предложенный Каптеромъ обязательный трудъ и занятія для арестованныхъ нижнихъ чиновъ; если съ практической стороны это сопряжено съ трудностями (освобожденіе изъ-подъ ареста каждый разъ), то зато это устраняетъ праздность арестованныхъ и лишаетъ кратковременный арестъ для нижнихъ чиновъ характера отдыха. Съ другой стороны, въ обоихъ проектахъ совершенно не упоминается о необходимости контроля надъ мѣстами заключенія со стороны судебныхъ органовъ, чѣмъ безспорно гарантировались бы соблюденіе установленнаго порядка содержанія арестованныхъ и правильность наложенія на нихъ этихъ тягчайшихъ дисциплинарныхъ взысканій.

Дисциплинарный уставъ 1869 года.

Вслѣдствіе признанной военнымъ министерствомъ необходимости пересмотрѣть, согласно указаніямъ опыта, положеніе 1863 года о взысканіяхъ дисциплинарныхъ, сдѣлано было сношеніе съ главными военными начальниками о доставленіи замѣчаній на тѣ параграфы Положенія, которые въ примѣненіи на практикѣ обнаружили какія-либо неудобства. Затѣмъ, по Высочайшему повелѣнію, эти замѣчанія были переданы на разсмотрѣніе особо учрежденной комиссіи, которая, измѣнивъ, сообразно сдѣланнымъ замѣчаніямъ и требованіямъ опыта,

нѣкоторыя правила Положенія 1863 г., составила дисциплинарный Уставъ, который былъ затѣмъ разсмотрѣнъ въ соединенномъ собраніи главныхъ военнаго и военно-морского судовъ, въ составъ котораго были по Высочайшему повелѣнію назначены особыя лица отъ военно-сухопутнаго и морского вѣдомствъ. Этотъ дисциплинарный Уставъ былъ утвержденъ Императоромъ Александромъ II 7 іюля 1869 года и введенъ въ дѣйствіе цѣликомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже введенъ былъ военно-судебный Уставъ [1]).

ЛИШЕНІЕ СВОБОДЫ ПО УСТАВУ 1869 ГОДА.

Дисциплинарный Уставъ установилъ слѣдующія взысканія лишеніемъ или, по крайней мѣрѣ, ограниченіемъ свободы:

А. Въ отношеніи рядовыхъ и ефрейторовъ: 1) воспрещеніе отлучаться изъ казармы или со двора на время до трехъ мѣсяцевъ и свыше того — «на болѣе или менѣе продолжительное время», какъ говоритъ Уставъ, не ограничивая опредѣленнымъ срокомъ; 2) назначеніе на случающіяся по ротѣ работы на время не болѣе 8 нарядовъ; 3) назначеніе не въ очередь на службу не болѣе восьми сутокъ; 4) простой арестъ на время не свыше мѣсяца; 5) строгій арестъ на время не свыше 20 сутокъ; 6) усиленный арестъ на время не свыше 8 сутокъ.

Б. Въ отношеніи унтеръ-офицеровъ, не должно было примѣняться наказаніе принудительнымъ трудомъ (нарядъ на работы) и они не подвергались усиленному аресту, а фельдфебеля, кромѣ того, и строгому аресту.

В. Въ отношеніи офицеровъ портупей-юнкеровъ, кандидатовъ на классную должность и гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства: 1) нарядъ не въ очередь на службу и 2) арестъ домашній и на гауптвахтѣ на время до 1 мѣсяца.—Генералы, полковые командиры и др. начальники, пользующіеся равною съ ними властью, за исключеніемъ чрезвычайныхъ случаевъ, указанныхъ въ Уставѣ, могли быть подвергнуты аресту въ порядкѣ дисциплинарномъ не иначе, какъ по Высочайшему повелѣнію.

Что касается минимальнаго срока ареста, то, какъ видно изъ § 57 Устава, онъ не могъ быть менѣе 24 часовъ.

---

[1]) П. С. З., т. XLIV, № 47.287.

ПОРЯДОКЪ СОДЕРЖАНІЯ ПОДЪ АРЕСТОМЪ.

При назначеніи мѣсячнаго ареста какъ нижнимъ чинамъ, такъ и офицерамъ мѣсяцъ считался всегда въ тридцать сутокъ.

Портупей-юнкера и кандидаты на классную должность не должны были содержаться подъ арестомъ вмѣстѣ съ другими нижними чинами, при чемъ по возможности слѣдовало отдѣлять также унтеръ-офицеровъ отъ рядовыхъ, и арестованныхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ отъ находящихся подъ слѣдствіемъ и судомъ.

Аресты для нижнихъ чиновъ состояли въ слѣдующемъ: 1) простой арестъ въ томъ, что виновные содержались, каждый отдѣльно, въ свѣтломъ карцерѣ. Они могли быть выводимы на ученья и работы, получали пищу не иначе какъ изъ ротъ и спали на голыхъ нарахъ; 2) строгій арестъ въ томъ, что арестованные содержались въ свѣтломъ карцерѣ, но на хлѣбѣ и водѣ. Имъ отпускались хлѣбъ и соль ежедневно, а горячая пища изъ ротъ же — черезъ два дня въ третій. На работы и ученья они не выводились, спали на голыхъ нарахъ; 3) усиленный арестъ состоялъ въ содержаніи въ темномъ карцерѣ, съ соблюденіемъ въ остальномъ правилъ, установленныхъ для строгаго ареста.

Арестованнымъ нижнимъ чинамъ воспрещалось куреніе табака, употребленіе водки, всякаго рода игры и пѣсни, а также сообщеніе съ посторонними.

Аресты для офицеровъ состояли: 1) въ домашнемъ арестѣ, т.-е. въ содержаніи на квартирѣ, въ дежурной или какой-либо другой особой комнатѣ при полку, съ исправленіемъ или безъ исправленія служебныхъ обязанностей, при чемъ не отбиралось оружіе; 2) въ арестѣ на гауптвахтѣ, т.-е. въ содержаніи на гауптвахтѣ, безъ исправленія обязанностей службы. За неимѣніемъ гауптвахты офицеры и чиновники содержались на квартирѣ или въ особой комнатѣ, съ приставленіемъ часового. Отъ арестованнаго съ содержаніемъ на гауптвахтѣ или на дому съ приставленіемъ часового отбиралась шпага или иное присвоенное ему по роду службы оружіе, не исключая и того, на которомъ имѣются орденскіе знаки и другія украшенія. Отобранное у арестованнаго оружіе хранилось въ продолженіе ареста подъ знаменами или у начальника части. Во время похода арестованные офицеры назначались идти за фронтомъ. Нижніе же чины во время похода или въ мѣстахъ, гдѣ

содержаніе подъ арестомъ оказывалось невозможнымъ, назначались либо на работы (взамѣнъ простого ареста), либо ставились подъ ружье въ полноіі боевой походной амуниціи (взамѣнъ строгаго и усиленнаго ареста); въ кавалеріи же, взамѣнъ арсста, нижніе чины слѣдовали въ походѣ пѣшкомъ, за казначейскимъ ящикомъ, въ полной амуниціи. Въ отличіе отъ положенія 1863 года, дисциплинарный Уставъ допускаетъ арестованіе и словесно, а не исключительно письменно.

Сравнивая дисциплинарный Уставъ съ положеніемъ 1863 года, слѣдуетъ отмѣтить, что въ дисциплинарномъ Уставѣ замѣтно выдвинуты соображенія практическаго характера, иногда даже въ ущербъ принципіальной сторонѣ.

УПРАЗДНЕНІЕ ОРДОНАНСЪ-ГАУЗОВЪ.

Близившаяся судебная реформа, съ одной стороны, и вновь проектированное устройство мѣстъ заключенія военнаго вѣдомства—съ другой поставили неизбѣжно на очередь вопросъ объ упраздненіи ордонансъ-гаузовъ, выполнявшихъ, такъ сказать, двойную функцію: судебнаго учрежденія и военнаго мѣста заключенія; съ реформой этапнаго порядка препровожденія арестантовъ, ордонансъ-гаузы утратили свое значеніе и въ этомъ отношеніи. Вотъ почему со второй половины XIX вѣка, въ царствованіе императора Александра II, ордонансъ-гаузы постепенно упраздняются въ Севастополѣ [1]), Казани [2]), Астрахани [3]), Смоленскѣ [4]), Архангельскѣ [5]), Омскѣ [6]) и т. д. Производившіяся же въ ордонансъ-гаузахъ дѣла переданы были либо въ батальоны внутренней стражи, либо въ линейные батальоны.

ЛИЧНЫЙ АРЕСТЪ ЗА ДОЛГИ.

Упомянемъ еще одинъ видъ личнаго задержанія—за долги, по просьбѣ кредитора и опредѣленію суда. Такому задержанію подвергались и военно-служащіе. Въ Высочайше утвержденномъ 20-го ноября 1864 г. [7]) Уставѣ Гражданскаго Судопроизводства по этому вопросу имѣлись слѣдующія указанія: судъ постановляетъ опредѣленіе о личномъ задержаніи должника, если онъ не уплачиваетъ присужденнаго

---

[1]) П. С. З., № 33.567.
[2]) П. С. З., № 35.747.
[3]) П. С. З., № 36.511.
[4]) П. С. З., № 36.538.
[5]) П. С. З., № 36.993.
[6]) П. С. З., № 41.393.
[7]) П. С. З., т. XXXIX, № 41.477, ст. 1.223—1.269.

съ него взысканія и не можетъ указать способа исполненія рѣшенія. Продолжительность заключенія неисправныхъ должниковъ опредѣлялось судомъ въ зависимости отъ суммы долга въ размѣрѣ отъ шести мѣсяцевъ до 5 лѣтъ.

Военное начальство должника получало извѣщеніе отъ судебныхъ приставовъ о состоявшемся судебномъ опредѣленіи относительно личнаго задержанія должника какъ для исполненія этого опредѣленія, такъ и для отобранія находящагося у должника казеннаго имущества. Генералы, штабъ- и оберъ-офицеры, какъ состоящіе въ строю, такъ и начальствующіе и состоящіе въ штабахъ и военныхъ управленіяхъ, подвергались личному задержанію не иначе, какъ при участіи непосредственнаго или ближайшаго мѣстнаго военнаго начальства. Получивъ это извѣщеніе, военное начальство обязано было, не далѣе какъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, подъ собственною, въ случаѣ упущенія, отвѣтственностью, привести въ исполненіе опредѣленіе суда о личномъ задержаніи офицера. Такое личное задержаніе прекращалось: уплатою или прощеніемъ взысканія, достиженіемъ 70 лѣтъ, истеченіемъ срока присужденнаго ареста, поручительствомъ за должника и непредставленіемъ кредиторомъ за мѣсяцъ впередъ кормовыхъ денегъ. Для содержанія неисправныхъ должниковъ въ обѣихъ столицахъ были устроены особые дома: въ Петербургѣ такой домъ былъ учрежденъ въ 1856 году; въ Москвѣ же долговая тюрьма, или такъ называемая «яма», помѣщалась на Воскресенской площади, рядомъ съ Иверской часовней, внутри зданія губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, на мѣстѣ нынѣшней городской думы. Называлась она «ямой», потому что находилась ниже уровня площади. «Здѣсь, въ разлукѣ съ семьею, въ принудительномъ сообществѣ случайныхъ товарищей [1]) по заключенію, въ вынужденномъ бездѣйствіи, — замѣчаетъ А. Ѳ. Кони,—содержались неисправные должники». Населеніе «ямы» было довольно пестрое: въ ней, какъ видно изъ замѣчаній сенатора Озерова, сдѣланныхъ еще въ 1829 году, содержались даже дворовые люди, присланные помѣщиками въ наказаніе. Единство и равенство въ способахъ надзора и размѣра ограниченія личной свободы существовало только на бумагѣ.—Если таково было положеніе

[1]) «Ф. П. Гаазъ». Спб. 1897.

должниковъ въ столицахъ, то можно себѣ представить, что дѣлалось въ провинціи, гдѣ должники содержались въ общихъ мѣстахъ заключенія.

Въ 1869 году [1]), вслѣдствіе встрѣченныхъ по военному вѣдомству сомнѣній, въ чемъ должно заключаться исполненіе военнымъ начальствомъ получаемыхъ отъ гражданскаго вѣдомства требованій подлежащихъ мѣстъ о личномъ задержаніи военно-служащихъ за долги, военный министръ внесъ этотъ вопросъ на обсужденіе военнаго совѣта, который и опредѣлилъ: «по полученіи отъ подлежащаго мѣста требованія о личномъ задержаніи за долги военныхъ офицеровъ, военное начальство обязывается, въ теченіе 24-хъ часовъ, произвести заарестованіе, подвергая штабъ- и оберъ-офицеровъ аресту на гауптвахтѣ, генераловъ же домашнему аресту, и затѣмъ тотчасъ же войти съ представленіемъ объ увольненіи арестованнаго со службы, не прекращая производства ему до самаго увольненія положеннаго содержанія; по воспослѣдованіи же увольненія передавать задержаннаго въ вѣдѣніе гражданской власти для поступленія съ нимъ по закону. При этомъ время, проведенное подъ арестомъ, зачитать въ счетъ срока, назначеннаго для заключенія по суммѣ долга». Положеніе это было Высочайше утверждено 5 апрѣля 1869 г. и 13 октября того же года распространено на Морское вѣдомство.

Такимъ образомъ, въ первую половину царствованія Императора Александра II, наканунѣ преобразованія нашей арміи на началахъ всеобщей обязательной воинской повинности, вопросъ о личномъ арестѣ въ военномъ вѣдомствѣ получилъ вполнѣ законченное рѣшеніе, въ видѣ подробно регламентированной и детально разработанной системы и совершенно обособленныхъ мѣстъ содержанія арестованныхъ военно-служащихъ.

---

[1]) П. С. З., т. XLIV, №№ 46.939, 47.503.

ГЛАВА XV.

ОЧИЩЕНІЕ АРМІИ ОТЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ И ПОРОЧНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

О второй половины XIX вѣка наблюдается и у насъ стремленіе поднять воинское званіе, очистить армію отъ тѣхъ отбросовъ, которыми такъ усердно ее засоряли до сихъ поръ. Въ первые же годы царствованія Императора Александра II мы наталкиваемся уже на подобный указъ, объявленный въ приказѣ военнаго министра, а именно: впредь до окончательнаго утвержденія воинскаго Устава о наказаніяхъ, Высочайше повелѣно было 20 апрѣля 1859 года [1]) оставляемыхъ по суду «въ болѣе или менѣе сильномъ подозрѣніи» въ важныхъ уголовныхъ или «несовмѣстныхъ съ достоинствомъ офицера» преступленіяхъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ и чиновниковъ военнаго вѣдомства—всегда увольнять отъ службы, а нижнихъ чиновъ, смотря по важности преступленія, или большей и меньшей достовѣрности уликъ,—или оставлять на службѣ, но однако подъ строгимъ надзоромъ начальства, или, по исключеніи изъ военнаго вѣдомства, отсылать для водворенія въ отдаленныя мѣста Сибири, но во всякомъ случаѣ съ лишеніемъ унтеръ-офицерскаго званія тѣхъ изъ нихъ, которые до преданія суду были произведены въ унтеръ-офицеры.

Вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнялись и всякаго рода внѣшнія позорящія

---

[1]) П. С. З., т. XXXIV, № 34.393.

отличія опороченныхъ нижнихъ чиновъ, остающихся на дѣйствительной службѣ; такъ, 23 декабря 1860 года [1]) были отмѣнены постановленія о нашиваніи тонкихъ сѣрыхъ и черныхъ шнурковъ поперекъ погоновъ у штрафованныхъ нижнихъ чиновъ и объ отдѣленіи этихъ послѣднихъ отъ безпорочно служащихъ за обѣденнымъ и вечернимъ столами. Отрицать воспитательное значеніе такой отмѣны, поднимающей у военно-служащаго сознаніе своего достоинства, не представляется возможнымъ.

ОТМѢНА ОТДАЧИ ПРЕСТУПНИКОВЪ ВЪ ВОЙСКА.

На очередь самъ собою поднимался вопросъ о полной отмѣнѣ, или во всякомъ случаѣ объ ограниченіи отдачи въ войска людей, въ видѣ наказанія или за порочное поведеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объ упраздненіи созданныхъ для исправленія этихъ послѣднихъ исправительныхъ отдѣленій при нѣкоторыхъ батальонахъ внутренней стражи и линейныхъ батальонахъ.

Исправительныя эти отдѣленія доставляли немало хлопотъ войскамъ. Нами уже было указано, что количество побѣговъ изъ нихъ нижнихъ чиновъ было на первыхъ же порахъ поражающее.

Съ теченіемъ времени побѣги не прекращались, такъ что 2 апрѣля 1860 г. изданъ былъ Высочайшій указъ [2]), объявленный въ приказѣ по воен. вѣдомству 2 мая,—объ усиленіи уголовной репрессіи за побѣги нижнихъ чиновъ изъ этихъ исправительныхъ отдѣленій или съ пути слѣдованія изъ нихъ въ дѣйствующія войска (какъ за третій побѣгъ).

Но и помимо того, интересы арміи требовали прекращенія отдачи въ ея рядъ общественныхъ поддонковъ. Въ 1860 году военный министръ ген.-ад. Сухозанетъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ о способахъ къ усовершенствованію разныхъ частей ввѣреннаго ему управленія, совершенно опредѣленно высказался, что «въ видахъ возвышенія нравственнаго духа арміи, было бы полезно, независимо отъ предположенныхъ уже въ системѣ военно-уголовнаго законодательства улучшеній, изыскать способы къ замѣнѣ какъ въ гражданско-уголовномъ, такъ и въ полицейскомъ законодательствахъ, другими наказаніями и взысканіями, тѣхъ постановленій, по коимъ преступники изъ лицъ гражданскаго вѣдомства отдаются въ военную службу за

[1]) П. С. З., т. XXXV, № 36.436а.
[2]) П. С. З., т. XXXV, № 35.659.

пороки и преступленія». Мысль эту одобрилъ Государь Императоръ. Главноуправляющій 2 отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, графъ Блудовъ, по соглашенію съ военнымъ министромъ, составилъ затѣмъ и внесъ въ Государственный Совѣтъ проектъ измѣненія нѣкоторыхъ статей, какъ Уложенія о наказаніяхъ уг. и испр., такъ и законовъ формальныхъ и Устава о предупрежденіи и пресѣченія преступленій, въ которыхъ установлена была отдача преступниковъ изъ лицъ гражданскаго вѣдомства въ военную службу.—

Государственный Совѣтъ, признавая и съ своей стороны «не только полезнымъ, но приличнымъ и необходимымъ» отмѣнить законы объ отдачѣ преступниковъ гражданскаго вѣдомства въ военную службу во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда совершенное ими преступное дѣяніе, по свойству своему, принадлежитъ къ числу не только важныхъ въ политическомъ или нравственномъ отношеніи преступленій, но и вообще всякихъ такихъ, которыя доказываютъ «развращенность виновнаго и отсутствіе въ немъ чувства чести, нанося ему въ общемъ мнѣніи справедливый позоръ и униженіе», призналъ однако возможнымъ допускать въ видѣ наказанія, которое можетъ «въ полномъ смыслѣ сего слова назваться исправительнымъ», помѣщеніе въ войска лишь тѣхъ несовершеннолѣтнихъ, которые, «принадлежа къ высшимъ въ государствѣ сословіямъ, иногда впадаютъ въ проступки лишь по легкомыслію, неосторожности или минутной запальчивости, столь трудно удерживаемой людьми съ раздражительнымъ характеромъ, особливо въ молодости, и которыхъ именно строгій непрестанный надзоръ, соединенный съ военною дисциплиною, по всей вѣроятности, можетъ не только сдѣлать осмотрительными, но и вполнѣ нравственно исправить ихъ силою привычки къ труду и порядку».

Исключеніе Государственный Совѣтъ дѣлалъ только въ отношеніи членовредителей, «ибо освобожденіе такихъ людей отъ обращенія въ военную службу вело бы ихъ къ той преступной цѣли, для которой они совершаютъ преступленіе членовредительства». 22 марта 1860 г. упомянутый проектъ былъ Высочайше утвержденъ и 30 марта распубликованъ [1]).

Дальнѣйшее развитіе это законоположеніе получило въ слѣдую-

[1]) П. С. З., т. XXXV, № 35.588.

щемъ же году, а именно 1 марта 1861 года, когда издано было дополнительное постановленіе объ отмѣнѣ отдачи въ военную службу за преступленія и проступки лицъ гражданскаго вѣдомства, неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія [1]). Весьма интересенъ поводъ къ такому дополненію. Какъ оказалось, армія наша реагировала на указъ 22 марта чрезвычайно энергично и ухватилась за него, какъ за средство къ очищенію своей среды отъ людей порочныхъ и преступныхъ, столь долго ей навязываемыхъ. Если отмѣна отдачи въ военную службу за преступленія и проступки лицъ гражданскаго вѣдомства предпринята была, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, «въ видахъ возвышенія нравственнаго духа арміи», то, казалось бы, никакихъ ограниченій въ этомъ направленіи не должно было быть. Такъ принципіально и толковало военное начальство указъ 22 марта, а потому оно категорически отказалось принимать въ военную службу преступниковъ, даже тѣхъ изъ нихъ, которые по освидѣтельствованіи оказывались къ ней годными, и приговоры объ отдачѣ которыхъ въ солдаты были постановлены судомъ до изданія закона 22 марта. Въ свою очередь судебныя мѣста считали себя не въ правѣ «переверщивать свои рѣшенія, вошедшія уже въ законную силу». Съ другой стороны военные начальники отказались принимать въ военную службу людей, представляемыхъ, на основаніи 595 ст. Уст. о предупр. и пресѣч. прест., помѣщиками въ распоряженіе правительства за дурное поведеніе.

Противъ подобныхъ отказовъ протестовалъ управляющій министерствомъ юстиціи, Валуевъ, и главноуправляющій 2 отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, графъ Блудовъ, которые полагали необходимымъ «обязать военныя начальства къ исполненію требованій по сему предмету Губернскихъ Правленій, за исключеніемъ случаевъ представленія въ распоряженіе военнаго начальства помѣщичьихъ крестьянъ отъ восьми до семнадцатилѣтняго возраста». Этихъ послѣднихъ передавали до тѣхъ поръ въ войска для распредѣленія въ кантонисты; но такъ какъ въ 1861 г. въ Правительствующій Сенатъ внесенъ былъ на разсмотрѣніе вопросъ о замѣнѣ отдачи этихъ малолѣтнихъ въ военные кантонисты другою мѣрою, то впредь

---

[1]) П. С. З., т. XXXVI, № 36.705.

до разрѣшенія этого вопроса законодательнымъ порядкомъ, войска подлежали освобожденію отъ принятія къ себѣ такихъ малолѣтнихъ крестьянъ.

Такимъ образомъ закону 22 марта 1860 года сейчасъ же дано было ограничительное толкованіе.

Затѣмъ въ 1867 году Высочайше утвержденное 22 марта 1860 года мнѣніе Государственнаго Совѣта было пересмотрѣно еще разъ, въ виду того, что, какъ всѣми было признано, ставить въ ряды войскъ лицъ, изобличенныхъ во вредномъ и враждебномъ правительству образѣ мыслей, представлялось опаснымъ, такъ какъ такія лица могли бы дурно вліять въ нравственномъ отношеніи на товарищей. По разъясненіи вопроса статсъ-секретаремъ Сольскимъ и д. таин. сов. Замятнинымъ, послѣдовало затѣмъ 12 іюня воспрещеніе отдавать въ военную службу несовершеннолѣтнихъ лицъ гражданскаго вѣдомства, виновныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ [1]).

УПРАЗДНЕНІЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ ОТДѢЛЕНІЙ.

Съ обнародованіемъ закона 22 марта сама собой уже утратилась надобность въ исправительныхъ отдѣленіяхъ, учрежденныхъ (на основаніи 228 и 229 ст. 5 т. 1 кн. 2 ч. С. В. П. 1859 г.) при нѣкоторыхъ батальонахъ внутренней стражи и линейныхъ, для испытанія бродягъ и преступниковъ, отдаваемыхъ въ военную службу, а потому указомъ 18 мая 1861 года эти исправительныя отдѣленія и были упразднены [2]).

ПОРЯДОКЪ УДАЛЕНІЯ ПОРОЧНЫХЪ И НЕСПОСОБНЫХЪ КЪ СЛУЖБѢ КАЗАКОВЪ.

20 сентября 1861 года [3]) былъ согласованъ съ закономъ 22 марта и порядокъ удаленія казаковъ, приговариваемыхъ на безочередную службу: въ случаѣ совершенной неспособности ни къ полевой, ни къ внутренней службѣ, такихъ порочныхъ казаковъ повелѣно было отправлять для водворенія въ Сибирь или отдаленныя, кромѣ Сибирскихъ, губерніи, не лишая правъ, лично и по состоянію имъ присвоенныхъ.

НАЗНАЧЕНІЯ АРЕСТАНТОВЪ НА СЛУЖБУ ВЪ БАТАЛЬОНЫ ВНУТР. СТРАЖИ.

Вслѣдъ затѣмъ 10 сентября 1862 года [4]) военный совѣтъ, по представленію инспекторскаго департамента, опредѣлилъ: военносрочныхъ арестантовъ, которые, по окончаніи опредѣленныхъ имъ конфирмаціями сроковъ нахожденія въ крѣпостной работѣ, по хоро-

---

[1]) П. С. З., т. XLII, № 44.687.
[2]) П. С. З., т. XXXVI, № 37.020.
[3]) П. С. З., т. XXXVI, № 37.421.
[4]) П. С. З., т. XXXVII, № 38.660.

шему поведенію, подлежали къ распредѣленію на службу, отсылать изъ арестантскихъ ротъ въ батальоны линейные и внутренней стражи, при чемъ особымъ росписаніемъ было указано—изъ какихъ мѣстъ и въ какіе батальоны эти арестанты должны были назначаться; съ 1864 года [1]), способные изъ нихъ къ строевой службѣ распредѣлялись и въ другія армейскія войска.

РАБОЧІЯ БРИГАДЫ ИЗЪ ШТРАФОВАННЫХЪ НИЖНИХЪ ЧИНОВЪ.

Съ упраздненіемъ у насъ исправительныхъ отдѣленій при батальонахъ внутренней стражи и линейныхъ возникла мысль объ очищеніи нашей арміи не только отъ порочныхъ, но даже вообще отъ штрафованныхъ нижнихъ чиновъ. Во французской арміи уже существовали въ то время дисциплинарныя фузилерныя роты и нѣсколько отрядовъ, составленныхъ въ Алжирѣ, изъ штрафованныхъ нижнихъ чиновъ. Надобность въ рабочихъ рукахъ для работъ по спѣшной постройкѣ желѣзныхъ дорогъ подсказала и нашему правительству мысль утилизировать для этой цѣли, именно штрафованныхъ нижнихъ чиновъ, чѣмъ достигалась бы двоякая цѣль: 1) очищеніе арміи отъ порочныхъ солдатъ и 2) государственная выгода.

ОРГАНИЗАЦІЯ БРИГАДЪ.

Впервые были сформированы 4 рабочія роты для сооруженія Одесско-Порканской желѣзной дороги, но затѣмъ 30 января 1864 г. [2]) утверждено было Высочайшее «положеніе о сформированіи двухъ рабочихъ бригадъ для устройства желѣзныхъ дорогъ въ Новороссійскомъ краѣ».

Бригады эти составили 14 рабочихъ ротъ, подчиненныхъ командирамъ бригадъ и ихъ помощникамъ, назначаемымъ Высочайшимъ приказомъ. Потребные въ составъ бригады офицера командировались, по распоряженію командующаго войсками Одесскаго военнаго округа, изъ всѣхъ частей ввѣреннаго ему округа, «преимущественно изъ числа молодыхъ людей, привыкшихъ къ походной жизни». Выборъ и распредѣленіе офицеровъ по ротамъ предоставлены были командирамъ бригадъ, по указаніямъ директора желѣзныхъ дорогъ, съ тѣмъ, чтобы несоотвѣтствующіе назначенію офицеры были отправляемы къ прежнимъ мѣстамъ ихъ служенія; унтеръ-офицеры командировались отъ войскъ того же военнаго округа и выбирались «преимущественно изъ старослужащихъ без-

---

[2]) П. С. З., т. XXXIX, № 40.469.

укоризненной нравственности и точныхъ въ исполненіи своихъ обязанностей» [1]). Всѣ эти офицеры и унтеръ-офицеры продолжали, однако, числиться въ своихъ частяхъ. Кромѣ того въ бригады назначались священники, по распоряженію главнаго священника арміи и флотовъ, а потребные для бригадъ фельдшера и аптекарскіе ученики — по распоряженію медицинскаго департамента военнаго министерства.

Рабочіе же назначались исключительно изъ штрафованныхъ нижнихъ чиновъ, способныхъ къ службѣ, вполнѣ здоровыхъ, холостыхъ (евреи не допускались). Они числились въ отдѣльномъ составѣ при 8-мъ округѣ внутренней стражи.

Мѣсто расположенія бригадъ устанавливалось по соглашенію командующаго войсками и главнаго директора желѣзной дороги; на послѣднемъ лежала обязанность озаботиться удобнымъ размѣщеніемъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Что касается довольствія, то всѣ чины бригады, сверхъ отпускаемаго обмундированія, жалованья и продовольствія отъ казны, получали «добавочное содержаніе» изъ суммы, ассигнуемой на устройство желѣзной дороги, а нижнимъ чинамъ, кромѣ того, должна была отпускаться одежда и пища, а также денежное, собственно для рабочихъ, вознагражденіе за исполняемые уроки, въ размѣрѣ, установленномъ, по сношенію съ дирекціею желѣзной дороги, командующимъ войсками Одесскаго военнаго округа; при утвержденіи этого размѣра должно быть точно опредѣлено: какіе предметы довольствія отпускаются натурою и какіе деньгами, чтобы изъ этихъ денегъ можно было производить, кромѣ опредѣленнаго уже дирекціею денежнаго вознагражденія по 4 копѣйки въ сутки, еще и то довольствіе пищею, которое признается дирекціею необходимымъ для успѣшнаго производства людьми работъ.

Командиры бригадъ пользовались властью начальниковъ дивизій, а командиры ротъ и прочіе начальствующіе чины—правами, присвоенными ихъ должности. По предметамъ, относящимся къ личному составу рабочихъ бригадъ (въ инспекторскомъ и судебномъ отношеніяхъ) командиры бригадъ подчинялись командующему войсками; во всемъ

---

[1]) П. С. З., т. XXXIX, № 40.541.

БОБРУЙСКІЙ ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ БАТАЛЬОНЪ.

Корпусъ одиночнаго заключенія.

Панно съ изреченіями великихъ полководцевъ на стѣнѣ между окнами.

Входныя въ батальонъ ворота.

Корпусъ одиночнаго заключенія (отдѣленъ заборомъ отъ батальоннаго двора).

Корпусъ одиночнаго заключенія (сбоку).

же, что относится до производства самыхъ работъ по устройству желѣзныхъ дорогъ, командиры бригадъ состояли въ полномъ распоряженіи главнаго директора, которому предоставлено было право непосредственно отъ себя сноситься съ командующими войсками военныхъ округовъ и генералъ-губернаторами.

ОБЪ ИСПРАВЛЯЮЩИХСЯ И НЕПОДАЮЩИХЪ НАДЕЖДЫ НА ИСПРАВЛЕНІЕ НИЖНИХЪ ЧИНАХЪ.

Всѣмъ штрафованнымъ нижнимъ чинамъ, которые въ продолженіе 3-хъ лѣтъ вели себя въ рабочихъ ротахъ безпорочно и «исполняли лежащія на нихъ обязанности усердно», штрафы прощались на общемъ основаніи, съ тѣмъ: а) чтобы тѣ изъ этихъ людей, которые окажутся способными къ строевой службѣ, были возвращаемы въ строй, а выслужившіе опредѣленныя лѣта, безъ исключенія изъ общей службы времени, проведеннаго въ ротахъ, увольнялись въ отставку, и б) чтобы невыслужившіе срока на отставку и немогущіе, по слабости здоровья и тѣлеснымъ недостаткамъ, быть зачисленными въ строй, при сверхкомплектѣ въ ротахъ, были увольняемы во временный отпускъ.

Неисправившіеся же въ поведеніи оставлялись на службѣ на общемъ положеніи о штрафованныхъ, а впавшіе въ новыя преступленія предавались военному суду, по распоряженію командующаго войсками Одесскаго военнаго округа.

Изъ сдѣланнаго нами разсмотрѣнія рабочихъ бригадъ, очевидно, что онѣ служили болѣе цѣлямъ утилитарнымъ, чѣмъ исправительнымъ; тѣмъ не менѣе для арміи онѣ представлялись чисто воинскимъ карательнымъ учрежденіемъ, въ которое армія могла отдавать всѣхъ порочныхъ нижнихъ чиновъ, обременявшихъ ее до сихъ поръ.

Такая же рабочая бригада была сформирована на Кавказѣ.

АРЕСТАНТСКІЯ РАБОЧІЯ РОТЫ ДЛЯ УСТРОЙСТВА ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ НОВОРОССІЙСКОМЪ КРАѢ.

По примѣру рабочихъ желѣзнодорожныхъ ротъ военнаго вѣдомства 13 марта 1864 г. [1]) были сформированы и рабочія арестантскія роты гражданскаго вѣдомства для устройства желѣзныхъ дорогъ въ Новороссійскомъ краѣ. Цѣль учрежденія этихъ ротъ, разумѣется, утилитарная, хотя въ § 1 Положенія объ этихъ ротахъ и сказано, что онѣ «сохраняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и общую цѣль учрежденія существующихъ арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства, а именно: наказаніе и исправленіе поведенія людей низшихъ сосло-

[1]) П. С. З., т. XXXIX, № 40.677.

вій, совершившихъ преступленія», и въ самомъ Положеніи имѣлись даже особыя правила «для сохраненія благочинія въ рабочихъ ротахъ и для исправленія нравственности арестантовъ».

Практическая цѣль учрежденія арестантскихъ рабочихъ ротъ вполнѣ выясняется, если мы укажемъ, что 20 декабря 1863 г. [1]) арестантскія роты гражданскаго вѣдомства были уже изъяты изъ вѣдѣнія главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій, подчинены губернскимъ правленіямъ и переданы въ министерство внутреннихъ дѣлъ, продолжая, по временнымъ правиламъ 28 февраля 1864 г. [2]), сохранять только внѣшнюю военную организацію.

ПЕРВАЯ ИДЕЯ ОБРАЗОВАНІЯ ДИСЦИПЛИНАРНЫХЪ ВОЙСКОВЫХЪ ЧАСТЕЙ.

Такимъ образомъ, арестантскія рабочія желѣзнодорожныя роты гражданскаго вѣдомства были совершенно обособлены отъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ ротъ военнаго вѣдомства. Что касается этихъ послѣднихъ, то, какъ видно изъ Всеподданнѣйшаго доклада особаго Совѣщанія отъ 18 іюня 1866 года [3]), Великій Князь Константинъ Николаевичъ предлагалъ даже воспользоваться ихъ примѣромъ для образованія особыхъ «штрафныхъ командъ», въ которыя могли быть отдаваемы порочные нижніе чины, взамѣнъ заключенія въ военныя тюрьмы (за недостаткомъ тюремъ и неимѣніемъ мѣстъ заключенія), и тамъ, въ этихъ штрафныхъ командахъ, они, подвергаясь различнымъ лишеніямъ и ограниченіямъ въ правахъ, могли бы исправляться въ поведеніи.

Военный министръ ген.-адъют. Милютинъ по этому поводу доложилъ, что въ военномъ министерствѣ уже собраны были въ то время подробныя свѣдѣнія объ учрежденныхъ во французской арміи дисциплинарныхъ ротахъ и другихъ подобныхъ командахъ, но «въ какой степени можемъ мы, — заявилъ ген. Милютинъ, — послѣдовать сему примѣру и для какой категоріи порочныхъ нижнихъ чиновъ, все сіе требуетъ еще весьма многихъ практическихъ соображеній; если же окажется возможнымъ дать нѣкоторое развитіе въ смыслѣ карательныхъ мѣръ вышеупомянутымъ бригадамъ изъ штрафованныхъ нижнихъ чиновъ для работъ по нѣкоторымъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ, то означенная мѣра представляетъ съ очевидною пользою всѣ удоб-

---

[1]) П. С. З., т. XXXVIII, № 40.369.
[2]) П. С. З., т. XXXIX, № 40.643.
[3]) Арх. Гл. Воен.-Судн. Упр. «Сб. Зак. р.» 1869 г., докладъ № 3.

ства для замѣны ею тѣлеснаго наказанія при недостаткѣ военныхъ тюремъ».

Вотъ какимъ образомъ впервые высказана была у насъ въ Россіи идея объ учрежденіи карательныхъ дисциплинарныхъ войсковыхъ частей, которая впослѣдствіи и послужила основаніемъ къ образованію современныхъ намъ дисциплинарныхъ батальоновъ и ротъ.

ДИСЦИПЛИНАРНЫЯ ВОЙСКОВЫЯ ЧАСТИ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

Въ Западной Европѣ существуютъ и въ настоящее время военно-карательныя учрежденія, весьма близкія къ нашимъ рабочимъ бригадамъ изъ штрафованныхъ нижнихъ чиновъ. Таковы, напримѣръ, рабочія отдѣленія въ Германіи [1]), которыя имѣютъ цѣлью: 1) удалить изъ арміи людей порочныхъ и ненадежныхъ и 2) облегчить лежащее на войскахъ бремя воинскихъ работъ; поэтому въ рабочія отдѣленія отправляются: а) нижніе чины, подвергшіеся до поступленія на службу наказанію, соединенному съ лишеніемъ почетныхъ гражданскихъ правъ, если срокъ этого праволиченія не истекъ; б) отбывшіе наказаніе членовредители, сохранившіе способность къ труду; в) нижніе чины, которые, находясь на службѣ, отбыли по судебному приговору наказаніе, сопряженное съ лишеніемъ почетныхъ гражданскихъ правъ; г) нижніе чины, которые, состоя во 2-мъ разрядѣ (соотвѣтствующемъ нашему разряду штрафованныхъ), послѣ неоднократно наложенныхъ дисциплинарныхъ взысканій, не исправились въ поведеніи и отдаются въ отдѣленіе распоряженіемъ командира корпуса; д) нижніе чины, хотя и несостоящіе во 2-мъ разрядѣ, но также отданные въ рабочее отдѣленіе распоряженіемъ корпуснаго командира, который можетъ отдавать всѣхъ нижнихъ чиновъ въ рабочія отдѣленія при условіи: 1) если до поступленія на службу нижній чинъ понесъ по суду наказаніе за оскорбленіе Величества или былъ неоднократно наказанъ за кражу, прошеніе милостыни, бродяжничество и т. п. и притомъ не исправился и 2) если нижній чинъ словами или поступками докажетъ безчестный или вредный для воинской дисциплины образъ мыслей; на практикѣ подъ этотъ послѣдній пунктъ подводятся всѣ несостоящіе во 2-мъ разрядѣ нижніе чины, которыхъ военное начальство, послѣ неоднократно наложенныхъ дисциплинарныхъ взысканій, признаетъ неисправившимися.

Состоящіе въ рабочихъ отдѣленіяхъ нижніе чины именуются «рабочими солдатами»; самый режимъ, установленный въ отдѣленіяхъ для содержанія рабочихъ солдатъ, весьма близокъ къ тюремному.

Кромѣ того въ Германіи имѣется дисциплинарное отдѣленіе гвардейскаго корпуса, предназначенное для выдѣленія изъ гвардейскихъ полковъ нижнихъ чиновъ, переведенныхъ во 2-й классъ, т.-е. по-нашему—въ разрядъ штрафованныхъ.

Въ Бельгіи съ 1870 года существуетъ особый «дисциплинарный

---

[1]) Ихъ семь: въ Дрезденѣ, Ингольштадтѣ, Кенигсбергѣ, Магдебургѣ, Майнцѣ, Ульмѣ и Эренбрейштейнѣ.

и исправительный корпусъ» (corps de discipline et de correction), въ составѣ котораго имѣется, такъ называемый, «дисциплинарный дивизіонъ», состоящій изъ двухъ ротъ; въ этихъ ротахъ содержатся нижніе чины, осужденные къ заключенію дисциплинарными совѣтами (conseils de discipline) за такіе проступки, которые хотя и не влекутъ преданія суду, но свидѣтельствуютъ о нравственной испорченности виновныхъ, требующей примѣненія къ нимъ спеціальныхъ мѣръ исправленія и огражденія другихъ нижнихъ чиновъ отъ ихъ вреднаго вліянія. Дисциплинарныя роты, такимъ образомъ, являются однимъ изъ видовъ дисциплинарныхъ мѣръ (mesures disciplinaires), примѣняемыхъ къ тѣмъ нижнимъ чинамъ, которые подвергались уже дисциплинарнымъ взысканіямъ по судебнымъ приговорамъ или по распоряженію военнаго начальства. Нижніе чины могутъ быть отданы въ дисциплинарныя роты за самые разнообразные проступки, начиная отъ самовольныхъ отлучекъ и дурного поведенія и кончая членовредительствомъ и проступками политическаго характера. Срокъ заключенія въ этихъ дисциплинарныхъ ротахъ отъ 4 до 11 мѣсяцевъ; если заключенный, во время пребыванія въ дисциплинарной ротѣ, совершитъ дисциплинарный проступокъ, наказуемый cachot или salle de police на время свыше 15 дней, то отбываніе срока заключенія возобновляется сызнова; во всякомъ случаѣ долѣе 8 лѣтъ такіе заключенные въ ротахъ содержаться не могутъ, а изгоняются изъ арміи. Время пребыванія въ ротахъ въ срокъ службы не засчитывается.

Въ Италіи существуютъ также 6 дисциплинарныхъ ротъ, изъ которыхъ три [1]) называются «карательными», а три [2]) «спеціальными». Въ дисциплинарныя роты отдаются: 1) нижніе чины всѣхъ родовъ оружія, которые въ виду неисправимо дурного поведенія или учиненія кражъ и другихъ неблаговидныхъ проступковъ, будутъ признаны военнымъ начальствомъ недостойными служить въ своихъ частяхъ; 2) нижніе чины морского вѣдомства и чины вѣдомствъ, организованныхъ по военному образцу, но не подчиненныхъ военному министерству, въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ въ спеціальныхъ уставахъ этихъ вѣдомствъ. Всѣ эти лица отдаются въ дисциплинарныя роты въ административномъ порядкѣ: нижніе чины—до окончанія срока дѣйствительной службы, а чины вѣдомствъ, имѣющихъ военную организацію,—до истеченія срока контракта или на опредѣленный срокъ. Въ спеціальныя дисциплинарныя роты отдаются лица, отбывшія на службѣ наказаніе за кражу; всѣ остальные назначаются въ карательныя дисциплинарныя роты, при чемъ отдаваемые въ эти роты чины не военнаго вѣдомства, содержатся отдѣльно отъ военно-служащихъ и назначаются исключительно въ 3-ю дисциплинарную роту, расположенную во Франкавилла-Фонтана.

Наконецъ, что касается Франціи, то тамъ, кромѣ военно-тюремныхъ заведеній, существуютъ тѣ особыя части войскъ, комплектуемыя

---

[1]) Въ Портичи, Портоферрайо и Франкавилла-Фонтана.
[2]) Въ Венеціи, Милаццо и Маддаленѣ.

порочными нижними чинами, о которыхъ мы уже упоминали; это африканскіе батальоны легкой пѣхоты (batalions d'infanterie légère d'Afrique), которыхъ имѣется пять: три—въ Алжирѣ и два—въ Тунисѣ. Они во Франціи признаются не дисциплинарными частями, состоящими изъ лицъ, наказанныхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, а воинскими частями, служащими лишь для испытанія опредѣленныхъ категорій военно-служащихъ, подвергшихся нѣкоторымъ, указаннымъ въ законѣ, исправительнымъ наказаніямъ до поступленія ихъ въ военную службу, или во время состоянія на этой службѣ: въ цѣляхъ испытанія эти лица отбываютъ службу въ батальонахъ легкой пѣхоты, и по истеченіи опредѣленныхъ сроковъ, при условіи хорошаго поведенія, они переводятся въ другія войсковыя части.

Срокъ пребыванія въ африканскихъ батальонахъ установленъ годичный, но за военные подвиги и храбрость допускается переводъ во всякое время; исключеніе составляютъ въ этомъ отношеніи только нижніе чины, зачисленные въ батальоны при самомъ поступленіи на службу: они во всякомъ случаѣ должны пробыть въ батальонахъ не менѣе года; всѣ сверхсрочно-служащіе изъ батальоновъ, до окончанія сроковъ службы, не переводятся.

Сверхъ того во Франціи имѣются четыре дисциплинарныя роты (compagnies de discipline) (всѣ въ Алжирѣ), предназначенныя для содержанія такихъ нижнихъ чиновъ, которые являются виновными въ серьезныхъ дисциплинарныхъ нарушеніяхъ или по отношенію къ которымъ обыкновенныя дисциплинарныя взысканія представляются недостаточными; такія лица, какъ могущія вредно влять на другихъ военно-служащихъ, изолируются въ дисциплинарныя роты, въ цѣляхъ исправленія ихъ болѣе суровымъ режимомъ. Нижніе чины отправляются въ дисциплинарныя роты по непосредственному распоряженію военнаго министра или по опредѣленію дисциплинарныхъ совѣтовъ отдѣльныхъ частей войскъ; при этомъ воспрещается отправлять въ дисциплинарныя роты нижнихъ чиновъ, совершившихъ незначительные проступки, или въ отношеніи которыхъ не исчерпаны всѣ установленныя уставами мѣры исправленія. Минимальный срокъ пребыванія въ дисциплинарныхъ ротахъ опредѣленъ въ 6 мѣсяцевъ; при этомъ время, проведенное подъ арестомъ, должно быть во всякомъ случаѣ отслужено въ ротахъ [1]).

ОБЩІЙ ВЫВОДЪ.

Такимъ образомъ, сравнивая описанныя войсковыя карательныя учрежденія, существующія въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ, съ учрежденными у насъ въ 1864 году военными желѣзнодорожными рабочими бригадами, слѣдуетъ придти къ заключенію, что ближе всего по цѣли и назначенію къ этому послѣднему типу карательныхъ учрежденій стоятъ германскія рабочія отдѣленія,

---

[1]) Болѣе подробно см. въ Арх. Гл. Воен.-Судн. Упр. — «Отчеты чиновъ военно-суд. вѣдомства, командированныхъ для ознакомленія съ военными тюрьмами и дисциплинарными частями».

отличавшіяся, впрочемъ, установленнымъ въ нихъ тюремнымъ режимомъ, чего въ желѣзнодорожныхъ военныхъ рабочихъ бригадахъ не было. Всѣ же прочія разсмотрѣнныя нами дисциплинарныя части имѣли только нѣкоторыя общія черты съ нашими рабочими бригадами, и, главнымъ образомъ, были схожи въ томъ, что комплектовались порочными нижними чинами, назначаемыми въ эти дисциплинарныя части въ административномъ порядкѣ, а не по судебнымъ приговорамъ.

РАСФОРМИРОВАНІЕ 2-ой РАБОЧЕЙ БРИГАДЫ.

Обращаясь къ дальнѣйшей исторіи нашихъ рабочихъ бригадъ для устройства желѣзныхъ дорогъ, слѣдуетъ отмѣтить, что 2-я изъ нихъ была расположена затѣмъ въ Кіевскомъ военномъ округѣ, гдѣ и участвовала въ постройкѣ Кіево-Балтской желѣзной дороги. Когда въ 1867 году работы эти пришли къ концу, то Высочайшимъ указомъ 20-го октября [1]) бригада эта и была упразднена, а состоявшіе въ бригадѣ чины были распредѣлены по особому распоряженію военнаго министра.

СФОРМИРОВАНІЕ 2-ой РАБОЧЕЙ БРИГАДЫ.

Однако, 23 марта 1868 года [2]) послѣдовало Высочайшее повелѣніе вновь сформировать 2-ую рабочую бригаду, «для выдѣленія штрафованныхъ нижнихъ чиновъ и занятія ихъ работами и переименовать 1-ую также въ «рабочую бригаду», при чемъ было составлено и «Временное Положеніе» для этой бригады, значительно уже разнившееся отъ положеній о 1-ой и Кавказской рабочихъ бригадахъ.

ЦѢЛЬ УЧРЕЖДЕНІЯ И СОСТАВЪ БРИГАДЫ.

По положенію, штрафованные рабочіе нижніе чины этой бригады должны были употребляться на работу преимущественно при постройкахъ желѣзныхъ дорогъ (первоначально отъ Харькова къ Азовскому морю); при недостаткѣ же въ такихъ работахъ могутъ быть пріискиваемы и другія, на казенныхъ или частныхъ предпріятіяхъ, по усмотрѣнію военнаго министерства.

Рабочая бригада дѣлилась на 5 роть и имѣла два состава: постоянный и перемѣнный. Къ первому принадлежали всѣ чины, назначаемые для управленія бригадою, надзора за штрафованными и исполненія обязанностей по хозяйственной, медицинской и судной частями въ бригадѣ; ко второму — всѣ переводимые изъ войскъ въ

---

[1]) П. С. З., т. XLII, № 45.075.
[2]) П. С. З., т. XLIII, № 45.642.

бригаду штрафованные нижніе чины. Для управленія же работами въ составъ бригады назначались также инженерные чины.

Командиръ и офицеры постояннаго состава продолжали числиться въ своихъ частяхъ, а прочіе чины постояннаго и перемѣннаго составовъ, съ переводомъ въ рабочую бригаду, исключались изъ списковъ своихъ частей.

КОМПЛЕКТОВАНІЕ.

Командиръ бригады назначался Высочайшимъ приказомъ; прочіе офицеры — распоряженіемъ Командующаго войсками въ округѣ, а инженерные и медицинскіе чины, аудиторъ и священникъ — по сношенію съ подлежащими Главными управленіями. Нижніе чины, за исключеніемъ саперъ, комплектовались, по распоряженію главнаго штаба, изъ войскъ и должны были избираться изъ людей грамотныхъ и благонадежнаго поведенія; рабочіе же нижніе чины назначались изъ штрафованныхъ рядовыхъ полевыхъ и мѣстныхъ войскъ, а также неспособныхъ 1-ой статьи [1]), но одержимые недугами, освобождающіеся отъ службы, въ бригаду не должны были назначаться, такъ же какъ и евреи, политическіе преступники и женатые нижніе чины, при которыхъ проживаютъ ихъ семейства.

УПРАВЛЕНІЕ.

Бригада подчинена была во всѣхъ отношеніяхъ непосредственно Командующему войсками округа. На командира бригады, пользовавшагося правами начальника дивизіи, кромѣ общихъ обязанностей надзора за порядкомъ и благоустройствомъ бригады, была возложена обязанность «наблюдать за успѣшнымъ ходомъ работъ, производимыхъ бригадою, постоянно стремиться къ нравственному исправленію штрафованныхъ и направлять дѣйствія всѣхъ подчиненныхъ ему лицъ къ надлежащему сохраненію между штрафованными воинской дисциплины»: Кромѣ того командиръ бригады долженъ былъ заботиться, чтобы штрафованные нижніе чины, въ промежуточное между работами время, когда, по размѣру работъ и труда, признавалось возможнымъ, занимались строевымъ образованіемъ, а также обучались грамотѣ и «назидались въ правилахъ вѣры и благочестія». Командиру бригады помогали по хозяйственной и строевой части два его помощника, пользовавшіеся правами полковыхъ командировъ; наблюденіе за работами, распредѣленіе ихъ и вообще вся техническая сторона

---

[1]) Въ Германіи всѣ членовредители отдаются въ рабочія части.

лежала на обязанности инженернаго офицера, который и давалъ соотвѣтствующій отчетъ. Всѣ чины рабочей бригады, кромѣ инженернаго офицера и саперныхъ нижнихъ чиновъ, пользовались служебными преимуществами армейскихъ войскъ, а инженерный офицеръ и саперы—своего рода оружія.

ПОЛОЖЕНІЕ ШТРАФОВАННЫХЪ.

Всѣмъ штрафованнымъ нижнимъ чинамъ бригады, зачисленнымъ въ разрядъ штрафованныхъ по формальному суду, которые, въ продолженіе трехъ лѣтъ, а подвергнутымъ штрафу по сокращенному суду, которые въ продолженіе одного года (принимая въ счетъ одного и трехъ лѣтъ и службу нижнихъ чиновъ въ полкахъ и командахъ) будутъ вести себя «безпорочно и исполнять лежащія на нихъ обязанности усердно», штрафы прощались на общемъ основаніи, съ тѣмъ, чтобы: а) выслужившіе опредѣленныя лѣта, не вычитая изъ общей суммы лѣтъ времени, проведеннаго въ бригадѣ, увольнялись въ отставку или безсрочный отпускъ; б) невыслужившіе срока на безсрочный отпускъ, если въ общей сложности прослужили 8 лѣтъ, исчисляя службу какъ и въ предыдущемъ случаѣ, были увольняемы во временный отпускъ, а невыслужившіе 8 лѣтъ — отправляемы въ войска. О заслужившихъ прощеніе штрафовъ и прослужившихъ менѣе 8 лѣтъ сообщалось главному штабу для соотвѣтствующаго распредѣленія ихъ въ войска. Неисправляющіеся въ поведеніи оставлялись на службѣ въ бригадѣ; впавшіе же въ новыя преступленія предавались военному суду. Наконецъ, особенно отличившимся хорошимъ поведеніемъ и усердіемъ, допускалось, по ходатайству командира бригады, сокращеніе срока пребыванія въ рабочей бригадѣ, но не иначе, какъ по истеченіи шестимѣсячнаго пребыванія въ бригадѣ. Въ поощреніе усердно работающимъ штрафованнымъ нижнимъ чинамъ выдавались наградныя деньги.

ОБМУНДИРОВАНІЕ И ДОВОЛЬСТВІЕ.

Чинамъ постояннаго состава бригады была присвоена форма обмундированія и вооруженіе, установленныя для военно-тюремнаго вѣдомства; штрафованные же нижніе чины имѣли только рабочую одежду.

При бригадѣ имѣлся лазаретъ. Въ лѣтнее время бригада размѣщалась на мѣстѣ работъ въ палаткахъ или баракахъ; въ зимнее же время — въ свободныхъ казармахъ или же способомъ, который по мѣстнымъ условіямъ представлялся болѣе удобнымъ. Денежное, вещ-

вое и провіантское довольствіе на людей, и фуражное на лошадей, производилось на общемъ основаніи.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

Количество платы за работы опредѣлялись контрактами, и вся плата эта, полностью, сдавалась министерству финансовъ. Такимъ образомъ въ пользу рабочихъ не отчислялось ничего.

ПЛАНЪ СФОРМИРОВАНІЯ БРИГАДЫ.

По плану сформированія, во 2-ой бригадѣ числилось 2,100 человѣкъ штрафованныхъ нижнихъ чиновъ; мѣстомъ сформированія былъ г. Таганрогъ. Штрафованные нижніе чины назначались въ бригаду преимущественно младшихъ сроковъ службы и отправлялись изъ частей войскъ въ выслужившей срокъ мундирной одеждѣ, безъ оружія, но съ ранцами и поясными ремнями.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Очевидно, слѣдовательно, что рабочія бригады, какъ временная мѣра, введенная лишь для опыта, не могли имѣть для нашей арміи особенно замѣтнаго значенія. Цѣль очищенія войсковой среды отъ порочныхъ (штрафованныхъ) нижнихъ чиновъ не достигалась, такъ какъ только часть штрафованныхъ попадала въ рабочія бригады, остальная же добрая половина, если не болѣе, продолжала засорять и обременять армію. Врядъ ли достигалась и другая цѣль созданія рабочихъ бригадъ—утилитарная, ибо государство уже къ этому времени рѣшительно повернуло въ своей трудовой политикѣ отъ дешеваго принудительнаго труда къ болѣе дорогому, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе производительному, труду вольнонаемныхъ рабочихъ.

ГЛАВА XVI.

Неудовлетворительное состояніе арестантскихъ ротъ инженернаго вѣдомства, происходящее главнымъ образомъ отъ недостатковъ дѣйствовавшаго Положенія объ этихъ ротахъ, обратило на себя вниманіе инженернаго начальства еще въ царствованіе Императора Николая I и тогда же въ инженерномъ вѣдомствѣ выработанъ былъ проектъ новаго положенія объ арестантскихъ ротахъ. Проектъ этотъ разсматривался даже военнымъ совѣтомъ, но былъ оставленъ безъ послѣдствій, въ виду возникшаго вопроса о пересмотрѣ военно-уголовнаго Устава. Дальнѣйшее же направленіе законопроекта о пересмотрѣ военно-уголовнаго законодательства, приведшее къ созданію совершенно новаго кодекса — воинскаго Устава о наказаніяхъ, отсрочило на еще болѣе продолжительное время вопросъ о реорганизаціи арестантскихъ ротъ инженернаго вѣдомства.

Какъ вполнѣ справедливо замѣтилъ Высочайше учрежденный Комитетъ, выработавшій въ 1864 году проектъ «Положенія о мѣстахъ заключенія военнаго вѣдомства», — «главнѣйшая причина крайне неудовлетворительнаго состоянія арестантскихъ ротъ инженернаго вѣдомства кроется не въ однихъ частныхъ недостаткахъ, которые безъ особаго затрудненія могли бы быть устранены принятіемъ той или другой административной мѣры, но преимущественно въ томъ

общемъ воззрѣніи на цѣль и значеніе наказанія, которое легло въ основаніе устройства этихъ мѣстъ заключенія и составляетъ отличительный характеръ узаконеній объ арестантахъ. И, дѣйствительно, вникнувъ въ сущность этихъ узаконеній, нельзя не убѣдиться, несмотря на всю ихъ неясность и неполноту, что преобладающая въ нихъ мысль — каранiе преступника посредствомъ возможно суроваго содержанія и тяжкаго принудительнаго труда. Относительно же нравственной стороны дѣла — искорененія порочныхъ наклонностей въ преступникѣ, охраненія его отъ соблазна и отъ пагубнаго вліянія болѣе развращенныхъ товарищей и обращенія его на путь добра, посредствомъ умственнаго и религіознаго развитія,— въ законоположеніяхъ нѣтъ никакихъ указаній» [1]).

Въ этомъ прекрасномъ разсужденіи уже ясно слышится вліяніе извѣстнаго англійскаго криминалиста Вильяма Блэкстона и всей школы юристовъ, создавшихъ въ Западной Европѣ пенитенціарную систему. Тѣмъ не менѣе составители проекта упомянутыхъ «Положеній» не подчеркнули того, что до сихъ поръ въ воззрѣніяхъ нашего законодательства на преступника и цѣль его наказанія царила не только цѣль устрашенія, но и утилитарный, практическій взглядъ на преступника, приведшій въ вопросахъ государственной трудовой политики исключительно къ эксплуатаціи даровой арестантской силы. Съ переходомъ къ теоріи исправленія преступника само собой приходилось измѣнить и трудовую политику государства: отказаться отъ арестантскаго дешеваго труда.

УПРАЗДНЕНІЕ АРЕСТАНТСКИХЪ РОТЪ МОРСКОГО ВѢДОМСТВА.

Первымъ на этотъ путь вступило морское министерство: 15-го сентября 1856 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ упраздненіи арестантскихъ ротъ Балтійскаго вѣдомства [2]) на слѣдующихъ основаніяхъ: арестантовъ, поступившихъ изъ арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства, возвратить въ эти роты, а остальныхъ передать въ арестантскія роты военно-сухопутнаго вѣдомства, и въ эти же роты передавать на будущее время тѣхъ чиновъ морского вѣдомства, которые будутъ подлежать за преступленія ссылкѣ въ арестантскія роты. Офицеровъ и нижнихъ чиновъ арестантскихъ ротъ размѣстить

---

[1]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр. — «Объяснительная записка по проектамъ положеній о мѣстахъ заключенія воен. вѣд.». Спб., 1864, стр. 2.

[2]) П. С. З., т. XXXI, № 30.960.

въ рабочіе и ластовые экипажи и портовыя роты; зданія же, занимаемыя арестантами, обратить для помѣщенія нижнихъ чиновъ. Всѣ работы, производившіяся до сихъ поръ арестантами, впредь производить войсками за плату или частными рабочими по вольному найму.

На тѣхъ же основаніяхъ были 31 іюля 1857 года упразднены арестантскія роты Черноморскаго вѣдомства [1]).

ПРОЕКТЪ КАПГЕРА.

Сенаторъ Капгеръ, составившій въ 1860 году проектъ «Положенія объ арестантскихъ ротахъ военнаго вѣдомства», разсмотрѣнный въ особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ ген.-лейт. Непокойчицкаго, указываетъ слѣдующіе главнѣйшіе недостатки положенія объ арестантскихъ ротахъ инженернаго вѣдомства: 1) совмѣстное заключеніе военносрочныхъ и всегдашнихъ арестантовъ и даже осужденныхъ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, которое происходило вслѣдствіе фактической невозможности, по условіямъ размѣщенія арестантскихъ ротъ, содержать каждый изъ упомянутыхъ разрядовъ отдѣльно.

«Вслѣдствіе сего, — удостовѣряетъ Капгеръ, — арестантскія роты не только не исправляютъ, но, напротивъ того, еще болѣе развращаютъ поступающихъ туда людей, служа, такъ сказать, школою всѣхъ возможныхъ пороковъ» [2]).

2) Отсутствіе раздѣленія арестантовъ на испытуемыхъ и исправляющихся и облегченія режима для послѣднихъ (увеличеніе числа свободныхъ дней, освобожденіе отъ оковъ и сокращеніе срока наказанія).—«Въ арестантскихъ ротахъ инженернаго вѣдомства,—говоритъ Капгеръ,—пользуются облегченіями только одни осужденные въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, для поступающихъ же въ арестантскія роты за преступленія менѣе важныя, даже и при хорошемъ ихъ поведеніи, никакихъ облегченій не предоставлено и начальство лишено всякой возможности къ поощренію арестантовъ къ доброму поведенію и исправленію».

3) Отсутствіе точнаго опредѣленія сроковъ содержанія въ арестантскихъ ротахъ, въ видѣ исправительнаго наказанія; въ разрядѣ срочныхъ работы продолжаются до 8 и болѣе лѣтъ, въ разрядѣ всегдашнихъ, съ содержаніемъ въ оковахъ, десять лѣтъ и потомъ безъ оковъ еще пять, тогда какъ каторга въ крѣпостяхъ ограничивается въ низшей степени восемью, а на заводахъ 4-мя годами. «Вслѣдствіе сего нижніе чины, осужденные въ арестантскія роты,— по словамъ Капгера, съ намѣреніемъ совершаютъ другія болѣе тяжкія преступленія для того единственно, чтобы ихъ сослали въ каторжную работу».

4) Отсутствіе различія въ пищевомъ режимѣ арестантовъ, присужденныхъ за тяжкія преступленія и за проступки, и даже одинаковое довольствіе съ нижними воинскими чинами, состоящими на дѣйствительной службѣ.

---

[1]) П. С. З., т. XXXII, № 32.127.

[2]) Арх. Гл. В.-Суд. Управлен. «Объясн. записка къ проекту». Спб., 1860, стр. 2.

5) Меньшее число свободныхъ отъ работы дней (13 въ году) по сравненію даже съ каторжниками въ рудникахъ (18 дней).

6) Отсутствіе внѣшнихъ отличій арестантовъ отъ каторжныхъ.

7) Недостаточное число конвойныхъ.

8) Неопредѣленность въ регламентаціи обязанностей коменданта, плацъ-маіора и прочихъ чиновъ администраціи ротъ.

Сенаторъ Каппгеръ, въ устраненіе всѣхъ этихъ недостатковъ [1]), предлагалъ въ своемъ проектѣ [2]) раздѣлить роты на исправительныя и крѣпостныя; мѣстомъ ихъ учрежденія должны были служить крѣпости, гдѣ предполагалось сосредоточить всѣхъ военныхъ преступниковъ, не исключая даже приговоренныхъ къ каторжной работѣ; всѣ же гражданскіе арестанты и бродяги выдѣлялись изъ крѣпостей въ вѣдѣніе гражданскихъ властей.

Въ исправительныя роты по проекту отдавались тѣ изъ нижнихъ чиновъ, непользующіеся особенными правами, которые подвергались наказаніямъ, сопряженнымъ съ лишеніемъ правъ, а также и рецидивисты, нуждавшіеся въ исправленіи; въ крѣпостныя роты предназначались нижніе чины, осужденные въ роты на срокъ до 4-хъ лѣтъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и съ содержаніемъ въ оковахъ (т.-е. за преступленія, наказываемыя ссылкою на поселеніе), и рецидивисты, совершившіе преступленіе въ третій разъ и подлежащіе исключенію изъ военнаго званія. Заключенные въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ должны были носить название «военно-срочныхъ», а въ крѣпостныхъ — «крѣпостныхъ арестантовъ». Предполагалось, по проекту, учредить 13 исправительныхъ и 5 крѣпостныхъ ротъ, на 100—160 арестантовъ каждая.

Управленіе тѣми и другими ротами ввѣрялось вѣдомству главнаго управленія корпуса военныхъ инженеровъ, которое должно было приводить свои распоряженія въ исполненіе черезъ комендантовъ крѣпостей.

Режимъ предположенъ былъ слѣдующій: въ каждой ротѣ арестанты должны были раздѣляться на отряды испытуемыхъ и исправляющихся, при чемъ первый предназначался для только что зачисляемыхъ въ роты и содержался отдѣльно отъ исправляющихся.

---

[1]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр—ія. Спб., 1860, стр. 2—5.

[2]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр—ія. «Проектъ Положенія объ арестантскихъ ротахъ военнаго вѣдомства и о каторжной работѣ въ крѣпостяхъ». Спб., 1860.

Каждый разрядъ, по проекту, подраздѣлялся на отдѣленія по возрасту и мастерствамъ. Арестанты крѣпостныхъ роть содержались въ ножныхъ кандалахъ ($5^1/_2$ фунтовъ). Разряды отличались по внѣшности формою, по довольствію—горячею пищею и полученіемъ кваса. Всѣмъ вообще арестантамъ возбранялось курить табакъ, имѣть спички, бумагу, перья, ножницы, иголки и т. п.

Арестанты производили работы казенныя (земляныя) и хозяйственныя и обучались фронту, лѣтомъ въ теченіе 12 часовъ, весной и осенью — 9 и зимою — 8 часовъ въ сутки, изъ которыхъ 2 часа посвящалось строю; крѣпостные арестанты на ученье не должны были выводиться.

Унтеръ-офицеры «для удержанія арестантовъ отъ побѣговъ и собственной обороны», должны были имѣть «трости» и отточенные тесаки. Надзоръ за поведеніемъ и исправленіемъ арестантовъ возлагался на плацъ-маіора и его помощниковъ; мѣрами исправленія служили: назиданія священника, чтеніе нравственныхъ книгъ, постепенное облегченіе строгости заключенія и церковныя службы.

Переводъ испытуемыхъ въ разрядъ исправляющихся допускался не ранѣе 8 мѣсяцевъ, одного года и двухъ лѣтъ, въ зависимости отъ срока заключенія, а нехристіане и ранѣе этого срока, если перейдутъ въ христіанство. Исправляющіеся пользовались свободными днями, имъ сокращался срокъ заключенія и уменьшались работы.

Дисциплинарные проступки Капперъ предполагалъ раздѣлить на два рода: за проступки перваго рода должно было назначаться заключеніе «въ уединенномъ мѣстѣ» до 7 дней, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ и розги до 50 ударовъ, а за проступки второго рода—заключеніе до 14 дней, розги до 150 ударовъ и продолженіе времени испытанія до 3 мѣсяцевъ или перечисленіе на тотъ же срокъ въ отрядъ испытуемыхъ.

По окончаніи срока заключенія военно-срочные арестанты могли быть удостаиваемы прежняго званія солдата и назначались въ военно-рабочія роты или въ линейные и гарнизонные батальоны; крѣпостные арестанты по отбытіи наказанія должны были отправляться или на поселеніе (лишенные всѣхъ правъ), или въ Сибирь на водвореніе (всѣ остальные).

НЕДОСТАТКИ ПРОЕКТА. Комиссія генерала Непокойчицкаго, разсмотрѣвшая этотъ проектъ

Капгера, нашла, что раздѣленіе роть на крѣпостныя и исправительныя представляется «мѣрою благодѣтельною», различіе въ содержаніи заключенныхъ—цѣлесообразно, и остается только желать лучшей разработки вопроса о военно-тюремныхъ работахъ [1]). Однако, не такъ отнеслись къ проекту большинство военно-начальствующихъ лицъ, отъ которыхъ затребованы были отзывы о проектѣ [2]). Нѣкоторые изъ нихъ, напр., полковникъ Лебедевъ, находили, что крѣпостныя роты должны войти въ лѣстницу обще-уголовныхъ наказаній, что на практикѣ затруднительно будетъ раздѣлять арестантовъ на разряды, ограниченіе въ пищѣ поведетъ къ заболѣваніямъ, трудъ арестантовъ, по проекту, непроизводителенъ и т. д. Другіе, напр., капитанъ Сѣраковскій, обратили вниманіе на несовершенство принятаго проектомъ келейнаго заключенія, на отсутствіе правильно поставленной системы исправленія, на сохраненіе прежняго устрашающаго характера наказанія, на отсутствіе обученія и образованія арестантовъ и пр. Дѣйствительно, проектъ Капгера, представляя попытку лишь устраненія изъ дѣйствовавшаго Положенія объ арестантскихъ ротахъ наиболѣе существенныхъ его недостатковъ, страдалъ безсистемностью; проектъ не проводилъ опредѣленной цѣли наказанія, не построенъ былъ по одному плану, а представлялъ лишь искусственное сочетаніе началъ, лежавшихъ въ основѣ стараго Положенія объ арестантскихъ ротахъ съ началами пенитенціарныхъ учрежденій.

Главноуправляющій II отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, графъ Блудовъ, также не согласился съ нѣкоторыми предположеніями проекта, вслѣдствіе чего проектъ этотъ не былъ принятъ, а комиссія генерала Непокойчицкаго составила свой новый проектъ.

УПРАЗДНЕНІЕ НѢКОТОРЫХЪ АРЕСТАНТСКИХЪ РОТЪ ИНЖЕНЕРНАГО ВѢДОМСТВА И ВОЕННО-РАБОЧИХЪ РОТЪ.

Тѣмъ временемъ, въ виду происходившихъ законодательныхъ работъ и предстоявшаго перехода къ новой системѣ воинскихъ исправительныхъ наказаній, правительство продолжало на практикѣ отступать отъ прежней своей трудовой политики и, вслѣдъ за упраздненіемъ морскихъ арестантскихъ ротъ, приступило къ упраздненію и тѣхъ арестантскихъ ротъ инженернаго вѣдомства, въ которыхъ, за

---

[1]) «Сбор. законодат. работъ», стр. XIV.

[2]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр. «Замѣчанія начальствующихъ лицъ на нѣкоторые §§ проекта Положенія объ арест. ротахъ».

прекращеніемъ потребности въ работахъ, не чувствовалась уже надобность; такъ, 24 марта 1860 года упразднены были состоящіе на Кавказѣ арестантскія роты инженернаго вѣдомства №№ 49, 50, 51 и 52 [1]); еще ранѣе того, 7 мая, была упразднена рота № 7 [2]), а въ 1862 году упразднены были и Кіевскія арестантскія роты №№ 25, 26 и 31, въ виду прекращенія работъ на казенныхъ кирпичныхъ заводахъ, которые онѣ обслуживали [3]). Вслѣдъ за тѣмъ въ 1862 г. вводится упорядоченіе въ употребленіе на работы военно-рабочихъ ротъ какъ въ зимнее [4]), такъ и въ лѣтнее время, и въ томъ же году (24 іюля) изданъ былъ указъ о сокращеніи состава существующихъ въ инженерномъ вѣдомствѣ военно-рабочихъ ротъ на половину, съ преобразованіемъ ихъ временно въ инженерныя мастеровыя команды [5]), которыя, по мѣрѣ возможности, должны были постепенно упраздняться. Послѣдствіемъ такого распоряженія было упраздненіе нѣкоторыхъ военно-рабочихъ ротъ, начиная съ болѣе отдаленныхъ, кавказскихъ [6]).

Для преобразованія тюремныхъ учрежденій военнаго вѣдомства вслѣдъ затѣмъ Высочайше учрежденъ былъ особый комитетъ.

Въ основу проекта преобразованія арестантскихъ ротъ и устройства тюремныхъ и дисциплинарныхъ мѣстъ заключенія, этотъ комитетъ положилъ идею устройства этихъ учрежденій «безусловно» по пенитенціарной системѣ, сущность которой выражена въ слѣдующихъ словахъ Вильяма Блэкстона:

ПРОЕКТЪ КОМИТЕТА ПО ПРЕОБРАЗОВАНІЮ ВОЕННО-АРЕСТАНТСКИХЪ РОТЪ.

«Въ мѣстахъ заключенія преступники должны содержаться въ отдѣльныхъ комнатахъ; въ промежуткахъ между занятіями, они должны быть ограждены отъ всякаго соблазна, должны получать наставленія въ религіи и нравственности и работать для общей пользы. Воображеніе безсильно представить родъ наказанія, въ которомъ страхъ, мягкость и исправленіе находились бы въ болѣе счастливомъ сочетаніи. Что можетъ быть устрашительнѣе для мятежника, распутника, лѣнивца, какъ не одиночество, заключеніе, воздержаніе и постоянная работа? И что можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе благо-

---

[1]) П. С. З., т. XXXV, № 35.595.
[2]) П. С. З., т. XXXII, № 31.802.
[3]) П. С. З., т. XXXVII, № 38.024.
[4]) П. С. З., т. XXXVII, №№ 38.396 и 38.395.
[5]) Тамъ же, № 38.502.
[6]) Тамъ же, №№ 38.694 и 38.710.

творно? Одиночество возбуждаетъ размышленіе, заключеніе предотвращаетъ всякій соблазнъ, воздержаніе возстановляетъ силы, а работа пріучаетъ къ честной промышленности. Наставленіе въ религіи и нравственности можетъ вселить въ сердце преступника новыя начала, и, такимъ образомъ, привести его, послѣ окончанія срока наказанія, къ благоденствію».

ГЛАВНѢЙШІЯ УСЛОВІЯ, ПОЛОЖЕННЫЯ ВЪ ОСНОВУ ПРОЕКТА.

Отсюда главнѣйшія условія пенитенціарной системы: 1) разобщеніе преступниковъ, 2) правильная организація ихъ труда и 3) нравственное и умственное ихъ обученіе.

«Существующее нынѣ смѣшеніе въ одной и той же крѣпости преступниковъ различныхъ категорій составляетъ, по мнѣнію комитета, самый вредный недостатокъ арестантскихъ учрежденій, служащій источникомъ окончательнаго развращенія менѣе испорченныхъ людей». Поэтому комитетъ призналъ необходимымъ «назначеніе для каждой категоріи преступниковъ особыхъ мѣстъ заключенія», а именно: 1) изъ разряда военно-срочныхъ арестантовъ образовать военныя рабочія тюрьмы, учредивъ ихъ преимущественно внутри Имперіи, а частью въ Оренбургскомъ краѣ, Финляндіи, Сибири и на Кавказѣ, собственно для осужденныхъ въ тамошнихъ мѣстныхъ войскахъ и 2) изъ разряда всегдашнихъ арестантовъ образовать крѣпостныя арестантскія отдѣленія, помѣстивъ ихъ, а равно и осужденныхъ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, частью въ Сибири, а частью въ Оренбургскомъ краѣ, назначивъ для каждой изъ этихъ категорій преступниковъ особыя крѣпости.

Сверхъ того комитетъ призналъ необходимымъ «разобщать арестантовъ и въ самой тюрьмѣ, посредствомъ келейнаго заключенія по ночамъ и обязательнаго молчанія при совмѣстныхъ занятіяхъ въ теченіе дня».

Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ принялъ за правило, чтобы «осужденные въ военныя рабочія тюрьмы были высылаемы въ мѣста заключенія не только особо отъ осужденныхъ въ крѣпостныя арестантскія отдѣленія и каторжную работу въ крѣпостяхъ, но отдѣльно отъ бродягъ и арестантовъ гражданскаго вѣдомства, и притомъ въ разное время [1]).

---

[1]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр. «Объяснит. зап. по проектамъ положеній о мѣстахъ заключенія воен. вѣдомства», Спб., 1864.

Организацію труда комитетъ проектировалъ слѣдующую: «устранивъ внѣшнія валовыя работы изъ круга обыкновенныхъ занятій арестантовъ, употреблять послѣднихъ исключительно на работы въ мастерскихъ, устроенныхъ внутри мѣстъ заключенія; отступленія отъ этого правила допускать только въ случаяхъ чрезвычайныхъ, когда представится неизбѣжная потребность въ скорой валовой помощи (наводненія, значительные пожары, гибель судна и т. п.). Производить въ мастерскихъ не однѣ казенныя работы, но и разныя издѣлія на продажу или по частнымъ заказамъ съ вознагражденіемъ арестантовъ за работы. Деньги, выручаемыя отъ работъ, распредѣлять слѣдующимъ образомъ: 70% удерживать въ казну для покрытія издержекъ по ихъ содержанію, 10% отдѣлять на составленіе спеціальной тюремной суммы для покупки книгъ, инструментовъ, матеріаловъ и для хозяйственныхъ надобностей; 10% назначать въ пользу личнаго состава управленія тюрьмою, а остальные 10% обращать въ собственность арестантовъ.

Наконецъ, что касается нравственности и обученія, то комитетъ проектировалъ, «чтобы въ воскресные и праздничные дни и наканунѣ ихъ арестанты непремѣнно выводились въ церковь для слушанія литургіи и всенощной, а въ свободное отъ работы время обучались грамотѣ и слушали чтеніе Священнаго Писанія и назидательныхъ книгъ». Для этой цѣли комитетъ предположилъ назначать въ тюрьмы священниковъ, обязанныхъ наставлять заключенныхъ въ правилахъ вѣры и благочестія.

ДѢЛЕНІЕ НА РАЗРЯДЫ.

Дабы создать нѣкоторое поощреніе для исправляющихся, комитетъ призналъ необходимымъ: раздѣливъ арестантовъ на разряды испытуемыхъ и исправляющихся, содержать каждый изъ нихъ особо, съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій:

а) въ разрядъ испытуемыхъ зачислять при поступленіи всѣхъ вообще осужденныхъ и подвергать ихъ одиночному заключенію днемъ и ночью въ теченіе опредѣленныхъ сроковъ, по минованіи которыхъ, или ранѣе, переводить ихъ въ разрядъ исправляющихся, но въ такомъ только случаѣ, если по поведенію будутъ того достойны. Испытуемые должны работать и получать пищу въ самыхъ кельяхъ;

б) арестантовъ разряда исправляющихся содержать въ келейномъ заключеніи только по ночамъ, собственно для разобщенія ихъ; днемъ

же занимать ихъ работами въ общихъ мастерскихъ, выдавать имъ пищу и обучать ихъ грамотѣ въ общихъ камерахъ, и, наконецъ, совмѣстно занимать строевыми упражненіями, но при всемъ этомъ обязать ихъ сохранять молчаніе;

в) арестантамъ разряда исправляющихся, въ видѣ отличія ихъ отъ испытуемыхъ, нашивать на воротникѣ куртки красные клапаны и отпускать имъ горячую пищу два раза въ день и сверхъ того дважды въ недѣлю кашу, а испытуемымъ давать горячую пищу только одинъ разъ въ день, вовсе не отпуская каши.

Кромѣ того комитетъ предположилъ постоянно отличающимся безукоризненнымъ поведеніемъ въ разрядѣ исправляющихся: сокращать срокъ наказанія на $^1/_3$, дозволять часть заработка расходовать имъ самимъ въ бытность еще въ тюрьмѣ и допускать ихъ къ надзору за другими арестантами, съ присвоеніемъ исправнѣйшимъ званія старшины.

ПРОЧІЯ УСЛОВІЯ УСТРОЙСТВА АРЕСТАНТСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ находилъ необходимымъ: 1) устроить въ мѣстахъ заключенія церкви, бани и лазареты, чтобы отнюдь не выводить арестантовъ изъ тюремной ограды; 2) не допускать ни подъ какимъ видомъ улучшенія въ пищѣ арестантовъ, а потому сборъ для этой цѣли милостыни въ особыхъ кружкахъ отмѣнить, какъ «унизительный и несовмѣстный съ достоинствомъ военно-тюремнаго учрежденія». Точно также отмѣнить и составленіе экономической арестантской суммы, вмѣсто которой образовать тюремную сумму и 3) дозволять арестантамъ, по усмотрѣнію тюремнаго начальства, имѣть свиданія съ посторонними лицами въ особо устроенной для того комнатѣ, но «съ крайнею осмотрительностью».

ДИСЦИПЛИНАРНЫЯ ВЗЫСКАНІЯ.

Установлены были комитетомъ и правила взысканій арестантовъ за проступки и преступленія, совершенные во время нахожденія въ мѣстахъ заключенія и при слѣдованіи въ нихъ, съ тѣмъ, чтобы наказаніе розгами, впредь до совершенной его отмѣны въ войскахъ, было удержано и для арестантовъ и чтобы «къ этому наказанію, въ видѣ самостоятельнаго взысканія, начальство тюремъ прибѣгало только въ крайнихъ случаяхъ, когда всѣ другія мѣры къ исправленію арестанта окажутся недѣйствительными, или когда это будетъ необходимо для примѣра другимъ».

Отмѣтимъ, что какъ разъ въ это время, а именно 2 октября 1863 г. [1]), послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ измѣненіи системы наказаній для крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ инженернаго вѣдомства, «впредь до предстоящаго» ихъ преобразованія. Крѣпостные арестанты, по этому указу, за преступленія, совершенныя ими въ бытность въ арестантскихъ ротахъ, и подвергавшіеся, до изданія знаменитаго указа 17 апрѣля 1863 г., наказанію шпицрутенами или этому же наказанію съ переводомъ въ низшій разрядъ, не должны болѣе присуждаться къ «шпицрутенному наказанію», но подвергаются одиночному заключенію въ отдѣльныхъ карцерахъ, съ содержаніемъ въ оковахъ, на срокъ отъ одного до шести мѣсяцевъ, по усмотрѣнію начальствующихъ лицъ, окончательно конфирмующихъ приговоры. «Въ чрезвычайныхъ случаяхъ важнаго нарушенія крѣпостными арестантами воинской дисциплины, вызывающихъ необходимость немедленнаго и примѣрно строгаго наказанія, или въ случаѣ совершенія ими не менѣе важныхъ преступленій съ цѣлью избавиться отъ содержанія въ арестантскихъ ротахъ», указомъ 2 октября было предоставлено Генералъ-Инспектору по инженерной части право предавать виновныхъ военному суду по полевымъ уголовнымъ законамъ.

СОХРАНЕНІЕ ХАРАКТЕРА ВОИНСКАГО УЧРЕЖДЕНІЯ.

Въ видахъ сохраненія за рабочими тюрьмами характера «исключительно воинскаго учрежденія», комитетъ призналъ полезнымъ отмѣнить дѣйствующія узаконенія объ осужденіи въ исправительные арестанты преступниковъ гражданскаго вѣдомства, а также хивинцевъ и азіатцевъ, прорывающихся въ наши предѣлы. Комитетъ проектировалъ также отмѣну закона о бритьѣ головъ арестантамъ военно-рабочихъ тюремъ, такъ какъ эти арестанты предназначались къ поступленію, по отбытіи наказанія, опять въ ряды арміи и не лишались званія солдата.

Замѣтимъ кстати, что комитетъ, принявъ во вниманіе, что изъ числа приблизительно 866 человѣкъ, ссылаемыхъ ежегодно въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, много лицъ гражданскаго вѣдомства, проектировалъ ссылать ихъ исключительно въ Сибирскія крѣпости, а впредь до устройства въ послѣднихъ достаточныхъ для этого помѣщеній, замѣнять каторжную работу въ крѣпостяхъ, такою же рабо-

---

[1]) П. С. З., т. XXXVIII, № 40.091.

тою въ рудникахъ, считая 10 мѣсяцевъ работы въ рудникахъ за годъ работы въ крѣпостяхъ.

Отмѣтимъ также, что въ вопросѣ о направленіи гражданскихъ преступниковъ въ крѣпости, замѣчалось уже раньше нѣкоторое колебаніе. Въ 1854 году, вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ, высылка преступниковъ въ крѣпости была по Высочайшему повелѣнію прекращена. Преступники, приговариваемые къ каторжнымъ работамъ въ крѣпостяхъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ отъ 9 декабря [1]), отсылались въ Сибирь для употребленія ихъ тамъ въ работы. Въ 1856 году военный министръ увѣдомилъ министра внутреннихъ дѣлъ, что Государь Императоръ повелѣлъ возобновить на прежнемъ основаніи какъ высылку въ крѣпости нижнихъ чиновъ, назначаемыхъ въ крѣпостную работу, такъ и преступниковъ, приговариваемыхъ гражданскими присутственными мѣстами къ каторжнымъ работамъ въ крѣпостяхъ, а также, въ случаѣ надобности, и переводъ арестантовъ изъ гражданскихъ арестантскихъ ротъ въ роты инженернаго вѣдомства. Военный министръ даже препроводилъ росписаніе крѣпостей и губерній, изъ которыхъ могутъ быть высылаемы въ эти крѣпости арестанты. На основаніи рапорта министра внутреннихъ дѣлъ отъ 27 сентября 1856 года, вопросъ этотъ обсуждался законодательнымъ порядкомъ, и 19 октября 1856 года послѣдовалъ указъ о возобновленіи высылки въ крѣпости гражданскихъ лицъ [2]). Конечно, такое рѣшеніе вопроса отнюдь не представлялось принципіальнымъ, а вызывалось лишь практическими соображеніями, и, какъ мы увидимъ ниже, гражданскіе арестанты впослѣдствіи вновь стали ссылаться въ каторжную работу на заводы въ Восточной Сибири, вмѣсто ссылки въ крѣпостныя работы.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО.

Наконецъ, слѣдуетъ указать, что комитетъ вполнѣ опредѣленно высказался и объ организаціи управленія арестантскими учрежденіями. Находя, что «коменданты, по многосложнымъ своимъ обязанностямъ, лишены возможности имѣть бдительный надзоръ за арестантами», а инженерное начальство интересуется только работами и назначеніемъ должностныхъ лицъ, все же управленіе ротами лежитъ безконтрольно

---

[1]) П. С. З., №№ 28.813 и 29.490.
[2]) П. С. З., т. XXXI, № 31.030.

въ рукахъ командировъ ротъ и ихъ помощниковъ, которые «ни по образованію, ни по нравственнымъ качествамъ, не могутъ соотвѣтствовать своему назначенію, такъ какъ они избираются изъ выслужившихся унтеръ-офицеровъ мастеровыхъ командъ и офицеровъ внутренней стражи»,—комитетъ рѣшилъ совершенно измѣнить организацію тюремной администраціи, а именно:

«Военно-рабочія тюрьмы, крѣпостныя отдѣленія и каторжныхъ, изъявъ изъ вѣдомства главнаго инженернаго начальства, въ порядкѣ высшаго управленія, оставить въ подчиненіи военнаго министерства, и какъ учрежденія мѣстныя, общія для всѣхъ родовъ войскъ, причислить къ составу войскъ въ округахъ. Начальникамъ мѣстныхъ войскъ предоставить завѣдываніе ими на правахъ начальниковъ дивизій, а къ комендантамъ крѣпостей поставить ихъ въ одинаковыя отношенія съ войсками, составляющими гарнизонъ крѣпостей».

Тюрьмы раздѣлить на три разряда, въ зависимости отъ числа заключенныхъ, и для непосредственнаго управленія каждой тюрьмой назначить особаго начальника и отъ 1 до 3 помощниковъ; далѣе арестанты разбиваются на отдѣленія (до 20 человѣкъ), наблюденіе за которыми ввѣряется унтеръ-офицерамъ.

Затѣмъ для обсужденія мѣропріятій, касающихся хозяйственной части тюремъ и нравственности преступниковъ, учредить при каждой изъ нихъ мѣстный комитетъ; для личнаго же осмотра и повѣрки во всѣхъ отношеніяхъ состоянія мѣстъ заключенія, учредить должность инспектора военныхъ тюремъ; а общее наблюденіе и соображеніе всѣхъ мѣръ, касающихся благоустройства этихъ заведеній, сосредоточить въ особомъ комитетѣ, который учредить при военномъ министерствѣ, подъ наименованіемъ Центральнаго военно-тюремнаго комитета. Комитету этому состоять изъ дежурнаго генерала главнаго штаба, генералъ-аудитора, лица отъ главнаго инженернаго управленія и инспектора военныхъ тюремъ, предоставивъ военному министру право назначать, съ Высочайшаго соизволенія, и другихъ лицъ.

СТОИМОСТЬРЕФОРМЫ. По приблизительному исчисленію главнаго инженернаго управленія на возведеніе новыхъ зданій для военно-исправительныхъ учрежденій (на 5.000 чел.), съ устройствомъ для нихъ келій и съ соблюденіемъ всѣхъ условій пенитенціарнаго заключенія, потребуется отъ 7 до 8 милліоновъ руб. «Въ сущности,—замѣчаютъ составители проекта,—

цифра эта не слишкомъ значительна, если принять въ соображеніе, что возведеніе правильныхъ пенитенціарныхъ заведеній, вслѣдствіе особаго способа ихъ постройки, обходится вообще очень дорого». Въ Лондонѣ, напр., гдѣ въ то время находилось до 18 подобныхъ мѣстъ заключенія, постройка Мильбанкекой тюрьмы (на 1.120 чел.) стоила до 500 т. фунт. стерлинговъ, т.-е. около 3.150.000 рублей [1]).

Весь же расходъ на управленіе арестантами, согласно проектированнымъ комитетомъ штатамъ, простирался по расчету до 160 тысячъ въ годъ, т.-е. на 78 тысячъ рублей въ годъ болѣе, чѣмъ тратилось на это раньше.

ВРЕМЕННЫЯ МѢРЫ.

Затруднительное финансовое положеніе государства не позволяло надѣяться на возможность одновременнаго и скораго осуществленія проектированной реформы въ ея цѣломъ; поэтому комитетъ рѣшилъ ограничиться на первое время существовавшимъ размѣщеніемъ арестантовъ въ крѣпостяхъ, устраивая военно-рабочія роты не вдругъ, а постепенно, принявъ, однако, временныя мѣры къ улучшенію порядка содержанія преступниковъ. Эти временныя мѣры заключались въ примѣненіи намѣченныхъ въ проектѣ началъ пенитенціарной системы, насколько это позволяли финансовыя соображенія и время. Мѣры эти сводились къ слѣдующему:

1) Образовать изъ каждой категоріи преступниковъ особыя арестантскія учрежденія, именно: изъ военно-срочныхъ арестантовъ—военныя исправительныя роты, а изъ всегдашнихъ арестантовъ—крѣпостныя арестантскія отдѣленія и, сверхъ того, особо-каторжныхъ въ крѣпостяхъ, назначивъ для каждой изъ этихъ категорій преступниковъ особыя крѣпости и принявъ указанный комитетомъ порядокъ препровожденія осужденныхъ въ мѣста заключенія.

2) Раздѣлить каждую категорію арестантовъ на разряды испытуемыхъ и исправляющихся; но, по неимѣнію въ крѣпостяхъ надлежащихъ помѣщеній для келейнаго заключенія по ночамъ, допустить первоначально «совокупное» ихъ содержаніе, размѣстивъ каждый разрядъ въ особыхъ камерахъ и замѣнивъ существовавшія арестантскія нары или гамаками, или складными нарами и крова-

---

[1]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр. «Объяс. зап.», Спб., 1864, стр. 3—18.

тями. Затѣмъ устроить въ арестантскихъ камерахъ кельи на десятаго человѣка, для одиночнаго содержанія испытуемыхъ и поступающихъ въ арестантскія роты во второй разъ.

3) Впредь до устройства мастерскихъ допустить валовыя работы въ районахъ крѣпостей, но съ возможнымъ ихъ ограниченіемъ и не далѣе пятиверстнаго разстоянія. За эти работы платы арестантамъ не опредѣлять, но съ постепеннымъ введеніемъ работъ въ мастерскихъ назначать имъ вознагражденіе и распредѣлять выручаемую за издѣлія сумму на основаніи предположенныхъ комитетомъ правилъ, и

4) принять нынѣ же новый порядокъ высшаго управленія арестантскими учрежденіями, причисливъ ихъ къ общему составу войскъ въ округахъ и учредивъ должность инспектора военныхъ тюремъ и центральный военно-тюремный комитетъ, «дабы онъ могъ заблаговременно сообразить всѣ мѣропріятія для успѣшнаго правильнаго введенія предположенныхъ преобразованій», и устранить ошибки и недоразумѣнія, неизбѣжныя при неимѣніи въ этомъ новомъ у насъ дѣлѣ опытныхъ людей» [1]).

ВРЕМЕННЫЯ ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ УПРАВЛЕНІИ АРЕСТАНТАМИ.

Что же касается непосредственнаго управленія арестантами, то, въ видѣ временной мѣры, предположено было его измѣнить слѣдующимъ образомъ:

а) Изъ существовавшихъ въ то время 37-ми арестантскихъ ротъ инженернаго вѣдомства и арестантовъ, не сформированныхъ еще въ роты, образовать 12 исправительныхъ ротъ, два отдѣленія крѣпостныхъ арестантовъ и помѣстить въ двухъ крѣпостяхъ осужденныхъ въ каторжную работу. Въ ротахъ имѣть отъ 700 до 100 арестантовъ, въ крѣпостныхъ отдѣленіяхъ въ одномъ 40, а въ другомъ 60; относительно же каторжныхъ было предположено опредѣлить ихъ число въ 210 человѣкъ.

б) Въ каждой крѣпости, не взирая на численность арестантовъ, назначить для управленія ими особое лицо подъ наименованіемъ начальника исправительной роты, крѣпостного отдѣленія и каторжныхъ въ крѣпостяхъ.

в) Оклады жалованья офицерамъ арестантскихъ учрежденій срав-

---

[1]) «Объяс. зап.», стр. 18—20.

нить съ окладами армейскихъ офицеровъ, назначивъ имъ особыя столовыя деньги.

Ежегодный расходъ по содержанію такого управленія арестантами исчисленъ былъ въ 47.555 р. 65 к., т.-е. всего на 5.297 р. 95 к. болѣе того, что тратилось по дѣйствовавшимъ штатамъ; сверхъ того требовалось 6.400 р. на содержаніе центральнаго военно-тюремнаго комитета съ инспекторомъ тюремъ и правителемъ дѣлъ и 5.754 р. 90 к.— на управленіе предположенными комитетомъ тремя исправительными ротами на Кавказѣ и въ Сибири.

СОДЕРЖАНІЕ АРЕСТАНТОВЪ.

Что касается порядка въ содержаніи арестантовъ, то до полнаго устройства мѣстъ заключенія и введенія работъ въ мастерскихъ, комитетъ предложилъ придерживаться существовавшаго распредѣленія времени и занятій преступниковъ, стараясь по возможности примѣнять проектированныя комитетомъ правила относительно нравственнаго исправленія арестантовъ и развитія между ними религіознаго направленія и грамотности, и для этой цѣли, а равно для обсужденія хозяйственныхъ предметовъ, учредить при ротахъ мѣстные комитеты. Для соблюденія же между арестантами чистоты отпускать имъ одѣяла изъ сѣраго шинельнаго сукна, а для отличія исправляющихся отъ испытуемыхъ—нашивать первымъ на воротникѣ куртокъ красные клапаны. Вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнить бритье головъ военно-срочнымъ арестантамъ, позорные знаки на ихъ платьѣ и выставку кружекъ для сбора милостыни въ пользу осужденныхъ, «строго воспретивъ всякое улучшеніе ихъ пищи противъ опредѣленной закономъ».

Желая теперь же придать этимъ мѣстамъ заключенія характеръ учрежденій исключительно военныхъ, комитетъ находилъ необходимымъ отмѣнить дѣйствовавшее правило объ отдачѣ въ военныя исправительныя работы лицъ, не принадлежащихъ военному вѣдомству, опредѣливъ, чтобы каторжная работа въ крѣпостяхъ была замѣняема такою же работою въ рудникахъ.

Наконецъ, комитетъ, принявъ во вниманіе, что за содержаніе городскихъ карауловъ войскамъ отпускалась ежегодно извѣстная сумма денегъ, призналъ вполнѣ справедливымъ, чтобы, до введенія работъ въ мастерскихъ, производилась отъ казны плата по 3 коп. въ день каждому нижнему чину за конвоированіе арестантовъ при работахъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ комитетомъ, для этой надобности въ то время

употреблялось до 1.228 нижнихъ чиновъ и ежегодный расходъ на плату конвойнымъ, считая 300 рабочихъ дней въ году, достигалъ 11 тысячъ рублей.

Одновременно съ осуществленіемъ изложенныхъ временныхъ мѣръ комитетъ предложилъ «озаботиться и постепеннымъ устройствомъ въ мѣстахъ заключенія всѣхъ нужныхъ приспособленій для скорѣйшаго перехода къ временному преобразованію арестантскихъ учрежденій на принятыхъ комитетомъ началахъ».

По смѣтному соображенію главнаго инженернаго управленія, всѣ необходимыя приспособленія въ существовавшихъ помѣщеніяхъ арестантовъ могли быть произведены въ теченіе двухъ лѣтъ и потребовали бы отъ 250 до 300 тысячъ рублей. Келій, по числу 4.765 арестантовъ, предположено было имѣть 475 (на $^1/_{10}$), изъ которыхъ часть уже была устроена. Упомянутая цифра расходовъ заключала въ себѣ и расходъ на устройство вездѣ, гдѣ потребуется, временныхъ церквей, мастерскихъ, столовыхъ, бань, мѣстъ для умыванія, комнатъ для свиданій, дворовъ для прогулокъ, отдѣльныхъ помѣщеній для служителей и квартиры для администраціи [1]).

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ.

Такимъ образомъ были проектированы положенія:

1) объ исправительныхъ ротахъ военнаго вѣдомства;

2) о военно-рабочихъ тюрьмахъ и

3) о крѣпостныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ и объ осужденныхъ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ.

Проектъ положенія объ исправительныхъ ротахъ былъ составленъ для временнаго, а о военно-рабочихъ тюрьмахъ для коренного преобразованія арестантскихъ ротъ, при чемъ это послѣднее положеніе не было проектировано отдѣльно, а вошло въ составъ особо начертаннаго комитетомъ систематическаго «Положенія о тюрьмахъ военнаго вѣдомства».

По распоряженію военнаго министра ген.-ад. Милютина эти проекты были внесены на разсмотрѣніе военнаго совѣта, послѣ обсужденія ихъ въ военно-кодификаціонной комиссіи, которая, въ свою очередь имѣла въ виду полученныя отъ разныхъ начальствующихъ лицъ замѣчанія на проектъ.

---

[1]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр. «Объяснит. зап. по проектамъ положеній о мѣстахъ заключенія воен. вѣдомства», Спб., 1864, стр. 21—23.

Военный совѣтъ, обсудивъ эти законодательныя работы, вмѣстѣ со своими указаніями, возвратилъ проектъ для исправленія и дополненія.

Затѣмъ проекты были разсмотрѣны въ военно-кодификаціонной комиссіи, предсѣдатель которой внесъ въ Высочайше учрежденное Совѣщаніе записку о главныхъ основаніяхъ, на которыхъ предполагалось устроить военныя тюрьмы и военно-исправительныя роты, при чемъ первыя предназначались для содержанія заключенныхъ на время отъ 1 до 8 мѣсяцевъ, а вторыя—на время до 6 лѣтъ; записка эта обсуждалась Совѣщаніемъ 19 января 1866 года.

Въ этомъ засѣданіи военный министръ ген.-ад. Милютинъ доложилъ, что, за недостаткомъ средствъ учредить проектированныя военно-исправительныя тюрьмы, военное министерство принуждено было ограничиться «болѣе внѣшнимъ преобразованіемъ нынѣшнихъ военно-арестантскихъ ротъ инженернаго вѣдомства, въ томъ преимущественно отношеніи, чтобы не допускать въ крѣпостяхъ смѣшенія арестантовъ, подвергающихся за самыя тяжкія преступленія лишенію всѣхъ правъ состоянія, или каторжныхъ, приговариваемыхъ къ работѣ въ крѣпостяхъ, съ такими преступниками, которые отдаются въ арестантскія роты лишь на извѣстный срокъ для исправленія и должны, по выбытіи изъ ротъ, поступать вновь на службу. Существенныя же улучшенія, относительно самой системы содержанія арестантовъ въ исправительныхъ ротахъ, необходимо отложить до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, когда представится возможность къ коренному преобразованію сихъ учрежденій» [1]).

ВРЕМЕННЫЯ ПРАВИЛА 1864 ГОДА.

Временныя правила для управленія военно-арестантскими ротами, впредь до преобразованія этихъ послѣднихъ, были Высочайше утверждены 16 декабря 1864 года [2]). Раньше всего военно-арестантскія роты были изъяты изъ инженернаго вѣдомства и подчинены въ порядкѣ ближайшаго управленія: а) расположенныя въ Кронштадтѣ, Свеаборгѣ, Выборгѣ, Динабургѣ, Бобруйскѣ, Новогеоргіевскѣ, Брестъ-Литовскѣ, Ивангородѣ, Замостьѣ и Бендерахъ—командирамъ крѣпостныхъ полковъ и баталіоновъ; б) въ Ревелѣ, Динамюндѣ, Кіевѣ и Херсонѣ—губернскимъ воинскимъ начальникамъ, и в) въ Оренбургѣ и Омскѣ — оста-

---

[1]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр., «Сб. закон. раб.», 1869, стр. 95. Журналъ № 3.

[2]) П. С. З., т. XXXIX, № 41.590.

влены были въ подчиненіи тѣхъ командировъ линейныхъ баталіоновъ, въ вѣдѣніи которыхъ эти роты находились въ то время. Всѣ эти военные начальники и приняли на себя обязанности, раньше лежавшія въ отношеніи арестантскихъ ротъ на комендантахъ и инженерномъ начальствѣ, и выполняли ихъ подъ наблюденіемъ начальниковъ мѣстныхъ войскъ.

Всѣ свѣдѣнія о ротахъ, донесенія о числѣ арестантовъ, переданныхъ въ гражданское вѣдомство [1]), и о бродягахъ, оказавшихся военными дезертирами, начальники мѣстныхъ войскъ въ округахъ представляли въ инспекторскій департаментъ.

Право снимать съ арестантовъ кандалы предоставлено было командующимъ войсками въ округахъ, и имъ же, указомъ 7 сентября 1865 г. [2]), предоставлено было право предавать всѣхъ крѣпостныхъ арестантовъ суду по полевымъ законамъ и конфирмовать эти приговоры.

Военно-срочные арестанты могли быть удостаиваемы къ назначенію въ мастеровыя команды инженернаго вѣдомства и другія части инженернаго и артиллерійскаго вѣдомства, при чемъ порядокъ назначенія арестантовъ въ войска былъ опредѣленъ приказомъ 14 января 1864 г. [3]). Распредѣленіе такихъ арестантовъ, способныхъ къ строевой службѣ—въ строевые, а неспособныхъ—въ нестроевые, предоставлено было командующимъ войсками военныхъ округовъ и командирамъ отдѣльныхъ корпусовъ Сибирскаго и Оренбургскаго, которые и сообщали комендантамъ крѣпостей въ какія именно части войскъ арестанты должны быть отправлены.

Сношенія съ Кавказскимъ начальствомъ относительно распредѣленія арестантовъ изъ азіатцевъ Кавказскаго края должны были дѣлаться начальниками мѣстныхъ войскъ въ округахъ, а право освобожденія этихъ арестантовъ изъ роты предоставлено было командующимъ войсками въ округахъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, въ которыхъ на освобожденіе должно быть испрошено Высочайшее разрѣшеніе.

---

[1]) Военныхъ арестантовъ, передаваемыхъ по неспособности изъ арестантскихъ ротъ инженернаго вѣдомства въ арестантскія роты гражданскія, съ 22 января 1865 г., стали, по сокращеніи имъ срока наказанія, ссылать на водвореніе въ Сибирь, въ виду указа 22 ноября 1863 г.—о мѣрахъ къ очищенію арест. ротъ граждан. вѣд. отъ накопившихся въ нихъ арестантовъ (П. С. З., №№ 40.138 и 41.713).

[2]) П. С. З., т. XL, № 42.459.

[3]) П. С. З., т. XXXIX, № 40.469.

Въ 1865 году (25 іюня) [1]) три кронштадтскія военно-арестантскія роты были переформированы въ пять и всѣмъ вообще военно-арестантскимъ ротамъ измѣнена была нумерація такимъ образомъ, что роты стали именоваться по названію крѣпости, въ которой онѣ расположены, а если ихъ въ крѣпости было нѣсколько, то имъ присвоивались нумера по каждой крѣпости или городу.

Съ 1866 года въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства, въ видѣ опыта вводится выдача части заработанныхъ денегъ на руки арестантамъ, разрѣшеніе лучшимъ по поведенію арестантамъ возвращаться съ работы безъ конвоя, сокращеніе сроковъ содержанія [2]) и др. тому подобныя мѣры исправленія, выработанныя въ западно-европейскихъ пенитенціаріяхъ.

Такимъ образомъ, дни существованія арестантскихъ ротъ и, въ частности, ротъ инженернаго вѣдомства, можно сказать были уже сочтены; близилась военно-тюремная реформа: на руинахъ старыхъ военно-арестантскихъ ротъ должны были возникнуть спеціально военно-карательныя учрежденія—военныя тюрьмы, военно-исправительныя роты и крѣпостныя исправительныя отдѣленія.

---

[1]) П. С. З., т. XL, № 42.216.
[2]) П. С. З., т. XL, №№ 43.300, 43.524 и 44.898.

ГЛАВА XVII.

ВОЕННО-ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ ТЮРЬМА МОРСКОГО ВѢДОМСТВА.

Въ дѣлѣ реформированія тюремныхъ учрежденій военно-морское вѣдомство шло впереди, что объясняется, главнымъ образомъ, небольшой, сравнительно, численностью морскихъ арестантовъ.

Оно первымъ измѣняетъ трудовую политику, обоснованную на эксплоатаціи арестантской даровой силы, и, отказавшись отъ утилитарнаго воззрѣнія на цѣль наказанія, переходитъ къ системѣ исправленія преступника. Оно первымъ упраздняетъ у себя арестантскія роты и оно же первымъ создаетъ исправительную тюрьму, а именно 2 ноября 1864 г. было Высочайше утверждено «Положеніе о военно-исправительной тюрьмѣ морского вѣдомства» [1]), и самое открытіе тюрьмы было предоставлено усмотрѣнію управляющаго морскимъ министерствомъ.

«Положеніе» и «Временныя правила и порядкѣ и срокѣ заключенія» первоначально введены были въ дѣйствіе, въ виду предстоявшей болѣе широкой тюремной реформы въ военномъ вѣдомствѣ, въ видѣ опыта, впредь до изданія новаго воинскаго Устава о наказаніяхъ, и управляющему морскимъ министерствомъ предоставлено было «имѣть особенное наблюденіе за дѣйствіемъ означеннаго Положенія съ самаго открытія тюрьмы и въ случаяхъ, особенно нужныхъ для успѣш-

[1]) П. С. З., т. XXXIX, № 41.406.

наго достиженія цѣли новаго учрежденія, дѣлать, въ теченіе времени до изданія воинскаго Устава о наказаніяхъ, установленнымъ порядкомъ, представленія о соотвѣтствующемъ измѣненіи статей положенія».

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА

Эта военно-исправительная тюрьма учреждена была въ г. С.-Петербургѣ для содержанія морскихъ нижнихъ чиновъ, осужденныхъ на тюремное заключеніе.

Подъ эту тюрьму было приспособлено особое зданіе, оборудованное вполнѣ подъ пенитенціарное учрежденіе. Тюрьма состояла изъ двухъ отдѣленій: одно—для осужденныхъ за общія, а другое—за воинскія и спеціально-морскія преступленія. Заключенные этихъ двухъ разрядовъ должны были содержаться раздѣльно. Тюрьма была спроектирована по системѣ смѣшаннаго вида: съ разобщеніемъ заключенныхъ въ одиночныхъ камерахъ на ночь, общими работами днемъ и обязательнымъ молчаніемъ. Трудъ принудительный—казенныя работы и военныя упражненія, но вознаграждался нѣкоторой платой. Заключенные, въ продолженіе пребыванія въ тюрьмѣ, продолжаютъ числиться на службѣ и, по освобожденіи, возвращаются въ команды морского вѣдомства; «посему,—значится въ Положеніи,—нравственное исправленіе заключенныхъ и поддержаніе въ нихъ духа воинской дисциплины и подчиненности составляютъ главную цѣль, къ достиженію которой должно стремиться тюремное начальство».

ПРАВИЛА 15 МАЯ 1867 Г.

15 мая 1867 года, по всеподданнѣйшей запискѣ Великаго Князя Константина Николаевича и военнаго и морского министровъ отъ 12 апрѣля, Высочайше были утверждены «Правила» [1]), изданныя впредь до обнародованія новаго воинскаго Устава о наказаніяхъ, измѣнявшія въ значительной степени общую часть Устава 1839 года (кн. 1 части 5 С. В. П.), а въ частности всю систему наказаній. Этими «Правилами» введена была согласованная съ Уложеніемъ о наказаніяхъ лѣстница наказаній, въ которой, между прочимъ, для нижнихъ чиновъ, состоящихъ на срочной службѣ, т.-е. служащихъ по найму, судебному приговору или рекрутской очереди и не пользующихся особенными правами состоянія, установлены были слѣдующія исправительныя наказанія: 1) отдача на время въ военно-исправительныя роты, съ потерею всѣхъ особенныхъ правъ и препму-

[1]) П. С. З., т. XLII, № 44.574.

ществъ, лично и по состоянію или званію осужденнаго ему присвоенныхъ, 2) временное одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ, съ потерею нѣкоторыхъ, смотря по степени наказанія и состоянію или званію осужденнаго, принадлежащихъ ему правъ и преимуществъ. Для офицеровъ же, чиновниковъ военнаго вѣдомства и нижнихъ чиновъ, пользующихся особенными правами и не состоящихъ на срочной службѣ, установлены были: 1) ссылка на житье въ отдаленнѣйшія или менѣе отдаленныя мѣста Сибири, съ лишеніемъ чиновъ, исключеніемъ изъ службы и потерею всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ какъ лично, такъ и по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ, и съ временнымъ, въ опредѣленномъ для его жительства мѣстѣ, заключеніемъ или безъ него; 2) ссылка на житье въ другія, кромѣ Сибирскихъ, болѣе или менѣе отдаленныя губерніи, съ тѣми же праволіпеніями и послѣдствіями; 3) временное заключеніе въ крѣпости, съ исключеніемъ изъ службы, безъ лишенія чиновъ и съ потерею лишь нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ; 4) временное заключеніе въ смирительномъ домѣ, съ тѣми же праволіпеніями и послѣдствіями; 5) временное заключеніе въ крѣпости, съ ограниченіемъ лишь нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ; 6) временное заключеніе въ тюрьмѣ гражданскаго вѣдомства, съ увольненіемъ отъ службы, и 7) содержаніе на гауптвахтѣ, съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ, или же безъ всякаго ограниченія въ правахъ и преимуществахъ.

Такимъ образомъ, «Правилами» 15 мая спеціально воинскія наказанія лишеніемъ свободы (въ военно-исправительныхъ ротахъ и военной тюрьмѣ) были назначены лишь для части нижнихъ чиновъ, тогда какъ для офицеровъ, чиновниковъ и нижнихъ чиновъ, пользующихся особыми правами состоянія и не состоящихъ на срочной службѣ, введена была цѣлая лѣстница наказаній лишеніемъ свободы, изъ которыхъ только заключеніе въ крѣпости и содержаніе на гауптвахтѣ могли быть отнесены къ числу воинскихъ наказаній, и то условно. Законъ 15 мая дѣлаетъ такое же различіе, но не настолько рѣзкое, въ назначеніи для военно-служащихъ уголовныхъ наказаній, оговариваясь въ особомъ примѣчаніи, что впредь до изданія новаго воин-

БОБРУЙСКІЙ ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ БАТАЛЬОНЪ.

Осмотръ прибывшаго этапа.

На свободу!

Возвращеніе съ работы (осмотръ).

Ефрейторъ занимается съ заключенными.

Кадръ батальона.

скаго Устава о наказаніяхъ, ссылка на поселеніе не должна была примѣняться къ нижнимъ чинамъ, состоящимъ на срочной службѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ВЪ ВОЕННОЙ ТЮРЬМѢ ПО ЗАКОНУ 15 МАЯ 1867 Г.

Что же касается, въ частности, одиночнаго заключенія въ военной тюрьмѣ, то «Правила 15-го мая» различали пять степеней этого наказанія, отличавшихся срокомъ заключенія, maximum котораго былъ 6 мѣсяцевъ, а minimum—1 мѣсяцъ.

Время нахожденія въ военной тюрьмѣ не засчитывалось въ службу. Состоявшіе на срочной службѣ, а также несостоявшіе на срочной службѣ, при осужденіи ихъ по низшей степени, обращались, по выбытіи изъ тюрьмы, въ прежніе полки и команды, или въ другіе, на основаніи особыхъ правилъ. Соединенное съ одиночнымъ заключеніемъ въ военной тюрьмѣ лишеніе правъ и преимуществъ состояло, для пользующихся особенными правами состоянія, въ лишеніи нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ, при осужденіи къ низшей степени наказанія, и въ потерѣ нѣкоторыхъ особенныхъ лично и по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ и службою пріобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ (на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ) и потерѣ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ—при осужденіи къ наказанію по первымъ четыремъ степенямъ; состоявшіе на срочной службѣ при этомъ оставлялись на службѣ впредь до выслуги обязательнаго срока, безъ перевода въ разрядъ штрафованныхъ.

Не пользующіеся особенными правами состоянія, осужденные по первымъ двумъ степенямъ лишались нашивки за безпорочную службу и зачислялись въ разрядъ штрафованныхъ, а неимѣющимъ нашивокъ срокъ пребыванія въ разрядѣ штрафованныхъ увеличивался отъ 1 до 2 лѣтъ; при осужденіи по 3 и 4 степенямъ—лишались только упомянутой нашивки, а неимѣющіе нашивки—переводились въ разрядъ штрафованныхъ; сверхъ того, при осужденіи по первымъ четыремъ степенямъ, непользующіеся особенными правами состоянія подвергались правопораженію и правоограниченію на томъ же основаніи, какъ и пользующіеся этими правами.

При осужденіи къ одиночному заключенію по пятой степени, имѣющіе нашивку за безпорочную службу лишались этой нашивки, а неимѣющіе—зачислялись въ разрядъ штрафованныхъ; какъ тѣ, такъ

и другіе подвергались, сверхъ того, и потерѣ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ.

Потеря же нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ заключалась: въ лишеніи унтеръ-офицерскаго или ефрейторскаго званія, права на полученіе прибавочнаго жалованья и знаковъ отличія, кромѣ знака отличія за военный подвигъ, впредь до прощенія штрафа.

Нижніе чины, не состоявшіе на срочной службѣ, по выбытіи изъ военной тюрьмы подвергались исключенію изъ службы при осужденіи по первымъ двумъ степенямъ,—отставленію отъ службы—по слѣдующимъ двумъ степенямъ, а осужденные по пятой степени—не лишались права выходить, по выбытіи изъ тюрьмы, въ отставку, а равно могли быть увольняемы отъ службы по распоряженію начальства.

Впредь до устройства военныхъ тюремъ одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ должно было замѣняться, въ зависимости отъ степени присужденнаго наказанія, состоянія осужденнаго на срочной службѣ, пользованія особенными правами состоянія и имѣнія нашивки за безпорочную службу—арестомъ на хлѣбѣ и водѣ на срокъ до 4 недѣль, переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ съ увеличеніемъ обязательнаго срока пребыванія въ немъ и наказаніемъ розгами до 200 ударовъ, при чемъ эта замѣна сопровождалась соотвѣтственнымъ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ. Арестъ этотъ отбывался на гауптвахтѣ или въ особо устроенномъ для того помѣщеніи, на основаніи «Положенія о взысканіяхъ дисциплинарныхъ».

Впослѣдствіи, а именно, 21 декабря 1874 г. [1]), т.-е. послѣ введенія общей воинской повинности, эти правила о замѣнѣ одиночнаго заключенія въ военной тюрьмѣ содержаніемъ подъ арестомъ, съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ, были нѣсколько измѣнены и уже различались только 2 группы нижнихъ чиновъ: пользующіеся и непользующіеся особенными правами состоянія.

Одновременно съ изданіемъ этихъ «Правилъ 15 мая» былъ Высочайше утвержденъ и изданъ Военно-Судебный Уставъ [2]), что и обусловило необходимость этихъ временныхъ правилъ.

ВОЕННЫЯ ТЮРЬМЫ.

На слѣдующій-же день, 16 мая 1867 года, было Высочайше

---

[1]) П. С. З., т. XLIX, №№ 54.178 и 54.200.
[2]) П. С. З., т. XLII, № 44.575.

утверждено «Положеніе о военныхъ тюрьмахъ» [1]), которое явилось результатомъ законодательныхъ работъ, разсмотрѣнныхъ нами подробно въ предшествующихъ главахъ.

ЦѢЛЬ ИХЪ УЧРЕЖДЕНІЯ.

«Военныя тюрьмы,—говоритъ законъ,—назначаются для содержанія нижнихъ воинскихъ чиновъ, приговоренныхъ по суду къ одиночному заключенію».

Именовались онѣ по тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ были устроены.

Нижніе чины, осужденные къ отдачѣ въ военныя тюрьмы, не исключались изъ военнаго вѣдомства, но время нахожденія ихъ въ тюрьмѣ не засчитывалось имъ въ дѣйствительную службу.

Въ виду этого, а также и въ виду того, что военныя тюрьмы принадлежали къ составу мѣстныхъ учрежденій въ военныхъ округахъ и были подчинены начальникамъ мѣстныхъ войскъ, на правахъ начальника дивизіи—эти карательныя учрежденія представлялись исключительно военными, совершенно обособленными отъ общихъ мѣстъ заключенія, и поставлены были въ непосредственную связь съ войскомъ.

УПРАВЛЕНІЕ ТЮРЬМАМИ.

«Военныя тюрьмы,—говорится далѣе въ Положеніи о нихъ,—находящіяся въ крѣпостяхъ, подчиняются комендантамъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и войска, составляющія гарнизонъ крѣпости; тюрьмы же, расположенныя въ губернскихъ городахъ, гдѣ не имѣется крѣпостей, подчиняются, на тѣхъ же основаніяхъ, губернскимъ воинскимъ начальникамъ».

Ближайшее-же управленіе каждою военною тюрьмою ввѣрено было особому начальнику, назначаемому по представленію военнаго министра Высочайшимъ приказомъ. Начальнику тюрьмы присвоены были права командира полка; дисциплинарная-же его власть въ отношеніи заключенныхъ была точно опредѣлена въ Положеніи. Въ число обязанностей начальника тюрьмы, между прочимъ, входило: «ненарушимо соблюдать предписанный порядокъ въ способѣ содержанія заключенныхъ, не допуская въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго отступленія или послабленія».

Въ помощь начальнику тюрьмы назначались особые помощники,

---

[1]) П. С. З., т. XLII, № 44.594.

которые вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли въ непосредственномъ завѣдываніи отъ 100 до 200 заключенныхъ. Въ составъ тюремной администраціи входили кромѣ того: священникъ, обязанный «наставлять заключенныхъ въ религіи, навѣщая ихъ для сего коль можно чаще и обращая вниманіе на ихъ нравственность», секретарь, врачъ, фельдшера.

Для хозяйственнаго-же управленія учреждался при каждой тюрьмѣ комитетъ, состоящій изъ помощниковъ начальника тюрьмы подъ его предсѣдательствомъ. Въ совѣщаніяхъ тюремнаго комитета участвовали также: священникъ — по вопросамъ, касавшихся «нравственнаго исправленія» заключенныхъ и церковнаго хозяйства, врачъ— по вопросамъ санитарнымъ. Этотъ комитетъ представлялъ отчетъ о тюрьмѣ въ главный военно-тюремный комитетъ. Для завѣдыванія тюремными работами начальникомъ тюрьмы избирался особый завѣдывающій работами, въ распоряженіи котораго находились инструменты и матеріалы, нужные для занятія заключенныхъ мастерствами; онъ-же руководилъ этими занятіями заключенныхъ и обязанъ былъ въ нихъ отчетностью.

Наконецъ, непосредственное прямое завѣдываніе арестантами возложено было на кадровыхъ нижнихъ чиновъ тюрьмы, которые составляли, съ одной стороны, низшую администрацію, въ качествѣ фельдфебелей (по одному къ каждому помощнику начальника тюрьмы), надзирателей при лазаретѣ, цейхгаузѣ и кухнѣ, привратника, дьячка и унтеръ-офицеровъ для завѣдыванія отдѣленіями, состоявшими изъ 25-ти заключенныхъ. Кромѣ того, при тюрьмахъ имѣлись вольнонаемные служители, обязанность которыхъ заключалась въ приготовленіи пищи и уборкѣ тюремныхъ помѣщеній.

Всѣмъ чинамъ, служащимъ въ военныхъ тюрьмахъ, установлено было особое штатное содержаніе, форма обмундированія [1]) и довольствіе, и присвоены особыя служебныя права и преимущества.

УСТРОЙСТВО ТЮРЕМЪ. Военныя тюрьмы состояли: 1) изъ отдѣльныхъ камеръ для одиночнаго заключенія осужденныхъ, 2) изъ отдѣльныхъ-же уединенныхъ карцеровъ, для провинившихся въ самой тюрьмѣ. Кромѣ того при тюрьмахъ должны быть: а) церковь, б) пріемная для прибывающихъ осужденныхъ; в) кухня съ пекарнею, г) баня, д) цейхгаузъ,

[1]) П. С. З., т. XLII, № 44.728.

е) лазаретъ, по расчету 8 кроватей на сто человѣкъ заключенныхъ, и ж) помѣщеніе для служащихъ. Отхожія мѣста должны быть устроены по особымъ правиламъ, въ каждой отдѣльной камерѣ.

Такимъ образомъ военныя тюрьмы были устроены по келейной системѣ.

Въ каждой одиночной камерѣ полагались: кровать, столикъ, табуретъ, кувшинъ съ водою и кружка для питья. «Утварь эта,—говоритъ законъ,—устраивается такимъ образомъ, чтобы заключенный не могъ днемъ лежать на кровати, а прочихъ предметовъ употреблять какъ орудій разрушенія». На помѣщенныхъ въ настоящемъ очеркѣ рисункахъ показаны какъ общій видъ расположенія въ нашихъ военныхъ тюрьмахъ одиночныхъ камеръ, такъ и устройство каждой камеры въ отдѣльности, а также системы устройства кроватей и отхожихъ мѣстъ въ камерахъ; рисунки настолько наглядны, что мы воздерживаемся отъ болѣе детальнаго описанія.

Камеры должны быть устроены съ просвѣтомъ надъ дверями, а также съ окошечкомъ въ дверяхъ, для наблюденія за дѣйствіями заключенныхъ. Карцеры-же устраивались такимъ образомъ, чтобы заключенныхъ, въ случаѣ необходимости усилить строгость наказанія, можно было держать въ совершенной темнотѣ. Двери камеръ и карцеровъ запирались наружными замками; камеры и карцеры означались нумерами. Куреніе въ тюремныхъ помѣщеніяхъ было воспрещено; коридоры и лѣстницы должны были освѣщаться всю ночь; требовалось соблюденіе особенной чистоты и опрятности; воздухъ въ камерахъ долженъ былъ освѣжаться «во всякое время года». Такія элементарныя указанія закона были вызваны, разумѣется, только антисанитарнымъ состояніемъ старыхъ нашихъ тюремъ.

Постороннія лица за тюремную ограду безъ особаго разрѣшенія не допускались; ворота должны быть всегда заперты на замокъ и отворялись только въ случаяхъ, указанныхъ начальникомъ тюрьмы. У воротъ должна быть устроена калитка съ задвижкою; подлѣ калитки безотлучно находился привратникъ.

Отлучка чиновъ управленія, какъ офицеровъ, такъ и кадровыхъ нижнихъ чиновъ, изъ зданій тюрьмы допускалась только съ разрѣшенія начальника тюрьмы; самъ же начальникъ не имѣлъ права ночевать внѣ тюрьмы.

Военныя тюрьмы охранялись особыми караулами, назначаемыми отъ мѣстныхъ войскъ.

ПРИБЫТІЕ ВЪ ТЮРЬМУ.

Нижніе чины, приговоренные къ тюремному заключенію, доставлялись въ военныя тюрьмы по распоряженію того начальства, въ вѣдѣніи котораго они состояли во время суда, вмѣстѣ съ засвидѣтельствованными копіями съ состоявшихся о нихъ и вошедшихъ въ законную силу судебныхъ приговоровъ. Пересылались они въ тюрьму въ своей полковой или командной одеждѣ, въ порядкѣ, установленномъ для препровожденія арестантовъ, но отдѣльно отъ арестантовъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія; въ тюрьмѣ ихъ переодѣвали въ тюремную одежду, а полковая—сдавалась въ тюремный цейхгаузъ; деньги, знаки отличія и медали отбирались у арестантовъ при отправленіи въ тюрьму и передавались въ тюрьму, гдѣ и хранились до освобожденія заключеннаго изъ тюрьмы.

Срокъ заключенія считался со дня прибытія осужденнаго въ тюрьму, но съ зачетомъ времени, проведеннаго имъ подъ стражей, по вступленіи приговора въ законную силу, до дня отправленія въ тюрьму.

По прибытіи въ тюрьму осужденные «немедленно» свидѣтельствовались врачомъ, и обыскивались; найденныя у нихъ скрытыя деньги обращались въ спеціальную тюремную сумму, которая употреблялась на всѣ нужды тюрьмы, сверхъ штатнаго отпуска.

ПОРЯДОКЪ СОДЕРЖАНІЯ.

Осужденные содержались въ одиночномъ заключеніи, кромѣ времени, употребляемаго для физическихъ упражненій; однако, и во время этихъ упражненій, такъ же, какъ и во время работъ, имѣющихъ гигіеническое значеніе, арестанты обязаны были соблюдать безусловное молчаніе. Прочія же работы, а равно молитвы и принятіе пищи они совершали въ одиночныхъ своихъ камерахъ.

Заключенные обязаны были сохранять полную тишину; имъ воспрещалось: пѣніе, употребленіе горячихъ напитковъ, куреніе и нюханіе табака.

Переписка съ родными и посторонними дозволялась заключеннымъ не иначе, какъ съ разрѣшенія тюремнаго начальства.

Въ воскресенье и праздничные дни и наканунѣ ихъ заключенные выводились въ церковь, для слушанія Богослуженія, а Великимъ

постомъ поочередно говѣли. Въ баню они посылались два раза въ мѣсяцъ, и перемѣняли: рубахи—разъ въ недѣлю, а лѣтнее платье—два раза въ мѣсяцъ.

Порядокъ распредѣленія дня во всѣхъ подробностяхъ составлялся начальникомъ тюрьмы и утверждался командующимъ войсками въ округѣ, по соглашенію съ главнымъ военно-тюремнымъ комитетомъ. Пища состояла: изъ ежедневно отпускаемыхъ 3-хъ фунтовъ ржаного хлѣба, 6 золотниковъ соли и горячаго обѣда, состоявшаго изъ щей или овощной похлебки, въ скоромные дни—съ саломъ, а въ постные—съ постнымъ масломъ; два раза въ недѣлю и по высокоторжественнымъ днямъ похлебка приготовлялась съ крошенымъ мясомъ или рыбою, полагая на человѣка по четверти фунта того или другого.

ЗАНЯТІЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ

Въ свободное отъ физическихъ упражненій и работъ время, заключенные занимались съ гигіенической цѣлью въ своихъ камерахъ мастеровыми работами поурочно. Уроки въ праздничные и воскресные дни уменьшались, а въ свободное отъ работъ время, въ эти дни, грамотнымъ заключеннымъ выдавались для чтенія книги, а неграмотныхъ тюремные унтеръ-офицеры обучали грамотѣ, либо всѣхъ одновременно, либо поочередно.

Заключенные, отбывшіе уже въ тюрьмѣ двѣ трети наказанія и отличавшіеся все это время благонравіемъ и трудолюбіемъ, пользовались ежедневно установленнымъ для праздниковъ трудовымъ режимомъ.

Мастеровыя работы избирались такія, которыя могли съ удобствомъ производиться въ одиночку въ камерахъ, были безвредны для здоровья, совершенно безопасны и не требовали бы большого числа инструментовъ. За производствомъ работъ наблюдалъ завѣдывающій работами и тюремные унтеръ-офицеры, которые обязаны были ежедневно докладывать помощникамъ начальника тюрьмы о заключенныхъ, не окончившихъ своихъ уроковъ. Произведеннымъ заключенными издѣліямъ велась особая отчетность и самыя издѣлія затѣмъ продавались; вырученныя отъ продажи деньги обращались въ спеціальную тюремную сумму.

НАКАЗАНІЕ ЗА ПРОСТУПКИ И ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Проступки арестантовъ, облагаемые взысканіями властью начальника тюрьмы, подраздѣлялись на двѣ группы: къ первой относились маловажныя нарушенія установленнаго порядка, несоблюденіе опрят-

ности, тишины и т. п., нерадѣніе въ работѣ, ложныя показанія о болѣзни, непослушаніе, безъ грубости, оказанное начальникамъ изъ кадровыхъ нижнихъ чиновъ. Ко второму роду проступковъ относятся: повтореніе упомянутыхъ выше проступковъ, умышленная порча казенныхъ вещей, умышленное поврежденіе мѣста заключенія, утвари, инструмента и пр., покушеніе на подкупъ нижнихъ чиновъ для послабленія въ надзорѣ, дурное поведеніе, нарушеніе порядка и благочинія, грубое ослушаніе фельдфебеля или унтеръ-офицеровъ.

Наказанія за перваго рода проступки заключались въ лишеніи подстилки на койкѣ на болѣе или менѣе продолжительное время, заключеніе въ темномъ карцерѣ до пяти сутокъ, которое усиливалось и содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ. За проступки 2 рода срокъ заключенія въ темномъ карцерѣ могъ быть продолженъ до восьми дней. Кромѣ того начальникъ тюрьмы могъ отмѣнять и тѣ льготы въ порядкѣ содержанія, которыя установлены были для арестантовъ хорошаго поведенія. При особенно увеличивающихъ вину обстоятельствахъ начальникъ тюрьмы могъ подвергать виновныхъ, сверхъ того, и наказанію розгами за проступки перваго рода до 15 ударовъ, а второго рода—до 50 ударовъ.

Всѣ взысканія обязательно записывались въ штрафной журналъ, а за преступленія заключенные наказывались по суду всегда въ высшей мѣрѣ.

ПОЛЬЗОВАНІЕ БОЛЬНЫХЪ.

Заключенные, въ случаѣ тяжкой болѣзни, помѣщались въ тюремный лазаретъ, гдѣ и лечились на общемъ съ войсками основаніи; при легкихъ же заболѣваніяхъ они пользовались въ своихъ камерахъ; время болѣзни, проведенное въ лазаретѣ или госпиталѣ, исключалось, во всякомъ случаѣ, изъ срока пребыванія въ тюрьмѣ, назначеннаго въ приговорѣ.

ОСВОБОЖДЕНІЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ.

По отбытіи срока содержанія въ тюрьмѣ, заключенные немедленно освобождались, переодѣвались въ одежду, въ которой были доставлены въ тюрьму, получали отобранные знаки отличія и деньги и возвращались въ свои части по этапу, не въ родѣ арестантовъ.

ОБЩІЙ ВЫВОДЪ

Положеніе о военной тюрьмѣ 1867 года, явившееся результатомъ долгаго обсужденія и труда различныхъ комиссій и комитетовъ, создало у насъ не строго келейную одиночную тюрьму, а смѣшанный типъ пенитенціарнаго учрежденія. Въ отступленіе отъ принципа един-

ства карательной системы въ государствѣ, оно создало спеціально военную тюрьму, пожертвовавъ второстепенными интересами государственными въ пользу насущныхъ интересовъ арміи.—Можно многое возразить, какъ противъ избранной системы устройства военной тюрьмы, такъ и противъ чрезмѣрнаго ея обособленія, приведшихъ къ устраненію отъ военно-тюремнаго дѣла даже военной юстиціи, но такъ какъ фактически военныя тюрьмы появляются у насъ почти десятилѣтіемъ позже изданія Положенія о нихъ (въ 1876 году) и практика этихъ карательныхъ учрежденій охватываетъ главнымъ образомъ послѣднее двадцатипятилѣтіе XIX вѣка, то мы и отнесемъ оцѣнку установившейся у насъ военно-тюремной системы къ послѣднему отдѣлу настоящаго очерка.

Дѣйствительно, первая у насъ военная тюрьма фактически была учреждена уже послѣ введенія общеобязательной воинской повинности, а именно 18 января 1875 [1]), когда послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи военной тюрьмы въ г. Варшавѣ, на 200 арестантовъ, въ виду окончанія постройки необходимыхъ для нея зданій.

---

[1]) П. С. З., т. L, № 54.299.

ГЛАВА XVIII.

ОТДАЧА ВЪ ВОЕННО-ИСПРАВИТЕЛЬНЫЯ РОТЫ ПО ЗАКОНУ 15 МАЯ 1867 Г.

По правиламъ 15 мая 1867 года [1]) отдача въ военно-исправительныя роты установлена была только для нижнихъ чиновъ, состоящихъ на срочной службѣ, и для всѣхъ прочихъ нижнихъ чиновъ, не пользующихся особенными правами состоянія, и сопровождалась потерею всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію или званію осужденнаго ему присвоенныхъ или службою пріобрѣтенныхъ.

Въ отношеніи постепенности, для назначенія по мѣрѣ вины, это наказаніе подраздѣлено было на одиннадцать степеней, отличавшихся сроками наказанія, при чемъ минимальный срокъ былъ 1 годъ, а максимальный—6 лѣтъ.

Соединяемая съ отдачею въ военно-исправительныя роты потеря всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ не влекла за собою для нижнихъ чиновъ, обязанныхъ срочною службою, исключенія изъ военнаго вѣдомства, но сопровождалась лишеніемъ всѣхъ преимуществъ, пріобрѣтенныхъ службою. Время нахожденія въ военно-исправительныхъ ротахъ не зачислялось въ дѣйствительную службу.

Выбывшіе изъ военно-исправительныхъ ротъ нижніе чины, не состоящіе на срочной службѣ, исключались изъ военнаго вѣдомства

---

[1]) П. С. З., т. XLII, № 44.574

и передавались въ распоряженіе гражданскаго начальства, для направленія ихъ въ порядкѣ, который былъ установленъ для выбывающихъ изъ арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства; а состоящіе на срочной службѣ обращались въ прежніе полки и команды или въ другіе, и зачислялись въ разрядъ штрафованныхъ.

Тѣ изъ нижнихъ чиновъ, которые, не состоя на срочной службѣ, оказывались по дряхлости, старости или по болѣзнямъ совершенно неспособными ни къ какимъ работамъ и занятіямъ въ военно-исправительныхъ ротахъ, исключались изъ военнаго вѣдомства и передавались въ распоряженіе гражданскаго начальства для поступленія съ ними по правиламъ о неспособныхъ къ работамъ въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства; а тѣ изъ арестантовъ, которые состояли на срочной службѣ и оказывались по тѣмъ же причинамъ совершенно неспособными ни къ какимъ работамъ и занятіямъ въ военно-исправительныхъ ротахъ, передавались гражданскому начальству для содержанія въ тюрьмахъ гражданскаго вѣдомства до окончанія срока, на который они были приговорены къ отдачѣ въ военно-исправительныя роты, а затѣмъ обращались въ вѣдѣніе военнаго начальства, для зачисленія ихъ, на общемъ основаніи, въ надлежащихъ случаяхъ въ разрядъ неспособныхъ.

ПЕРЕХОДНЫЯ МѢРЫ.

Положеніе о военно-исправительныхъ ротахъ было Высочайше утверждено 16 мая 1867 года [1]) и объявлено въ приказѣ военнаго министра 25-го мая. Но такъ какъ военно-исправительныя роты еще не были къ этому времени устроены, то тогда же, 16-го мая, приняты были временныя переходныя мѣры.

Построить новыя помѣщенія для военно-исправительныхъ ротъ обошлось бы казнѣ до 8 милліоновъ рублей, что поставило бы государство въ финансовомъ отношеніи въ затруднительное положеніе; поэтому рѣшено было, какъ будетъ указано ниже, приспособить старыя зданія арестантскихъ ротъ и произвести эту работу арестантскими же руками. Обязанность осуществленія этой мѣры была возложена на образованные въ каждой мѣстности, гдѣ предполагалось открыть исправительныя роты, особые временные военно-тюремные комитеты, которые и должны были выбрать зданія, составить по

[1]) П. С. З., т. XLII, № 44.593.

дробныя соображенія и смѣты по предположеннымъ работамъ, наблюдать за ходомъ самыхъ работъ и организовать ротныя мастерскія.

Тѣмъ временемъ Высочайше повелѣно было всѣ тридцать семь военно-арестантскія роты и полуроты переформировать въ военно-исправительныя по слѣдующему росписанію:

Названія военно-исправительныхъ ротъ:		Изъ какихъ военно-арестантскихъ ротъ сформированы:
Кіевская	на 700 чел.	1, 2, 3 и 4 Кіевскія.
Бобруйская . . .	» 1.200 »	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 Бобруйскія
Динабургская . .	» 600 »	1, 2, 3, 4 и 5 Динабургскія
Брестъ-Литовская	» 400 »	1 и 2 Брестъ-Литовскія
Кронштадтская .	» 600 »	1, 2, 3, 4 и 5 Кронштадтскія
Свеаборгская . .	» 300 »	1 и 2 Свеаборгскія
Новогеоргіевская	» 225 »	Новогеоргіевская
Рижская	» 200 »	1 и 2 Рижскія
Ивангородская .	» 200 »	Ивангородская
Херсонская . . .	» 200 »	Херсонская
Бендерская . . .	» 200 »	Бендерская
Динаминдская . .	» 200 »	Динаминдская
Выборгская . . .	» 200 »	Выборгская
Оренбургская . .	» 110 »	Оренбургская
Омская	» 110 »	Омская

Всего, слѣдовательно, сформировано должно быть 15 военно-исправительныхъ ротъ.

Арестантовъ, состоявшихъ къ этому времени въ военно-арестантскихъ ротахъ, повелѣно было распредѣлить слѣдующимъ образомъ: а) всегдашнихъ арестантовъ зачислить въ разрядъ испытуемыхъ вновь формируемыхъ военно-исправительныхъ ротъ и выдержать ихъ въ этомъ разрядѣ все остающееся, каждому изъ нихъ, время пребыванія въ разрядѣ всегдашнихъ арестантовъ, до истеченія установленнаго для того десятилѣтняго срока, съ тѣмъ, однако же, что если бы кому-либо изъ арестантовъ до этого срока оставалось болѣе 6-ти лѣтъ, то выдержать такого арестанта въ разрядѣ испытуемыхъ военно-исправительныхъ ротъ 6 лѣтъ, и затѣмъ арестантовъ разряда всегдашнихъ отправлять изъ военно-исправительныхъ ротъ въ Сибирь на водвореніе; б) военно-срочныхъ арестантовъ передать въ военно-исправительныя роты, съ зачисленіемъ въ разрядъ испытуемыхъ арестантовъ, соотвѣтственно времени нахожденія каждаго изъ нихъ въ арестантской ротѣ и срока, назначеннаго для пребыванія въ разрядѣ испытуемыхъ во вновь формируемыхъ военно-исправительныхъ ротахъ; а также арестантовъ, которымъ хотя и миновалъ, по этому расчету, срокъ пребыванія въ разрядѣ испытуемыхъ, но которые не будутъ

признаны достойными помѣщенія въ разрядъ исправляющихся; всѣхъ затѣмъ остальныхъ военно-срочныхъ арестантовъ зачислить въ разрядъ исправляющихся; в) каторжнымъ 1 и 2-го разряда, впредь до особаго распоряженія (до учрежденія спеціально для нихъ военно-арестантскаго отдѣленія въ г. Тобольскѣ),—содержать при военно-исправительныхъ ротахъ, но совершенно отдѣльно отъ прочихъ арестантовъ этихъ ротъ. По распредѣленіи, такимъ образомъ, арестантовъ и зачисленіи ихъ въ военно-исправительныя роты, командующему войсками въ округахъ надлежало доставить военному министру перечневыя вѣдомости: 1) о всегдашнихъ арестантахъ, 2) о военно-срочныхъ арестантахъ, зачисляемыхъ въ военно-исправительныя роты, по каждому изъ двухъ разрядовъ—испытуемыхъ и исправляющихся и 3) о каторжныхъ, временно состоящихъ при военно-исправительныхъ ротахъ.

Въ общемъ при переформированіи военно-арестантскихъ ротъ, до 700 всегдашнихъ и каторжныхъ арестантовъ были удалены въ Тобольскъ во вновь учрежденное военно-арестантское отдѣленіе, и 2.518—въ Сибирь на водвореніе. «Люди эти,—замѣчаетъ бытописатель военныхъ арестантовъ В. Н. Никитинъ [1]),—состояли изъ служившихъ 30 и болѣе лѣтъ, гоненныхъ не однажды сквозь строй, попадавшихъ въ арестантскія роты по 3—5 разъ, не подававшихъ никакой надежды на исправленіе, наносившихъ вредъ полкамъ, и потому не стоившихъ того, чтобы держать ихъ во вновь открывавшихся, на иныхъ началахъ, ротахъ». Въ войска на службу обращено было изъ расформированныхъ арестантскихъ ротъ всего 757 арестантовъ, изъ числа тѣхъ, которымъ оставалось доживать въ ротахъ не болѣе 6 мѣсяцевъ, и которые отличились примѣрнымъ поведеніемъ.

Къ отдачѣ во военно-исправительныя роты, до изданія новаго Воинскаго Устава о наказаніяхъ, должны были быть назначаемы нижніе чины, которые, на основаніи Военно-Уголовнаго Устава, подлежали бы отдачѣ въ бывшія военно-арестантскія роты и которымъ, въ судебныхъ о нихъ приговорахъ, назначено было пробыть въ ротахъ не болѣе шести лѣтъ. Нижніе же чины, осуждавшіеся, по существовавшимъ узаконеніямъ, въ каторжную работу въ крѣпостяхъ и назна-

[1]) В. Н. Никитинъ «Бытъ воен. арестантовъ въ крѣпостяхъ». Спб., 1873, стр. 49.

чавшіеся до тѣхъ поръ, для этихъ работъ въ военно-арестантскія роты, должны были, по закону о переходныхъ мѣрахъ, быть отправляемы для работъ исключительно въ Петропавловскую и Усть-Каменогорскую крѣпости Западной Сибири.

Впредь до предположенной замѣны арестантовъ, при крѣпостныхъ инженерныхъ работахъ, вольнонаемными людьми на эти работы повелѣно было высылать арестантовъ военно-исправительныхъ ротъ съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ: а) работы эти производятся на основаніи урочнаго положенія, съ уменьшеніемъ уроковъ сравнительно съ вольнонаемными, по расчету, какъ семь къ четыремъ—при работахъ, не сопряженныхъ съ переноскою и перевозкою и, какъ пять къ двумъ—при перевозкѣ и переноскѣ. «Облегченіе сей урочной работы,—значилось въ законѣ,—допускать не иначе, какъ по слабости силы арестанта»; б) число рабочихъ часовъ было опредѣлено особымъ росписаніемъ и, въ зависимости отъ географической полосы, въ которой расположена рота, и отъ времени года (помѣсячно), оно колебалось въ предѣлахъ отъ $6^1/_2$ до 12 часовъ въ сутки; в) лѣтомъ работы производились два раза въ день, зимой одинъ разъ (безъ отдыха для обѣда); г) кончавшіе уроки раньше возвращались немедленно въ роту; д) работы производились подъ наблюденіемъ и подъ руководствомъ инженернаго начальства, дежурный же по работамъ помощникъ начальника роты и завѣдывавшіе арестантскими отдѣленіями унтеръ-офицеры обязаны были наблюдать на работахъ за внѣшнимъ порядкомъ и за тѣмъ, чтобы соблюдался установленный порядокъ вывода арестантовъ на работу и снятія съ работъ. Во время работъ арестанты охранялись конвоемъ, назначаемымъ отъ войскъ мѣстнаго гарнизона по особому расчету; конвой обязанъ былъ строго соблюдать особенныя правила для охраненія арестантовъ, установленныя въ законѣ «о переходныхъ мѣрахъ».

Вслѣдствіе возложенія временнаго производства крѣпостныхъ работъ на арестантовъ военно-исправительныхъ ротъ, мастеровыя работы производились только въ томъ случаѣ, если арестанты не были заняты крѣпостными, при чемъ на мастеровыя работы, чтобы арестанты равномѣрно въ нихъ могли участвовать, они назначались поочередно.

Военно-исправительныя роты должны были быть размѣщены въ

зданіяхъ, занятыхъ ранѣе военно-арестантскими ротами и приспособленныхъ временно впредь до окончательнаго устройства такимъ образомъ, чтобы въ нихъ заключались: а) общія камеры для помѣщенія арестантовъ, б) помѣщенія для нижнихъ чиновъ роты, в) мастерскія, г) столовыя, д) церковь, ж) карцеры для провинившихся, з) кухня и пекарня, и) цейхгаузъ, і) баня и к) отхожія мѣста. Въ общихъ и отдѣльныхъ камерахъ положено было имѣть, по возможности, разбирающіяся нары или складныя кровати.

Арестантовъ разряда испытуемыхъ положено было содержать въ общихъ помѣщеніяхъ, но отдѣльно отъ арестантовъ разряда исправляющихся и, по возможности, не смѣшивать съ этими послѣдними ни на работахъ, ни въ столовыхъ во время обѣда и ужина.

Всѣ, безъ исключенія, арестанты должны были обучаться строю (стойкѣ, поворотамъ и маршировкѣ) три раза въ недѣлю, по 2 часа, изъ числа рабочихъ часовъ, въ хорошую погоду на тюремномъ дворѣ, а въ ненастную—гдѣ окажется удобнымъ.

Заболѣвавшіе арестанты, до устройства въ ротахъ лазаретовъ, отправлялись для пользованія въ ближайшій госпиталь или лазаретъ, гдѣ помѣщались въ арестантскомъ отдѣленіи.

Всѣ экономическія суммы военно-арестантскихъ ротъ были обращены на образованіе спеціальныхъ суммъ военно-арестантскихъ ротъ.

Что касается переформированія самого управленія ротами, то по закону 16 мая 1867 года о переходныхъ мѣрахъ, введены были временные штаты, впредь до замѣны крѣпостныхъ работъ арестантовъ правильно организованными занятіями въ мастерскихъ и впредь до окончательнаго устройства помѣщенія военно-исправительныхъ ротъ. По этому временному штату на помощниковъ начальниковъ ротъ, раздѣленныхъ на старшихъ и младшихъ, кромѣ общихъ обязанностей было возложено: непосредственное завѣдываніе арестантами—на старшихъ, а на младшихъ—дежурство по работамъ и канцелярская часть; старшіе помощники пользовались правами ротнаго командира; для исполненія должности врача, по временному штату, назначался одинъ изъ врачей мѣстнаго госпиталя; завѣдывающіе работами назначались лишь по мѣрѣ развитія мастеровыхъ работъ, а фельдфебеля назначались въ непосредственное вѣдѣніе однихъ старшихъ помощниковъ начальника роты.

В. Н. Никитинъ по этому поводу замѣчаетъ, что у насъ пенитенціарная наука являлась совершенно новою, и потому «близкое знакомство съ нею составляло достояніе очень ограниченнаго кружка людей, спеціально изучавшихъ ее. Отсюда понятно, что среди воннаго сословія вообще не было людей, подготовленныхъ привить ее къ живой дѣйствительности. Потомъ, вслѣдствіе дурной репутаціи, какою пользовались у насъ прежнія арестантскія роты, немыслимо было привлечь къ созданію военно-тюремной реформы и просто просвѣщенныхъ офицеровъ, несмотря на привилегіи, дарованныя Положеніемъ объ исправительныхъ ротахъ персоналу начальства. Оттого (военное) министерство принуждено было удовольствоваться, за рѣдкими исключеніями, офицерами, фельдфебелями и унтеръ-офицерами, управлявшими упраздненными арестантскими ротами, людьми, умственно, правда, неразвитыми,—но тѣмъ не менѣе знакомыми съ бытомъ арестантовъ, а слѣдовательно, на первое переходное хоть время, годными для удержанія людей въ повиновеніи, при введеніи радикальнаго, крутого переворота во всемъ ихъ бытѣ. Кромѣ того, министерство, дѣйствуя осторожно, ограничилось временными до окончательнаго устройства ротъ, штатами, по которымъ тоже значительно увеличенное содержаніе оставляетъ всѣмъ: жалованье по чинамъ и квартиры натурою или деньгами въ соотвѣтственной чинамъ ихъ нормѣ, да столовыя. На эту полумѣру министерство рѣшилось, чтобы посмотрѣть сперва насколько успѣшно пойдетъ дѣло и не потребуется ли въ немъ сообразно опыту какихъ-либо измѣненій, дополненій, сокращеній или улучшеній» [1]).

Въ теченіе второй половины 1867 г. и всего 1868 года военное министерство открыло всѣ 15-ть военно-исправительныя роты, съ тѣмъ, чтобы приспособленіе зданій производилось арестантскими руками въ продолженіе 4—6 лѣтъ. Этой мѣрой предположено было одновременно достигнуть нѣсколькихъ цѣлей: 1) доставить арестантамъ съ перваго же дня производительный трудъ, необходимый для ихъ нравственнаго исправленія, 2) облегчить бюджетъ, затрачивая на эти работы ежегодно лишь по 129 тысячъ рублей, 3) использовать, насколько окажется возможнымъ, уже существующія казенныя зданія военно-аре-

[1]) В. Н. Никитинъ «Бытъ воен.-ар.», Спб., 1873, стр. 49.

стантскихъ ротъ и 4) получить возможность при такой постепенной работѣ пріобрѣсти нѣкоторый опытъ и, согласно указаніямъ, вносить необходимыя улучшенія.

Вскорѣ же послѣ обнародованія «Положенія о военно-исправительныхъ ротахъ» и переформированія военно-арестантскихъ ротъ, обнаружилось, что онѣ неравномѣрно распредѣлены по военнымъ округамъ, вслѣдствіе чего многимъ арестантамъ приходилось добираться до ротъ иногда за 1.000 верстъ [1]). Вслѣдствіе этого, 1-го іюня 1868 г., были вовсе упразднены Динаминдская, Ивангородская и Бендерская роты, а вмѣсто нихъ учреждены, 28 ноября 1867 г., Смоленская, Астраханская, Екатеринбургская (переведена была въ Гавриловскій посадъ Владимірской губерніи), Воронежская и Екатеринодарская, каждая на 300 человѣкъ [2]); 1 іюня 1868 г. число арестантовъ было увеличено: въ Рижской—до 400, Новогеоргіевской и Херсонской—до 500; Оренбургской до 200 и Омской до 300 человѣкъ; въ Бобруйской же и Кіевской—штатъ былъ уменьшенъ: въ первой съ 1.200 до 600, а въ послѣдней съ 700 до 600 человѣкъ [3]).

7-го апрѣля 1872 г. [4]) штаты нѣкоторыхъ ротъ доведены были до нормальныхъ, а именно: съ 1-го января 1873 г. введены были нормальные штаты въ Кронштадтской, Динабургской, Рижской, Новогеоргіевской и Брестъ-Литовской ротахъ, при чемъ Кронштадтскую и Динабургскую роты повелѣно было содержать на 700 арестантовъ; затѣмъ, въ 1873 г., нормальные штаты введены были и въ Смоленской ротѣ [5]).

Приспособленіемъ помѣщеній предположено было заняться сперва для слѣдующихъ ротъ: для Кронштадтской, для которой по расчету на этотъ предметъ было назначено 55 тысячъ рублей, Рижской—40 т. руб., Динабургской—18 т. руб., Брестъ-Литовской—48 т. руб., Бобруйской—50 т. руб., Новогеоргіевской—17.886 руб., Кіевской—58 т. руб., Херсонской—43.611 руб., Воронежской—80 т. руб., Смоленской—70 т. руб.,

---

[1]) В. Н. Никитинъ указываетъ случай пересылки арестанта изъ Николаева въ Бобруйскъ для отбытія наказанія и обратно въ Николаевъ, при чемъ одно это путешествіе заняло около 4 лѣтъ.
[2]) П. С. З., т. XLII, № 45.218.
[3]) П. С. З., т. XLIII, № 45.933.
[4]) П. С. З., т. XLVII, № 50.698.
[5]) П. С. З., т. XLVIII, № 52.932.

Астраханской—59.970 руб. и Оренбургской—95.375 руб. Работы, однако, шли медленно, такъ какъ нельзя было прекратить высылку арестантовъ на крѣпостныя работы до утвержденія правилъ о замѣнѣ ихъ вольнонаемными рабочими; поэтому на перестройку и приспособленіе зданій временно употреблялись только арестанты, знающіе нужныя для того мастерства; остальные же посылались на крѣпостныя работы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по указаніямъ опыта и примѣняясь къ фактическимъ обстоятельствамъ, произведены были нѣкоторыя другія измѣненія, характера переходнаго къ «Положенію о военно-исправительныхъ ротахъ», Высочайше утвержденному 16 мая 1867 года. Поэтому раньше чѣмъ указать эти переходныя мѣропріятія, разсмотримъ самое «Положеніе 16 мая».

«ПОЛОЖЕНІЕ О ВОЕННО-ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ РОТАХЪ»; ЦѢЛЬ УЧРЕЖДЕНІЯ РОТЪ.

Въ приказѣ военнаго министра отъ 25 мая, въ которомъ объявлено было о преобразованіи у насъ военно-тюремной системы, между прочимъ, значилось: «современное законодательство видитъ въ заключеніи преступниковъ не только возможность удовлетворить оскорбленное ими правосудіе, не только одну цѣль наказанія за преступленія, но еще и средства къ исправленію виновныхъ и порочныхъ людей; оттого всѣ пенитенціарныя системы признаютъ необходимымъ условіемъ для достиженія этой цѣли—самый строгій надзоръ за заключенными: сначала—одиночное ихъ заключеніе, дабы въ уединеніи они могли обсудить свой проступокъ, а затѣмъ—ночное разъединеніе ихъ и постоянный производительный, а—въ случаѣ невозможности ввести таковой—и непроизводительный трудъ, лишь бы не допускать арестантовъ проводить время въ праздности, парализующей всѣ усилія къ ихъ исправленію».

Такимъ образомъ и военно-исправительныя роты, слѣдовательно, представлялись военно-пенитенціарными учрежденіями для содержанія нижнихъ воинскихъ чиновъ, приговоренныхъ къ этому роду наказанія по суду.

Нижніе чины, осужденные въ военно-исправительныя роты, не исключались изъ военнаго вѣдомства, но время нахожденія ихъ въ этихъ ротахъ не зачитывалось имъ въ дѣйствительную службу.

УПРАВЛЕНІЕ РОТАМИ.

Военно-исправительныя роты принадлежали къ составу мѣстныхъ учрежденій въ военныхъ округахъ и подчинялись начальнику мѣстныхъ войскъ, на правахъ начальника дивизіи. Кромѣ того, онѣ под

чинялись коменданту крѣпости или мѣстному губернскому воинскому начальнику. Ближайшее же управленіе каждою ротою ввѣрено было особому (на правахъ командира полка) начальнику, назначаемому, по представленію военнаго министра, Высочайшимъ приказомъ. Въ обязанность начальнику роты вмѣнялось: 1) постоянно содержать ввѣренную ему роту и мѣста заключенія въ исправности по всѣмъ, вообще, частямъ внутренняго и внѣшняго благоустройства; 2) ненарушимо соблюдать предписанный порядокъ въ способѣ содержанія арестантовъ, не допуская въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго отступленія или послабленія; 3) постоянно стремиться къ нравственному исправленію арестантовъ; 4) направлять дѣйствія подчиненныхъ ему лицъ къ точному выполненію служебныхъ обязанностей и сохраненію между арестантами воинской дисциплины и 5) обращаться съ заключенными человѣколюбиво, внушая это и всѣмъ служащимъ при ротѣ. Кромѣ этихъ общихъ обязанностей на начальника роты возложена была забота о томъ, чтобы каждый изъ арестантовъ, во время нахожденія въ ротѣ, выучился грамотѣ или какому-либо мастерству. Начальнику роты во всемъ содѣйствуютъ избранные имъ помощники, которые, сверхъ того, имѣютъ каждый въ своемъ непосредственномъ завѣдываніи отъ 100 до 300 арестантовъ; о поведеніи этихъ послѣднихъ они обязаны были вести обстоятельные дневники.

Для совершенія требъ и Богослуженія, а также для наставленія арестантовъ въ религіи и нравственнаго на нихъ воздѣйствія назначался священникъ, который обязанъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимать дѣятельное участіе въ обученіи арестантовъ грамотѣ; священникъ имѣлъ право «заявить ротному комитету о смягченіи наказанія тѣхъ арестантовъ, которые, по степени нравственнаго исправленія, будутъ того достойны; на болѣе упорныхъ въ исправленіи онъ обращаетъ особое вниманіе, стараясь вселить въ нихъ правила добра и вѣры посредствомъ нравственнаго и религіознаго наставленія».

Сверхъ того, въ роты назначались: секретарь, врачъ, фельдшера завѣдывающій работами и кадровые нижніе чины. Завѣдывающій работами обязанъ завѣдывать дѣломъ обученія арестантовъ мастерствамъ и вести отчетность по исполненнымъ заказамъ, словомъ, организовать все это дѣло. Кадровые нижніе чины избирались начальникомъ роты

изъ войскъ округа непремѣнно изъ грамотныхъ; изъ нихъ назначались: 1) фельдфебеля—по одному къ каждому помощнику начальнику роты, 2) унтеръ-офицеры для завѣдыванія отдѣленіями по 25 арестантовъ, 3) надзиратели при лазаретѣ, цейхгаузѣ, кухнѣ и въ помощь завѣдывающему работами, 4) привратникъ и 5) дьячекъ.

Состоящимъ на службѣ въ военно-исправительныхъ ротахъ присвоены были нѣкоторыя преимущества.

Потныя помѣщенія. Въ зданіяхъ, занимаемыхъ военно-исправительною ротою, должны были имѣться: а) отдѣльныя по числу арестантовъ камеры, б) карцеры, в) церковь, г) мастерскія, д) столовыя, е) лазаретъ, ж) пріемная для поступающихъ арестантовъ, з) комната для свиданія арестантовъ съ посѣтителями, и) квартиры для служащихъ, і) цейхгаузъ, к) кухня и пекарня, л) баня и м) отхожія мѣста, устраиваемыя по особымъ правиламъ.

Въ камерахъ арестантовъ полагались: кровати, столики и табуреты, а въ столовыхъ и мастерскихъ—столы и скамьи. Вся эта мебель должна была устраиваться такъ, чтобы арестанты не могли днемъ лежать, а прочихъ предметовъ употреблять какъ орудія разрушенія.

Камеры означались нумерами и снабжались особыми подвижными ярлыками со свѣдѣніями объ арестантѣ; двери камеръ и карцеровъ имѣли наружные замки съ ключами и окошечки съ желѣзною рѣшеткою, отпирающейся снаружи; карцеръ же устраивался такимъ образомъ, чтобы, въ случаѣ надобности, его можно было обращать въ совершенно темный.

Лазаретъ устраивался съ расчетомъ по 8 кроватей на 100 заключенныхъ. Помѣщенія должны были содержаться въ чистотѣ, воздухъ освѣжаться. Въ помѣщеніяхъ роты всѣмъ воспрещалось куреніе; всѣ помѣщенія освѣщались въ теченіе ночи. За ротную ограду постороннія лица, безъ разрѣшенія начальника роты, не допускались; ворота и калитка въ ней всегда были заперты. Безъ разрѣшенія начальника роты никто изъ служащихъ не могъ отлучаться, а начальникъ роты не могъ ночевать внѣ ограды зданій роты. Рота охранялась военнымъ карауломъ. Порядокъ наряда конвоя былъ окончательно опредѣленъ указомъ 28 февраля 1870 г. [1]).

[1]) П. С. З., т. XLV, № 48.070.

ПОРЯДОКЪ ПОСТУПЛЕНІЯ АРЕСТАНТОВЪ.

Высылка осужденныхъ въ военно-исправительныя роты соразмѣрялась съ численностью всѣхъ арестантскихъ помѣщеній; осужденные присылаются съ копіями судебныхъ о нихъ приговоровъ, послужными списками и собственными ихъ деньгами; препровождались они въ роты порядкомъ, установленнымъ для препровожденія военныхъ арестантовъ, но отдѣльно отъ арестантовъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія, и при отправленіи они снабжались: кормовыми деньгами и выслужившею срокъ, но еще годною къ употребленію, полковой одеждою. По доставленіи осужденнаго въ роту, всѣ имѣвшіяся на немъ вещи, а также знаки отличія, присылаемые черезъ конвоировъ, отбирались на храненіе въ цейхгаузъ; если при этомъ осужденный скрывалъ какія-либо вещи или деньги, то они отбирались для обращенія въ спеціальную ротную сумму [1]); затѣмъ осужденный свидѣтельствовался медикомъ и зачислялся въ арестанты. Съ этого момента ему исчислялся срокъ заключенія, при чемъ время, проведенное подъ стражей, по вступленіи приговора въ законную силу, также засчитывалось въ срокъ наказанія.

ПОРЯДОКЪ СОДЕРЖАНІЯ АРЕСТАНТОВЪ; ДѢЛЕНІЕ НА РАЗРЯДЫ.

Принятый въ роту записывался подъ нумеромъ отведенной ему камеры въ алфавитную книгу, со всѣми объ немъ свѣдѣніями. Арестанты военно-исправительной роты дѣлились на разряды испытуемыхъ и исправляющихся. Срокъ нахожденія въ разрядѣ испытуемыхъ опредѣлялся отъ четырехъ мѣсяцевъ до одного года, въ зависимости отъ продолжительности присужденнаго заключенія. Въ разрядъ испытуемыхъ они поступали при самомъ поступленіи въ роту, а по минованіи сроковъ испытанія, или же ранѣе, переводились въ разрядъ исправляющихся, если постоянно отличались покорностью, хорошимъ поведеніемъ и трудолюбіемъ; въ противномъ случаѣ они содержались въ разрядѣ испытуемыхъ до тѣхъ поръ, пока не заслужатъ перевода въ разрядъ исправляющихся. Постановленіе ротнаго комитета о переводѣ въ разрядъ исправляющихся объявлялось при собраніи всѣхъ арестантовъ.

Съ переводомъ въ разрядъ исправляющихся соединялся рядъ

---

[1]) Закономъ 30 мая 1870 г. (№ 48.446) установлены были подробныя правила для обезпеченія необходимыми вещами нижнихъ чиновъ, осуждаемыхъ въ военно-исправительныя роты и освобождаемыхъ изъ ротъ, а также арестантовъ, пересылаемыхъ изъ одной роты въ другую и въ разныя мѣста по слѣдственнымъ и др. дѣламъ.

привилегій: сокращеніе на $^1/_3$ опредѣленнаго судомъ наказанія (8 мѣсяцевъ заключенія считалось за годъ); на воротникахъ куртокъ имъ нашивались красные клапаны; самый порядокъ содержанія ихъ рѣзко отличался отъ содержанія испытуемыхъ.

ОДИНОЧНОЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ, РАЗОБЩЕНІЕ НА НОЧЬ И МОЛЧАНІЕ.

Каждый изъ разрядовъ дѣлился на особыя отдѣленія (до 25 человѣкъ), которыя составлялись, по возможности, изъ арестантовъ, знающихъ одинаковыя мастерства. Испытуемые, въ продолженіе половины опредѣленнаго имъ срока испытанія, содержались въ одиночномъ заключеніи днемъ и ночью, а въ продолженіе остальнаго времени испытанія они, такъ же какъ и арестанты разряда исправляющихся, содержались съ разобщеніемъ только на ночь.

Арестанты разряда испытуемыхъ, находящіеся въ постоянномъ одиночномъ заключеніи, содержались и занимались работами и физическими упражненіями совершенно одинаково съ заключенными въ военныхъ тюрьмахъ. Арестанты того же разряда, но не содержащіеся въ постоянномъ одиночномъ заключеніи, и исправляющіеся арестанты въ продолженіе дня находились въ сборѣ для исполненія различныхъ работъ и занятій, а также для молитвъ, обѣда, ужина и прогулокъ, при чемъ, однако, обязаны были соблюдать безусловное молчаніе.

Оставшійся срокъ пребыванія въ разрядѣ испытуемыхъ тѣмъ арестантамъ, которые уже не содержались въ одиночномъ заключеніи, могъ быть ротнымъ комитетомъ сокращенъ не болѣе какъ на $^1/_3$, при условіи безукоризненнаго поведенія.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ДНЯ.

Утромъ, за часъ до начала работъ, арестанты, не содержавшіеся въ постоянномъ одиночествѣ, убирали свои камеры, умывались, одѣвались и брили бороды. Затѣмъ каждое отдѣленіе, построившись, шло въ сопровожденіи своихъ унтеръ-офицеровъ въ столовую, гдѣ арестантамъ дѣлалась перекличка и давался завтракъ—черный хлѣбъ съ солью изъ дневной пропорціи. Послѣ того они отправлялись въ мастерскія на работы. Около полудня арестанты обучались строю; затѣмъ обѣдали, а послѣ отдыха возвращались въ мастерскія. Вечеромъ они ужинали, и спустя полчаса послѣ этого, имъ дѣлалась перекличка, и они ложились спать. Арестанты вставали, выводились на работу, возвращались съ нихъ, собирались къ обѣду и ужину и ложились спать по барабану. Утромъ и вечеромъ, а также передъ обѣдомъ и ужиномъ и послѣ нихъ, арестантамъ читались установленныя молитвы.

Такова была схема распредѣленія дня, подробности котораго составлялись начальникомъ роты и утверждались командующимъ войсками, по соглашенію съ главнымъ военно-тюремнымъ комитетомъ.

Для надзора за соблюденіемъ арестантами всего этого внутренняго порядка присутствовали отдѣленные унтеръ-офицеры, фельдфебеля и одинъ изъ помощниковъ начальника роты; во время же работъ въ мастерскихъ за порядкомъ наблюдали дежурные унтеръ-офицеры и завѣдывающій работами.

Арестантамъ воспрещалось: употреблять горячіе напитки, курить и нюхать табакъ, а также имѣть при себѣ деньги и какія бы то ни было вещи и орудія; для точнаго соблюденія этого правила арестантскія камеры и сами арестанты, при всякомъ выводѣ ихъ изъ камеръ и возвращеніи, осматривались унтеръ-офицерами. Посылать и получать письма арестанты могли не иначе, какъ съ разрѣшенія и чрезъ посредство своего начальства.

Въ часы отдыха всѣ арестанты, не содержащіеся въ одиночномъ заключеніи, проводили время: въ хорошую погоду—на дворѣ, а въ ненастную—въ столовой или мастерскихъ; всякаго рода игры были имъ воспрещены, но съ разрѣшенія начальника роты они могли въ теченіе непродолжительнаго времени разговаривать. Въ баню они посылались два раза въ мѣсяцъ, рубахи перемѣняли разъ въ недѣлю, а лѣтнее платье—два раза въ мѣсяцъ.

СВИДАНІЯ.

Въ воскресные и другіе свободные отъ работы дни (1 января, 2 дня Рождества, два послѣдніе дня Страстной недѣли, первые три дня Пасхи, праздники: Богоявленія, Вознесенія и Благовѣщенія, три дня поста для говѣнія, дни рожденія, тезоименитства и коронованія Ихъ Величествъ и всѣ дни, о которыхъ ежегодно объявлялось циркулярами Главнаго Штаба) арестантамъ разряда исправляющихся могло быть дозволено свиданіе съ родными и посторонними лицами, но не иначе, какъ въ присутствіи одного изъ помощниковъ начальника роты, въ назначенной для того комнатѣ и въ опредѣленный часъ послѣ обѣда, при чемъ эти свиданія разрѣшались «съ крайней разборчивостью, сколь возможно рѣже и только тѣмъ арестантамъ, которые этого заслуживаютъ». Посѣтителямъ не дозволялось ничего приносить и передавать арестантамъ подъ страхомъ лишенія навсегда права свиданій.

ОДЕЖДА И ПИЩА.

Арестанты въ военно-исправительныхъ ротахъ не носили своей

полковой одежды, а имъ полагалось: зимнія куртка и шаровары изъ сѣраго сукна, лѣтнія куртка и шаровары изъ бѣлаго равентука, двѣ пары суконныхъ и двѣ пары холщевыхъ портянокъ, двѣ пары полусапоговъ и къ нимъ двѣ пары подметокъ, три рубахи, галстукъ съ манишкою, шапка, два полотенца и одѣяло изъ сѣраго сукна, а съ 1871 г.—и холстъ на исподнія брюки и суконныя шаровары [1]); другой никакой одежды носить имъ не дозволялось.

Что же касается пищевого режима, то арестанты разряда испытуемыхъ, содержимые въ постоянномъ одиночномъ заключеніи, довольствовались пищею на одинаковомъ основаніи съ заключенными въ военныхъ тюрьмахъ, а всѣмъ прочимъ арестантамъ отпускалось ежедневно: 1) три фунта ржаного хлѣба и 6 золот. соли на каждаго; 2) горячая пища, т.-е. щи или похлебка, приготовленная изъ овощей: въ скоромные дни—съ саломъ, въ постные—съ постнымъ масломъ; три раза въ недѣлю и кромѣ того по высокоторжественнымъ днямъ съ крошенымъ мясомъ или рыбой, полагая на человѣка по четверти фунта того или другого и 3) квасъ. Горячая пища отпускалась всѣмъ, кромѣ содержащихся въ постоянномъ одиночномъ заключеніи, къ обѣду и ужину, арестантамъ же разряда исправляющихся, кромѣ того, давалась два раза въ недѣлю каша.

ЗАНЯТІЯ И ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ТРУДЪ.

Занятія арестантовъ состояли: а) въ работахъ, б) въ упражненіи въ строевыхъ движеніяхъ (гимнастика и маршировка) и в) въ изученіи грамоты. Работы раздѣлялись на хозяйственныя и мастеровыя; внѣ ротной ограды арестанты на работы не употреблялись. При назначеніи работъ принимались въ соображеніе физическія силы арестанта, здоровье и способность къ тому или другому роду работъ. Работа производилась ежедневно, кромѣ воскресныхъ и дней, нами указанныхъ; арестанты-евреи освобождались отъ работъ для молитвы по субботамъ, а магометане—по пятницамъ, но работали по воскреснымъ днямъ. Работы продолжались отъ 8 до 10 часовъ въ день. Хозяйственныя работы заключались въ приготовленіи пищи и кваса, распилкѣ, рубкѣ и подноскѣ дровъ, топкѣ печей и уборкѣ помѣщеній и ротнаго двора; для этихъ работъ назначались по очереди арестанты разряда исправляющихся.

---

[1]) П. С. З., т. XLVI, № 49.325.

Къ работамъ въ мастерскихъ относились производства: портняжное, сапожное, шорное, бондарное, токарное, столярное, кузнечное и слесарное, а также витье веревокъ, дѣланіе цыновокъ, щетокъ и т. п. Могли быть допускаемы и другія работы, безвредныя для здоровья арестантовъ и совершенно безопасныя. Содержавшіеся въ одиночномъ заключеніи занимались мастерствами въ своихъ камерахъ, а остальные—въ мастерскихъ. При входѣ въ мастерскія, арестантамъ дѣлалась повѣрка; по окончаніи работъ у арестантовъ отбирался инструментъ. Во время работъ арестантамъ дозволялось обращаться къ унтеръ-офицерамъ или обучающимъ ихъ мастерамъ только съ вопросами, относящимися до работъ, но не иначе какъ вполголоса. Для содѣйствія завѣдывающему работами при распредѣленіи работъ и рабочаго матеріала могли назначаться наилучшіе по поведенію арестанты изъ разряда исправляющихся; но надзоръ за прочими арестантами во время работъ имъ отнюдь не поручался. Работы производились по казеннымъ и частнымъ заказамъ и на продажу. Какъ заказамъ, такъ и матеріаламъ, инструментамъ и издѣліямъ велась особая отчетность.

ВОЗНАГРАЖДЕНІЕ ЗА ТРУДЪ.

Изъ чистой прибыли отъ продажи издѣлій 10 % отчислялось въ пользу арестантовъ, а 90 % обращалось на покрытіе расходовъ по содержанію роты, въ спеціальную сумму и въ пользу чиновъ, служащихъ въ ротѣ. Арестанты вознаграждались за произведенныя ими работы не соразмѣрно относительной выгодности этихъ работъ, а соотвѣтственно усердію въ работѣ; хлѣбопекамъ и кашеварамъ также отчислялась часть, равная среднему заработку арестанта, а тѣмъ изъ арестантовъ, которые были назначены въ помощь завѣдывающему работами, сверхъ ихъ заработка ежемѣсячно отчислялась изъ спеціальной ротной суммы особая плата въ размѣрѣ средняго арестантскаго заработка. Заработанныя деньги не выдавались арестантамъ на руки, но изъ этого заработка находящимся въ разрядѣ исправляющихся, въ видѣ награды за хорошее поведеніе, позволялось расходовать до половины на отправку писемъ и покупку, черезъ унтеръ-офицеровъ, въ высокоторжественные дни и въ праздники булокъ, чая и сбитня.

СТРОЕВОЕ ОБУЧЕНІЕ.

Строевыя упражненія заключались въ обученіи стойкѣ, поворотамъ и маршировкѣ по одному часу ежедневно, на ротномъ дворѣ, а въ ненастную погоду—гдѣ оказывалось удобнымъ. Содержавшіеся въ одиночномъ заключеніи на эти ученья не выводились. Обученіемъ за-

нимались командированные спеціально для этого нижніе чины изъ мѣстныхъ или полевыхъ войскъ, въ присутствіи, однако, отдѣленныхъ унтеръ-офицеровъ и одного изъ помощниковъ начальника роты.

ОБУЧЕНІЕ ГРАМОТѢ.

Арестанты, не содержавшіеся въ одиночномъ заключеніи, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и въ свободное отъ другихъ занятій и работъ время по буднямъ, обучались грамотѣ и слушали чтеніе избранныхъ ротнымъ комитетомъ книгъ; одиночно заключенные также, по возможности, обучались грамотѣ въ своихъ камерахъ. Обучали ротные унтеръ-офицеры подъ руководствомъ и въ присутствіи священника или помощника начальника роты; въ помощь унтеръ-офицерамъ могли быть назначены и отличнѣйшіе по поведенію грамотные арестанты.

СРЕДСТВО ИСПРАВЛЕНІЯ АРЕСТАНТОВЪ.

«Постоянный трудъ,—значится въ § 113 Положенія,—и соблюденіе молчанія, охраненіе отъ соблазна, точное выполненіе установленныхъ правилъ въ порядкѣ содержанія арестантовъ и обращеніи съ ними, умственное и религіозное обученіе составляютъ основныя начала, помощью которыхъ можно достигнуть нравственнаго исправленія преступника. Почему, вообще служащіе, преимущественно начальникъ роты и священникъ, обязаны прилагать всѣ возможныя старанія къ всестороннему примѣненію этихъ началъ».

РЕЛИГІОЗНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОЗДѢЙСТВІЕ.

Для религіозно-нравственнаго воздѣйствія на арестантовъ ихъ выводили въ воскресные и праздничные дни и наканунѣ въ церковь, требуя сохраненія молчанія во время слѣдованія и отдѣляя испытуемыхъ отъ исправляющихся; въ эти же дни, въ опредѣленные часы передъ обѣдней, всѣ не содержавшіеся въ одиночномъ заключеніи арестанты собирались въ столовую для слушанія чтенія священнаго писанія; въ теченіе Великаго поста арестанты по-очередно говѣли; отъ времени до времени имъ читались извлеченія изъ «Положенія о военно-исправительныхъ ротахъ». Коллективныя просьбы были воспрещены.

НАКАЗАНІЯ ЗА ПРОСТУПКИ.

Всѣ проступки арестантовъ подраздѣлены были по степени ихъ серьезности на двѣ категоріи, приблизительно по той же схемѣ, какъ и въ «Положеніи о военныхъ тюрьмахъ». За проступки первой категоріи опредѣлялось: 1) заключеніе въ одиночномъ карцерѣ на время

отъ 3-хъ до 7 дней, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ и 2) заключеніе въ темномъ карцерѣ на тотъ же срокъ, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ.

Высочайшимъ повелѣніемъ 6 августа 1870 г. [1]) ротному начальству предоставлено было право усиливать это заключеніе наложеніемъ на виновныхъ оковъ.

За проступки второй категоріи наказанія полагались въ слѣдующей постепенности: 1) заключеніе въ темномъ карцерѣ отъ 7 до 14 дней, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ; 2) продолженіе времени испытанія отъ одного до трехъ мѣсяцевъ, или перечисленіе изъ разряда исправляющихся въ разрядъ испытуемыхъ на такое же время. Сверхъ того, за умышленную порчу мастерового инструмента или матеріаловъ виновные подвергались вычету изъ заработка, сообразно количеству ущерба. При особенныхъ отягчающихъ вину нарушителей обстоятельствахъ, виновные наказывались розгами до ста ударовъ: до тридцати по распоряженію помощника начальника роты и до ста по опредѣленію начальника роты. Всѣ наказанія записывались въ штрафной журналъ. Наказанія арестантовъ военно-исправительныхъ ротъ за преступленія опредѣлялись по суду особыми узаконеніями.

ПОЛЬЗОВАНІЕ БОЛЬНЫХЪ.

Содержавшіеся въ постоянномъ одиночномъ заключеніи арестанты только въ случаѣ тяжкихъ болѣзней отправлялись для пользованія въ лазаретъ или госпитальныя арестантскія отдѣленія, во всѣхъ же прочихъ случаяхъ—получали медицинскую помощь въ своихъ камерахъ или карцерахъ; въ ротномъ лазаретѣ пользовались нуждающіеся въ госпитальномъ леченіи и арестанты, не содержащіеся въ постоянномъ одиночномъ заключеніи, но испытуемые отдѣльно отъ исправляющихся. Пищею и медикаментами больные арестанты пользовались на общемъ основаніи съ войсками. Время болѣзни, проведенное въ лазаретѣ или госпиталѣ, исключалось изъ опредѣленнаго судомъ срока заключенія въ ротѣ, но допускался и зачетъ цѣликомъ или частью по особо уважительнымъ причинамъ (напр., болѣзнь отъ изнуренія или несчастнаго случая).

1) ОСВОБОЖДЕНІЕ АРЕСТАНТОВЪ ИЗЪ РОТЪ ПО МИНОВАНІИ СРОКА ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

Арестанты освобождались изъ военно-исправительныхъ ротъ либо по минованіи опредѣленныхъ имъ сроковъ заключенія, либо по неспособности къ работамъ.

---

[1]) П. С. З., т. XLIII, № 47.360.

Въ первомъ случаѣ арестанты изъ состоявшихъ на срочной службѣ обращались на службу исключительно въ полевыя войска смотря по способности—въ строй или въ нестроевые преимущественно въ свои части; арестанты же, не состоявшіе на срочной службѣ, исключались изъ военнаго вѣдомства и передавались въ распоряженіе гражданскихъ властей; арестанты изъ казаковъ всегда обращались въ тѣ самыя войска, изъ которыхъ прибыли.

Обращаемымъ на службу въ войска арестантамъ начальникъ роты обязанъ былъ, въ присутствіи своихъ помощниковъ и священника, объявить какъ объ ихъ освобожденіи, такъ и о деньгахъ, заработанныхъ ими въ ротѣ.

Освобожденные арестанты препровождались въ мѣста назначенія въ принесенный съ собою при поступленіи военной одеждѣ и при письменныхъ о нихъ свѣдѣніяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ собственныя ихъ и заработанныя ими деньги посылались подлежащему начальству въ мѣстахъ назначенія, а это послѣднее выдавало ихъ по принадлежности лишь послѣ перевода бывшихъ арестантовъ въ разрядъ безпорочно служащихъ.

Къ сожалѣнію, изъ военно-исправительныхъ ротъ, такъ же какъ и изъ военныхъ тюремъ, на освобожденныхъ не посылались ни аттестаціи, ни дневники, ни выписки изъ штрафного журнала, между тѣмъ эти документы могли бы служить на первыхъ порахъ цѣннымъ матеріаломъ для характеристики освобожденныхъ арестантовъ и для дальнѣйшаго вліянія на нихъ, послѣ освобожденія изъ мѣстъ заключенія.

*) ПО ИНВАЛИДНОСТИ.

Арестанты, которые прежде истеченія срока заключенія въ ротахъ, признавались неспособными къ мастеровымъ работамъ, но годными для исполненія хозяйственныхъ работъ, оставлялись въ ротахъ до истеченія срока наказанія; неспособные же и къ этимъ работамъ въ ротѣ передавались гражданскимъ властямъ для содержанія въ тюрьмахъ гражданскаго вѣдомства. Неспособными вовсе къ работамъ признавались: а) совершенно слѣпые, б) имѣющіе рукъ или ногъ, в) безсильные отъ совершеннаго разслабленія, паралича и др. болѣзней, г) имѣющіе большія килы, препятствующія ходить и работать и д) оказавшіеся послѣ долговременнаго врачебнаго пользованія,

имѣющими совершенно неизлечимыя болѣзни, лишающія навсегда способности ко всякой работѣ.

РОТНЫЙ КОМИТЕТЪ.

Всѣ мѣропріятія, касающіяся благоустройства и точнаго примѣненія правилъ содержанія арестантовъ, обсуждались, въ такъ называемомъ, ротномъ комитетѣ, который распоряжался не только хозяйственной частью, но и пользовался правомъ сокращать арестантамъ сроки испытанія и удостаивать ихъ къ переводу въ назначенные сроки въ разрядъ исправляющихся. Комитетъ состоялъ изъ помощниковъ начальника роты, подъ его предсѣдательствомъ; для участія въ совѣщаніяхъ по дѣламъ, относящимся до нравственнаго исправленія арестантовъ и церковнаго хозяйства, приглашался въ комитетъ священникъ, а по дѣламъ медико-полицейскимъ и санитарнымъ—врачъ. На обязанности комитета лежало также составленіе, по указаніямъ главнаго военно-тюремнаго комитета, отчетности и собираніе возможно-полнаго статистическаго матеріала.

РЕВИЗІОННЫЙ КОМИТЕТЪ.

Для контроля же и ревизіи составлялся особый ревизіонный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ командира губернскаго баталіона, въ составъ котораго назначались два офицера отъ мѣстныхъ частей артиллерійскаго и инженернаго вѣдомства, по одному отъ каждаго. Предсѣдатель и члены комитета назначались командующимъ войсками въ округѣ. Функціи комитета заключались въ повѣркѣ правильности соблюденія въ ротѣ установленнаго порядка вообще, а въ частности хозяйства роты и степени развитія мастеровыхъ работъ. Ревизія производилась обязательно дважды въ годъ. Распорядительной власти этотъ комитетъ не имѣлъ, а свои журнальныя постановленія лишь представлялъ въ главный тюремный комитетъ, начальнику мѣстныхъ войскъ въ ротѣ и начальнику роты.

ГЛАВНЫЙ ВОЕННО-ТЮРЕМНЫЙ КОМИТЕТЪ.

Что-же касается учрежденнаго въ 1867 году главнаго военно-тюремнаго комитета, то, какъ видно изъ Положенія о немъ, — въ этомъ комитетѣ сосредоточивалось разсмотрѣніе дѣлъ, относившихся до всѣхъ мѣстъ заключенія военнаго вѣдомства, такъ что онъ служилъ связью между тѣми главными управленіями военнаго министерства, въ которыхъ производились дѣла такого же рода. Чтобы имѣть полное понятіе о состояніи военно-тюремныхъ учрежденій въ имперіи, комитетъ этотъ, согласно Высочайше утвержденной 21 іюня 1867 года инструкціи[1]),

[1]) П. С. З., т. XXXII, № 44.729.

собиралъ свѣдѣнія особо по каждому роду мѣстъ заключенія: а) по военно-исправительнымъ ротамъ, б) по крѣпостному арестантскому отдѣленію, в) по военнымъ тюрьмамъ и г) по карцерамъ, устроеннымъ въ частяхъ войскъ для дисциплинарныхъ взысканій. На основаніи этихъ данныхъ комитетъ обязанъ былъ ежегодно составлять вѣдомости о состояніи военно-тюремной части въ каждомъ военномъ округѣ и годовой отчетъ о состояніи этой части во всей имперіи, при чемъ комитетъ обсуждалъ всѣ мѣропріятія, необходимыя для улучшенія военно-тюремной части, соотвѣтственно современнымъ потребностямъ, и для устраненія существовавшихъ недостатковъ и затрудненій. Свои соображенія и заключенія комитетъ представлялъ военному министру. Сверхъ того, комитетъ получалъ изъ подлежащихъ главныхъ управленій всѣ свѣдѣнія по военно-тюремной части, доставляемыя отъ военныхъ агентовъ за границею, и представлялъ по этимъ свѣдѣніямъ свои заключенія военному министру, испрашивая разрѣшеніе министра на выписку изъ-за границы болѣе замѣчательныхъ книгъ по тюремной части и плановъ разныхъ мѣстъ заключенія.

Въ случаѣ приведенія арміи на военное положеніе, комитетъ обязанъ былъ составить предположенія: а) о выводѣ арестантовъ изъ тѣхъ крѣпостей, въ которыхъ, смотря по военнымъ обстоятельствамъ, неудобно было ихъ оставить, и б) о свободныхъ помѣщеніяхъ, которыя могутъ быть для того приспособлены.

ПОСТЕПЕННОЕ ПЕРЕФОРМИРОВАНІЕ АРЕСТАНТСКИХЪ РОТЪ ВЪ ВОЕННО-ИСПРАВИТЕЛЬНЫЯ.

Не вдаваясь въ разсмотрѣнія цѣннаго матеріала, собраннаго главнымъ военно-тюремнымъ комитетомъ, воспользуемся лишь нѣкоторыми данными, чтобы нѣсколько освѣтить переходный періодъ военно-исправительныхъ ротъ, т.-е. постепенное преобразованіе бывшихъ арестантскихъ ротъ, ко времени изданія новаго Воинскаго Устава о наказаніяхъ 1869 года.

Вмѣстѣ съ приспособленіемъ старыхъ зданій арестантскихъ ротъ, согласно требованій «Положенія о военно-исправительныхъ ротахъ», обращено было вниманіе на созданія мастерскихъ и подготовку возможно большаго числа мастеровыхъ. Нѣкоторыя роты, напр.: Кронштадтская, Рижская, Динабургская, Брестъ-Литовская и Кіевская, какъ болѣе нуждавшіяся въ производительномъ трудѣ, получили сразу значительные казенные заказы, а именно: имъ предоставлено было шитье са-

поговъ, бѣлья и платья для мѣстныхъ интендантскихъ складовъ; прочія же роты сами организовали мастерскія, такъ что къ 1-му января 1869 года мастеровыхъ во всѣхъ ротахъ уже считалось: портныхъ 467, сапожниковъ 451, башмачниковъ 6, плотниковъ 125, столяровъ 16, токарей 17, рѣзчиковъ и кровельщиковъ по 6, кузнецовъ 77, слесарей 62, мѣдниковъ 8, лудильщиковъ 2, серебряниковъ 3, шорниковъ 15, переплетчиковъ 18, бондарей 43, маляровъ 32, штукатуровъ 14, каменщиковъ 27, печниковъ 23, колесниковъ 31, обойщиковъ 9, спичечниковъ 10 и одинъ коновалъ, а всего 1.469 мастеровыхъ.

Кромѣ обученія мастерствамъ, во вновь сформированныхъ ротахъ введено было и обученіе грамотности, а также физическія упражненія, въ видѣ гимнастики. Ходившіе на работы арестанты обучались по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а остальные—и по будиямъ. Къ 1 января 1869 года изъ 8.341 человѣка—общаго числа людей, заключенныхъ во всѣхъ военно-исправительныхъ ротахъ,—грамотныхъ разной степени подготовки было уже 5.061 человѣкъ, т.-е. свыше 60%. Интересно отмѣтить сильную заболѣваемость среди арестантовъ вновь сформированныхъ ротъ: въ теченіе полугода ихъ переболѣло 34.998 человѣкъ, при чемъ наиболѣе частыми болѣзнями оказались: легочная чахотка, ревматизмы, цынга, перемежающая лихорадка, скорбутъ и желудочныя разстройства. Такую огромную заболѣваемость объяснили, главнымъ образомъ, двумя причинами: недостаточнымъ питаніемъ сравнительно съ трудомъ и рѣзко измѣнившейся обстановкой въ жизни заключенныхъ. По распоряженію главнаго тюремнаго комитета, поэтому даже была прибавлена нѣкоторымъ ротамъ мясная порція на счетъ зарабатываемыхъ арестантами суммъ, а затѣмъ 30 мая 1870 года [1]) Высочайше повелѣно было немедленно ввести въ тѣхъ 10-ти военно-исправительныхъ ротахъ, которыя не получали добавочныхъ кормовыхъ денегъ, а также и въ Свеаборгской ротѣ, получавшей такія деньги въ недостаточномъ количествѣ, новую табель продовольствія, утвержденную 16 мая 1867 года.

Что касается исправительнаго вліянія ротъ, то по 1 января 1869 г. изъ наличнаго состава арестантовъ вновь попали подъ судъ:

---

[1]) П. С. З., т. XLIV, № 48.445.

за побѣги изъ ротъ, за покушеніе на убійство и за преступленія противъ дисциплины—143 человѣка; подверглись взысканіямъ за мелкіе проступки 1.927 человѣкъ (куреніе, пьянство, ссоры, драка, дерзости противъ унтеръ-офицеровъ и т. д.). Изъ наказаній примѣнялись: заключеніе въ карцеръ отъ 3 до 14 дней и розги до 100 ударовъ (за воровство и пьянство). Судя по отчету—нравственность арестантовъ «замѣтно улучшилась, вслѣдствіе удаленія изъ ротъ закоренѣлыхъ преступниковъ, отмѣны бритья головы, занятія людей мастерствами, грамотностью».

Укажемъ кстати, что этихъ «закоренѣлыхъ преступниковъ», т. е. каторжныхъ и всегдашнихъ арестантовъ, переслали въ Тобольскъ, гдѣ и помѣстили въ правомъ корпусѣ пересыльной тюрьмы, и, такъ какъ въ Тобольскѣ не было инженерныхъ работъ, то всѣхъ заняли приспособленіемъ помѣщеній, мастерствами и грамотностью. Къ 1 января 1869 года всѣхъ такихъ арестантовъ было 442 человѣка, изъ нихъ: мастеровыхъ—100 чел., обучавшихся грамотѣ—50 чел.; изъ этихъ послѣднихъ 27 чел. хорошо уже читали и писали, а 23 только еще учились азбукѣ. Охоты къ грамотѣ люди не проявляли, а мастерствамъ учились старательно. Переболѣло изъ пересланныхъ въ Тобольскъ арестантовъ въ теченіе полугода 201 чел., изъ которыхъ 6 умерло. Суду за это время было предано: за побѣгъ 3 человѣка, за покушеніе къ побѣгу посредствомъ подкопа—7 чел. и за покушеніе на убійство, сопровождавшееся нанесеніемъ опасныхъ ранъ, — 7 человѣкъ.

Въ 1869 году арестанты продолжали заниматься крѣпостными работами, вслѣдствіе чего замедлилось значительно приспособленіе арестантскихъ помѣщеній, но мастерскія уже настолько развились въ 12 ротахъ, что въ нихъ производилось 21 ремесло, при чемъ сумма заработка достигла 28.453 рублей. Цифра эта была не такъ велика, вслѣдствіе отсутствія рынка для сбыта арестантскихъ издѣлій; для облегченія сбыта военное министерство учредило особое званіе попечителей работъ; эти послѣдніе избирались изъ уважаемыхъ мѣстныхъ жителей, обязаны были заботиться о развитіи мастерскихъ, устранять препятствія для сбыта издѣлій, а за это пользовались правомъ голоса въ мѣстномъ тюремномъ и ротномъ комитетахъ по вопросамъ, касающимся работъ, а также правомъ полученія почетныхъ наградъ

БОБРУЙСКІЙ ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ БАТАЛЬОНЪ

Гимнастическій плацъ.

Заключенные на гимнастикѣ.

На работѣ (переноска угля).

На работѣ (пилка дровъ).

извѣстнаго процента съ чистой прибыли отъ продажи арестантскихъ издѣлій. При отсутствіи желающихъ попечительствовать, разрѣшено было комитетамъ заключать условія съ подрядчиками о томъ, чтобы они доставляли ротнымъ мастерскимъ заказы и, принимая на себя казенные подряды, передавали бы работы ротамъ, которыя не въ правѣ были самостоятельно участвовать въ такихъ операціяхъ. Кромѣ того, ротамъ разрѣшено было нанимать вольныхъ мастеровъ для обученія арестантовъ различнаго рода ремесламъ.

Арестантовъ постепенно снабдили постельными принадлежностями и бѣльемъ; для поощренія постановлено было отчислять на арестантовъ, за прилежаніе въ работахъ по приспособленію помѣщеній, денежное вознагражденіе, въ размѣрѣ отъ 3 до 15 коп. въ день на человѣка, а въ 1870 году арестантовъ, наконецъ, освободили отъ крѣпостныхъ работъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ 4-го іюля 1870 г. [1]) было испрошено разрѣшеніе отпускать однихъ, безъ конвоя, на внѣшнія работы, за покупками припасовъ и матеріаловъ для мастерскихъ, тѣхъ изъ арестантовъ, которымъ оставалось не болѣе 6 недѣль до окончанія срока заключенія и которые, при этомъ, отличались примѣрнымъ поведеніемъ; такимъ образомъ арестанты испытывались въ степени ихъ нравственнаго исправленія въ ротахъ.

Ближайшимъ начальникамъ арестантовъ—унтеръ-офицерамъ — преподаны были подробныя правила объ отношеніяхъ къ своимъ обязанностямъ; разновременно военное министерство приняло цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію арестантскаго быта, такъ что извѣстный бытописатель военно-исправительныхъ ротъ — В. Н. Никитинъ—не безъ основанія отмѣтилъ въ своемъ трудѣ «Бытъ военныхъ арестантовъ въ крѣпостяхъ» [2]), что «судя по всѣмъ мѣропріятіямъ министерства, оказывается безспорнымъ, что оно стремится во что бы то ни стало привить къ военно-тюремной реформѣ всѣ начала, выработанныя пенитенціарною наукою».

СФОРМИРОВАНІЕ ЕКАТЕРИНОГРАДСКОЙ И ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ РОТЪ.

24 апрѣля 1869 года [3]) послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ станицѣ Екатериноградской (Терской области), въ зданіи упраздненнаго госпиталя, военно-исправительной роты для

[1]) П. С. З., т. XLV № 48.532.
[2]) Стр. 54.
[3]) П. С. З., т. XLIII, № 45.939.

войскъ Кавказскаго военнаго округа, на 400 арестантовъ; штатъ этой роты, а также и Херсонской, были затѣмъ въ 1870 году увеличены [1]), при чемъ штатное число арестантовъ въ этой послѣдней было доведено до 700 человѣкъ.

8 августа 1870 года Высочайше было повелѣно перемѣстить Выборгскую военно-исправительную роту, въ полномъ ея составѣ, въ зданія упраздненной Шлиссельбургской крѣпости и затѣмъ именовать ее Шлиссельбургскою военно-исправительною ротою; по штату въ этой ротѣ числить 200 арестантовъ; помѣщеніе-же ея приспособить на 600 мѣстъ [2]).

Наконецъ, 9 октября 1871 г. учреждена была въ раіонѣ Кавказскаго военнаго округа вторая военно-исправительная рота, которая помѣщена была въ зданіяхъ упраздненнаго Константиновскаго военнаго госпиталя и названа «Константиновскою» [3]), а 6 января 1873 года [4]) учреждена была въ Восточно-Сибирскомъ военномъ округѣ Иркутская военно-исправительная рота, на 200 арестантовъ.

Остававшаяся еще отъ прежнихъ военно-арестантскихъ ротъ въ г. Петропавловскѣ полурота была упразднена 24 декабря 1874 г. [5] и, такимъ образомъ, преобразованіе арестантскихъ ротъ было совершенно закончено.

ПЕРЕФОРМИРОВАНІЕ ГРАЖДАНСКИХЪ АРЕСТАНТСКИХЪ РОТЪ.

Кстати отмѣтимъ, что 31 марта 1870 года [6]) послѣдовало и переформированіе арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства въ исправительныя отдѣленія; существовавшее-же въ нихъ военное управленіе и назначеніе воинскихъ нижнихъ чиновъ въ составъ ротной стражи были окончательно отмѣнены: въ исправительныхъ отдѣленіяхъ введены были, вмѣсто того, гражданское управленіе и вольнонаемный надзоръ.

КАРАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ВОЕННО-ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ РОТЪ.

Военно-исправительныя роты, благодаря своему строгому режиму, производили устрашающее впечатлѣніе на нижнихъ чиновъ; небезынтересно въ этомъ отношеніи отмѣтить, что вслѣдствіе усиленія строгости содержанія арестантовъ въ военно-исправительныхъ ротахъ, по сравненію съ прежними арестантскими ротами инженернаго вѣдом-

---

[1]) П. С. З., т. XLV, № 48.473, 48.538.
[2]) П. С. З., т. XLV, № 48.623.
[3]) П. С. З., т. XLVI, № 50.017.
[4]) П. С. З., т. XLVIII, № 51.736.
[5]) П. С. З., т. XLIX, № 54.205.
[6]) П. С. З., т. XLIV, № 41.001.

ства, арестанты нерѣдко совершали въ военно-исправительныхъ ротахъ преступленія, исключительно съ цѣлью быть сосланными въ каторжную работу. Для предупрежденія подобныхъ случаевъ и впредь до пересмотра положенія объ устройствѣ каторжныхъ работъ въ Сибири, военное министерство признало возможнымъ принять, въ видѣ мѣры для обузданія тѣхъ арестантовъ, которые совершаютъ преступленія, съ цѣлью освободиться изъ военно-исправительныхъ ротъ, ссылать ихъ не въ каторжную работу, а въ каторжное отдѣленіе въ Тобольскѣ, гдѣ режимъ былъ установленъ такой-же, какъ и въ военно-исправительныхъ ротахъ, что и было Высочайше утверждено 10 іюля 1869 года [1]).

25-го января 1875 г. [2]) были введены въ дѣйствіе во всѣхъ военно-исправительныхъ ротахъ нормальныя табели о предметахъ довольствія, объявленныя при приказѣ по военному вѣдомству 1867 г. за № 183.

Такимъ образомъ, къ 1875 году было закончено полностью преобразованіе военно-арестантскихъ ротъ въ военно-исправительныя. Опытъ, полученный въ переходный періодъ преобразованія, а затѣмъ жизнь и дѣятельность военно-исправительныхъ ротъ въ первые-же годы ихъ существованія, дали обильный матеріалъ для сужденія о томъ, насколько была удачна эта реформа. Но такъ какъ оцѣнка всего этого матеріала происходила уже въ послѣдующій періодъ исторіи развитія нашихъ вооруженныхъ силъ, преобразованныхъ на началахъ общеобязательной воинской повинности, то мы и сдѣлаемъ эту оцѣнку въ слѣдующемъ отдѣлѣ настоящаго очерка. ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ

---

[1]) П. С. З., т. XLIV, № 47.297.
[2]) П. С. З., т. L, № 54.321.

ГЛАВА XIX.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ВЪ КРѢПОСТИ ВЪ 60-ХЪ ГОДАХЪ XIX В.

ЕНѢЕ другихъ воинскихъ наказаній лишеніемъ свободы подвергалось измѣненію въ царствованіе императора Александра II заключеніе въ крѣпости.

Высочайшимъ повелѣніемъ 1824 года [1]) лишеніе свободы въ крѣпости было подраздѣлено на три самостоятельныхъ вида: 1) содержаніе въ крѣпости, 2) содержаніе въ казематѣ и 3) содержаніе на крѣпостной гауптвахтѣ. Первый видъ, или, вѣрнѣе, форма, примѣнялась къ офицерамъ, которые присуждались къ разжалованію и къ крѣпостнымъ работамъ. Второй видъ—носилъ характеръ заточенія, установленнаго у насъ впервые Полевымъ Уложеніемъ: заключенный, не подвергаясь работамъ и не лишаясь чиновъ и званія, отсиживалъ лишь опредѣленный ему судомъ срокъ наказанія. Наконецъ, третій видъ заключенія отбывался при караульныхъ помѣщеніяхъ въ крѣпостяхъ и не влекъ за собою никакихъ ограниченій служебныхъ правъ.

ЗАТОЧЕНІЕ.

Въ 60-хъ годахъ XIX вѣка, при разработкѣ новаго воинскаго устава о наказаніяхъ, вопросъ о лишеніи свободы въ крѣпости подвергся, на равнѣ съ прочими наказаніями, пересмотру. Какъ видно изъ сборника законодательныхъ работъ, [2]) составители проекта и Вы-

[1]) Отчетъ ген.-ауд. 1827 г. Гл. в.-суд. упр., часть журнальная.

[2]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр. «Сб. зак. раб.» Журн. Засѣданія 19 и 20 ноября 1865 г., стр. 47.

сочайше утвержденное совѣщаніе, принявъ, какъ наказаніе за воинскія преступленія, не имѣющія позорящаго характера, смертную казнь безъ лишенія всѣхъ правъ состоянія, придало особое значеніе—заточенію въ крѣпости, къ которому было бы «удобно» переходить при дарованіи жизни осужденному къ такому виду смертной казни; вмѣстѣ съ тѣмъ, заточеніе въ крѣпость представлялось подходящимъ наказаніемъ въ тѣхъ случаяхъ, «когда въ мирное время признается несоотвѣтствующимъ и неудобнымъ подвергать виновнаго за важное воинское преступленіе лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу». Поэтому «совѣщаніе, по особеннымъ потребностямъ военнаго вѣдомства», нашло цѣлесообразнымъ ввести въ систему воинскихъ наказаній продолжительное заключеніе въ крѣпости, «съ присвоеніемъ сему наказанію названія—заточеніе, какъ выраженіе, употребляемое уже въ нынѣ дѣйствующихъ военно-уголовныхъ законахъ», и съ опредѣленіемъ, что оно не сопровождается лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

ЗАКЛЮЧЕНІЯ И ЗАТОЧЕНІЕ ВЪ КРѢПОСТИ ПО ПРОЕКТУ ВОИНСКАГО УСТАВА 1868 ГОДА.

Вмѣстѣ съ тѣмъ составители новаго воинскаго устава о наказаніяхъ сочли цѣлесообразнымъ, слѣдуя Уложенію о наказ. Уг. и Испр., ввести въ систему воинскихъ наказаній и заключеніе въ крѣпость для офицеровъ, сохранивъ оба его вида, а именно: 1) съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ, лично и по состоянію осужденнаго присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и 2) безъ всякаго ограниченія правъ и преимуществъ.

Однако, составители устава сочли необходимымъ внести еще оговорку, что по особеннымъ служебнымъ правамъ и преимуществамъ, какія принадлежатъ лицамъ, безпорочно проходящимъ военную службу, подвергающіеся заключенію безъ ограниченія правъ и преимуществъ должны подлежать всетаки нѣкоторому ограниченію служебныхъ правъ, а именно: 1) они не могутъ быть производимы въ чины по линіи и за выслугу лѣтъ, впредь до особаго засвидѣтельствованія начальства объ отличномъ подвигѣ, или усердной и безпорочной службѣ, и разрѣшенія не считать понесеннаго наказанія препятствіемъ къ награжденіямъ и повышеніямъ по службѣ, и 2) они не могутъ получать орденовъ и другихъ знаковъ отличія, установленныхъ за безпорочное прохожденіе службы, согласно статутамъ этихъ орденовъ, и знаковъ отличія. Заключеніе же въ крѣпости, съ потерею нѣкоторыхъ правъ

и преимуществъ, лично и по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ или службою пріобрѣтенныхъ, сопровождалось исключеніемъ изъ службы. Срокъ заключенія въ крѣпости опредѣленъ былъ отъ 2 мѣсяцевъ до четырехъ лѣтъ.

Въ такомъ видѣ и разрѣшенъ былъ вопросъ о наказаніи лишеніемъ свободы въ Высочайше утвержденномъ 5 мая 1868 года воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ.

Наше военное законодательство, слѣдовательно, въ интересахъ цѣлесообразности, раздѣлило заключеніе въ крѣпости на три самостоятельные вида: 1) заточеніе въ крѣпости, 2) заключеніе въ крѣпости съ потерею нѣкоторыхъ правъ по состоянію и 3) заключеніе въ крѣпости съ ограниченіемъ служебныхъ правъ. Первые два вида заключенія сопряжены съ исключеніемъ изъ службы.

Заточеніе [1]) въ крѣпости для офицеровъ представлялось воинскимъ уголовнымъ наказаніемъ, которое назначалось исключительно за воинскія преступленія, по особому, вслѣдствіе обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, ходатайству суда взамѣнъ смертной казни или каторги, или поселенія. Такія ходатайства въ мирное время разрѣшались Государемъ Императоромъ, а въ военное—главнокомандующимъ. Заточеніе опредѣлялось на срокъ отъ десяти до 20 лѣтъ.

Заключеніе въ крѣпости съ потерею правъ состоянія опредѣлялось на время отъ 1 года 4 мѣсяцевъ до 4 лѣтъ и раздѣлялось на двѣ степени: отъ 2 лѣтъ 8 мѣсяцевъ до 4 лѣтъ и отъ 1 года 4 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ 8 мѣсяцевъ. Временное же заключеніе въ крѣпости съ ограниченіемъ лишь служебныхъ правъ назначалось отъ 2-хъ мѣсяцевъ до 1 года 4 мѣсяцевъ, и раздѣлялось на три степени [2]). Осужденные къ заключенію въ крѣпости должны были содержаться въ назначенныхъ для того внутри крѣпостей помѣщеніяхъ.

ПРАВИЛА ЗАКЛЮЧЕНІЯ И ЗАТОЧЕНІЯ ВЪ КРѢПОСТИ.

3 Августа 1875 года [3]) было Высочайше утверждено Положеніе военнаго совѣта о «правилахъ заключенія и заточенія въ крѣпости».

«Правила» эти тѣмъ болѣе интересны, что они представляются первымъ законодательнымъ актомъ, дающимъ болѣе или менѣе систематизированныя указанія о порядкѣ размѣщенія и содержанія заклю-

---

[1]) См. ст. 17 и 18 проекта.
[2]) Сп. ст. 23—27 проекта.
[3]) П. С. З., т. Е № 54.963 и пр. по в. в. 10-го августа.

ченныхъ въ крѣпости, такъ какъ до сихъ поръ положеніе заключенныхъ и заточенныхъ въ крѣпости опредѣлялось разновременно изданными сепаратными распоряженіями правительства, возбуждавшими на практикѣ весьма серьезныя недоразумѣнія.

Такъ какъ правила для осужденныхъ къ заключенію должны были соблюдаться и въ отношеніи присужденныхъ къ заточенію въ крѣпости, то въ дальнѣйшемъ, говоря о заключенныхъ въ крѣпости, мы будемъ разумѣть также и заточенныхъ.

РАЗМѢЩЕНІЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ.

Для содержанія приговоренныхъ къ заключенію въ крѣпости предназначены были крѣпости, въ которыхъ имѣлись отдѣльныя для такихъ заключенныхъ помѣщенія. Главное завѣдываніе и управленіе заключенными возложено было на коменданта крѣпости, а ближайшій за ними надзоръ ввѣренъ былъ плацъ-маіору и плацъ-адъютантамъ. Комендантъ крѣпости обязанъ былъ заботиться: 1) о содержаніи заключенныхъ въ исправности по всѣмъ вообще частямъ внутренняго и внѣшняго благоустройства, и 2) о соблюденіи «предписаннаго порядка въ способѣ содержанія заключенныхъ, не допуская въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго отступленія или послабленія».

УПРАВЛЕНІЕ ИМИ.

Въ случаѣ побѣга кого-либо изъ заключенныхъ, комендантъ крѣпости долженъ былъ немедленно донести, какъ о каждомъ чрезвычайномъ происшествіи, на Высочайшее имя, и снестись съ подлежащимъ гражданскимъ начальствомъ для распоряженія о поимкѣ бѣжавшаго.

Для исполненія внутреннихъ обязанностей при заключенныхъ назначались благонадежные и, преимущественно, грамотные и старослужащіе нижніе чины изъ частей, состоящихъ въ штатѣ крѣпостного управленія; въ случаѣ же недостатка въ такихъ людяхъ, могли быть временно назначены и нижніе чины отъ другихъ войскъ округа.

Камеры для заключенныхъ устраивались съ рѣшетчатыми окнами, съ окошечкомъ въ дверяхъ, для наблюденія за дѣйствіями заключенныхъ, и «выдвижнымъ ватерклозетомъ». Двери камеры имѣли наружные замки съ ключами, и на наружной ихъ сторонѣ означался нумеръ камеры. Въ каждой камерѣ находились: кровать, столъ и табуретъ; однако, заключеннымъ не воспрещалось имѣть, съ разрѣшенія коменданта, и другіе предметы обстановки, служащіе для удобства помѣщенія.

УСТРОЙСТВО ПОМѢЩЕНІЙ.

При мѣстахъ заключенія должны были имѣться: 1) пріемная

комната для прибывающихъ осужденныхъ; 2) комната для свиданія заключенныхъ съ посѣтителями; 3) кухня съ пекарнею; 4) цейхгаузъ и 5) помѣщеніе для служащихъ при заключенныхъ въ крѣпости. Для медицинскаго осмотра заключенныхъ и для поданія медицинской помощи заболѣвающимъ назначался одинъ изъ врачей, состоящихъ въ штатѣ крѣпостного госпиталя или лазарета.

ДОВОЛЬСТВІЕ.

Кормовыя деньги для заключенныхъ отпускались интендантствомъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: генераламъ по 50 коп. въ сутки, штабъ и оберъ-офицерамъ по 40 копѣекъ, а нижнимъ чинамъ, пользующимся особенными правами состоянія, по 20 копѣекъ. Впрочемъ, заключеннымъ не воспрещалось, съ разрѣшенія коменданта, получать улучшенную пищу изъ собственныхъ средствъ, но, однако, безъ употребленія вина, которое могло быть разрѣшаемо, въ случаѣ необходимости, только по требованію медика.

Одежда и бѣлье отпускались заключеннымъ отъ казны, но не воспрещалось желающимъ носить собственныя платье и бѣлье.

ПОРЯДОКЪ СОДЕРЖАНІЯ.

Два раза въ мѣсяцъ для заключенныхъ въ крѣпости топилась баня. Что касается предупрежденія побѣга заключенныхъ и, вообще, ихъ охраненія, то комендантъ обязанъ былъ руководствоваться общими правилами гарнизоннаго устава.

Приговоренные къ заключенію доставлялись въ крѣпость по распоряженію того начальства, въ вѣдѣніи котораго они состояли во время суда; съ ними вмѣстѣ доставлялись засвидѣтельствованныя копіи судебныхъ приговоровъ. Предварительно препровожденія въ крѣпость осужденнаго, начальство должно было освѣдомиться у коменданта о томъ, имѣются ли въ крѣпости свободныя помѣщенія. При поступленіи заключеннаго, отъ него отбирались знаки отличія, а также деньги, которые, въ продолженіи всего времени заключенія, и хранились въ комендантскомъ управленіи. Въ случаѣ смерти заключеннаго, во время содержанія въ крѣпости, собственныя деньги и вещи умершаго отсылались въ ту часть войска, къ которой умершій принадлежалъ, а если онъ, по выбытіи изъ заключенія, подлежалъ увольненію отъ службы,—передавались установленнымъ порядкомъ его законнымъ наслѣдникамъ.

Никому изъ постороннихъ не дозволялось входить въ камеру заключеннаго безъ особаго разрѣшенія коменданта крѣпости. Заклю-

ченнымъ дозволялось имѣть свиданіе, разъ въ недѣлю, не только съ родственниками, но и со знакомыми, однако не иначе, какъ въ присутствіи плацъ-адъютанта.

Заключенные въ крѣпость записывались въ алфавитную книгу подъ нумерами отведенныхъ имъ камеръ; въ книгѣ отмѣчались всѣ письменныя свѣдѣнія на заключеннаго, а также и срокъ наказанія. Срокъ этотъ считался имъ со дня прибытія и фактическаго заключенія въ крѣпость, но въ этотъ срокъ зачитывалось также и время, проведенное подъ стражей по вступленіи приговора въ законную силу, со дня отправленія ихъ по назначенію.

По прибытіи въ крѣпость осужденные свидѣтельствовались медикомъ.

Содержались они въ одиночномъ помѣщеніи, но имъ дозволялось ежедневно прогуливаться опредѣленное время на спеціально для этого отведенномъ мѣстѣ въ крѣпости, подъ надзоромъ караула; осужденные же къ заточенію выпускались для прогулки во всякое время въ отведенное мѣсто, гдѣ могли и заниматься работами.

Заключенные обязаны были сохранять тишину; куреніе табаку имъ могло быть дозволено только съ разрѣшенія коменданта; переписка съ родными и посторонними была дозволена, но также не иначе, какъ съ разрѣшенія коменданта.

Въ воскресные и праздничные дни и наканунѣ ихъ заключеннымъ дозволялось выходить въ крѣпостную церковь, подъ надзоромъ караула. Въ теченіе великаго поста заключенные православнаго исповѣданія обязаны были говѣть въ крѣпостной церкви, а заключенные другихъ христіанскихъ исповѣданій исполняли эту обязанность по обрядамъ своей религіи, для чего, по распоряженію коменданта, приглашались духовныя особы ихъ вѣроисповѣданій.

Заключеннымъ дозволялось заниматься въ своихъ камерахъ возможными въ заключеніи работами, по собственному ихъ желанію, съ соблюденіемъ, однако, тишины и порядка. Выдавались имъ также для чтенія книги, а съ вѣдома коменданта разрѣшалось имъ даже читать собственные книги и журналы.

Пользующіеся, по усмотрѣнію коменданта, всѣми подобными льготами, заключенные могли быть также лишаемы этихъ льготъ, если «по образу своего поведенія, не будутъ заслуживать сего облегченія».

ПОЛЬЗОВАНІЕ ОТЪ БОЛѢЗНИ.

Въ случаѣ тяжелой болѣзни, заключенные помѣщались въ крѣпостной лазаретъ или госпиталь и лечились на общемъ основаніи съ чинами войскъ. При легкихъ же заболѣваніяхъ они пользовались въ своихъ камерахъ. Время болѣзни, проведенное въ госпиталѣ или лазаретѣ, исключалось изъ срока пребыванія въ заключеніи, но Главному начальнику военнаго округа предоставлялось, по представленію коменданта, въ случаѣ тяжкой и продолжительной болѣзни заключеннаго, зачитывать ему время, проведенное въ лазаретѣ, вполнѣ или частью, въ срокъ заключенія въ крѣпости.

ОСВОБОЖДЕНІЕ.

Заключенные, пробывшіе въ крѣпости опредѣленное имъ приговоромъ суда время, освобождались немедленно, и тѣ изъ нихъ, которые не подлежали исключенію изъ службы, возвращались въ свои части. При освобожденіи имъ возвращались ихъ знаки отличія и деньги, которые хранились въ комендантскомъ управленіи. О времени отправленія освобожденныхъ комендантъ крѣпости извѣщалъ подлежащія начальства.

ОБЩІЙ ВЫВОДЪ.

«Правила заключенія и заточенія въ крѣпости» 1875 года проникнуты чрезвычайно гуманнымъ отношеніемъ къ заключеннымъ. Но и самое наказаніе это, присуждаемое за преступленія, не имѣющія позорящаго характера, назначалось въ то время преимущественно лишь офицерамъ, а изъ нижнихъ чиновъ лишь тѣмъ, которые пользовались особенными правами состоянія; весьма многіе изъ заключенныхъ, по отбытіи наказанія, возвращались вновь въ ряды войска; наконецъ, это наказаніе, въ особенности заточеніе, опредѣлялось на столь продолжительные сроки, что, при другомъ режимѣ, оно представлялось бы настолько тяжелымъ, что должно было бы занять въ лѣстницѣ наказаній мѣсто на ряду съ болѣе тяжкими наказаніями.

Другой типичной чертой «Правилъ» представляется широкая власть коменданта крѣпости въ отношеніи заключенныхъ; однако, принимая во вниманіе, что, по общему духу воинскихъ отношеній, заключенные являлись лицами, непосредственно подчиненными коменданту, который, однако, не пользовался по отношенію къ нимъ никакой дисциплинарной властью,—слѣдуетъ признать вполнѣ цѣлесообразнымъ предоставленіе ему права облегчать или, напротивъ, отягчать самый порядокъ ихъ содержанія въ заключеніи. Власть плацъ-маіора и плацъ-адъютантовъ въ отношеніи заключенныхъ вовсе не указана въ «Правилахъ», хотя

имъ и ввѣренъ былъ «ближайшій надзоръ» за заключенными. Принимая, однако, во вниманіе, что среди заключенныхъ могли быть военнослужащіе старше ихъ въ чинахъ и по служебному положенію, надо признать правильнымъ принципъ, установленный «Правилами», по которому вся карательная власть въ отношеніи заключенныхъ была предоставлена только коменданту; плацъ-маіоръ же и плацъ-адъютанты пользовались только правами, предоставленными имъ гарнизоннымъ уставомъ.

ГЛАВА XX.

Ссылка по закону 15 іюня 1859 г.

В эпоху императора Николая I ссылка у насъ въ Россіи опредѣлялась Уставомъ о ссыльныхъ и Уставомъ о предупрежденіи и пресѣч. преступленій, и не подверглась съ 1840 года [1]) какимъ-либо существеннымъ измѣненіямъ въ продолженіе царствованія императора Александра II. Однако, новый Воинскій Уставъ о наказаніяхъ неизбѣжно долженъ былъ отразиться на ссылкѣ военнослужащихъ, и въ отношеніи послѣднихъ мы наблюдаемъ цѣлый рядъ реформъ ссылки, направленныхъ, главнымъ образомъ, къ усиленію этого рода наказанія — съ одной стороны, а съ другой — къ согласованію его съ другими установленными Воинскимъ уставомъ наказаніями. Устройство ссыльныхъ въ Сибири опредѣлялось закономъ 15 іюня 1859, которымъ были дополнены и измѣнены нѣкоторыя положенія Устава о ссыльныхъ [2]).

Всѣ прибывавшіе въ Тобольскъ сосланные или удаленные въ Сибирь люди, для дальнѣйшаго ихъ распредѣленія, раздѣлялись Тобольскимъ приказомъ о ссыльныхъ на 4 разряда: 1) ссыльно-каторжныхъ, 2) ссыльно-поселенцевъ, 3) сосланныхъ на житье по ст. 35-ой Уложенія о наказ. и 4) переселенныхъ въ Сибирь въ порядкѣ административномъ. Кромѣ того, впредь до лучшаго устройства мѣстъ заключенія, существовалъ еще пятый разрядъ — водворяемыхъ рабочихъ, переселяемыхъ въ Сибирь взамѣнъ продолжительнаго заключенія въ арестантскихъ ротахъ и рабочихъ домахъ.

---

[1]) П. С. З., № 13.657.
[2]) П. С. З., т. XXXIV, № 34.614.

ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ РОТА.

Положеніе водворяемыхъ рабочихъ не было измѣнено закономъ 15 іюня 1859 года. Въ 1854 году [1]), въ видѣ опыта, была учреждена въ г. Омскѣ, на три года, особая поселенческая рабочая рота; срокъ существованія этой роты былъ продолженъ до 1 января 1861 года, а генералъ-губернатору Зап. Сибири было поручено представить къ этому времени окончательныя соображенія, объ устройствѣ «подобныхъ заведеній» какъ въ Омскѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ Западной Сибири, въ видѣ учрежденій постоянныхъ. Однако, новыхъ поселенческихъ ротъ учреждено не было, а 26 іюля 1868 года была упразднена и Омская поселенческая рота [2]).

Вопросъ объ учрежденіи Омской поселенческой роты представляетъ интересъ, какъ одна изъ попытокъ упорядочить нашу ссылку. Возникъ этотъ вопросъ вслѣдствіе того, что ревизовавшій въ 1851 году Западную Сибирь генералъ-адъютантъ Анненковъ представилъ въ бывшій Сибирскій Комитетъ свои предположенія по устройству ссыльныхъ, такъ какъ находилъ, что ссылка въ Сибирь утрачиваетъ свое устрашающее значеніе для простого народа, и полагалъ усилить для поселенцевъ «наказательное значеніе» ссылки, употребленіемъ ихъ въ первое время въ принудительныя работы. Тогда Сибирскій Комитетъ поручилъ 7 декабря 1852 Министерству внутр. дѣлъ составить проектъ объ устройствѣ въ Сибири особыхъ ротъ изъ ссыльныхъ, для употребленія ихъ тамъ на разныя общеполезныя работы: сооруженіе дорогъ, устройства городовъ, работъ на золотыхъ промыслахъ и пр.

Составленный проектъ былъ въ 1853 году переданъ на заключеніе генералъ-губернаторовъ Сибири. Бывшій генералъ-губернаторъ Западной Сибири, ген. отъ инф. Гасфортъ, вполнѣ присоединился къ проекту и ходатайствовалъ объ учрежденіи рабочихъ поселенческихъ ротъ въ г.г. Тобольскѣ, Томскѣ и Омскѣ. Генералъ-губернаторъ же Восточной Сибири, графъ Муравьевъ-Амурскій, высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ проекта, находя, что такая заботливость правительства объ устройствѣ ссыльно-поселенцевъ въ Сибири преждевременна, такъ какъ, въ виду огромнаго спроса на рабочія руки, они и сами хорошо устраиваются въ Сибири, а бывшіе уже опыты устройства рабочихъ командъ дали отрицательные результаты. Притомъ, по мнѣнію графа Муравьева-Амурскаго, употребленіе въ обязательную работу ссыльнопоселенцевъ, т.-е. людей, сосланныхъ не въ работу, а на водвореніе, «противорѣчитъ существу уголовнаго закона и что если высшее правительство находитъ, что наказаніе ссылкою на поселеніе или водвореніе не составляетъ должнаго возмездія за преступленія... то было-бы справедливѣе и цѣлесообразнѣе опредѣлить за таковыя преступленія ссылку въ каторжныя работы, чѣмъ обременять участь ссыльныхъ преступниковъ произвольнымъ употребленіемъ ихъ въ непроизводительныя и дорого стоющія правительству работы».

Вотъ почему генералу Гасфорту 19 мая 1854 г. [3]) предоставлено было, въ видѣ опыта, на три года, учредить одну только роту въ г. Омскѣ. Трехлѣтній опытъ далъ отрицательные результаты, тѣмъ не менѣе Сибирскій Комитетъ рѣшилъ 15 іюня 1859 г. продлить еще этотъ опытъ [4]).

Наконецъ, въ 1867 году генералъ Гасфортъ представилъ журналъ совѣта Мѣстнаго Главнаго управленія, отъ 28 апрѣля того-же года, изъ

---

[1]) П. С. З., т. XXIX, № 28.256.
[2]) П. С. З., т. XLIII, № 46.142.
[3]) П. С. З., № 28.256.
[4]) П. С. З., № 34.614.

котораго видно, что опытъ съ поселенческой ротой совершенно не удался, вслѣдствіе чего Омская рота и была упразднена, при чемъ, однако, Министръ вн. дѣлъ выразилъ надежду, что съ учрежденіемъ въ будущемъ «самостоятельнаго надъ ссыльными управленія», возможно будетъ создать особыя рабочія заведенія.

ССЫЛКА НА ЖИТЬЕ.

Ссылка на житье въ Сибирь и въ другія, отдаленныя, кромѣ Сибирскихъ, губерніи по суду осталась безъ перемѣны; всѣ-же ссылаемые въ Сибирь въ порядкѣ административномъ [1]) (не исключая переселенныхъ въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ крѣпостныхъ крестьянъ) распредѣлялись въ Сибири въ губерніяхъ Тобольской и Томской, если сами, по прибытіи въ Тобольскъ, не просили объ отправленіи ихъ въ Вост. Сибирь.

Находясь подъ надзоромъ полиціи, они записывались въ сельское или городское сословіе, съ правомъ причисленія къ обществу безъ его согласія; по истеченіи установленнаго срока имъ, при условіи хорошаго поведенія, дозволялся выѣздъ изъ Сибири; однако, и послѣ того имъ навсегда запрещалось постоянное жительство въ той губерніи, изъ которой они были удалены, и даже въ сосѣднихъ съ нею; временное же пребываніе въ тѣхъ мѣстахъ могло быть имъ допущено только съ особаго разрѣшенія Министерства Вн. Дѣлъ.

Такъ какъ по Уложенію о наказаніяхъ ссылка на житье сопровождалась всегда лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, какъ лично, такъ и по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ или службою пріобрѣтенныхъ, то военно-служащіе, подвергающіеся этому высшему исправительному наказанію лишь за общія преступленія, подлежали исключенію изъ военной службы и лишались воинскаго званія. По этимъ соображеніямъ и Высочайше учрежденное Совѣщаніе, обсуждая проектъ общей части Воинскаго устава въ засѣданіяхъ 27 и 31 декабря 1865 г. [2]), постановило: «ссылку на житье въ Сибирь и въ другія, кромѣ Сибирскихъ, губерніи установить въ воинскомъ уставѣ въ тѣхъ-же девяти степеняхъ и съ тѣми-же послѣдствіями, какъ сіе опредѣлено въ Уложеніи».

Разумѣется и всѣ послѣдовавшія послѣ Закона 1859 года измѣненія въ порядкѣ устройства ссыльныхъ получали примѣненія и въ отношеніи военно-служащихъ, подвергавшихся этому наказанію. Изъ такихъ распоряженій правительства отмѣтимъ, напр., мѣры, принимаемыя къ тому, чтобы ссылкѣ не подвергались люди, имѣющіе болѣе 60 лѣтъ и, вообще, потерявшіе трудоспособность [3]).

Чрезвычайно характернымъ представляется мѣра правительства къ устройству въ Сибири ссыльныхъ евреевъ, ссылка которыхъ туда на водвореніе была, наконецъ, 12 іюня 1860 г. вовсе запрещена «для

---

[1]) Ст. 11 Уст. о ссыл. и ст. 294—340 Устава о пред. и пресѣч. преступ.

[2]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр. «Сб. Закон. раб.», Спб., 1869, стр. 60

[3]) П. С. З., т. XXXIII, № 33.747, т. XXXVI, № 37.796.

предупрежденія умноженія числа евреевъ въ Сибири», а уже сосланныхъ туда запрещено было поселять «на стоверстномъ разстояніи отъ Китайской границы и, вообще, отъ границъ съ неподвластными Россіи народами» [1]). Еще раньше того, а именно въ 1858 году, была отмѣнена высылка «порочныхъ нижнихъ чиновъ еврейскаго закона» въ Восточную Сибирь» для обращенія въ казачье сословіе» [2]).

ССЫЛКА НА ПОСЕЛЕНІЕ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Обращаясь къ разсмотрѣнію прочихъ видовъ ссылки, отмѣтимъ, что ссылка на поселеніе въ половинѣ XIX вѣка, несмотря на ея широкое примѣненіе, была настолько неблагоустроена, что Высочайше утвержденное Совѣщаніе, при обсужденіи 19 и 20 ноября 1865 года вопроса о воинскихъ наказаніяхъ, выразило даже колебаніе: удобно ли подвергать этому наказанію состоящихъ на обязательной срочной службѣ, «такъ какъ, дѣлаясь поселенцами, они не понесутъ въ сущности ощутительнаго наказанія, освобождаясь между тѣмъ отъ обязательной выслуги срочныхъ лѣтъ» [3]).

Разсматривая ссылку на поселеніе по судебному приговору, а не въ административномъ порядкѣ, отмѣтимъ, что по дѣйствовавшему со временъ императора Николая Павловича законодательству, сосланные въ Сибирь на поселеніе дѣлились на два разряда. Первый разрядъ составляли тѣ изъ ссыльно-поселенцевъ, которые по прежнимъ правамъ ихъ, до осужденія, были изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній. На основаніи Устава о ссыльныхъ, они, по прибытіи въ ссылку, непосредственно обращались на водвореніе въ Восточной Сибири, гдѣ либо приселялись къ деревнямъ старожиловъ, либо образовывали новыя казенныя поселенія.

Ссыльно-поселенцы-же, не изъятые, и до осужденія, отъ тѣлеснаго наказанія, составляли второй разрядъ и должны были, на основаніи тогоже Устава о ссыльныхъ, пробыть первоначально срокъ въ казенной работѣ и послѣ того только водворялись однимъ изъ упомянутыхъ способовъ.

Создавалась такимъ образомъ не только двойственность, но и неравномѣрность въ отбываніи одного и того-же наказанія, въ зависимости отъ того—былъ-ли осужденный до того освобожденъ отъ тѣлеснаго наказанія или не былъ.

ЗАКОНЪ 15 ІЮНЯ 1859 г.

15 іюня 1859 года изданъ былъ новый законъ [4]), который, взамѣнъ прежняго раздѣленія назначенныхъ въ казенную работу ссыльно-поселенцевъ на разряды: временныхъ заводскихъ работниковъ, ремесленныхъ работниковъ и состоящихъ въ цехѣ слугъ — установилъ лишь правило о распредѣленіи ихъ по винокуреннымъ заводамъ За-

---

[1]) П. С. З., т. XXXV, № 35.923.
[2]) П. С. З., т. XXXIII, № 33.970.
[3]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр. «Сб. зак. раб.», 1869 г., Спб., стр. 49.
[4]) П. С. З., т. XXXIV, № 34.614.

надной Сибири и по другимъ заведеніямъ, которыя «будутъ къ сему предназначены особыми распоряженіями правительства» [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ начальствамъ Сибири и Министру Внутреннихъ Дѣлъ вмѣнено было въ обязанность изыскать мѣры къ устройству особыхъ учрежденій для употребленія ссыльно-поселенцевъ въ разныя общеполезныя работы [2]). Въ случаѣ-же недостатка въ такихъ учрежденіяхъ и неимѣніи мѣста на винокуренныхъ заводахъ должны быть обращаемы во временную работу изъ означенныхъ преступниковъ преимущественно тѣ, которые сосланы за преступленія болѣе тяжкія; прочіе-же поступаютъ, прямо по прибытіи, на водвореніе въ Восточную Сибирь, но распредѣляются тамошнимъ начальствомъ всегда въ мѣста самыя отдаленныя и представляющія наименѣе удобствъ жизни.

Такое водвореніе было допущено только временно, до устройства учрежденій для занятій ссыльно-поселенцевъ работами. Главнымъ управленіямъ Сибири было предложено войти въ соображеніе, не окажется ли возможнымъ возстановленіе ремесленныхъ домовъ въ нѣкоторыхъ городахъ для обращенія туда ссыльныхъ. Въ виду этого оставлены были даже въ дѣйствіи старыя правила о ремесленныхъ работникахъ (цехъ слугъ былъ отмѣненъ), а именно: они дѣлились на отдѣленія, отъ 15 до 35 чел., по мастерствамъ или работамъ (плотники, столяры, кузнецы, слесари и т. п.). Въ отдѣленіе назначался мастеръ и ссыльными избирался староста. Въ губернскихъ городахъ эти отдѣленія составляли ремесленный домъ подъ начальствомъ смотрителя. Ремесленные работники содержались на ихъ заработокъ, а остатокъ отъ платы за работы, за погашеніемъ расходовъ по заведенію, составлялъ неприкосновенную собственность работниковъ; этой суммой завѣдывали выборные артельщики. Срокъ содержанія въ ремесленномъ домѣ былъ 6 лѣтъ, послѣ чего работники получали право на водвореніе. Съ разрѣшенія губернатора работники могли быть «отрядены» на частныя работы и на составленіе рабочихъ отдѣленій въ поселенія.

Ссыльно-поселенцы, назначенные во временную работу, должны были въ ней оставаться четыре года, при чемъ этотъ срокъ могъ быть увеличенъ по усмотрѣнію губернскаго или областного начальства.

На винокуренныхъ заводахъ ссыльно-поселенцы содержались, примѣняясь къ порядку, установленному для содержанія тѣхъ каторжныхъ, которые по хорошему поведенію были выпущены изъ острога. Въ прочихъ-же заведеніяхъ порядокъ содержанія ихъ опредѣлялся особыми положеніями.

---

[1]) Ст. 261 по прод. Уст. о ссыл.

[2]) Такъ, въ 1862 году дозволенъ былъ, въ видѣ опыта, наемъ ссыльно-поселенцевъ для работъ на удаленныхъ золотыхъ промыслахъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, въ Алтайскомъ горномъ округѣ. (П. С. З., № 38062).

Что-же касается порядка содержанія каторжныхъ на заводахъ [1]) (т.-е. каторжныхъ третьяго разряда, въ отличіе отъ осужденныхъ къ работамъ въ рудникахъ и крѣпостяхъ), то онъ опредѣлялся, главнымъ образомъ, въ положеніи объ арестантскихъ ротахъ Инженернаго вѣдомства. При распредѣленіи каторжныхъ 3 разряда назначали на заводы саловаренные, винокуренные и на другіе съ соотвѣтствующими работами. Съ поступленіемъ на работы они причислялись къ отряду испытуемыхъ, а по истеченіи 1—1½ года перечислялись въ отрядъ исправляющихся.

Каторжные отряда испытуемыхъ помѣщались въ острогахъ, гдѣ содержались, согласно тюремному режиму, но въ ножныхъ кандалахъ, которыя, для поощренія исправляющихся, могли быть по распоряженію начальства снимаемы, по истеченіи ⅔ срока пребыванія въ этомъ отрядѣ. Одинъ разъ въ мѣсяцъ имъ брили головы. Мужчины содержались отдѣльно отъ женщинъ, а если позволяло помѣщеніе, то ссыльные группировались и по степенямъ наказанія.

Работы производились по урочному положенію подъ надзоромъ военнаго караула; отъ высшаго мѣстнаго начальства зависѣло уменьшать уроки и разрѣшать снятіе оковъ во время работъ. 22 дня въ году полагалось праздничныхъ и, кромѣ того, въ теченіе трехъ дней работы не производились по утрамъ, для приготовленія къ исповѣди и причастію.

Каторжные отряды исправляющихся содержались безъ оковъ, отдѣльно, по возможности, отъ испытуемыхъ; изъ отличнѣйшихъ по поведенію избирались десятники, наблюдавшіе за другими каторжными; исправляющимся полагалось 25 праздничныхъ дней въ году. Часть заработка шла въ капиталъ на вспомоществованіе семействъ каторжныхъ и на пособія имъ самимъ.

Черезъ годъ послѣ поступленія въ отрядъ исправляющихся каторжные могли получить дозволеніе жить не въ острогѣ, а въ комнатахъ заводскихъ мастеровыхъ, или построить для себя домъ на землѣ, принадлежащей заводу [2]), и вступить въ бракъ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ выдавалось пособіе, смотря по количеству причитающихся на ихъ часть заработанныхъ денегъ, въ размѣрѣ, не превышающемъ для холостыхъ—одной четверти, а для женатыхъ—одной половины этихъ денегъ. Выстроившимъ для себя дома прибавлялась еще одна четверть. Пособіе это выдавалось, преимущественно, различными вещами и орудіями, наличными же деньгами выдавалось не болѣе одной трети назначеннаго пособія. Въ то-же время возвращались имъ отобранныя у нихъ при отправленіи въ ссылку собственныя деньги. Поселяющимся отпускался, кромѣ того, и лѣсъ для постройки домовъ.

Въ отрядѣ исправляющихся безпорочнымъ въ поведеніи десять мѣсяцевъ считались за годъ. По окончаніи сроковъ, положенныхъ по судебнымъ приговорамъ, каторжные, не подвергавшіеся взысканіямъ, по которымъ наказаніе должно быть продолжено, освобождались вовсе отъ работъ и переходили въ разрядъ поселенцевъ въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири; но они могли быть оставляемы и въ мѣстахъ недальнихъ отъ заводовъ, на которыхъ состояли на работѣ, если во все время вели себя хорошо [4]). Въ томъ и въ другомъ случаѣ они во всѣхъ отношеніяхъ под-

---

[1]) Уст. о ссыльныхъ, ст. ст. 615—652, 553—582, 602—603.
[2]) П. С. З., т. XXXV, № 35.935.
[3]) Тамъ же, № 36.885.
[4]) П. С. З., т. XXXI, № 30.782.

чинялись тѣмъ правиламъ, которыя были установлены для ссыльныхъ, поступающихъ въ Сибирь прямо на поселеніе.

Съ 28 октября 1871 года, впредь до разрѣшенія общаго вопроса о замѣнѣ для ссыльныхъ тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній, назначаемое каторжнымъ и поселенцамъ наказаніе шпицрутенами было замѣнено наказаніемъ плетьми [1]).

ПОЛОЖЕНІЕ ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВЪ НА ВОДВОРЕНІИ.

Чтобы представить себѣ совершенно полную картину устройства ссыльно-поселенцевъ въ первые годы царствованія Императора Александра II, обрисуемъ еще ихъ положеніе, когда, по окончаніи срока временной работы, они обращались на водвореніе: тѣ изъ работавшихъ на заводахъ, которые, имѣя «домообзаводство» и будучи хорошаго поведенія, получили отъ начальства дозволеніе продолжать жить при заводѣ, оставлялись на мѣстѣ прежняго ихъ жительства; остальные же приселялись къ деревнямъ старожиловъ или же обращались на устройство новыхъ казенныхъ селеній [2]). Дальнѣйшее положеніе ихъ было тождественнымъ съ поселенцами, которые были водворены безъ отдачи во временную работу.

Водворенные ссыльно-поселенцы получали право, послѣ десятилѣтняго пребыванія въ Сибири, перечисляться въ государственные крестьяне, при чемъ срокъ этотъ считался: для ссыльныхъ перваго разряда—со времени водворенія на поселеніе, а для ссыльныхъ 2-го разряда—со времени вступленія во временную работу. Этотъ десятилѣтній срокъ могъ быть, по усмотрѣнію главныхъ начальствъ Сибири сокращенъ для тѣхъ ссыльно-поселенцевъ, которые въ теченіе шести лѣтъ вели себя совершенно одобрительно, занимались полезнымъ трудомъ и пріобрѣли осѣдлость [3]).

Въ 1859 году ссыльно-поселенцамъ, причисленнымъ къ волостямъ по Восточной Сибири, дозволено было отправляться на заработки въ Приамурскій край и водворяться тамъ навсегда (цѣль колонизаціи) [4]).

ПОДАТИ И ПОВИННОСТИ ССЫЛЬНО ПОСЕЛЕНЦЕВЪ.

Въ первые три года, по прибытіи въ Сибирь, ссыльно-поселенцы освобождались отъ всякихъ податей; въ слѣдующія затѣмъ семь лѣтъ они обязаны были платить половинный окладъ подушныхъ и оброчныхъ денегъ, съ надбавкою 15 коп. для составленія экономическаго капитала ссыльныхъ, но освобождались отъ земскихъ и волостныхъ повинностей. По истеченіи же десяти лѣтъ они облагались полными податями и несли всѣ повинности наравнѣ съ государственными крестьянами, несмотря на то, были ли они приписаны къ этому званію [5]); сверхъ того, они продол

---

[1]) П. С. З., т. XLVI, № 50.080.

[2]) Уст. о ссыл., ст. 609—611, по прод. Съ 1862 г. воспрещено было образованіе казенныхъ поселеній ссыльно-каторжныхъ на земляхъ Боготольскаго и Коревскаго казенныхъ винокуренныхъ заводовъ.

[3]) Уст. о ссыл., ст. ст. 728, 731, 732.

[4]) П. С. З., т. XXXIV, № 34.365.

[5]) П. С. З., т. XL, № 41.728.

жали оплачивать и 15-тикопѣечный сборъ въ капиталъ. Отъ рекрутской повинности ссыльно-поселенцы были свободны до истеченія 20 лѣтъ [1]).

СЕМЕЙСТВЕННЫЯ ПРАВА ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВЪ

Жены и дѣти преступниковъ могли, на общемъ основаніи, слѣдовать за ними при ссылкѣ въ Сибирь; ссыльнымъ не дозволялось вступать въ бракъ между собою до прибытія въ Сибирь и распредѣленія ихъ Тобольскимъ приказомъ о ссыльныхъ, но они могли по пути жениться на непреступницахъ. Въ Тобольскѣ же и другихъ Сибирскихъ губерніяхъ ссыльные обоего пола могли вступать въ бракъ и между собою. Ссыльно-поселенцамъ дозволялось вступать въ бракъ какъ съ сосланными преступницами, такъ и съ женщинами свободнаго состоянія, при чемъ для облегченія вступленія въ бракъ и поощренія къ этому выдавались даже денежныя пособія отъ казны [2]).

Дѣти ссыльныхъ, по общему правилу, пользовались правами того состоянія, въ которыхъ находились отцы ихъ въ то время, когда они были прижиты. На этомъ основаніи дѣти преступниковъ, рожденныя или зачатыя до вступленія приговора въ законную силу, пользовались прежними правами состоянія отца, а прижитыя послѣ того причислялись къ податнымъ сословіямъ [3]).

ИМУЩЕСТВЕННЫЯ ПРАВА ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВЪ.

Ссыльные, какъ лишенные всѣхъ правъ состоянія, не имѣли права пріобрѣтать недвижимаго имущества; однако, для поощренія ихъ къ трудолюбію и осѣдлой жизни и для обезпеченія положенія ихъ семействъ, имъ дозволялось владѣть и пользоваться, въ мѣстѣ ссылки, этого рода имуществами [4]). Имъ предоставлялось право, даже до причисленія въ государственные крестьяне, покупать на свое имя земли и дома въ предѣлахъ той волости, къ которой приписаны; имѣвшіе же разрѣшеніе жить въ городахъ могли пріобрѣтать недвижимыя имущества въ городѣ, если пробыли въ немъ, при безпорочномъ поведеніи, болѣе трехъ лѣтъ сряду. Покупка такихъ недвижимыхъ имуществъ утверждалась домашнимъ актомъ между покупщикомъ и продавцомъ, составленнымъ при двухъ свидѣтеляхъ и явленнымъ въ волостномъ правленіи или въ городской полиціи.

Въ 1866 г. ссыльно-поселенцамъ въ Приморской области разрѣшено заниматься торговлею и промыслами [5]).

Въ случаѣ смерти ссыльно-поселенца, движимое имущество его переходило къ находящимся въ Сибири прямымъ его наслѣдникамъ и къ женѣ. Все движимое имущество, при неимѣніи прямыхъ наслѣдниковъ, поступало къ женамъ ссыльныхъ, пришедшимъ за ними въ Сибирь, или вышедшимъ за нихъ замужъ во время ссылки. Наконецъ, если такихъ наслѣдниковъ вовсе не оказывалось, то движимое имущество ссыльныхъ, не обращаясь къ наслѣдникамъ, пребывающимъ во внутреннихъ губерніяхъ, поступало въ экономическій капиталъ ссыльныхъ [6]).

ССЫЛКА НА ПОСЕЛЕНІЕ, КАКЪ ВОИНСКОЕ НАКАЗАНІЕ.

Вотъ, слѣдовательно, въ какомъ положеніи была у насъ ссылка на поселеніе въ то время, когда у составителей новаго Воинскаго Устава о наказаніяхъ возникъ вопросъ о томъ—включить ли эту

---

[1]) Уст. о ссыльн., ст. ст. 738, 741.
[2]) П. С. З., т. XXXVI, № 37.776.
[3]) То же, ст. ст. 755, 760, 766 и 767.
[4]) П. С. З., т. XXXIV, № 34.375.
[5]) П. С. З., т. XLI, № 43.836.
[6]) Уст. о ссыльн., ст. ст. 773, 790—793, 774 и 775.

ссылку въ числѣ другихъ воинскихъ наказаній въ общую для нихъ лѣстницу.

Въ запискѣ составленной дѣлопроизводителями Высочайше учрежденнаго Совѣщанія, которымъ поручено было представить докладъ объ учрежденіи крѣпостнаго военно-арестантскаго отдѣленія въ Сибири, заслушанной Совѣщаніемъ въ засѣданіяхъ 27 и 31 декабря 1865 года [1]), между прочимъ значилось:

«Признавая, что ссылка на поселеніе, даже при усиленіи ея для лицъ, не изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, отдачею во временныя работы, несовмѣстна съ исключительнымъ положеніемъ нижнихъ чиновъ, обязанныхъ срочною службою, и была бы наказаніемъ уголовнымъ только номинально, при томъ болѣе легкимъ, чѣмъ исправительное наказаніе,—отдача въ исправительныя арестантскія роты,—проектъ Воинскаго Устава о наказаніяхъ устанавливаетъ вмѣсто сего новое наказаніе: ссылку въ крѣпостныя арестантскія отдѣленія.

При этомъ осужденныхъ, по окончаніи сроковъ заключенія, предполагается обращать въ число ссыльно-поселенцевъ въ Сибири; почему отдача въ крѣпостныя арестантскія отдѣленія должна, по проекту, замѣнить собственно присужденіе къ временнымъ работамъ на казенныхъ заводахъ, которымъ, на основаніи общихъ узаконеній, отягчается участь лицъ, не изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, при ссылкѣ ихъ на поселеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ полагаетъ раздѣлить и это новое наказаніе, сообразно съ раздѣленіемъ ссылки на поселеніе, на двѣ степени, назначивъ для первой степени ссылку въ крѣпостныя арестантскія отдѣленія на время отъ 4 до 6 лѣтъ, а для второй—на время отъ 2 до 4 лѣтъ».

Высочайше учрежденное Совѣщаніе, въ свою очередь, приняло во вниманіе: 1) что на заводахъ въ то время замѣчался «недостатокъ въ помѣщеніи», особенно съ упраздненіемъ винокуренныхъ заводовъ, а «предположенныя въ 1850 году особыя для сей цѣли ремесленныя заведенія еще не учреждены» и 2) что нижніе чины изъ состоящихъ на обязательной срочной службѣ, подвергающіеся ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, «должны быть во всякомъ случаѣ отдаваемы на извѣстное время въ обязательныя работы, безъ чего для многихъ изъ нихъ наказаніе сіе, съ полученіемъ полной свободы немедленно по прибытіи въ Сибирь, не имѣло бы вполнѣ ощутительнаго значенія и могло бы иногда служить даже побужденіемъ къ совершенію преступленій, за кои оно полагается».

По этимъ соображеніямъ Совѣщаніе признало, что «необходимо прибѣгнуть къ учрежденію по военному вѣдомству особаго арестантскаго отдѣленія для заключенія въ немъ подвергающихся такой ссылкѣ нижнихъ чиновъ, состоящихъ на срочной службѣ. Отдѣленіе сіе всего удобнѣе, по мнѣнію Совѣщанія, образовать въ одной изъ крѣпостей Западной Сибири, съ присвоеніемъ ему наименованія «крѣпостнаго военно-арестантскаго отдѣленія», а потому и постановило: предоставить Военному Министру распорядиться со-

[1]) Арх. Гл. В. Суд. Упр. «Сб. зак. раб.», Спб. 1869 г., стр. 79.

ставленіемъ положенія о такомъ отдѣленіи съ тѣмъ, чтобы положеніе это могло быть окончательно утверждено и самое отдѣленіе открыто одновременно съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго воинскаго устава.

ПРОЕКТЪ ПОЛОЖЕНІЯ О КРѢП. АРЕСТ. ОТДѢЛЕНІЯХЪ.

Высочайше утвержденный комитетъ для разсмотрѣнія основныхъ положеній о преобразованіи мѣстъ заключенія военнаго вѣдомства составилъ въ 1864 г. проектъ положенія о крѣпостныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, сущность котораго была доложена Высочайше учрежденному Совѣщанію и имъ одобрена.

Въ основу проекта комитетъ положилъ начала безусловнаго разобщенія арестантовъ по роду преступленія и предположилъ устроить крѣпостныя арестантскія отдѣленія въ особыхъ крѣпостяхъ:—въ Орской крѣпости въ Оренбургскомъ краѣ и Петропавловской — въ Западной Сибири.

При установленіи внутренняго режима для такихъ крѣпостныхъ арестантовъ, были приняты въ соображеніе не только правила, которыя установлены были для содержанія заключаемыхъ въ военно-исправительныя роты, но и чтобы онъ былъ слабѣе режима, введеннаго для отбывающихъ каторжныя работы на заводахъ.

ПОРЯДОКЪ СОДЕРЖАНІЯ.

Немедленно по доставленіи въ крѣпостныя отдѣленія осужденные зачислялись въ арестанты и съ этого времени имъ считался срокъ заключенія. Они дѣлились, какъ ссыльные въ каторжныя работы, на разряды испытуемыхъ и исправляющихся. Въ разрядъ испытуемыхъ арестанты поступали при зачисленіи ихъ въ отдѣленія и оставались въ немъ до перевода въ разрядъ исправляющихся: а) осужденные въ работу на время отъ 2 до 3 лѣтъ—восемь мѣсяцевъ; б) осужденные на срокъ отъ 3 до 4 лѣтъ—одинъ годъ; в) осужденные на время отъ 4 до 6 лѣтъ—одинъ годъ и шесть мѣсяцевъ. За отличное поведеніе сроки заключенія въ этомъ разрядѣ могли быть сокращаемы болѣе чѣмъ на половину; въ случаѣ же непокорности и дурного поведенія, арестанты содержались въ разрядѣ испытуемыхъ впредь до дѣйствительнаго исправленія въ поведеніи.

Положеніе арестантовъ обоихъ разрядовъ различалось въ томъ, что исправляющіеся содержались безъ оковъ; имъ, при безупречномъ поведеніи, сокращался срокъ наказанія, по расчету 10 мѣсяцевъ за годъ, и они назначались на менѣе трудныя работы; отличнѣйшіе изъ нихъ назначались для надзора за другими арестантами и въ воскресные дни освобождались отъ послѣобѣденныхъ работъ.

ПИЩЕВОЙ РЕЖИМЪ.

Довольствіе арестантовъ состояло: 1) изъ 3 Ф. чернаго хлѣба и 6 зол. соли въ сутки на человѣка; 2) горячей пищи (щи и похлебка изъ овощей) съ саломъ въ скоромные дни и съ постнымъ масломъ—въ постные дни, а по воскреснымъ и высокоторжественнымъ днямъ—съ крошеннымъ мясомъ или рыбой, по расчету $^1/_4$ Ф. на человѣка, и 3) квасъ. Испытуемые получали горячую пищу только къ обѣду, а исправляющіеся—къ обѣду и ужину.

РАБОТЫ АРЕСТАНТОВЪ.

Испытуемые арестанты по проекту пользовались лишь 14 праздничными днями, а исправляющіеся 16-ью—въ году; остальные дни они назначались всѣ на работы, сообразно физическимъ силамъ и способности

къ роду занятій. Работы были: 1) крѣпостныя, 2) хозяйственныя и 3) мастеровыя.

Изъ вырученной суммы 70% обращалось въ казну на покрытіе расходовъ по содержанію арестантовъ, 10% отчислялось въ спеціальную сумму отдѣленія, 10%—шло въ пользу чиновъ управленія отдѣленія и 10%—въ пользу самихъ арестантовъ; однако, эти послѣднія деньги не выдавались на руки, но находящимся въ разрядѣ исправляющихся дозволялось, въ видѣ поощренія за хорошее поведеніе, расходовать до половины на вспомоществованіе роднымъ, на посылку писемъ и на покупку въ праздничные дни булокъ, чаю и сбитня.

Въ свободное время, послѣ вечернихъ работъ, было обязательное обученіе грамотѣ и слушаніе чтенія полезныхъ книгъ.

ССЫЛКА НА ВОДВОРЕНІЕ ИЗЪ КРѢПОСТЕЙ.

По отбытіи срока наказанія, арестанты изъ крѣпости препровождались черезъ Тобольскій приказъ о ссыльныхъ въ мѣста поселенія, гдѣ они и водворялись на томъ же основаніи, какъ и отбывшіе сроки каторжныхъ работъ. Время болѣзни, проведенное арестантами въ госпиталѣ или лазаретѣ, засчитывалось имъ въ срокъ, если только болѣзнь не была причинена ими умышленно; въ противномъ же случаѣ они должны были отбыть въ отдѣленіи и время болѣзни.

Арестанты, въ случаѣ инвалидности и потери трудоспособности, могли быть обращаемы на поселеніе въ Сибирь и до отбытія срока наказанія.

ПОЛОЖЕНІЕ 1867 Г. О КРѢПОСТНОМЪ ВОЕННО-АРЕСТАНТСКОМЪ ОТДѢЛЕНІИ.

Таковъ былъ проектъ. Переработанный затѣмъ окончательно, проектъ этотъ былъ Высочайше утвержденъ 16 мая 1867 года [1]) подъ названіемъ — «Положеніе о крѣпостномъ военно-арестантскомъ отдѣленіи». Какъ значилось въ этомъ Положеніи, крѣпостное военно-арестантское отдѣленіе назначалось для содержанія въ теченіе сроковъ, опредѣленныхъ военно-уголовными законами, обязанныхъ срочною по рекрутству службою воинскихъ нижнихъ чиновъ, ссылаемыхъ въ Сибирь на поселеніе. Отдѣленіе это положено было учредить въ Сибири съ тѣмъ, чтобы оно принадлежало къ составу мѣстныхъ военныхъ учрежденій и было подчинено Начальнику мѣстныхъ войскъ въ округѣ на правахъ начальника дивизіи, а если оно расположено въ крѣпости—то коменданту, на томъ же основаніи, какъ прочія войска крѣпостнаго гарнизона.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО.

Ближайшее управленіе отдѣленіемъ возложено было, на правахъ командира полка, на особаго начальника, назначаемаго, по представленію Военнаго Министра, Высочайшимъ приказомъ. Труды начальника отдѣленія по управленію и надзору за арестантами раздѣлялъ его помощникъ, назначаемый по представленію начальника мѣстныхъ войскъ командующимъ войсками въ округѣ; кромѣ того въ составъ администраціи входили: священникъ и секретарь; непосредственное же завѣдываніе арестантами

[1]) П. С. З., т. XLII, № 44.595.

было ввѣрено кадровымъ нижнимъ чинамъ, назначаемымъ изъ войскъ округа; права, преимущества и обязанности всѣхъ чиновъ этого управленія были точно указаны въ Положеніи 1867 г.

РАЗМѢЩЕНІЕ АРЕСТАНТОВЪ.

Въ зданіяхъ, занимаемыхъ крѣпостнымъ военно-арестантскимъ отдѣленіемъ, должны были имѣться: а) общія камеры для арестантовъ, б) помѣщенія для кадровыхъ нижнихъ чиновъ и др. необходимыя помѣщенія. Никто изъ постороннихъ въ ограду отдѣленія не допускался, безъ особаго разрѣшенія.

ОДЕЖДА И ПИЩА.

Арестантамъ полагались: изъ сѣраго сукна шапка, куртка, шаровары и лѣтомъ куртка и шаровары изъ равендука, портянки, по двѣ пары полусапогъ, галстукъ, полушубокъ, двѣ пары кожаныхъ рукавицъ, одна пара варегъ, два холщевыхъ полотенца, три рубашки, сѣрое суконное одѣяло и солома для подстилки, а съ 1871 г. и холстъ на исподніе брюки и суконныя шаровары [1]); на продовольствіе же отпускалось въ годъ на каждаго арестанта: три четверти муки, одинъ четверикъ и 4 гарнца крупъ, 24 фунта соли и $^5/_6$ кормовыхъ денегъ, отпускаемыхъ на нижнихъ чиновъ въ войскахъ; кромѣ того на мыло, освѣщеніе и пр.

ПОСТУПЛЕНІЕ АРЕСТАНТОВЪ.

Войска, при отправленіи осужденныхъ въ военно-арестантское отдѣленіе, увѣдомляли о томъ Тобольскій приказъ о ссыльныхъ, а самыхъ людей передавали при положенныхъ письменныхъ о нихъ свѣдѣніяхъ въ ближайшія Губернскія Правленія для отправленія въ Сибирь.

По доставленіи осужденный немедленно зачислялся въ арестанты и съ этого момента ему считался срокъ заключенія, въ который зачислялось и время, проведенное имъ подъ стражей, по вступленіи приговора въ законную силу, до дня отправленія по назначенію.

ПОРЯДОКЪ СОДЕРЖАНІЯ.

Арестанты крѣпостнаго военно-арестантскаго отдѣленія, вполнѣ согласно съ проектомъ, дѣлились на разряды испытуемыхъ и исправляющихся, при чемъ Положеніе сохранило тѣ же сроки обязательнаго пребыванія въ разрядѣ испытуемыхъ. При прибытіи арестанты поступали всегда въ разрядъ испытуемыхъ, изъ котораго переводились, по минованія срока испытанія, лишь при условіи постоянной покорности, хорошаго поведенія и трудолюбія. Съ причисленіемъ же въ разрядъ исправляющихся общій срокъ наказанія тѣмъ изъ арестантовъ, которые не подвергались взысканіямъ за болѣе тяжкіе проступки, сокращался такимъ образомъ, что 10 мѣсяцевъ заключенія считались за годъ; исправляющіеся назначались на менѣе тяжелыя работы. Арестанты содержались по Положенію, въ отличіе отъ проекта, безъ оковъ; каждые 25 арестантовъ ввѣрялись надзору особаго унтеръ-офицера, при чемъ испытуемые всегда размѣщались въ отдѣльныхъ камерахъ отъ исправляющихся.

Подробное распредѣленіе дня устанавливалось начальникомъ отдѣленія и утверждалось Командующимъ войсками по соглашенію съ Главнымъ Комитетомъ.

ЗАНЯТІЯ АРЕСТАНТОВЪ; а) РАБОТЫ.

Занятія арестантовъ заключались въ работахъ и изученіи грамоты. Никакого денежнаго вознагражденія арестантамъ за работы не полагалось. Работы раздѣлялись: на крѣпостныя, состоявшія въ вѣдѣніи инженернаго начальства, и на хозяйственныя, при чемъ при назначеніи работъ принимались въ соображеніе физическія силы и здоровье арестантовъ. Свободныхъ дней арестанты имѣли въ году до 29, а именно: три дня говѣнья, 1-ое января, день Богоявленія, два послѣднихъ дня Страстной и вся Свѣтлая недѣля, два дня Троицы, Вознесеніе, Рождество Богородицы, день Покрова, два дня Рождества, а также дни рожденія, тезоименитства Ихъ Величествъ и Государя Наслѣдника.

---

[1]) П. С. З., т. XLVI, № 49.325.

Рабочій день былъ опредѣленъ: лѣтомъ—12 часовъ, весной и осенью—9 часовъ, а зимою—8 часовъ.

б) обученіе грамотѣ.

Всѣ безъ исключенія арестанты въ праздничные дни и прочее свободное отъ работъ время обучались грамотѣ и слушали чтеніе книгъ отдѣленной библіотеки.

Особыя обязанности арестантовъ.

Въ праздничные дни арестанты выводились унтеръ-офицерами на молитву въ мѣстную церковь, гдѣ и занимали особое мѣсто. Ежегодно арестанты всѣхъ вѣроисповѣданій обязаны были говѣть по обрядамъ своей церкви. Правомъ жалобы арестанты пользовались, но коллективныя просьбы и жалобы воспрещались.

Проступки, преступленія и наказанія.

Проступки, наказываемые дисциплинарною властью начальства военно-арестантскаго отдѣленія, дѣлились по степени ихъ важности на два рода.

За проступки 1 рода опредѣлялось: 1) заключеніе въ одиночномъ карцерѣ отъ 3 до 7 дней, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ, и 2) то же, но въ темномъ карцерѣ. 4 апрѣля 1870 года [1]) Государь Императоръ, по представленіи Главнаго Военно-Суднаго Управленія, предоставилъ начальству отдѣленія право усиливать это заключеніе наложеніемъ на виновныхъ оковъ.—За проступки 2 рода полагалось: 1) заключеніе въ темномъ карцерѣ отъ 7 до 14 дней, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ, и 2) продолженіе времени испытанія отъ 1 до 3 мѣсяцевъ или перечисленіе изъ разряда исправляющихся въ разрядъ испытуемыхъ на такое же время. При отягчающихъ вину обстоятельствахъ могли быть назначаемы и розги отъ 50 до 150 ударовъ. За преступленія арестанты наказывались по особымъ узаконеніямъ.

Освобожденіе арестантовъ.

Арестанты освобождались изъ отдѣленія: 1) по минованіи срока заключенія и 2) по неспособности къ работамъ. Въ первомъ случаѣ они препровождались, по распоряженію Тобольскаго приказа о ссыльныхъ, въ мѣста поселенія. Неспособные къ работамъ арестанты, по освидѣтельствованіи ихъ, помѣщались, по распоряженію Тобольскаго Приказа о ссыльныхъ, въ благотворительныя заведенія.

Сформированіе Усть-Каменногорскаго отдѣленія и временнаго отдѣленія въ г. Тобольскѣ.

1 іюня 1868 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе [2]) о сформированіи перваго въ Сибири крѣпостнаго военно-арестантскаго отдѣленія въ Усть-Каменногорскѣ; это-отдѣленіе было сформировано вполнѣ согласно Положенія 16 мая 1867 года. Потребное въ составѣ его управленія число чиновъ было назначено изъ войскъ Западно-Сибирскаго военнаго округа, по распоряженію окружного начальства. Независимо отъ воинскихъ чиновъ, подлежащихъ содержанію въ этомъ отдѣленіи, Высочайше повелѣно было, впредь до особаго распоряженія, отправлять въ него и всѣхъ тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые будутъ осуждаемы въ каторжную работу въ крѣпостяхъ.

Еще раньше того, а именно 16 апрѣля 1868 г. [3]), было сформи-

---

[1]) П. С. З., т. XLIV, № 48.223.

[2]) П. С. З., т. XLIII, № 45.930 и пр. Воен. Министра отъ 6 іюня 1868 года.

[3]) П. С. З., т. XLIII, № 45.726 и пр. В. Мин. отъ 27 апрѣля.

ровано временное военно-арестантское отдѣленіе въ г. Тобольскѣ, но оно было предназначено для состоявшихъ въ моментъ преобразованія арестантскихъ ротъ инженернаго вѣдомства въ этихъ послѣднихъ каторжныхъ и всегдашнихъ арестантовъ и даже военно-срочныхъ, поступившихъ въ этотъ разрядъ изъ каторжныхъ. Тобольское отдѣленіе, въ отношеніе порядка управленія и штатовъ должно было руководствоваться Положеніемъ о военно-исправительныхъ ротахъ.

28 ноября 1831 г. [1]) штатъ Усть-Каменногорскаго крѣпостнаго военно-арестантскаго отдѣленія былъ увеличенъ и число арестантовъ доведено до 200 человѣкъ.

Вотъ, слѣдовательно, на какихъ основахъ преобразована была ссылка на поселеніе военно-служащихъ. Обратимся теперь къ разсмотрѣнію ссылки на каторжную работу.

КАТОРЖНАЯ РАБОТА ПО ЗАКОНУ 1859 ГОДА.

Согласно закону 15 іюня 1859 года [2]), каторжные, осужденные къ работамъ въ рудникахъ и крѣпостяхъ, распредѣлялись прежнимъ порядкомъ [3]); каторжные-же, приговоренные къ работамъ на заводахъ, отсылались всѣ въ Восточную Сибирь, гдѣ и распредѣлялись по заводамъ Иркутской и Енисейской губерній, по ближайшему усмотрѣнію главнаго мѣстнаго начальства.

Въ Восточную-же Сибирь отправлялись и всѣ женщины, принадлежавшія какъ къ первому, такъ и къ третьему разряду ссыльно-каторжныхъ [4]); изъ числа этихъ женщинъ тѣ, которыя были приговорены къ наказанію въ низшей степени, назначались преимущественно на фабрики, а прочія—на заводы, наравнѣ съ преступниками мужескаго рода.

При недостаткѣ мѣстъ на заводахъ Иркутской и Енисейской губерній, главному начальству Восточной Сибири предоставлено было обращать каторжныхъ, приговоренныхъ къ работамъ на этихъ заводахъ, въ вѣдѣніе Нерчинскаго горнаго округа, по съ уменьшеніемъ назначеннаго имъ по суду срока наказанія по такому расчету, чтобы за каждые полтора года пребыванія на заводахъ полагался одинъ годъ работъ въ Нерчинскомъ округѣ.

17 апрѣля 1861 г. [5]) издано было положеніе о бракахъ ссыльно-каторжныхъ мужчинъ и женщинъ, которые пріобрѣли право вступать въ бракъ, какъ между собою, такъ и съ ссыльными, лишенными всѣхъ правъ состоянія, при чемъ каторжные перваго разряда пріобрѣтали это право черезъ три года, а третьяго разряда—черезъ годъ послѣ поступленія въ отрядъ исправляющихся.

---

[1]) П. С. З., т. XLVI, № 50.252.
[2]) П. С. З., т. XXXIV, № 34.614.
[3]) Ст. 257 Уст. о ссыл.
[4]) Ст. 248 Уст. о ссыл.
[5]) П. С. З., т. XXXVI, № 36.885.

Что-же касается имущественныхъ правъ, то нѣкоторыя облегченія по владѣнію недвижимой собственностью также предоставлены были въ 1860 г. [1]) лишь ссыльно-каторжнымъ, пробывшимъ опредѣленный срокъ въ отрядѣ исправляющихся.

КАТОРЖНАЯ РАБОТА ВЪ КРѢПОСТЯХЪ.

Изъ всѣхъ трехъ видовъ каторжныхъ работъ ссылка въ каторжную работу въ крѣпостяхъ требовала неотложнаго и коренного преобразованія. На основаніи существовавшихъ въ первые годы царствованія Императора Александра II постановленій, осужденные къ этому наказанію, наравнѣ съ военно-срочными и всегдашними арестантами, подвергались ссылкѣ въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства, гдѣ и содержались, большею частью, за тѣснотой помѣщенія, вмѣстѣ съ этими разрядами арестантовъ и съ ними-же производили совмѣстно установленную работу, при чемъ, въ порядкѣ содержанія, каторжные, какъ это ни странно, пользовались даже нѣкоторыми преимуществами по сравненію со всегдашними и даже военно-срочными арестантами.

Когда возникъ вопросъ о необходимости реформировать арестантскія роты инженернаго вѣдомства, какъ несоотвѣтствовавшія своему назначенію, возбужденъ былъ параллельно и вопросъ о преобразованіи крѣпостныхъ каторжныхъ работъ.

На время Крымской войны ссылка въ каторжныя работы въ крѣпости была прекращена по Высочайшему повелѣнію 25 мая 1854 года [2]); преступники, приговариваемые въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ отъ 9 декабря того-же года [3]), ссылались въ Сибирь для употребленія въ работы. Но эта мѣра была только временной, и 19 октября 1856 года [4]), по докладу Военнаго Министра, вновь возобновлена была ссылка въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, при чемъ даже въ особомъ росписаніи было указано, изъ какихъ мѣстностей и въ какія крѣпости производить ссылку.

КАЙГЕРЪ,—ПРОЕКТЪ РЕОРГАНИЗАЦІИ КАТОРЖНОЙ РАБОТЫ ВЪ КРѢПОСТЯХЪ.

Съ возобновленіемъ ссылки каторжныхъ въ крѣпости, съ одной стороны, а съ другой—съ началомъ законодательныхъ работъ по составленію Воинскаго Устава о наказаніяхъ вопросъ о реформѣ крѣпостной каторги былъ выдвинутъ на первое мѣсто на ряду съ вопросомъ о преобразованіи военныхъ арестантскихъ ротъ.

---

[1]) П. С. З., т. XXXV, № 35.935.
[2]) П. С. З., т. XXX, № 29.490.
[3]) П. С. З., т. XXX, № 28.813.
[4]) П. С. З., т. XXXI, № 31.030.

Первоначальный «проектъ Положенія объ арестантскихъ ротахъ военнаго вѣдомства и о каторжной работѣ въ крѣпостяхъ» былъ составленъ въ 1860 году сенаторомъ Капгеромъ [1]). Проектъ этотъ былъ затѣмъ внесенъ въ особую комиссію подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Непокойчицкаго, а затѣмъ, по новой разработкѣ въ комиссіи и по истребованіи замѣчаній отъ военно-начальствующихъ лицъ, онъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе въ военно-кодификаціонную комиссію [2]).

По проекту Капгера, осужденные въ каторжную работу въ крѣпостяхъ назначались исключительно въ Свеаборгскую и Омскую крѣпости, при чемъ въ первую должны были ссылаться преступники только изъ Кавказскаго края и магометане изъ поволжскихъ губерній. Въ случаѣ-же неимѣнія мѣста или работъ въ этихъ крѣпостяхъ, осужденные обращались въ каторжныя работы въ рудникахъ, съ зачетомъ 8 мѣсяцевъ за годъ крѣпостныхъ работъ.

Такимъ образомъ Капгеръ предполагалъ обособить каторжныхъ въ крѣпостяхъ отъ арестантовъ, которые подлежали по проекту ссылкѣ въ другія крѣпости.

Состоя въ вѣдѣніи мѣстныхъ комендантовъ и плацъ-маіоровъ, каторжные въ крѣпостяхъ были непосредственно подчинены особымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ; старшій изъ этихъ офицеровъ завѣдывалъ осужденными въ качествѣ помощника плацъ-маіора. Что касается снабженія крѣпостныхъ арестантовъ одеждою и довольствія пищею, раздѣленія на отряды испытуемыхъ и исправляющихся, употребленія въ работы, надзора за поведеніемъ, пользованія отъ болѣзней, свиданій съ родными и посторонними и веденія отчетности, то Капгеръ проектировалъ примѣненіе правилъ, предложенныхъ имъ для арестантскихъ ротъ [3]), но лишь со слѣдующими особенностями:

Въ отрядѣ испытуемыхъ каторжные должны были содержаться въ ручныхъ и ножныхъ оковахъ, а въ отрядѣ исправляющихся — только въ ножныхъ; каторжнымъ обоихъ отрядовъ должны были для предосторожности отъ побѣговъ брить полголовы съ лѣвой стороны отъ затылка до лба. Черезъ опредѣленные сроки, въ зависимости отъ общаго срока присужденнаго наказанія, каторжные, по переводѣ въ разрядъ исправляющихся, могли быть, при хорошемъ поведеніи, освобождаемы и отъ ножныхъ оковъ. Осужденные пользовались освобожденіемъ отъ работъ 11 дней въ году, а состоящіе въ отрядѣ исправляющихся, сверхъ того, еще и въ воскресные дни по утру для слушанія литургіи; а два раза въ мѣсяцъ по субботамъ послѣ обѣда—для посылки въ баню освобождались отъ работъ всѣ каторжные.

Время испытанія, въ зависимости отъ общаго срока наказанія, опредѣлялось отъ 1 года и 8 мѣсяцевъ до 3 лѣтъ, при чемъ состоящимъ въ отрядѣ исправляющихся, при условіи хорошаго поведенія, допускалось сокращеніе срока наказанія, по расчету $10^1/_2$ мѣсяцевъ за годъ.

---

[1]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр. Проектъ Капгера, Спб., 1860, стр. 142 и объяснит. записка къ нему.

[2]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр., «Сб. зак. раб.», 1869 г., стр. XIV.

[3]) См. проектъ Капгера въ главѣ объ арестантскихъ ротахъ.

По отбытіи наказанія, каторжные ссылались на поселенія въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири съ тѣмъ, что нижніе чины, обязанные срочною службою, ранѣе обращенія ихъ въ число ссыльно-поселенцевъ, должны были пробыть въ работѣ на казенныхъ заводахъ и фабрикахъ до истеченія срока обязательной ихъ службы. Признанные неспособными къ каторжнымъ работамъ въ крѣпостяхъ содержались въ казематахъ крѣпости, а при недостаткѣ мѣста — передавались гражданскому начальству для размѣщенія по тюрьмамъ, при чемъ срокъ заключенія опредѣлялся имъ по особому расчету.

Не останавливаясь на проектированныхъ сенаторомъ Каптеромъ наказаніяхъ каторжныхъ въ крѣпостяхъ за совершенные уже въ ссылкѣ проступки и преступленія, укажемъ, что они сводились къ тѣлесному наказанію розгами до 400 ударовъ и шпицрутенами до 2000 палокъ и продолженію срока пребыванія въ каторгѣ; наиболѣе тяжкія изъ этихъ наказаній окончательно утверждаются и приводятся въ исполненіе властью комендантовъ, а приговоры за преступленія каторжныхъ, влекущія каторжную работу въ рудникахъ или смертную казнь, конфирмуются генералъ-инспекторомъ по инженерной части.

Проектъ сенатора Каптера былъ составленъ при предположеніи, что арестантскія роты военнаго вѣдомства останутся попрежнему и будутъ лишь улучшены сообразно его-же проекту.

ПОЛОЖЕНІЕ ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННАГО КОМИТЕТА.

Однако, какъ уже нами было указано при разсмотрѣніи исторіи арестантскихъ ротъ въ половинѣ XIX вѣка, проектъ Каптера не былъ представленъ на Высочайшее утвержденіе, раньше всего потому, что особый Высочайше учрежденный Комитетъ, выработавшій въ 1863 году проекты положеній о мѣстахъ заключенія военнаго вѣдомства, рѣшилъ совершенно упразднить арестантскія роты инженернаго вѣдомства, образовавъ изъ разряда военно-срочныхъ арестантовъ — военныя тюрьмы, а изъ разряда всегдашнихъ арестантовъ — крѣпостныя арестантскія отдѣленія, помѣстивъ ихъ, а равно осужденныхъ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, подъ наименованіемъ «особо-каторжныхъ», частью въ Сибири, а частью въ Оренбургскомъ краѣ, назначивъ для каждой изъ этихъ категорій преступниковъ особыя крѣпости [1]).

Имѣя, однако, въ виду, что въ каторжную работу въ крѣпостяхъ ссылаются лица не одного военнаго, но и гражданскаго званія, и что, вслѣдствіе того, число этого рода осужденныхъ значительно увеличивается, простираясь въ 1863 году до 866 человѣкъ, Комитетъ, вмѣстѣ съ предположеніемъ о ссылкѣ ихъ исключительно въ Сибирскія крѣпости, призналъ необходимымъ, впредь до устройства въ Си-

[1]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр., «Объяснит. зап.», Спб., 1864, стр. 5.

бири достаточныхъ для того помѣщеній, замѣнять каторжную работу въ крѣпостяхъ такою же работою въ рудникахъ, считая 10 мѣсяцевъ работъ въ рудникахъ за годъ работы въ крѣпостяхъ [1]).

Наконецъ, при обсужденіи въ Особомъ Совѣщаніи, вопроса о крѣпостныхъ каторжникахъ, Военный Министръ Милютинъ, указывая на недостатокъ государственныхъ средствъ, предложилъ временно ограничиться внѣшнимъ преобразованіемъ военно-арестантскихъ ротъ въ томъ преимущественно отношеніи, чтобы не допускать въ крѣпостяхъ смѣшенія арестантовъ, подлежащихъ затѣмъ возвращенію вновь на военную службу, съ лишенными всѣхъ правъ состоянія каторжниками [2]).

ОТДАЧА ВЪ КАТОРЖНЫЯ РАБОТЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИХЪ.

При обсужденіи проекта Воинскаго Устава въ военно-кодификаціонной комиссіи, а затѣмъ 19 и 20 ноября 1865 года [3])—въ Высочайше учрежденномъ Совѣщаніи, возбужденъ былъ вопросъ: нужно-ли въ отступленіе отъ Уложенія о наказ. не допускать отдачи военнослужащихъ въ каторжную работу на заводахъ, постановивъ, что приговариваемые къ этимъ каторжнымъ работамъ должны отсылаться въ крѣпости. Вопросъ этотъ возникъ въ виду того, что каторжная работа на заводахъ для военно-служащихъ, обязанныхъ срочною службою, не представлялась-бы достаточно строгимъ наказаніемъ.

Однако Совѣщаніе нашло, что «до сихъ поръ, съ изданія Уложенія въ 1845 году, военно-служащіе, осуждаемые въ каторжную работу, отсылались по мѣрѣ виновности ихъ, наравнѣ съ лицами гражданскаго вѣдомства, какъ въ рудники и крѣпости, такъ и на заводы, и это не возбуждало на практикѣ никакихъ неудобствъ, а потому, обсуживая сей родъ наказанія, не представляется уважительныхъ поводовъ къ измѣненію для военно-служащихъ установленной Уложеніемъ постепенности въ каторжныхъ работахъ», т.-е. съ подраздѣленіемъ каторги на 3 главныхъ вида: работа въ рудникахъ, работа въ крѣпостяхъ и работа на заводахъ.

Кстати отмѣтимъ, что 1 мая 1864 г. [4]), по иниціативѣ статсъ-секретаря Валуева, для преступниковъ, ссылаемыхъ въ Восточную Сибирь, крѣпостныя каторжныя работы были замѣнены заводскими, безъ увеличенія срока наказанія, такъ какъ, по мнѣнію Комитета Министровъ, «нѣкоторыя заводскія работы могутъ быть тягостнѣе крѣпостныхъ».

---

[1]) Тамъ же, стр. 12.
[2]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр., «Сб. зак. раб.», 1869, стр. 93.
[3]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр., «Сб. закон. раб.», 1869, стр. 49.
[4]) П. С. З., т. XXXIX, № 40.832.

Крѣпостныя каторжныя работы, къ тому-же, на практикѣ, за недостаткомъ помѣщенія въ крѣпостяхъ, въ особенности въ виду предстоявшей реформы арестантскихъ ротъ инженернаго вѣдомства, становятся наказаніемъ преимущественно для военно-служащихъ, и 6 ноября 1864 г. [1]) изданъ былъ даже указъ о томъ, чтобы преступниковъ гражданскаго вѣдомства, при недостаткѣ мѣстъ въ крѣпостяхъ, помѣщать временно на заводы въ Восточную Сибирь.

Совѣщаніе по составленію Воинскаго Устава о наказаніяхъ признало также невозможнымъ освободить военно-служащихъ, осуждаемыхъ за общія преступленія къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, отъ исполненія надъ ними этого обряда (доставленіе осужденнаго на черныхъ дрогахъ къ лобному мѣсту и выставленіе на эшафотѣ къ черному позорному столбу), такъ какъ это значило бы поставить ихъ въ особое, привилегированное положеніе передъ гражданскими лицами, т.-е. въ сущности ослабить для военно-служащаго значеніе уголовной кары. Совѣщаніе нашло, что подобнаго изъятія нельзя допустить тѣмъ болѣе, что лишеніе всѣхъ правъ состоянія сопровождается для военно-служащихъ и лишеніемъ воинскаго званія.

Съ утвержденіемъ 16 мая «Положенія о военно-исправительныхъ ротахъ», въ видѣ временной переходной мѣры, Высочайше было повелѣно [2]): каторжныхъ 1 и 2 разрядовъ, состоявшихъ въ арестантскихъ ротахъ инженернаго вѣдомства, впредь до особаго распоряженія, содержать при военно-исправительныхъ ротахъ, но совершенно отдѣльно отъ прочихъ арестантовъ. Нижніе-же чины, которые по существовавшимъ узаконеніямъ, осуждались въ крѣпостную работу въ крѣпостяхъ и назначались до сихъ поръ въ военно-арестантскія роты, должны съ этого времени быть отправляемы для работъ исключительно въ Петропавловскую и Усть-Каменногорскую крѣпости Западной Сибири. Относительно этой послѣдней, въ Высочайшемъ повелѣніи 1 іюня 1868 г. [3]) о сформированіи въ Усть-Каменногорскѣ военно-арестантскаго отдѣленія, упомянуто, чтобы, впредь до особаго распоряженія, всѣхъ тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые будутъ осуждены въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ, отправлять въ это отдѣленіе.

ТОБОЛЬСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ ВОЕННО-КАТОРЖНЫХЪ АРЕСТАНТОВЪ.

16 апрѣля 1868 г. [4]) Высочайше повелѣно было образовать въ То-

---

[1]) Тамъ-же, № 41.421.
[2]) П. С. С., т. XLII, № 44.593.
[3]) П. С. З., т. XLIII, № 45.930.
[4]) П. С. З., т. XLIII, 45.726.

больскѣ временное военно-арестантское отдѣленіе изъ состоявшихъ въ то время въ военно-исправительныхъ ротахъ каторжныхъ и всегдашнихъ арестантовъ, къ числу которыхъ были отнесены и военно-срочные, поступавшіе въ этотъ разрядъ изъ каторжныхъ. Этому отдѣленію присвоенъ былъ штатъ управленія военно-исправительныхъ ротъ въ 600 арестантовъ. Въ отношеніе содержанія этого вновь образованнаго военно-арестантскаго отдѣленія предписано было руководствоваться Положеніемъ о военно-исправительныхъ ротахъ и тѣми правилами, которыя будутъ изданы впослѣдствіи. Въ это отдѣленіе, указомъ 10 іюля 1869 года [1]), повелѣно было назначить, впредь до общаго преобразованія каторжныхъ работъ, тѣхъ арестантовъ военно-исправительныхъ ротъ, которые совершали преступленія, подвергающія ихъ ссылкѣ въ каторжную работу, исключительно лишь съ цѣлью освободиться изъ военно-исправительныхъ ротъ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЯ КАТОРЖНЫЯ ТЮРЬМЫ И КАТОРГА НА САХАЛИНѢ.

Что касается «будущей организаціи каторжныхъ работъ», то Комитетъ, спеціально разрабатывавшій этотъ вопросъ, составилъ проектъ временнаго распредѣленія каторжныхъ, утвержденный затѣмъ Императоромъ 18 апрѣля 1869 г. [2]).

По этому проекту, между прочимъ, генералъ-губернатору Восточной Сибири предоставлено было немедленно приступить къ высылкѣ на Сахалинъ до 800 человѣкъ ссыльно-каторжныхъ, для употребленія ихъ тамъ въ соотвѣтствующія работы, для чего создать тамъ временное надъ ними управленіе. Присуждаемыхъ къ каторжнымъ работамъ преступниковъ, содержащихся въ тюрьмахъ Сибири и Зауральской части Пермской и Оренбургской губерній, повелѣно было направлять, попрежнему, въ Восточную Сибирь, для обращенія на каторжную работу; женщинъ, присуждаемыхъ въ каторжныя работы, высылать изъ всѣхъ мѣстностей Имперіи въ Восточную Сибирь на прежнемъ основаніи; тѣмъ же порядкомъ высылать въ Восточную Сибирь изъ всѣхъ мѣстностей Имперіи преступниковъ (мужчинъ) каторжнаго разряда, за которыми слѣдуютъ ихъ семейства. Всѣхъ же прочихъ преступниковъ (мужчинъ), присуждаемыхъ въ каторжную работу, размѣщать въ существующихъ тюрьмахъ, обративъ для этой цѣли немедленно Новоборисоглѣбскую и Новобѣлгородскую тюрьмы въ Харьковской губерніи и одну изъ арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства.

Такимъ образомъ, въ 1869 году возникли у насъ центральныя каторжныя тюрьмы и положено было начало каторгѣ на о. Сахалинѣ. Завѣдываніе каторжными тюрьмами было возложено на непосред-

---

[1]) П. С. З., т. XLIV, № 47.297, т. XLV, № 48.353.
[2]) П. С. З., т. XLIV, № 46.984.

ственную отвѣтственность мѣстныхъ губернаторовъ. Въ порядкѣ суда и тюремной дисциплины, распредѣленные въ Европейской Россіи каторжные подлежали вполнѣ дѣйствію Устава о ссыльныхъ; время же пребыванія каторжныхъ въ этихъ тюрьмахъ зачитывалось въ опредѣленные для нихъ сроки пребыванія въ каторжной работѣ. 22 мая 1875 года [1]), въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, было установлено, чтобы содержащіеся въ особо учрежденныхъ въ предѣлахъ Европейской части Имперіи тюрьмахъ каторжные, перечисляемые въ разрядъ исправляющихся, были, по истеченіи опредѣленнаго Уставомъ о ссыльныхъ срока пребыванія въ этомъ разрядѣ, высылаемы въ Сибирь, гдѣ съ ними и поступали на общемъ основаніи по правиламъ о ссыльно-каторжныхъ разряда исправляющихся вообще.—Такія исключительныя мѣры были приняты въ виду, главнымъ образомъ, необходимости очистить отъ каторжныхъ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, преобразуемыя въ арестантскія отдѣленія.

СОДЕРЖАНІЕ АРЕСТАНТОВЪВЪТОБОЛЬСКОМЪ КАТОРЖНОМЪ ОТДѢЛЕНІИ.

Эти измѣненія, впрочемъ, мало касались военно-каторжныхъ, которые, какъ мы видѣли, получили своеобразное устройство: 28 апрѣля 1870 года [2]) изданы были Высочайше утвержденныя правила для содержанія арестантовъ временнаго каторжнаго отдѣленія въ г. Тобольскѣ, и въ первой же статьѣ этихъ правилъ было опредѣлено, что Тобольское каторжное отдѣленіе «назначается для содержанія въ теченіе сроковъ, опредѣленныхъ уголовными законами преступниковъ военнаго и гражданскаго вѣдомства, осужденныхъ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, и тѣхъ арестантовъ каторжнаго разряда, кои высланы туда изъ военно-исправительныхъ ротъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 16 апрѣля 1868 года, а также арестантовъ военно-исправительныхъ ротъ, кои по суду будутъ присуждены, согласно Высочайшему повелѣнію 10 іюля 1869 года».

Такимъ, образомъ Тобольское каторжное отдѣленіе комплектовалось исключительно военными арестантами и только тѣми преступниками гражданскаго вѣдомства, которые уже отбывали наказаніе въ военно-тюремныхъ учрежденіяхъ въ моментъ учрежденія Тобольскаго отдѣленія.

---

[1]) П. С. З., т. L, № 54.728.
[2]) П. С. З., т. XLV, № 48.192.

УПРАВЛЕНІЕ.

Временное каторжное отдѣленіе принадлежало къ составу мѣстныхъ военныхъ учрежденій и было подчинено начальнику мѣстныхъ войскъ въ Западной Сибири, на правахъ начальника дивизіи, и губернскому воинскому начальнику, какъ коменданту. Составъ управленія отдѣленія былъ учрежденъ, согласно временнымъ штатамъ военно-исправительной роты (на 600 чел.), порядокъ же управленія и порядокъ содержанія ротъ установленъ былъ такой же, какъ въ крѣпостномъ военно-арестантскомъ отдѣленіи, но со слѣдующими измѣненіями:

Помощники начальника, сверхъ обязанностей, опредѣленныхъ въ положеніи о крѣпостномъ военно-арестантскомъ отдѣленіи, имѣли въ своемъ вѣдѣніи каждый отъ 200 до 300 арестантовъ. Положенные при каторжномъ отдѣленіи унтеръ-офицеры исполняли различныя служебныя обязанности, завѣдывали и наблюдали за арестантами.

ПОРЯДОКЪ СОДЕРЖАНІЯ АРЕСТАНТОВЪ

Всѣ каторжные арестанты, переведенные въ отдѣленіе изъ военно-исправительныхъ ротъ, поступали, при самомъ зачисленіи ихъ въ отдѣленіе, въ разрядъ испытуемыхъ и, по пробытіи въ этомъ разрядѣ одну четвертую часть того времени, на которое они сосланы (а приговоренные къ безсрочнымъ работамъ—по пробытіи 8 лѣтъ), перечислялись, если были того достойны, въ разрядъ исправляющихся.

Бывшіе каторжные арестанты, перечисленные въ военно-срочные, по прибытіи въ каторжное отдѣленіе, зачислялись прямо въ разряды исправляющихся, если были того достойны; въ противномъ случаѣ поступали въ разрядъ испытуемыхъ, на соотвѣтствующее сроку осужденія ихъ въ каторжныя работы время.

Для заслужившихъ поощренія арестантовъ сроки испытанія могли быть сокращены, но не болѣе какъ на половину. Арестанты, состоявшіе въ разрядѣ испытуемыхъ, содержались въ ручныхъ и ножныхъ оковахъ, а состоящіе въ разрядѣ исправляющихся—въ однѣхъ ножныхъ.

Бывшіе каторжные арестанты, освобождаемые, съ перечисленіемъ ихъ въ военно-срочные, отъ оковъ, по доставленіи изъ военно-исправительныхъ ротъ въ каторжное отдѣленіе содержались безъ оковъ.

Арестантамъ разряда исправляющихся десять съ половиною мѣсяцевъ пребыванія въ этомъ разрядѣ считались за годъ дѣйствительныхъ работъ и соразмѣрно этому сокращался общій срокъ заключенія.

Арестантамъ брили полголовы съ лѣвой стороны отъ затылка до лба. Бывшіе военно-срочные арестанты, зачисленные въ разрядъ исправляющихся, освобождались отъ бритья головы. На одеждѣ арестантовъ имѣлись знаки, по различію разрядовъ, а именно: 1) на одеждѣ разряда испытуемыхъ—на фуражкѣ и зимней одеждѣ (куртки и брюкахъ), правая половина изъ сѣраго, а лѣвая изъ чернаго сукна, на лѣтней же куртки—по серединѣ спины вшитые два круглыхъ лоскута изъ черной крашенины, величиною въ діаметрѣ 2 вершка, 2) на одеждѣ каторжныхъ разряда исправляющихся, на фуражкѣ сѣраго сукна, вшитые крестообразно два продольные лоскута изъ чернаго сукна; на зимней куртки сѣраго сукна—рукава изъ чернаго сукна, и по серединѣ спины вшитый одинъ круглый лоскутъ изъ чернаго же сукна, величиною въ діаметрѣ 2 вершка, а на лѣтней куртки—бѣлаго равендука по серединѣ спины такой же круглый лоскутъ черной крашенины.

Съ 1871 г. арестантамъ военно-каторжнаго отдѣленія стали отпускать подкладочный холстъ на исподніе брюки, а также суконныя шаровары [1]).

---

[1]) П. С. З., т. XLVI, № 49.325.

Арестанты работали ежедневно, за исключеніемъ трехъ дней говѣнья и 1) принадлежащіе къ разряду испытуемыхъ: первыхъ двухъ дней Рождества, 1 января, первыхъ двухъ дней Пасхи и дней рожденія, тезоименитства и коронованія Ихъ Величествъ; 2) состоящіе же въ разрядѣ исправляющихся, сверхъ того, еще дня рожденія Государя Наслѣдника Цесаревича. Наконецъ, бывшіе военно-срочные арестанты, состоящіе въ разрядѣ исправляющихся, кромѣ этихъ дней, освобождались отъ работъ: въ воскресные дни, въ послѣдніе два дня Страстной недѣли, въ третій день Пасхи и въ праздники: Богоявленія, Вознесенія и Благовѣщенія.

За неимѣніемъ производительныхъ работъ, каторжные разряды испытуемыхъ могли быть занимаемы и непроизводительными работами, напримѣръ: переноскою съ одного мѣста на другое и складываніемъ въ ряды и кучи ядеръ, пересыпкою песка, переноскою съ одного мѣста на другое дровъ, кирпича, камней и т. п.

Въ праздничные дни, въ которые каторжные освобождались отъ работъ, имъ дозволялись свиданія съ родственниками.

Всѣ эти правила были распространены также и на тѣхъ арестантовъ каторжнаго разряда, которые, по особому распоряженію, ссылались въ крѣпостное военно-арестантское отдѣленіе въ Усть-Каменногорскѣ, при чемъ эти арестанты каторжнаго разряда должны были тамъ содержаться отдѣльно.

НАКАЗАНІЯ АРЕСТАНТОВЪ ТОБОЛЬСКАГО КАТОРЖНАГО И КРѢПОСТНАГО ВОЕННО-АРЕСТАНТСКАГО ОТДѢЛЕНІЙ.

29 мая 1872 года [1]) Командующему войсками Западно-Сибирскаго военнаго округа предоставлено было, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, по обстоятельствамъ дѣла, признаетъ нужнымъ, предавать собственной властью арестантовъ Тобольскаго каторжнаго и крѣпостнаго военно-арестантскаго отдѣленій военному суду, съ примѣненіемъ наказаній, установленныхъ для военнаго времени, и окончательно утверждать такіе приговоры. Во всѣхъ же тѣхъ случаяхъ, когда арестанты крѣпостнаго и каторжнаго отдѣленій оказывались виновными въ преступленіяхъ, влекущихъ по общимъ законамъ наказаніе лишеніемъ свободы, начиная съ тюремнаго заключенія до каторги, они подвергались особымъ наказаніямъ, въ законѣ для нихъ указаннымъ.

Такимъ образомъ, ко времени введенія у насъ общеобязательной воинской повинности, каторжныя работы для военно-служащихъ получили совершенно особую организацію, но, однако, лишь въ видѣ временной мѣры.

---

[1]) П. С. З., т. XLVII, № 50.902.

ГЛАВА XXI.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНВОЙНЫХЪ И ПЕРЕСЫЛКА АРЕСТАНТОВЪ ПО ЖЕЛѢЗНЫМЪ ДОРОГАМЪ.

Ъ царствованіе Александра II, благодаря, главнымъ образомъ, энергическимъ трудамъ Милютина и графа Гейдена, начинается правильная пересылка арестантовъ по желѣзнымъ дорогамъ и прежній пѣше-этапный путь сталъ постепенно, съ развитіемъ желѣзнодорожной сѣти, отходить въ область преданія. Нѣкоторые этапные тракты къ этому времени упразднялись уже потому, что всѣ зданія на нихъ отъ ветхости пришли въ полную негодность. Вопросъ о новомъ способѣ пересылки арестантовъ уже назрѣлъ [1]).

Начало было сдѣлано съ Николаевской дороги: 3 марта 1858 года были упразднены существовавшія между С.-Петербургомъ и Москвою 15 конно-этапныхъ командъ [2]); люди и лошади были распредѣлены по частямъ корпуса внутренней стражи, по распоряженію его командира—ген.-лейт. фонъ-деръ-Лауница; для отправленія-же арестантовъ по Николаевской жел. дорогѣ сформировано было при С.-Петербургской инвалидной командѣ особое конвойное отдѣленіе, подъ начальствомъ оберъ-офицера, а въ Ямѣ-Чудовѣ — пѣшая этапная команда; люди въ эту вновь сформированную часть были назначены генераломъ фонъ-деръ-Лауницъ изъ частей внутренней стражи.

---

[1]) П. С. З., т. XXXIII, № 33.181.
[2]) П. С. З., т. XXXIII, № 32.821.

ПЕРЕВОЗКА АРЕСТАНТОВЪ ПО НИКОЛАЕВСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.

27 марта того-же года [1]) было Высочайше утверждено «Положеніе о перевозкѣ арестантовъ по Николаевской желѣзной дорогѣ» [2]).

Для отправленія арестантовъ устроены были особые четыре вагона. Арестантскіе вагоны ставились въ хвостѣ поѣзда и арестанты въ вагонахъ содержались «въ желѣзныхъ укрѣпленіяхъ». Конвойное отдѣленіе обязано было сопровождать арестантовъ въ поѣздѣ въ полномъ составѣ, съ офицеромъ во главѣ. Нижніе чины «не въ родѣ арестантовъ» перевозились въ вагонахъ III класса обыкновенныхъ пассажирскихъ поѣздовъ [3]).

8 января 1859 послѣдовало [4]) разъясненіе о порядкѣ отправленія арестантовъ по Николаевской желѣзн. дорогѣ изъ попутныхъ городовъ.

ПРЕОБРАЗОВАНІЕ ЭТАПНЫХЪ КОМАНДЪ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ принимались мѣры къ улучшенію порядка препровожденія арестантовъ по главнѣйшимъ этапнымъ трактамъ, гдѣ еще не было желѣзнодорожнаго сообщенія. Въ царствѣ Польскомъ, напр., гдѣ этапную службу несли казаки, 24 марта 1860 года [5]), по иниціативѣ Главнокомандующаго 1 арміею, введены были этапныя команды, сформированныя изъ инвалидныхъ командъ внутренней стражи, которыя и были подчинены Окружному Генералу 10 Округа Внутренней Стражи; 16 мая того-же года учреждено было этапное сообщеніе на Кавказѣ и сформированы были тамъ этапныя команды [6]).

Въ 1862 году [7]) были произведены нѣкоторыя преобразованія пѣше-этапныхъ командъ первыхъ 9-ти округовъ внутренней стражи, сводившіяся, въ общемъ, къ упраздненію однѣхъ изъ нихъ и учрежденію другихъ, а вслѣдъ затѣмъ (2 сентября) [8]) всѣ 159 конно-этапныхъ командъ этихъ-же округовъ были обращены въ пѣшія съ переименованіемъ ихъ просто въ этапныя команды, по мѣсту этаповъ.

Затѣмъ начинается постепенный рядъ переформированій этапныхъ командъ въ конвойныя отдѣленія, въ зависимости отъ замѣны пѣше-этапнаго порядка препровожденія арестантовъ перевозкою ихъ по желѣзнымъ дорогамъ. Раньше всего, а именно 8 октября 1862 г. [9]), установлена была перевозка арестантовъ между Петербургомъ и Кронштадтомъ по Петергофской желѣзной дорогѣ и, въ навигаціонное время, на пароходахъ, «впредь до изданія новаго Положенія о всѣхъ вообще видахъ пересылки арестантовъ по Имперіи», какъ сказано въ Высочайшемъ указѣ. Такимъ образомъ, правительство не только уже сознало необходимость реформированія у насъ порядка препровожденія арестантовъ, но сочло даже нужнымъ о томъ обнародовать.

---

[1]) Тамъ же, № 32.923.

[2]) Порядокъ перевозки арестантовъ привилегированнаго сословія по Николаев. ж. д. см. № 33.573.

[3]) 10 апрѣля 1858 года послѣдовало измѣненіе формы обмундированія нижнимъ чинамъ этапныхъ командъ. П. С. З., т. XXXIII, № 32.975.

[4]) П. С. З., т. XXXIV, №№ 34.029, 34.031.

[5]) П. С. З., т. XXXV, № 35.597.

[6]) Тамъ же, № 35.796.

[7]) П. С. З., т. XXVII, № 38.303.

[8]) П. С. З., т. XXXVII, № 38.628.

[9]) П. С. З., т. XXXVIII, № 38.773.

Черезъ недѣлю, 8 октября [1]), издано было Положеніе о перевозкѣ арестантовъ по С.-Петербургско-Варшавской жел. дорогѣ, а вслѣдъ затѣмъ, 18 октября — по Рижско-Динабургской [2]) и Московско-Нижегородской [3]) желѣзнымъ дорогамъ и 1 декабря [4])— по желѣзнымъ дорогамъ, находящимся въ связи съ Николаевскою; по направленію всѣхъ этихъ дорогъ были сформированы конвойныя отдѣленія. Препровожденіе арестантовъ по промежуточнымъ пѣше-этапнымъ трактамъ въ этомъ районѣ возложено было на обязанность мѣстныхъ командъ внутренней стражи, которыя и были для этой цѣли усилены въ штатномъ составѣ.

Въ 1864 году перевозка арестантовъ по С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дорогѣ окончательно была установлена отъ Вильно до Варшавы [5]), а также по Московско-Ярославской и по Московско-Рязанской желѣзнымъ дорогамъ [6]). Нижніе чины всѣхъ сформированныхъ конвойныхъ отдѣленій съ 16 января 1865 г., взамѣнъ ружей, получили револьверы системы Кольта и драгунскія шашки [7]).

ПЕРЕВОЗКА НА ПОДВОДАХЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ ИЗЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХЪ КЛАССОВЪ.

Въ то же время по ходатайству генералъ-губернатора Западной Сибири, объ устраненіи неудобствъ существовавшаго порядка препровожденія политическихъ преступниковъ отъ Тобольска далѣе въ Сибирь, вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ томъ смыслѣ, чтобы допустить, въ видѣ временной мѣры, впредь до измѣненія пересыльной системы, перевозку на подводахъ всѣхъ преступниковъ изъ привилегированныхъ классовъ, ссылаемыхъ въ Сибирь, по политическимъ причинамъ и за общія преступленія, какъ въ предѣлахъ Имперіи, гдѣ нѣтъ желѣзнаго пути, такъ и въ Сибири, до самыхъ мѣстъ ихъ ссылки; вмѣстѣ съ тѣмъ преступникамъ той-же категоріи разрѣшено было отправляться въ мѣста, назначенныя для ихъ ссылки, на почтовыхъ лошадяхъ, если они того пожелаютъ и будутъ имѣть къ тому достаточныя «собственныя денежныя средства», съ соблюденіемъ при этомъ порядка, установленнаго 10 января 1854 г. для препровожденія политическихъ преступниковъ.

ПЕРЕВОЗКА ВОДСЮ.

Предстоявшія измѣненія въ общей системѣ пересылки арестантовъ разрабатывались въ особомъ Высочайше учрежденномъ для этой цѣли Комитетѣ. Кромѣ составленія Положеній о перевозкѣ арестантовъ по желѣзнымъ дорогамъ, этотъ Комитетъ выработалъ также Положенія о перевозкѣ арестантовъ въ навигаціонное время на пароходахъ. Военный министръ ген.-ад. Милютинъ, озабоченный скорѣйшимъ осуществленіемъ новой системы пересылки арестантовъ и конвойной службы, внесъ въ Комитетъ министровъ представленіе о томъ,

---

[1]) П. С. З., т. XXXVII, № 38.802.
[2]) П. С. З., т. XXXVII, № 38.803.
[3]) Тамъ же, № 38.804.
[4]) Тамъ же, № 38.983.
[5]) П. С. З., т. XXXIX, № 40.467.
[6]) П. С. З., т. XXXIX, №№ 41.322, 41.333.
[7]) П. С. З., XL, № 41.694.

чтобы съ 1864 года допустить уже перевозку арестантовъ, слѣдующихъ въ Сибирь, на пароходахъ между Нижнимъ-Новгородомъ и Пермью (по Волгѣ и Камѣ), по проекту, составленному названнымъ Комитетомъ для устройства новой системы пересылки арестантовъ. Этотъ проектъ былъ Высочайше утвержденъ 5 марта 1864 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этимъ Комитетомъ была выработана 15 апрѣля особая инструкція, по которой должна была совершаться перевозка арестантовъ водою [1]). Эта инструкція была представлена ген.-ад. Милютинымъ и обнародована 15 іюня 1864 г. [2]).

ПЕРЕВОЗКА АРЕСТАНТОВЪ ВОДОЮ ПО ВОЛГѢ И КАМѢ.

Такимъ образомъ, пѣше-этапный порядокъ препровожденія арестантовъ между Нижнимъ-Новгородомъ и Пермью, а также между попутными прибрежными городами по рѣкамъ Волгѣ и Камѣ: Васильемъ, Козьмодемьянскомъ, Чебоксарами, Казанью, Чистополемъ, Елабугою, Сарапуломъ, Осою и Оханскомъ, замѣнялось въ навигаціонное время перевозкою на пароходахъ и буксируемыхъ ими баржахъ. Распоряженіемъ штаба отдѣльнаго корпуса внутренней стражи былъ для этого зафрахтованъ пароходъ съ баржею, вмѣстимостью на 600 человѣкъ.

По прекращеніи навигаціи всѣ арестанты препровождались установленнымъ порядкомъ сухопутно, для чего находившіяся по тракту отъ Нижняго-Новгорода до Перми этапныя команды, а также этапныя и ночлежныя помѣщенія, были оставлены на прежнихъ основаніяхъ.

Для первоначальнаго открытія и устройства перевозки арестантовъ было командировано въ Нижній-Новгородъ, Казань и Пермь особое, довѣренное отъ Военнаго Министерства, лицо, которое и входило во всѣ подробности операціи, устраняя на мѣстѣ лично всѣ встрѣтившіяся затрудненія.

ПЕРЕВОЗКА АРЕСТАНТОВЪ ВОДОЮ МЕЖДУ ТЮМЕНЬЮ И ТОМСКОМЪ.

Ровно черезъ годъ, а именно 5 марта 1865 года [3]), былъ отмѣненъ пѣше-этапный порядокъ препровожденія арестантовъ между Тюменью, Тобольскомъ и Томскомъ и установлена была перевозка арестантовъ въ навигаціонное время на пароходахъ и буксируемыхъ ими баржахъ по рѣкамъ: Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи. Для этой

---

[1]) П. С. З., т. XXXIX, № 40.657 и приказъ Военнаго Министра отъ 13 марта 1864 г.

[2]) Тамъ же, № 41.064.

[3]) С. П. З., т. XL, № 41.873.

цѣли были зафрахтованы пять пароходовъ, каждый съ приспособленной для того баржею. По прекращеніи навигаціи всѣ арестанты пересылались сухопутно.

Отправленіе арестантовъ производилось изъ Тюмени два раза въ недѣлю, а изъ Тобольска въ Томскъ одинъ разъ въ двѣ недѣли. На рейсъ отъ Тобольска до Томска полагалось 33 дня.

Для препровожденія арестантовъ, во время сплава, формировались особыя команды изъ людей конвойныхъ командъ, находящихся на главномъ ссыльномъ трактѣ между Тюменью и Томскомъ.

Устройство и первоначальное открытіе перевозки арестантовъ на пароходахъ и вообще наблюденіе за сплавомъ было возложено на инспектора по пересылкѣ арестантовъ, назначеннаго для надзора за конною перевозкою.

СУХОПУТНАЯ ПЕРЕВОЗКА.

Эта конная перевозка была установлена 6 декабря 1864 года [1]), т.-е. были изданы «временныя правила о сухопутной перевозкѣ арестантовъ по главному пересыльному тракту отъ Нижняго-Новгорода до Тюмени». Согласно этимъ правиламъ, пѣше-этапный порядокъ слѣдованія арестантовъ между Нижнимъ-Новгородомъ и Тюменью былъ замѣненъ перевозкою на перемѣнныхъ лошадяхъ, за исключеніемъ навигаціоннаго времени, въ которое арестанты отъ Нижняго-Новгорода до Перми перевозились водою.

Правила эти введены были временно, «дабы по указаніямъ опыта опредѣлить въ подробности всѣ тѣ условія новой пересыльной системы, которыя должны быть приняты за основаніе при окончательномъ устройствѣ этой системы».

ПОРЯДОКЪ ПЕРЕВОЗКИ АРЕСТАНТОВЪ.

Перевозка, по этимъ правиламъ, должна была производиться на простыхъ повозкахъ или телѣгахъ, а зимою въ саняхъ, употребляемыхъ на этомъ трактѣ для возки почты и пассажировъ.

31 декабря 1866 года [2]) было установлено, что одному ссыльному болѣе 30 фунтовъ вещей какъ при себѣ, такъ равно и на подводахъ, имѣть не дозволяется.

Арестантскій поѣздъ отправлялся съ каждой станціи ежедневно, одинъ разъ, останавливаясь въ пути на одинъ день въ Казани и на одинъ—въ Перми.

КОНВОЙНЫЯ КОМАНДЫ.

На ночлежныхъ и промежуточныхъ пунктахъ учреждены были конвойныя команды, при чемъ состоявшія на ночлежномъ пунктѣ и на

---

[1]) П. С. З., т. XXXIX, № 41.329.
[2]) П. С. З., т. XLI, № 44.077.

промежуточныхъ станціяхъ по тракту въ Сибирь составляли одну общую команду, подъ вѣдѣніемъ этапнаго офицера. Конвойными же командами въ губернскомъ городѣ, на послѣдующихъ станціяхъ до ночлега, завѣдывалъ офицеръ, по избранію губернскаго военнаго начальника. Непосредственное начальство надъ командами поручалось на ночлежномъ пунктѣ въ городѣ начальнику уѣздной команды и въ селеніи—этапному офицеру, а на промежуточной станціи—старшему унтеръ-офицеру, выбираемому всегда изъ грамотныхъ и вполнѣ благонадежныхъ.

Конвоированіе арестантовъ, во время переѣздовъ на пароходахъ между Нижнимъ-Новгородомъ и Пермью, было возложено на обязанность особыхъ командъ, которыя должны формироваться каждый разъ предъ открытіемъ навигаціи изъ конвойныхъ командъ, расположенныхъ на сухопутномъ трактѣ отъ Нижняго-Новгорода до Перми.

Всѣ конвойныя команды оставались на прежнемъ основаніи въ вѣдѣніи военнаго вѣдомства, съ подчиненіемъ ихъ губернскимъ и уѣзднымъ военнымъ начальникамъ.

Съ упраздненіемъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи и учрежденіемъ должностей губернскихъ и уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ, эти конвойныя команды были 5 марта 1865 г. усилены въ численномъ составѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ; начальники конвойныхъ командъ были непосредственно подчинены губернскимъ воинскимъ начальникамъ; въ отношеніи нижнихъ чиновъ дисциплинарная власть губернскаго воинскаго начальника была предоставлена и инспектору по пересылкѣ арестантовъ; нижніе чины отъ ночлежнаго этапа до другого составляли одну конвойную команду, находившуюся непосредственно въ вѣдѣніи офицера—начальника команды; на промежуточныхъ станціяхъ надзоръ поручался старшимъ унтеръ-офицерамъ [1]).

ИНСПЕКТОРЪ ПО ПЕРЕСЫЛКѢ АРЕСТАНТОВЪ.

Для наблюденія за устройствомъ пересылки арестантовъ на новыхъ началахъ и для правильнаго приведенія новой системы пересылки учреждена была особая должность инспектора по пересылкѣ арестантовъ въ Сибирь, который и являлся полнымъ и отвѣтственнымъ распорядителемъ всей операціи. Отчетъ по ходѣ операціи онъ каждую треть года представлялъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, которому и было предоставлено болѣе подробно опредѣлить права и обязанности инспектора. Эти временныя правила введены были въ дѣйствіе съ 1 іюня1865 года [2]).

ЭТАПНЫЯ КОМАНДЫ.

Съ упраздненіемъ 6 августа 1864 года [3]) корпуса внутренней стражи и сформированіемъ вновь учрежденныхъ мѣстныхъ войскъ, отошли въ область преданія и прежнія инвалидныя этапныя команды.

Высочайшимъ повелѣніемъ 17 декабря 1864 года [4]) на этапныя команды было распространено Положеніе 6 августа о губернскихъ

---

[1]) П. С. З., т. XL, № 41.874.
[2]) П. С. З., т. XL, № 41.982.
[3]) П. С. З., т. XXXIX, № 41.166.
[4]) Тамъ же, № 41.593.

баталіонахъ и уѣздныхъ командахъ, а также и управленіе ими. Начальникамъ этапныхъ командъ были присвоены тѣ же права и власть, какими пользовались начальники уѣздныхъ командъ. На тѣхъ-же основаніяхъ съ тѣхъ поръ производилось комплектованіе этапныхъ командъ.

Реформированнымъ такимъ образомъ этапнымъ и конвойнымъ командамъ, а также конвойнымъ отдѣленіямъ въ 1865 году была дана новая однообразная форма [1]).

СУХОПУТНАЯ ПЕРЕВОЗКА АРЕСТАНТОВЪ ПО ГЛАВНОМУ ТРАКТУ ОТЪ ТЮМЕНИ ДО АЧИНСКА.

Высочайше учрежденный Комитетъ по пересыльной системѣ въ журналахъ своихъ засѣданій высказался объ измѣненіи дѣйствовавшаго способа пересылки арестантовъ по Западной Сибири и по всей Европейской Россіи. Эти журналы подверглись обсужденію въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, которое и вошло съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ о замѣнѣ пѣшаго препровожденія арестантовъ на главномъ этапномъ трактѣ въ Западной Сибири, перевозкою ихъ на лошадяхъ и водою на пароходахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ полагало «поручить главному начальству Восточной Сибири, по утвержденіи составленныхъ правилъ о перевозкѣ арестантовъ по Западной Сибири, войти въ соображеніе о примѣненіи этихъ правилъ къ перевозкѣ арестантовъ по главному ссыльному пути въ Восточной Сибири, съ тѣми измѣненіями и дополненіями, какія окажутся необходимыми по мѣстнымъ условіямъ, и оставленныя по сему предмету предположенія, а также проектъ самыхъ правилъ представить на утвержденіе, въ установленномъ порядкѣ».

Представленныя тѣмъ-же Министерствомъ правила о перевозкѣ арестантовъ на лошадяхъ и водою въ Западной Сибири, исправленныя, согласно замѣчаніямъ ген.-ад. Милютина, были затѣмъ 5 марта 1865 г. [2]) Высочайше утверждены, въ видѣ временныхъ правилъ, которыя подлежали потомъ исправленію по указаніямъ опыта.

СУХОПУТНАЯ ПЕРЕВОЗКА ВЪ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

Мы уже разсмотрѣли временныя правила о перевозкѣ арестантовъ по этому тракту въ навигаціонное время водою; что-же касается сухопутной перевозки арестантовъ [3]), то по этимъ правиламъ пѣшеэтапный порядокъ слѣдованія арестантовъ между городами Тюменью, Тобольской губерніи, и Ачинскомъ, Енисейской губерніи, былъ замѣненъ перевозкою на перемѣнныхъ лошадяхъ, за исключеніемъ навигаціоннаго времени, когда, какъ было нами указано, арестанты перевозились водою по рѣкамъ: Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи.

Правила эти вполнѣ тождественны въ главныхъ своихъ основаніяхъ съ правилами о перевозкѣ арестантовъ на перемѣнныхъ лошадяхъ между Нижнимъ-Новгородомъ и Тюменью.

Арестантскій поѣздъ отправлялся съ каждой станціи ежедневно, одинъ разъ. Для отдыха давалось по одному дню въ Тюмени, Тобольскѣ, Тирѣ, Каинскѣ и Томскѣ. Арестантокъ, препровождаемыхъ безъ мужей, дозволялось отправлять и отдѣльными партіями, если число ихъ будетъ достаточное.

---

[1]) П. С. З., т. XL, №№ 42.063 и 42.565.
[2]) П. С. З., т. XL, № 41.872.
[3]) Тамъ же.

Кстати отмѣтимъ, что 21 марта 1865 г. ст. 172 Устава о содержащихся подъ стражею была редактирована такъ: «кандалы суть ручные и ножные. Тѣ и другіе могутъ быть налагаемы только на лицъ мужескаго пола» [1]).

Арестанты каторжнаго разряда отправлялись, начиная съ Тюмени, два раза въ недѣлю, полагая между отправленіемъ ихъ по два или по три дня.

Нижніе чины, состоявшіе на ночлежномъ этапѣ и на промежуточныхъ станціяхъ до слѣдующаго ночлега (по направленію отъ Тюмени къ Ачинску), составляли одну конвойную команду, которой присваивалось наименованіе по мѣсту расположенія ночлега, находились въ непосредственномъ вѣдѣніи и подчиненіи полагаемаго на ночлегѣ офицера—начальника команды.

Конвойныя команды были оставлены, на прежнемъ основаніи, въ военномъ вѣдомствѣ и комплектовались командирами линейныхъ баталіоновъ изъ людей здоровыхъ и вполнѣ благонадежныхъ. Штатный ихъ составъ опредѣлялся установленными 16 іюля 1867 г. измѣненіями [2]).

Для наблюденія за устройствомъ пересылки арестантовъ и для правильнаго приведенія ея въ исполненіе, назначенъ былъ особый инспекторъ по пересылкѣ арестантовъ въ Западной Сибири, состоявшій подъ вѣдѣніемъ главнаго начальника края.

Инспекторъ по пересылкѣ арестантовъ являлся полнымъ распорядителемъ операціи и, въ отношеніи служебнаго употребленія, ему подчинялись всѣ конвойныя команды, какъ учрежденныя для сухопутной перевозки арестантовъ, такъ и формировавшіяся во время навигаціи для конвоированія на пароходахъ. Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, кромѣ служебнаго употребленія, конвойныя команды, съ учрежденіемъ въ 1865 году губернскихъ воинскихъ начальниковъ, состояли въ вѣдѣніи этихъ послѣднихъ, которымъ инспекторъ лишь сообщалъ о замѣченныхъ упущеніяхъ. Въ случаяхъ-же, требующихъ неотлагательнаго прекращенія или предупрежденія упущеній и безпорядковъ, инспектору предоставлена была дисциплинарная власть губернскаго воинскаго начальника.

ОТМѢНА ЗИМНЕЙ ПЕРЕВОЗКИ АРЕСТАНТОВЪ.

Установленная такимъ образомъ сухопутная пересыльная система по главнымъ ссыльнымъ трактамъ: Нижегородско-Тюменскому и Тюменско-Ачинскому, подверглась вскорѣ новому измѣненію, а именно: въ октябрѣ 1867 года, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ внесъ въ Комитетъ Министровъ представленіе объ установленіи, въ видѣ временной мѣры, отмѣны зимней перевозки арестантовъ по упомянутымъ трактамъ, оставивъ только перевозку по рѣкамъ Волгѣ и Камѣ съ 1 мая по 1 октября,—а по рѣкамъ Западной Сибири—съ 1 мая по 10 сентября; во все-же остальное время движеніе арестантовъ по этому направленію вовсе прекратить, исключая трактовъ между Пермью и Тюменью и Томскомъ и Ачинскомъ, гдѣ ссыльные отправлялись и послѣ закрытія навигаціи по названнымъ рѣкамъ, впредь до окончанія перевозки всѣхъ арестантовъ, прибывшихъ на пароходахъ въ города

---

[1]) Тамъ же, № 41.938.
[2]) П. С. З., т. XLII, № 44.861.

Пермь и Томскъ. Также прекратить на то же время высылку съ мѣсть осужденія арестантовъ, подлежащихъ ссылкѣ въ Сибирь, какъ по судебнымъ, такъ и общественнымъ приговорамъ, распространивъ мѣру эту на губерніи, лежащія на ссыльномъ трактѣ, изъ которыхъ арестанты будутъ находиться въ пути не болѣе 30 дней, до главныхъ сборныхъ пунктовъ: Курска, Москвы и Нижняго-Новгорода. Изъ остальныхъ губерній партіи съ мѣстъ должны быть отправляемы на эти пункты въ теченіе всего года, безъ задержанія. Въ особыхъ росписаніяхъ было указано: изъ какихъ губерній отсылать арестантовъ на сборные пункты, и въ какихъ—задерживать на зиму.

Все это касалось исключительно ссыльныхъ арестантовъ, пересыльные-же препровождались, безъ замедленія, по прежней системѣ.

Въ соотвѣтствіи съ этой вновь проектированной системой, должно было сформировать особыя конвойныя команды, для сопровожденія арестантовъ при перевозкѣ въ навигаціонное время отъ Нижняго-Новгорода до Перми и отъ Тюмени до Томска, и усилить конвойныя команды между Пермью и Тюменью и Томскомъ и Ачинскомъ, и тѣ уѣздныя команды, которыя находятся между Нижнимъ-Новгородомъ и Пермью и между Тюменью и Томскомъ; существующія-же конвойныя команды на этихъ пространствахъ—упразднить.

Для постройки или пріобрѣтенія въ Курскѣ, Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и др. мѣстахъ зданій для размѣщенія задерживаемыхъ арестантовъ, исчисленъ былъ единовременный расходъ въ 300.000 руб., а на ежегодный—на содержаніе этихъ пересыльныхъ тюремъ и на др. расходы по операціи—105.000 руб.; такъ какъ, по предположенію, съ введеніемъ этой новой системы, должны были получиться значительныя сбереженія, вслѣдствіе отмѣны зимней пересылки арестантовъ на подводахъ, то Комитетъ Министровъ не только одобрилъ проектъ, но и поручилъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ «дальнѣйшее развитіе этого дѣла». Проектъ былъ Высочайше утвержденъ 1 декабря 1867 года [1]).

Тогда-же образовано было временное управленіе центральными пересыльными тюрьмами въ гг. Орлѣ, Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Перми, Тюмени и Томскѣ [2]).

ОТМѢНА ПЕРЕВОЗКИ НА ПОДВОДАХЪ.

Съ введеніемъ этого проекта признано было необходимымъ замѣнить существовавшую между Томскомъ и Ачинскомъ перевозку арестантовъ на подводахъ прежнимъ пѣше-этапнымъ «маятнымъ» порядкомъ, вслѣдствіе чего 31 мая 1868 года [3]) послѣдовало повелѣніе сформировать особыя этапныя команды и усилить таковыя на пути отъ Ачинска до Иркутска и упразднить на Томско-Ачинскомъ трактѣ существовавшія конвойныя команды.

Порядокъ передвиженія арестантовъ, такимъ образомъ, установленъ былъ слѣдующій: ссыльные, прибывавшіе въ Томскъ въ судоходное время, отправлялись въ Ачинскъ и далѣе въ Восточную Сибирь, въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, начиная съ прибытія въ Томскъ первой партіи ссыльныхъ по день прекращенія судоходства, еженедѣльно численностью

---

[1]) П. С. З., т. XLII, № 45.228.
[2]) П. С. З., т. XLIII, № 46.375.
[3]) П. С. З., т. XLIII, № 45.927.

до 300 человѣкъ, что составитъ въ теченіе 4-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (17 недѣль) до 5.100 человѣкъ.

Такъ какъ годовое число арестантовъ, доставляемыхъ изъ Тюмени пароходами во время судоходства и проходящихъ черезъ Тюмень, въ среднемъ за прошлые годы, опредѣлилось въ 7.500 человѣкъ, то слѣдовательно должно ежегодно оставаться до 2.400 человѣкъ арестантовъ, которыхъ, по закрытіи судоходства, нужно было отправить изъ Тюмени. Поэтому, съ окончаніемъ судоходства, предполагалось отправлять изъ Томска въ Ачинскъ арестантскія партіи въ половинномъ размѣрѣ, т.-е. по 150 человѣкъ еженедѣльно. Пересыльные-же арестанты препровождались установленнымъ порядкомъ непрерывно въ теченіе всего года. Зимою предполагалось отправлять арестантовъ въ меньшей численности, чѣмъ лѣтомъ, по той причинѣ, что въ зимнее время не представлялось возможности размѣщать въ этапныхъ зданіяхъ 300 арестантовъ, между тѣмъ какъ лѣтомъ, въ случаѣ нужды, тѣ изъ ссыльныхъ арестантовъ, которые не требуютъ строгаго надзора, напримѣръ, семейства ссыльныхъ, могли быть помѣщаемы и въ холодныхъ строеніяхъ при этапахъ.

Разумѣется, отмѣна зимняго движенія въ Сибирь арестантскихъ партій съ тѣмъ, чтобы предназначенные къ высылкѣ люди оставались до весны въ мѣстахъ, гдѣ осуждены, и въ болѣе центральныхъ пунктахъ по главному ссыльному тракту, а съ открытіемъ навигаціи отправлялись въ дальнѣйшій путь сплавомъ по Волгѣ и Камѣ и рѣкамъ Западной Сибири,—представлялся самымъ дешевымъ способомъ передвиженія; по этому соображенію 13 іюля 1868 года [1]) послѣдовало упраздненіе и переформированіе конвойныхъ командъ главнаго ссыльнаго тракта отъ Нижняго-Новгорода до Ачинска.

Приведеніе въ исполненіе этой мѣры возложено было на командующихъ войсками подлежащихъ военныхъ округовъ. Оставшихся за штатомъ офицеровъ «обратили на службу» въ Тобольское временное и Усть-Каменногорское крѣпостное военно-арестантскія отдѣленія, или въ губернскіе баталіоны.

Въ связи съ измѣненіями порядка пересылки арестантовъ по главному сибирскому тракту, составлены были новые маршруты и для препровожденія арестантовъ отъ Томска и отъ Тары до Каинска и обратно [2]), а также указанъ былъ порядокъ препровожденія арестантовъ въ областяхъ Акмолинской и Семипалатинской [3]).

ПЕРЕВОЗКА МЕЖДУ ПРИКАСПІЙСКИМИ И МЕЖДУ ЧЕРНОМОРСКИМИ ПОРТАМИ.

Въ 1866 году новая система препровожденія арестантовъ получаетъ дальнѣйшее распространеніе: указомъ 22 декабря [4]) сухопутное отправленіе нижнихъ чиновъ и арестантовъ между Астраханью и Прикаспійскими портами — Петровскомъ, Дербентомъ, Баку и Ленкоранью въ навигаціонное время было замѣнено перевозкою на транспортныхъ судахъ и почтово-пассажирскихъ пароходахъ Общества «Кавказъ и Меркурій»,—а 23 іюня 1867 года [5]) послѣдовала замѣна сухопутнаго отправленія нижнихъ чиновъ, арестантовъ и ихъ се-

---

[1]) П. С. З., т. XLIII, № 46.117.
[2]) П. С. З., т. XLIV, № 47.304.
[3]) П. С. З., т. XLV, № 48.340.
[4]) П. С. З., т. XLI, № 44.026.
[5]) П. С. З., т. XLII, 44.742.

мействъ между Кавказскими портами Чернаго моря (Новороссійскомъ, Сухумомъ, Поти) перевозкою на пароходахъ «Русскаго Общества пароходства и торговли». Перевозка эта должна была производиться согласно Высочайше утвержденнаго 18 февраля 1867 года [1]) «Положенія о перевозкѣ войскъ водою на судахъ частныхъ пароходныхъ обществъ, товариществъ и пароходовладѣльцевъ». 27 февраля 1868 г. были Высочайше утверждены временныя правила о замѣнѣ въ навигаціонное время пѣше-этаннаго порядка препровожденія арестантовъ по Волгѣ, между Астраханью и Казанью, перевозкою на срочно-буксирныхъ пароходахъ товарищества «Лебедь» [2]); въ 1870 г. установлена была перевозка арестантовъ водою по Азовскому морю; въ 1871 г.— пароходами на Невѣ, Ладожскому озеру, Свири и Онежскому озеру [3]).

Съ 1867 года значительно расширяется и примѣненіе новой перевозки арестантовъ по желѣзнымъ дорогамъ.

ДАЛЬНѢЙШЕЕ РАЗВИТІЕ ПЕРЕСЫЛЬНОЙ ЧАСТИ.

Въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ оставлена была прежняя пересыльная система, она была улучшена и сообразно съ тѣмъ измѣнены были въ числѣ и составѣ этапныя команды [4]). Препровожденіе арестантовъ въ Сибирь казаками было отмѣнено въ 1868 году и обязанность эта возложена была на уѣздныя команды [5]).

Въ 1871 г. (29 апрѣля) [6]) введены были новыя правила о порядкѣ пересылки арестантовъ внѣ этапныхъ линій, а 16 іюня 1873 г. отмѣненъ былъ и въ области Войска Донского способъ пересылки арестантовъ — въ станицахъ и хуторахъ подъ конвоемъ сидѣночныхъ казаковъ, а въ помѣщичьихъ селеніяхъ чрезъ особыя пѣшія и конныя этапныя команды,—и вмѣсто того введенъ былъ общепринятый въ Имперіи порядокъ [7]).

Такимъ образомъ, ко времени введенія у насъ общеобязательной воинской повинности перевозка нижнихъ чиновъ и арестантовъ была, можно сказать, окончательно реформирована и распространена на пространствѣ всей Имперіи.

ПОЛОЖЕНІЕ 1870 ГОДА О ПЕРЕВОЗКѢ АРЕСТАНТОВЪ ПО ЖЕЛ ДОРОГАМЪ.

Основное Положеніе о перевозкѣ арестантовъ по желѣзнымъ дорогамъ было издано 18 февраля 1870 года [8]); въ немъ подробно указаны всѣ желѣзно-дорожныя линіи, по которымъ введена была перевозка арестантовъ и вызванныя введеніемъ такой перевозки измѣненія въ организаціи и составѣ конвойныхъ и этапныхъ командъ; согласно этому измѣнена была и составленная въ главномъ штабѣ этапная карта. Положеніе 1870 года регламентировало окончательно общія основанія перевозки арестантовъ по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ, такъ что правила, которыя для каждой дороги были Высочайше утвер-

[1]) П. С. З., т. XLII, № 44.258.
[2]) П. С. З., т. XLIII, № 45.540.
[3]) П. С. З., XLII, №№ 44.086, 44.490, 44.825, 44.826, 44.900, 45.395, 45.932, 46.279, 46.619, 46.752, 46.844, 48.316, 48.439, 48.650, 48.755, 49.500, 49.529, 49.863, 49.945, 49.952, 50.388, 51.163, 51.539, 51.742, 52.821, 52.828, 53.047, 53.857, 53.852, 54,274, 53.349.
[4]) П. С. З., № № 44.960, 44.182.
[5]) П. С. З., т. XLIII, № 45.382.
[6]) П. С. З., № 49.529.
[7]) П. С. З., XLIII, № 52.391.
[8]) П. С. З., № 48.043.

ждены, въ отдѣльности, сохранили значеніе только въ отношеніи частныхъ условій, какъ то: сроковъ отправленія арестантскихъ поѣздовъ, числа и размѣра вагоновъ, устраиваемыхъ и содержимыхъ для этого обществами или управленіями желѣзныхъ дорогъ, пунктовъ пріема и высадки арестантовъ, конвоированія арестантскихъ партій по этимъ дорогамъ и размѣра платы за перевозку арестантовъ и конвойныхъ.

Съ изданіемъ Положенія 1870 года можно было, слѣдовательно считать пересылку арестантовъ по желѣзнымъ дорогамъ завершенной окончательно: въ дальнѣйшемъ произведены были лишь нѣкоторыя частичныя разъясненія [1]).

ИНСПЕКЦІЯ ПО ПЕРЕСЫЛКѢ АРЕСТАНТОВЪ.

Такимъ образомъ, въ первую половину царствованія Императора Александра II, разновременно введены были окончательно или въ видѣ опыта, новые способы доставки арестантскихъ партій на подводахъ, пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ.

Озабочиваясь устройствомъ всѣхъ этихъ способовъ пересылки арестантовъ на единообразныхъ началахъ, а также улучшеніемъ, вообще, положенія ссылочныхъ партій, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министрами Военнымъ и Финансовъ, вошелъ съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ, предложивъ:

1) Для общаго наблюденія за передвиженіемъ арестантскихъ партій по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ и на подводахъ, назначить, также въ видѣ опыта, Главнаго Инспектора по пересылкѣ арестантовъ, съ предоставленіемъ ему правъ начальника мѣстныхъ войскъ въ округѣ по отношенію конвойныхъ командъ, сопровождающихъ арестантовъ и возложить на него слѣдующія обязанности: а) удостовѣряться въ какой степени соблюдается единообразіе въ устройствѣ способовъ перевозки арестантовъ и вообще направлять дѣло это къ возможному сокращенію расходовъ, безъ стѣсненія, однако, ссыльныхъ партій; б) разъяснять по представленіямъ участковыхъ инспекторовъ всѣ частныя недоразумѣнія въ примѣненіи новой системы; в) въ случаѣ предположенныхъ улучшеній на одномъ изъ участковъ главной этапной дороги, повѣрить ихъ на мѣстѣ и распространить, если они окажутся того заслуживающими, и на линіи другихъ участковъ; г) завѣдывать и имѣть наблюденіе за порядкомъ и правильностью снаряженія и отправленія арестантовъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ; д) вести общую отчетность по пересылкѣ арестантовъ и слѣдить за улучшеніемъ пересылки и тюремнаго содержанія арестантовъ и е) обозрѣвать, отъ времени до времени, главные этапные пути и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не учреждена еще новая пересыльная система, осматривая вмѣстѣ съ тѣмъ и порядокъ содержанія ссыльныхъ и пересыльныхъ арестантовъ въ тюремныхъ замкахъ.

---

[1]) П. С. З., т. XLV, № 48.631.

Это представленіе, одобренное Комитетомъ Министровъ, было затѣмъ Высочайше утверждено 27 января 1867 года [1]). Отправленіе обязанностей Главнаго Инспектора было возложено на полковника генеральнаго штаба Бѣленченко, съ оставленіемъ его по Военному Министерству для завѣдыванія этапно-пересыльною частью въ главномъ штабѣ. Участковыхъ же инспекторовъ было назначено трое, изъ которыхъ должность послѣдняго была утверждена лишь 26 іюня 1878 г. [2]), съ окончательнымъ открытіемъ передвиженія арестантскихъ партій по линіямъ южныхъ желѣзныхъ дорогъ [3]); въ 1874 году [4]) учреждена была еще должность четвертаго инспектора, а именно—въ Восточной Сибири.

ИЗМѢНЕНІЕ ШТАТОВЪ ЭКСПЕДИЦІИ О ССЫЛЬНЫХЪ.

Въ связи съ реформой пересыльной части встрѣтилась необходимость въ переводѣ Приказа о ссыльныхъ изъ г. Тобольска въ гор. Тюмень и въ упраздненіи Казанской экспедиціи о ссыльныхъ; Высочайшее повелѣніе объ этихъ измѣненіяхъ послѣдовало 23 декабря 1869 года [5]); вмѣстѣ съ тѣмъ были усилены штаты Пермской экспедиціи о ссыльныхъ и Московскаго и Нижегородскаго губернскихъ правленій.

БЛИЖАЙШІЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭТАПНОЙ РЕФОРМЫ.

Такимъ образомъ была реформирована у насъ пересыльная часть. Извѣстный описатель Сибири и каторги—С. Максимовъ, между прочимъ, замѣчаетъ:

«Уроки прошлаго не проходятъ даромъ; разъ затѣянныя преобразованія не могли остаться на полпути; этапный способъ препровожденія ссыльныхъ, возбудившій справедливое негодованіе и вызвавшій стремленія къ отмѣнѣ и улучшеніямъ, не перестаетъ (въ 1871 г.) поддерживать самое сосредоточенное вниманіе со стороны министерства, которому ввѣрено попеченіе о ссыльныхъ».

«Сѣти желѣзныхъ дорогъ,—писалъ онъ въ 1871 г. въ другомъ мѣстѣ, прорѣзающія Россію въ различныхъ направленіяхъ, успѣли облегчить движеніе пересыльныхъ и ссыльныхъ партій внутри Имперіи. Южными дорогами Министерство Внутреннихъ дѣлъ успѣло уже обезпечиться и въ нынѣшнемъ году для наблюденія за движеніемъ установило должность третьяго инспектора, съ обязательствомъ пребыванія въ г. Курскѣ. На пространствѣ между Варшавою и Нижнимъ передвиженіе арестантовъ по желѣзнымъ дорогамъ установлено уже давно, а министерство имѣетъ сбереженій по одной Николаевской съ 1858 года до 43 тысячъ ежегодно, по

---

[1]) П. С. З., т. XLII, № 44.178.
[2]) П. С. З., т. XLV, № 48.520.
[3]) П. С. З., т. XLIX, № 53.341.
[4]) П. С. З., т. XLIV, № 47.827.
[5]) С. Максимовъ «Сибирь и каторга», стр. 362—3 8.

Варшавской, Нижегородской и Рижской съ 1863 года свыше 180 тысячъ рублей, всего и по другимъ желѣзнодорожнымъ вѣтвямъ—до 500 тысячъ рублей... Отъ Нижняго до Ачинска въ 1865 году установлена была въ 1865 г. перевозка зимою на подводахъ, а весною и лѣтомъ на пароходахъ по Волгѣ и Камѣ до Перми, на лѣтнихъ подводахъ отъ Перми до Тюмени и далѣе опять на пароходахъ по рѣкамъ сибирскимъ до Томска и снова на подводахъ до Ачинска. Но когда опытъ показалъ дороговизну перевозки подводами и огромные расходы при заготовкѣ зимней одежды—зимній способъ былъ оставленъ. Осужденныхъ стали оставлять до лѣтняго времени въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они приговорены въ ссылку или сгруппировывали въ болѣе центральныхъ мѣстностяхъ по главному ссыльному тракту. Пунктами этими назначены: Орелъ, Москва, Нижній, Казань, Пермь, Тюмень и Томскъ. Здѣсь устроены были центральныя тюрьмы экономическимъ способомъ изъ готовыхъ зданій, за исключеніемъ Томска, гдѣ возведено было новое тюремное зданіе. Въ остальныхъ городахъ послужили для этой цѣли зданія арестантскихъ ротъ. Въ Москвѣ и Тюмени предположили построить новыя тюрьмы. Сбереженія отъ различныхъ денежныхъ сокращеній обезпечивали возможность для министерства постройки этихъ зданій круговымъ возвратомъ суммъ, истрачивавшихся прежде на ненужные излишки. Сократилось путевое довольствіе; прекратилась выдача прогоновъ на пространствѣ между Нижнимъ и Пермью; уменьшились издержки на заготовку зимней одежды, отъ сокращенія конвойныхъ командъ съ 40 на 8 на пространствѣ отъ Нижняго до Томска и отъ упраздненія этапныхъ зданій на этомъ пространствѣ (остались только тѣ части этапныхъ зданій, которыя оказались удобными для помѣщенія арестантовъ; прочія проданы съ торговъ). Солидная цифра 300 тысячъ рублей сбереженія перваго года предупредила и отвратила, сверхъ того, издержки цѣлаго милліона на этапы, если бы они существовали здѣсь въ томъ числѣ и въ такомъ же разрушенномъ видѣ».

«Новый способъ доставленія арестантовъ почти до половины Сибири сумѣлъ сбить стоимость пересылки одного человѣка съ 69 руб. 50 коп.—въ 1865 году, до 38 руб. 50 коп.—въ 1867 году. Правительство сберегло вслѣдствіе введенія дѣйствующей теперь системы, свыше 400 тысячъ руб. При этомъ не затруднялись переправкою 15.320 арестантовъ въ 1867 г., разсчитавши расходъ для передвиженій партій по системѣ 1865 года на 11.421 человѣка. Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ С. Максимовъ въ заключеніе,—что цифра 400 тысячъ возрастетъ съ теченіемъ времени».

Таковы выводы матеріальные. А сколько слезъ, мученій и горя поубавилось съ реформированіемъ страднаго этапнаго пути!..

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПОСЛѢ ВВЕДЕНІЯ ВСЕОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ

А. Эпоха Императора Александра II

ГЛАВА I

ЕРВАГО января 1874 г. Высочайшимъ манифестомъ объявлено было о введеніи у насъ, въ Россіи, всеобщей воинской повинности; съ этихъ поръ «дѣло защиты отечества становится общимъ дѣломъ народа» и «всѣ, безъ различія званій и состояній, соединяются на это святое дѣло» [1]).

ВВЕДЕНІЕ ВСЕОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ.

Государственный Совѣтъ, въ Общемъ Собраніи и въ Особомъ Высочайше учрежденномъ Присутствіи, въ тотъ-же день мнѣніемъ своимъ положилъ: «Правила объ отдачѣ въ военную службу за преступленія и проступки

ОТМѢНА ОТДАЧИ ПРЕСТУПНИКОВЪ ВЪ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ.

[1]) П. С. З., т. XLIX, № 52.982.

несовершеннолѣтнихъ, имѣющихъ не менѣе 17 лѣтъ, наложенныя въ п. 2 ст. 140 Уложенія о наказ., а для жителей Царства Польскаго въ мнѣніи Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденномъ 22 марта 1860 г., — отмѣнить» [1]). Такимъ образомъ, отдача въ военную службу перестаетъ съ этого момента играть роль наказанія, а вооруженныя силы государства перестаютъ служить мѣстомъ заключенія и ссылки.

ПЕРЕСМОТРЪ ВОИНСКАГО УСТАВА О НАКАЗАНІЯХЪ 1868 ГОДА.

Очевидно, что военно-уголовное законодательство, вся система воинскихъ наказаній, обоснованная на долгосрочности военной службы, должны были подвергнуться, съ введеніемъ общеобязательной воинской повинности, коренной реформѣ. И, дѣйствительно, едва лишь былъ изданъ Уставъ о воинской повинности, какъ сейчасъ же приступлено было къ пересмотру Воинскаго Устава о наказаніяхъ 1868 года, съ цѣлью согласовать начала Устава о воинской повинности съ началами Воинскаго Устава о наказаніяхъ.

Составлена была особая Комиссія подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Главнаго военнаго суда, генерала отъ инфантеріи Ушакова, въ которой приняли участіе и нѣкоторые изъ главныхъ начальниковъ военныхъ округовъ и представители юстиціи. Выработанныя комиссіей начала были представлены въ Военное Министерство и, послѣ окончательнаго исправленія, Высочайше утверждены 7 февраля 1874 года. Главныя начала, которыя предположено было положить въ основу пересмотра Воинскаго Устава, сводились: 1) къ уничтоженію различія наказаній, основаннаго на срочности и несрочности военной службы, и къ дѣленію наказаній на основаніяхъ, принятыхъ въ общихъ уголовныхъ законахъ (сословныя различія); 2) къ распространенію на военно-служащихъ за общія преступленія высшихъ исправительныхъ наказаній, установленныхъ уложеніемъ, но съ исключеніемъ изъ военной службы, 3) къ распространенію отдачи въ военно-исправительныя роты на всѣхъ нижнихъ чиновъ, но безъ лишенія всѣхъ, а лишь нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, и на срокъ не болѣе 3-хъ лѣтъ, вмѣсто шести; къ примѣненію на томъ-же основаніи одиночнаго заключенія въ военной тюрьмѣ на срокъ до 4-хъ мѣсяцевъ, вмѣсто шести; 5) къ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для всѣхъ безпорочно служащихъ, взамѣнъ военной тюрьмы, и къ измѣненію, вообще, правилъ этой замѣны и 6) къ уничтоженію перевода въ разрядъ штрафованныхъ для нижнихъ чиновъ, пользующихся особыми правами и преимуществами, который могъ примѣняться къ этимъ лицамъ прежде, когда они состояли въ военной службѣ по найму. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было устранить въ уставѣ всѣ ошибки и неправильности, указанныя практикой.

Работы по пересмотру начались весною 1874 года и производились, подъ руководствомъ Главнаго военнаго прокурора, чинами военно-судебнаго вѣдомства; къ зимѣ уже составленъ былъ проектъ, кото-

[1]) П. С. З., т. XLIX, № 52.983.

рый, при запискѣ Главнаго военнаго прокурора, былъ препровожденъ на разсмотрѣніе генералъ-адмирала и Военнаго Министра, а затѣмъ и соединеннаго присутствія главныхъ военнаго и военно-морскаго судовъ. Этотъ проектъ былъ 27 марта 1875 г. Высочайше утвержденъ и получилъ обязательную силу съ 1 августа того-же года, составивъ XXII книгу С. В. П. 1869 г. изд. II [1]). Вслѣдъ за утвержденіемъ этого устава, 14 апрѣля былъ Высочайше утвержденъ и новый морской уставъ о наказаніяхъ, почти совершенно тождественный, за исключеніемъ лишь того, что изъ морского устава исключены были наказанія заключеніемъ въ военно-исправительныхъ ротахъ (а затѣмъ и въ дисциплинарныхъ ротахъ, за отсутствіемъ такихъ карательныхъ учрежденій въ морскомъ вѣдомствѣ [2]).

ВОИНСКІЙ УСТАВЪ О НАКАЗАНІЯХЪ 1875 Г. И ВОЕНО-МОРСКОЙ УСТАВЪ ТОГО ЖЕ Г.

Въ послѣдующія царствованія Императоровъ Александра III и нынѣ царствующаго Императора Николая II, военно-уголовное законодательство не подвергалось кореннымъ измѣненіямъ, частичныя же — будутъ указаны въ очеркѣ попутно съ разсмотрѣніемъ реформъ нашихъ военно-карательныхъ учрежденій.

Что касается формальныхъ военно-уголовныхъ законовъ, то Военно-Судебный уставъ 1867 года, опредѣлившій военное судоустройство и судопроизводство и сблизившій это послѣднее въ значительной мѣрѣ съ общимъ уголовнымъ судопроизводствомъ, не подвергся никакимъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ введенія всеобщей воинской повинности. Только въ концѣ царствованія Императора Александра II, подъ вліяніемъ усилившейся дѣятельности соціально-революціонныхъ организацій, была нѣсколько расширена военная подсудность, т.-е. она была распространена на политическія и такія преступленія, которыя вызывались политическими мотивами (зак. 9 августа 1878 г. и 8 апрѣля 1880 г.), но это расширеніе подсудности не могло оказать вліянія на военно-карательную систему, потому что лица, осужденныя къ наказаніямъ, сопряженнымъ съ лишеніемъ, не только не попадали болѣе въ войска, но, наоборотъ, исключались изъ военной службы.

ФОРМАЛЬНЫЕ ВОЕННО-УГОЛОВНЫЕ ЗАКОНЫ.

Въ царствованіе Императора Александра III, по закону 4 сентября 1881 года, расширеніе военной подсудности получило дальнѣйшее развитіе, такъ какъ, въ видѣ постояннаго правила, установлено было преданіе военному суду лицъ гражданскаго вѣдомства въ мѣстностяхъ, находящихся въ положеніи усиленной или чрезвычайной охраны, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже въ мѣстахъ, не находящихся въ такомъ исключительномъ положеніи.

Однако, стремленіе устранить въ военномъ судопроизводствѣ замѣченную медленность — съ одной стороны, и усилить репрессію военныхъ судовъ въ цѣляхъ, главнымъ образомъ, поддержанія воинской дисциплины — съ другой, и, наконецъ, сблизить болѣе тѣсно военный судъ съ военнымъ бытомъ,—повело къ пересмотру Военно-Судебнаго Устава 1867 года. Работы по этому пересмотру начались въ 1882 году; проектъ новаго военно-судебнаго устава вырабатывался въ двухъ комиссіяхъ подъ предсѣдательствомъ генерала-адъютанта Гурко (въ 1883 и 1884 годахъ) и въ Комиссіи 1885 года подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Главнаго военнаго суда;

ВОЕННО-СУДЕБНЫЙ УСТАВЪ 1883—85 ГГ.

---

[1]) П. С. З., т. L, № 54.536.
[2]) П. С. З., т. L, № 54.586.

проектъ этотъ по частямъ былъ Высочайше утвержденъ 8 марта 1883 г., 13 марта 1884 года и 9 іюля 1885 года. Отмѣчая эту реформу формальнаго военно-уголовнаго законодательства, упомянемъ, что на военно-карательную систему она оказать вліянія не могла, такъ какъ при выработкѣ новаго военно-судебнаго устава эта система существовала уже въ совершенно законченномъ видѣ.

СИСТЕМА НАКАЗАНІЙ ПО ВОИНСКОМУ УСТАВУ О НАКАЗ. 1875 Г.

Воинскій уставъ о наказ. 1875 года устанавливаетъ слѣдующіе виды наказаній лишеніемъ свободы: 1) ссылка въ каторжную работу, 2) ссылка на поселеніе, 3) заточеніе въ крѣпости, 4) ссылка на житье въ Сибирь, 5) ссылка на житье въ другія, кромѣ Сибирскихъ, отдаленныя губерніи, 6) временное заключеніе въ крѣпости, 7) содержаніе на гауптвахтѣ. Послѣдніе 4 вида лишенія свободы назначались исключительно для офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства; затѣмъ для нижнихъ чиновъ, пользующихся особенными правами состоянія, были установлены: 1) ссылка на житье въ Сибирь, 2) ссылка на житье въ другія, кромѣ Сибирскихъ, отдаленныя губерніи, 3) одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ. Для непользующихся особенными правами состоянія нижнихъ чиновъ виды лишенія свободы (кромѣ уголовныхъ) были: 1) отдача въ исправительныя арестантскія отдѣленія гражданскаго вѣдомства, 2) заключеніе въ рабочемъ домѣ, 3) одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ.

Сверхъ того, за преступленія по службѣ, пользующіеся особенными правами состоянія нижніе чины подвергались ссылкѣ на житье въ Сибирскія и внѣсибирскія отдаленныя губерніи, отдачѣ въ военно-исправительныя роты и одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ. а непользующіеся особенными правами состоянія — отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія гражданскаго вѣдомства, заключенію въ рабочемъ домѣ, отдачѣ въ военно-исправительныя роты и одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ. Наконецъ, всѣ нижніе чины подвергались и аресту по правиламъ дисциплинарнаго устава.

Изъ всѣхъ этихъ наказаній только заключеніе въ крѣпости (безъ исключенія изъ службы), содержаніе на гауптвахтѣ, отдача въ военно-исправительныя роты, одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ и арестъ—не сопровождались исключеніемъ изъ службы, а для нижнихъ чиновъ и лишеніемъ воинскаго званія; всѣ-же прочіе виды лишенія свободы неминуемо влекли и потерю воинскаго званія.

Каторжная работа и ссылка на поселеніе сопровождались лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Заточеніе въ крѣпости опредѣлялось за нѣкоторыя воинскія преступленія и не влекло лишенія всѣхъ правъ состоянія. Для офицеровъ и чиновниковъ военнаго вѣдомства исправительныя наказанія назначались по Уложенію о наказ., но временное заключеніе въ тюрьмѣ безъ увольненія отъ службы и безъ праволішеній, а также кратковременный арестъ замѣнялись воинскими наказаніями, на основаніи особыхъ правилъ.

Большинство этихъ наказаній вполнѣ тождественно съ установленными уставомъ 1868 года, а потому отмѣтимъ болѣе подробно только наказанія заключеніемъ въ военно-тюремныхъ учрежденіяхъ: 1) въ военно-исправительныхъ ротахъ и 2) въ военной тюрьмѣ.

Отдача въ военно-исправительныя роты сопровождалась потерею нѣкоторыхъ особенныхъ, лично и по состоянію осужденнаго присвоенныхъ ему или службою пріобрѣтенныхъ, правъ и преимуществъ; при этомъ осужденные лишались знаковъ отличія, сохраняя лишь медали за участіе въ войнахъ и походахъ и кресты равнаго съ ними достоинства, а непользующіеся особенными правами состоянія переводились въ разрядъ штрафованныхъ. Наказаніе это имѣло 4 степени: 1) отъ $2^1/_2$ лѣтъ до 3 лѣтъ, 2) отъ 2 до $2^1/_2$ лѣтъ, 3) отъ $1^1/_2$ до 2 лѣтъ и 4) отъ 1 до $1^1/_2$ лѣтъ.

Одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ соединялось съ потерею нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ, а для нижнихъ чиновъ, непользующихся особыми правами состоянія, и съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ. Оно имѣло 5 степеней: 1) отъ 3 до 4 мѣсяцевъ, 2) отъ 2 мѣсяцевъ и 2 недѣль до 3 мѣсяцевъ, 3) отъ 2 мѣсяцевъ до 2 мѣсяцевъ и 2 недѣль, 4) отъ 1 мѣсяца и 2 недѣль до 2 мѣсяцевъ и 5) отъ 1 мѣсяца до 1 мѣсяца и 2 недѣль.

Потеря нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ заключалась: а) въ лишеніи унтеръ-офицерскаго или ефрейторскаго званія, б) въ лишеніи пріобрѣтеннаго прежнею службою права на полученіе прибавочнаго жалованья и в) въ лишеніи правъ, исключая лишь случаевъ отличнаго подвига, на полученіе знаковъ отличія, впредь до прощенія, установленнымъ порядкомъ, понесеннаго штрафа.

Такимъ образомъ, въ самой системѣ наказаній по Воинскому уставу 1875 года уже вполнѣ точно опредѣлилась система наказаній воинскихъ, въ соотвѣтствіи съ которой, какъ мы укажемъ въ послѣдующихъ главахъ, и происходитъ дальнѣйшее развитіе военно-карательныхъ учрежденій.

ГЛАВА II.

ОБОСОБЛЕНІЕ ВОЕННО-КАРАТЕЛЬНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ ОТЪ ОБЩИХЪ.

Въ предыдущемъ отдѣлѣ настоящаго очерка мы уже подробно разсмотрѣли реформу всей нашей военно-карательной системы, завершившуюся созданіемъ 16 мая 1867 года военныхъ тюремъ и военно-исправительныхъ ротъ. Съ введеніемъ общеобязательной воинской повинности, военно-карательная система неизбѣжно должна была подвергнуться дальнѣйшей реформѣ, направленной къ окончательному обособленію военно-тюремныхъ учрежденій отъ общихъ; при этомъ и самая цѣль тѣхъ и другихъ получаетъ совершенно отличный характеръ: въ то время, какъ общія мѣста заключенія продолжаютъ стремиться къ цѣли исправленія преступника, военно-карательныя учрежденія отказываются отъ такой цѣли и обращаются изъ исправительныхъ почти исключительно въ карательныя.

Самая природа воинскихъ преступленій, за которыя виновные военно-служащіе присуждаются къ воинскимъ же наказаніямъ въ военно-тюремныхъ учрежденіяхъ, не подсказываетъ необходимости исправлять нарушителей военнаго правопорядка, такъ какъ въ большинствѣ этихъ нарушеній отсутствуетъ элементъ нравственной испорченности; кромѣ того, краткосрочность военной службы заставляетъ отказаться отъ болѣе глубокой, требующей времени и особыхъ условій, цѣли исправленія и выдвигаетъ иную цѣль—карательную, вну-

шающую необходимость подчиненія требованіямъ дисциплины и военной службы.

Однако безспорно, обособленіе и спеціализація военно-карательной системы произошли не только подъ вліяніемъ введенія всеобщей воинской повинности, но и подъ вліяніемъ происходившаго параллельно преобразованія всей нашей тюремной части, преобразованія, позволившаго военному вѣдомству снять съ себя окончательно заботу о тѣхъ воинскихъ чинахъ, которые, впавъ въ преступленіе, становились бременемъ для арміи, а потому лишались воинскаго званія, исключались изъ военной службы и передавались гражданскому начальству на дальнѣйшее распоряженіе.

Вотъ почему, раньше чѣмъ обратиться къ дальнѣйшему изложенію историческаго хода развитія преобразованныхъ военно-тюремныхъ учрежденій, укажемъ, въ основныхъ чертахъ, характеръ преобразованія въ разсматриваемый періодъ времени общихъ тюремъ у насъ, въ Россіи.

ПРЕОБРАЗОВАНІЕ ОБЩЕЙ ТЮРЕМНОЙ СИСТЕМЫ.

19 мая 1873 года былъ образованъ Комитетъ для окончательнаго обсужденія проекта о тюремномъ преобразованіи въ Россіи [1]). На обсужденіе этого Комитета переданъ былъ богатый, тщательно и всесторонне разработанный Высочайше учрежденной комиссіей матеріалъ и предположенія этой комиссіи объ измѣненіяхъ, необходимыхъ въ карательной нашей системѣ. Эта, такъ называемая, «Соллогубовская комиссія» подвергла самой строгой критикѣ современныя ей мѣста заключенія и, признавъ нѣкоторыя изъ нихъ (напр., Московскій губернскій тюремный замокъ) «образцомъ всѣхъ безобразій», указывала на необходимость первымъ дѣломъ уничтожить подобные вертепы.

Эти первоначальныя предположенія о преобразованіи тюремной у насъ части подверглись подробному пересмотру въ комитетѣ, Высочайше учрежденномъ подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта, тайнаго совѣтника Зубова, изъ представителей отъ всѣхъ вѣдомствъ, которыхъ касалось это дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ учреждена была по Высочайшему повелѣнію особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота, изъ нѣкоторыхъ членовъ совѣта, для согласованія выработаннаго Комитетомъ проекта тюремной реформы съ проектомъ новой лѣстницы наказаній, разработанной въ Министерствѣ Юстиціи. Комиссія эта, при участіи спеціалистовъ, составила и внесла въ Государственный Совѣтъ обширный трудъ, въ которомъ каждое наказаніе изслѣдовано было въ историческомъ его происхожденіи, изучено было современное состояніе карательной системы не только у насъ, но и за границею, и, наконецъ, на основаніи упомянутыхъ данныхъ, проектирована была полная лѣстница

---

[1]) П. С. З., т. XLVIII, № 52.301. Комитетъ этотъ 21 апрѣля 1875 года былъ закрытъ вслѣдствіе совершеннаго окончанія возложенныхъ на него работъ.—П. С. З., т. L., № 54.595.

наказаній, при чемъ были приняты во вниманіе какъ научныя требованія, такъ и условія нашей государственной жизни. Комиссія о тюремномъ преобразованіи, подвергая внимательному пересмотру всю систему нашихъ наказаній, какъ уголовныхъ, такъ и исправительныхъ, не ограничилась только указаніемъ новыхъ карательныхъ учрежденій, подлежащихъ устройству взамѣнъ существовавшихъ, но вошла въ обстоятельное обсужденіе того, какъ будетъ примѣняться на дѣлѣ каждое изъ наказаній и какимъ образомъ совокупность ихъ сложится въ послѣдовательную и стройную систему.

Государственный Совѣтъ, отдавая должное достоинствамъ этого труда, призналъ, однако, что ближайшая законодательная задача того времени замыкалась въ болѣе тѣсные предѣлы; задача эта, опредѣлительно указанная въ Высочайше утвержденномъ 28 февраля 1877 года мнѣніи Государственнаго Совѣта, должна была заключаться въ установленіи однихъ только главныхъ началъ карательной системы, безъ которыхъ преобразовательная дѣятельность тюремной администраціи не имѣла бы твердаго направленія. Вслѣдствіе этого Государственный Совѣтъ, 11 декабря 1879 года, установилъ слѣдующія основныя положенія, для руководства при предстоявшихъ тюремныхъ преобразованіяхъ и пересмотрѣ Уложенія о наказаніяхъ:

ОСНОВНЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ ЭТОЙ РЕФОРМЫ.

1. «Взамѣнъ опредѣленныхъ дѣйствующимъ закономъ безсрочныхъ и срочныхъ каторжныхъ работъ, ссылки на житье въ Сибирь и отдаленныя губерніи, кромѣ Сибирскихъ, заключенія въ исправительныя арестантскія отдѣленія гражданскаго вѣдомства, въ рабочій домъ, въ смирительный домъ и въ тюрьму и ареста, должны быть установлены, на будущее время, слѣдующіе виды сопряженныхъ съ лишеніемъ свободы наказаній уголовныхъ и исправительныхъ: а) ссылка на каторгу безъ срока и на срокъ; б) заключеніе въ исправительномъ домѣ на время до шести лѣтъ; в) заключеніе въ тюрьмѣ на время до одного года и г) арестъ до трехъ мѣсяцевъ».

2. «Сроки каторжныхъ работъ, а равно сроки содержанія въ мѣстахъ заключенія, имѣютъ быть опредѣлены при пересмотрѣ Уложенія о наказ., не выходя однако, въ отношеніи къ наказаніямъ исправительнымъ, изъ назначенныхъ въ 1-мъ пунктѣ высшихъ предѣловъ содержанія въ исправительномъ домѣ, въ тюрьмѣ и подъ арестомъ. При этомъ должно быть наблюдаемо, чтобы низшая степень заключенія въ исправительномъ домѣ ни въ какомъ случаѣ не была менѣе тяжкою, въ сравненіи съ высшею степенью заключенія въ тюрьмѣ».

3. «Приговоренные къ ссылкѣ на каторгу должны быть подвергаемы: а) тяжкимъ принудительнымъ работамъ и б) поселенію по отбытіи работъ. Каторжныя работы сопровождаются содержаніемъ въ каторжныхъ тюрьмахъ. Онѣ устраиваются преимущественно въ Сибири».

4. «Приговоренныхъ къ заключенію въ исправительномъ домѣ надлежитъ подвергать, на нѣкоторое время, одиночному заключенію. Затѣмъ они должны быть содержимы въ полномъ разобщеніи между собою, во все время, свободное отъ работъ и въ особенности ночью. Всѣ заключенные въ исправительномъ домѣ обязательно занимаются заведенными въ ономъ работами. Они могутъ быть назначаемы и на работы внѣ дома, но отдѣльно отъ свободныхъ рабочихъ».

5. «Приговоренные къ тюрьмѣ подлежатъ одиночному заключенію въ теченіе всего опредѣленнаго для нихъ судебнымъ приговоромъ срока; при этомъ они обязательно занимаются въ кельяхъ заведенными въ тюрьмѣ работами, по силамъ и способностямъ каждаго. Отступленія отъ

правилъ объ одиночномъ заключеніи допускается тогда лишь, когда будетъ удостовѣрено, что такое заключеніе представляетъ опасность для здоровья заключеннаго», и

6. «Арестъ есть простое лишеніе свободы. Приговоренные къ аресту могутъ быть употребляемы на работы не иначе, какъ по собственному желанію. Они должны быть содержимы или въ назначенныхъ для сего помѣщеніяхъ при полиціи, или въ помѣщеніяхъ для приговариваемыхъ къ аресту мировыми судебными установленіями».

МѢРЫ КЪ ИХЪ ПРАКТИЧЕСКОМУ ОСУЩЕСТВЛЕНІЮ.

Это мнѣніе Государственнаго Совѣта было тогда же Высочайше утверждено и, по повелѣнію Государя Императора, Второму отдѣленію Собственной Е. И. В. канцеляріи и Министерству Юстиціи поручено было составить планъ производства работъ по пересмотру дѣйствующаго Уложенія, а Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставлено было, по предварительному соглашенію съ Министромъ Финансовъ, войти въ соображеніе вопроса о денежныхъ средствахъ, необходимыхъ и возможныхъ къ отпуску для постепеннаго устройства новыхъ карательныхъ учрежденій и исправленія существующихъ мѣстъ заключенія,—и войти въ сношенія со всѣми подлежащими вѣдомствами о томъ, не имѣется ли въ ихъ распоряженіи свободныхъ зданій, которыя могли бы быть обращены въ мѣста заключенія для взрослыхъ преступниковъ или же подъ устройство исправительныхъ пріютовъ для несовершеннолѣтнихъ.

Указавъ, такимъ образомъ, основные принципы, которыми повелѣно было руководиться въ дальнѣйшемъ нашемъ тюремномъ строительствѣ, мы не станемъ уже болѣе останавливаться на разсмотрѣніи историческаго хода преобразованія общеуголовной карательной системы. Какъ видно изъ нашего очерка, военно-карательная система къ этому времени уже совершенно почти опредѣлилась и выдѣлилась въ своеобразную стройную систему, независимую отъ общей. Поэтому въ дальнѣйшемъ очеркѣ мы будемъ касаться общихъ карательныхъ учрежденій лишь постольку, поскольку они обслуживали непосредственно ближайшіе интересы арміи или имѣли непосредственную связь съ военно-карательными учрежденіями.

ПОСТЕПЕННОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНІЕ РЕФОРМЫ 16 МАЯ 1867 ГОДА.

Практическое осуществленіе реформы 16 мая 1867 года требовало не мало времени, такъ какъ раньше всего нужно было построить военныя тюрьмы и построить такъ, чтобы въ техническомъ отношеніи онѣ вполнѣ удовлетворяли требованіямъ, предъявляемымъ къ нимъ пенитенціарной наукой и спеціальными условіями военнаго быта. Между тѣмъ военные суды приговаривали къ заключенію въ военныя тюрьмы, и число осужденныхъ росло. Поэтому, 21 декабря 1874 года и 7 февраля 1875 г. [1]), изданы были правила о замѣнѣ одиночнаго заключенія въ военной тюрьмѣ, впредь до устройства военныхъ

ЗАМѢНА ВОЕННО-ТЮРЕМНАГОЗАКЛЮЧЕНІЯ.

---

[1]) П. С. З., т. XLIX, №№ 54.178, 54.200; т. L., № 5364.

тюремъ, содержаніемъ подъ арестомъ на хлѣбѣ и водѣ, съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ увеличеніемъ обязательнаго пребыванія въ немъ. Къ содержанію подъ арестомъ въ такихъ случаяхъ примѣнялся режимъ, установленный для строгаго ареста.

Такимъ образомъ, осужденные къ военно-тюремному заключенію нижніе чины отбывали, впредь до устройства военныхъ тюремъ, наказаніе преимущественно въ карцерахъ при своихъ частяхъ войскъ и на военныхъ гауптвахтахъ.

Разумѣется, постройка военныхъ тюремъ не могла быть закончена въ скоромъ времени, а потребность въ военныхъ тюрьмахъ росла съ каждымъ годомъ. Вотъ почему, 27 марта 1875 г. [1]), Главный Военно-Тюремный Комитетъ, на ряду съ преобразованіемъ военно-исправительныхъ ротъ, озаботился и объ удовлетвореніи, хоть до нѣкоторой степени, потребности въ тюрьмахъ; а именно—испрошено было распоряженіе о томъ, чтобы въ тѣхъ военно-исправительныхъ ротахъ, въ которыхъ устроены уже были одиночныя камеры, собственно для ротъ были оставлены отъ 8 до 10 камеръ, прочія же камеры составляли бы тюремное отдѣленіе того военнаго округа, къ которому принадлежитъ рота, для содержанія воинскихъ чиновъ, приговариваемыхъ по суду къ заключенію въ военныхъ тюрьмахъ.

Первое такое военно-тюремное отдѣленіе (на 50 чел.) было учреждено 17 августа 1876 г. при упраздненной рижскоіі военно-исправительной ротѣ; завѣдываніе отдѣленіемъ было возложено на бывшаго начальника рижской военно-исправительноіі роты, впредь до утвержденія штатовъ для подобныхъ отдѣленіій, а въ помощь ему были назначены офицеръ и кадровые унтеръ-офицеры, по распоряженію командующаго войсками округа [2]).

Въ томъ же 1876 году учреждено было военно-тюремное отдѣленіе и въ Кронштадтѣ на 75 человѣкъ.

Первоіі была окончена постройкоіі военная тюрьма въ г. Варшавѣ, и 18 января 1875 года утверждено было Высочаіішее положеніе Военнаго Совѣта объ учрежденіи, съ 1875 года, въ г. Варшавѣ, военной тюрьмы на 200 арестантовъ, присвоивъ еіі штатъ, Высочайше

---

[1]) См. журналъ засѣданія CXI Гл. Воен.-Тюр. Комитета.
[2]) П. С. З., т. LI, 56.314.

утвержденный 16 мая 1867 года [1]). Затѣмъ, 6 марта 1876 года Высочайше было утверждено Положеніе Военнаго Совѣта, объявленное въ приказѣ по воен. вѣдомству 20 марта, объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ военной тюрьмы на 200 арестантовъ, присвоивъ ей составъ чиновъ и денежные отпуска, опредѣленные для тюремъ на такое число заключенныхъ штатомъ, находящимся въ сводѣ штатовъ 1870 г. (отд. XII, № 1) [2]).

По мѣрѣ устройства военныхъ тюремъ временныя тюремныя отдѣленія упразднялись; такъ, по открытіи Варшавской тюрьмы, было 13 мая 1878 года [3]) упразднено обслуживавшее варшавскій военный округъ Брестъ-Литовское временное отдѣленіе военной тюрьмы.

Затѣмъ 3 декабря того же года [4]) послѣдовалъ именной указъ, объявленный въ приказѣ по воен. вѣдомству, которымъ Высочайше было повелѣно: при назначеніи нижнимъ чинамъ войскъ, расположенныхъ въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ, одиночнаго заключенія въ военной тюрьмѣ, вслѣдствіе отдаленности отъ этихъ губерній вновь учрежденной Петербургской военной тюрьмы, замѣнять имъ это наказаніе на основаніи правилъ, изложенныхъ во II прил. къ 59 ст. Воинскаго устава о наказ. 1875 года, т.-е. правилъ, установленныхъ 27 марта 1875 г. [5]). Въ отличіе отъ правилъ 21 декабря 1874 г., въ этихъ новыхъ правилахъ введены были розги для штрафованныхъ нижнихъ чиновъ.

Къ 1880 году, такимъ образомъ, были вновь построены и открыты военныя тюрьмы въ Варшавѣ и Петербургѣ и устроены отдѣленія военныхъ тюремъ въ Кронштадтѣ, г. Ригѣ и Херсонѣ.

Нѣсколько позднѣе, а именно 5 іюня 1881 г. открыта была еще военная тюрьма въ Москвѣ и упразднено херсонское отдѣленіе. Московская тюрьма [6]) по штату заключала 200 мѣстъ для заключенныхъ. На Кавказѣ военные арестанты содержались въ такъ называемомъ Метехскомъ замкѣ, и въ царствованіе Императора Александра III,

---

[1]) П. С. З., т. L, № 54.299.
[2]) П. С. З., т. LI, № 55.671.
[3]) П. С. З., т. LIII, № 58.503.
[4]) П. С. З., т. LI, № 56.659.
[5]) П. С. З., т. L, № 54.536.
[6]) П. С. З., т. I, № 244, въ царствованіе уже Императора Александра III.

въ 1892 г., учреждена была въ этой тюрьмѣ даже особая должность смотрителя военныхъ арестантовъ [1]).

2 августа 1880 года послѣдовало одно существенное измѣненіе въ наказаніи военной тюрьмой, а именно: по положенію о военныхъ тюрьмахъ, время нахожденія нижнихъ чиновъ по приговорамъ суда въ этихъ тюрьмахъ не зачитывалось имъ въ дѣйствительную службу и, слѣдовательно, наказаніе это усугублялось продолженіемъ на тотъ же срокъ времени нахожденія на службѣ; 158-ая ст. XVII кн. С. В. П. 1869 г., устанавливавшая это ограниченіе, была 2 августа 1880 г. измѣнена въ томъ смыслѣ, что изъ нея было выпущено указаніе о незачетѣ въ службу срока заключенія въ тюрьмѣ. Съ тѣхъ поръ, однако, въ войскахъ не перестаютъ раздаваться жалобы на то, что заключеніе въ военной тюрьмѣ потеряло значительно въ смыслѣ репрессивности.

---

[1]) П. С. З., т. XI, № 8 928.

ГЛАВА III.

ВОЕННО-ИСПРАВИТЕЛЬНЫЯ РОТЫ.

А основаніи Положенія 16 мая 1867 года, предположено было открыть 15 военно-исправительныхъ ротъ на 5.445 арестантовъ. Число арестантовъ распредѣлялось по ротамъ такимъ образомъ: въ бобруйской — 1.200, въ кіевской—700, въ динабургской и кронштадтской—по 60 въ каждой, въ брестъ-литовской—400, въ свеаборгской—300, въ новогеоргіевской—225, въ рижской, ивангородской, херсонской, бендерской, динаминдской и выборгской—по 200 въ каждой и въ омской и оренбургской — по 110 въ каждой.

Однако, уже въ 1868 году послѣдовало распоряженіе объ упраздненіи выборгской, динаминдской, ивангородской и бендерской ротъ и вновь были учреждены воронежская, смоленская, астраханская и екатеринбургская исправительныя роты; вслѣдъ затѣмъ послѣдовало измѣненіе штатнаго состава арестантовъ, а именно: въ кронштадтской, динабургской, бубруйской и кіевской ротахъ положено было имѣть 6-тисотенный составъ, въ новогеоргіевской и херсонской—500-ный, въ рижской и брестъ-литовской—400-ный, въ свеаборгской, воронежской, смоленской, екатеринбургской, астраханской и омской—300-ный, а въ оренбургской 200-ный составъ арестантовъ. Кромѣ того, въ 1868 году учреждена была одна рота на Кавказѣ, на 400 арестантовъ, и выборгская рота переведена была въ Шлиссельбургъ, со штатомъ на 200 арестантовъ.

Такимъ образомъ, къ началу 1871 года состояло всего 17 военно-исправительныхъ ротъ на 6.800 арестантовъ; въ дѣйствительности-же списочный составъ арестантовъ достигъ 8.118 человѣкъ, т.-е. на 20% больше штатнаго. Вслѣдствіе этого потребовалось открыть новыя роты; предположено было ихъ открыть двѣ на 400 чел. и увеличить въ 3-хъ штаты до 800 чел. въ каждой, но въ дѣйствительности были учреждены только иркутская и константиновская роты, на 200 арестантовъ каждая. Такова, въ общихъ чертахъ, исторія военно-исправительныхъ ротъ, организацію которыхъ мы подробно уже разсмотрѣли въ предыдущемъ отдѣлѣ.

ЦѢЛЬ ИХЪ СОЗДАНІЯ.

Учреждая 16 мая 1867 года военно-исправительныя роты, Военное Министерство высказалось: «Современное законодательство видитъ въ заключеніи преступниковъ не только возможность удовлетворить оскорбленное ими правосудіе, не только одну цѣль наказанія за преступленія, но еще и средство къ исправленію виновныхъ и порочныхъ людей; оттого всѣ пенитенціарныя системы признаютъ необходимымъ условіемъ для достиженія этой цѣли самый строгій надзоръ за заключенными, сначала — одиночное ихъ заключеніе, дабы въ уединеніи они могли обсудить свой проступокъ, а, затѣмъ—ночное разъединеніе ихъ и постоянный производительный, а въ случаѣ невозможности ввести таковой и непроизводительный трудъ, лишь бы не допускать арестантовъ проводить время въ праздности, парализующей всѣ усилія къ ихъ исправленію».

НЕСООТВѢТСТВІЕ РОТЪ ЭТОЙ ЦѢЛИ.

Однако, первые-же годы существованія военно-исправительныхъ ротъ указали, что этой основной задачѣ онѣ мало удовлетворяли. Извѣстный бытописатель военныхъ арестантовъ — В. Н. Никитинъ, въ 1873 году уже отмѣчалъ, что военно-исправительныя роты по существу, насколько показало ему непосредственное и самое детальное ознакомленіе съ пятью исправительными ротами изъ 15-ти существовавшихъ,—имѣли характеръ карательный, а не исправительный [1]).

Изученіе военно-арестантскаго быта привело Никитина къ идеѣ о необходимости созданія особыхъ военно-карательныхъ дисциплинарныхъ частей:

«Прекративъ тѣмъ или другимъ способомъ ссылку въ исправительныя роты людей, тамъ неумѣстныхъ, — разсуждаетъ онъ,—можно будетъ передавать туда для нравственнаго исправленія остальныхъ, дѣйствительно позорящихъ свое званіе безчестными, безнравственными преступленіями. Тогда съ значительнымъ уменьшеніемъ численности арестантовъ въ ротахъ получится полная возможность психологически изучить слабыя стороны ихъ характеровъ и дѣйствовать на нихъ сознательными мѣрами, принятыми во всѣхъ государствахъ, гдѣ плодотворные результаты пенитенціарной науки достаточно уже проявились, окрѣпли въ

[1]) В. Н. Никитинъ—«Бытъ военныхъ арестантовъ въ крѣпостяхъ», СПб., 1873 стр. 409 и 418.

общественномъ мнѣніи, которое является самымъ безпристрастнымъ судьею гуманныхъ реформъ». *Тѣхъ же, которые попали въ роты за спеціально воинскія преступленія и, поэтому, не подлежатъ нравственному исправленію, а карательному взысканію, слѣдуетъ отдавать въ особыя «карательныя учрежденія», которыя пріучали бы къ строгому выполненію служебнаго дома; въ такія учрежденія можно было-бы обратить нѣкоторыя военно-исправительныя роты, напр., бобруйскую.*

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЯ ЧЕРТЫ ОРГАНИЗАЦІИ ВОЕННО-ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ РОТЪ.

Между тѣмъ, въ военно-исправительныхъ ротахъ, раньше всего поражалъ низкій умственный и нравственный уровень самихъ исправителей—административнаго персонала, къ тому-же нищенски вознаграждаемаго за трудъ и лишеннаго даже тѣни самостоятельности въ кругѣ своей спеціальной дѣятельности. Самый порядокъ комплектованія офицеровъ и кадра нижнихъ чиновъ военно-арестантскихъ ротъ устранялъ, по мнѣнію Никитина, возможность улучшить административный составъ ротъ.

Внутренній порядокъ содержанія и размѣщенія арестантовъ въ исправительныхъ ротахъ не только не удовлетворялъ требованію объ исправленіи нравственности заключенныхъ, но, напротивъ того, благопріятствовалъ развитію пороковъ и униженію въ арестантахъ чувства человѣческаго достоинства. Заботы Главнаго Тюремнаго Комитета (15 ноября 1868 г.) объ отмѣнѣ позорныхъ знаковъ на одеждѣ арестантовъ исправительныхъ ротъ и объ улучшеніи режима въ ротахъ (напр., положенія Гл. Тюр. Комитета 15 ноября 1869 г., отъ 12 февраля 1871 г. и др.) служили лишь вящшимъ подтвержденіемъ неудовлетворительности разрѣшенія разсматриваемаго вопроса при созданіи исправительныхъ ротъ. Наконецъ, нераціонально поставленный въ ротахъ обязательный арестантскій трудъ, плохо организованное обученіе арестантовъ мастерствамъ и грамотности и отсутствіе разумнаго религіозно-нравственнаго воздѣйствія на арестантовъ — вотъ наиболѣе типичныя отрицательныя черты военно-исправительныхъ ротъ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что самое названіе «арестантъ», несоотвѣтствовавшее достоинству военно-служащаго, принижало заключенныхъ не только въ стѣнахъ исправительныхъ ротъ, но и по выходѣ изъ ротъ—въ строевыхъ уже частяхъ. Да и, вообще, отбывшіе наказаніе въ исправительныхъ ротахъ нижніе чины, за малыми исключеніями, представляли уже совершенно неподходящій къ строевой службѣ элементъ.

НЕСООТВѢТСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ВЫСШАГО УПРАВЛЕНІЯ РОТАМИ.

Наконецъ, и высшая военно-тюремная организація, въ лицѣ существовавшаго въ то время Главнаго Военно-Тюремнаго Комитета, при всемъ желаніи содѣйствовать усовершенствованію военно-исправительныхъ ротъ, была безсильна, такъ какъ пользовалась лишь фиктивной властью, тогда какъ руководящая роль принадлежала Главному Штабу.

Вполнѣ справедливо по этому поводу замѣчаетъ В. Н. Никитинъ: «Главный Военно-Тюремный Комитетъ по отношенію къ персоналу ротъ находится въ такомъ же стѣсненіи, въ какомъ впали гражданскіе тюремные комитеты къ персоналу сихъ тюремъ: начальство ротъ и тюремъ заботится главнѣе всего о томъ, чтобы имъ была довольна мѣстная администрація, непосредственная надъ нимъ власть, отъ которой зависитъ его, начальства, служебное благополучіе, и одинаково безучастно, равнодушно относится къ стремленіямъ комитетовъ, не могущихъ ни смѣнять, ни по-

вышать. И вся равница между главнымъ военнымъ и гражданскими тюремными комитетами заключается лишь въ томъ, что послѣдніе, просуществовавъ болѣе 50 лѣтъ, постепенно утрачивали, вслѣдствіе давленія администраціи, свое значеніе, тогда какъ первый былъ прямо посаженъ на безплодный грунтъ при самомъ своемъ учрежденіи...» [1]).

Окончательный, наконецъ, ударъ всей системѣ военно-исправительныхъ ротъ былъ нанесенъ введеніемъ 1 января 1874 года, общей воинской повинности; ударъ настолько чувствительный, что всего годъ спустя, а, именно, въ 1876 году—военно-исправительныя роты уже перестаютъ существовать [2]).

Съ введеніемъ общеобязательной воинской повинности, въ рядахъ арміи не могли уже оставаться нижніе чины, совершавшіе преступленіе, влекущее за собою лишеніе чести и правъ, какъ лично и по состоянію принадлежащихъ, такъ и пріобрѣтенныхъ службою. Всѣ такія лица подлежали исключенію изъ военной службы и, по передачѣ ихъ гражданскому начальству, поступали въ арестантскія роты или другія мѣста заключенія гражданскаго вѣдомства; въ войскахъ-же предположено было оставлять для продолженія дѣйствительной службы лишь тѣхъ изъ нижнихъ чиновъ, которые совершили преступленія исключительно воинскія, т.-е. противъ дисциплины, подчиненности и порядка службы. Вслѣдствіе этого, значеніе военно-исправительныхъ ротъ совершенно должно было измѣниться: изъ исправительныхъ, онѣ должны были обратиться въ карательныя заведенія; къ тому-же, вслѣдствіе краткосрочности службы, и лишеніе свободы въ ротахъ не должно было превышать 3 лѣтъ.

Поэтому-то, одновременно съ пересмотромъ особою комиссіею Воинскаго Устава о наказаніяхъ, оказалось необходимымъ пересмотрѣть и Положеніе о военно-исправительныхъ ротахъ. Съ этою цѣлью, по приказанію Военнаго Министра ген.-адъют. Милютина, тогда-же была составлена при Главномъ Штабѣ комиссія, подъ предсѣдательствомъ Управляющаго дѣлами Главнаго Военно-Тюремнаго Комитета ген.-м. Анненкова, на которую и былъ возложенъ пересмотръ Положенія о военно-исправительныхъ ротахъ. Соображенія о необходимости при-

---

[1]) В. Н. Никитинъ—«Бытъ воен. ар.» стр., 524.

[2]) См. «Воен. сб.», 1890 г., № 7.—«Дисциплинарные батальоны и роты въ ряду воинскихъ наказаній, сопряженныхъ съ лишеніемъ свободы»—В. Афанасьева.

ступить къ преобразованію военно-исправительныхъ ротъ были представлены въ Главный Штабъ и 16 іюня 1874 г. одобрены Военнымъ Министромъ [1]).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СООБРАЖЕНІЯ.

Раньше всего предположено было измѣнить устройство помѣщеній военно-исправительныхъ ротъ, такъ какъ въ ночномъ разобщеніи арестантовъ уже надобности не встрѣчалось, и всѣ содержащіеся въ ротахъ нижніе чины должны быть расположены обыкновеннымъ казарменнымъ порядкомъ. Также предположено было отмѣнить и одиночное заключеніе, которому подвергались всѣ вновь прибывающіе въ роту арестанты; въ ротахъ-же предположено было оставить соотвѣтственное число карцеровъ для содержанія въ нихъ какъ провинившихся заключенныхъ, такъ и тѣхъ изъ нихъ, которые по своему строптивому характеру не подчинятся сразу требованіямъ той строжайшей дисциплины, которая должна быть соблюдена въ этихъ ротахъ. Самое управленіе военно-исправительными ротами, въ виду того, что численность заключенныхъ сократится почти на половину, предположено было объединить съ управленіемъ военными тюрьмами, такъ чтобы въ каждой изъ ротъ содержались нижніе чины двухъ категорій: а) сосланные собственно въ роты и б) присужденные къ тюремному заключенію. «Такое соединеніе,—какъ значится въ докладѣ, — позволило-бы значительно сократить расходы казны не только по содержанію управленій военно-тюремныхъ заведеній, но и по самому устройству помѣщеній для оныхъ».

Затѣмъ предполагалось: 1) ограничить производство въ ротахъ мастеровыхъ работъ и ввести работы внѣшнія воинскія, крѣпостныя, какъ инженерныя, такъ и артиллерійскія; 2) измѣнить порядокъ занятій въ ротахъ такъ, чтобы заключенные въ теченіе цѣлаго дня, за исключеніемъ времени, необходимаго для отдыха, были постоянно и успленно заняты обученіемъ строю, стрѣльбѣ, гимнастикѣ и фехтованію, а также воинскимъ теоретическимъ познаніямъ, Закону Божьему, работами въ мастерскихъ, хозяйственными и внѣшними-воинскими; 3) отмѣнить установленное для заключенныхъ обязательное молчаніе, какъ несовмѣстимое съ казарменнымъ размѣщеніемъ людей; 4) установить пищевой режимъ, съ отпускомъ довольствія въ уменьшенномъ, по сравненію съ войсками, количествѣ; 5) ввести, какъ взысканіе за проступки заключенныхъ, простой арестъ до 2 мѣсяцевъ и нарядъ на часы до 3 часовъ сряду, безъ ружей, но съ мѣшками на плечахъ, съ тяжестью, равною ранцу съ полной укладкой, при чемъ время, проведенное заключенными подъ арестомъ, вычитывается изъ срока содержанія въ ротѣ; 6) назначать начальниками ротъ и ихъ помощниками исключительно офицеровъ, а не гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства, и 7) замѣнить присвоенное положеніемъ въ ротахъ названіе «а р е с т а н т ъ» другимъ, менѣе позорнымъ, а именно — «з а к л ю ч е н н ы м ъ».

Вслѣдъ затѣмъ отдано было распоряженіе пріостановить производившіяся въ кронштадтской [2]), воронежской, смоленской, екатериноградской и омской военно-исправительныхъ ротахъ работы по

---

[1]) Докладъ Воен. Министру, представленный 16 іюня 1874 г.—Арх. Гл. Шт.

[2]) Въ кронштадтской военно-исправительной ротѣ работа къ тому времени уже была пріостановлена, вслѣдствіе ходатайства начальства петербургскаго военнаго округа.

устройству камеръ для одиночнаго заключенія и каютъ для ночного разъединенія арестантовъ.

Эти соображенія были переданы на заключеніе Главнаго Военно-Суднаго Управленія, послѣ чего на Главный Военно-Тюремный Комитетъ возложенъ былъ трудъ пересмотра и измѣненія Положенія о военно-исправительныхъ ротахъ.

Проектъ комиссіи. Комиссія генерала Анненкова составила проектъ [1]) преобразованія военно-исправительныхъ ротъ. Изъ объяснительной записки къ этому проекту видно, что комиссія признала необходимымъ положить въ основаніе преобразованія этихъ заведеній строгую военную организацію и дать возможно широкое развитіе въ нихъ строевымъ занятіямъ съ тѣмъ, чтобы изъ ссылаемыхъ въ эти заведенія нижнихъ чиновъ, не усвоившихъ значеніе воинской дисциплины и важность требованій службы, образовать солдатъ, сознательно относящихся къ своимъ обязанностямъ. Однѣмъ изъ преобразуемыхъ военно-исправительныхъ ротъ предположено было дать организацію 4-хъ или 2-хъ ротнаго батальона, силою отъ 300 до 600 человѣкъ, при составѣ ротъ отъ 100 до 150 человѣкъ, другимъ-же оставить ихъ настоящій ротный составъ и, наконецъ, нѣкоторыя изъ военно-исправительныхъ ротъ вовсе упразднить.

Самое названіе «военно-исправительныя роты» предположено было измѣнить соотвѣтственно новому ихъ назначенію, и заведенія эти, смотря по ихъ численности, проектировано было именовать «дисциплинарными батальонами» и «ротами». Равнымъ образомъ проектировано было измѣнить именованіе содержащихся въ этихъ заведеніяхъ нижнихъ чиновъ, какъ и присужденныхъ къ заключенію въ военныхъ тюрьмахъ—«заключенными», а не «арестантами».

Дисциплинарный батальонъ или рота поручались, по проекту комиссіи, начальнику батальона или роты. Въ составъ офицеровъ каждой дисциплинарной части назначались: ротные командиры, по числу ротъ въ заведеніи, офицеръ для завѣдыванія тюремнымъ отдѣленіемъ и офицеръ для завѣдыванія учебною командою; кромѣ того, назначались: священникъ, врачъ и секретарь (онъ-же завѣдывающій хозяйствомъ).

Давая широкое развитіе строевымъ занятіямъ, въ кругъ которыхъ должны входить, какъ обученіе фронту, такъ и гимнастикѣ и употребленію штыка въ бою, комиссія предположила въ значительной степени ограничить производство существовавшихъ въ военно-исправительныхъ ротахъ мастеровыхъ работъ; оставивъ ихъ въ такихъ лишь размѣрахъ, чтобы обезпечить нужды дисциплинарнаго заведенія въ хозяйственномъ отношеніи. Взамѣнъ этого проектъ ввелъ въ дисциплинарныхъ частяхъ приготовительныя словесныя занятія, т.-е. изученіе свѣдѣній, необходимыхъ для каждаго солдата.

Занятія эти, въ виду значительности различія въ умственномъ отношеніи, степени грамотности и служебной подготовки, предположено было производить по положенію ротныхъ командъ, а въ батальонной и ротной учебной командѣ—на основаніи положенія о полковыхъ учебныхъ командахъ

---

[1]) См. Арх. Гл. Шт. «Объяс. записка» и проектъ комиссіи ген. Анненкова.

Существовавшее въ военно-исправительныхъ ротахъ дѣленіе заключенныхъ на разряды исправляющихся и испытуемыхъ—предположено отмѣнить, какъ несоотвѣтствующее будущему составу дисциплинарныхъ частей, въ которыхъ масса заключенныхъ не будетъ требовать исправленія нравственности. Равнымъ образомъ, предполагалось отмѣнить одиночное заключеніе, установленное для арестантовъ разряда испытуемыхъ, въ теченіе половины срока испытанія, опредѣленнаго для нихъ ст. 60 кн. XVII С. В. П. 1869 г., оставивъ обязательнымъ одиночное заключеніе для всѣхъ вновь прибывающихъ въ дисциплинарную часть, въ теченіе первыхъ двухъ недѣль по прибытіи ихъ, собственно въ тѣхъ видахъ, чтобы дать имъ освоиться съ своимъ положеніемъ и доставить начальству заведенія возможность ознакомиться съ заключенными и объяснить имъ всѣ правила и требованія жизни заведенія. Ночное разобщеніе было отмѣнено; размѣщеніе людей проектировалось—въ казарменномъ порядкѣ, въ общихъ камерахъ.

Заключенные, по проекту, получали вещевое довольствіе по особой табели, при чемъ форма самаго обмундированія, какъ заключенныхъ, такъ и служащихъ въ дисциплинарныхъ частяхъ чиновъ, предположена была тождественная съ формой мѣстныхъ войскъ. Въ порядкѣ наложенія на заключенныхъ взысканій проектированы были нѣкоторыя измѣненія, при чемъ какъ тѣлесное наказаніе, такъ и наложеніе на провинившихся оковъ,—отмѣнялись.

Отмѣна продолжительнаго одиночнаго заключенія для вновь прибывающихъ заключенныхъ давала возможность значительную часть имѣвшихся въ военно-исправительныхъ ротахъ одиночныхъ камеръ назначить для содержанія нижнихъ чиновъ, приговариваемыхъ по суду къ заключенію въ военныхъ тюрьмахъ. Такія тюремныя отдѣленія при дисциплинарныхъ частяхъ предположено было поручить: въ батальонахъ — въ непосредственное завѣдываніе офицера, завѣдывающаго хозяйственной частью, а въ ротахъ—одного изъ ротныхъ офицеровъ, по усмотрѣнію начальника роты; общее-же наблюденіе возлагалось на начальника части, который въ отношеніи порядка содержанія нижнихъ чиновъ, заключенныхъ въ этихъ тюремныхъ отдѣленіяхъ, руководствовался законоположеніями о военныхъ тюрьмахъ.

ДАЛЬНѢЙШІЙ ХОДЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХЪ РАБОТЪ.

Этотъ проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе въ Главный Военно-Тюремный Комитетъ, который, по разсмотрѣніи его въ составѣ: предсѣдателя ген.-ад. Лутковскаго, членовъ: ген.-ад. графа Гейдена, ген.-ад. графа Шувалова, статсъ-секретаря Философова, ген.-лейт-въ: Длотовскаго, Рыдзевскаго, Тилло, Калугина и Симановскаго, ген.-маіоровъ Бѣленченко, Шлейфера и Анненкова и д. ст. сов. Косаговскаго, представилъ его на заключеніе Главнаго Военно-Кодификаціоннаго Комитета. Этотъ послѣдній составилъ рядъ своихъ замѣчаній на статьи проекта, вслѣдствіе чего названный проектъ вновь былъ препровожденъ въ Главный Военно-Тюремный Комитетъ, который съ большею частью замѣчаній Главнаго Военно-Кодификаціоннаго Комитета согласился.

Вмѣстѣ съ тѣмъ затребованы были соображенія по проекту отъ Главныхъ Интендантскаго и Артиллерійскаго Управленій и Военно-Госпитальнаго Комитета по вопросамъ, относящимся къ ихъ вѣдомству. Интересно отмѣтить, что Главное Интендантское Управленіе исчислило стоимость содержанія одного дисциплинарнаго батальона шестисотеннаго состава, по интендантскому лишь вѣдомству, прибли-

зительно въ 53.324 руб. 82 коп. въ годъ; содержаніе-же военно-исправительныхъ ротъ на 600 арестантовъ обходилось ежегодно въ 37.857 руб. 66 коп.

Послѣ соотвѣтствующихъ, по указаніямъ названныхъ управленій, измѣненій въ проектѣ, этотъ послѣдній былъ 12 мая 1876 года [1]) внесенъ, по распоряженію Военнаго Министра, на разсмотрѣніе въ Военный Совѣтъ, при чемъ Начальникъ Главнаго Штаба, ген.-ад. графъ Гейденъ, признавалъ:

«Безотлагательную надобность въ изданіи нынѣ-же означеннаго новаго Положенія, тѣмъ болѣе, что съ учрежденіемъ дисциплинарныхъ заведеній, взамѣнъ существующихъ военно-исправительныхъ ротъ, не предвидится новаго расхода, такъ какъ по соображеніямъ Главнаго Военно-Тюремнаго Комитета, въ виду значительнаго сокращенія, съ введеніемъ новаго Воинскаго Устава о наказаніяхъ, числа военныхъ арестантовъ, предполагается учредить только 7 дисциплинарныхъ батальоновъ и двѣ таковыя роты, 19 же существующихъ военно-исправительныхъ ротъ должны быть упразднены».

Вмѣстѣ съ тѣмъ ген.-ад. гр. Гейденъ высказался о необходимости разрѣшить происшедшія между главными военными комитетами—Тюремнымъ и Кодификаціоннымъ—разногласія по нѣкоторымъ вопросамъ, указавъ и желательное разрѣшеніе этихъ вопросовъ, изъ которыхъ упомянемъ: 1) чтобы время нахожденія нижнихъ чиновъ въ дисциплинарныхъ заведеніяхъ не было зачитаемо имъ въ дѣйствительную службу и 2) чтобы нижнихъ чиновъ препровождать въ дисциплинарныя части безъ наручней и отдѣльно отъ арестантовъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія.

ВРЕМЕННЫЯ ПРАВИЛА О СОДЕРЖАНІИ ВЪ ВОЕННО-ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ РОТАХЪ ВНОВЬ ОСУЖДАЕМЫХЪ НИЖНИХЪ ЧИНОВЪ.

Такъ какъ новый Воинскій Уставъ о наказ. введенъ былъ въ дѣйствіе съ 1 августа 1875 года, а нижніе чины, присуждаемые къ отдачѣ въ военно-исправительныя роты за проступки военно-служебнаго характера, не могли быть смѣшиваемы съ тѣми заключенными въ военно-исправительныхъ ротахъ, которые отдавались туда до тѣхъ поръ и за общія уголовныя преступленія, между тѣмъ проектъ Главнаго Тюремнаго Комитета о преобразованіи военно-тюремныхъ учрежденій требовалъ значительнаго времени для разработки, то, по распоряженію Военнаго Министра, была составлена записка съ указаніемъ временныхъ правилъ содержанія въ военно-исправительныхъ ротахъ вновь осуждаемыхъ нижнихъ чиновъ. Записка эта и была 10 августа 1875 г. представлена Военному Министру, а 20 августа препровождена для исполненія въ Главное Военно-Судное Управленіе [2]).

Въ запискѣ этой значится: «Принимая во вниманіе: а) что пересмотръ этихъ правилъ (проекта Гл. В.-Тюр. Комитета) и окончательное ихъ утвержденіе потребуетъ еще времени, а между тѣмъ осуждаемые по новому уставу о наказаніяхъ начнутъ нынѣ уже поступать въ военно исправительныя роты, б) что совмѣстное содержаніе новыхъ заключен-

[1]) См. докладъ по Гл. Штабу отъ 12 мая 1876 г. за № 976.

[2]) См. Арх. Гл. В.-Суд. Упр.—Отношеніе Гл. Штаба отъ 20 августа 1875 г. за № 7.196 и приложенная къ нему записка съ резолюціей Воен. Министра, ген.-ад. Милютина.

ныхъ съ прежними крайне неудобно, тѣмъ болѣе, что въ числѣ ихъ могутъ быть и лица привилегированныхъ сословій и в) что за принятыми мѣрами къ очищенію военно-исправительныхъ ротъ какъ передачею въ войска, такъ и въ гражданское вѣдомство, въ ротахъ сихъ будетъ около 2.400 свободныхъ мѣстъ и что, потому, является полная возможность нынѣ-же избрать три заведенія, для содержанія въ нихъ присуждаемыхъ къ заключенію по новымъ законамъ, передавъ содержащихся въ нихъ нынѣшнихъ арестантовъ въ другія роты, необходимо сдѣлать слѣдующія распоряженія:

«1) осужденныхъ въ военно-исправительныя роты по новому закону отправлять въ роты: въ кронштадтскую (штатное помѣщеніе на 700 чел.) изъ округовъ: петербургскаго, финляндскаго, московскаго, а также губерній Казанской, Вятской и Пермской — казанскаго военнаго округа, въ бобруйскую (600 мѣстъ) — изъ округовъ: виленскаго, варшавскаго и кіевскаго, въ воронежскую (300 мѣстъ)—изъ округовъ: одесскаго и харьковскаго, а также изъ остальныхъ губерній казанскаго военнаго округа. Что касается до округовъ оренбургскаго, туркестанскаго, кавказскаго и обоихъ сибирскихъ, то на первое время предоставить начальству принять мѣры къ тому, чтобы осужденные по новымъ правиламъ были непремѣнно отдѣлены отъ прочихъ арестантовъ».

«2) Состоящихъ нынѣ въ означенныхъ 3-хъ ротахъ арестантовъ перевести: изъ кронштадтской 51 чел. въ шлиссельбургскую и 160 — въ динабургскую исправительныя роты; изъ бобруйской: 126 — въ динабургскую, 120 — въ брестъ-литовскую и 100—въ кіевскую исправительныя и изъ воронежской роты — въ смоленскую — 210 и въ херсонскую — 159 чел.».

По распредѣленіи такимъ образомъ осужденныхъ, начальству кронштадтской, бобруйской и воронежской ротъ предложено было руководствоваться относительно порядка содержанія вновь осуждаемыхъ нижнихъ чиновъ, въ видѣ временной мѣры впредь до утвержденія законодательнымъ порядкомъ, тѣмъ проектомъ устройства дисциплинарныхъ батальоновъ и ротъ, который былъ къ этому времени впервые выработанъ Главнымъ Военно-Тюремнымъ Комитетомъ.

Съ 1 сентября 1875 года для содержанія воинскихъ чиновъ, присужденныхъ къ заключенію по новымъ законамъ, назначены были кронштадтская, бобруйская, воронежская, херсонская и екатеринославская военно-исправительныя роты, которыя и были предназначены къ переформированію въ дисциплинарные батальоны; одновременно отдано было распоряженіе, чтобы всѣхъ состоявшихъ уже въ ротахъ арестантовъ, независимо рода совершенныхъ ими преступленій, по окончаніи опредѣленнаго имъ срока заключенія въ ротахъ, исключать изъ военнаго вѣдомства и передавать на распоряженіе гражданскаго начальства. Такъ какъ вслѣдъ за означеннымъ распоряженіемъ, въ эти роты, содержимыя на основаніи проектированнаго Главнымъ Военно-Тюремнымъ Комитетомъ Положенія о дисциплинарныхъ батальонахъ и ротахъ, въ числѣ осужденныхъ по новому уставу безъ лишенія, а лишь съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, начали поступать и рецидивисты, лишенные всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, то 26 марта 1876 г. Главный Военно-Тюремный Комитетъ вошелъ съ представленіемъ въ

Главный Штабъ о распоряженіи, чтобы всѣхъ тѣхъ заключенныхъ, которые были уже прежде въ военно-исправительныхъ ротахъ и нынѣ вновь присуждены къ этому наказанію, перевели въ роты, не предназначенныя для переформированія въ дисциплинарные батальоны.

МѢРЫ КЪ УМЕНЬШЕНІЮ ЧИСЛА АРЕСТАНТОВЪ ВЪ ВОЕННО-ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ РОТАХЪ.

Надо отмѣтить, что еще въ мартѣ 1875 года выяснилось могущее встрѣтиться затрудненіе въ передачѣ нижнихъ чиновъ, подлежащихъ по судебнымъ приговорамъ за общія преступленія, согласно требованію новаго Воинскаго Устава, исключенію со службы и лишенію воинскаго званія — въ мѣста заключенія гражданскаго вѣдомства. По заявленію члена Главнаго Военно-Тюремнаго Комитета—Директора Департамента исполнительной Полиціи д. ст. сов. Касаговскаго — въ гражданскихъ тюрьмахъ, устроенныхъ для размѣщенія 63.000 человѣкъ, содержалось въ 1875 году свыше 75.000 человѣкъ, а въ арестантскихъ ротахъ, устроенныхъ для заключенія 6.740 человѣкъ, — находилось 10.500 человѣкъ; слѣдовательно, гражданское вѣдомство могло-бы принять военныхъ арестантовъ только при условіи предварительнаго устройства для нихъ помѣщеній; кромѣ того, вопросъ этотъ стоялъ въ такой тѣсной связи съ находившимися въ то время на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта представленіями о тюремномъ преобразованіи въ Имперіи, что онъ подлежалъ разрѣшенію въ законодательномъ порядкѣ. Въ виду этого, а также въ виду предстоящаго утвержденія проектированнаго Главнымъ Военно-Тюремнымъ Комитетомъ новаго Положенія о дисциплинарныхъ учрежденіяхъ, признано было необходимымъ принять мѣры къ удаленію изъ военно-исправительныхъ ротъ наиболѣе порочныхъ арестантовъ и къ исключенію изъ военнаго вѣдомства тѣхъ изъ арестантовъ, содержащихся въ этихъ ротахъ, которые оканчивали сроки заключенія и, будучи сосланы въ роты за преступленія общія, не могутъ уже поступить на службу въ ряды арміи. Для устраненія-же затрудненія со стороны гражданскаго вѣдомства въ размѣщеніи подобныхъ арестантовъ, испрошено было разрѣшеніе передать въ распоряженіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ зданія бывшаго копскаго завода въ Гавриловскомъ посадѣ, Шуйскаго уѣзда, Владимірской губерніи, которыя къ тому времени уже были приспособлены для размѣщенія 100 чел. и могли быть приспособлены для размѣщенія еще 500 человѣкъ.

Главное Военно-Судное Управленіе, испрашивая Высочайшее повелѣніе на указанныя мѣропріятія, полагало сверхъ того: «всѣхъ арестантовъ, независимо рода совершенныхъ ими преступленій, не подающихъ надежды на исправленіе и которые должны оставаться въ ротахъ не менѣе 3 лѣтъ, преимущественно сосланныхъ въ роты уже не первый разъ, нынѣ-же выслать въ Сибирь на водвореніе, предоставивъ начальникамъ мѣстныхъ войскъ въ военныхъ округахъ утвердить списки арестантамъ этой послѣдней категоріи и сдѣлать распоряженіе о сдачѣ этихъ арестантовъ на пересыльные пункты, для отправленія въ Сибирь не позже 15 іюля сего года». Арестантовъ-же, сосланныхъ въ роты за преступленія исключительно служебныя, нарушенія воинской дисциплины и порядка службы, которымъ осталось

пробыть въ ротахъ не болѣе 9 мѣсяцевъ, возвратить на службу въ войска, если будетъ засвидѣтельствовано ихъ хорошее поведеніе [1]).

Высочайшее повелѣніе по этому докладу объ уменьшеніи числа арестантовъ въ военно-исправительныхъ ротахъ послѣдовало $^{11}/_{23}$ іюня 1875 года.

27 марта 1875 г. [2]) состоялось журнальное постановленіе Главнаго Военно-Тюремнаго Комитета, въ которомъ Комитетъ проситъ Главный Штабъ сдѣлать, по утвержденіи проекта Положенія о дисциплинарныхъ учрежденіяхъ, распоряженіе о сформированіи въ кр. Бобруйскѣ перваго дисциплинарнаго батальона, для чего всѣхъ арестантовъ бобруйской военно-исправительной роты, за исключеніемъ 200 человѣкъ, преимущественно ближайшихъ къ освобожденію сроковъ заключенія, перевести въ роты: рижскую, динабургскую и кіевскую; означенные-же 200 человѣкъ оставить въ кр. Бобруйскѣ собственно для работъ на инженерномъ кирпичномъ заводѣ.

УПРАЗДНЕНІЕ ВОЕННО ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ РОТЪ.

Затѣмъ 11 марта 1876 года [3]) послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ упраздненіи свеаборгской военно-исправительной роты, при чемъ всѣ состоявшіе въ ней арестанты были переданы въ шлиссельбургскую военно-исправительную роту. Далѣе 17 августа [4]) того-же года упразднены были военно-исправительныя роты: рижская, динабургская, екатеринбургская, астраханская и оренбургская; начальники этихъ ротъ и нижніе чины были распредѣлены на службу въ войска, а арестанты, для окончанія срока заключенія, были переведены изъ рижской и динабургской ротъ—въ кіевскую, изъ астраханской — въ херсонскую и изъ екатеринбургской и оренбургской — въ омскую военно-исправительныя роты. Помѣщенія ротъ были сданы по принадлежности, кромѣ рижской, гдѣ учреждено было военно-тюремное отдѣленіе. 4 декабря того-же года была упразднена надзорная команда, причисленная къ штату шлиссельбургской военно-исправительной роты [5]). 9 марта 1878 года послѣдовало упраздненіе константиновской военно-исправительной роты [6]), а 6 апрѣля того-же года—кіевской [7]). Наконецъ, 17 мая того-же 1878 года были преобразованы военно-исправительныя роты, учрежденныя для содержанія нижнихъ чиновъ, присуждавшихся, по Воинскому Уставу о наказ. 1868 года, къ отдачѣ въ эти роты, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ,— въ дисциплинарные батальоны и роты, назначенные для содержанія нижнихъ чиновъ, присуждаемыхъ по Воинскому Уставу о наказ. 1875 г. къ заключенію, съ потерею лишь нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. Циркуляромъ Главнаго Штаба 16 іюня 1879 года [8]) оста-

---

[1]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр. Докладъ 3 мая 1875 г., № 2.753.
[2]) См. журналъ засѣданія CXI.
[3]) П. С. З., т. LI, № 55.691.
[4]) П. С. З., т. LI, № 56.314.
[5]) П. С. З., т. LI, № 56.663.
[6]) П. С. З., т. LIII, № 58.267.
[7]) Тамъ же, № 58.367.
[8]) № 230.

влена была временно не преобразованною одна лишь смоленская военно-исправительная рота, которая и назначена была для содержанія арестантовъ всѣхъ упраздненныхъ военно-исправительныхъ ротъ, приговоренныхъ къ заключенію по прежде дѣйствовавшему Воинскому Уставу о наказ. Съ теченіемъ времени число нижнихъ чиновъ, сосланныхъ въ военно-исправительныя роты, сосредоточенныхъ въ Смоленской ротѣ, постепенно уменьшилось, за отбытіемъ сроковъ. Вслѣдствіе этого 28 апрѣля 1881 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе [1]) объ упраздненіи смоленской военно-исправительной роты, съ тѣмъ, чтобы содержащіеся въ ней арестанты были распредѣлены по указанію Главнаго Штаба.

Такъ какъ къ этому времени въ Смоленской военно-исправительной ротѣ содержалось всего два арестанта, къ тому же неправильно приговоренные судами гражданскаго вѣдомства къ заключенію въ военно-исправительныхъ ротахъ, то Главное Военно-Судное Управленіе 13 іюня 1881 г. [2]), принявъ во вниманіе, что срокъ заключенія этимъ двумъ арестантамъ оканчивался въ сентябрѣ того-же года, испросило Всемилостивѣйшее соизволеніе Государя Императора на освобожденіе ихъ изъ роты, съ тѣмъ, чтобы отправить ихъ на мѣсто родины, въ случаѣ согласія обществъ принять ихъ въ свою среду, а въ противномъ случаѣ сослать на водвореніе въ менѣе отдаленныя мѣста Сибири.

Такъ окончили свое недолгое существованіе военно-исправительныя роты.

---

[1]) Приказъ по в. вѣд. отъ 6 мая 1881 г. за № 119, З.—2 П. С. С., т. 1, № 117.

[2]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр. 1881 г., 13 іюня, № 3.043.

ГЛАВА IV.

ЕСТОГО мая 1878 года Высочайше было утверждено «Положеніе о дисциплинарныхъ батальонахъ и ротахъ» [1]; преобразованіе же повелѣно было вводить въ дѣйствіе постепенно, по мѣрѣ упраздненія военно-исправительныхъ ротъ. *Положеніе о дисциплинарныхъ частяхъ.*

Преобразуемымъ военно-исправительнымъ ротамъ предположено было дать организацію четырехротныхъ батальоновъ, численностью до 600 человѣкъ, при составѣ ротъ отъ 100 до 150 человѣкъ. Изъ общаго числа военно-исправительныхъ ротъ семь (шлиссельбургская, бобруйская, новогеоргіевская, смоленская, воронежская, херсонская и екатеринославская) обращены были въ дисциплинарные батальоны четырехротнаго состава, при чемъ каждый изъ нихъ предназначался для содержанія заключенныхъ изъ опредѣленныхъ военныхъ округовъ; двѣ роты (омская и иркутская) обращены были въ дисциплинарныя роты: первая — на 300, а послѣдняя на 150 человѣкъ. Для туркестанскаго же округа предполагалось вновь сформировать дисциплинарную роту на 200 человѣкъ заключенныхъ; остальныя исправительныя роты, по мѣрѣ уменьшенія въ нихъ арестантовъ, подлежали постепенному упраздненію.

---

[1]) П. С. З., т. LIII, № 58.477.

Еще до окончательнаго утвержденія новаго Положенія о дисциплинарныхъ частяхъ, приняты были различныя подготовительныя мѣры къ предстоящему преобразованію, которыя заключались: 1) въ окончательномъ устройствѣ помѣщеній, предназначенныхъ къ нереформированію военно-исправительныхъ ротъ, съ приспособленіемъ ихъ къ казарменному расположенію заключенныхъ; 2) въ постепенномъ упраздненіи остальныхъ военно-исправительныхъ ротъ; 3) въ развитіи занятій фронтомъ, гимнастикой и грамотностью; 4) въ освобожденіи роть отъ большей части арестантовъ, приговоренныхъ къ содержанію въ нихъ за преступленія неслужебныя, передачею ихъ въ распоряженіе гражданскаго вѣдомства и, наконецъ, 5) въ сосредоточеніи въ смоленской военно-исправительной ротѣ всѣхъ осужденныхъ по старому уставу.

УСТРОЙСТВО ДИСЦИПЛИНАРНЫХЪ БАТАЛЬОНОВЪ И РОТЪ.

Первая же статья Положенія о дисциплинарныхъ батальонахъ и ротахъ устанавливаетъ, что дисциплинарные батальоны и роты назначены «для содержанія нижнихъ воинскихъ чиновъ по приговорамъ военныхъ судовъ и для пріученія сихъ чиновъ какъ къ правиламъ военной дисциплины, такъ и къ обязанностямъ строевой службы», т.-е. категорически указывается цѣль этого воинскаго наказанія, совершенно отличная отъ цѣли общаго наказанія; цѣль эта, такъ сказать, военно-педагогическая—дисциплинированіе.

Согласно примѣчанію къ этой статьѣ закона, при дисциплинарныхъ частяхъ можетъ быть отдѣленіе военной тюрьмы, состоящее изъ опредѣленнаго числа одиночныхъ камеръ, назначаемыхъ «для содержанія тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые приговариваются по суду къ сему роду наказанія».

Дисциплинарнымъ частямъ придано было устройство на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и строевымъ частямъ войскъ; именовались они по тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ находятся.

УПРАВЛЕНІЕ ДИСЦИПЛИНАРНЫМИ ЧАСТЯМИ.

Дисциплинарные батальоны и роты принадлежали къ составу мѣстныхъ войскъ въ военныхъ округахъ, а потому были на общемъ основаніи подчинены Начальникамъ мѣстныхъ войскъ въ этихъ округахъ, Губернскимъ воинскимъ Начальникамъ или Комендантамъ. Ближайшее же управленіе каждою дисциплинарною частью было ввѣрено особому Начальнику, назначаемому Высочайшимъ приказомъ и пользующемуся правами полкового командира.

Начальнику дисциплинарной части предоставлено было право изби-

рать въ свою часть офицеровъ, которые затѣмъ назначались, установленнымъ порядкомъ, ротными командирами, по числу ротъ въ батальонѣ, одинъ—для завѣдыванія хозяйственною и казначейскою частью и одинъ—для занятій съ заключенными грамотностью. Офицеръ, завѣдывающій хозяйствомъ, несъ и обязанности казначея, а, сверхъ того, непосредственно завѣдывалъ отдѣленіемъ тюрьмы, если оно имѣлось при части.

Кромѣ того, по штатамъ положено было имѣть священника, секретаря, врача и фельдшеровъ.

Для обсужденія мѣръ, касающихся содержанія заключенныхъ, а равно для управленія хозяйственной частью, при каждой дисциплинарной части учреждался Комитетъ изъ наличныхъ офицеровъ, подъ предсѣдательствомъ Начальника части; въ совѣщаніяхъ Комитета, въ извѣстныхъ случаяхъ, принимали участіе священникъ и врачъ.

Начальникомъ дисциплинарной части избирались и кадровые нижніе чины, назначаемые распоряженіемъ Главнаго начальника военнаго округа изъ числа грамотныхъ и неопороченныхъ по суду нижнихъ чиновъ войскъ округа; половина штатнаго числа кадровыхъ допускалась изъ числа сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ. Унтеръ-офицеры назначались фельдфебелями (по 1 въ роту и отдѣленіе военной тюрьмы), для завѣдыванія отдѣленіями заключенныхъ и надзирателями при лазаретѣ, кухнѣ, цейхгаузѣ и строеніяхъ дисциплинарной части.

ПОМѢЩЕНІЯ БАТАЛЬОНА И ДОСТАВЛЕНІЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ.

Въ каждой дисциплинарной части положено было: 1) церковь; 2) общія камеры для казарменнаго размѣщенія заключенныхъ; 3) одиночныя камеры для содержанія нижнихъ чиновъ, вновь поступающихъ въ дисциплинарный батальонъ или роту; 4) карцеры для провинившихся заключенныхъ; 5) мастерскія; 6) столовыя; 7) лазаретъ или пріемный покой; 8) пріемная для поступающихъ въ заведеніе заключенныхъ; 9) помѣщеніе для караула, не имѣющее сообщенія съ внутреннею частью зданія; 10) квартиры для всѣхъ служащихъ при дисциплинарной части, какъ офицеровъ, священника, классныхъ чиновниковъ, такъ и для кадровыхъ нижнихъ чиновъ; 11) цейхгаузъ; 12) кухня и пекарня; 13) баня; 14) манежъ или учебный залъ. Кромѣ того, на дворѣ долженъ быть устроенъ гимнастическій городокъ.

Нижніе чины, высылаемые въ дисциплинарныя части, продолжали числиться въ спискахъ своихъ полковъ и частей, отмѣчаясь только находящимися въ такомъ-то дисциплинарномъ батальонѣ или ротѣ.

Отправлялись осужденные изъ своихъ частей войскъ этапнымъ порядкомъ, установленнымъ для военныхъ арестантовъ, но отдѣльно отъ арестантовъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія и приговоренныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе и въ каторжныя работы.

ПОРЯДОКЪ СОДЕРЖАНІЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ

Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль, по доставленіи, осужденные содержались въ строгомъ одиночномъ заключеніи; остальное время—они находились въ общихъ помѣщеніяхъ. Заключеннымъ, отличавшимся хорошимъ поведеніемъ, срокъ пребыванія въ дисциплинарной части могъ быть сокращенъ, но не болѣе, какъ на $^1/_6$ часть. За шесть недѣль до окончанія срока пребыванія въ дисциплинарной части, заключенные могли быть, по усмотрѣнію Начальника послѣдней, увольняемы со двора одни, безъ конвоя, какъ для исполненія порученій начальства, такъ и по собственной ихъ надобности.

Подробное распредѣленіе времени и занятій составлялось Начальникомъ дисциплинарной части съ тѣмъ, чтобы заключенные занимались въ теченіе дня 2 часа грамотой, 2 часа словесными занятіями (теоретиче-

скими и подготовительными), 3 часа — строемъ, гимнастикой и фехтованіемъ и 4 часа—разными хозяйственными работами.

ПРАВО СВИДАНІЙ. Заключеннымъ предоставлено было право свиданій съ родными и посторонними лицами, и право посылать и получать письма, но, однако, подъ контролемъ администраціи. Право просьбъ и жалобъ было ограничено: просьбы должны были заявляться по командѣ, а коллективныя просьбы и жалобы были вовсе воспрещены.

ПИЩЕВОЙ РЕЖИМЪ. Пищевой режимъ въ дисциплинарныхъ частяхъ установленъ былъ слѣдующій: 1) хлѣба ржаного отпускалось 3 фунта и соли 6 золотниковъ на каждаго заключеннаго; 2) горячая пища, т.-е. щи или похлебка, приготовляемая изъ овощей, въ скоромные дни съ саломъ, а въ постные—съ постнымъ масломъ; два раза въ недѣлю и, кромѣ того, по высокоторжественнымъ днямъ, — съ крошенымъ мясомъ или рыбой, полагая на человѣка по $^1/_4$ фунта того или другого; 3) два раза въ недѣлю каша и 4) квасъ.

ЗАНЯТІЯ. Занятія и работы производились ежедневно, за исключеніемъ дней воскресныхъ, 1 января, первыхъ двухъ дней Рождества, двухъ послѣднихъ дней Страстной недѣли, первыхъ 3-хъ дней Пасхи, праздниковъ: Богоявленія, Вознесенія и Благовѣщенія, трехъ дней, посвященныхъ говѣнію, а равно дней рожденія, тезоименитства и коронованія Государя Императора и Государыни Императрицы.

Строевыя занятія производились ежедневно, при чемъ заключенные обучались одиночному шереножному, взводному и ротному ученію, за исключеніемъ разсыпного строя, которому производился только расчетъ, согласно тогдашнему уставу; обученіе гимнастикѣ и употребленію въ бою штыка производилось совмѣстно съ строевыми упражненіями, для чего въ дисциплинарныхъ частяхъ установлены были ружья на $^1/_4$ штатнаго числа заключенныхъ, а также гимнастическія и фехтовальныя принадлежности. Какъ строевыя, такъ и гимнастическія и фехтовальныя упражненія производились, по положенію, внутри ограды зданій дисциплинарной части.

На священника возложена была обязанность преподаванія Закона Божьяго, а также участія въ обученіи грамотѣ. Это послѣднее и подготовительныя занятія производились по правиламъ, установленнымъ для войскъ [1]), за исключеніемъ свѣдѣній по военной гигіенѣ, при чемъ, для достиженія большаго успѣха, заключенные разбивались на отдѣленія по степени грамотности и служебной подготовкѣ.

РАБОТЫ. На заключенныхъ возлагались исключительно хозяйственныя работы, состоящія въ приготовленіи пищи и кваса, распилкѣ, рубкѣ и подноскѣ дровъ, топкѣ печей, качаніи и носкѣ воды и въ занятіяхъ по содержанію въ чистотѣ и опрятности помѣщеній части; сверхъ того заключенными производились работы: а) по ремонтному исправленію зданій дисциплинарнаго заведенія и б) постройка бѣлья, одежды и обуви, равно какъ и хозяйственныхъ принадлежностей. На частныя работы и даже къ письменнымъ занятіямъ заключенные не должны были отвлекаться.

ВЗЫСКАНІЯ. За проступки, не влекущіе за собою преданія суду, установлены были для заключенныхъ слѣдующія дисциплинарныя взысканія: 1) простой арестъ до 15 сутокъ; 2) строгій арестъ до семи сутокъ; 3) простой арестъ до 1 мѣсяца; 4) усиленный арестъ до 8 сутокъ; 5) строгій арестъ до 20 сутокъ и 6) смѣшанный арестъ до 1 мѣсяца. Когда же проступки сопровождались особыми, увеличивающими вину обстоятельствами, то нарушители, если они состояли въ разрядѣ штрафованныхъ, могли быть наказываемы розгами: до 30 ударовъ—по распоряженію ротнаго командира, и д

[1]) Прик. по в. в. 1875, № 52.

100 ударовъ—по опредѣленію начальника батальона. Всѣ эти взысканія обязательно записывались въ штрафной журналъ. Въ случаѣ явнаго неповиновенія и сопротивленія распоряженіямъ начальства, начальнику дисциплинарной части предоставлено было право употребить силу и даже оружіе, для возстановленія порядка и поддержанія дисциплины.

ПОЛЬЗОВАНІЕ БОЛЬНЫХЪ.

Для пользованія больные заключенные либо оставлялись въ своихъ отдѣленіяхъ, либо помѣщались въ околотокъ, а нуждающіеся въ госпитальномъ леченіи отправлялись въ лазаретъ заведенія, а за неустройствомъ лазарета—въ мѣстный военный госпиталь; больные заключенные пользовались и довольствовались во время болѣзни на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ войскахъ.

ОСВОБОЖДЕНІЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ.

Время, проведенное нижними чинами въ дисциплинарномъ батальонѣ или ротѣ, засчитывалось имъ въ срокъ дѣйствительной службы; освобождались они изъ заключенія: 1) по минованіи опредѣленныхъ имъ сроковъ наказанія и 2) до срока, по совершенной неспособности къ военной службѣ и къ работамъ.

ПОСТЕПЕННОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ДИСЦИПЛИНАРНЫХЪ ЧАСТЕЙ.

Въ 1879 году уже были образованы шлиссельбургскій, бобруйскій, новогеоргіевскій, херсонскій, воронежскій и екатеринославскій дисциплинарные батальоны, изъ которыхъ первые пять — четырехротнаго состава, на 600 заключенныхъ, и послѣдній — двухротнаго состава, на 200 заключенныхъ, а также омская и иркутская дисциплинарныя роты: первая—на 300 и вторая—на 150 заключенныхъ [1]). Нѣсколько позднѣе, а именно въ 1883 году, екатеринославскій батальонъ былъ тоже обращенъ въ 4-хротный, на 400 заключенныхъ [2]). Такимъ образомъ, къ началу царствованія Императора Александра III дисциплинарныя части уже могли вмѣстить до 3.650 заключенныхъ; такъ какъ къ 1 января 1879 г. состояло заключенныхъ, считая и оставшихся къ этому времени арестантовъ военно-исправительныхъ ротъ, — 2.143 [3]), къ 1 января 1880 г. — 2.083, къ 1 января 1881 г.—2.196, т. е. число заключенныхъ было значительно меньше штатнаго числа мѣстъ, то въ 1881 году упразднены были два дисциплинарные батальоны: новогеоргіевскій и шлиссельбургскій [4]).

Однако, такое положеніе вещей продолжалось недолго и въ царствованіе Императора Александра III, со времени пересмотра военно-судебнаго устава въ 1884 г., число заключенныхъ начинаетъ быстро возрастать, что, въ свою очередь, вызвало необходимость въ увеличеніи штатнаго числа мѣстъ для заключенныхъ.

---

[1]) Прик. по воен. вѣд., 1879 г., № 26.
[2]) Прик. по воен. вѣд., 1883 г., № 29.
[3]) «Историч. очеркъ дѣятельности воен. управленія въ Россіи въ первое 25-лѣтіе Государя Императора Александра Николаевича», т. IV.
[4]) Прик. по воен. вѣд., №№ 269 и 297.

ГЛАВА V.

ВАКЛЮЧЕНІЕ ИЗАТОЧЕНІЕ ВЪ КРѢПОСТИ.

ПОРЯДОЧЕНІЕ мѣстъ заключенія военнаго вѣдомства вообще, а въ частности—и въ крѣпостяхъ, какъ это видно изъ разсмотрѣнія подготовительныхъ трудовъ къ реформѣ 16 мая 1867 года, неизбѣжно привело къ Упорядоченію-же заключенія и заточенія въ крѣпости, тѣмъ болѣе, что по Воинскимъ уставамъ о наказаніяхъ, изданнымъ въ 1868 и 1875 годахъ, этотъ родъ воинскаго наказанія былъ окончательно установленъ и получилъ широкое значеніе.

Вотъ почему 3 августа 1875 года были Высочайше утверждены и изданы «Правила заключенія и заточенія въ крѣпости»[1]), сущность которыхъ заключалась въ слѣдующемъ.

УСТРОЙСТВО ПОМѢЩЕНІЙ.

Для содержанія приговоренныхъ къ заключенію въ крѣпости предназначены были особыя крѣпости, въ которыхъ и были устроены отдѣльныя, для этой цѣли, помѣщенія; въ каждой отдѣльной камерѣ полагалось имѣть: кровать, столъ и табуретъ, но заключеннымъ не воспрещалось, съ разрѣшенія коменданта, имѣть въ камерѣ и нѣкоторые предметы, служащіе удобствомъ помѣщенія.

Заключеннымъ разрѣшались прогулки въ отведенномъ для того мѣстѣ, куреніе табаку (съ позволенія коменданта), переписка съ родными и постороннимъ и посѣщеніе (подъ карауломъ) крѣпостной церкви.

По желанію заключенныхъ, имъ дозволялось заниматься въ своихъ

---

[1]) П. С. З., т. L, № 54.963.

камерахъ возможными въ заключеніи работами, читать собственные книги и журналы, но не иначе, какъ съ вѣдома коменданта.

Такимъ образомъ заключенные, въ зависимости отъ своего поведенія, получали нѣкоторыя льготы, въ смыслѣ облегченія режима ихъ содержанія; но отъ коменданта-же зависѣло и лишеніе ихъ этихъ льготъ.

ДОВОЛЬСТВІЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ.

На заключенныхъ отпускались изъ Интендантства кормовыя деньги по расчету: генераламъ по 50 к., штабъ- и оберъ-офицерамъ по 40 коп. въ сутки, а нижнимъ чинамъ, пользующимся особенными правами состоянія, по 20 коп.; при чемъ, съ разрѣшенія коменданта, заключенные могли получать и улучшенную пищу изъ собственныхъ средствъ. Одежда и бѣлье отпускались заключеннымъ отъ казны, но не воспрещалось носить и собственныя платье и бѣлье.

ПРАВО СВИДАНІЙ.

Свиданія не только съ родственниками, но и со знакомыми дозволялись разъ въ недѣлю, однако не иначе, какъ въ присутствіи плацъ-адъютанта, при чемъ посѣтителямъ дозволялось даже входить въ камеру заключенныхъ.

ОРГАНЫ УПРАВЛЕНІЯ ОСУЖДЕННЫМИ КЪ ЗАКЛЮЧЕНІЮ.

Главное завѣдываніе и управленіе осужденными къ заключенію въ крѣпость принадлежали коменданту крѣпости, а ближайшій за ними надзоръ—плацъ-маіору и плацъ-адъютантамъ; для исполненія внутреннихъ обязанностей при заключенныхъ назначались особые нижніе чины.

ОСВОБОЖДЕНІЕ.

Отбывшіе срокъ наказанія заключенные освобождались немедленно и тѣ изъ нихъ, которые не подлежали исключенію изъ службы, возвращались въ свои части, при чемъ имъ возвращались отобранные отъ нихъ знаки отличія и деньги.

ПОЛЬЗОВАНІЕ БОЛЬНЫХЪ.

Тяжко заболѣвшіе заключенные на общемъ основаніи помѣщались въ крѣпостной лазаретъ или госпиталь для леченія, но время болѣзни, проведенное въ лечебномъ заведеніи, исключалось изъ срока пребыванія въ заключеніи; главному начальнику военнаго округа, однако, предоставлялось право, по представленію коменданта, въ случаѣ тяжкой и продолжительной болѣзни заключеннаго, засчитать ему время, проведенное въ лазаретѣ, вполнѣ или частью, въ срокъ заключенія.

Эти правила были 13 октября 1879 года [1]) нѣсколько измѣнены, а именно: военнымъ чинамъ, подлежавшимъ исключенію изъ службы, и всѣмъ гражданскимъ чиновникамъ военнаго вѣдомства, во время заключенія въ крѣпости, положены были кормовыя деньги, въ слѣдующемъ размѣрѣ: генераламъ и гражданскимъ чиновникамъ соотвѣтствующихъ чиновъ—по 50 коп. въ сутки, штабъ- и оберъ-офицерамъ и гражданскимъ чиновникамъ соотвѣтствующихъ чиновъ—по 40 коп., а нижнимъ чинамъ, пользующимся особенными правами состоянія, — по 20 коп. Военные-же чины, числящіеся на службѣ во время заключенія въ крѣпости и не подлежащіе, по освобожденіи, исключенію изъ службы, получали, взамѣнъ кормовыхъ, жалованье по чинамъ сполна. Казенная одежда, бѣлье и постельныя принадлежности отпускались только тѣмъ изъ заключенныхъ, которые получали отъ казны лишь кормовыя деньги, остальные-же заключенные обязаны были имѣть собственное платье, бѣлье и постельныя принадлежности.

Изъ другихъ спеціально крѣпостныхъ мѣстъ заключенія къ 1876 году оставалось лишь Усть-Каменногорское крѣпостное военно-арестантское отдѣленіе, но 5 августа 1876 года [2]) и оно было упразд-

---

[1]) П. С. З., т. LIV, № 60.082.
[2]) П. С. З., т. LI, № 56.281.

нено, а въ занимаемыя имъ зданія переведено было Тобольское военно-каторжное отдѣленіе, переименованное въ Усть-Каменногорское военно-каторжное отдѣленіе, съ присвоеніемъ ему штата управленія упраздненнаго Усть-Каменногорскаго крѣпостнаго военно-арестантскаго отдѣленія. Въ Тобольскѣ же военно-каторжное отдѣленіе было упразднено и вмѣсто него учреждена была каторжная тюрьма гражданскаго вѣдомства.

Мѣра эта была вызвана тѣмъ, что при новыхъ условіяхъ военной службы со времени введенія общей воинской повинности было-бы уже безполезно отягощать нижнихъ чиновъ, ссылаемыхъ въ Сибирь на поселеніе, содержаніемъ въ крѣпостномъ военномъ арестантскомъ отдѣленіи; на этомъ основаніи еще предварительно, а именно въ 1875 г., послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи арестантовъ Усть-Каменногорскаго крѣпостнаго отдѣленія и о препровожденіи ихъ на поселеніе въ Сибирь.

Такимъ образомъ, къ концу царствованія Императора Александра II — крѣпостное заключеніе получило вполнѣ законченную организацію.

ГЛАВА VI.

РАЗВИТІЕ ЭТАПНОЙ СИСТЕМЫ.

СТАНОВИВШІЙСЯ порядокъ этапнаго препровожденія арестантовъ, перевозки ихъ по желѣзной дорогѣ и водянымъ путямъ сообщенія продолжалъ развиваться и во вторую половину царствованія Императора Александра II все въ томъ-же направленіи; желѣзнодорожная сѣть, а въ навигаціонное время и пароходныя сообщенія, развиваясь и расширяясь, обслуживали пересыльную часть почти уже повсемѣстно въ Имперіи [1]), а въ 1877 году, введеніемъ Высочайше утвержденнаго Положенія о перевозкѣ арестантовъ, установлено было и необходимое единообразіе въ порядкѣ такого способа пересылки арестантовъ.

Хотя по закону нижніе чины, осужденные въ исправительныя роты, препровождались туда «отдѣльно отъ арестантовъ, лишенныхъ правъ состоянія», но на практикѣ этого не соблюдалось.

ПРЕПРОВОЖДЕНІЕ ВОИНСКИХЪ НИЖНИХЪ ЧИНОВЪ

Солдатъ—свидѣтельствуетъ В. Н. Никитинъ [2])—передается изъ полка или команды, гдѣ онъ служилъ, сперва—въ управленіе мѣстнаго воинскаго начальника, затѣмъ... въ общую, для всѣхъ, безъ различія, вѣдомствъ и категорій преступниковъ, пересыльную тюрьму (отдѣльныхъ тюремъ для военно-служащихъ не существовало), а тамъ, въ силу 406 ст. уст. сл. внут. стражи, т. VII, С. В. П., его заковываютъ, съ кѣмъ попало, въ одни

---

[1]) П. С. З., №№ 53.349, 54.274, 55..64 и т. д.
[2]) В. Н. Никитинъ, «Бытъ воен ар.», стр. 68 и 404.

наручники и на общій, въ числѣ 12 человѣкъ, прутъ, и отправляютъ въ дорогу. Если же солдатъ «будетъ просить у начальника особаго снисхожденія» (слова закона) и послѣдній уважитъ его просьбу, то, въ видѣ облегченія, его заковываютъ въ отдѣльныя ножныя кандалы и ведутъ въ этихъ цѣпяхъ до мѣста, при чемъ дорогою, благодаря худому сообществу, онъ падаетъ нравственно еще ниже, промотаетъ какую-нибудь изъ значащихся на немъ вещей, и тогда потерпятъ: казна—матеріальный убытокъ, а осужденный—по прибытіи въ роту—новое наказаніе. Притомъ и исправлять его нравственность окажется уже неимовѣрно труднѣе: самое заковываніе оставляетъ въ людяхъ, по мнѣнію всѣхъ свѣдущихъ людей, неизгладимое впечатлѣніе на всю жизнь, ибо глубоко унижаетъ ихъ въ собственныхъ глазахъ. Кромѣ того, заключеніе въ оковы, по буквальному выраженію 2 п. 171 ст. уст. о содерж. подъ стражею, т. XIV, св. гр. зак. и 2 п. приложенія 30 ст. улож. о нак., изд. 1866 г., считается тѣлеснымъ наказаніемъ, которому, однако, солдаты, да и всѣ прочіе люди, пересылающіеся по этапу, подвергаются простымъ, административнымъ порядкомъ...

Такому закованію подвергались всѣ, вообще, пересылаемые этапнымъ порядкомъ, хотя-бы и «не въ родѣ арестантовъ», при чемъ это дѣлалось исключительно «для предупрежденія побѣговъ и для сокращенія конвоя».

ПОЛОЖЕНІЕ О ПЕРЕВОЗКѢ АРЕСТАНТОВЪ 1877 ГОДА

Нѣкоторыя особенности въ препровожденіи военныхъ арестантовъ встрѣчаются въ «Положеніи о перевозкѣ арестантовъ по желѣзнымъ дорогамъ», Высочайше утвержденномъ 24 марта 1877 года [1]).

Положеніе это установило общія условія перевозки и порядокъ препровожденія арестантовъ по желѣзнымъ дорогамъ, составленія арестантскихъ поѣздовъ, ихъ отправленія, слѣдованія, остановокъ и обязанности конвойныхъ начальниковъ и конвоя во время препровожденія арестантовъ по желѣзнымъ дорогамъ. Въ положеніи этомъ подробно, по чертежамъ, указано устройство арестантскихъ вагоновъ 20-ти и 40-мѣстныхъ, при чемъ вагоны должны были имѣть проходы по длинѣ ихъ, съ входными дверями на концахъ вагоновъ, съ замками въ дверяхъ, запирающимися какъ внутри, такъ и снаружи, а также имѣть надежныя желѣзныя рѣшетки въ окнахъ, двойной полъ, отдѣльныя помѣщенія для арестантокъ съ дѣтьми; для конвойныхъ нижнихъ чиновъ никакихъ особыхъ отдѣленій не полагалось, а размѣщались они между арестантами, по усмотрѣнію начальника конвоя. Для офицера—начальника конвоя, въ нѣкоторыхъ вагонахъ приспособляется особое отдѣленіе.

Кромѣ начальства желѣзной дороги, кондукторовъ и начальства мѣстныхъ войскъ, а также корпуса жандармовъ по обязанностямъ службы, никто въ арестантскій вагонъ не допускается. Арестанты во время перевозки содержатся въ оковахъ или безъ оковъ, на точномъ основаніи Устава о содерж. подъ стражей и Уст. о ссыльныхъ; арестантки же отправляются незакованными. Арестанты обязаны полнымъ повиновеніемъ начальнику конвоя, который, въ случаѣ непослушанія, имѣетъ право налагать на ослушника оковы, лишать его части пищи (мясной или рыбной порціи), а въ особо важныхъ случаяхъ (побѣга, буйства, нападенія на конвой или открытаго сопротивленія) — употреблять въ дѣло оружіе. Внутренній порядокъ содержанія арестантовъ по режиму близокъ къ тюремному; багажъ арестанта не долженъ превышать 30 фунтовъ для каждаго.

Арестантамъ во время пути пища не приготовляется, а довольствуются они сухою пищею (3 фунта хлѣба съ солью, $^1/_2$ или 1 фунтъ варенаго мяса

[1]) П. С. З., т. LI, № 5.709.

или рыбы). Арестантамъ изъ лицъ привилегированнаго сословія кормовыя деньги (по 15 коп. въ сутки) выдаются на руки, и тогда пища покупается имъ на станціяхъ черезъ конвойныхъ.

Конвойная служба несется согласно особымъ инструкціямъ, составляемымъ Главнымъ Инспекторомъ по пересылкѣ арестантовъ. Всѣ конвойныя команды, сопровождающія по желѣзнымъ дорогамъ арестантовъ, въ отношеніе конвоированія послѣднихъ, находятся между собой во взаимной связи, а потому на начальникахъ этихъ командъ лежитъ обязанность строго наблюдать за правильностью пересылки арестантовъ по сѣтямъ желѣзныхъ дорогъ и, вообще, руководить этимъ дѣломъ; вслѣдствіе чего, младшіе офицеры названныхъ командъ, по прибытіи въ пункты расположенія другихъ конвойныхъ командъ, подчиняются начальникамъ этихъ послѣднихъ, выполняя всѣ ихъ законныя указанія по конвойной службѣ.

Арестанты привилегированнаго сословія перевозятся по желѣзнымъ дорогамъ вмѣстѣ и наравнѣ съ прочими арестантами, за исключеніемъ тѣхъ, которые, по особому распоряженію начальства, отправляются съ жандармами и полицейскими служителями; въ такомъ случаѣ они перевозятся въ пассажирскихъ вагонахъ III класса.

ПЕРЕСЫЛКА ВОЕННЫХЪ АРЕСТАНТОВЪ.

Арестованные офицеры, состоящіе на дѣйствительной службѣ, какъ равно числящіеся въ запасныхъ войскахъ и по роду оружія, а также гражданскіе чиновники, служащіе въ военномъ вѣдомствѣ, препровождаются не въ арестантскихъ вагонахъ, а отправляются отдѣльно, по распоряженію ближайшаго военнаго начальства арестованныхъ, или же подлежащаго мѣстнаго военнаго начальства арестованныхъ, по бланкамъ военнаго Министерства, установленнымъ для перевозки вообще воинскихъ чиновъ. Въ арестантскія партіи, перевозимыя желѣзными дорогами, принимаются, однако, нижніе чины войскъ: отправляемые въ дисциплинарные роты или батальоны и въ военныя тюрьмы, а также изъ числа слѣдовавшихъ одиночнымъ порядкомъ въ запасъ арміи и въ первобытное состояніе, въ случаѣ отправленія ихъ арестованными [1]). Нижніе-же воинскіе чины, пересылаемые этапнымъ порядкомъ «не въ родѣ арестантовъ», а также возвращаемые изъ военныхъ тюремъ и дисциплинарныхъ частей, т.-е. тѣ, которые отправляются въ войска въ качествѣ пересыльныхъ нижнихъ чиновъ, и, наконецъ, обращаемые въ первобытное состояніе новобранцы одобрительнаго поведенія, отнюдь не должны быть препровождаемы въ арестантскихъ вагонахъ, но на основаніи особыхъ правилъ и Положенія.

ПРАВИЛА ПЕРЕСЫЛКИ АРЕСТОВАННЫХЪ ШТАБЪ И ОБЕРЪ-ОФИЦЕРОВЪ И ГРАЖД. ЧИНОВНИКОВЪ ВОЕН. ВѢДОМСТВА.

1 іюня 1878 года, по представленію Главнаго Штаба, были заслушаны Военнымъ Совѣтомъ правила въ отношеніи пересылки арестованныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, а также служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ гражданскихъ чиновниковъ [2]). Правила эти были тогда же Высочайше утверждены. По этимъ правиламъ штабъ и оберъ-офицеры, какъ состоящіе на дѣйствительной службѣ, такъ и числящіеся въ запасныхъ войскахъ и по роду оружія, а равно служащіе въ военномъ вѣдомствѣ гражданскіе чиновники, подлежали пересылкѣ арестованными, когда они, на основаніи 550 ст. XXIV кн. С. В. П. 1869 г., содержались подъ арестомъ или подъ стражею по распоряженію подлежащей власти.

Для сопровожденія арестованныхъ, въ такомъ случаѣ, будутъ-ли они отправляемы по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ, или по обыкновеннымъ почтовымъ дорогамъ, положено наряжать офицера отъ войскъ съ

---

[1]) 31 ст. времен. правилъ, приложенныхъ къ приказу по воен. вѣд. 1875 г., № 262 и 3 п. циркуляра Гл. Штаба того же года, № 302.

[2]) П. С. З., т. LIII, № 58.678.

однимъ унтеръ-офицеромъ или рядовымъ, а въ случаѣ невозможности назначить офицера, замѣнять его унтеръ-офицеромъ жандармскихъ командъ, состоящихъ при военно-окружныхъ штабахъ [1]), или унтеръ-офицеромъ мѣстныхъ войскъ, съ однимъ рядовымъ тѣхъ-же частей, при чемъ эти нижніе чины должны быть при одномъ холодномъ оружіи.

Арестованные и сопровождающіе ихъ офицеры и унтеръ-офицеры помѣщаются, при перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ, въ вагонахъ и каютахъ II класса. При отправленіи каждаго арестованнаго и его сопровождающихъ чиновъ по почтовымъ трактамъ полагалось отпускать прогоны. Арестованные получали по 60 коп. въ сутки порціонныхъ денегъ, если не получали отъ казны содержанія и «по дѣйствительной бѣдности, не въ состояніи продовольствоваться на собственный счетъ».

ЭТАПНАЯ СЛУЖБА ВЪ РАЙОНѢ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Вопросъ о препровожденіи арестантовъ и военно-плѣнныхъ въ районѣ военныхъ дѣйствій нашелъ себѣ болѣе опредѣленное разрѣшеніе только въ семидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія, а именно 30 ноября 1876 г., когда Высочайше утверждено было «Положеніе о комендантахъ и этапныхъ начальникахъ на сообщеніяхъ арміи и въ районѣ ея расположенія» [2]), т.-е. регламентирована была служба связи. Такъ какъ въ кругъ обязанностей комендантовъ и этапныхъ начальниковъ, между прочимъ, входило: принимать и препровождать по назначенію арестантовъ и военно-плѣнныхъ, «со всѣми необходимыми предосторожностями»,—то они, слѣдовательно, и составляли въ районѣ военныхъ дѣйствій пересыльные органы. Коменданты и этапные начальники учреждались на военныхъ дорогахъ въ мѣстахъ, имѣющихъ болѣе важное значеніе для службы связи; этапные-же пункты располагались на первоклассныхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ или на простыхъ дорогахъ, въ разстояніи перехода одинъ отъ другого, преимущественно въ болѣе значительныхъ и многолюдныхъ пунктахъ, при чемъ коменданты назначались въ болѣе важныхъ пунктахъ, а въ прочихъ мѣстахъ—этапные начальники.

13 января 1878 года [3]) Начальнику Штаба войскъ, въ тылу арміи находящихся, по отношенію къ состоящей въ его подчиненіи этапной части, предоставлены были права Начальника мѣстныхъ войскъ округа; завѣдывающимъ этапными участками—права губернскихъ воинскихъ начальниковъ, этапнымъ-же комендантамъ и этапнымъ начальникамъ—права уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ. Самую-же конвойную службу несли особыя для гарнизонной и этапной службы войска, назначаемыя по мѣрѣ надобности.

КОНВОЙНЫЯ КОМАНДЫ ВЪ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

Параллельно съ развитіемъ этапной системы шло постепенное реформированіе конвойныхъ командъ [4]) на ссыльныхъ сибирскихъ трактахъ, наряды-же казачьихъ отрядовъ для конвойной службы были съ тѣхъ поръ отмѣнены. Конвойныя команды Восточной Сибири, въ отношеніи исполненія ими конвойной службы, подчинены были инспекціи пересылки арестантовъ, при чемъ мѣстный инспекторъ, по наложенію

---

[1]) Прик. по воен. вѣд. 1876 г., № 268.
[2]) П. С. З., т. LI, № 56.649.
[3]) П. С. З., т. LIII, № 58.097.
[4]) П. С. З., т. LII, № 57.949.

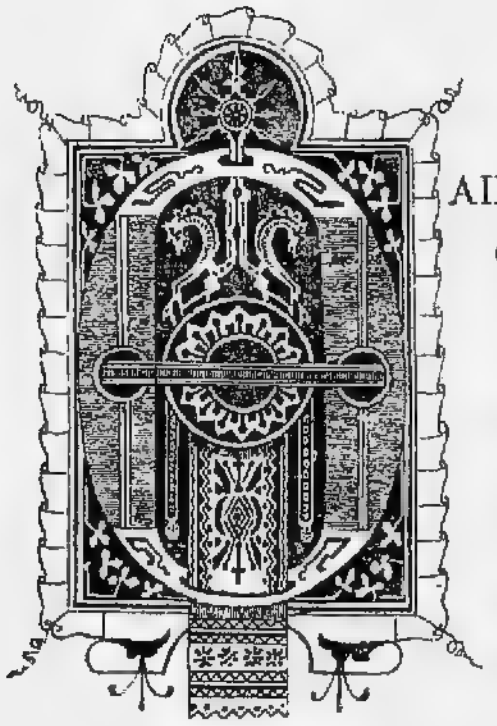
дисциплинарныхъ взысканій на чиновъ этихъ командъ, за упущенія по конвойной части, пользовались правами Губернскаго воинскаго начальника; въ прочихъ отношеніяхъ команды эти находились въ вѣдѣніи подлежащаго военнаго начальства.

ОТНОШЕНІЕ ИНСПЕКЦІИ ПЕРЕСЫЛКИ АРЕСТАНТОВЪ КЪ ГЛАВНОМУ ТЮРЕМНОМУ КОМИТЕТУ

Въ послѣдній годъ царствованія Императора Александра II были, впредь до утвержденія въ законодательномъ порядкѣ пересыльной системы арестантовъ, приведены въ большую опредѣленность и ясность отношенія центральнаго органа управленія пересыльной части—инспекціи—къ Главному Тюремному Управленію. Согласно Высочайше утвержденному 13 іюня 1880 г. Положенію Комитета Министровъ, должность Главнаго Инспектора по пересылкѣ арестантовъ была подчинена Начальнику Главнаго Тюремнаго Управленія, власть и права котораго въ этомъ отношеніи были точно установлены. Должность Главнаго Инспектора возлагалась на одного изъ генераловъ, съ оставленіемъ его въ непосредственномъ вѣдѣніи Военнаго Министра. По отношенію къ участковымъ Инспекторамъ, пользующимся правами Губернскихъ воинскихъ начальниковъ, и по отношенію къ чинамъ конвойныхъ командъ, только при личной инспекціи, Главному Инспектору предоставлены были права начальника мѣстныхъ войскъ военнаго округа. Затѣмъ предѣлъ завѣдыванія Главнымъ Инспекторомъ содержимыхъ на ссыльныхъ путяхъ конвойныхъ командъ былъ ограниченъ наблюденіемъ за отправленіемъ ими конвойной службы при арестантахъ и ревизіей дѣлопроизводства этихъ командъ по части служебнаго ихъ употребленія, такъ какъ въ прочихъ отношеніяхъ конвойныя команды подчинены были начальству мѣстныхъ войскъ.

Главный Инспекторъ состоялъ членомъ Комитетовъ: Главнаго военно-тюремнаго и по передвиженію войскъ желѣзными дорогами и водою; должность же инспектора перевозки арестантовъ по желѣзнымъ дорогамъ была упразднена.

ГЛАВА VII.



ВАША военно-тюремная система, созданная въ совершенно законченномъ видѣ при Императорѣ Александрѣ II, не подвергалась съ тѣхъ поръ какимъ-либо измѣненіямъ. Но если самая система оказалась настолько устойчивой, то нельзя этого сказать объ учрежденіяхъ, составляющихъ эту систему. Съ развитіемъ нашихъ вооруженныхъ силъ и ихъ организаціи, неизбѣжно видоизмѣнялись и мѣста заключеній военнаго вѣдомства, которыя, не мѣняя, такъ сказать, своего типа, существенно измѣнялись въ деталяхъ устройства, согласно указаніямъ опыта и по инымъ практическимъ соображеніямъ.

Всѣ эти измѣненія произошли въ царствованіе Императора Александра III и коснулись всѣхъ установленныхъ въ военномъ вѣдомствѣ видовъ лишенія свободы.

Характерна одна общая черта этихъ частичныхъ реорганизацій: стремленіе усилить репрессію воинскихъ наказаній лишеніемъ свободы, не отягчая ихъ общаго карательнаго значенія, т.-е. другими словами, самое лишеніе свободы не усиливать и даже по возможности смягчать его тягость, но въ то же время извлечь изъ этого лишенія свободы максимумъ пользы для военнаго дѣла, создавъ изъ

тюремныхъ учрежденій дисциплинарную школу, пріучающую нижнихъ чиновъ, не сумѣвшихъ согласовать свою волю съ требованіями строевой службы, подчиняться строжайшей дисциплинѣ и соблюдать безусловное повиновеніе.

Для достиженія этой общей цѣли представлялось необходимымъ озаботиться о поддержаніи, раньше всего, авторитета военно-начальствующихъ лицъ, упорядоченіемъ ихъ дисциплинарной власти — съ одной стороны, а съ другой — упорядоченіемъ самаго лишенія свободы этихъ начальствующихъ лицъ.

ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ УСТАВЪ 1888 ГОДА

Въ маѣ 1888 года учреждена была особая Высочайшая Комиссія для обсужденія проекта измѣненій въ дѣйствовавшемъ дисциплинарномъ уставѣ [1]); проектъ комиссіи былъ 28 мая Высочайше утвержденъ и подъ названіемъ «Дисциплинарнаго устава» составилъ XXIII кн. С. В. П. 1869 г. Новый уставъ этотъ, замѣнившій уставъ 1869 года, внесъ слѣдующія измѣненія въ отношеніи наказанія ограниченіемъ и лишеніемъ свободы: 1) ограничилъ воспрещеніе рядовымъ и ефрейторамъ отлучаться изъ казармы или со двора временемъ не свыше мѣсяца и 2) отмѣнилъ нарядъ офицеровъ, гражданскихъ чиновниковъ и приравненныхъ къ нимъ въ порядкѣ наложенія взысканій, подпрапорщиковъ и кандидатовъ на классную должность, не въ очередь на службу. Кромѣ того, измѣнена была редакція статьи, устанавливающей порядокъ арестованія высшихъ чиновъ, а именно: генералы, гражданскіе чиновники военнаго вѣдомства первыхъ четырехъ классовъ, лица, занимающія должности не ниже 5-го класса, а также полковые командиры и другіе начальники, пользующіеся равною съ послѣдними властью и правами, но лишь въ полномъ размѣрѣ [2]), за исключеніемъ чрезвычайныхъ случаевъ, могутъ быть подвергаемы аресту въ порядкѣ дисциплинарномъ не иначе, какъ по Высочайшему повелѣнію. Это измѣненіе, впрочемъ, было внесено въ дисциплинарный уставъ 1869 года еще ранѣе того, а именно 16 іюня 1881 г. [3]). Что касается порядка содержанія нижнихъ чиновъ подъ арестомъ, то новый уставъ, отмѣнивъ указаніе, что при простомъ арестѣ арестованные могутъ быть выводимы на ученья и работы, внесъ новое опредѣленіе: «съ исправленіемъ, по усмотрѣнію начальства, служебныхъ обязанностей». Домашній арестъ отбывается по уставу 1888 г. офицерами исключительно на квартирѣ; содержаніе-же офицеровъ въ особой комнатѣ при полку допускается только взамѣнъ ареста на гауптвахтѣ, за неимѣніемъ послѣдней, и арестованные въ такомъ случаѣ содержатся подъ наблюденіемъ дежурнаго по полку офицера, а лишь въ исключительныхъ случаяхъ, по усмотрѣнію начальства,—и съ приставленіемъ часового. Далѣе въ новомъ уставѣ отсутствуетъ указаніе на то, чтобы во время похода арестованные офицеры назначались идти за фронтомъ. Только рядовые и ефрейторы, въ случаяхъ когда, во время похода или по мѣсторасположенію войска, содержаніе подъ арестомъ окажется невозможнымъ, взамѣнъ ареста либо назначаются безъ очереди на встрѣчающіяся по командѣ работы (за исключеніемъ вольноопредѣляющихся и лицъ, пользующихся по образованію сокращен-

---

[1]) П. С. З., т. VIII, № 5.260. Морской Дисц. уставъ утвержденъ 3 апрѣля 1889 г., № 5.907.

[2]) П. С. З., т. VIII, № 5.497.

[3]) П. С. З., т. I., № 272.

ными сроками службы по 1 и 2 разрядамъ), либо ставятся подъ ружье въ «полной походной боевой амуниціи» (взамѣнъ строгаго и усиленнаго арестовъ), — прочіи-же начальствующія лица изъ нижнихъ чиновъ этому наказанію не подвергаются. Устройство помѣщеній для арестованныхъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ, а равно порядокъ содержанія подъ арестомъ остались безъ измѣненія.

ПОЛОЖЕНІЕ 1868 ГОДА О ВОЕННЫХЪ ТЮРЬМАХЪ.

Военно-тюремное заключеніе для нижнихъ чиновъ, регламентированное Положеніемъ 16 мая 1867 года, испытывалось въ теченіе 15 лѣтъ, и этотъ долголѣтній опытъ обусловилъ необходимость пересмотра означеннаго Положенія, тѣмъ болѣе, что оно успѣло уже устарѣть, въ виду переорганизаціи нашей арміи на началахъ общеобязательной воинской повинности, внесшей совершенно новыя военно-правовыя отношенія. Измѣнился съ 1867 года и самый взглядъ на цѣль воинскаго наказанія.

Вотъ почему 24 іюля 1883 года [1]) было Высочайше утверждено новое Положеніе о военныхъ тюрьмахъ, т.-е. вновь былъ редактированъ 2 раздѣлъ XVII кн. С. В. П. 1869 г.—о военныхъ тюрьмахъ.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО.

Положеніемъ 1883 года установлены были, для содержанія нижнихъ воинскихъ чиновъ въ одиночномъ заключеніи, военныя тюрьмы и тюремныя отдѣленія, которымъ присвоены были наименованія по тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ они были устроены. Они принадлежатъ къ составу мѣстныхъ учрежденій въ военныхъ округахъ и подчиняются Начальникамъ мѣстныхъ бригадъ. Во главѣ тюремной администраціи стоитъ особый начальникъ тюрьмы, пользующійся правами полкового командира; сотрудниками его являются помощники, пользующіеся правами ротнаго командира; изъ нихъ на одного возлагается непосредственное завѣдываніе заключенными, а на другого—хозяйствомъ и обязанности казначея; кромѣ того, въ составъ администраціи входятъ: священникъ, секретарь, врачъ и фельдшера. Низшую администрацію составляли кадровые нижніе чины: фельдфебеля—по одному къ каждому помощнику начальника тюремнаго заведенія; унтеръ-офицеры для завѣдыванія отдѣленіями (до 25 заключенныхъ), привратники и надзиратели. При тюремныхъ заведеніяхъ введены вольнонаемные служители, обязанные приготовлять пищу и содержать служебныя помѣщенія тюрьмы въ чистотѣ, а также исполнять прочія служительскія обязанности.

Въ тюремныхъ заведеніяхъ полагаются слѣдующія помѣщенія: 1) церковь, 2) одиночныя камеры, 3) баня или ванны, 4) пріемная для прибывающихъ, 5) кухня съ пекарнею, 6) цейхгаузъ, 7) помѣщеніе для канцеляріи и 8) жилыя помѣщенія для всѣхъ служащихъ при тюремныхъ заведеніяхъ. Камеры устраиваются съ откидной форточкой въ дверяхъ для подачи пищи заключеннымъ и съ окошечкомъ для наблюденія за ихъ дѣйствіями. Въ каждой камерѣ находятся: кровать, столикъ, табуретъ, кувшинъ съ водою, миска для пищи и кружка для питья, клозетъ. Утварь эта устраивается такъ, чтобы заключенный не могъ днемъ лежать на кровати, а прочихъ предметовъ—употреблять, какъ орудія разрушенія. Камеры означаются нумерами. Взамѣнъ особыхъ карцеровъ, опредѣленное число камеръ устраивается съ глухими ставнями къ окнамъ, для обращенія ихъ въ карцеры для провинившихся заключенныхъ. Въ помѣщеніи должно быть надлежащее освѣщеніе днемъ и ночью, вентиляція и отопленіе.

---

[1]) З-е П. С. З., т. III, № 1.682.

Куреніе табаку безусловно запрещено въ помѣщеніи тюрьмы даже служащимъ. Посторонніе въ тюремную ограду не допускаются безъ разрѣшенія начальника тюрьмы и входъ въ тюрьму отворяется только по указанію начальника. Онъ-же разрѣшаетъ отлучку изъ тюремныхъ зданій служащимъ и самъ обязательно долженъ ночевать въ зданіи тюрьмы. Снаружи тюрьма охраняется карауломъ, назначаемымъ отъ частей войскъ.

ТЮРЕМНЫЯ ОТДѢЛЕНІЯ ПРИ ДИСЦИПЛИНАРНЫХЪ ЧАСТЯХЪ.

Тюремное отдѣленіе, устроенное при дисциплинарной части, подчинялось командиру этой части; завѣдываніе имъ поручалось офицеру, завѣдывающему хозяйствомъ дисциплинарной части, которому предоставлены были права помощника начальника тюрьмы; порядокъ содержанія заключенныхъ, ихъ занятій и порядокъ наложенія на нихъ взысканій былъ такой-же, какъ и въ тюрьмѣ, а во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ слѣдовало руководствоваться положеніемъ о дисциплинарныхъ частяхъ.

ПОРЯДОКЪ ОТПРАВЛЕНІЯ И ПРИНЯТІЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ.

Осужденные къ одиночному заключенію въ военную тюрьму нижніе чины препровождаются порядкомъ, установленнымъ для пересылки арестантовъ; заключенные продолжаютъ числиться въ спискахъ своихъ полковъ и частей и на вещевомъ отъ нихъ довольствіи.

При отправленіи въ тюрьму заключенные снабжаются отъ своихъ-же частей установленными мундирною одеждою и годовыми вещами; собственныя же деньги и вещи осужденныхъ хранятся въ полкахъ и командахъ до освобожденія изъ тюрьмы. По прибытіи въ тюремное заведеніе, осужденные свидѣтельствуются врачомъ и немедленно зачисляются въ списки и съ этого времени считается имъ срокъ наказанія, при чемъ время, проведенное ими подъ стражею, по вступленіи приговоровъ въ законную силу, въ срокъ заключенія не засчитывается. Собственныя деньги и ненужныя для употребленія во время заключенія вещи прибывшихъ въ тюрьму осужденныхъ, какія при нихъ окажутся, отбираются и хранятся до освобожденія, когда имъ и возвращаются, а если деньги были осужденными скрыты, то отбираются и обращаются въ хозяйственную тюремную сумму.

ПОРЯДОКЪ СОДЕРЖАНІЯ.

Осужденные содержатся въ одиночномъ заключеніи, исключая времени, употребляемаго для физическихъ упражненій и для исполненія хозяйственныхъ работъ; заключенные совершаютъ молитвы, исполняютъ мастеровыя работы и получаютъ пищу въ своихъ камерахъ, и только въ воскресные и праздничные дни и наканунѣ ихъ выводятся въ церковь для слушанія богослуженія; въ теченіе Великаго поста заключенные православнаго исповѣданія обязаны говѣть, а прочихъ христіанскихъ исповѣданій—исполнять эту обязанность по обрядамъ своей церкви, но непремѣнно внутри тюремной ограды. Заключенные два раза въ мѣсяцъ посылаются въ баню, разъ въ недѣлю мѣняютъ бѣлье, а лѣтнее платье—2 раза въ мѣсяцъ.

Заключенные обязаны сохранять тишину. Имъ воспрещаются разговоры и всякое сношеніе другъ съ другомъ, а также употреблять спиртные напитки, курить и нюхать табакъ, имѣть при себѣ деньги и какія-бы то ни было вещи и оруд я. Для точнаго соблюденія послѣдняго правила камеры заключенныхъ осматриваются отдѣленными унтеръ-офицерами, и если при этомъ найдены будутъ вещи или деньги, то онѣ отбираются, а затѣмъ деньги обращаются въ хозяйственную тюремную сумму, а вещи продаются и вырученныя деньги обращаются въ ту-же сумму.

ПРАВО СВИДАНІЙ.

Свиданія съ родными и знакомыми заключеннымъ воспрещаются, а переписка дозволяется заключеннымъ не иначе, какъ съ разрѣшенія и подъ контролемъ тюремнаго начальства.

ОДЕЖДА И ПИЩЕВОЙ РЕЖИМЪ.

Заключенные носятъ свою полковую или командную мундирную одежду, въ которой прибыли въ тюрьму, а лѣтнее платье, бѣлье и обувь

получаютъ отъ тюремнаго заведенія. Каждому изъ заключенныхъ отпускается въ день: 1) хлѣба ржаного по 3 фунта и соли по 6 золот.; 2) горячая къ обѣду пища, т.-е. щи или похлебка, приготовленная изъ овощей, въ скоромные дни съ мясомъ, полагая по $^1/_4$ фунта на человѣка, въ постные же—съ постнымъ масломъ или рыбою, полагая $^1/_4$ фунта масла и по $^3/_4$ фунта рыбы на 1 человѣка.

ЗАНЯТІЯ.

Подробное распредѣленіе дня въ тюрьмѣ составляется Начальникомъ тюремнаго заведенія и утверждается Главнымъ Военно-Тюремнымъ Комитетомъ [1]). Заключенные занимаются ежедневно, въ гигіеническихъ видахъ, маршировкою и гимнастическими упражненіями, а также хозяйственными работами внутри тюремной ограды, съ соблюденіемъ при этомъ строгаго порядка и безусловнаго молчанія. Въ свободное же отъ упражненій время заключенные занимаются мастеровыми работами и чтеніемъ учебныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ въ своихъ камерахъ. Изъ мастеровыхъ работъ допускаются только такія занятія, которыя могутъ быть съ удобствомъ производимы въ камерахъ, а также безвредны для здоровья заключенныхъ, совершенно безопасны и не требуютъ большого числа инструментовъ, какъ-то: шитье сапоговъ, бѣлья, платья и т. п. За производствомъ работъ наблюдаетъ одинъ изъ помощниковъ начальника тюремнаго заведенія и дежурные унтеръ-офицеры. Необходимые для работъ матеріалы и инструменты пріобрѣтаются по распоряженію тюремнаго комитета на счетъ хозяйственной тюремной суммы.

Произведенныя заключенными работы записываются въ особую книгу; вырученная за работы по частнымъ заказамъ плата обращается въ хозяйственную тюремную сумму.

О НАКАЗАНІЯХЪ ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ.

За проступки, не влекущіе за собою преданія суду, установлены слѣдующія взысканія въ порядкѣ постепенности: 1) лишеніе подстилки на койкѣ на болѣе или менѣе продолжительное время; 2) строгій арестъ на 5 сутокъ; 3) усиленный арестъ на тотъ-же срокъ; 4) строгій арестъ до 8 сутокъ; 5) тоже усиленный арестъ; 6) смѣшанный арестъ до 14 сутокъ. При особо увеличивающихъ вину обстоятельствахъ, если нарушители состоятъ въ разрядѣ штрафованныхъ, они могутъ быть наказаны розгами до 15 ударовъ—по распоряженію помощника начальника тюрьмы и до 50 ударовъ—по опредѣленію начальника; тѣлесное наказаніе назначается или какъ дополнительное или въ видѣ самостоятельнаго наказанія. Взысканія эти записываются обязательно въ штрафной журналъ. За преступленія заключенные наказываются по суду (ст. ст. 280—282, кн. XXII); въ случаѣ явнаго неповиновенія и сопротивленія распоряженіямъ начальства, дозволялось для возстановленія порядка и поддержанія дисциплины употребить силу и даже оружіе.

ПОЛЬЗОВАНІЕ БОЛЬНЫХЪ.

Пользованіе больныхъ заключенныхъ установлено двоякое: легко больные пользуются въ своихъ-же камерахъ, а тяжко больные—на общихъ съ войсками основаніяхъ въ ближайшемъ госпиталѣ или больницѣ; время болѣзни, проведенное заключенными въ госпиталѣ или лазаретѣ, исключается изъ срока пребыванія въ тюрьмѣ, назначеннаго въ приговорѣ. По отбытіи наказанія заключенные освобождаются и немедленно отправляются «не въ родѣ арестантовъ», въ той самой одеждѣ, въ которой они были доставлены въ мѣсто заключенія, въ свои полки и команды, если они находятся въ мѣстѣ расположенія тюремнаго заведенія, въ против-

---

[1]) Съ упраздненіемъ 3 января 1884 г. Главнаго Военно-Тюремнаго Комитета, обязанности его по военно-тюремной части возложены на Главный Штабъ (Прак. по в. в., № 3).

номъ случаѣ отправляются въ свои части по этапу. Начальству одновременно препровождаются: увѣдомленія объ отбытіи наказанія, аттестатъ о довольствіи и арматурные списки.

КОМИТЕТЪ.

Всѣ мѣропріятія, касающіяся благосостоянія тюрьмы и точнаго примѣненія правилъ содержанія заключенныхъ, обсуждаются Комитетомъ, состоящимъ, подъ предсѣдательствомъ начальника тюремнаго заведенія, изъ наличныхъ помощниковъ, секретаря, а по вопросамъ церковнаго хозяйства и нравственнаго состоянія заключенныхъ — и священника; по дѣламъ-же медико-полицейскимъ и, вообще, требующимъ принятія гигіеническихъ мѣръ—въ Комитетѣ участвуетъ и врачъ.

УПРАЗДНЕНІЕ ГЛАВНАГО ВОЕННО-ТЮРЕМНАГО КОМИТЕТА.

Такъ какъ военныя тюрьмы отнесены были къ составу мѣстныхъ военныхъ учрежденій въ военныхъ округахъ и подчинены начальникамъ мѣстныхъ бригадъ, то 3 января 1884 года послѣдовало и упраздненіе Главнаго Военно-Тюремнаго Комитета, состоявшаго при Военномъ Совѣтѣ; лежавшія-же на немъ обязанности, касающіяся до военно-тюремныхъ учрежденій, были возложены на Главный Штабъ, куда и переданы были всѣ дѣла бывшаго Главнаго Военно-Тюремнаго Комитета [1]).

ПЕРВЫЯ 14 ЛѢТЪ СУЩЕСТВОВАНІЯ ДИСЦИПЛИНАРНЫХЪ ЧАСТЕЙ.

Вслѣдъ за измѣненіемъ Положенія о военной тюрьмѣ встрѣтилась и необходимость въ измѣненіи Положенія 1878 г. о дисциплинарныхъ батальонахъ и ротахъ. Разработанное новое «Положеніе о дисциплинарныхъ батальонахъ, ротахъ и командахъ» было Высочайше утверждено 30 октября 1892 г. [2]). Однимъ изъ основаній къ пересмотру Положенія 1878 года послужили нареканія военныхъ начальниковъ, которыя начали раздаваться съ первыхъ-же дней сформированія дисциплинарныхъ частей. Сущность этихъ нареканій сводилась къ тому, что дисциплинарныя части по своему режиму не соотвѣтствуютъ своему назначенію и не обладаютъ достаточной силой репрессіи. Вопросъ о необходимости усилить карательное значеніе этого рода наказанія возбужденъ былъ первоначально при представленіи замѣчаній военныхъ начальниковъ и чиновъ военно-судебнаго вѣдомства на воинскій уставъ о наказ., по поводу предположеннаго его пересмотра [3]). Предложеніи, направленныхъ къ устраненію главнѣйшихъ недостатковъ Положенія 1878 года, было сдѣлано нѣсколько, но въ нихъ наблюдалась одна болѣе общая черта: указывалось на необходимость исключать изъ срока дѣйствительной службы время содержанія въ

---

[1]) П. С. З., т. III, № 1.940.
[2]) П. С. З., т. XII, № 8.988.
[3]) Арх. Гл. В.-Суд. Упр. Сводъ этихъ замѣчаній, 1883 г.

дисциплинарныхъ частяхъ, такъ какъ содержаніе нижнихъ чиновъ въ дисциплинарныхъ частяхъ было настолько лучше, чѣмъ въ строевыхъ, что порочные нижніе чины могли бы нарочно совершать преступленія, чтобы избавиться только отъ строевой службы. Однако, въ 1884 году, когда возбужденъ былъ этотъ вопросъ (объ измѣненіи 29 ст. Полож. о дисц. бат.), послѣдовали заявленія нѣкоторыхъ командующихъ войсками, въ которыхъ указывалось, что при условіи обязательнаго дослуживанія въ войскахъ времени заключенія въ дисциплинарныхъ батальонахъ, неизбѣжно произойдетъ накопленіе въ частяхъ людей порочныхъ, нравственно ненадежныхъ, и въ то же время болѣе опытныхъ и старшихъ по возрасту, которые и будутъ вредно вліять на молодой составъ арміи. Генералъ-адъютантъ Радецкій [1]), авторитетъ котораго былъ очень высокъ, высказалъ по этому вопросу слѣдующее:

«Заключенные въ дисциплинарныхъ частяхъ прежде всего лишены свободы, которою они пользовались, состоя на службѣ въ войскахъ; это лишеніе настолько трудно переносится, что, несмотря на хорошее содержаніе, которымъ они пользуются въ дисциплинарныхъ частяхъ, несмотря на отсутствіе тяжкихъ, изнурительныхъ работъ, всѣ заключенные обыкновенно имѣютъ видъ унылый и болѣзненный, такъ что едва-ли можно допустить, чтобы у нижнихъ чиновъ являлось желаніе попасть въ дисциплинарный батальонъ».

Это мнѣніе ген. Радецкаго подтверждается и цифровыми данными, изъ которыхъ видно, что % рецедивистовъ въ теченіе 10-ти лѣтъ существованія дисциплинарныхъ частей, и безъ того ничтожный, понизился съ 6 на 4; число-же попадающихъ въ дисциплинарный батальонъ въ 3-й разъ колебалось въ 1886—1888 гг. между 0,25% и 0,125% [2]). Такимъ образомъ, мнѣнія разбились, и въ 1886 году Военный Совѣтъ положеніемъ своимъ окончательно сохранилъ прежній порядокъ, т.-е. время, проведенное въ дисциплинарной части, должно было засчитываться въ срокъ службы [3]).

Необходимость пересмотра Положенія о дисциплинарныхъ частяхъ вызывалась также быстрымъ возрастаніемъ числа заключенныхъ въ этихъ тюремныхъ заведеніяхъ и стремленіемъ установить въ нихъ режимъ, наиболѣе благопріятствующій дисциплинированію попадающихъ въ нихъ нижнихъ чиновъ и пріученію ихъ къ порядку строевой службы.

[1]) Отзывъ команд. войсками Харьков. воен. окр. 3 апрѣля 1884 г., № 2.053.

[2]) «Воен. Сб.» 1890 г., № 7. «Дисц. бат. и роты». В. Афанасьевъ.

[3]) Положеніе Воен. Совѣта 20 марта 1886 г.

Что касается роста числа заключенныхъ, то въ этомъ вопросѣ большую роль сыграли измѣненія, произведенныя въ 1884 году въ военно-судебномъ уставѣ, и, главнымъ образомъ, расширеніе подсудности полковыхъ судовъ. Съ этого времени число заключенныхъ начинаетъ значительно возрастать, и въ январѣ 1885 года уже замѣтно превысило штатъ (на 188 человѣкъ).

Вотъ почему военное министерство вынуждено было постоянно увеличивать число мѣстъ для заключенныхъ: въ 1885 году—въ херсонскомъ батальонѣ съ 600 до 900 и въ воронежскомъ — съ 600 до 750, а въ 1886 г.—въ херсонскомъ еще на 300 (въ 6-тиротномъ составѣ [1]). Тѣмъ не менѣе, число заключенныхъ продолжало расти и въ 1889 году достигло 3.120 (меньше, чѣмъ предыдущіе два года), т.-е. на 52 чел. больше штатнаго числа.

Всѣ эти обстоятельства, на ряду съ другими указаніями опыта, и привели къ изданію новаго «Положенія о дисциплинарныхъ батальонахъ, ротахъ и командахъ 1892 года». *ПОЛОЖЕНІЕ 1892 Г.*

Въ отличіе отъ Положенія 1878 года новое Положеніе устанавливаетъ, что дисциплинарныя части назначаются только для «пріученія къ требованіямъ дисциплины и обязанностямъ строевой службы», умалчивая о карательномъ ихъ значеніи; и хотя отдѣленія военной тюрьмы при дисциплинарныхъ частяхъ становятся уже обязательными, но лишь для приговариваемыхъ къ тюремному заключенію, такъ какъ въ новомъ Положеніи было отмѣнено содержаніе вновь доставляемыхъ заключенныхъ въ теченіе первыхъ двухъ недѣль въ строгомъ одиночномъ заключеніи.

Кромѣ дисциплинарныхъ батальоновъ и ротъ, устраивается еще дробная дисциплинарная часть—команда; всѣ дисциплинарныя части входятъ въ составъ «мѣстныхъ или линейныхъ бригадъ», а потому измѣняется и порядокъ управленія: дисциплинарные батальоны и роты подчиняются соотвѣтствующимъ, по мѣсту ихъ расположенія, начальникамъ мѣстныхъ бригадъ или командирамъ линейныхъ бригадъ, а дисциплинарныя команды — командирамъ частей, при которыхъ онѣ учреждены; расположенныя-же въ крѣпостяхъ дисциплинарныя части подчинялись Комендантамъ этихъ крѣпостей [2]).

Начальникъ дисциплинарнаго батальона и роты пользовался правами полкового командира и назначался Высочайшимъ приказомъ, а начальникъ команды, пользовавшійся правами ротнаго командира, — приказомъ Командующаго войсками округа.

Ближайшее распредѣленіе обязанностей между офицерами дисциплинарной части осталось въ батальонахъ безъ измѣненія, а въ ротахъ за-

---

[1]) П. С. З., т. V, №№ 2.975, 3.192; т. VI, № 3.976; прик. по в. в. 1885 г., №№ 122, 232; 1886 г., № 194.

[2]) Впервые былъ переданъ въ вѣдѣніе коменданта 24 октября 1888 г., бобруйскій дисциплинарный батальонъ, подчиненный до тѣхъ поръ Начальнику 6-й мѣстной бригады. П. С. З., т. VIII, № 5.515.

вѣдываніе заключенными и тюремнымъ отдѣленіемъ распредѣлялось по усмотрѣнію начальника роты; наконецъ, въ дисциплинарной командѣ обязанность эта возложена была непосредственно на начальника команды.

Особенностью новаго положенія представлялось, между прочимъ, указаніе на то, что дезертиры, достигшіе 43-лѣтняго возраста, не принимались въ дисциплинарныя части, а передавались въ распоряженіе гражданскаго начальства для отбыванія срока наказанія въ тюрьмахъ гражданскаго вѣдомства.

Въ отличіе отъ стараго Положенія, по новому—въ дисциплинарныхъ частяхъ не существовало одиночныхъ камеръ для содержанія вновь поступающихъ заключенныхъ.

Въ каждой дисциплинарной части, по рѣшенію Комитета, изъ исправляющихся заключенныхъ образуются, согласно Положенію 1892 года: въ дисциплинарномъ батальонѣ—рота, въ дисциплинарной ротѣ—взводъ, въ дисциплинарной командѣ—разрядъ исправляющихся, при чемъ тѣ изъ заключенныхъ, состоящихъ въ числѣ исправляющихся, которые не оправдаютъ возложеннаго на нихъ довѣрія, по рѣшенію Комитета, возвращаются въ прежнее положеніе. Заключеннымъ, отличающимся особенно хорошимъ поведеніемъ и знаніемъ службы, срокъ пребыванія въ дисциплинарной части могъ быть сокращенъ не болѣе какъ на $^1/_6$, при чемъ это сокращеніе срока не влечетъ перечисленія въ число безпорочно служащихъ во все время нахожденія въ дисциплинарной части.

Заключенные, удостоенные перевода въ разрядъ исправляющихся, могутъ быть увольняемы со двора одни, безъ конвоя, какъ для исполненія порученій начальства, такъ и по собственной ихъ надобности.

На занятія заключенные назначаются въ будни, въ теченіе дня не болѣе 9 часовъ, не считая въ томъ числѣ исполненія разныхъ хозяйственныхъ работъ; на сонъ заключеннымъ назначается 8 часовъ.

Военный надзоръ за заключенными со стороны ближайшаго ихъ начальства, по новому Положенію, усиленъ; самый бытъ заключенныхъ болѣе сближенъ съ бытомъ строевыхъ частей и даже, съ разрѣшенія командующаго войсками, дозволялось выводить заключенныхъ въ лагерь въ оградѣ дисциплинарной части, въ полномъ составѣ или по частямъ, смотря по удобству.

Въ цѣляхъ исправительнаго воздѣйствія на заключенныхъ въ дисциплинарныхъ частяхъ новымъ Положеніемъ установлены въ воскресные и праздничные дни духовно-нравственныя бесѣды или чтенія съ заключенными.

Значительныя измѣненія внесены были Положеніемъ 1892 г. въ занятія заключенныхъ, съ цѣлью пріучать заключенныхъ «къ требованіямъ дисциплины и обязанностямъ строевой службы».

Обученіе грамотѣ, строю, гимнастикѣ и фехтованію, а также подготовительныя занятія и работа по ремонтному исправленію зданій и по постройкѣ вещей должны производиться ежедневно, за исключеніемъ дней, указанныхъ въ сводѣ правилъ для парадовъ и торжественныхъ встрѣчъ, въ которые не производятся занятія въ войскахъ. Строевыя занятія производятся согласно строевому уставу, и заключенные обучаются: одиночному, шереножному, взводному и ротному ученію, а заключенные, состоящіе въ ротѣ, взводѣ и въ разрядѣ исправляющихся, кромѣ того, одиночной стрѣльбѣ и разсыпному строю; заключенные дисциплинарныхъ командъ, признанные достойными къ переводу въ разрядъ исправляющихся, выводятся на ученія и занятія даже вмѣстѣ съ нижними чинами той части войскъ, при которой учреждена команда. Обученіе стрѣльбѣ прочихъ заключенныхъ, подлежащихъ увольненію въ запасъ непосредственно изъ

дисциплинарной части, производится послѣдній годъ передъ ихъ освобожденіемъ изъ заключенія, совмѣстно съ заключенными разряда исправляющихся, но безъ перевода ихъ или прикомандированія къ послѣднему. Строевыя упражненія производятся какъ внутри, такъ и внѣ ограды зданій дисциплинарной части.

Вслѣдствіе сближенія быта и занятій заключенныхъ съ условіями жизни строевой части пришлось, во избѣжаніе изнуренія и разстройства здоровья заключенныхъ, измѣнить и пищевой режимъ, а потому Положеніе 1892 года установило въ дисциплинарныхъ частяхъ довольствіе на общихъ основаніяхъ съ войсками, за исключеніемъ содержимыхъ въ тюремномъ отдѣленіи, которые довольствовались согласно Положенія о военныхъ тюрьмахъ.

Въ отличіе отъ прежняго порядка, новое Положеніе разрѣшаетъ заключеннымъ частныя работы и даже за плату, при чемъ въ пользу заключенныхъ идетъ лишь $^1/_3$ заработной платы; разрѣшается также, безъ ущерба строевому обученію, привлекать заключенныхъ къ исполненію обязанностей ротныхъ писарей.

Измѣнены были и дисциплинарныя взысканія на заключенныхъ за проступки, не влекущіе преданію суду, а именно были установлены: 1) простой арестъ до 1 мѣсяца, 2) строгій—до 20 сутокъ, 3) усиленный—до 8 сутокъ, 4) смѣшанный до 1 мѣсяца и 5) наказаніе розгами до 100 ударовъ для состоящихъ въ разрядѣ штрафованныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе точно была разгламентирована степень дисциплинарной власти начальствующихъ лицъ.

Условія освобожденія заключенныхъ не подверглись существеннымъ измѣненіямъ; досрочнаго освобожденія по неспособности къ военной службѣ и работамъ заключенныхъ-членовредителей не допускается. Самый порядокъ освобожденія болѣе упорядоченъ въ новомъ Положеніи и согласованъ съ условіями службы и зачисленія въ запасъ. При освобожденіи посылаются подробныя сообщенія по мѣсту службы о поведеніи освобождаемаго въ дисциплинарной части, а также особо сообщается объ отличившихся «знаніемъ службы, поведеніемъ и нравственностью», кромѣ того подлежащіе увольненію въ запасъ нижніе чины, окончившіе срокъ наказанія, могли быть при освобожденіи перечисляемы въ разрядъ безпорочно-служащихъ.

Не останавливаясь на другихъ частичныхъ измѣненіяхъ, внесенныхъ новымъ положеніемъ о дисциплинарныхъ частяхъ, отмѣтимъ въ заключеніе, что этимъ Положеніемъ законодатель, такимъ образомъ, стремился къ двоякой цѣли: 1) усилить исправительное значеніе дисциплинарныхъ частей, т.-е. пріучить заключенныхъ подчинять свою волю требованіямъ дисциплины, установленной въ войскахъ и 2) поднять строевое образованіе заключенныхъ, съ цѣлью пріученія ихъ къ обязанностямъ строевой службы; карательное значеніе дисциплинарныхъ батальоновъ, съ отмѣною обязательнаго одиночнаго заключенія въ теченіе первыхъ 2 недѣль всѣхъ вновь поступающихъ заключенныхъ, было даже ослаблено.

ВОЕННО-КАТОРЖНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Что-же касается другихъ видовъ наказанія военно-служащихъ лишеніемъ свободы, то изъ нихъ намъ остается лишь упомянуть о судьбѣ военно-каторжнаго отдѣленія. 11 іюня 1884 г. [1]) было отмѣ-

[1]) П. С. З., т. V, № 3.046.

нено установленное Уложеніемъ о наказаніи подраздѣленіе каторжныхъ работъ на рудничныя, крѣпостныя и работы на заводахъ; съ этихъ поръ дѣленіе каторжныхъ на разряды установлено было по продолжительности сроковъ наказанія, а именно: I-й разрядъ составляли осужденные на срокъ отъ 12 до 20 лѣтъ и безъ срока, II-ой—отъ 8 до 12 лѣтъ и III-й—отъ 4 до 8 лѣтъ; изъ нихъ только арестанты I разряда назначались въ подземныя работы (добываніе руды).

Съ отмѣною подраздѣленія каторжныхъ на крѣпостныя и другія, уже окончательно утратило свое значеніе и Усть-Каменногорское временное военно-каторжное отдѣленіе, въ которомъ въ 1889 году состояло всего 208 арестантовъ, а военныхъ изъ нихъ лишь 13 человѣкъ. Вотъ почему 12 марта 1890 года [1]) послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ упраздненіи этого отдѣленія и обращеніе его въ Усть-Каменногорскую каторжную тюрьму гражданскаго вѣдомства.

УЧРЕЖДЕНІЕ КОНВОЙНОЙ СТРАЖИ.

Завершилась въ царствованіе Императора Александра III и реформа пересыльной части, созданіемъ отдѣльной конвойной стражи.

20 января 1886 года [2]) Высочайше повелѣно было въ теченіе 1886 года учредить 567 конвойныхъ командъ, со включеніемъ в составъ ихъ уже существовавшихъ тогда командъ, а мѣстныя войска освободить отъ обязанности сопровождать арестантовъ. Все дѣло преобразованія было возложено на военнаго министра, а на расходы ассигновано было единовременно 182.073 руб. 41 коп., да на содержаніе конвойныхъ командъ ежегодно, начиная съ 1 января 1886 г., повелѣно было отпускать по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ 1.571.238 р. 10 к. ежегодно. Министрамъ военному и внутреннихъ дѣлъ предоставлено было, по взаимному соглашенію: а) распредѣлять чиновъ конвойной стражи между отдѣльными командами и назначать пункты постояннаго расположенія командъ и б) издавать подробныя правила относительно порядка несенія конвойной службы.

Вновь сформированная конвойная стража была подчинена дѣйствію правилъ, установленныхъ для существовавшихъ уже въ то время конвойныхъ командъ и на обязанность конвойной стражи было возложено: 1) сопровожденіе арестантовъ всѣхъ категорій, пересылаемыхъ этапнымъ порядкомъ по трактамъ Европейской Россіи (за исключеніемъ Финляндіи и Кавказа) и по главному ссыльному Сибирскому тракту; 2) сопровожденіе

[1]) П. С. З., т. X, № 6.629.

[2]) 3 П. С. З., т. VI, № 3.465. Прик. по в. в. 1886 г., № 110 и № 278.

арестантовъ гражданскаго вѣдомства на внѣшнія работы и въ присутственныя мѣста; 3) содѣйствіе тюремному начальству при производствѣ внезапныхъ обысковъ и подавленіи безпорядковъ въ мѣстахъ заключенія и 4) наружная охрана тюремъ тамъ, гдѣ будетъ признано необходимымъ.

Въ исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія министрами военнымъ и внутреннихъ дѣлъ былъ представленъ на утвержденіе и 4 ноября 1886 года [1]) Высочайше утвержденъ проектъ преобразованія конвойныхъ командъ, по которому комплектованіе конвойныхъ командъ установлено было на общемъ съ другими войсками основаніи; обыкновенная же убыль пополнялась прикомандированіемъ и переводомъ нижнихъ чиновъ по распоряженіямъ Главнаго Инспектора пересылки арестантовъ.

Для завѣдыванія конвойными командами назначены были особые «начальники» изъ штабъ и оберъ-офицеровъ съ правами командира отдѣльнаго батальона, а неимѣющія своихъ отдѣльныхъ начальниковъ изъ офицеровъ конвойныя команды были подчинены непосредственно вѣдѣнію уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ, а гдѣ ихъ нѣтъ—начальниковъ мѣстныхъ командъ, расположенныхъ въ однихъ пунктахъ съ конвойными командами. Въ дальнѣйшемъ порядкѣ всѣ конвойныя команды подчинены были уѣзднымъ воинскимъ начальникамъ, какъ начальникамъ гарнизона или комендантамъ, и начальникамъ мѣстныхъ бригадъ или губернскимъ воинскимъ начальникамъ (нынѣ уже упраздненнымъ).

Офицеры конвойныхъ командъ отнесены были къ категоріи офицеровъ, занимающихъ нестроевыя должности (административныя), и зачислялись, при переводѣ въ названныя команды, по армейской пѣхотѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе подробно были разъяснены обязанности конвойныхъ командъ, а именно: служба ихъ состояла въ конвоированіи арестантовъ всѣхъ вѣдомствъ и категорій и лицъ, пересылаемыхъ этапнымъ порядкомъ, по искусственнымъ путямъ сообщенія, по главному ссыльному Сибирскому тракту и по всѣмъ этапнымъ трактамъ Европейской Россіи, за исключеніемъ Финляндіи и Кавказа, а также при слѣдованіи ихъ отъ мѣстъ заключенія гражданскаго вѣдомства къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ, къ пароходнымъ пристанямъ и обратно. Также болѣе подробно были опредѣлены и прочія обязанности конвойныхъ командъ, возложенныя на нихъ Высочайшимъ повелѣніемъ 20 января 1886 года.

Для наглядная отличія конвойныхъ командъ отъ полевыхъ и мѣстныхъ войскъ, имъ присвоена была особая форма обмундированія; такая-же форма установлена была и для инспекторовъ пересылки арестантовъ и тѣмъ изъ дѣлопроизводителей канцеляріи Главнаго Инспектора по пересылкѣ и начальникамъ мѣстъ заключенія гражданскаго вѣдомства и ихъ помощникамъ, которые состояли въ военныхъ чинахъ.

Должности старшаго и одного изъ младшихъ дѣлопроизводителей Главнаго Инспектора пересылки арестантовъ отнесены были къ числу должностей министерства внутреннихъ дѣлъ, занимаемыхъ военными чинами. Начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія, по отношенію ко всѣмъ чинамъ конвойной стражи и лицамъ, участвующимъ въ ея управленіи, лишь по части службы означенныхъ чиновъ и лицъ при арестантахъ гражданскаго вѣдомства и при томъ только при личной инспекціи этой службы, — поставленъ былъ въ положеніе начальника, съ предоставленіемъ ему, въ отношеніи собственно наблюденія за исполненіемъ чинами конвойныхъ командъ лежащихъ на нихъ обязанностей, правъ командира неотдѣльнаго корпуса.

---

[1]) З П. С. З., т. VI, № 3.989.

В. Эпоха Императора Николая II.

ГЛАВА VIII.

ОБЩЕЕ ВНАЧЕНІЕ ЭПОХИ.

СОВРЕМЕННАЯ намъ эпоха нынѣ царствующаго Императора Николая II, въ отношеніи историческаго развитія военно-карательныхъ учрежденій, разсматривается нами за столь короткій періодъ времени, захваченный первымъ вѣкомъ дѣятельности военнаго министерства (до 1902 года), что охарактеризовать эту эпоху, хоть сколько-нибудь опредѣленно, не представляется возможнымъ. — Это періодъ практическаго испытанія военно-тюремной системы, установившейся окончательно въ царствованіе Императора Александра III.

НѢКОТОРЫЯ ЧАСТИЧНЫЯ ИЗМѢНЕНІЯ.

Если въ эти немногіе годы, протекшіе со времени послѣдняго пересмотра законоположеній, составившихъ XVII томъ С. В. П., и произошли перемѣны, то лишь самыя несущественныя, частныя, обусловленныя, болѣе всего, временными обстоятельствами.

Такъ, напримѣръ: 12 ноября 1899 года [1]) внесены были незначительныя исправленія въ порядкѣ комплектованія кадроваго состава дисциплинарныхъ частей, съ цѣлью удержанія въ нихъ наиболѣе опытныхъ сверхсрочнослужащихъ; 17 января 1900 г. [2]) учреждена была въ г. Оренбургѣ дисциплинарная команда на 30 заключенныхъ, при чемъ постоянный ея

---

[1]) П. С. З., т. XIX, № 17.738.
[2]) П. С. З., т. XX, № 18.008.

составъ былъ опредѣленъ изъ 2 оберъ-офицеровъ, изъ которыхъ одинъ назначался начальникомъ команды, а также изъ 1 фельдфебеля, 4-хъ унтеръ-офицеровъ, писаря и горниста.

Болѣе значительное развитіе получила за это время пересыльная часть—конвойная стража, организація которой распространена была и на Азіатскую Россію [1]). 12 марта 1896 г. [2]) былъ установленъ порядокъ препровожденія арестованныхъ отставныхъ и состоящихъ въ запасѣ офицеровъ, не лишенныхъ судомъ этого званія; они должны пересылаться по всѣмъ путямъ сообщенія отдѣльно отъ прочихъ арестантовъ, но въ сопровожденіи чиновъ той-же стражи, которая препровождаетъ прочихъ арестантовъ, съ тѣмъ, чтобы по желѣзнымъ дорогамъ они перевозились въ пассажирскихъ вагонахъ 3-го класса, а на пароходахъ—въ пассажирскихъ помѣщеніяхъ низшаго класса, по «предложеніямъ», существующимъ для поголовной перевозки арестантовъ; по тѣмъ желѣзнымъ дорогамъ, по которымъ арестанты перевозятся только въ арестантскихъ вагонахъ,—по «предложеніямъ», установленнымъ для перевозки воинскихъ чиновъ. Затѣмъ по улицамъ, между тюрьмами и вокзалами и пароходными пристанями—ихъ надлежитъ перевозить на городскихъ легковыхъ извозчикахъ.

Такимъ образомъ Высочайше утвержденныя 24 марта 1877 г. [3]) правила получили необходимое развитіе.

ЗАМѢНА ССЫЛКИ ДЛЯ ВОЕННО-СЛУЖАЩИХЪ.

Изъ болѣе широкихъ преобразованій нынѣшняго царствованія, коснувшихся наказаній лишеніемъ свободы, важнѣйшимъ, безспорно, представляется отмѣна ссылки въ Сибирь и замѣна этого наказанія другими видами лишенія свободы. Высочайшимъ повелѣніемъ 18 января 1902 года [4]) указана была замѣна ссылки и для воинскихъ чиновъ за воинскія и общія преступленія: для офицеровъ, гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства и для нижнихъ чиновъ ссылка на поселеніе въ Сибирь замѣнялась: 1) либо ссылкою на поселеніе въ мѣстностяхъ, къ тому предназначенныхъ, съ лишеніемъ осужденнаго всѣхъ правъ состоянія, 2) либо, по усмотрѣнію суда, отдачей въ исправительныя арестантскія отдѣленія гражданскаго вѣдомства съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію осужденнаго ему присвоен-

[1]) П. С. З., т. XVII, № 13.728.
[2]) П. С. З., т. XVI, № 12.630.
[3]) Приказъ по в. в., № 116.
[4]) П. С. З., т. XXII, № 20.987.

ныхъ правъ и преимуществъ, 3) либо заключеніемъ въ крѣпости съ потерею лишь нѣкоторыхъ особенныхъ, лично и по состоянію осужденнаго присвоенныхъ ему или службою пріобрѣтенныхъ, правъ и преимуществъ, и съ исключеніемъ при этомъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства изъ службы съ лишеніемъ чиновъ; ссылка на житье въ Сибирь замѣнялась: 1) либо отдачею въ исправительныя арестантскія отдѣленія съ соотвѣтствующими праволишеніями и послѣдствіями, 2) либо, по усмотрѣнію суда, для офицеровъ и чиновниковъ военнаго вѣдомства—заключеніемъ въ крѣпости, съ исключеніемъ изъ службы и потерею нѣкоторыхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ осужденному или службою пріобрѣтенныхъ, правъ и преимуществъ, а для нижнихъ чиновъ—отдачею въ дисциплинарные батальоны или роты, съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ, лично и по состоянію или званію осужденнаго присвоенныхъ или службою пріобрѣтенныхъ, правъ и преимуществъ; наконецъ, ссылка на житье въ губерніи несибирскія замѣнялась заключеніемъ въ тюрьмѣ гражданскаго вѣдомства, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЯ МѢРЫ КЪ ПЕРЕСМОТРУ ВОЕННО-ТЮРЕМНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Долголѣтнее испытаніе на практикѣ нашей военно-тюремной системы съ достаточной яркостью показало всѣ ея положительныя и отрицательныя стороны. Въ войсковой средѣ успѣлъ уже создаться вполнѣ твердый взглядъ на наказаніе лишеніемъ свободы, по установленной въ военномъ вѣдомствѣ системѣ. Стали раздаваться и въ военной прессѣ болѣе смѣлые критикующіе голоса; назрѣвалъ вопросъ о необходимости пересмотра Положеній о дисциплинарныхъ батальонахъ и военныхъ тюрьмахъ (кн. XVII С. В. П., 1869 г., изд. 2). Военный министръ, генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, поручилъ Главному Военно-Судному Управленію озаботиться собраніемъ всѣхъ матеріаловъ, касающихся, главнымъ образомъ, военныхъ тюремъ и дисциплинарныхъ частей. Послѣ необходимыхъ подготовительныхъ работъ, по распоряженію военнаго министра, былъ командированъ полковникъ, нынѣ генералъ-лейтенантъ, Макаренко для ознакомленія на мѣстѣ съ фактическимъ состояніемъ Бобруйскаго дисциплинарнаго батальона и Московской военной тюрьмы, какъ военно-карательныхъ учрежденій, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ, на основаніи этого опыта, выработана была программа самаго обстоятельнаго фактическаго изученія военно-тюрем-

наго дѣла у насъ и за границей. Въ январѣ 1902 г. полковникъ Макаренко представилъ подробный отчетъ о своей командировкѣ. Военный министръ поручилъ Главному Военно-Судному Управленію выработать общую инструкцію для подобнаго-же ознакомленія съ остальными нашими и заграничными военно-тюремными заведеніями, а затѣмъ для этой послѣдней цѣли командированы были, кромѣ полковника Макаренко, чины Военно-Судебнаго Вѣдомства: полковникъ Цеге-фонъ-Мантейфель, полковникъ, нынѣ ген.-маіоръ, Аффанасовичъ и полковникъ, нынѣ ген.-маіоръ, Добровольскій. Полковнику Макаренко поручено было изучить положеніе военно-тюремной части у насъ въ Россіи, полковнику Цеге-фонъ-Мантейфелю—въ Германіи и Австріи, полковнику Аффанасовичу — въ Англіи, а полковнику Добровольскому—во Франціи и Бельгіи.

По возвращеніи изъ командировки означенныя лица представили подробные отчеты, изъ которыхъ и былъ составленъ одинъ общій, систематизированный докладъ, отпечатанный въ 1904 году подъ заглавіемъ: «Военно-тюремныя заведенія въ Россіи и за границей».

На этомъ и заканчивается настоящій историческій очеркъ, пріуроченный къ столѣтію Военнаго Министерства.

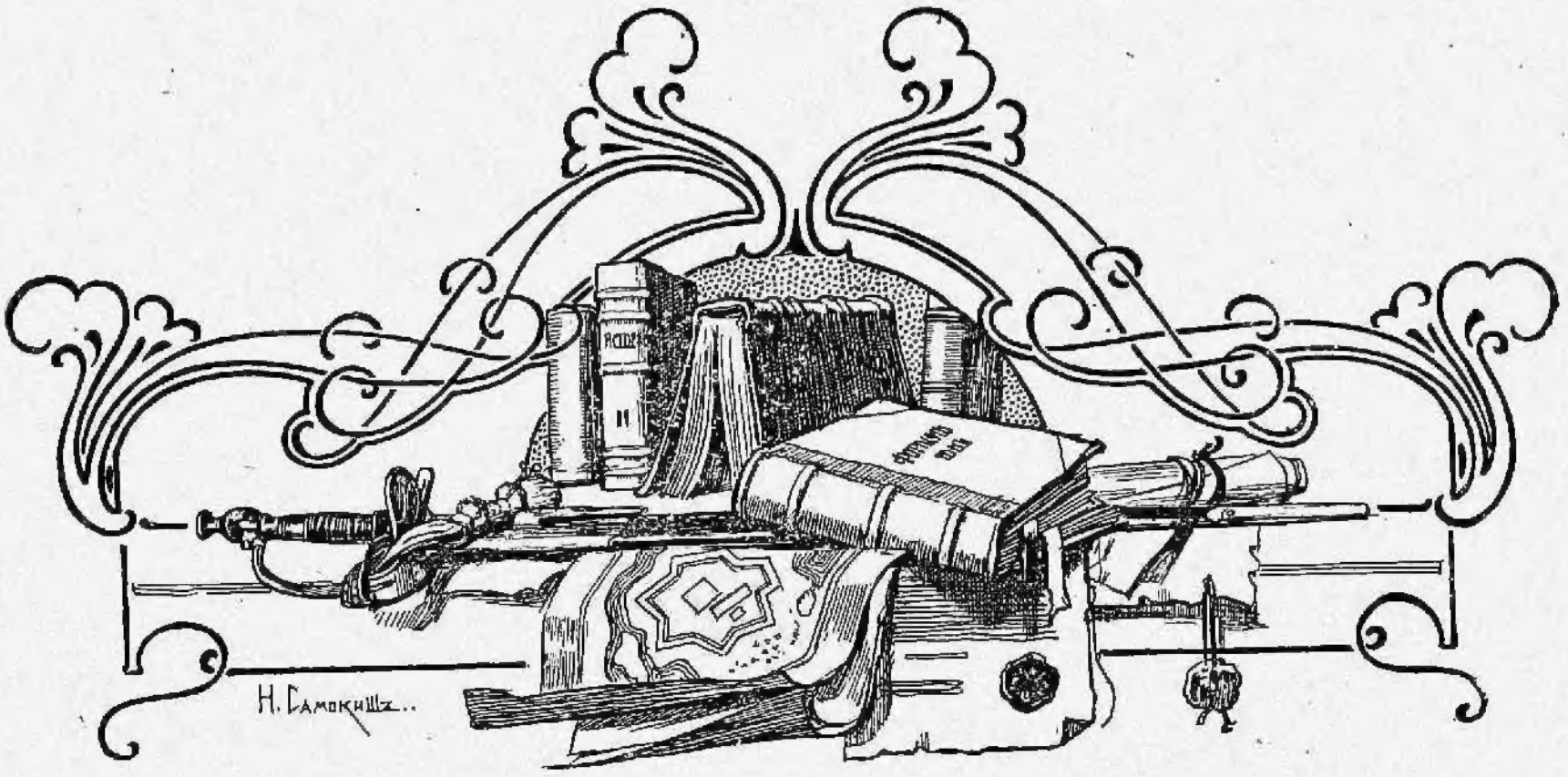
ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Такимъ образомъ, начиная съ XVII вѣка, постепенно создавалась современная намъ система военно-карательныхъ учрежденій въ Россіи. Несознаваемая еще въ періодъ, когда у насъ не существовало постоянной регулярной арміи, необходимость въ особыхъ воинскихъ наказаніяхъ дала себя фактически почувствовать, какъ только вооруженныя силы Россіи начали сорганизовываться въ особый государственный институтъ. Едва опредѣлились наши армія и флотъ, какъ уже создается особый военно-правовой порядокъ, нормирующійся спеціально военнымъ законодательствомъ. Корпоративное военное устройство обусловило необходимость различнаго рода изъятій и исключеній для военно-служащихъ, что, въ свою очередь, привело къ установленію спеціально воинскихъ наказаній, отличныхъ по цѣли своей отъ общихъ. Со времени Петра Великаго начинается это обособленіе: появляется военный судъ и военно-карательныя учрежденія. Въ то же время трудовая госу-

дарственная политика выдвигаетъ на первое мѣсто экономическіе государственные интересы, удерживая на долгое время утилитарный взглядъ на цѣль наказанія. Отсюда и лишеніе свободы, какъ воинское наказаніе, выливается въ форму крѣпостной и каторжной работы при Петрѣ, военно-рабочей организаціи при Императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I и, наконецъ, приводитъ къ созданію въ XIX вѣкѣ арестантскихъ ротъ, первоначально инженернаго вѣдомства, а затѣмъ и крѣпостныхъ. Одновременно при Николаѣ I, на ряду съ развитіемъ военной подсудности, получаетъ широкое примѣненіе отдача, въ видѣ наказанія, въ солдаты; облегчая временно рекрутскую повинность, такой способъ комплектованія арміи вызываетъ затѣмъ необходимость очистить армію отъ порочныхъ людей; отсюда создаются уже особыя военно-карательныя учрежденія по типу войсковыхъ частей: исправительные батальоны и особыя войсковыя исправительныя отдѣленія при батальонахъ внутренней стражи и линейныхъ. Съ этихъ поръ военно-карательныя учрежденія начинаютъ постепенно обособляться. Навѣянныя съ Запада новыя воззрѣнія на цѣль наказанія заставляютъ постепенно отказываться отъ утилитарной уголовной политики и переходить къ пенитенціарной, исправительной системѣ. Военно-арестантскія роты смѣняются военно-исправительными; создаются военныя тюрьмы, особыя мѣста заключенія военнаго вѣдомства, пока, наконецъ, общеобязательная воинская повинность не заставила правительство выдвинуть въ военно-уголовной области на первое мѣсто спеціальную цѣль воинскаго наказанія: пріученіе солдата къ требованіямъ военной службы и воинской дисциплины. Основнымъ типомъ военно-карательныхъ учрежденій становится съ этихъ поръ дисциплинарная часть и, если еще наблюдаются колебанія, то лишь въ томъ—какому изъ двухъ принциповъ придать главенствующее значеніе въ военно-тюремныхъ заведеніяхъ: принципу ли карательному или дисциплинарному.—Военно-карательная система, однако, еще не получаетъ вполнѣ обособленной и законченной формы, такъ какъ въ порядкѣ высшаго управленія организація ея не представляется еще достаточно устойчивой. Это дѣло ближайшаго будущаго.

На ряду съ развитіемъ воинскаго наказанія лишеніемъ свободы развивается и организація пересылки арестантовъ. Отъ тяжелыхъ мытарствъ къ мѣсту ссылки попа Аввакума, медленно двигаясь по

этапному пути, организація пересыльной части завершается, наконецъ, къ концу XIX вѣка созданіемъ конвойной стражи и перевозкою арестантовъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ по водянымъ путямъ сообщенія; на ряду съ этимъ устанавливается особый способъ пересылки военныхъ арестантовъ, съ цѣлью гарантировать ихъ, по возможности, отъ тлетворнаго вліянія совмѣстнаго этапнаго пути съ завѣдомо порочными общеуголовными преступниками. — Такова въ общихъ чертахъ исторія военно-карательныхъ учрежденій, изложенная въ нашемъ очеркѣ.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе: предметъ и задачи очерка 1

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Глава I. Лишеніе свободы по памятникамъ русскаго права въ XVII вѣкѣ. 9

» II. Московскія тюрьмы въ XVII вѣкѣ, ссылка и препровожденіе ссыльныхъ 23

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Глава III. Лишеніе свободы по законамъ Петра I 35

» IV. Виды лишенія свободы въ эту эпоху. 44

» V. Ссылка и каторга при Петрѣ I. 67

» VI. Арестъ въ XVIII вѣкѣ; начало обособленія военно-карательныхъ органовъ; мѣста заключенія въ XVIII вѣкѣ; крѣпостныя работы, ссылка, каторга въ XVIII вѣкѣ; лишеніе свободы въ Царствованіе Императора Павла I. 105

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Глава I. Военно-карательная система въ Царствованіе Императора Александра I; военно-рабочая организація 145

» II. Крѣпостныя работы и крѣпостныя арестантскія роты . 166

Стр.

Глава III. Тюремное заключеніе; бытъ и положеніе военныхъ арестантовъ; пенитенціарная система 183

» IV. Ссылка, каторга; особенности въ отношеніе военно-служащихъ 206

» V. Пересылка арестантовъ; учрежденіе внутренней стражи; этапная организація; пересылка военныхъ арестантовъ. 227

» VI. Личный арестъ въ Царствованіе Императора Александра I. 248

» VII. Военно-уголовное законодательство и система наказаній въ Царствованіе Императора Николая I; тѣлесныя наказанія; военная подсудность 253

» VIII. Отдача въ солдаты въ видѣ наказанія; предположеніе о созданіи исправительныхъ арестантскихъ и рабочихъ ротъ; исправительные батальоны; Омское каторжное отдѣленіе; особыя исправительныя отдѣленія въ войскахъ 265

» IX. Общія мѣста заключенія и содержаніе въ нихъ военнослужащихъ; тюремная реформа; мѣста заключенія военнаго вѣдомства: заточеніе, заключеніе въ крѣпости; крѣпостные арестанты; порядокъ управленія . 287

» X. Военно-рабочія роты; морскія арестантскія роты; арестантскія роты гражд. вѣдомства; реорганизація арестантскихъ ротъ военнаго вѣдомства; крѣпостныя арестантскія роты военнаго вѣдомства; бытъ военныхъ арестантовъ 306

» XI. Ссылка; рабочія поселенческія роты; каторжныя работы; бытъ военно-каторжныхъ 334

» XII. Дальнѣйшее развитіе этапной системы 358

» XIII. Военно-уголовное законодательство въ Царствованіе Императора Александра II; система воинскихъ наказаній лишеніемъ свободы; дисциплинарный уставъ . . 372

» XIV. Личный арестъ; мѣста заключенія военнаго вѣдомства по проекту сен. Капгера; арестъ, какъ мѣра пресѣченія; дисциплинарный арестъ; судебныя тюрьмы, военныя тюрьмы; дисциплинарныя мѣста заключенія; упраздненіе ордонансъ-гаузовъ; личный арестъ за долги 382

» XV. Отмѣна отдачи преступниковъ въ войска; упраздненіе исправительныхъ отдѣленій въ войскахъ; рабочія

Стр.

бригады изъ штрафованныхъ; первая идея образованія дисциплинарныхъ войсковыхъ частей. . . . 410

Глава XVI. Упраздненіе арестантскихъ ротъ морского и инженернаго вѣдомства и военно-рабочихъ ротъ; проектъ комитета по преобразованію военно-арестантскихъ ротъ; временныя мѣры; временныя правила 1864 г . . . 426

» XVII. Военно-исправительная тюрьма морского вѣдомства; правила 15 мая 1867 г.; военная тюрьма 446

» XVIII. Военно-исправительныя роты 458

» XIX. Заключеніе и заточеніе въ крѣпости въ XIX вѣкѣ . . 484

» XX. Ссылка по закону 1859 г.; поселенческая рота; ссылка, какъ воинское наказаніе; проектъ о крѣпостныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ; Положеніе 1867 г. о крѣпостныхъ военно арестантскихъ отдѣленіяхъ; каторжныя работы по закону 1859 г.; проектъ Капгера; Тобольское военно-каторжное отдѣленіе 492

» XXI. Реформированіе системы пересылки арестантовъ . . . 515

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Глава I. Отмѣна отдачи преступниковъ въ военную службу; военно-уголовное законодательство ьо второй половинѣ Царствованія Императора Александра II; система наказаній лишеніемъ свободы 529

» II. Окончательное обособленіе военно-карательныхъ учрежденій; преобразованіе общей тюремной системы; постепенное осуществленіе реформы 16 мая 1867 г.; замѣна военно-тюремнаго заключенія; временныя тюремныя отдѣленія и военныя тюрьмы. 534

» III. Военно-исправительныя роты, отрицательныя черты ихъ организаціи; реформированіе этихъ ротъ; проектъ учрежденія дисциплинарныхъ частей; временныя правила, мѣры къ уменьшенію числа заключенныхъ; упраздненіе военно-исправительныхъ ротъ 541

» IV. Дисциплинарные батальоны и роты 553

» V. Заключеніе, заточеніе въ крѣпости и военная каторга . 558

» VI. Дальнѣйшее развитіе этапной системы; положеніе о перевозкѣ арестантовъ 1877 года; пересылка военныхъ

572 12.

Стр.

арестантовъ; этапная служба въ военное время; конвойныя команды въ Сибири 561

Глава VII. Военно-карательная система въ Царствованіе Императора Александра III: дисциплинарный уставъ 1888 г.; Положеніе 1883 г. о военныхъ тюрьмахъ; упраздненіе Главнаго Военно-Тюремнаго Комитета; дисциплинарныя части и положеніе о нихъ 1892 года; учрежденіе конвойной стражи 566

» VIII. Развитіе военно-тюремной системы въ Царствованіе Императора Николая II; заключеніе 578

Гос. Публичная Библиотека Ленинград

II 52